

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

УЧЕБНИК ИСТОРИИ

СОБЫТИЯ, ПРОИСШЕДШИЕ
ОТ СМЕРТИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО
ДО ПРЕСТАВЛЕНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО
ЦАРЯ ВЛАДИМИРА МАНОМАХА

ИСПОЛЬЗОВАНЫ ТЕКСТЫ
ЛИЦЕВОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА 16 ВЕКА
(БЕЗ ИЗЪЯТИЙ И РЕДАКЦИИ)

В лѣто 2022 ѿ Въплъщениа Гда нашего Іса Хѣ,
а ѿ Адама въ лѣто 7522

Земная жизнь Иисуса Христа

...и умер Александр (Македонский).

И потом царствовали 4 раба его. И приял Македонию Арридей, брат Александров, который Филиппом нарекся, и он царствовал в Македонии. Антипатр же в Европе царствовал; в Египте же Птолемей Заячиц; а Финикией, частью Киликии и Сирией правил Селевк.

Киликией же — Филот, Азией — Антигон, Карией же — Кассандр, Геллеспontoю же — Олеона, Пафлагонией же — Евмений, Фалкисией же — Лисимах; и сии правители, не переставая, друг на друга восставали.

Хузифа же, или Олимпиада, мать Александрова, в свою отчину отошла, в землю Мирскую.

А Виз, сотворивший город Византию, послал через море к Фолу, царю Мирскому, Германика, своего старейшего воеводу, помириться с ним; написал же ему и о Хузифе, матери Александровой, желая взять ее в жены и царствовать с ней.

И приял же Фол книги от Германика, и осмотрел посланные им дары, и рад был.

Собрал же Фол со всей Эфиопии Индейской жителей земли Мирской 4000 и пошел, ведя с собой дочь.

Встретил же его Виз на море, и приял его в городе Халкидоне с великою любовью, и дары многие дал пришедшим с ним. И вошел Фол в город Византию, и, многие дары прияв, возвеселился.

И взял за себя царь Виз Хузифу, или Олимпиаду, дочь Фола, царя Эфиопского, жену Филиппа царя, мать Александрову. И родилась у Виза с Хузифой дочь, и нарек он ее именем Византия.

И взял за себя Византию Ромун Ермилай, царь Римский, и любить стал ее очень из-за красоты ее, — был же и сам хорош и доброумен, — и в вено дал ей Рим; и того ради боляре римские гневались на него. Родила же Византия та трех сыновей: первого прозвала Ермилаем, именем отца, второго же — Урваном, третьего же — Клавдием.

И царствовал Ермилай в Риме, вместо отца своего Ромуна, а Урван царствовал в Византии, городе матери.

Клавдий же царствовал в Александрии; он владел племенем и внуками Хузифы, или Олимпиады, дочери Фола, царя Эфиопского, а восточные же земли — Македония, Эллада и Рим, царство же Эллинское, или Греческое, происходит от племени земли Мирской, то есть от того же царства Эфиопского. Эфиопия варит рука ея к Богу в последняя дни, по пророческой речи. Ибо проразумел блаженный Давид духовным разумом, что от Хузифы, то есть от Олимпиады, дочери Фола, произойдут цари Греческие; и проповедал Давид, и говорил, что эфиопская рука варит к Богу. Некоторые же говорили, что сие об Эфиопском царе сказано было святым Давидом. Но лгут те, которые так говорят, потому что воздвигнется царство то, которое обретет Великое и Честное Древо Святого и Честного Креста, почтенного посреде земли. Поэтому так и сказал святой отец Давид, что есть Эфиопия и рука ее варит к Богу, ибо нет народа или царства под небом, которое бы могло одолеть царство Греческое. Ведь защита у Греческого царства есть, на которой все концы вселенной твердо обозначены, от востока до запада, от юга до севера; и никакая же сила не возможет греков победить, пока заступается за них Крест Честный. Мы же снова к тому, что раньше отложили, возвратимся.

1-е царствование в Египте

После кончины Александровой 57 лет. Египтом же всем и Ливией поручил Александр владеть и царствовать Птолемею Заячицу; так его и прозывали сын Лага, был он звездочет и царствовал 42 года.

Царствование 2-е в Египте. Царствовал же сын первого Птолемя, Птолемей Братолюбец. В царствование же того Птолемя переведены были книги иудейские на греческий язык; переводили 72 мудреца, за семьдесят два дня. Были же книги написаны по-еврейски, и захотелось самому тому Птолемею на греческом языке силу книг разуметь.

Царствование 3-е в Египте. После царствования того Птолемя царствовал 3-й Птолемей, Филадельф Добродетельный, 47 лет, при котором Исус, сын Сираха, известен был.

Царствование 4-е в Египте. Потом царствовал 4-й Птолемей, Еурегитис Отчелюбец, 25 лет, при котором еврейский народ, плененный, пошел в Египет. И повелел Птолемей своим вельможам слонов 500 приготовить и напоить их ливаном, чтобы, упившись, слоны иудеев убили.

Иудеи же помолились, и слоны на своих же воинов и на людей устремились, и много народу из державших на иудеев ярость погубили; и так преславно иудеи спасены были, и невредимы пошли восвояси.

Царствование 5-е в Египте. Потом царствовал 5-й Птолемей, Филопатор Возрачный, 17 лет. Царствование 6-е в Египте. Потом царствовал 6-й Птолемей, Елифан Матеролюбец, 25 лет. Царствование 7-е в Египте. Потом царствовал 7-й Птолемей, Филометор Добродетельный, 11 лет. Царствование 8-е в Египте. Потом царствовал 8-й Птолемей, нареченный Спасителем.

Царствование 9-е в Египте. Потом царствовал 9-й Птолемей, Александр. Царствование 10-е в Египте. Потом царствовал 10-й Птолемей, брат его. Царствовали сии 3 Птолемея 20 лет. Царствование 11-е в Египте. Потом царствовал 11-й Птолемей, по имени Дионисий, 29 лет; и была у него дочь Клеопатра и сын по имени Птолемей. Царствование 12-е в Египте.

После Диониса же царствовал сын его Птолемей, 13 лет.

Царствование 13-е в Египте. И потом царствовала дочь того Диониса, по имени Клеопатра, 29 лет. Всего же царствовало 20 Птолемеев македонцев над Египетской страной всей: от Птолемея, сына Лага, до Клеопатры, дочери Диониса. Царствовали же Птолемеи 300 лет, до 15-го лета царствования Августа Кесаря Октавиана Себаста, который победил Антония и ту Клеопатру в стране Эпире на кораблях, в местности Левкада; и посек их Август, и покорил Египет весь, как о сем премудрый Евсевий Памфилийский и Павсаний Летописец написали.

Азией же Александр повелел владеть и царствовать Антигону, по прозванию Полиоркет, до Киликии и до реки Драконта, которую называют сейчас Оронт, и которая разделяет Киликийскую страну и Сирию, которая называется Тифон и Офитис. В Сирии же, и в Вавилоне, и в Палестине царствовали следующие: После кончины Александра царствовал в Азии Антигон, первый царь, а в Сирии, и в Вавилоне, и в Палестине был первым царем Селевк Никатор. И убил Антигона и царствовал в Азии. Антигон же построил город возле озера и реки Драконта, и прозвал город именем своим — Антигония. И одолел Антигона Селевк и принял Азию всю, и все богатство, и все царство Антигона того.

Селевк поручил военачальникам все управление в Азии: Никомеду и Никанору, родственникам своим, из Дидима, чадам брата, и Антиоху, прозванному Сотером, сыну того Селевка.

Сей же Селевк Никатор взял жену из Парфии, именем Апаму; взял он девицу, убив отца ее; была же она обручена с военачальником парфянским великим. От сей Апамы родил Селевк дочери две: Апаму и Лаодику; и умерла жена Селевка, Апама Парфянская.

И взял Селевк другую себе жену, именем Стратонику, была она девицей прекрасной и дочерью Деметрия, сына Антигона, по прозванию

Полиоркета, который был убит Селевком. Сию девицу Селевк обрел в городе Росо, она скрывалась там с Деметрием, отцом своим; а город Росо создал Килис, сын Гиноров. Селевк родил дочь от Стратоники той, именем Филадельфия. И царствовал сей Селевк в Сирии, и в Азии, и в Вавилоне, и в Палестине 43 года.

Никатор же Селевк сразу, как победил Антигона Полиоркета, стал создавать городов множество. Стал строить сначала при море Сирийском, и пришел к морю, и увидел, что на горе стоит город малый, который звали Палеополь, и который же создал Сирос, сын Агеноров.

Месяца же ксантика, то есть апреля, в 23-й день взошел Селевк на гору, которую называли Касион, принести жертву Диосу Касийскому. И принес жертву, и отрезал мясо, и молил указать место, где создавать город. И внезапно орел взял с требника мясо и в Палеополь понес. Погнался же Селевк и бывшие с ним гадатели за орлом и обрели мясо поверженным при море ниже Палеополя у деревни Пиерии; и очертил Селевк место городу, и сразу положил ему основание, и нарек город своим именем — Селевкия.

И, помолившись, пошел в Иополис, и на третий день сотворил праздник в честь Диоса, и требник создал Персею, сыну Юпитера и Данаи, который же требник есть в горе Силипеоне, там, где находится Иополис. И создал Селевк Антиохию в честь сына своего Антиоха, по прозванию Сотер, и разрушил Антигонию до основания, и перенес все потребное из сего города по воде; город же сотворен был Киликом, сыном Агеноровым.

Селевк же, после разрушения города Антигонии, переселил афинян в большой город Антиохию, которую же сам создал; переселил туда и живущих в Антигонии, которую основал Антигон с Деметрием, сыном его; переселил и других македонцев, всего мужей 5300. И сотворил Селевк в Антиохии городе идола страшного из меди. И афинян ради, так как не почитали афиняне идола, привел же Селевк судей из Акрополя. Сих судей оставил Касос, сын Анаха царя, выше жить. А сей царь Касос переселился в Антиохию из Кипра, поскольку он взял в жены Амукию Кунтинину, дочь царя Саламина Кипрского, и пришел к ней на Кипр, и в крепости городской поселился. Из-за Амукии была наречена страна та Амуки. Привел же Селевк агриев и онегов из Иополиса города в Антиохию; повелел же и месяцы сирийские по-македонски называть. Оказалось же, что в той стране великаны жили; ибо на расстоянии двух поприщ от Антиохии есть место с телесами человеческими, обращенными в мрамор гневом Божиим, которые и теперь называют гигантами. Также есть Пагран некий; так именуют великана, в той земле жившего, рас-

трескавшегося от огня, так что можно уразуметь, что жители Антиохии Сирийской живут на земле гигантов.

Создал же Селевк и другой город в Сирии и назвал его Лаодикея, именем дочери своей Лаодики, а прежде называлось село Мавдан. Принеся жертву Диосу, создал же Селевк и еще один город, и назвал именем дочери своей Апамя — Апамия, а прежде называлось село Фарнакин.

Был же сей Селевк родом из Пелы, города македонского. Создал же и другие города в разных владениях и в персидских странах, числом 75, как о сем Павсаний написал. Города же нарекал Селевк своим именем и именами детей. Павсаний же написал, что Селевк именем отца своего нарек город Антиохию, поскольку Селевков отец Антиохом был. Никто же, создавая город, именем мертвого его не нарекает, ибо сие есть оскорбление, но нарекают именем живого. Так что город Антиохию Селевк назвал во имя сына своего Антиоха. И многое другое сей премудрый Павсаний написал с хитростью.

Тот же Селевк был и в Ираклиде, которая же ныне называется Дафни, и посадил кипарис. От Ираклия названа Ираклида, сей город у леса был создан, у храма Афины. И Аполлонов был требник, Дафнийский назывался, посреди леса; иже Раклис и бурную хитрость умысли первое. И умер сей Селевк в Геллеспонте, в 72 года, и погребен был в Селевкии Сирийской.

Царствование 2-е в Сирии

Потом царствовал Антиох, сын Селевка, по прозванию Сотир, 20 лет, нарекли его Спасителем. Сей же Антиох, полюбил мачеху свою, дочь Деметрия, и взял ее в жены, и с ней же родил двух сынов: Селевка, который малым умер, и Антиоха, которого нарекли Теос. И умер Антиох, сын Селевков.

Царствование 3-е в Сирии. После сего царствовал Антиох Теос, рожденный вне брака, и царствовал 15 лет. Царствование 4-е в Сирии. Потом царствовал сын Антиоха Теоса Селевк, он же Каллиник, сын Береники, и царствовал 24 года. Царствование 5-е в Сирии. Потом царствовал Александр Никатор 24 года. Царствование 6-е в Сирии. Потом царствовал после Александра Селевк Отчелюбец.

Царствование 7-е в Сирии. После Селевка же царствовал Деметрий из Селевкии. Царствование 8-е в Сирии. После Деметрия же царствовал Александр Валас. Царствование 9-е в Сирии. После Александра же царствовал Деметрий, он же Никатор. Царствование 10-е в Сирии. После Деметрия же царствовал Антиох.

Царствование 11-е в Сирии. После Антиоха же царствовал Трифон. Царствование 12-е в Сирии. После Трифона же царствовал Птолемей. Царствование 13-е в Сирии. После Птолеменя царствовал Антиох из города Сиде. Царствование 14-е в Сирии. После Антиоха же царствовал Деметрий. Сии 9 царей царствовали 66 лет.

Царствование 15-е в Сирии. Потом царствовал Антиох Грип 36 лет. Царствование 16-е в Сирии. Потом царствовал Селевк, сын Грипа, он же Филопатор, 10 лет.

Царствование 17-е в Сирии. Потом царствовал Антиох, по прозванию Епифан Никатор, 12 лет. В царствование же Антиоха недуг был смертельный, нежитовица, и многие умирали в городе Антиохии; и Харес некий велел мастерам на горе, которая была над городом, в камне изваять лице весьма великое, в венце, зрящее на город и держащее во устах трубу, и на том лице написал нечто, и остановил сыпной недуг смертельный. Сие же лице и доныне называют Харонион. Тот же царь Антиох создал и дом для собраний у города Антиохии, чтобы могли собираться все бояре с горожанами, и управители и совещаться о том, что следует выносить на рассмотрение самого царя. Создавал же царь Антиох и другое и нарекал именем своим.

Сей же Антиох царь воздвиг гнев на Птолеменя, царя Египетского, поскольку он взимал дань с родственных Антиоху иудеев.

Сии же иудеи пришли из Палестины в Антиохию и просили Антиоха написать послание к Птолеменю, к Египетскому наместнику, чтобы царь не взимал с них дани, поскольку из Египта иудеи приносили пшеницу для пищи себе, ибо голод великий был в Палестине, иудеи же в Египте покупали пшеницу.

Птолемей же, получив послание Антиохово, и дальше повелел также взимать с иудеев дань. И тотчас же Антиох с войском пришел на Птолеменя, поскольку тот не послушался послания его.

И сошлись войска Антиоха и Птолеменя, и пало множество многое воинов Антиоховых, и бежал он, и пришел в Лимит.

Сие же уведали бывшие в Иерусалиме иудеи и устроили праздник, радуясь радости Птолеменя, думая, что Антиох умер. Не случилось же то, что они думали, ибо Антиох, собрав множество воинов, внезапно напал на Птолеменя и убил его, и порубил множество воинов его. И, уведав, что делали иудеи из Иерусалима, как радовались победе над ним, Антиох вооружился на Иерусалим. Так возник корень греховный — Антиох Гордый, сын Селевка Филопатора; завладел он всеми бывшими тогда в Египте городами, и всех попленил.

О втором взятии Иерусалима

В святом же городе жили сообща; и один из святительского рода, Хоний, ненавидел лукавствие, благочестия же держался. И стали по всему городу вскоре, — и сие длилось 40 дней, — являться на воздухе на конях рыщущие, и во оружии, и в золотые одежды одетые; и войска со всех сторон были, и оружием бились, и золотом красовались, и блистали всяким видом, облаченные в броню. Сего ради все молились, чтобы к добру было это явление.

Явлено же было злое — пришествие Антиохово. Приказал же он, после победы mnogой, поскольку свирепую имел душу, и от многого безумия и гордения, взять город копием и погубить его. И повелел воинам без пощады рубить всех, кто в городе, и убито было 18 000 человек.

И дерзнул Антиох в святыню войти с гордынею великою, и поставил идол иудеям, капь мерзкую. И было запустение в церкви и осквернение нечистыми жертвами, и церковь Диоса нарек ее. И затем на высокое место пошел Антиох и сел, и воины его предстояли округ его во оружии, и повелел каждому из них, носящему копие, по одному жидовину взять и мясо свиное идоложертвенное заставлять их вкушать; если же кто не захочет из них скверну вкушать, тех томить и убивать повелел.

О Елеазаре

Среди множества схваченных был человек по имени Елеазар, старейшина книжечеев, муж уже престарелого возраста; и понуждали его скверну есть. Он же изволил лучше с доброславием смерть воспринять, нежели с ненавистью житие и сам к мучке пошел, и так, сначала много ран и язв получив, окончил свое житие. Своей смертью он не только юным, но и состарившимся пример добрый показал и память добрую оставил по себе. С ним и иные были 7 братьев: Авив, Антонин, Гурий, Елеазар, Евсевон, Самон, Маркел, с матерью Соломониною; они различные мучения приняли и страсотерпческими венцами увенчаны были. О них же Великий Григорий говорит: таким образом, восприяв иерейский чин, Божественный Елеазар научился сам и научил других Небесному, и не вменившим крови кроплением Израиля освятив, но своею кровию, и сотворил до последнего конца Таинство. Также и юные отроки не стали рабами наслаждения, но над грехами возобладали, и тело чистым сотворили, и к Безгрешной Жизни представились. Также и многочадная мать Соломонида украшена была сыновьями еще при жизни их и отошла с ними в покой, с теми, которых же родила в мире, и Богу их представила.

Удивился же Антиох сему чуду и опасался, чтобы не удивились и его воины мужественной добродетели мучеников, и тогда ярость их закончится, и не будут более биться истово и оставят его без помощи.

Так сей мучитель осрамился, и еще больше он разгневался, и сосуды святые взял, золота же и серебра взял бесчисленно много, и весь город попленил, и скотину в мясо сотворил, и многое убийство сотворил, и хвалился много, и отошел в Антиохию, и велий плач оставил сынам Израилевым.

Через два же года Антиох на персов войско собрал, и послал князя дань собрать с городов иерусалимских; и пришел со мноюю силою, и мирные говорил словеса, и с обманом в город Иерусалим вошел. И нанес Антиох городу вред великий, и разрушил стены городские, и весь город сжег и испроверг; и церковь же блудом и скверными жертвами наполнил; иудеев же, которые не хотели перейти в языческую веру и скверну вкусить, без пощады убивал. И так многих мужей, и жен, и детей, много и жестоко мучив, убил, а других пленил. И отошел Антиох, а князя оставил, чтобы мучил иудеев.

О Матфее и Иуде

Матфей же, некий иерей, имел сынов 5, из них же Иуда Маккавей был, который с яростью ополчился и восстал на князя, и убил его. И собрал Иуда всех близких своих, и пошел к нечистым идолам языческим, и сравнял их с землей, и жидов, преступивших закон, убил.

Антиох же с позором побежден был персами на их земле, и опять вооружаться стал, и от многого уныния разболелся, и сказал к вельможам своим: отступил сон от очей моих, и впал в печаль многую; и ныне вспомянул я зло, которое же сотворил в Иерусалиме, и уразумел, что того ради зла обрел я несчастье сие, и се погибаю в земле чужой. И повелел оруженосцу своему беспрестанно погонять лошадей, размахивая кнутом, и разумел ясно, что Вышним Судом дана ему мука сия. Терзала его беспрестанная боль в утробе, и испытывал он внутри лютые муки. И приключилось же Антиоху низпасть с колесницы, поскольку очень борзо его везли; и в злое падение он упал, и все телесные его члены ослабли. И тогда недуг до того дошел, что и черви завелись, и в болезнях великих плоть его разлагалась; и так смердело окаянное и скверное его тело, что всем воинам Антиоха тяжело было от смрада. И повелику много похвалявшийся и много зла сотворивший Антиох с позором безумное житие свое в чужой стране закончил. И здесь справедливо неправедный мучился и умирал же худо, и там еще больше мучим был.

Царствование 18-е в Сирии

После Антиоха же царствовал сын его, Антиох, по прозванию Евпатор. При нем Иуда Маккавей старейшину стражей Антиоховых победил.

И пришел Антиох к Иерусалиму, и было у него конников 20 000 и пехоты 100 000, а колесниц 300, а слонов, обученных для войны, 55. И распределил Антиох слонов по отрядам, и приставил к каждому слону 1000 мужей в броне, с одной цепью железной, и со шлемами медными на головах, и конников избранных 500, приставленных к каждому зверю.

И забрала деревянные на каждом звере были с мастерством искусным устроены; и на каждом слоне были мужи храбрые, во оружии, по 32 человека. Когда же воссияло солнце на золотые щиты и оружие, то заблестали горы от этого сияния, как светильники горящие. И тогда были в смятении все видящие сие, и слышащие голосов множество и скрипение колесниц, ибо был полк крепкий и велий весьма, и бесчисленное множество воинов было собрано, вооруженных для долгой брани.

Увидел Елеазар, брат Иуды, разъяренных слонов и стрельцов, которые на слонах были; одного же увидел слона самого высокого и в царскую броню облаченного, и подумал, что на нем царь, и выбежал из полка своего, и приблизился к противникам своим, и многих убил округ слона, и под него пробрался, и проколол снизу чрево слона; и упал зверь на Елеазара, и сразу сокрушил его.

Сие же Иуда видел. И он увидел, что одолевают в брани враги, и в Иерусалим бежал; и погнал его Антиох, и округ города встал.

Затем договор о мире с клятвою сотворили, и принял Иуда Антиоха внутри города. Антиох же вошел и клятву преступил, и стену городскую большую испроверг, и живущих в городе пленил, и в Антиохию возвратился.

В Антиохию же приведя пленных, мучил их Антиох много и уморил. И разогнал иудейских святителей, и церковь Соломона храмом Диоса Олимпийского прозвал, и осквернил его свиным мясом, и отлучал иудеев от веры отцов их, и в язычество муками понуждал их; и так мучал иудеев 3 лета.

Потом же Иуда, за три лета отеческую восстановил веру, и многие показал брани, и победы великие сотворил над Антиоховыми людьми, и отогнал их от своих стран.

Мучил иудеев Антиох в горе Иаклеонте перед Дриосом Касийским; и умер сей Антиох.

Царствование 19-е в Сирии

После него царствовал сын его Антиох Зекрый, по прозванию Иеракс, 2 года.

Царствование 20-е в Сирии. Потом царствовал Деметриан, сын Селевков, 8 лет. И пришел в Антиохию Великую некто по имени Иуда, по

обычаю жидовин, и просил Деметриана царя, и дал царь Иуде церковь и кости Маккавейские.

И погреб Иуда кости в Антиохии Великой, в месте, называемом Кератео; было же там собрание иудейское близ города Антиохийского. Занял же Иуда церковь и очистил ее сам, и Иерусалим создав, и Пасху праздновал Божью. И тогда люди иудейские святительство ему дали. Сие второе было Иерусалиму пленение, как премудрый Евсевий Памфилийский описал. В то же время Иус, сын Сираха, Премудрый, много учившийся, и очень добродетельный и премудрый, стал известен среди евреев.

Царствование 21-е в Сирии. И царствовал Антиох, внук Грипа, другой сын Лаодики, дочери Арианфа, царя Каппадокийского, и царствовал 9 лет. При нем пострадала от Божьего гнева Антиохия Великая. Сие было первое мучение, в 8-й год царствования Антиоха, при македонцах, и разрушение было до первоначальных оснований города; а от Селевка Никатора, по-другому считая, было это землетрясение в год 152-й, месяца февраля, то есть перития, в 21-й день, в час 10-й дня. И поновлен был город, о чем и Домнин Летописец написал, также и Павсаний.

Царствование 22-е в Сирии. После Антиоха же, внука Грипа, царствовал Антиох Еурепис, и притесняли его парфяне, и собрал он против них войско многое и великое, и погубил многих парфян, и взял их под свой присмотр.

И Антиох женил Антиоха, сына своего, называемого Кузику, на дочери правителя Арсака, притеснявшего его, звали ее Вритания; и прекратилась война.

Царствование 23-е, 24-е, 25-е в Сирии

После Антиоха же царствовали из родственников его другие три царя до царствования Антиоха Дионуса Прокаженного, сына Клеопатры и Антиоха. В годы же царствования их, перед Антиохом Дионусом, упомянутым ранее, восстал на Рим царь, точнее наместник, Пирр. И приял он проречение, что от жены умрет; и сошелся он в бою с Кириосом, наместником Римским, и одолел его Кириос, и бежал Пирр, и пришел к городу, и были вне города постройки, и повергла жена глиняную плиту на голову его и поразила его.

После сего был наместником Павел, который убил на сече царя Македонского, по имени Персей, и стал править Македонией, и покорил ее своим умом, о сем же наместнике Саллюстий упоминает в своем писании «На еллины».

После сего царствовал в стране своей Персей из Эпира, Кораблеборец, владевший городом Селунь. Сего же Персея называет в писании

своим Евтропий, писатель римский; сего же Персея и Палефат упоминает. С Персеем сим Кораблеборцем секся, и убил его Луций Павел, которого также Палефат упоминает, того Персея друг, наместник Римский.

При сих же правителях некто, по имени Ганнибал, король Африканский, терзал Рим 20 лет; без царя же был Рим, и наместники управляли им; сей же Ганнибал всю Италию, большую страну, погубил и покорил ратью, и убил прежде упомянутого Павла.

И поставили боляре римские наместника сильного во всем, наиболее же всего в войнах, великого Сципиона, который еще при Ганнибале Африку погубил, и город пожег Карфаген, в котором был королем Ганнибал, и освободил пленных, и взял город с болярами своими, и возвратился в Рим.

И увидел Ганнибал Сципионову силу, и пошел в Вифинию к Антиоху, царю Азии, и просил его о помощи. Было же со времен Александра Македонского у римлян с македонцами клятвенное согласие, ибо дали римляне в помощь Александру против Дария воинов своих.

Антиох же, царь Азии, послушал Ганнибала, и соединился с ним, и пошел на Рим, и поплыл с войском своим, когда пришел к морю от Вифинии.

И, услышав о сем, римские боляре поставили наместника сильного второго, по имени Сципион, брата первому Сципиону, и поставили его против двух царей — Антиоха, царя Азии, и Ганнибала, рекса, то есть царя, Африки. И встретился Сципион с обоими царями, и составил сечу великую с ними, и пали многие.

И увидел Ганнибал, что Сципионова сила преуспевает, и бежал, и сам себя смертельным ядом уморил. Увидел же Антиох, что Ганнибал бежал, и также обратил хребет, то есть бежал, и гнал Сципион Антиоха до гор в Исаврии, которые называются Таврскими.

И пришли оттуда послы от Антиоха с прошением и говорили, что не имеет он ничего против Рима, но другим помощь сотворить пришел. И принял послов Сципион, и сотворил так, чтобы Антиох был под Римом и слушался повелений боляр римских, и давал бы каждый год Риму золота 4 таланта до конца жизни своей.

И сотворил пир Сципион, и призвал Антиоха, и дал ему первое место, и оказал почет как царю. И со славой возвратился Сципион в Рим, как премудрый Фронос написал из книг Ливия Премудрого. В 15-й год прежде так называемого Антиоха, царя Сирийского, Прокаженного, некто по имени Тигран, царь Армянский, пришел и бился с Антиохом, и была великая сеча, и одолел Антиоха Тигран, и приял Антиохию, большой город, и царство все взял, которое же имел Антиох.

Бежал сей царь Антиох в Персидскую землю от того Тиграна. И пришел же из Рима Помпей Магн по воле Кесаря, и пришел в Киликию, восставшую на Помпея, и завоевал он Киликию; и бился с Тиграном, царем Армянским.

И одолел Помпей царя Тиграна, и приял Армению, и Киликию, и Сирию, и разрушил царский дворец, и тем отомстил за антиохиян.

И вошел Помпей в Антиохию город, и сотворил ее, чтобы была под Римом, и одарил жителей многим, и создал им дом для собрания совета, ибо обвалился он. И молились ему и почтили же, как если бы он от рода афинского был. Некто же по имени Библ, военачальник Помпея, сильным был, и он при море Финикийском обрел деревню и стенами ее огородил, и город прозвал Библу, своим именем.

Сей Помпей идол Афинин, который же Селевк сотворил, — и страшен был, — и идол грома Диоса, сотворенный тем же Селевком, — и сей ужасен был, — попросил в благодарность у антиохиян. И взял Помпей сии идолы, и принял, и послал в Капитолий, как великих богов, поскольку обязаны антиохияне были римлянам. И сии идолы и доньше есть, и сверху идолов надписание сие: народ города Антиохии Великой в благодарность римлянам честь оказали сими идолами.

Антиох же царь, услышав о гибели Тиграна, царя Армянского, и о Помпеевой победе, пришел и пал пред ним, и просил у него царства своего. Сей же Помпей принял прошение, и дал Антиоху царство Сирии и Киликии.

Царствование 26-е в Сирии. И всем сим владел сей Антиох 19 лет, в дасии же месяце, то есть в июне, ушел в Египет из Антиохии Помпей, и царствовал снова сей Антиох, македонец, сын Дионуса. В те же лета были Цицерон и Саллюстий, премудрые римские писатели.

Царь же Антиох, умирая, оставил все свое имущество римлянам и иное все. После кончины же Антиоха Диониса царя стала Антиохия Великая снова под римлянами, и вся Сирия, и Киликия, и все, чем владели македоняне. Царствовали же в Антиохии Великой, то есть в Сирии, и в Киликии, и в иных странах македоняне от Селевка Никатора до прихода римской власти лет 200 и 60 и 3.

В лето 4983-е. Римская власть до Юлия царя была 465 лет.

Начало царства Римского. 1-е царствование диктатора.

В лето 5447-е

Римская же область вся управлялась раньше наместниками, лет 465, до царя-диктатора. Он же не был рожден, но мать его умерла, когда ему

было 9 месяцев, и пропороли ее, и взяли из нее дитя. Посему и Кесарем дитя нарекли: ибо Кесарь означает по-римски испороток. Когда достиг Кесарь совершенного возраста, он заключил союз трех с Помпеем Магном и Крассом: сии же трое управляли всей Римской областью.

Кесарь же диктатор после убиения Красса, схваченного персами на сече в персидских странах, воевал с войском своим в западных странах. И извергли его из наместничества, то есть лишили той власти, которую Кесарь имел в союзе трех; сотворил сие совет всех бояр римских и Помпей Магн, зять его.

Сей Кесарь, опечалившись, вернулся на римлян и приложился к супостатам их, и воздвиг рать на бояр римских, и на Помпея Магна, и пришел на Рим.

И приял Кесарь Рим, и порубил всех бояр его. Помпей же вышел на Кесаря и увидел, что не может ему противостоять, ни сражаться с ним, и оставил западные страны, и к восточным устремился, и мыслил сии страны удержать за собой. Диктатор же власть приял над Римом и всеми западными странами.

После сего же царствовал Юлий Царь и первым один обладал римскими скипетрами, и правил с большой гордостью и буйством, потому и диктатором нарекли его, что означает единовластец. Всем же обладал и без стыда, с жестокостью 18 лет царствовал.

И вооружился Кесарь против Помпея Магна, и настиг его, и убил его в Египте, как сказано у Лукиоса писателя. Сей же Кесарь первым один приял Римскую область и всею владеть начал. Македоняне же, которые были после Селевка Никатора, изнемогли и оставили Вавилонскую страну, разрешив персам поставлять у себя царя, также иудеям пустили иметь из бояр римских четверовластца царя. В те годы Ливий премудрый был, римский историк, который написал много о римлянах. Кесарь же диктатор-единовластец все приял, и правил с величием 18 лет. Он же и високосный год изобрел, и законы римлянам установил, и месяцы нарек, и наместников начал поставлять на столько лет, на сколько же хотел.

В то же время Вергилий, римский писатель, написал повесть об Энее и Элиссе, которая была из Финикии, и о деревянном коне, и о пленении Трои. И тогда известно стало о пришествии Кесаря диктатора единовластца, покорившего и приявшего Рим, и избившего бояр, и ставшего правителем единовластным. И пришло в Рим послание месяца мая, то есть артемисия, в 12-й день, в текущий индикт, и прочитали послание из города Антиохии, когда же был он под римлянами, и в 12-й день того артемисия месяца послано было послание тому самому Кесарю. И пос-

ление тогда прочитали, начинающееся так: великому и самозаконному обладателю восточных стран! О, Кесарь..., и прочее.

И вошел сей царь-диктатор в город Антиохию Великую в 23-й той 13-й того артимисия месяца. Сей же Кесарь создал в Антиохии Великой палаты, которые нарек Кесарион, напротив требника Ареева, который прозвали Макелос. Поставил же Кесарь в Кесарионе идол медный удачи римской. Создал же он в верхней части города, в крепости, около горы в Антиохии баню общую для горожан, проведя воду из известных рек по водопроводу Лаодикийскому. Построил же Кесарь в Антиохии здание для зрелищ, поновил же в Антиохии храм языческий Пантеон, огородил требник от пастбищ. И в Александрию Великую ходил, и создал там Кесарию во имя своего сына, который был у него с Клеопатрой. Клеопатру же возлюбил, поскольку очень красивой была.

Обрел же ее в Фиваиде, куда она была изгнана братом своим Птолемеем, разгневавшимся на нее. Сей же Кесарь ее растлил и непраздной сотворил, и родил сына, которого же нарек Кесарием. Во имя же сына своего и Кесарию создал сей Юлий Кесарь там в Александрии. И изгнал Кесарь брата Клеопатры Птолемея из царства Египетского, и дал ей царство Египетское, и убил двух сыновей, которых поставил Птолемей, в Фиваиду изгнав Клеопатру. Сын же Клеопатры и Кесаря умер. Пришел же в Рим сей Юлий Кесарь, и убиен был вторым Брутом и иными болярами, составившими заговор с ним, при наместниках Исаврике и Антонии. Во второй раз наречена же Великая Антиохия честнейшей в первый год тем Кесарем Гаем Юлием. И умер Кесарь Гай.

Царствование второе, Августа, сына Юлия

В лето 5465-е избрали боляре римские Августа Октауя, родственника Кесаря, и Антония, зятя Августа, и Лепида, и составили сии трое триумвират, и они управляли Римской областью, и ставили во все годы наместников. В 15-е лето правления союза трех, от Августа Октауя откололись египтяне и Клеопатра. Сия же Клеопатра создала во Александрии большой маяк Фарос на острове, называемом Протеос, напротив Александрии самой, на расстоянии в 4 поприща. И насыпали камни, и землю сотворили море, чтобы ходили по морю до острова того и до Фароса люди, и очень искусно сие сотворила Клеопатра, мастером же был Дексиофан Книд, который же море сотворил землею.

Узнали же римляне, что отверглись египтяне и Клеопатра, царица их, и вышел из Рима Антоний, и вооружился на Клеопатру, царицу их, и на египтян, и на Персидскую страну, ибо восток был весь в смуте и войнах. И пришел на Египет со многою силою Антоний, и пришел на Великую Александрию, и осадил город, и разорял, и послал к Клеопа-

тре; видел же ее, когда была она прежде с Кесарем Юлием, приходившим в Египет. Клеопатра же послала к нему и прельщала, как хотелось ему. Антоний же прельстился, и похотью побежден был, и восхотел ее, и покорился ей; была же низкорослой Клеопатра, но очень хороша и мудра.

И прияла Клеопатра того Антония в город, и воинов его, и пошла за него.

Антоний же, взяв ее в жены, возвратился вместе с нею на римлян и преодолел их, и отвергся от сестры Августовой Октавии, жены своей.

И собрал Антоний множество многое воинов, а других убедил, и многое им послал, и обещал сотворить кораблей военных много и колесниц военных, и отплыл от Александрии, и пошел на римлян с Клеопатрою, и приять Рим помышлял, и из Эпирской же страны пришел, чтобы напасть на Рим.

И, уздав о сем возвращении Антония и Клеопатры, в Риме тотчас сам Октавиан вооружился на них, и из-за Рима, и из-за оскорбления сестры Октавиана, которую приобидел Антоний. И взял сей Август военачальника по имени Агрипу, Иродова сына, и отдал за него сестру свою Октавию.

И устремился Октавиан из Рима с Агриппой военачальником и с войсками его, и пришел в страну Эпир, в местность, называемую Левкада, и сошлись они с Антонием и Клеопатрой, и была сеча великая, как же Вергилий премудрый в писании его о щите написал, в восьмой главе. Множество же с обеих сторон воинов покрыли море, и порублено было воинов Антония и Клеопатры в корабельной сече так много, что вода морская с кровию смешалась, и волны кровавыми явились. И одолел Август, и убил Антония, и Клеопатру же взял в плен, и, связав, обличил, и повелел охранять ее, чтобы ее привести в Рим пленницей и осудить. Клеопатра же сама себя уморила, и аспидом ужалена была, и умерла: возила же за собой аспидов в сосудах на кораблях военных.

Сторожили же ее воины, она же тайком умерла от аспиды, чтобы не привели ее живой в Рим. После умертвия же ее принесено было тело ее в Рим, миром обмазано, для доказательства сестре Августа, как Феофил Премудрый, летописец, написал. Писатели же из отечества Клеопатры, из Александрии Великой, сообщают, что Клеопатру в Египте взяли в плен, и другие вещи говорят, несогласные с тем, что читаем у римских писателей.

После той же победы Август с Агриппой, зятем своим, от Эпира отошел и пошел в Египет, покорить желая страну ту и закрепить победу свою. И пришел Август с множеством войска своего, и покорил и

иные страны, и разорял наместничества их. 18 же лет Август состоял в триумвирате и держал египетскую рать много лет.

Сей же Август прошел Европейскую страну всю, и пришел из Византии к Халкидону, городу в Азии. И поставил тотчас князя в Вифинии из своих мужей, по имени Дус, который владел страной той Динар; поставил же его прежде Кесарь, дядя его. Прежде же Вифиния имела князей, а после того Помпий Магн приял правление в той Вифинии, когда умер Никомед, наместник ее; из рода македонского он был и, умирая, оставил Вифинию пред римлянами.

Галатию же покорил сей Август, победив Дейотара, четверовластца ее. И огородил Август селение, называемое Арсини, и сотворил город, который прозвал Анкара, то есть якорь, так как с обеих сторон его расположено Понтийское море. В жертву принес девицу Григорию, для очищения города, и устроил наместничество, и впустил же в него галлов-воинов охранять страну ту и город, и нарек именем их страну ту, и наместничество, и реку — Галлис. Также и Лидия, и Памфилия: оба эти наместничества были подвластны Дейотару, и приял их Август, и подвластными Риму сотворил, и послал туда Куриона, военачальника своего, со многою силою. И Фригию Пакатиану, в том же наместничестве бывшую, покорной Риму сотворил, послав Пакатиана, военачальника своего с силою. И Ликаонию же Август подчинил Риму; владел же ей Ликаон, сын Капуя, который припал к Августу; и поручил Ликаону Август владения свои, и взял с собою на Египет. Сирия же и Киликия были подчинены Риму еще раньше, при Кесаре Юлии. И пришел Август в Сирию, и вошел в Великую Антиохию, и укрепил победу, которую одержал над Антонием тираном и над Клеопатрой, с Агриппой, зятем своим. Сей Агриппа возлюбил город Антиохию, и создал баню вне города около горы, обретя там источник, который нарек именем своим — Агриппий. Сей же Агриппа создал же и приложил второй ярус над первым у здания для зрелищ в Антиохии, многого ради народа.

Сей же Агриппа оттуда же ушел, и Август пришел в Лаодикею, город в Сирии, и создал в том городе здание для зрелищ очень большое, и поставил же себе там идол мраморный. И еще создал в том же городе сень большую на четырех столпах, — прежде же была сень малой, — и украсил столпы мрамором, и еще больше сделал ограду, и обозначил в том городе свою победу, и поставил на той четверовратнице идол медный с четырьмя конями. Покорил же Август и Финикию страну, и послал военачальников с помощью, Лукала и Понтоня, которые победили Тиграна, владевшего той страной, и сотворили ее наместничеством. Август и так называемую Аравию себе, то есть Риму, подчинил; а владел ей Арав, царь варваров сарацин; и огородил Август селение, которое на-

звал Вестрой, по имени Вестра, посланного им военачальника. И прочие же наместничества покорил Август, кроме Каппадокии, которой владел Архелай, и кроме четверовластья Ирода в Иудейской стране, поскольку принесли ему оба сии правителя дары великие. Ирод, царь Иудейский, и Архелай Августу честь сотворили, и вымостили дороги у города Антиохии Великой, ибо плохие дороги были, и вымостили белым их камнем за свой счет. Повелел же Август обоим наместникам тем столицы свои в честь его именем Кесаря наречь. Ирод же царь-наместник нарек свою Кесарию Палестинской, а Архелай нарек свою Кесарию Каппадокийской, которую также называли Мазака. Был же Кесарь дядей того Августа, он же им дал власть царскую до конца дней его.

И ушел из Палестины Август и приял Египет, и покорил, и вошел в Александрию Великую, и там отметил победу свою, и покорил Египет Риму. И поставил у власти в том Египте и в Александрии первого князя из мужей своих, по имени Корнелий Галл, его же сан нарек августовым, ознаменовав его своим именем.

И пересек сей Август море, и пришел в Рим, и возгордился, что покорил Римские области все. И замучил бояр, и царствовал сам, в величании пребывая. И убил Август Брута, убийцу Кесаря, дяди его. Того же Брута оставили, чтобы стерег Фессалию, и послал Август воинов, и отрубил Бруту голову при наместниках Кальвине и Поллионе, как написал Лукан, премудрый римский писатель.

В те же лета Совий некто, боярин из Антиохии, пришел с Августом в Рим, и умер в Риме, и поручил в память о себе городу своему устраивать каждые 5 лет в течение 30-ти лет в дни перития месяца, то есть февраля, игры со скоморошными и кукольными представлениями, и соревнований всякими на колесницах и среди пеших воинов. И пришел в Антиохию Август во второй раз, а зять тогда Августов, Агриппа, снял землю со старого здания для зрелищ, которое было засыпано древнего страха ради, и увидел, что с искусством великим было сделано, и почувствовался Август, и ушел из Сирии. Создал же там прежде конеристалище, как на Палатинском холме, на свои средства Кинтос Маркиан, правитель Римский, и пришел в Антиохию Сирийскую из Рима к Филиппу Толстоногому, македонцу, царствовавшему в Антиохии; пришел же он устроить так, чтобы тот дань давал Риму.

Был царем первым единовластным над римлянами сей славный Август, звали же его так: Август Кесарь Октавиан; был он победителем, почтенным и державным, удачливым, правителем самодержавным. В лето 14-е царствования своего убил он Антония и Клеопатру. Был же Август худощав, с прямыми волосами, низкорослый, смуглый, с тонкими чертами лица, с красивыми глазами, и строгого нрава очень, и обла-

дал всею землею. В царствование же свое создал требник Диосу в Риме, и поновил Капитолий, сотворив сии два здания величественными. В 39-е лето царствования своего и в 10-й месяц установил и дал повеление сделать опись всем подвластным ему землям, которые тогда имели римляне, в наместничество Агриппы 2-е. И описано было все, что подчинялось Риму, Евмением и Авталом, болярами римскими.

Была же боязнь Августа велика, ибо лют был весьма и гневлив, и скоро изрицал осуждение, потом же в раскаяние приходил и кротость. Сидел же он некогда и правление творил, и к смерти приговорил неотложной и скорой много человек.

Муж же некто премудрый не мог приблизиться и дать наставление Кесарю из-за народа, и на хартии написал так: убийца, перестань судить, и запечатал, и кинул Кесарю, он же взял и прочел.

И встал Кесарь, и с престола отошел, и оставил все дела незавершенными, и с сим пребывал учителем премудрым из Александрии по имени Афинодор. Он же приник к уху Кесаря и сказал: о, Кесарь Себаст, одного тебе недостает — не изрекай осуждение скоро, но сначала досчитай про себя до 24-х, и, когда утихнет в тебе ярость, тогда без гнева рассуди каждому по правде.

Сей премудрый Афинодор видел, что похотию одержим Кесарь, и блудлив он весь, и что больше всего желание мучает его к замужним женам, и властью своею повелевает мужьям приводить своих жен к нему. Афинодор же хотел Кесаря отвадить от таковой страсти.

И однажды Афинодор увидел, как один советник плачет, так как ему повелено было свою жену запереть в переноске и отправить к Кесарю. Афинодор же утешил его и повелел себя вместо жены одного советника запереть в переноске и отправить к Кесарю. И вошел в переноску Афинодор с мечем.

Кесарь же принял переноску и распечатал печати, и тут вышел Афинодор, мечем потрясая. Удивился же Кесарь, увидев Афинодора, и от страха омертвел. Сказал же Афинодор: я, чтобы научить тебя, так сотворил. Если бы иной сие сотворил, из тех, у кого ты жен отнял и осквернил, то всяко убил бы тебя. Кесарь же клятвами себя связал, что больше таковое не сотворит.

Когда же Афинодор отходил ко изнесшей его земле, Кесарь же из глубины воздохнул и сказал: еще в твоём нуждаюсь добром наставлении, и будь со мною, и Рим тебя имети имать.

Сей Кесарь отгонял от себя глумотворцев, и одних почитал премудрых, и почитал их прилежно. И сего ради чествовали Афинодора так, как никого из вельмож умиравших. Афинодор же сказал: хорошо мне, что, живого Кесаря оставив, умираю.

Слово святого отца Епифания о житии Святой Богородицы, матери Господа нашего Иисуса Христа

В слове сем сказано так: от колена Матфана, сына Давидова. Матфан же ерей был из Вифлеема, от него же родился Левгий. Левгий же родил Мелхия и Памфира. Мелхия же взял жену, и умерла безчадной жена. Памфир же родил Варпамфия. Варпамфир родил отца Богородицы Иоакима. От колена Давида, сына Соломона, родился Матфан. Сей род Иакова, отца Иосифова. И умер Матфан, и взял жену его, мать Иаковлю, Мелхия, брат Памфира, отца Иаковского. И от матери Иакова родил Мелхия Илию. Иаков же от колена Соломона, Лия же от колена Нафанова. И взяли ину жену брат его от одной матери, Иаков, и родил Иосифа, который же естеством — сын Иакову, а по закону — Лиин. И жили они в Галилее; имели же братья одну жену, поскольку закон велел: если кто-то умрет бесчаден, то пусть возьмет жену его брат его и восстановит семья брату своему. Иаким же — от отца Памфира, Лия же — от отца Мелхия, брата Памфирова; с тем же Иаковым братья они по отцу Матфану. Иоаким же родил Марию Богородицу, Лия же родил Иосифа по закону; так что Иосиф и Богородица — родственники. Иосиф был художеством древодель, был же у него от одной матери брат по имени Клеопа. По матери же род Богородицы был такой: был Матфан, ерей из Вифлеема, и было дочери 3: Мария, Совия, Анна. Мария же родила саломию бабу, Совия же родила Елисавету, мать Иоанна Крестителя. Анна же прияла Иакима, родственника Иосифова. И пошла Анна невестою в Галилею в город Назарет, и пребывала Анна с Иакимом лет 50, и чад не сотворили. Когда же они вошли в Иерусалим в праздник Обновления, и молился Аким в святилище, и услышал глас, говорящий с небес к нему: Будет тебе детище, и тем прославишься. Зачала же Анна, жена его, в старости своей и родила детище женского пола, и нарекла имя ей Мария, именем сестры своей.

О рождестве Святой Богородицы

В лето 5486-е, индикта 1-го, родилась Святая Богородица от Акима и Анны, в 22-е лето царства Августова, и радовались с нею все родственники ее и друзья. Когда же было детище Мария трех лет, в лето 5488-е, ввели Аким и Анна Святую Богородицу в Иерусалим, в Святая Святых; 3 лета было Богородице, и представили ее пред Господом с дарами. И приял ее, и дары ея, иерей Варахия, отец Захарии. И все ереи радовались, и помолились, и благословили их: Акима, и Анну, и детище Марию; и сошли они в Назарет.

И в седьмое лето ее Богородицу возвели снова в Иерусалим и отдали ее в дар Богу, чтобы сохранял Он ее все дни жития ее. И, сие сотворив,

вскоре преставился отец Богородицы Иоаким; как говорят, лет было ему 80. Мария же не отступала от служителей церковных ни днем, ни ночью. Анна же оставила Назарет и пришла в Иерусалим, и жила два года, и умерла; было же ей 79 лет.

Мария же, полностью осиротев, пребывала в доме Господнем, не исходя из него никуда, если и потребность некая была; только к Елисавети выходила, ибо та близ ее жила. Научилась же Богородица иудейской грамоте, когда еще живым был отец ее, и была она способна к учению, и училась с желанием, уже предпочитала одиночество и труд, и понуждала себя к изучению Божественного Писания. Дело же ее было: шерсть, и лен, и свила, и вусса. Удивлена же была мудростью и разумом больше всех девиц в роде том; как о ней глаголал праотец Соломон, и воистину о ней сказал: жену мужествену кто обрящет... и прочее все. Было же в Церкви Господней место отведено с левой стороны алтаря, где бывала только девица; другие же девицы отдельно позади всех находились, и они уходили восвояси; Мария же там пребывала, стрегуща жертвенник в церкви, и служила иереем только. Нрав же Богородицы был такой: чистая по всему и малоглаголива, и скоропослушливая, благоименитая, недерзновенна ко всякому человеку, так что дивились все разуму и речи ее. Ростом же была средняя, волосы у нее были русожелтые, очи черные, взгляд приятный, черные брови, долгие руки, округлое лицо, длинные персты, благодати Божией была исполнена и красоты. Без дурных помыслов, без постыдных дел, неизменна была в смиренности; потому и призрел на нее Бог, так что и она, как сказано, величала Господа. Одежду же темную любила и носила, и был на ней святой покров. Наставляли ее иереи Церкви Господней, и питалась в Церкви, пребывала в молитвах, чтении, бдении, рукоделии, и во всякой добродетели, и в различных делах. Было же Святой Богородице Марии 12 лет, и было однажды ночью, когда она молилась перед дверьми жертвенника, в полночь, свет воссиял больше сияния солнечного, и Глас от святилища был ей, сказавший: родиши Сын Мой. Она же молчала, и никому же не поведала тайны, пока же Христос не вознесся. Авия же родил Иеда, которого же прозвали Варахия. Варахия же родил Андрея и Захарию иерея.

И взял Захарья в жены Елисавету, сестру матери Марьиной, и жили они в Вифлеоме, и родил же Захария Иоанна Крестителя.

Андрей же, брат Захариин, родил дочь, звали ее Саломия. И взял ее в жены Иосиф древодел, сын Лиин, сын Иакова, родственник Марьин; и родил Иосиф от Саломии 7 детищ: Иакова, и Семеона, и Иуду, и Осею, и дочерей Соввию, Марфу же и Марию. И умерла Саломия, жена Иосифа древодела. И пребывал Иосиф во вдовстве и в целомудрии, лет же

было ему 70, был он простого звания и имени, древоделец же искусный, пребывая в граде Галилее Назаретском.

Мария же была в Иерусалиме в храме Господнем. И было ей 14 лет, когда же и женское немощное естество проявляется, и думали ереи, что Мария одна из многих, — ведь еще не явлены были о ней таинства, — и совет собрали, и встали на молитву ея ради. Захария же, отец Иоанна Крестителя, восприял 12 жезлов у иереев и у близких Девицы, и положил их при алтаре, и сказал так: да покажет Бог, чья есть Девица. И помолился Захария, и пророс жезл древоделя Иосифа. И далее, как судил Бог, поручили Иосифу Девицу Марью, только не для брака, а в сохранение и в соблюдение непорочного девства. Так что объясняется сим слово Святой Девицы, бывшее к архангелу Гавриилу. Сказал же тот к ней после приветствия: заченши Сын и наречеша имя Ему Исус, и дасть Ему Господь Бог престол Давида, отца твоего, и прочее. И отвечала ему Девица: како се мне будет, идеже мужа не знаю? Ибо Иосиф законно сочетался браком, призван быв к этому. Не так же в ответ сказала Дева: от обрученного со мной мужа законное все зачну. Но видим ясно, что не для брака взял Девицу Иосиф, но на сохранение и на соблюдение. Реченное слово всякой истины исполнено: како се мне будет, идеже мужа не знаю? То есть: не отдана мужу для брачного совокупления, но для сохранения девства в чистоте и непорочности. И не для брака принял Иосиф свою внучатую племянницу Марью из руки Господней. О сем свидетельствуют все ереи. И ввел Иосиф Марию в дом свой, и передал ей двух дочерей своих, чтобы умудрила она и вразумила их, так как сама Мария жила в доме Иосифа со всяким целомудрием и чистотою. И соблюдала у него Мария 6 месяцев положенный по обычаю пост.

О Благовещении

В лето 5499-е и в 36-е лето царствования Августова, месяца дистра, то есть марта, в 25-й день, в день недельный (позже этот день недели стали называть воскресеньем), в девятом часу дня, молилась Пресвятая Богородица, и в тот час послан был от Бога архангел Гавриил, в город Назарет к Пресвятой Богородице, и поведал ей все тайны о Единочадном Сыне Божиим, как в Евангелии изложено. И никто же не разумел того, что произошло, из домашних Иосифа, и не возвестила Богородица никому же, ни самому Иосифу, пока не увидела восходящим на Небеса Сына своего. Сего ради глаголет евангелист Матфей: и не разумеша ты, дондеже роди Сын свой Первенец, то есть: не разумели тайны Божией в ней, ни сокровенной глубины о ней, ни того, что совершилось. Был день недельный сначала, в 25-й день месяца марта, первый лунный день, что есть по лунному кругу месяц 1-й апрель. Сей месяц есть пер-

вый в месяцах в году. 1-й день, в который прогнал Бог тьму: и рече Бог: да будет свет, и бысть свет. Месяц же 6-й был от того времени, когда Иоанн Креститель зачат был, ибо в тот месяц — праздник Обновления и Прославления Ковчега. Тогда и вошел Захария в Святая Святых один по закону покадить, и явился ему ангел Гавриил.

С того времени же считаются месяцы по лунному кругу, потом же стали различать индикта месяцы по кругу. И сказала Девица Святая Мария к ангелу: Како се ми будет, понеже мужа не знаю? Как прежде говорили, есть другой некоторый смысл, — чтобы не возвращаться к ранее сказанному, — в том, что значит мужа не знаю, то есть: не желаю, к мужу влечения не имею, не ведаю похотения плотского. Не было девство Богородицы по воздержанию или по подвигу, как женское украшение, и не по прилежанию к целомудрию, но девство Богородицы было от естества изрядно, еже есть всем женам, и странно человеческое естество. Об этом же у пророка Езекииля: будут врата, еже на восток, затворена, и никтоже может пройти сквозе ня, токмо Господь Бог Израилев: той един внидет и изыдет, и будут врата затворена. И все пророки и апостолы свидетельствуют, и отцы наши свидетельствуют, светильницы и учителя Соборной и Апостольской Церкви также соглашаются. Потому и великий Дионисий Ареопагит сказал о Христе, что Он паче человека человеческая содея, и послушествует Девица Рождества, сущее без болезни. Афанасий же Александрийский и Леон Римский говорили о Богородице, что она хотения мужеска не позна. О сем и все святые соборы правоверные также свидетельствуют. И Яков Жидовин, который тогда жил, написал о ней так: дабы во страны пременен, и Иже пред всеми рождейся, и осязан от бабы, обретежесе Девою, яко и прежде Рождества Девою. Рувим же иерей также свидетельствует: от бабы извещение приим. И другие же некоторые, преславные вещи услышав, говорили: изрядно, еже обрести, естество. И другие же вторили: паче устава естество бысть.

Святая же Девица, после того явления ангела, тотчас пошла в Вифлеом ко Елисавефе. Жидовство же располагается в Вифлеоме, в высшем месте в Галилее, выше чем Назарефь. Сего ради говорит евангелист Лука: Марья же тече в горняя с тщанием в дом Захариин и целова Елисавефь. Мария же познала и уразумела видение ангела и словеса его, что мужского пола дитя во чреве Елисавефи, и что Захария видел ангела, и умолчал, и ничего не говорил, поскольку не мог. И тайну между собою сохранили, и никому же не возвестили глаголанное ей. И прошло три месяца, и спустилась Мария в Галилею, в дом Иосифов, и была послушлива словом и обычаем, и образом свята. Лето же пришло, и чрево ее выросло. И тогда Иосиф, видя святую и не зная, какие были о ней

тайнства, в печаль впал, и замыслил изгнать ее из дома своего тайно, и ангел Божий возбранил ему, как сказано у евангелиста Матфея. Во время оно случилось быть переписи по повелению Кесаря Августа, и взыде Иосиф от Галилея в Иудею, в град Давидов, иже нарицается Вифлеом, зане бяше от дому и от царства Давидова. И пошел Иосиф со всем домом своим на перепись по повелению Кесареву. Сыновей же своих вперед послал и дочерей на перепись, и сам пошел написатися ему с Марьею, обрученною ему женою, сущою непраздною. Святую же Богородицу Марью сам Иосиф восприял на подъяремника (ослика) своего и пошел. Не доходя же до Иерусалима, остановились они в селении Вифлеомском, в котором было имение Саломии, тетки Богородицы, и там пребыли Иосиф и Мария ту ночь. И бысть же, егда ту исполнишася дние родити, и роди Сына своего Первенца Еммануила, и повит Ъ, и положи в яслех скотиях, зане не бе места има в обиталищи. И пастырие бяху в той же стране, бдяще и стрегуще стражу нощную о стаде своем. И се ангел Господень ста в них, и слава Господня осия их, и убояшася страхом великим. И рече к ним ангел: не бойтеся, се бо благовестую вам радость велику, яже будет всем людем, яко родися нам Спас, еже есть Христос Господь, в граде Давидове. И се вам знамение: обрящете Младенец повит, лежащ в яслех. И внезапно бысть с ангелом множество небесных сил, хвалящих Бога и глаголющих: Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение. И бысть яко отидоша от них ангели на Небо, и пастырие реша друг ко другу: идем убо до Вифлеома и видим глас бывший, иже Господь сказа нам. И, подвигшеся, приидоша и обретоша Марию и Иосифа, и Младенец, лежащ в яслех. И видевше же, сказаша о глаголе благословленном о Отрочати сем. И вси, слышавше, дивишася о глаголанных от пастырь к ним. Мария же соблюдаше вся глаголы сия, слагающи в сердцы своем. И возвратишася пастырие вспять, славяще и хваляще Бога о всех, яже слышаша и видеша, яже глаголахо бысть к ним.

О Рождестве Господа нашего Иисуса Христа

В лето 5500-е родился Господь наш Иисус Христос от Девы Марии в городе Вифлеоме декабря в 25-й день, в пятницу, в 7-й час ночи, в 37-е лето царствования Августа. Потому воистину великим царем и самым знаменитым Август могущественный был, обладатель всех царствий, поскольку в дни его царствования Господь, Царь всех, родился, во времена царствования Ирода. И царствовал Август после Рождества Христова 15 лет, а всех лет царствования его было 52 года. И послужила ей во всем Саломея, баба, живущая в Вифлеоме, теткой была по матери Святой Богородице Марии Девице, также как Елисаветь, жена Захари-

ина. Был же на месте, где они пребывали, вертеп, и храм четверолепен. Узнала же Елисавефь положение их, и пришла, и принесла им все на потребу.

Иные же некоторые из близких слышали то, что пастыри говорили, и ужасались. В царствование же того Кесаря Августа Октавиана Честного пал от Божьего гнева город палестинский, звали его Саламани. Сей же город воздвигнул Август царь и прозвал его Диосов град.

О волхвах

В лето 5502-е Ирод же местодержец, то есть царь Иудейский, со временем уведал, что некоторое время минуло, и пришли от Персиды волхвы во Иудейскую землю, как посланцы с летнего востока, слева от Иерусалима, ибо там граничит Персия с Иудеей. Звезда не бяше, яко и прочая звезды, но над землею не по обычаю, якоже не по обычаю хождаше и по некоему настоянию бываему, никогда же являшися, — сказал Великий Василий. И Иоанн Златоуст говорит: идеже чисто и неизглаголанно бысть Рождение Исусово, не в вертепе бо и ни в коей храмине, иже новое, но Исус младо Детище, якоже и той сам свидетельствует Матфей евангелист. Весьма же егда по явлению бысть: Иосиф же и Всенепорочная Девица и от нея Рождшагося без семени, егда от неродных и странных волхвов Божий страх услышим, Кто бысть, и что ради, и еже схождение створи к человеком, не токмо же сии, но и весь Иерусалим, и те властели все жидовстем.

В 8-й день обрезаша Детище и нарекоша имя ему Исус, еже есть сказаемо Спас, и возвратились в Назарев.

По прошествии 40 дней, принесоша Отрочище в Иерусалим, и приставиша Господеви с дары. Тогда же Его Симеон старец прият на руку своею и благослови. Тогда было знамение Иосифу бежать в Египет.

И повелел Ирод схватить волхвов, и сказал: ибо пришли волхвы из Персии. Узнал же Ирод, что весть получили волхвы от явившейся им звезды, которая же возвестила им на востоке Спасителя Христа вочеловечение, и дары несут Ему, как царю великому и победителю, и принесоша злато, и ливан, и змирну: золото же как царю, ливан как святому и змирну как мертвецу. И пришедше в Иерусалим, вопрошаху: где есть родивыйся Царь Иудейск? И в смятении были иудеи. Уведали же о волхвах, и взяли их, и ввели их к царю. И спросил их Ирод: почто во Иудейскую страну пришли, посланцы? И поведали ему волхвы о течении звезд, и о чуде, и о том, что родился великий Царь миру, и что дары Ему принесли, как Царю великому и Богу, видехом бо звезду Его на востоце. Ирод же, услышав сие, ужаснулся, помышляя про себя: после Августа Кесаря какой будет силы родившийся Царь? Пришли же волхвы в

Иерусалим, Ирод же испыта от них время звезды, и сказал волхвам: аще обрящете, пришедше, повеждьте ми, да и аз, шед, поклонюся Ему.

И пошли волхвы, ведомые звездою, которую же видели на востоке, и обрели Иуса и Мать Его в Вифлеоме граде, и упали на землю, и поклонились Спасу Христу, и говорили же между собой: большего себя Бога показывает звезда, которую же мы почитаем как бога. И принесли Ему как Богу дары, и ответ от ангела приемше во сне не возвратитися к Ироду, иным путем ушли в страну Персидскую, и не послушались Ирода. Отшедшим волхвом, се ангел Господень явися Иосифу, глаголя: поими Отроча и Матерь Его и бежи во Египет и буди ту, дондеже реку ти, хочет бо Ирод искати Отрочати, да погубит И.

Он же, встав, поим Отроча и Матерь Его, нощию отиде в Египет, и бе ту до умертвия Иродова. Вошел же Иосиф в святилище бога их авдула, и тотчас упали идолы все. Иереи же увидели и вострепетали, и припали к Спасу, чтобы церковь на них не пала. И хотели они написать икону подобия Его. Иконописец же взялся написать, но не мог закончить образ Христов. И начали просить Спаса все, дабы повелел сему быть, и чтобы была закончена икона Его. Христос же склонился к ней, и сама икона тотчас закончена была. Сию икону хранят египтяне и доселе. Многие же сильные цари покушались взять ее, или сделать список с нее, и не возмогли.

И после сих, как поруган был Ирод, разгневался он, и вопрошал архиереев иудейских: «Где Христос раждается?», и узнал, и послав воины, изби вся младенца во Вифлеоме, граде иудейстем, от двою лету и ниже по времени. И искали Иоанна убить.

И послал Ирод также воинов к Захарии, отцу Иоаннову, в святилище, со словами: где сын твой Иоанн? И сказал Захария: не ведаю. Разве сторож я сыну своему? И тогда убили его воины между церковию и алтарем. И вытекла кровь его и сразу стала как камень. Убиению его причины такие две: одни говорят, потому что скрыл от Ирода Иоанна, иные же также говорят, что Святой ради Девы Богородицы. Ибо туда, куда не разрешалось девам входить, Захария паки ввел ее, и осужден был на смерть, поскольку явно книжников закон преступил, и поскольку всем говорил о ней, что девица она, как и до Рождества была девой.

Елисаветъ же в Вифлеоме была, и восприяла Иоанна, и пошла в пустыню, и укрывалась с детищем своим 40 дней в некоем вертепе, и обратнo взошла одна. Иоанн же там воспитан был, и пребывал так до явления народу Израилеву в пустыне.

А Иосиф же ушел в Египет, и провел там с сыновьями и с дочерьми своими, и с Богородицей, и с Христом, 5 лет, и снова имел откровение, и возвратился, и пришел в Назаретъ Галилейский.

Как свидетельствует евангелист, сей же Ирод Асклонитянин, сын Антипатра, идумеянин родом, сын матери же Киприады, освобожденной из Аравии, от языческих народов, и уже царем Иерусалимским и Иудеи наречен был, и на зло житие свое переменил. Совершилось сказанное, поскольку сам Ирод иноплеменником был и обрезался, и начал владеть Иудеею, а архиереем поставил иноплеменника Ананедона. При них прекратилась, по Божественному проречению, власть Иуды даже и в прежних его владениях и в деле служения иереев. Ибо тогда понтейянин, ромейский военачальник, пришел, и пленил Иерусалим, и осквернил же святыню, даже и то место, куда нельзя было заходить, и вошел же в церковь. Из тех, которые от прадедов принимали власть, даже и до того времени, из царей же вместе и архиереев, последним был Аристокбул, которого оковали и в Рим послали. Всю же Иудейскую страну ромеяне своей сотворили. И так сначала иноплеменный Ирод, как сказано, иудейскими народами овладел, когда же явно Христово пришествие настало, и оскудели воистину иудейские же архиереи и владыки, по святительскому предсказанию. Ибо архиереи от Иуды были по матери, поскольку великий Арон привел женой себе дочь Аминодава, происходившую от Иуды. После сего родственниками были те, кто происходил от Иуды и от Левгия. Посему, происходя от Арона, Елисаветь родственницей названа была Богородицы Марии. Оскудели же оба бывшие от Иудеи архиерея, а Ирод иноплеменником был, и царем, как сказано, над иудеями поставлен был, когда Христово Рождество приблизилось.

И святительская преемственность, которая шла от праотцев, разрушена была, по предсказанию Данилову, что Владыка принимает конец. Были же близ владык святители даже и до конца рода. Начали же еще до Дария обновление церкви, окончили же при Гиркане, и прошло лет 483. Также и Данил свидетельствует и говорит: и увестъ, и разумеет, глаголя от исхода Слова, да отвещает, да созиждет Иерусалима даже и до Владыки Христа седмиц седмь, 62. Ибо 60 и две седмицы дают лет 483, и начальствие принимают от благих владыки, из которых же последний Гиркан из парфянского племени. Ирод от Августа приял царствие, с ним же были сего мужи и до окончательного пленения Иерусалима. Оттуда же и святительского рода предание иудейское и самарийское, то есть маккавейское, и последний архиерей Гиркан, которого же Ирод убил. Далее незаконные иудеи ереями становились, были и недостойные некоторые, иногда недолго, а иногда же постепенно у римлян место святителя покупали даже и до погибели конечной.

У Ирода же были сыновья с тем же именем, трое. Первенец Антипа, который Иоанну Предтече отрубил голову; при нем же и Господь был распят. Сей Антипа Ирод взял Иродиаду, жену Филиппа, брата своего.

Дочь же Иродиады Саломея, сплясав, попросила голову Иоанну Предтече отрубить.

Второй сын — Ирод Филипп, женой которого сначала Иродиада была, дочь же у них Саломея была, которая и плясала.

Третий сын — Ирод Агриппа, он убил Иакова, сына Зеведея, о котором же люди возглашали: се глас Божий, а не человек. Осуждение приял вскоре окаянный же Ирод Агриппа, и несколько дней разлагался и червями был изъеден, и в мучениях жестоких житие свое окончил, второго мученика после святого Стефана к Господу отправив. Сей же Агриппа, он же Ирод, в одежду был серебряную облачен, и на зрелище вышел, и на высоком престоле сел, и к народу обратился. Солнечные же лучи упали на одежду, и сияние, как заря, от одежды исходило, и лица предстоящих возблистали, и возгордился еще больше окаянный. И его же скоро ангел Господний поразил внезапно, и вскочил Агриппа с престола, поскольку терзалось чрево его жестоко. Божественного же апостола Иакова, сына Зеведея, повели на путь смертный, и увидел сие тот, кто оклеветал его, и раскаялся, и припал к апостолу со словами: прости меня, человек Божий, так как я раскаиваюсь в том, что оклеветал тебя и этим согрешил. Блаженный же поцеловал его и сказал ему: мир тебе, чадо, мир тебе о прегрешении твоём. Тот же голосом велиим тогда Христианином себя назвал пред всеми и так присоединился к тому, кого оклеветал, и с ним венец мучения приял. Отрубил голову Иакову Ирод, по примеру нечестивого отца своего, ибо и тот на Христа восстал и сверстников Его, младенцев, обезумев, собрал и порубил. И еще в житии сем был наказан Ирод, и житие себе сокрушил, и справедливо, что на неправедного Суд пришел. По отшествии же от сего света приял окаянный муки, что было показано явным образом. Ибо тотчас приял он от Бога посланную пагубную рану, которая же в смерть немилостивную его вогнала. Посему же, как рассказывает Иосиф, тело его недугом было охвачено и различными страданиями разрывалось: и жар сильный был, и зуд же страшный по всему телу и лицу, и смертельные беспрестанные страдания, и ноги загноились и стали смердеть, и утроба же его горела, и срамные места гнили, червей испуская, и к тому еще дыхание нарушилось и дергаться все члены его стали, и скверный смрад из уст его исходил всегда, так что слуги его отбегали от него, и гнушались, и говорили: болезнь сия Богом послана. Сии же страдания долгое время его одолевали, и столь сильную болезнь не мог вытерпеть, так что и сам прекратить ее дерзал. Попросил же яблоко свежее и нож, как будто возжелал сам отрезать и есть, и приял нож, и направил в горло себе, и заколоть себя хотел. И заколол бы себя, если бы слуга его не увидел и не исторг скоро нож из руки его. И еще больше Ирод Агриппа от болезней

стал мучиться. И сестру Саломею, которая попросила голову Иоанна Предтечи, и мужа ее Александра призвал, и сказал, чтобы они иудейских старейшин затворили в темнице, и, когда он умрет, чтобы скоро воины узников тех убили, да не будет день его смерти радостью иудеям, но плачу причастен будет. И повелел сие он, и ужасно высох, и в страшных мучениях дух испустил. Тогда Саломия все сотворила иудеям, что повелел Агриппа, и в великий плач и в рыдание их повергла. Сколько же другим зло творил, все думал, что тем царству своему добро творил, и житие тех, кто в доме после него остались, омрачил несчастьями, жены же, и детей, и прочих родственников, лучших и любимых людей убийством; и никак ныне не высказать все сотворенное им и всю величину сего не изобразить, сие же и Иосиф пропустил.

И был царем, или четвертовластцем, над иудейским народом Архелай, сын Ирода, и царствовал 9 лет, при наместниках Ламии и Сервиллии, как Климент Летописец написал. На праздник же Пасхи сходились из Назарета в Иерусалим. И когда двенадцати лет был Иусус, вошел Он в Иерусалим, и сразу узнали Его многие, и удивлялись разуму Его и премудрости. И многих в Иерусалиме удивил книжников и фарисеев, так что дивились все об ответах Его. Был же Иусус лицом красив очень, как пророк сказал: красен добротою паче сынов человеческих. Ростом же был и высотой тела шестих столп свершен, с русыми волосами, не очень густыми, но предивно хорошими, брови у Него были черные, слегка наклоненные, очи же его были русые и веселые, как и образ описывают праотца Давида. Румян, с добрыми очами, ноздрат, брадою рус, с длинными волосами, никогда не стриженными; не прикасалась же рука человеческая к голове Его, только рука Матери Его в младенчестве. Немного наклонена выя Его, телом прям, невелики рус, округло лице, якоже и Матери Его, мало сходяще, елико являет и что разумное нравом и кротостью, и по всему безгневен, и помалу Того Матери пре-написа слово, и по всему Того приобшашесе подобю.

Сей же Август Кесарь Октавиан в 55-е лето царствования своего, в месяц октябрь, то есть иперберетай, пошел в кумирницу, и принес торжественно жертву, и спросил: кто после меня царствовать будет в Римском городе? И не дала ему ответ пифия. И снова принес другую жертву и спросил пифию: почто не был мне дан ответ, но молчит волхвование? И сказала ему пифия так: отрок Евреин велит мне повелением Благого Бога сей дом оставить, и во ад уже отойти. Посему уйди из домов наших.

И вышел из кумирницы Август Кесарь, и пришел в Капитолий, и поставил там требник великий и высокий, на котором же написал римскими буквами: требник сей прадеда божия; сей требник есть в Капитолии и донныне, как Тимофей написал.

Август же Кесарь Октавиан царствовал в Риме до Вочеловечения Христова 41 лето, и одержим был плотским грехом, и люот был и яр, пока не был учителем Афинодором хорошо проучен и от такого образа жизни отказался. И после Вочеловечения Господнего царствовал Август 15 лет, целомудрствовав от плотского греха, ибо был таибник архиерей и царь. И умер в Риме, в старости, в 86 лет. С того времени начинается царствование 4-е, которое в видении пророк Даниил видел: было четыре зверя, и видение четвертому звери боле инех, так образно Даниил сие царство именует.

Царствование 3-е, Тиберия, который царствовал в Риме

В лето 5516-е. После Августа царствовал Тиберий в Риме, сын Августа, 22 года с половиной. Был же роста среднего, крепок, тонок, с красивыми очами, смугл, с короткими волосами, крокоряв.

Сей Тиберий Кесарь исперва же был кроток и даролюбив. Когда же кому-нибудь даровал власть или воеводство в каком-то городе, то нескоро такого менял.

Когда же его вопрошали о сем, рассказал притчу: у некого человека были все ноги в струпьях. И прилетели мухи и ели сии струпья, он же не отгонял их. И некто захотел отогнать мух, он же возопил: человек, оставь, ибо сии мухи гниющих частей моих насытились и теперь мало меня печалят. Когда же прилетят иные, голодные, то больше мне страданий сотворят. Сие же он говорил о властях, что не следует спешить с их заменой, чтобы, насытившись, не очень нападали они на тех, кто под ними.

Если же узнавал, что кто-то берет дани тяжкие и не кроток, и просит больше установленного законом, тех в муки тяжкие повергал. Когда его спросили и о сем, то рассказал другую притчу: хочу руно остригать овцам не до самой плоти, то есть со щадением взимать налоги с подвластных.

И с воинством ополчился Тиберий, и ходил на Персию и на Мидию, и не бился, но был умолен от них, и дань мирную сотворил взимать на них.

И создал Тиберий в Антиохии многое, и горожанам баню создал близ источника Олимпиады, который же создал Александр Македонский во имя своей матери. Ибо воду ту пил Александр, придя туда, и сказал: пил молоко матери моей. Поставил же там два идола медных великих родившимся в Антиохии Диоскурам, вне храма, Амфиону и Зефу. И реку города, издревле называемую Драконт, прозвал Оронт, словом римским, которое означает восточная.

И оттуда Тиберий возвратился в Иудею, и пришел к озеру, и создал город, и прозвал его именем своим — Тибериада.

О крещении Господа нашего Иисуса Христа и о Иоанне Предтече

В лето пять тысяч пятьсот тридцатое, в 15-е лето царствования Тиберия Кесаря, пришел Гаврил архангел ко Иоанну, сыну Захарьину, в пустыню, и сказал к нему: тако глаголет Господь, создавый тя и избравый тя от чрева матери твоея: поиди в жительная места и крещай вся, приходящая к покаянию, и се Аз пошлю Сына Моего Единородного; Той приидет, и крестится от тебе, и воды освятит и всех крещающихся; над Него же узриши Дух Божий сходящ в видении голубине и пребывающ на Нем, Той есть Сын Мой возлюбленный, Судия живым и мертвым, избавляя верных ото всякого гнева. Сие услышав, Господень Предтеча Иоанн пришел в Салим, и приходили иудеи, и крещашуся от него, исповедающе грехи своя.

Говорили же тогда, что некий муж ходит по Иудее в чудных одежах, прилепив шкуры животных к телу своему на тех местах, где было непокрыто волосами его, а лицом был как дикий. Был же нрав его чуден, и житие нечеловеческое. Как дух бесплотный, так он пребывал. Уста его хлеба не знали, даже на Пасху не вкусил он опреснока, говоря: на воспоминание Богу, избавльшему люди от работы, вdana суть сия ясти. Вина же и другого хмельного даже близко к себе не допускал. И всякого животного гнушался. Всякую же неправду обличал. И питался медом диких пчел и щепками с деревьев, то есть вершием дубным.

И тот человек пришел к иудеям, и учил их, и о свободе говорил: Бог мя посла, да покажу вам путь, имже избудете от многих властелин, и не будет на вы владеяй смертный, разве Вышняго, пославшаго мя. И это слышали людие, и рады были.

И шли к нему со всей Иудеи и из окрестностей Иерусалима люди, и ничего иного не творил им, кроме того, что во Иерданские струи погружал их и отпускал, наставляя, чтобы перестали делать зло, и тогда дан будет им Царь, который спасет их и покорит всех непокорных, Сам же не покорится никому. Одни смеялись над сим человеком, другие же верили ему.

И привели его к правителю Архелаю, и собрались законоумудрецы, и спросили его, кто он и где был дотоле. Он же отвечал им: человек я, которого ввел Дух Божий в пустыню, и питался я тростием, и корнями, и щепками деревянными. Они же угрожали ему муками, если он не откажется от сих слов и дел. Он же сказал: Вам подобает престати от своих скверных дел и прилепитися Господу Богу своему. И восстал с

яростию Симон книжник родом ессеянин, и сказал тому человеку: мы всякий день читаем божественные книги, а ты ныне вышел из дубравы, как зверь, и еще смеешь учить нас и народ прельщать непреподобными словами своими. И устремился Симон на него, желая растерзать тело его. Он же укорил их, и сказал: не открою вам сущую в вас тайну, понеже не изволили того есте. Тем приидет на вас пагуба неизреченна. И, сказав сие, отошел он на другую сторону Иердана, и никто не смел возбранить ему, и творил он там то же, что и прежде.

Толкует сон Господень Предтеча Иоанн Ироду Филиппу

Ирод Филипп был в своей области и сон увидел, что орел исторгнул оба ока его; и созвал Филипп всех мудрецов своих, и они каждый по-своему толковали сон.

А муж тот, о котором прежде писали, что ходит в звериных шкурах и в Ерданских струях людей очищает, пришел к Филиппу внезапно, и не звали его, и сказал: слыши слово Господне о сне, который ты видел: орел — твоя жадность, ибо сия птица насильничает и расхищает; и тот грех изымет твои очи, то есть власть твою и жену твою. И после сих слов в тот же день умер Филипп, а власть его перешла Агриппе.

В те же дни царствовал в Иудее Антипа Ирод, был он нечестивейшим. И услышано было об Иоанне по всей Галилее и Иудее, и многие приходили к нему, и собралось к нему 40 учеников. Среди них был Андрей из Вифсаиды и Иоанн Зеведеев.

А Ирод жил в Себастии.

И послал Ирод пятидесятника к реке Иердан и повелел привести Иоанна. Пятидесятник же, пришед, виде славу, покрывающую лице его, и не смел ничего говорить. Предтеча же Господень уразумел, чего ради пришел человек сей, и сказал ему: иди, скажи царю Ироду, что не время ныне предстать мне пред ним. Приидут же дни, когда сам по себе предстану пред лицом его и нечестие его, и преступление закона обличу, поскольку не довольствуется сделанным злом, и на ложе брата своего хочет взойти, и преступником пред Богом обрящется.

И вернулся пятидесятник и передал Ироду слова Иоанна. Выслушал же Ирод и удивился, и сказал боярам своим: есть ли что-нибудь, что могло бы скрыться от мужа сего, пагубника, ведь он тайное помышление мое обличил.

И прошло тридцать дней, и приходит Господь на Иердан, был же Он тогда в возрасте 30-ти лет. И увидел Иоанн, что грядет Он, и простер руки свои, и одежду постелил на землю, и сказал тем, кто были с ним: се Агнец Божий. И возбраняше Ему, глаголя: аз требую от Тебе крестити-

ся. Он же рече: остави ныне. И крестился Иисус января в 6-й день, в 7-й час ночи. И видел Предтеча Господа Дух Святой сходящ яко голубь и пребывающ на Нем.

После сего Антипа Ирод взял жену Филиппа, брата своего. И сего ради все законники гнушались Ирода и не смели его обличить; и только сей муж, которого называли диким, пришел к Антипе с яростию и сказал: поскольку ты жену брата взял, беззаконник, а твой брат умер безмилостивною смертию, также и ты сжат будешь Серпом Небесным, ибо не умолчит Божий Промысел, но умрешь в печали жестокой во иных странах, поскольку ты не семя восстанавливаешь брату своему, но похоти плотской служишь и прелюбодеяние сотворишь, ибо четверо детей у брата твоего родилось.

Ирод же, сие услышав, разгневался очень и повелел бить и изгнать мужа сего; он же не переставал, где ни обретет Ирода, обличать его пред всеми, и доставлял беспокойство всем, и повелел Ирод в оковах бросить его в темницу.

Узнали же ученики его и пришли к нему в темницу, и плакали плачем велиим и крепким весьма; и приветствовал он их, и умолял отвращать лица от прелюбодейства, и блуда, и зависти, и сребролюбия, и гордости, и лжи. И сказал: поминайте закон Моисеев, сиречь помните, яко сия писана есть в законе Моисееве. Сохраните по Духу, сиречь Духом совершаемая добродетели. Потщитесь творити сия; ум ваш выну Вышняя да мудрствует и да помолится. Мысль ваша да вперяется к Небесней доброте; светильницы ваши да горят выну. Свеща ваша да светит присно; уста ваша да песнословят Бога непрестанно. Любите враги ваша, зла за зло никому воздадите. Всесожжения ваша и жертвы да не воссмердят, но паче начала ваша добрейшая приносите Богови. Слово ваше да будет всегда солию растворено. Иже аще сия вся сохраните, чада, да будет благодать Господа нашего Иисуса Христа всегда с вами. Жертву же и всесожжения творити добрейшими законную глаголет или Давидом реченную: Жертва Богу дух сокрушен. Еще же Духовная и Безкровная Жертва тогда не предана. И сие сказал ученикам Иоанн, и целовал их, и отпустил, а они плакали весьма.

На следующий день, егда Ирод рожеству своему вечерю творяше, то есть отмечал свой день рождения, призвал он всех вельмож своих, числом 22. Иродиада же призвала всех вельмож тех и умолила их увещать Ирода об Иоанне Крестителе, чтобы либо Иоанн перестал обличать, либо ему отрубили голову.

Ирод же по просьбе их послал к Иоанну и обрел его обличающим еще больше.

И был пир, и, когда напились, пришедши, дщи тоя Иродиady плясавши и угоди Иродови, и Ирод поклялся ей дать то, что попросит, даже до полцарства. Она же, по научению матери, попросила голову Иоанна Крестителя.

И послав царь спекулятора, усекну его в темницы и принесе главу его на блюде, и царь, взем, дасть ю девицы, и девица дасть матери своей.

Пришедше же ученицы его, и взяша тело его, и погребоша. Было же тогда святому Иоанну 31 год и 2 месяца; пострадал же он месяца августа в 29-й день.

Сей Ирод царь, второй брат Филиппа, вышел из города Себастии в Пания, град иудейский. И пришла к нему жена некая богатая, хотела она, посколькy исцелела от Христа, образ Его поставить, и не дерзнула без царева повеления того творить. И Ирода просила та жена, чтобы позволил поставить образ медный Спасу Христу в том городе. Свою же просьбу так она изложила: Честному Ироду, правителю установителю законов иудеям и эллинам Трахонитской страны мольба и просьба от Вероники, боярыни города Паниада. Правда, и человеколюбие, и другие добродетели да хранят вашу Божественную голову. Посему и я, сие ведая, с благими надеждами обращаюсь и, быть может, просимое получу. В чем же настоящего прошения смысл, скажет о сем произошедшее со мной. Страдала я обильным кровотечением, и, истощив свое имущество и богатство, исцеления не обрела. Узнав же о чудесных исцелениях Христа, Который мертвых воскресил и снова на сей свет возвратил, и бесов из человека изгнал, и всех с ранами гниющими исцелил, к Нему и я, как к Богу, пришла. И приблизилась я к Нему, стоял же вокруг Него народ, и утратилась поведать Ему о постоянной моей ране, утратившись, как бы Он скверной моей болезнью не погнушался и на меня не разгневался, и как бы тогда еще больший недуг ко мне не приступил. И про себя помыслила, что если бы могла прикоснуться к подолю ризы его, то исцелилась бы. И, так подумав, сквозь народ пробралась, и украдкой исцеление получила, подола ризы Его коснувшись.

И перестала течь кровь, и стала я полностью здоровой. Он же сразу, как ведающий моего сердца помысли, возопил: кто ся прикоснет Мне? Сила от Мене изыде. Я же ужаснулась и застонала, помышляя, что недуг больший возвратится ко мне, и припала к ногам Его, землю поливая слезами, и с дерзновением исповедала все. Он же, милосердный, добр был ко мне, и дал мне исцеление, и сказал: уповай, дщи, вера твоя спасет тя, иди с миром. Так явно я была исцелена. И выслушал Ирод царь сие моление, и чудился о чуде, и убоился таинственного исцеления, и сказал ей: исцеление, которое было с тобой, о жена, превышает то, что мы просим в капищах. Иди же и, как ты же-

лаешь, поставь Ему образ, с любовью прославляя Того, Кто исцелил тебя.

И тогда поставила сия жена посреди своего города Господу нашему и Богу Иисусу Христу образ из меди, примешав некоторую часть золота и серебра. Сей же образ есть в Пандеаде городе и донине; много лет назад перенесли его с места, где он стоял посреди города, в святую церковь. Воспоминание о ней, записанное, нашли в этом Пандеаде у Васа некоего из иудеев, бывших Христианами. Там написаны были жития всех святых Иудейской страны, как Климент написал.

В один день вышел Иисус в Галилею с тремя учениками своими: с Андреем, и с Петром, и с Иоанном Зеведеевым, и обрел Филиппа из Вифсаиды, и взял его с собой, и Иоанна, и Нафанаила. И пришел в Кану Галилейскую, и там был брак. Позвали же Иисуса на брак, и с Пречистою Матерью Его, и с учениками Его. И когда не стало вина, сотворил Иисус из воды вино. Жениха звали Симон, и он потом последовал за Христом, прожив с женою два года, и умерла жена.

Это Симон Кананит, один из двенадцати, который был ревнителем. И оттуда Иисус пришел в Вифсаиду, город в Галилее, и вниде в дом Петров, и боляше теща его огнем, и абие Христос, пришед, исцели ю, и вернулся в Назариф. Иосиф же, обручник и хранитель Богородицы, преставился в старости, исполненный дней, прожив, как говорили, 100 лет. Сыновья же его, Иаков и Июда, последовали за Христом и ходили по всем городам и странам, проповедуя Царствие Божие и исцеляя всякую болезнь и всяк недуг.

Теща же Петрова, и с дочерью своею, и с женою Петровою, последовали за Ним, и были с Богородицею. Ушли же они оттуда, и пошли в город галилейский, где же есть озеро, называемое Геннисарефь. В той же местности было много деревьев посажено.

Земля же та прекрасна, и богата маслом, и изобильна вином, и рыбы много, и питания разного рода, и деревья плодов много приносят. Прекрасен же тот край, и много плодов растет там, вина же и масла там в изобилии.

Пришел же Иисус в дом Зеведеев с матерью и с учениками своими, и пребывал там у Зеведея, имевшего жену именем Саломию и двух сыновей — Иакова и Иоанна, их же принял Иисус в ученики. Мать же их, услышав учение Иисусово, думала, что Он о земном царстве возвещает, прося у Него, да един одесную, а другой олевою сядета сына тоя в Царствии Его. Сие же сказала она, потому что любила детей своих, также и потому, что сродницей была Богородицы.

И оттуда ушел Иисус, и пошел в Капернаум, и тогда исцелил там расслабленного. И иные многие всюду исцеляемы были, когда словом Его

оглашаемы, и что потребно было, приносили им. Многих же оглашали и крестили ученики Его. Иисус же не крестил, но только учил и исцелял болящих.

И умер же Зеведей, и подошел к Иисусу сын Зеведея, и сказал Ему: повеле ми итти и погребсти отца своего. Христос же тогда не позволил ему, после же позволил пойти. Иаков же и Иоанн пошли и погребли отца своего. А мать же привели, и ходила с Богородицею и прочие лета живота своего. Имение же свое продали, и, шедше в Иерусалим, купили Сион.

Пришел же Христос с материю и с учениками своими в жидовскую землю, и всюду благовествовали, и крестили, и исцеляли. Когда же вошел Он в Иерусалим, Саломия, жена Тезина, строителя у Ирода Филиппа, одержимая духом лукавым, приступила и попросила Христа, и исцелела от недуга, и больше не отступала от Господа, и последовала за Ним. И пребыли же они там несколько дней, и был праздник Обновления, и многих просветил Христос учением своим в церкви; и горшечников, и разносчиков овощей, и всех торговцев из церкви изгнал; и многих болящих исцелил от многих недугов.

Возвратился же Он снова в Галилею, и пришел в Магдалу город. Жена же некая, по имени Марья, благородная и богатая, приняла Его в дом свой, и поучилась Слову Христа, и увидела чудеса, которые Он делал, и отказалась от дома своего всего, и приступила к Христу, и последовала за Ним, и была с материю Его и с прочими женами. Была же она смышлена и тепла духом, также как Петр среди мужей, и из имущества своего служила им. Ученики же Иисуса были сии: Петр, Андрей, брат его, из города Вифсаидского, Яков и Иоан, сыновья Зеведеевы, Филип же, и Варфоломей, Иаков Алфеев, Июда, брат Господень, ибо Иосифа, отца их, звали Алфей, Симон из Каны Галилейской, и Фома, называемый Близнец, Матфей Евангелист, Иуда Искариотский.

Иоан же, сын Зеведея, после умертвия отца своего продал все имущество свое в Галилее, и пришел в Иерусалим, и купил Сион; это холм в Иерусалиме. Жидовские же архиереи, которые были в те времена, в том году меняли имения, и в святилище приходили. И Каиафа, который не из Иерусалима был, но из некоторых более высоких мест, года того иереем стал, и не было же у него дома, где обитать. Того ради и евангелист Иоан говорит, что знакомым был архиерею ученик тот, ибо половину своего дома дал архиерею, а другой половиной владел сам. В сем же доме и Пасху с учениками Своими совершил в Тайную Вечерю Владыка Христос. Туда же, говорят, Владыка послал учеников, чтобы они приготовили Пасху, и когда сказал: идете к онсицы, то к Иоанну их послал. Некоторые же говорят, что владелец у дома был, ибо Иоан никогда же от Христа не от-

лучался, но с Ним был до самого распятия. Там же пребывали и в Пасху, и Тайную же Вечерю совершали, там же и Богородица пребывала с тех пор, как взял ее к себе Иоан, ибо, когда предстоял он у креста Христова, слышал сие от Него.

О распятии Господа нашего Иисуса Христа

Распят же был Господь Бог наш Иисус Христос в лето 5533-е марта в 30-й день, в пятницу, в 6-й час дня. От 6-го же часа до 9-го тьма была по всей земле, о которой говорит Захария пророк: в день он не будет света, и день он познан Господеви, и ни день, ни ночь, к вечеру будет свет. Распят же был Господь наш Иисус Христос индикта 3-го. Бе же тогда Пасха у жидов 31-го марта, в субботу. Есть же Голгофа, место, где же распят был Господь, и камень круглый, высокий, который называется Голгофа.

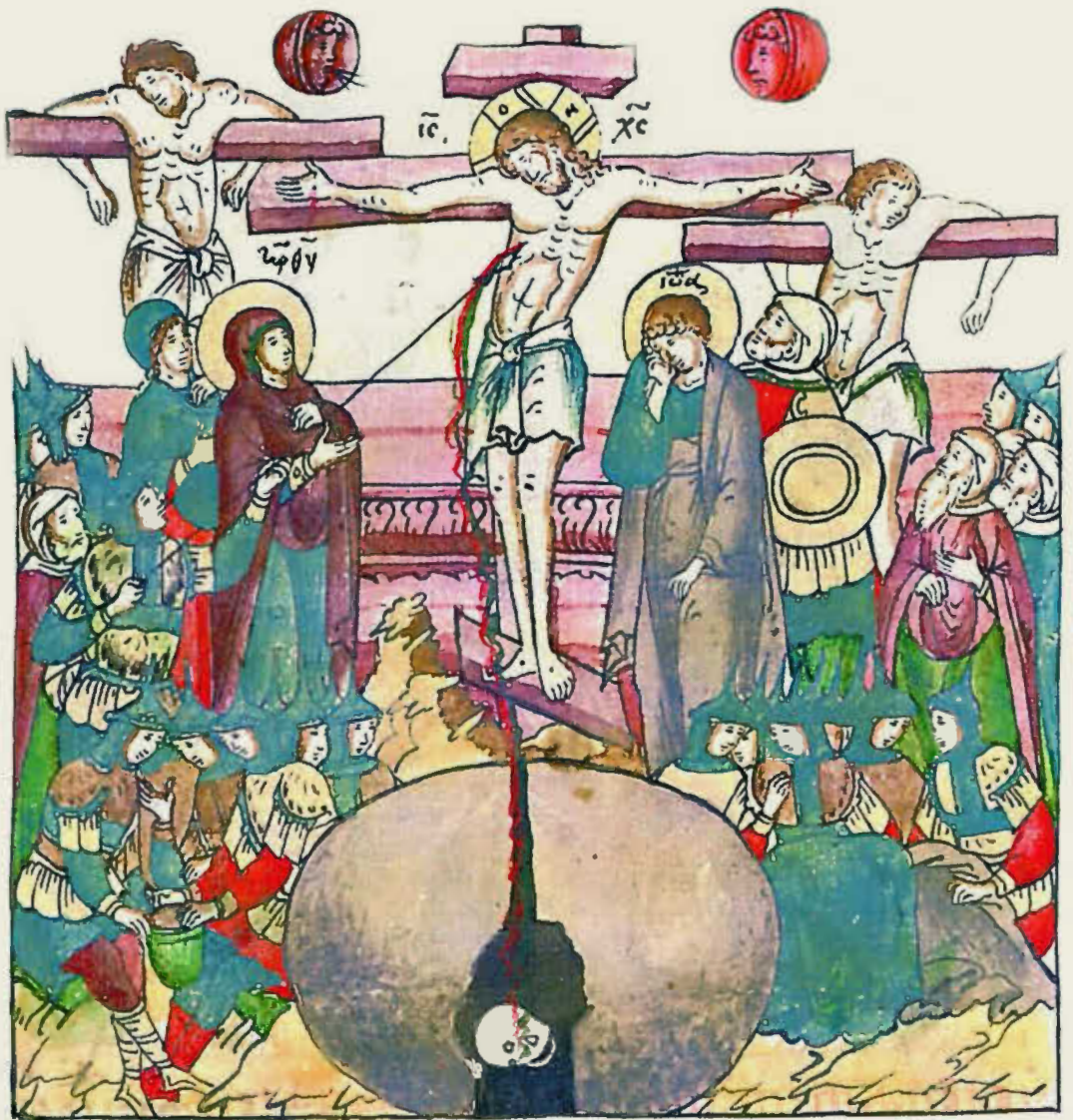
Внизу же, под распятием, где же находится голова Адама, место называется Краниево, которое есть Лобное.

Егда же распяша Его воины, разделиша ризы Его, и о нешвенной одежи Его меташа жребия. Когда же предал Господь дух в руки Отчи, тогда земля потрясся и камень распадеся. Тогда и тот камень Голгофа раскололся. И един от воин копием ребра Ему прободе, и абие изыде кровь и вода через ту расселину на главу Адамову и омыла грех праотца Адама и всего рода человеческого.

И гроби отверзошася, и многа телеса усопших святых восташа, как написано в Евангелии. Также и Никодим пишет о страдании Спасителя в слове, которому заглавие: Деяния Святой Троицы. Там же он говорит, что и Семиона Богоприимца два сына восстали, Харин и Лентий, которые же возвестили о сотворенном Христом во аде, и иные многие.

О завесе церковной

Внутри же церкви были двери из чистого золота 55 локтей в высоту, а в ширину 16. Перед ними же висела завеса, или катапетазма, равная дверям широтою и высотой. Была же она из паволоки вавилонской, и украшена гиацинтом, и виссоном, и коком, и порфиром, и чудна была видом, и премудро сделана, ибо кок прообразовал огонь, а виссон — землю, а гиацинт — воздух, а порфир — море; ибо они подобны видом тем стихиям. Изображено же было на той завесе всякое небесное движение и мудрость, кроме двенадцати поясов небесных. Сия же завеса пред сим родом была целой, поскольку благочестивы были люди. Ныне же жалостно было зреть на нее, ибо разодрана была внезапно сверху донизу, когда распяли Господа нашего Иисуса Христа. И многие иные знамения были тогда.

О Воскресении Господнем

Воскрес Господь наш Иисус Христос на 3-й день, в 7-й час ночи, когда стало светать, в день недельный, 1-й день апреля. И явился Господь апостолам и другим многим святым на святой горе Сион, дверем затворенном, и став посреде рече: мир вам... и прочее. Там и Фому Он уверил.

И пожил Иисус с ними 40 дней, и взошел на Небеса месяца мая в 10-й день, в четверг, в 9-й час дня, святые же апостолы зрели, и множество народа видели, как на облаках взошел. И святые ангелы говорили: мужие галилейстеи, что стоите, зряще на небеса? Той есть Иисус, вознесыйся на Небо.

Видела же Святая Богородица Вознесение на Небеса Сына своего и на большее себя пощение и коленопреклонение подвигала, так что и Андрей Иерусалимский, архиепископ Критский, писал, что и теперь различимы на мраморе следы от коленопреклонения ее на святой горе Сионе, и явлено то место, где располагалась Богородица на камне и ненадолго естественный сон принимала; почтение же и страх имела от всех людей и славу не только от верных, но и от жидов и язычников. И никто же не смел из жидов, или из князей, или из архиереев приблизиться, или сказать, или что сотворить с ней. И там, где была, в дому, исцеление болящим и здоровье подавала, беснующихся освобождала от нечистых духов, милостыню же убогим прилежно творила, вдовицам же и сиротам.

Говорили же некоторые, что ни один из двенадцати апостолов не уходил далече или не отлучался из Иерусалима при житии Богородицы. И в скорби пребывали, и в гонении на церковь, и после убийства Стефана Первомученика все разошлись по городам жидовским и самарийским, кроме 12-ти апостолов, как Лука Евангелист пишет.

Там же сошел Дух Святой на святых апостолов в день 50-й, месяца мая в 20-й день, в день недельный, в 3-й час дня, на святую гору Сион, и оттуда посылались в разные места апостолы и, возвращаясь, там снова собирались.

Царствовал же в Иудее сей Понтийский Пилат, которого нарек властелем народа тот Тиберий Кесарь, который разрушил царство Иудейское и поставил им князя, которого сам захотел. А Ирод же владел жидами.

Был же Пилат близкий друг Тиберию Кесарю, и поставил он его над жидами воеводою.

Пилат же о всем содеянном Господом возвестил Тиберию Кесарю, что распят был Иисус, называемый Христос, и воскрес в 3-й день, и чудеса деятся учениками его. Тиберий же царь, узнав о сем, дивился и веро-

вал Господу, и хотел тотчас царским званием почтить Его. И возбранили Тиберию вельможи его, и безумием назвали Слово Христово. Кесарь же сохранил сие слово в сердце своем и вадящих на Христиан погублял.

И уведал же Тиберий Кесарь, что Ирод Антипа согласился на смерть Христа, и что из-за греха прелюбодеяния много зла было в стране той, и что Иоанна Крестителя, мужа праведного, Ирод Антипа убил за то, что тот резко обличал его за преступление закона. И весьма вознегодовал Тиберий, и повелел он прелюбодея связать и в Рим привести, и изверг его из княжения, и имущество у него отнял, и из земли той послал его с Иродиадой в Испанию, где он житие свое плохо кончил. Плясавшую же девицу поглотила земля заживо. Сей же Ирод в болезнь впал, и болел месяц, и убиен был во палате своей, и через восемь месяцев уведала жена его о сем.

Святительствовали же в Иудейской стране Анна и Каиафа. Через 40 лет после прихода Спаса и Бога нашего, в царствование того Тиберия Кесаря, ушел святой Павел из Антиохии Великой, где он проповедовал прежде слово истинное на площади, которая в тех краях зовется Челюстной. И с Варнавой Павел в Киликию ушел, Петр же из Иерусалима в ту Антиохию Великую пришел, и Слову учил, и рукополагал, и епископов принимал. И сам себя назвал там наследником, и доверял Петр тем христианам, которые были из иудеев, а уверовавших из язычников принимать не любил, и так оставил их Петр, и ушел оттуда.

Святой же Павел после сего пришел в Антиохию Великую и, уведав сие о святом Петре, все сомнения рассеял и всех равно принимал и любил всех, приводя к вере, как написали премудрый Климент и Татиан Летописец. И умер царь Тиберий своею смертию в палатах, когда было ему 70 лет, и состарился он, а царствовал лет 23, а после Вознесения Господнего царствовал Тиберий 5 лет. Этот же Тиберий убил Логина сотника с двумя воинами.

Царствование 4-е, Гая, сына Тиберия, который же царствовал в Риме. В лето 5538-е

После Тиберия же царствовал Гай, сын его четвертый, и было ему лет 35, и царствовал 3 года и 7 месяцев. Се был муж свирепый и величавый. Был же высок, тонок, лицом красив, румян, с чуть видными усами, с прямыми волосами, маленькими очами, быстро говорил, был гневлив, великодушен. Он сперва велемудрствовал и имел боязнь многу ко всем варварским народам, еще прежде царствования своего, и сего ради боляре царем его поставили. Следовал же царским установлениям и всем подчиненным своим по обычаю давал. Потом же, после двух лет, отступил от человеческого разума, по примеру отчему богом себя сотворил, и

кумиры, изображавшие его, по всем городам и церквам велел поставить. Также и иерусалимский храм, себя обожествляя, нового Гая церковью повелел именовать.

И не только жидов мучил, но и всех, бывших в Риме, и знатных убил, и взимал богатство их. И еще закон издал, и рабов отымать повелел, и клеветали те на господ своих, если какие-то согрешения их ведали. Сим же злые напасти сотворил всей вселенной. Рабы на великие муки обрекали господ своих: каждый старался противиться своим господам, от которых муки терпели. Мало сего, еще и в бесовство пустился Гай незаконный, и в одежды женские облачался, и волосы заплетал, и иными заплетенными волосами увивался, и женою себя творил, и всякое сквернодеяние творил. И праздники измышлял, и службы дивные творил. И еще же некогда свою дочь взял и на лоно к кумиру посадил ее, и так сказал: ты ее родил, и отец ей по закону ты.

В царствование сего Гая Кесаря в 1-е лето убиен был в Иерусалиме архидиакон Стефан Первомученик, через 6 лет после Вознесения Господнего. И после сего Стефана убиен был Иаков Зеведеев Иродом Агриппой, вторым после святого Стефана убиен сей был.

А после убиения Стефана через два лета написал Матфей Евангелист Святое Благовестие, в 3-е лето царствования Гая, в лето 5541-е, а после Вознесения Господнего через 8 лет.

Был же у Святой Богородицы Иаков, брат Господень, он заботился обо всем, был первым святителем благородства, и без него не творили ничего же святые апостолы. Жены же многие из стран богатых с Богородицею были: одни от недугов были освобождены, другие же от духов нечистых, третьи же по вере и любви пришли к Богородице. Пришла и жена Павлова, и то слово верно. Апостолы же все веровали во Христа, и пошли из Иерусалима с Богородицею, и по повелению ангела вошли в город персидский Пилас, так он назывался. Об Успении же Богородицы Дионисий Ареопагит рассказывает, поскольку был у нее с Тимофием, и с Ерофеем, и с прочими. Сей же Дионисий и Тимофей учениками были апостола Павла.

Павел же через 6 лет и 6 месяцев после Христова Вознесения крестился, потом же через три года начал проповедовать и через 9 лет начал учить Дионисия. Говорят же, что Павел блаженный через 14 лет взошел в Иерусалим, было же всех лет после Вознесения Господнего 24. Сие же откровение было обретено в некоторых воспоминаниях, что из Эдессы восхищен был Павел на Успение Святой Богородицы.

И сказано было коринфянам, что собралось более, чем 500 братьев. Христос еще раз после Воскресения на Успение был, как сказано, Святой Богородицы.

Мних же некто, пресвитер добродетельный и боящийся Бога, на деле и на словах Божественного искал, и говорит: был я один ночью, и предстал мне некто, и сказал, что апостол Павел из Эдессы восхищен был на облаках на Успение Святой Богородицы, и взошел до третьего пояса звездного, и узрел как бы с той стороны океана и самого Рая, и слышал же речи неизреченные и пение ангельское и апостольское. Некоторые же говорят, что те из апостолов, кто не был в Иерусалиме, все на облаках пришли. Но Дионисий Ареопагит, который был там, не говорит сего. Поскольку по некоему предвидению прежде Исхода Богородицы собрались, ибо никто же из апостолов не преставился до Успения Святой Богородицы, только Яков Зеведеев, брат Иоаннов, которого убил Ирод Агриппа. Пред тем Гаем оклеветан был Пилат и в Рим приведен, и се в такую напасть впал, что самого себя погубил. Жиды же к большому мятежу обратились, в котором же многие убиены были римляне.

Кесарь же Гай Агриппу царя над жидовскою землею поставил, передав ему все четверовластье, и Агриппа зло творил ученикам Христовым, убил же Иакова, брата Иоаннова, мечем, как написано в Святых Деяниях, и убил бы Петра, если бы того не избавил ангел. Не переставал же тот Ирод Агриппа величаться, пока месть Божию не приял, и был Ирод червями изъеден, и издох. И в то время Яков, брат Господень, был первым епископом в Иерусалиме. Жиды же гнали учеников Господних, и много же зла прияли, ибо множество римлян убиено было. Приял же иной Агриппа царство жидовское, которого святой Павел упоминает. В 1-е же лето царствования его пострадала от Божьего гнева Антиохия Великая, что на реке Оронте; это было 2-е падение города. И послал царь средства воссоздать ее. В лета же царствования Гая Кесаря покровительство прияла от него прасинская сторона, и взяли власть в Риме, и в городах; 3 года с половиной, а точнее 3 года и 7 месяцев царствовал Гай, и радовались ему прасины.

В 3-е же лето царствования Гая возопили в Антиохии Сирийской вены того города, были же там и прасины на зрелище, и время пришло противников прасинов, и зрел на сие князь Приною упатский. И было среди народа в городе возмущение великое, и усобица в городе была антиохийских же язычников с бывшими там иудеями, и в движение пришли все жители, и убили многих иудеев, и соборища их пожгли.

Узнал же в Палестине иерей тех иудеев, по имени Финеес, собрал множество галилеян, и иудеев, и горожан, около 230000, и пришел внезапно в тот город из города Тибериады, и убил многих, войдя с вооруженными людьми, и снова ушел в Тибериаду сей Финеес.

Уведал же о сем царь Гай Кесарь и разгневался на боляр, которые были в Антиохии — Понтия и Уаиря, и осмеял их пред всеми, и взял

все имение их, и дворы их в Антиохии в царское имущество обратил, и стали называться палаты царскими. Оттоле в той Антиохии привел же сих боляр Гай в веригах, поскольку ни мятежа городского не подавили, ни войску ерея Финееса пред городом не воспротивились.

Послал же Гай воинов и в Тибериаду, город палестинский, и схватил того Финееса, ерея иудейского, и отрубил ему голову, как правителю-тирану, и многих иудеев и галилеян погубил. И голову ерея Финееса восткнул вне города Антиохии с той стороны Оронта реки, и сожженное в городе обновил, прислав золото.

Все же военачальники видели то, что Гай Кесарь творил, и не могли стерпеть, и убили его, когда мылся в бане, по повелению боляр его, было ему 39 лет. При Гае был Февда, в Деяниях апостольских упоминаемый, был он соблазнителем, и повиновались ему многие, и сказал он: я пересяку Иердан, и проход сотворю людям. И сим он согрешил, и убиен был, и все бывшие с ним. И столп городской Силоамский на 18 мужей упал.

Царствование 5-е, Клавдия, который царствовал в Риме

В лето 5542-е. После Гая царствовал Клавдий Кесарь Германик, при наместниках Кассии и Силане. Царствовал же сей Клавдий Кесарь 14 лет и 9 месяцев. Был же низок, с проседью, бел, тих. Создал же город и прозвал своим именем Клавдеополь близ океана.

Сей же Клавдий царь старейшинство стороне прасинов дал. В царствование его пал от Божьего гнева город Эфес и Смирна, и многие города Азии, и много золота им послал на обновление. И облегчил же антиохийцам налог, который они давали от дыма, чтобы они могли поновить крытые галереи, которые создал Тиберий Кесарь.

При Клавдии был голод большой во всей вселенной, как предсказал пророк Агав. Тогда жида затворились в городе и по путям друг друга убивали. Сие узнал царь, и послал указание царям народов без милости убивать жидов. Многие же из людей тех умерли, и дома и чада их были на расхищение. Из Италии же и Рима изгнаны были. Это же все было им, поскольку Господа распяли.

В лето 5543-е, во второе же лето царствования Клавдия, написал Марко Евангелие, после Вознесения Господня через 10 лет. В начало же царствования Клавдия, по Восшествии же Господа нашего Исуса Христа минуло лет 10. После Петра Апостола, после того как он оставил епископство во Антиохии, стал епископом там Евод, и патриархом стал. И при нем Христианами стали прозываться и нареклись именем сим, прежде же назорейями и галилеянами назывались Христиане.

В восьмое же лето царствования Клавдия гонение великое сотворили иудеи на апостолов и учеников их, и совещались о том, чтобы рать воз-

двинуть на римлян. Клавдий же первым послал на них военачальника по имени Кинтион, который погибель иудеям принес. Поставил же им Клавдий князя по имени Филик, и он сметал иудеев.

В 6-е лето царствования Клавдия написал Лука Евангелие, в лето 5548-е, а после Вознесения Господа через 15 лет. А в 18-е лето после Вознесения Господа, в 9-е лето царствования Клавдия, в праздник 50-ный иудейские снова жрецы слышали Глас, говорящий по-человечески из внутреннего алтаря, который называется Святая Святых: отходим отсюда. Сей же Глас был три раза, и, услышав, возопили сии жрецы, что жертва будет. И уведали о сем все. И сразу оттоле началось истребление иудеев.

К сему Клавдию царю написал Пилат сам и послание послал в Рим, и написал следующее: от Понтийского Пилата к царю моему Клавдию. Истинное сие слово, и сам сие испытал. Жиды завистию своею насладились, страшной мукe и бесчестию предали Того, о Котором молитву имели отцы их, чтобы им Бог их послал с Небес Святого Своего, Который ради них Царем наречется; и Тот обещался воплотиться от Девы на земле. И когда я князем был у жидов, Бог еврейский им послал Его, и видели евреи, что Он слепых просвещает, бесов из всех изгоняет, мертвых воскрешает, повелевает ветрам, ходит сухими ногами по волнам, по морю, и другие знамения и чудеса творит. И когда многие из мрака жидовского уразумели и стали веровать, что се Сын Божий, то позавидовали, и воспротивились, и не потерпели сего прежние законники, и книгочеи, и фарисеи иудейские, и схватили Его и мне о Нем ложь сказали, что Он многое против закона их сотворил. Я же словесам их поверил таковым, и бил Его, и отдал во власть им. Они же на кресте распяли Его, и Мертвеца погребли, и стражу приставили из слуг советников гроб Его охранять, и запечатали гроб Его; и в 3-й день воскрес Он от гроба. И столь сильно воспалилось безумие жидовское, что дали мзду слугам моим со словами: скажите, что ученики тело Его украли ночью. Слуги же, прияв сребро, не могли скрывать правды о Нем, как все было, но сразу о Его Воскресении от гроба свидетельствовали, и поведали о том, что от жидов мзду прияли, и о том, что те обманывали царя, надеясь, что он будет передавать эту ложь жидовскую. И послал я к владычеству вашему сообщение обо всем, что приключилось с Иисусом Христом, Сыном Божиим, во дворце моем. Сие же и Иосиф описал все, что с тех пор, как иудеи распяли Иисуса, который был человеком благим и праведным, — если можно так говорить: человеком, а не Богом, когда Он сотворил такие знамения, — не переставали несчастья в Иудейской стране. О сем в своих писаниях об Иудее изложил сей Иосиф.

В царствование же Клавдия во Антиохии Сирийской пятые игры годичные устроили: и представления делали кукол детских, на столп ла-

зали, боролись, скакали на конях, бились на мечах. В другие лета царствования его страшное бедствие приял от Божьего гнева Критский остров весь. В лета Клавдия же обрелся же в гробе Диктиса Критского ковчежец из чистого олова с описанием сечи у Трои, самим им написанным, лежал же ковчежец в изголовье тела Диктиса. И думали, что ковчежец золотой, и принесли его к Клавдию. И повелел он отверзти и посмотреть, что там, и, переписав, в книжном собрании положил. И послал много золота в Крит на поновление.

Умер же Клавдий своею смертию в палате, проболев два дня, прожил же лет 65 с половиной. При нем замучен был епископ Киприан волхв, и Феоктист, и Устина дева из Антиохии, дочь отца Едесия и матери Клидонии, и Ксанфипа, жена Прова, из Испании, и сестра ее Поликсения дева, и Ревека дева.

Царствование 6-е, Нерона, сына Клавдия, который же царствовал в Риме

В лето 5557-е. После Клавдия же царствовал Нерон, сын его, при наместниках Силане и Антонине; и царствовал Нерон 13 лет и 2 месяца. Был же Нерон высок, тонок, сед, с густою бородою, и стройный. Был же он очень блуден, как иной никто же, также он начал гонение на христиан. И начал выпытывать о Христе и, не ведая, что Он распят был, взыскал Его, привести желая в Рим как философа великого и чудотворца. Узнал же о Нем прежде воцарения своего Нерон, и хотел же спросить Его о чем-то, и искал Его. Был же сей Нерон верою из так называемых епикурейцев, которые же утверждают, что без Промысла все происходит. И узнал Нерон, что много лет назад распяли Иисуса иудеи только из зависти и без всякой же вины, и разгневался, и послал за ними, и привел в Рим, связав, Анну и Каиафу; и Пилата же, жившего в Палестине после извержения его из сана, привел его связанным. Очень много же наговаривать на Пилата Анна и Каиафа начали, а тот отвечал, что они Иисуса закону передали. И много дали Анна и Каиафа и, выиграв спор, отпущены были. Пилат же пребывал в темнице.

О преставлении Святой Богородицы

В царствование сего Нерона, в 1-е лето, преставилась Святая Богородица, Пресвятая же, и Приснодева, и Всенепорочная Богородица; за 15 дней до преставления своего пророчествовала она об отшествии своем. А за 13 дней архангел Гаврил, представ, возвестил об отшествии из мира Богородицы и пришествии Господнем.

И призвал архангел всех апостолов. Они же пришли к ней, и увидели Святым Духом отшествие ее. И иные многие пришли к ней. Пришли же

и жены многие: Мария Магдалина, и дочери Иосифовы, и иные из рода ее. И многие словеса передала им и тайны страшные, которые, в сердце своем складывая, хранила: и целование ангела, и видение его, и прежнее видение, которое видела, когда молилась в церкви, как в апостольских писаниях сказано, завет сотворить. Как вещает апостол Варфоломей, заботилась она, прежде всего, о воздержании, и передала две ризы свои двум вдовам убогим, и сказала к ним: не токмо вас хочу соблюдать, но и всего мира.

Когда же пришел час ее, всем явился Христос, и от слова Его и от сияния исходящего от него света все пали ниц на землю и были как мертвые. И сказал им: мир вам. Они же от радости устрашились, пение же слышали ангелов невидимых. Апостолы же стояли склоненные и чудесам дивились. Также и апостолы воспели, как во сне сладком, и разверзли уста. И предала Богородица дух Сыну своему и Богу, и было ей лет 72. И снова ангелы воспели и отошли с гласом на Небеса. Святые же апостолы, как Дионисий Ареопагит сообщает, свою песнь каждый из них воспел, а не вместе все, поскольку Иерофееву пению все подивились.

И после отпевания сотворили гроб в Гепсимании и положили Богородицу в гроб.

Понемногу все побывали там за 3 дня, и пришел Фома апостол, и принес пояс Святой Богородицы, и вошел в храмину, где же сидели апостолы. Они же начали укорять его, и говорили: когда воскрес Господь наш Иус Христос на третий день от гроба и явился ученикам Своим, тебя не обрелось с нами, и Господь снова явился второй раз в церкви и на 8-й день уверил тебя. И ныне на преставление Пресвятой Богородицы где был ты? Он же сказал: когда восхищен был на облаках и видел Святую Богородицу, грядущую во врата небесные с ликом ангельским, то дала она мне пояс свой. Они же целовали пояс Пресвятой Богородицы, и с радостию пошли к гробу, и не обрели тела ее, только погребальные одежды. И скрылось святое, и нескверное, и всенепорочное тело от очей их.

Сказание о воздвижении хлеба Святой Богородицы

После страшного Воскресения Спасова, даже и до Сошествия Святого Духа на апостолов, даже и до разделения святых апостолов для проповеди, были все апостолы вместе. И когда после молитвы возлежали они и ели, то оставляли незанятым место Господне, и далее от дели, или скрижали хлебной, которую ели, часть Христову на место клали. И когда заканчивали есть, вставали, и благодарили, и брали скрижаль хлебную, которую называли дель Господня и которая на месте лежала, и ее

вверх воздвигали, и говорили: Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и прочее. А вместо О, великое Имя... говорили: Христос воскрес даже и до Вознесения. От Вознесения же даже и до Успения Богородицы говорили: о, великое Имя Святыя Троица, Господи Исусе Христе, помогай нам. Сие же так совершал каждый из них, если где-то один обретался. Когда же апостолы на облаках всемирный собор сотворили ради Преставления Владычицы, то обычное сотворили погребение, то есть и заутреню, и утешение прибывшим, и после того, как устроили все, встали, и скрижаль хлебный, иже Христов нарекали, как обычно, воздвигали, и О, великое Имя... пред сим говорили. О, преславное чудо и удивление великое! — которая была мертва, на облаках явилась живой, и светлотворные ангелы предстояли ей, и по воздуху носились, приветствуя ее. Она же сказала: с вами пребываю все дни жития вашего, сей дар радостный от Сына Своего прияла. Сие чудо виде, ученики дивились и вместо: Господи Исусе Христе... пели О Пресвятая Богородице, помогай нам! И тогда же к пречистому телу пришли, и гроб отверзли, и обрели его пустым, и уверились, что воистину в теле живая пребывает. Как и прежде Сын ее, Который из мертвых воскрес, так и она воскресла, пред сим преставившись, и на Небе со Христом царствует. Когда же Божественного Сосуда неверный разбойник жидовин дерзко хотел испровергнуть одр, и тотчас руки его ангел отсек, и отпали они, то сразу уверовал, и Петром исцелен был, и прославил Бога. И прославили ее апостолы, и, прославив и воздав хвалу Богу, отошли каждый восвояси. Считаются же лета Богородицы так: 7-ми лет принесли родители ее в церковь, провела же в церкви Господней шесть с половиной лет, и в доме Иосифа Обручника шесть месяцев, и была всемирная радость Благой Вести. В 15 лет родила Еммануила, с Сыном же своим, Господом нашим Исусом Христом провела 33 года, которые прибавив, получаем 48 лет. После Вознесения же Сына в дому Иоанна Богословца в святом Сионе пребывала 24 года. Всех же лет прожила 72. После Успения же Богородицы все апостолы рассеялись. Иоан же пошел в Ефес. Матфей же Евангелист говорит, что до пленения Иерусалима никто из апостолов далече не отходил. Написанное же им Евангелие в первые годы написано по повелению Иакова, брата Господня, который был жив после Вознесения Господня.

В седьмое лето царствования Неронова, в лето 5564-е написал Иоанн Евангелие, через 30 лет после Вознесения Господня. Сей же Иаков разделил между апостолами страны, и послал их всех, повелевая им, что подобает учить и посылать к нему послания каждый год. Они же, так как были ученики Христовы, повеление его послушали и благое всякое слово сотворили, присночестные и прехвальные апостолы, и единогласно во всех странах проповедали Христа, истинного Бога нашего.

В лета же царствования сего Нерона святой Павел взошел в Афины, в город греческий, и обрел там философа, звали его Дионисий Ареопагит, афинянин был знаменитый, кипевший философскими учениями, написал он о солнце, что от истечения света Божьего происходит, и другое еще говорил о Сотворении мира. Его увидев, святой Павел говорил с ним. И спросил Павла святой Дионисий: и коего Бога проповедуешь, о, празднословец? И услышав учение Павла, Дионисий припал к нему, и молил, чтобы просветил его крещением. И видел Павел теплую веру Дионисия, и сотворил его епископом в той стране, и там Дионисий книги на греческий язык перевел. Павел же возвратился в Иерусалим.

О Симоне волхве

В царствование же того Нерона пришел некто по имени Симон, египтянин, волхв, и творил волхвованием чудеса многие, и назывался Христом.

Узнал же Петр апостол о нем, и пришел в Рим. Когда же шел Петр в Рим через Антиохию Великую, умер там Евод, епископ и патриарх Антиохии города. И взял образ епископства Игнатий, и святому Петру повиновался.

Умер же в те лета Марк апостол в Великой Александрии, епископом же был там и патриархом. И приял от него епископство Анания, ученик его, как Феофил написал.

Поспешил же апостол Петр в Рим и уведал, где пребывает Симон волхв, и пошел к нему, и обрел пса великого у ворот Симона, веригами привязанного. Пса же Симон из-за Петра входящего привязал, сказав, чтобы не входили к нему никто, кроме тех, которым Симон позволит, и сам слышал, когда кто-то хотел войти к нему. Петр же увидел пса такого великого и страшного, и уведал от стоявших при воротах, что если не повелит Симон псу, то не даст войти сей пес никому же, но наскочит и умертвит входящего. Петр же взял за вериги пса, отвязал его и сказал к нему: иди к Симону и скажи ему человеческим голосом, что Петр, раб Бога Вышнего, войти хочет.

Пес же пошел и, когда Симон тот учил кого-то волшебным прелестьям, встал посреди, и человеческим голосом сказал к Симону: Петр, раб Бога Вышнего, войти хочет к тебе. Они же, услышав пса, говорящего человеческим голосом, воссудились, и говорили: что за Петр, о котором говорит пес, и какова сила его, что сотворил пса человеческим голосом говорить и сотворил его послом? И сказал Симон тем, кто стояли и дивились Петру: люди, сей вас да не устрашит. Ибо и я псу тем же человеческим голосом ответ ему велю сотворить. И сказал Симон псу:

велю тебе: иди и скажи Петру человеческим голосом, что Симон ему говорит, чтобы он вошел.

И вошел к Симону Петр, и сразились Симон Египетский и Петр, творя чудеса, и одолел Петр Симона волхва. И сотворил Петр исцеления, и веровали Петру многие, и крестились. Так в Риме мятеж великий восстал, и буря Симона ради и творимых чудес.

И, узнав о мятеже, Агриппа правитель поведал царю Нерону, сказав: есть в сем городе некоторые, которые чудеса творят против друг друга: один же нарек себя Христом, а другой говорит, что тот не Христос, но волхв, и сам себя называет Христовым учеником. И тогда повелел царь Нерон ввести к себе Симона волхва и Петра, и Пилата привести из темницы. И ввели их к царю. И спросил Симона Нерон: ты ли Христос? Он же сказал: я. И сказал Петр: сей не Христос, ибо я ученик Христов, и при мне Он на Небеса взошел. И после сего призвал Нерон Пилата и спросил его о Симоне: сей ли тот, которого отдал ты на распятие? И, приступив, Пилат сказал: сей не Христос. Так же и о Петре спросил Нерон Пилата: а сего знаешь ли, точно ли ученик Христа? Пилат же сказал: да, вводили его иудеи ко мне как ученика Христа, и отвергся он, сказав, что он не ученик Христа, и я отпустил его. И тогда Нерон повелел прогнать их: Симона за то, что солгал, назвавшись Христом, которым не был, Петра же за то, что отвергся от Христа, как обличил его Пилат. И прогнали их из палат царских, и пребывали они в Риме, творя чудеса против друг друга.

Симон же повелел привести быка великого и сказал в ухо быку, и тогда умер бык, и чудно сие было. Петр же, молитву сотворив пред всеми, сотворил так, что ожил бык, что еще большим было чудом. Симон же увидел, что Петр одолевает, и с Писанием и Божьим Словом спорить не захотел, и ушел с большим позором и поражением. Сей же Симон скверный много умел дьявольским деянием, но ничего не умел духовным учением.

Был же Симон обучен волшебству и козням сатанинским, как никто другой до него, и дьявольскими замыслениями и злодеяниями прославился: творил так, чтобы кумиры ходили, и в огне валялся, не ожигаясь, и по воздуху летал, и из камня хлебы творил, и змеей делался, и в золото превращался, и двери затворенные ветром отворял, и железные узы сокрушал; и творил так, чтобы идолы всячески прислуживали на вечерах, а сосуды, бывшие в доме, сами носились для услужения, носящих же не было видно; и призраки многие пред себя призывал, говоря, что се души умерших. Многие же его как отравителя и обманщика обличить пытались, но меняли свое решение, после чего, против своей воли, со старанием и весельем вола закалывали и питали собравшихся

разной едой, и не могли избавиться от сего и бесовской силе подчинились. И иное многое сотворил Симон, и служили ему бесы. И не только сам принимал иные образы, но и людей же и скотов как бы преображал, и что хотел, то с ними и творил.

Некогда преследовал Симона Кесарь, и обманщиком Симон был, и изменил образ свой, и переложил его на Фавста, ученика Петра. И в том образе пришел Фавст к Петру, и гнали его все из-за дурного образа, в который он был облечен. Воззрел же Петр на Фавста, и увидел его печальным и слезами охваченным, и сказал: Симон волхв, о Фавст, в тебе действовал, ибо Кесарь его преследовал, и испугался Симон, и изменил свой образ и на тебя возложил, чтобы ты схвачен был и убиен, и тем хотел Симон скорбь велию нам и печаль сотворить. Но Бог соблазнителя людей и врага истины одолеет, и изгонит из тебя Симона образ, и первоначальный твой образ подаст тебе вскоре. Сразу же по слову Петра так все и было, и все мы на сие зрели. Таковое же они и подобное насылали, говорит Климент, и в Сирии, и в Риме же, после изгнания их с глаз Нерона; о сем же и прежде сказано было и написано в Деяниях святых апостолов.

Петр же апостол молитвою своею уморил Симона волхва, хотевшего вознестись. Сказал же Симон к Петру: ты говоришь, что Христос, Бог твой, вознесся на Небеса: и вот я возвышаюсь. И увидел Петр, что Симон возвышается в воздухе силой волшебства посреди города Рима. И помолился Петр, и сразу же упал Симон волхв посреди дороги на землю, и разбился, и умер. И кости его лежат и донныне там, где он упал, и лежит мерзкое его и скверное тело на том месте, и окрест него ограждение каменное, и отголе называется место сие местом Симона. О нем же в апостольских повелениях великий апостол Петр так говорит: начало же новых еретиков было от Симона волхва. Он в Сирии много сотворил недостойного, и в Рим пришел, и сильно церковь разорял волшебством, и дьявольскою хитростию, и деяниями. В Кесарии же Стратонитской со мной, Петром, беседовал Симон, желая исказить Слово Божие, а со мной были святые чада, Закхей, который раньше был мытарем, и Варнава, и Акила, братья Климента Римлянина, который учился у Павла, соапостольника нашего и исполнителя Евангелия, то есть Благовестия. И в третий раз я о пророчествах его спорил с ним, и о Божьем единоначальствии, и победил его силою Господа нашего Иисуса Христа, и в безгласие привел его, и бежать его в Италию сотворил. Когда же был Симон, как я сказал, в Риме, повелику церковь смущал, и многих обратил к себе. Люди же дивились волшебству коварному и бесовским деяниям. И однажды после полудня вошел в здание для зрелищ Симон и сказал: на воздух поднимусь. Все же дивовались о сем, а я, Петр, про себя молился.

И вот пошел он, и бесы полетели, и понесли его по воздуху, а он говорил: на небеса взойду и оттуда людям благо воздам. Народ же восхвалял его, как Бога. Простер и я руки на высоту и помолился Богу, чтобы низринулся губитель, и крепость его расторглась. И сказал я Симону: если я апостол Иисуса Христа, а не обманщик, как ты, Симон, то повелеваю вражеским силам, да перестанут тебя держать. И се, как только сказал я сие, сразу же упал с шумом велиим и разбился Симон. И возопил народ: один Бог — тот, которого Петр проповедует. Так первая разрушилась ересь — ересь Симона в Риме, и большую ересь угасила. Того ради тот день субботный особо отмечают римляне. Суббота же та была, в которую и молитва, и пост верным положен: обычай же есть молиться в церкви за наставника своего, тружашуюся и печальну, что и в Деяниях святых апостолов написано. И молитва была прилежная в церкви за Петра. Ибо в тот день субботный была Христова победа, и пал антихрист Симон у всех на глазах, и той субботы память римляне творят и постятся, и соборы светлые творят, даже и доньше оный обычай хранят. Ибо разные Церкви различные обычаи хранят, яко церковных подобствий написавше: у скифов же, говорят, города все епископа одного имеют только; на Кипре же, и в Арабии — во всех городах епископы, к чему призывали во Фригии сторонники ересей Новата и Монтана. В церкви же римской семь только дьяконов бывает, в иных же церквах большое число их. В Риме также единою летом читается Евангелие, в 1-й день Пасхи, и никто же не учит тогда в церкви, даже сам епископ. В Александрии же учит в церкви епископ, и когда Евангелия читаются, и не встает со престола. В сорокодневный пост одни 6 недель постятся, как в Иллирии, и в Ливии, и в Египте, и во всей западной стране. А в Палестине, и в Константинополе, и в окрестностях его, и до Финикии 7 недель постятся. Другие же три дня только в шести или в семи неделях вразброс постятся. Некоторые же три недели до Пасхи. В некоторых же городах египетских прежде вечерни обедают и тайны принимают. Сие же Секрат изобразил, сие особенно тогда соблюдали все. Ныне же еще большие и у каждой церкви свои изменения произошли в указанных обычаях.

Узнал же Нерон царь, что уморил Симона Петр, и схвачен был святой Петр; только передал епископство, и поставил епископом римским человека по имени Лин, из учеников своих, и пошел за теми, кто пришел за ним. Петр же был роста среднего, краток власы, весь седой, с головой и бородой белой, с белой кожей, с выпуклыми очами, добробрад, долгонос с густыми бровями, сутуловат, мудр, вспыльчив, но быстро успокаивался, ясно беседовал от Святого Духа и чудеса творил.

И повелел Нерон распять Петра. Петр же просил епарха: да не прямо распят буду, как и Господь, но вниз головой. Сего ради распяли Петра

так, как он изволил, и сие было от многого его смирения. И был после Петра епископом в Риме Лин, как Евсевий Памфилийский пишет. Петр же апостол мучение приял, и распят был вниз головой, ибо сам апостол заклинал о сем епарха: да не как Господь мой распят буду. И скончался святой Петр в наместничество Прониана.

И на Пилата же разгневался сей Нерон, и повелел отрубить ему голову, и сказал: почто отдал иудеям так называемого Христа, мужа непорочного и силы творившего? Если же ученик Его такие чудеса творил, то насколько Он был силен!

После Петрова же умертвия, как говорит Евсевий, Павел, апостол из первых, пришел из Иудеи, и был связан, и ответ дал Нерону, и на службу проповедания послан был. Потом же все то, что произошло, в Деяниях святых апостолов Лука написал, пока был с Павлом. В то же время, когда мучили Павла, не был с ним Лука, и се апостол истинно говорит: ни едину перваго ответа бысть со мною, но вси мя оставиша, да не будет им в том ничтоже. И к Тимофею второе письмо, узами скован, написал, купно знаменуя, первому ответу бывшу к Нерону, егоже и львом, зане яко нечеловечно и зверообразно добро именована, и скорую кончину наводит, глаголя: избавлен бысть из уст львов, но избави мя Господь от всякого дела неприязненна, и всякого в Царствии Своем Небеснем приветуя борзое мучение. И еже истинне в том исписание преже исповедает, глаголя: се бо аз уже потщаюся, и время моего исхожения наста, ответ дав убо первому ответу. И сразу на проповедание был послан Павел, также снова во второй раз в Рим пришел связанным, и также Нерону отдан был, и отрубили ему голову мечем, и мучения венец приял месяца июня в 29-й день, в 8-е лето царствования Нерона. В тот же день и Петр распят был до третьих календ июля при наместниках Нероне и Лентуне.

И повелел царь Нерон телеса святых апостолов не погребать, но оставить, также как и Марка апостола. Был же святой Павел телом низок, лыс, с седой головой и бородой, с красивым носом, и со светлыми глазами, с густыми бровями, с чистым телом, румяным лицом, добробрад, улыбка была на лице его, мудр, доброречив, сладко от Святого Духа беседуя и исцеляя.

Послал же воинов по всей Иудее и в Иерусалим сей царь Нерон и всем зло сотворил, и многих убил, и воинов послал, поскольку, опечалившись, возопили, укоряя Нерона за то, что отрубил голову Пилату, и как бы отомстил за Христа и еже прииде к нему не точию же, но аки обладающе воеводою, распяша Христа, и сего ради гневались на него, как на мучителя. И убиены были тогда воинами Анна и Каиафа.

Приял же сей Нерон к царству своему иную страну на Понте, послав Полемона, военачальника своего, и сотворил ее епархией, прозвав ее Понт Полемонский. Сей же Нерон любил венетов весьма.

О Иакове

Великий же Иаков, брат Божий, чист был от чрева матери своей, вина и другого хмельного не пил, и тех, в ком душа была, не ел никогда же, и мытья не требовал. Колени же его натружены были, как у верблюда, поскольку всегда преклонял колени и Богу молился. Из-за сей его большой праведности и дивного жития и нарекли его праведным, а также — одержание людское и оправдание, поскольку знаменит, и почитаем, и весьма славен был. Праздник же был Пасхи, и множество народа сошлось в церковь, и Иакова возвели книгочеи на возвышение церковное, отвергнуть желая проповедание Христово, и сказали велиим глазом: просим тебя, праведник, скажи людям, да не соблазняются и не последуют за так называемым Христом. Тебя все слушаем, ведая, что ты праведен и нелицемерен. Он же отвечал, и сказал: что мя вопрошаете о Христе, а сам сedit одесную Бога на небеси? Беззаконные же архиереи и фарисеи вскричали: о, праведник, и ты прельщен. И сказали друг ко другу: плохо мы сотворили, что такое свидетельство на себя навлекли о Иусе, и многим дали повод веровать в Него.

И се разгневались неверные, и Иакова низвергли. Он же, преклонив колени, о них молился. И приблизился один из сыновей Рахава, и послушал его, и сказал им: что вы творите? А праведный еще больше о вас молится. И подошел один бельевщик, и ударил Иакова палкой, а другие говорили, что вальком для одежды, и тогда скончался праведный Иаков. И похоронили же его при церкви, и поставили его образ.

После мучения же Иакова вскоре и Иерусалим пленен был. И сказал Иосиф: сие же приключилось с иудеями за то, что убили праведного Иакова, который же был братом Иусуса, называемого Христом, поскольку же праведным он был, а иудеи его убили. На сих же иудеев после Господа нашего Вознесения не нападали 40 лет, ибо Христос долго терпел беззаконие богохульства их, чтобы уразумели хулившие таковое прегрешение, и сотворили бы покаяние. Тогда Филист воевода владел один Жидовской областью, и умер.

Жиды же еще больший мятеж сотворили, когда убили Иакова, брата Господнего, и прочих учеников убивали: Аристарха, и Пуда, и Трофима, и Назарья, — отец его был Африкий, а мать Перпетуя, — и Гервасия, и Протасья, и Келесия, и Василису, и Настасию, и иных многих из добродородных вельмож убили, а иных из города изгнали. И иные же явлением Божиим ушли на гору Иерданову, из-за будущего бедствия горо-

да, предсказанного Господом. Тогда весь народ жидовский отвергся от Рима. Тогда Нерон царь разгневался, и послал к восточным воеводам Веспасиана и велел ему собрать всех, кто подчинялся ему, и пойти на жидов и погубить их.

Жиды же убежали в Иерусалим, поскольку крепким был город, тремя стенами огорожен с башнями. Воевода же ополчился, и все города галилейские пожег.

Пришел же Веспасиан к Иерусалиму, и осаждал его весь год, и воевал от года до года, и разными способами вел войну, но безуспешно, поскольку крепок был город, осажденные же выходили из города, и убивали римлян.

Войдя же в Кесарию, Веспасиан отпустил отдохнуть всех воинов. Потом страшные знамения показал Бог, о предстоящем пленении Иерусалима проповедая.

О знамениях

Когда же был праздник Опресноков, в 9-й час ночи, такой свет в церкви и в жертвеннике сиял целый час, что казалось, будто день наступил.

После же сего воссияла звезда над городом в виде копья.

В одно же время восточная медная дверь городская, железными затворами запираемая, и с трудом 30 человек могли ее открыть, явилась в 8-й час ночи отворенной.

И снова видно было одно время до захода солнца, как колесницы были высоко, и как лестницы ставили, и войска вооруженные рыскали на воздухе, и перед городом встали.

После сего во дни праздника Кущей, то есть Шатров, было — а до сего 4 года раздоров не было, и мир был, и жил еще город, — человек некий, по имени Иус, пришел на праздник, и внезапно возопил в церкви, и сказал: глас от востока, глас от запада, глас от четырех ветров, глас на Иерусалиме и на всех людях. И немного дней и ночей ходил по городу и беспрестанно вопиял. Сего ради некоторые из народа разгневались, и раны ему нанесли, тот же еще больше со слезами вопиял, и говорил на каждую рану: евы, увы, увы Иерусалиму!

В тот же праздник вола для жертвы привели, и родил агнца посреди церкви, было сие за пределами естественного рождества и проявляло сильную нужду и стенание в городе; агнец же родившийся знаменовал Агнца Божьего, Христа, которого отвергли иудеи, и явное сие было извещение им о скором и горьком убийстве и погибели всех.

Иудеи же римлянам повиноваться и дань давать отказались.

О войне

И послал Нерон из Ахайи Веспасиана, сына своего, с сыном его Титом, то есть с внуком своим, воевать с Иерусалимом, с силою многою весьма.

Во дни же праздника Пасхи все из Иудеи в Иерусалим пришли, и от римлян в митрополию, то есть в мать городов, и прежде же вышли из города по Божьему откровению в Христа верующие, и остались как в темнице нечестивые грешники одни, и отделились святые рабы Божии, как и прежде, от злонравных и проклятых жителей Содома. Ибо о городах содомских молился Божественный Авраам, и говорил: не погуби праведного с нечестивыми, да не будет праведный яко нечестивый. Сего ради Человеколюбец Бог и сказал: аще обрящутся в Содомех 10, сущий на них гнев оставить. Но не обрелось, посему и скоро погибли. О Иерусалиме же молился боголепный Еремея, и сказал ему Бог снова: растечетесь на пути иерусалимския, и увидите и разумеете, и изищете на распутья его, и аще обрящете мужа и будет творяй суд, ищай веру, и милостив буду ему, — говорит Господь. Но еще и сам от сего расточается, и оскудевает, и лишения терпит, Божий гнев принимая, и не в иное время, но в праздничные дни, и весьма праведно сие было им: в те дни, в которые перед Господом согрешили, в те же дни за убийство Христа и пострадали.

Нерон же, владея своей областью, в недостойные и скверные деяния впал, и недостойные царствующим совершал вещи: гудел, и пел мерзкие песни, и плясал на всеобщее обозрение, и к сим всем его неправедным деяниям и богохульство добавил, и первый стал гонитель Божественному Слову. После сего заговор против него был, и сообщили ему, и сего ради в великий гнев впал, и убил и мать, и сестру, и жену свою, и иных многих из родни близкой своей, еще же и в Риме знатных убивал, боясь, что восстанут они. И так от многого гнева как скотина стал, и в поле пошел, и руками своими зарезал себя, как велено было Божиим Судом. Сие и эллины изображают, которые чудное и небесное, также и случаи записывают. А Веспасиан осадил Иерусалим.

Иудейская война. Иосиф Флавий

Книга Иосифа Маттафия Еврея

Переходим к рассказу о царях Иродах, о том, что из истории нам о них известно. Расскажем и о тех, кто были при Иродах в меньших чинах, о князьях и властителях. Много же у них — у Архелая, и Ирода, и Антипатра, и Александра, зятя Архелая, и Ферора, и Саломеи, и прочих — было пустой гордыни. Дерзали они идти против справедливости и противное правде делали, и часто своими кознями себе же вред причиняли, как дальше рассказано будет. В свое время обнаруживается коварство злоумышленника, как он возводил клевету и произносил слова, исполненные смертельного яда. Из-за такой-то пустой гордыни Архелай, царь Каппадокии, на Александра, зятя своего, сына Ирода, в гнев был. Также и Ирод, царь Иудеи, на Ферора, брата своего, и Саломею, сестру свою, за множество их злодеяний гневался.

И тогда обличил царь Ирод Ферора, брата своего, в преступлении его. Ферор же надел темную одежду, чтобы показать свою скорбь, и с плачем припал к ногам Ирода, и просил прощения, и преступником себя назвал, и окаянным. И признал себя Ферор творцом всего злого, что написал про него сын Ирода Александр; признал Ферор свое безумие и объяснял это любовью к женщине. И отвел Ферор от себя гнев Ирода. И Архелай, царь Каппадокии, бывший при этом, помогая Ферору, обратился к Ироду: «И я страдаю от своего брата, и еще большее зло от него терплю, но признаю наше природное родство и не воздаю зла за зло. В царствах, как в больших телах, постоянно возникают опухоли в разных членах, из-за их величины, и надо не отсекают отекший член, а лечить его кротостью». И такими словами Архелай отвел гнев Ирода от Ферора.

Сам же Архелай еще гневался на Александра, зятя своего, сына Ирода, и грозился отнять у него дочь свою и увезти ее домой. Тогда Ирод стал упрашивать Архелая, чтобы он простил юношу. Архелай же еще сильнее восклицал: «С любым другим мужчиной из рода твоего, о, Ирод, с которым ты повелишь, обручу ее, поскольку не хочу порвать родственную связь с тобой, Александра же не желаю зятем иметь». Ирод же отвечал ему: «Подарком мне будет сын мой от тебя, если ты не расторгнешь этот брак, ведь есть уже и дети у них, и жену свою любит юноша; и если с ним она будет жить, то уберет его от согрешений, а если разлучишь ты их, то сын мой отчается. Метания молодости утихают у человека, когда он трудится и думает о своей старости». Не сразу Архелай послушался Ирода и помирился со своим зятем Александром. Так Архелай достиг своей настоящей цели — помирил юношу с отцом, Александра с Иродом. И сказал Архелай Ироду, чтобы тот послал Александра в Рим к Цезарю для объяснения, поскольку Ирод уже написал Цезарю обо всем, что произошло. Вот так мудро добился умиротворения Архелай и спас своего зятя. А затем пировать и веселиться они стали.

Когда Архелай пошел в свою землю, в Каппадокию, Ирод почтил его большими дарами: дал 70 талантов золота, дал ему и престол золотой, дорогими камнями украшенный, и слуг-скопцов дал, и наложницу свою подарил, имя ей было Всеночная. И приближенных Архелая почтил Ирод подарками, каждого по его достоинству. Также и все родственники царя Ирода почтили Архелая ценными подарками, по повелению Ирода. И проводил Архелая Ирод с вельможами до Антиохии.

Прошло немного времени, и пришел человек, искусный в хитрости, звали его Эврикл, из Лаконии. Этот Эврикл достигнутое Архелаем примирение царя Ирода с сыном его Александром разрушил и Александра погубил. Сделал же это Эврикл, чтобы получить много золота. Пришел же он к Ироду и принес ему дары богатые и разнообразные; этим хотел он заслужить себе почет у Ирода и получить от него ответные богатые подарки; и как задумал Эврикл, так и было. И отнял Эврикл у царя разум, действуя лестью, и силой своего красноречия, и обманной похвалой; делал и говорил все, что любил Ирод, и вошел в число его приближенных.

Этот Эврикл разведал о разладе в семье Ирода, о вражде между братьями и о том, как отец кого любит.

И тогда Эврикл пошел к Антипатру, старшему сыну Ирода, и доверился ему полностью. Также Эврикл делал вид, что дружит со вторым сыном Ирода, Александром, солгав ему, что Архелай, тесть и заступник Александра, царь Каппадокии, является другом Эвриклу. И Александр

скоро стал считать Эврикла верным себе человеком и с Аристобулом, братом своим, третьим сыном Ирода, подружил его. И был Эврикл наемником Антипатра и предателем Александра.

Антипатра Эврикл укорял в том, что он, старший сын, не замечает тех, кто желает навредить ему и помешать взойти на престол. Александру же говорил так Эврикл: «Почему ты уступаешь царство Антипатру? Ведь его родила женщина незнатная, а тебя родила женщина из царского рода, и жена у тебя — царица, и тесть твой — царь Архелай». И доверял юный Александр Эвриклу, поскольку тот назвался другом Архелая, а потому ничего не скрывал Александр от Эврикла и жаловался ему со слезами на Антипатра, брата своего, и на Ирода, отца своего, и так говорил: «Ирод убил нашу с Аристобулом мать. Потому не будет удивительным, если он и у нас отнимет полученное от нее право на царствование». Эврикл же притворялся, что жалеет братьев Александра и Аристобула, и проливал слезы с ними. Добившись же от братьев этих откровенных укоров отцу, Эврикл пошел к Антипатру и передал ему эту тайну, а также солгал, что братья ищут удобного случая, чтобы убить Антипатра. И получил Эврикл от Антипатра богатства много в награду за эту ложь. Затем он стал расхваливать Антипатра и клеветать на Аристобула и Александра перед отцом их Иродом. Так Эврикл стал соучастником смерти Александра и Аристобула.

И пришел Эврикл к Ироду и сказал: «Я тебе сегодня дарю жизнь за все те милости, что ты оказал мне, и открою тебе глаза в ответ на твое гостеприимство. Ведь давно против тебя изготовлен острый меч, и рука Александра крепко держит его и уже занесла его над тобой. Но я уговорил Александра не спешить, притворившись сообщником его. Александр же говорит: "Не хватило Ироду того, что царствует в чужом царстве, и что после убийства матери моей царством ее обладает, так он еще и чужого наследника привел и отдает царство, принадлежавшее моей матери, Антипатру губителю. Взывают ко мне о мести духи прадеда моего царя Гиркана и матери моей Мариамны, и нельзя мне принять от такого отца владычество без страшного деяния". Такие речи, о царь Ирод, — продолжал Эврикл, — говорит про тебя твой сын Александр. А если о благородном происхождении кто-нибудь обмолвится, то с охотой Александр говорит: "Я один благородного происхождения, а род отца моего незнатен. Несмотря на это, отец ко мне плохо и жестоко относится, лишь к Антипатру он любовь проявляет. Поэтому с радостью умру я, если мой заговор раскроется, потому что не могу видеть этой несправедливости. Если же удастся мне убить отца, то эта вина будет мне во спасение. Ведь Архелай царь приходится мне тестем, к нему и побегу сразу, а потом и к Цезарю. И расскажу Цезарю о злодействе

Ирода, и не буду стоять перед императором, как раньше, боясь находящегося здесь же отца, и не буду говорить только о том, в чем я провинился. Сначала я поведаю Цезарю о народной беде, о жестоких поборках, стоивших людям крови и самой жизни. Затем расскажу и о том, на какие злодеяния и на какую роскошь растрачивал Ирод то, что с кровью добывал; и какие коварные люди у Ирода разбогатели; и с какой целью он строил и оказывал почтение чужим городам. Скажу еще, что мстил я за прадеда моего и за мать мою, и покажу Цезарю всю мерзость царствования Ирода, и тогда не буду осужден за убийство отца моего»». Такую речь сочинил Эврикл и передал ее Ироду, как будто слышал ее от Александра. Далее Эврикл стал хвалить Антипатра за то, что он-де один любит отца и ограждает его от злоумышленников. Тогда царь, у которого прежний гнев на Александра еще не прошел, новой неукротимой ярости исполнился. И сразу, выигрывая время, Антипатр многих клеветников подослал. Говорили они, что к Александру и Аристокле тайно приходят Юкунд и Тиранн, два сотника, замышляя недоброе.

Тогда Ирод разгневался весьма, и схватил этих двух сотников, и пытал их, но они ничего не признали из этой клеветы.

Тогда же принесли письмо Александра к одному из градоначальников Ирода с просьбой принять их с Аристоклом в город после того, как они убьют отца, и передать им находящееся в городе вооружение и имущество. Это письмо, грозившее Александру гибелью, он отнес к проделкам Диофанта. Был же этот Диофант писцом царским, хитрым человеком и умным, умел он подделывать почерки, и множество их подделал, и за это, в конце концов, убит был.

Ирод же пытал градоначальника, к которому было написано письмо, но тот ничего не признал из этой клеветы. И бессильны были обвинители. Тем не менее, Ирод повелел обоим братьев, Александра и Аристокла, заключить в тюрьму, но пока не заковывать. Губителя же своей семьи и злодея, устроившего всю эту мерзость, Эврикла, Ирод как своего спасителя и благодетеля похвалил и дал ему 50 талантов золота.

Тогда Эврикл, опережая правдивое известие о происходящем в Иудее, бежал в Каппадокию и осмелился сказать царю Архелая, что примирил Александра, зятя Архелая, с Иродом. За эту ложь Эврикл получил много даров от Архелая и пошел дальше.

И пришел Эврикл в Грецию, и то, что обманом приобрел, на такие же хитрости и потратил. И дважды к Цезарю на суд приводили его за то, что он мятежом наполнил Ахайскую землю и грабил казну в городах. За это Эврикл на изгнание осужден был. Такая ему месть была за Аристокла и Александра. Противоположностью спартанцу Эвриклу был

коянин Эварат, о котором должно написать. Был же он другом Александра и пришел одновременно с Эвриклом. Когда царь спрашивал о возводимой на Аристобула и Александра клевете, Эварат клялся великими клятвами, что не слышал от юношей ничего из того, в чем их обвиняли. Однако это свидетельство не принесло пользы несчастным братьям. Ибо Ирод внимал одним клеветникам, и тот ему добрым приятелем становился, кто с ним в ладу и единомыслии пребывал и юношей осуждал. Присоединилась же и Саломея, сестра Ирода, к его жестокости.

Аристобул, желая привлечь к своему несчастью Саломею, тещу свою, передал ей, чтобы она опасалась царя, ибо он замышляет убить ее, поскольку известие царь получил, что Саломея хочет выйти замуж за араба Силлая, врага Ирода, и прежде тайны царские передавала Силлаю. Это предупреждение Аристобула вызвало бурю, которая обрушилась на него с братом.

Ибо Саломея пришла к царю и сообщила ему о предупреждении Аристобула. Тогда Ирод не вытерпел и заковал обоих сыновей, и разлучил их, и послал к Цезарю Волумния военачальника и своего приятеля Олимпа с письмом об этих событиях.

Посланники Ирода приплыли в Рим и передали Цезарю письмо. И тяжело опечалился Цезарь о юношах, но посчитал, что неправильно отнимать у отца власть над его детьми, и написал Ироду в ответ: «Утверждаю твое право быть господином над твоими детьми, но хорошо ты сделаешь, если представишь обвиняемых общему суду из своих родственников и моих вельмож, и те вместе разберут дело и примут решение. Если окажется, что юноши виновны и действительно устраивали заговор против тебя, то следует их убить. Если же они только о побеге помышляли, то они заслуживают более мягкого наказания».

Ирод послушался этого совета и пришел в город Берит, указанный Цезарем, и собрал там общий суд. Председателем суда был по повелению Цезаря Сатурнин, далее сидели Педаний, Волумний, затем родственники царя и все властители Сирийской земли, кроме Архелая царя. Ибо Архелай был тестем Александра, и опасался его Ирод. Самих же сыновей своих Ирод не привел на суд, ибо хорошо осознавал, что один их вид вызовет жалость у всех, а если и слово им дадут, то скоро Александр будет прощен. Поэтому он держал их в Платане, в сидонском селении. Поднялся же царь и стал обвинять своих сыновей, как будто они находились перед ним. И хотел подтвердить Ирод то, в чем обвинял сыновей своих, что они устраивали заговор против него, но не мог этого сделать, поскольку не было у него достоверных свидетелей. Тогда Ирод в другом стал обвинять сыновей своих, и сказал, что они ругались над ним, высказывали недовольство, завидовали, желали

его смерти. Об этом сам Ирод свидетельствовал. Затем, поскольку никто ему не возражал, прослезился Ирод и сказал: «О, несчастный я! О, горькая моя победа, которую я одерживаю над своими же детьми!» И обратился Ирод к судьям с просьбой принять решение. И первый Сатурнин сказал: «Юноши должны быть наказаны, но не убиты. Ибо у меня самого трое сыновей, и не прав я буду, если чужих детей осужу на смерть». И другие многие высказались также — братьев следует наказывать, но не убивать. Волумний же первым страшный приговор произнес. И за ним все на смерть осудили юношей: одни — из-за того, что желали угодить Ироду, другие — потому что ненавидели его и хотели, чтоб он остался бездетным, но никто из осудивших юношей на смерть на них не гневался. И смотрели вся Сирия и Иудея, и ждали, чем все кончится. И никто не допускал мысли, что Ирод будет настолько жесток и низок, что убьет детей своих. Он же перевел своих сыновей в город Тир.

И оттуда Ирод поплыл в Цезарею, и там обдумывал, каким способом казнить сыновей. Воин же один, по имени Терон, который с сыном своим были в близкой дружбе с царем и сыновьями его, узнал, что хочет царь их казнить, и ужасно опечалился, так что заболел душой, и ходил, как безумный, и кричал: «Растоптана правда, нет больше истины, извращено естество, жизнь полна беззакония! Души в царе нет, ум его поврежден, слово его как ветер, речи его как роса утренняя!» И к этому многое другое прибавил, что может сказать человек в безумии. И не щадя тела своего, не думая о своей жизни, подошел Терон к царю и сказал с гневом: «Не ты ли несчастнее всех, о, безумный! Слушаешь клевету на своих сыновей, плоть от плоти твоей. Я же думаю, что мерзок ты перед Богом и людьми. Ферору и Саломее, много зла сделавшим, прощение ты даровал, а теперь, веря их словам, губишь детей своих, наследников истинных твоего царства. Антипатра же оставляешь ты, но не сможет он грозно царствовать. Подумай о том, какая к нему будет ненависть у воинов — ведь нет среди них таких, которые бы не сожалели о юношах, и из военачальников многие гnevаются и не скрывают этого». Тут Терон назвал их имена.

И сразу царь схватил этих военачальников, вместе с Тероном и сыном его. Тогда же и Трифон, который стриг царя, по своему неразумию, сказал: «Подарки большие давал мне Терон, чтобы я тебя зарезал ножами во время стрижки». Ирод, узнав об этом, жестокие пытки применил. Терон же с сыном терпели их молча, а стригший царя то же самое говорил. И повелел Ирод еще сильнее Терона мучить. Сын же Терона пожалел отца и сказал Ироду: «Все тебе расскажу, если простишь отца моего». Царь отпустил Терона.

Тогда сын Терона сказал Ироду: «Александр, твой сын, послал ночью к моему отцу и просил его убить тебя, и он согласился на убийство». Эти слова сына Терона одни считали ложью, которую сын придумал, чтобы спасти отца, другие же считали их правдой.

Ирод же собрал простой люд и велел отдать им обвиненных военачальников, и Терона, и сына его, и человека, который его стриг, и сразу убили их камнями и палками.

И послал Ирод своих сыновей Александра и Аристобула в Себастию, рядом с Цезареей, и повелел их задушить веревкой, а тела их повелел перевести в город Александрию и похоронить у гроба Александра, их деда по материнской линии. Таков был конец Александра и Аристобула. У Антипатра же были теперь все права на наследование престола. И стал ненавидеть его иудейский народ, ибо все знали, что это он и устроил смерть братьев. И овладел Антипатром страх сильный, ибо видел он растущих детей убитых братьев. У Александра и Глафиры, дочери царя Каппадокии Архелая, было два сына, Тигран и Александр, у Аристобула же от Береники, дочери сестры Ирода Саломеи было три сына: Ирод, Агриппа и Аристобул, и две дочери: Иродиада и Мариамна.

Ирод же отослал Глафиру в отечество ее, в Каппадокию, с ее имуществом, после того, как убил мужа ее Александра, сына своего.

А Беренику, жену Аристобула, Ирод выдал замуж за дядю Антипатра. Этот брак нужен был Антипатру, сыну Ирода, чтобы примириться с Саломеей, которая враждовала с ним. Антипатр также одаривал Ферора и всячески ему угождал.

И властителям и военачальникам Цезаря Антипатр несметные богатства посылал в Рим, и все приближенные Сатурнина в Сирии получали от него подарки. Но чем больше Антипатр дарил, тем больше его ненавидели. Поскольку он не из-за щедрости своей дарил, но боялся всех, и из-за этого страха и тратился. Так что принимавшие от Антипатра дары не становились преданными ему всем сердцем, а некоторые из тех, кого он одаривал, даже врагами ему оставались.

Все более дорогими с каждым днем делались подарки Антипатра, поскольку он видел настроение царя. Царь же проявлял любовь к сиротам, оставшимся после убитых им сыновей. Раскаивался Ирод в убийстве сыновей, а потому и заботился об их потомстве. И собрал Ирод родственников своих, и вельмож своих, и поставил детей перед ними, и наполнились слезами глаза его, и сказал он: «Род мой и вельможи мои, отцов этих детей отнял у меня дух немилостивый, приносящий несчастье, и сиротам этим понуждает меня природа оказать милость. И если уж я не стал отцом счастливым, то попытаюсь хотя бы дедом любящим быть

и предоставлю этим моим внукам покровителей хороших. Отдаю дочь Ферора замуж за старшего сына Александра, и пусть будет Ферор ему тестем и опекуном могущественным. А сын Антипатра пусть возьмет в жены дочь Аристобула, а сын мой Ирод — сестру ее. И если так все устроим, то как будто мертвые будут отцы их. И тот, кто меня любит, пусть также рассуждает, и пусть не противится никто воле моей. Молю же я Бога, чтобы Он благословил союзы эти и сделал их полезными царству моему и моим внукам, и да взирает Он на детей этих милостиво». И сказав это, Ирод заплакал и повелел тем, кого он соединил в брачные союзы, руки подать друг другу. Тогда помрачнел Антипатр, и все ясно видели, что он огорчен весьма. Ибо считал он, что честь, оказанная сиротам, губительна для него, и снова он стал бояться всего, поскольку у сыновей Александра заступником был Архелай, царь Каппадокии, а также Ферор четвертовластник. Также Антипатр ощущал ненависть к себе народа, ибо всем иудеям жаль было братьев.

Поэтому Антипатр старался расторгнуть эти брачные союзы. Однако он боялся отца, жестокого и умного. И подошел Антипатр к Ироду, и просил его о том, чтобы он не лишил его той чести, которой удостоил, и сказал Антипатр: «Зачем дал мне именоваться царем, а власть другим отдал. Как смогу я царствовать, когда сын Александра, у которого дед Архелай, а тестем будет Ферор, вырастет и возмужает? Но если хочешь, укрепи мои права на царствование и губительные для меня союзы разлучи, и пусть женятся на других». Было же у царя 9 жен: Дорида родила Антипатра; Мариамна, дочь первосвященника, родила Ирода; Мальфака из Самарии родила двух сыновей: Антипу и Архелая, и дочь Олимпиаду; Клеопатра из Иерусалима родила Ирода и Филиппа; Паллада родила Фазаила; Федра родила Роксану; Эльпида родила Саломею; две жены были бездетны.

Просил же Антипатр Ирода, чтобы тот изменил брачные союзы. И сильно разгневался царь, видя жестокость Антипатра и немилосердное отношение к сиротам. И подумал Ирод об убитых им сыновьях, что и они, вероятно, стали жертвами клеветы и злого умысла. И тогда с яростью отклонил Ирод просьбу Антипатра и прогнал его с глаз долой.

Но вскоре Ирод принял Антипатра обратно и поддался на его лесть, и послушал его уговоры. Каждый может понять, какая сила была в лстивых речах Антипатра, из того, что даже Саломея, сестра Ирода, много раз просила его за себя, но всякий раз получала отказ.

Просила же Саломея, — и императрица поддерживала ее в этой просьбе, — чтобы Ирод отдал ее замуж за арабского военачальника Силлая. Но Ирод не слушал ее и, более того, поклялся, что злейшим врагом будет она ему, если не откажется от этого намерения.

И вскоре обручил Ирод Саломею с Алексой, и первую дочь Саломеи он отдал замуж за сына Алексы, а вторую — за своего дядю. Антипатр же разрушил надежды сирот на царствование и устроил брачные союзы с пользой для себя.

После этого Антипатр снова стал чувствовать себя уверенно и не боялся никого. Прибавилась же к его злобе теперь наглость, и невыносимым он стал. Не имея возможности избежать людского презрения, он гордостью и угрозами добывал себе их поддержку. И Ферор помогал Антипатру, видя в нем будущего царя.

Потом же устроили женщины смуту невиданную при дворе царском. Жена Ферора со своей матерью и сестрой объединились с матерью Антипатра. Много беззакония они делали и дерзнули нанести обиду двум дочерям царским, из-за чего царь приставил к дочерям охрану. И никто не мог противостоять этим женщинам. Одна Саломея пришла к царю и сообщила ему, что не на пользу ему и не с благой целью собираются эти женщины. Они же, узнав о наговоре и гневе на них Ирода, перестали открыто собираться и, более того, притворялись, что враждуют между собой, когда представляли перед царем. Также и Антипатр на глазах отца стал ссориться с Ферором. Собираться же они стали тайно по ночам и под охраной, и продолжали быть в единомыслии. Саломея же узнала обо всем, что они делают, и сообщила Ироду.

Ирод же разгорелся гневом своим, и больше всех на жену Ферора, и собрал тогда родственников и вельмож своих, и поставил на суд эту женщину. И обвинил Ирод жену Ферора в том, что она нанесла обиду дочерям его, и сказал, что она дала подарки большие фарисеям, настраивая тех против Ирода, и слуг Ирода подговаривала, и всяким колдовством занималась, и над едой, и над одеждой, и над обувью, и над ездой. И сказал Ирод: «Вспомни, о, Ферор, какая смерть была Песию военачальнику. Когда я твою еду хотел есть, и Бог спас меня, и я не ел, и послал за Песием, и когда он попробовал, вылезли у него глаза, и суставы его по частям распались, и рычал он, и на третий день умер. В другой же раз, когда я взялся за узду, в тот же миг онемела моя рука. И если бы не оказался рядом тогда сириец один, который проколол коня живого, и вложил руку мою в коня скоро, то умервила бы меня твоя жена, о, Ферор, смертью невиданной. И пытал я конюха своего, и он обвинил ее. И всякое подобное колдовство употребляла она против меня. И ты, Ферор, забыл и Бога, и родство, и братство, и любовь горячую, и чин, и честь, которая тебе досталась моим потом, и сам себе ты был хозяином, а теперь ты ополчился на меня и желаешь смерти моей». Ферор не смел и слова произнести в ответ и боялся весьма за жену. Ирод же сказал: «Даю тебе возможность выбрать: либо будь мне братом и от жены откажись, либо

с женой оставайся, тогда меня потеряешь». Ферор же очень любил жену свою и сказал: «Легче мне жизни лишиться, чем жены своей». Ирод же не мог ничего поделаться с братом своим и с женой его, хотя и очень их ненавидел. И запретил Ирод Антипатру общаться с Ферором, и с женой его, и с близкими его.

Антипатр же подчинился повелению отца, но тайно всякую ночь проводил с ними. И боялся Антипатр, что узнает Саломея, и послал к римским вельможам письмо, чтобы они написали отцу и вызвали Антипатра к Цезарю в Рим. Те так и сделали. Ирод же немедленно послал Антипатра в Рим, и служителей великолепных дал ему, и все необходимое, и большое богатство, и завещание, в котором назначен был Антипатр царем, а наследником его — брат Антипатра Ирод, сын Мариамны, дочери первосвященника.

Одновременно с Антипатром и араб Силлай приплыл в Италию к Цезарю, и выступил против Ирода, и дал много золота Фабату, управителю римскому, и приобрел в нем себе помощника. Антипатр же больше дал и привлек Фабата на свою сторону, и тогда Силлай проиграл.

Ирод же не отступал и принуждал Ферора отказаться от своей жены, и придумывал, как бы ему погубить ее, ибо много обвинений против нее было у Ирода. Наконец, разгневавшись сверх меры, он прогнал брата с его женой. И ушел Ферор в свою область, которой правил, и поклялся, что только тогда он возвратится в Иерусалим, когда известие ему придет, что Ирод умер.

И потом заболел Ирод, и послал за братом, желая дать ему некоторые поручения, и упрасивал его усердно прийти, но Ферор не пришел. Ирод же опять выздоровел.

Затем к Ферору пришла болезнь, и оказался Ирод менее гордым, чем брат его, и приехал навестить его, и с сокрушенным сердцем искал, чем помочь брату в страдании его. Ферор же не смог перенести тяжелую болезнь и вскоре умер. И хотя Ирод всей душой любил брата и оплакивал его, но люди все равно говорили, что это Ирод отравил Ферора. И погребли его в Иерусалиме с большим почетом. И повелел Ирод всем людям оплакивать его. И стала кончина Ферора началом бедствий Антипатра.

Некоторые из отпущенных царем на волю рабов пришли опечаленные к нему и сказали, что действительно отравлен был Ферор, ибо принесла ему жена его пищу, в которой был яд, и едва он вложил ее в рот свой, как сразу стал мучиться и болеть. Теща же его за два дня до этого пригласила одну женщину из Аравии, колдунью, сведущую в травах, для того, чтобы она приготовила любовное зелье и дала Ферору. Колдунья же имела тайное указание от Силлая и вместо любовного смерт-

ное зелье дала. Этими словами как будто заколот был царь, и стал он пытаться всех служанок, бывших в доме его, и одна из них под пытками закричала: «Боже, Царь Неба и земли, покарай мать Антипатра, всем нам начальницу и всех бед виновницу!» Царь ухватился за эти слова и стал пытаться дальше, и истину хотел найти. Женщина же эта открыла ему, что мать Антипатра любила Ферора, и блуд имела с ним, и тайно собирались Антипатр, и Ферор, и служанки, и когда они приходили от царя, то пировали вместе всю ночь, не пуская к себе ни раба, ни свободного, ни мужчину, ни женщину. Так говорила эта служанка.

Тогда повелел царь пытаться служанок каждую по отдельности, и избиваемые все в один голос сообщали то же, что говорила эта женщина. Также выяснилось, что отъезд Антипатра в Рим и Ферора в его область задумали они сами, ибо много раз говорили они между собой: «После смерти Александра и Аристобула на нас обрушится Ирод и на жен наших. Тот, который не пощадил Мариамны и детей, рожденных ею, помилует ли кого-нибудь? Лучше уж нам подальше держаться от лютого этого зверя».

Выяснилось также от служанок Ферора под пытками, что Антипатр много раз со слезами жаловался матери своей, и говорил: «Я уже сед, а отец мой все моложе с каждым днем, и придет мой конец, прежде чем я стану царствовать. Если же отец раньше меня умрет, — о, когда же это произойдет, и кого сподобит Господь увидеть это! — то все равно короткой будет моя слава и наслаждение, и скоро это закончится. Растут ведь на погибель мне и моим детям головы гидры — потомство Аристобула и Александра. А гидра — такой зверь, что хоть и отрубил Геракл мечом 100 голов ее, но последняя голова осталась, а на месте отрубленных выросли новые. Наконец, пришел Иолай Гераклу на помощь. Тогда Геракл стал отрубать головы гидры, а Иолай сразу прижигал головней те места, на которых головы находились; так они остановили рост голов зверя этого. Так и я отрубил Аристобула и Александра, но в этом нет мне пользы, ибо вместо них теперь сыновья их, а помощника Иолая нет у меня. И не знаю, как мне исполнить мое желание. Из-за всех этих потомков Ирода нет у меня возможности передать власть в моем царстве, после моего царствования, наследнику из моих детей. После моей смерти Ирод повелел царствовать сыну своему и Мариамны, Ироду. Но думаю, что уже на старости лет он ума лишился, если надеется, что и после его смерти в силе будут слова его».

Думается мне, что скоро не останется никого из рода Ирода, ибо такой ненависти к детям, как у моего отца, еще не бывало. Еще больше брата своего он ненавидел. Дал он мне 100 талантов золота, дабы я не дружил и не разговаривал с Ферором. Молюсь Богу, чтобы, все отняв,

хотя бы в живых нас оставил Ирод. Но невозможно убежать от такого змея, от такого кровопийцы, при котором никому нельзя открыто любить друг друга, но со страхом все разговаривают между собой. Но будет все по-другому, если укрепится мужеством рука наша и ум». Так говорили под пытками эти женщины, также и то, что Антипатр намеревался бежать с Ферором в его область. И поверил Ирод всему сказанному, когда упомянули о ста талантах, поскольку наедине с Антипатром он говорил о них. И обрушился гнев Ирода в первую очередь на Дориду, мать Антипатра: он отнял у нее все имущество и много денег и прогнал ее во второй раз. А служанок Ферора, рассказавших обо всем, он избавил от мук. И напал на Ирода страх несказанный, и мысли его как на ветру вертелись, и множество невинных он пытал, дабы не ушел ни один из виноватых.

Схватил Ирод и управляющего Антипатра и пытал его, и тот сообщил, что Антипатр посылал в Египет за отравным зельем, которое привез Антифил и передал Феодиону, дяде Антипатра по матери, и Ферору. Им Антипатр сказал отравить Ирода в то время, пока сам он будет в Риме. Ферор же отдал жене своей это зелье.

Послал же царь за женой Ферора и повелел ей принести зелье это. Она же притворилась, что пошла за зельем, а сама бросилась вниз с высоты, чтобы избежать обвинений и пытки. Но Промыслом Божиим все делалось так, чтобы настигла Антипатра месть, и не головой ударилась женщина, но бедрами, и избежала смерти.

И принесли ее, и царь привел ее в чувство благовониями, и спросил ее, из-за чего она бросилась с высоты. И поклялся Ирод, что если она скажет правду, то он не будет ее пытать, а если она утаит, то раздробит он тело ее и не даст похоронить ее. Женщина же подумала про себя и со стоном сказала: «Зачем мне продолжать хранить тайну, когда Ферор уже умер? Зачем мне спасать Антипатра, который всех нас погубил? Слушай же, царь, и пусть Бог будет мне свидетелем, что я от истины не отклоняюсь. Когда ты сидел возле умирающего Ферора в слезах, он тогда призвал меня к себе и сказал шепотом: "О, жена, нет в душе моей того благоразумия и братской любви, которые есть у брата моего. Отдалился я от него, и обманулся, и ненавидел любящего меня, и убить помышлял спасителя моего, который так горюет обо мне. Мстит мне Бог мой за нечестие и беззаконие мое. Ты же принеси отраву, которую хранишь и которую приняла от Антипатра, и на моих глазах сожги, чтобы мне не отвечать за это на том свете". И я принесла отраву и на его глазах вылила в огонь; немного же оставила у себя и хранила в тайне из-за страха перед тобой». С этими словами она отдала емкость, в которой было совсем немного той отравы. И носились духи Александра

и Аристобула, и мстили, и весь дворец царский перевернули, и обличали дальних и ближних, чтобы не спасся ни один из участников того заговора. Оказалась в нем замешана и одна из жен Ирода, дочь первосвященника, Мариамна. Поскольку она убита была еще раньше, то царь обратил гнев свой на сына ее Ирода, которого он назначил царствовать после Антипатра.

Теперь же, поскольку не мог ничем матери его навредить, ибо она мертва была, отнял Ирод у ее сына право на царствование.

Антипатр же об этих событиях не знал ничего и веселился в Риме. И проводил время и жил, как подобает царскому сыну — в окружении слуг, в богатых одеждах, раздавая щедрые подарки. Много же давал даров вельможам римским и подговаривал их писать Ироду похвалы о себе. И получая дары, итальянцы, то есть латиняне, такие похвалы писали об Антипатре, что и не высказать. Писали они Ироду: «Один Антипатр — твой заступник, и охрана твоя, и защита, и спаситель от коварных твоих сыновей. Если бы не он, то убили бы тебя остальные твои сыновья беззаконники, которые теперь учатся философии здесь в Риме, и хулят тебя часто, и изображают тебя чудовищем». Таковы латиняне — взятки берут, и от клятвы своей откажутся из-за подарков, и в клевете не видят греха, и говорят: «Мы только речи произносим, а сами не убиваем». Думают окаянные, что только тот убийца, кто оружием убивает, а оклеветать, донести, натравить — это не убийство. Если бы они понимали закон Божий! Уже было рассказано им раньше о законе, но поскольку они были иноплеменниками, то это учение не привилось у них. А потому и клеветали они на сыновей Ирода, которые тогда учились в Риме, на Архелая и Филиппа, и писали, чтобы он убил их. Ирод же был уверен в тех сведениях, которые ему удалось узнать об Антипатре, и не доверял письмам из Рима.

Многие же люди приходили в Рим из Иудеи, но никто не сообщал ничего Антипатру о том, что произошло. Не нашлось никого, кто бы ему сообщил о беде его. Из-за беззакония Антипатра и нечестивости, и промыслом Божиим, закрыты были уста всех, и никто не сказал ему о том, что ему грозит. И прошло семь месяцев между открытием его заговора и возвращением его. Антипатр из Рима писал отцу, с радостью сообщая о скором своем возвращении и о том, что Цезарь с большим почетом принимал его. Ирод же ждал с нетерпением, когда он сможет схватить врага своего в свои руки и боялся, как бы Антипатр не узнал о случившемся и не ушел куда-нибудь. И послал Ирод к Антипатру письмо, в котором просил и учтиво повелевал ему, чтобы тот постарался вернуться поскорее.

Сначала же Антипатру доставили письмо о смерти Ферора, и Антипатр весьма большой траур устроил по нему. И считали люди, что он так сделал из-за любви к Ферору, потому что тот дядей ему был. Но все было не так. Ибо Антипатр не горевал о Фероре, и не оплакивал его смерть. Горевал же Антипатр, что потерял того, кто должен был отравить Ирода ядом. И страх напал на него, как бы не узнал Ирод о яде. И когда в Киликии был Антипатр и получил от Ирода письмо, о котором мы говорили, то обрадовался весьма.

И славный пир устроил Антипатр тем, кто его сопровождал, и римлянам. И взяли римляне у него 300 талантов золота, ибо они очень жадны и ненасытны к богатству. Если же римлянам сегодня много дашь, то на следующий день еще больше запросят. И так же, как не может море наполниться, ни ад насытиться, ни женская похоть, также и римляне ненасытны к богатству. Воистину пиявки они, о которых говорит Соломон, отдающие жизнь свою и душу за вознаграждение, и могут и члены своего тела отдать, и братьев, и детей. Одни из них в умопомрачении считают безумием мужество. Другие вожделеют к богатству, как вороны к падали. Многие же из-за богатства могут и города предать, и военачальников своих. Но о делах римлян впереди напишем, а сейчас к нашему рассказу вернемся.

Когда Антипатр прибыл в Келендерий, то прежде всего он узнал об изгнании матери, и охватил его страх сильный, ибо душа его почувствовала приближение беды. «Дух бо есть Божественный и скоро очутит, яже от Бога будет, якоже и безсловесное. А от аерина духа имеюще, прежде человек разумеюще, яже от аера бываема». Наиболее разумные из приближенных Антипатра не советовали ему попадать отцу в руки, пока Антипатр не узнает о причине изгнания матери его. Другие же, менее разумные, желая отечество свое поскорее увидеть и о пользе Антипатра не задумываясь, советовали ему поскорее явиться к отцу. И говорили они Антипатру: «Если ты будешь медлить, то подумает отец, что ты виноват, и у клеветников будет время очернить тебя. Если сейчас и наговорили на тебя, то только из-за твоего отъезда, а если увидят твое лицо, то не посмеют на тебя наговаривать. Неразумно из-за неявной причины от явного блага отказываться. Потому поспеши к отцу и прими царство, которое он тебе обещал». И послушался Антипатр этих советников.

Божий же Промысел вел Антипатра. И приплыл он в Цезарею, и встретила его преславная пустота: все уклонялись от него, и никто не решался подойти к нему. Ненавидели его и раньше, но теперь люди держали показывать ненависть свою к нему. Всему городу известно было о вине Антипатра, и только Антипатр не знал, что его ждет. Никто не от-

правлялся в Рим с большей пышностью и почетом, чем этот Антипатр, и никто не возвращался более уныло и бесславно. Уже он стал понемногу понимать, что в доме несчастье, но не выдал себя словом. И был он внутренне смертельно напуган, но лицо сделал гордое. Некуда ему было бежать, и не было у него твердой уверенности ни в чем. Надеялся же он, что не открыты дела его, а если же и открыты, то он скроет их обманными речами, бессовестным языком, ложной клятвой и лестью.

Всем этим Антипатр как оружием вооружился и пришел к отцу. В первых же воротах не пустили сопровождавших его и не позволили им пройти. Был же тогда в покоях царя сирийский наместник Вар. Антипатр, прибавив к своей гордости еще и дерзость, приблизился к отцу и хотел его приветствовать. Но тот вскинул руки, и отклонил голову, и воскликнул: «О, земля! О, небо! О, солнце! Разве может отцеубийца обнимать отца, на которого столько зла задумал! Умри, нечестивая голова! Пади, беззаконник! Не прикасайся ко мне, пока не оправдаешься в том, в чем тебя обвиняют! Я устраиваю суд над тобой, и вот тебе судья — Вар, который прибыл как раз вовремя. Иди и ищи оправдание до завтра; даю же тебе время для твоих выдумок». Антипатр же от ужаса слова не мог сказать и ушел.

И пришли к Антипатру мать и жена, и рассказали ему все, что произошло, и сообщили ему о пытках и о раскрытии заговора. Антипатр же тогда стал думать крепко, как отвечать ему на суде, чтобы спастись.

На следующий день собрал царь властителей своих, и родственников своих, и друзей Антипатра, сам же сел на возвышении, и Вар возле него пониже. И по приказу царя были приведены все свидетели. Среди них были и служанки, о которых было сказано выше, и мать Антипатра с письмом, в котором было написано: «Все, нами сделанное, раскрыто отцом твоим. Не приходи к нему, пока не получишь защиту некую от Цезаря». Когда всех привели, вошел и Антипатр. И упал он к ногам отца, и сказал: «Умоляю тебя, отец, не осуди меня прежде, чем узнаешь правду, а выслушай мое оправдание с мудростью, и я докажу свою невиновность, если ты этого хочешь». Ирод же приказал ему молчать и сказал Вару: «Я знаю, что и ты, Вар, и всякий судья праведный признает Антипатра бесчестным. Боюсь же, что он захочет очернить меня, и ты осудишь также и меня, и признаешь достойным всякого горя, раз я таких сыновей вырастил. Однако я достоин и милости, поскольку даже таким проклятым детям я все же был щедрым и милосердным отцом. Первых своих сыновей я удостоил царского звания и сделал их друзьями Цезаря, и завидовали им. А после этого я обнаружил, что они помышляют убить меня. И я их предал смерти, больше для Антипатра, который был старшим сыном и наследником; его я желал обезопасить. Этот же от-

вратительный змей насытился моими благодеяниями, а затем и на меня обратил свою жадность. Тем, что я живу, досадил я ему, и старость моя в тягость ему была. И не мог он потерпеть, чтобы получить царство законным образом, но убить меня, отца своего, действительно замышлял. Привел я его, отвергнутого, и пренебрег сыновьями, рожденными мне царицей, и этого назначил наследником своим.

Признаю перед тобой, Вар, свое слабоумие, ибо я сам тех сыновей против себя обратил, когда я отнял у них законные надежды, и все для этого Антипатра. И столько благодеяний им я не оказывал, сколько этому же Антипатру. Еще при жизни своей я почти уступил ему царство свое и написал в завещании, что он будет царствовать после меня, и из собираемых мной податей выделил я ему 100 талантов золота, и из своего дворца многим его одаривал. Когда поехал он в Рим дал ему 300 талантов золота, и поручился за него перед Цезарем, и назвал его своим спасителем, и выделил его среди всего рода моего. А те мои сыновья какое такое бесчестье сделали, сравнимое с тем, что сделал Антипатр? И какие свидетели были против них, сравнимые с теми, что обвиняют Антипатра? И что говорить смеет отцеубийца? Разве покрыть правду ложью надеется? Ты, Вар, опасайся его. Я же хорошо знаю этого змея и предвижу всю льстивую речь его и слезы притворные. Это он говорил мне прежде беречься от Александра и советовал, чтобы не всякий приближался к телу моему. Это он меня провожал до ложа, и беспечальную жизнь мне подавал, и сон мой оберегал, утешитель мой, и заступник, и телохранитель. Когда я думаю, о, Вар, о его лжи и лицемерии, то не понимаю, как я жив еще, и удивляюсь, как я избежал козней такого страшного злодея. Раз уж так гневом Своим Бог губит мой дом, и на меня восстает любимец мой, то со стоном ставлю я несправедного на суд. И не избежит никто наказания, кто желает моей крови, если даже и все дети мои окажутся виновными». Сказав это, от рыданий и слез царь не мог говорить и приказал Николаю, вельможе своему, чтобы он привел доказательства и сообщил о злодеяниях Антипатра. Тогда Антипатр поднял голову, а сам оставался лежать у ног отца, и сказал: «Ты сам, отец, оправдал меня. Как я могу быть отцеубийцей, когда ты сам говоришь, что я всегда был хранителем твоим? Как можно назвать добрые дела мои лицемерием? Как можно назвать меня хитрым змеем, если я не разбираюсь ни в прошлом, ни в будущем? Или как я в других делах был таким умным, а в этом большом деле оказался таким безрассудным? Или как я, с моим умом, не додумался, что, такую подлость сотворив, ни от людей мне не скрыться, ни, тем более, от Небесного Суда, ведь Бог и на Небе, и на земле, и на море, везде все видит. Или я кончину братьев забыл, которую им Бог послал за преступление их? И зачем мне

было восставать на тебя? Из-за желанья ли царствовать? Но ведь я и так царствовал. Из-за ненависти ли твоей ко мне? Но ведь ты больше всех меня любил. Из-за боязни ли кого-то? Но, напротив, все другие меня боялись, ведь я был твоим охранником. Или из-за умаления моего богатства должен был я восстать на тебя? Но никто не имел таких возможностей давать и брать, как я. И если бы я и самым незаконным из всех людей был, и если бы во мне была душа льва свирепого, то твои, отец, благодеяния и милости как могли не победить и не расположить меня к тебе? Ты ведь приблизил меня к себе, отвергнутого, как сам говоришь, и выделил меня среди всех братьев моих, и сделал меня царем еще при своей жизни, и из-за множества добра, которое ты мне сделал, все мне завидовали. О, несчастный я! О, проклятый мой отъезд! Много времени дал я завистникам. Ты же, отец, знай, что ради тебя я отъезжал в Рим, для того, чтобы Силлай не нанес тебе обиду и не победил тебя в старости твоей. Свидетели моего благочестия — Рим и всей вселенной владыка, Цезарь, который меня много раз хвалил за то, что я люблю отца. Возьми же это письмо от него, отец, ведь Цезарь заслуживает большего доверия, чем все эти клеветники. Вспомни, как неохотно я отплывал в Рим, ибо знал вражду ко мне из-за царствования моего. Ты же меня, отец, погубил, тем, что время завистникам дал, отправив меня в Рим. Шел же я к обвинителям моим по суше и по воде, и не постигло меня несчастье никакое — того, кого называешь ты отцеубийцей. Неужели и это знамение не поможет мне! Неужели не видно, что я невиновен перед Богом и перед тобой, отец! Но прошу тебя, не верь тому, что показали другие под пытками. Повели лучше, чтобы меня бросили в огонь, и принесли всякие орудия пыток, и мучили меня, не щадя мерзости моей. Если я отцеубийца, то не должен я без муки умереть!» Так восклицал, с плачем и со слезами, Антипатр, и всех заставил себя жалеть. Только Ирод не стал более милостивым к нему, ибо знал, что не лгут свидетели. Николай же, по повелению царя, много сказал такого, что уличало Антипатра в обмане. Было явлено обо всех злодеяниях его, и что оба его брата из-за его клеветы убиты были, и что против живых братьев он зло замышляет, ибо не пощадит и братьев тот, кто отца отравить хотел. Доказывал Николай, что и Ферора Антипатр вовлек в это дело, братскую любовь обратил в братоубийство. Вар же повелел Антипатру дать ответ на эти обвинения. Но Антипатр, лежа у ног Ирода, сказал только: «Бог — мой свидетель, и правда на моей стороне».

Ирод же приказал привести человека, осужденного на смерть, и дал ему отраву эту выпить, и пил осужденный, и умер. Тогда заковал царь Антипатра и послал Цезарю письмо обо всем. Можно только подивиться Божественному Промыслу, как за зло воздается злом, а за добро —

добром. И невозможно человеку, — ни тому, кто исполняет закон, ни тому, кто его нарушает, — укрыться от руки Божьей, которая всеми обладает. Больше же всего обращен взор Божества на тех, кто исполняет закон Его. И Авраам, праотец рода нашего, из своей земли изведен был, так как обидел брата своего при разделе земель своих: в чем согрешил, в том и наказан был. Затем же — за послушание Авраама — дал ему Бог Землю Обетованную.

Ирод же заболел. И вместо предыдущего завещания другое написал. И назвал царем Антипу, сына своего от Мальфаки. Цезарю он завещал 1000 талантов золота, а жене Цезаря и детям — 500. И другим раздал богатства много. И стал болеть Ирод все сильнее, так как недуг застиг его в старости и в горе. Тогда же мятеж был в народе против него.

Было два законоучителя в городе Иерусалиме, они изучали законы отеческие и за это славились по всей Иудее — Иуда, сын Сепфора, и Матфей, сын Маргала. К ним приходило много молодежи, и спрашивали о законе отцов, и собирались каждый день, как войско. Когда стало известно, что царь подавлен горем и болезнями, то эти законоучители послали ко всем, почитающим отеческий закон, и сказали, что настало теперь время удобное, чтобы послужить Богу и разрушить то, что было сделано против отеческого закона. Закон же запрещал, чтобы в храме было изображение человека или другого живого существа.

В то же время Ирод сделал изображение золотого орла над главными воротами храма в честь Цезаря, которого он называл орлом златокрылым. Это изображение орла законоучители повелели изрубить народу. И говорили так: «Можно за отеческий закон и умереть, ибо бессмертную славу унаследуют те, кто так умрет, и после смерти душам их радость вечная будет. А тот, кто труслив, и любит свое тело, кто вместо подвижнической смерти предпочитает смерть от болезней, тот и славы не получит, и муки бесконечные в аду примет. Идите, люди иудейские! Ныне время подвигу. Покажем, как мы ревнуем о законе Моисеевом. Да не опозорим род наш, да не постыдим того, кто дал нам закон. Есть у нас примеры подвижников — первый Елеазар, и семь братьев Маккавеев, и мать их, столь мужественная. Антиох же победил, и захватил землю нашу, и царствовал над ней, а эти семь отроков, и законоучитель старый, и женщина-старица его победили. Будем же и мы подражать им и не окажемся более немощными, чем женщина. Если же будут мучать нас за Божественную ревность, то этим еще более славный венец нам сплетут, а если и убьют нас, то души наши, темницу тела покинув, к праотцам отойдут, к Аврааму и его потомкам». Эти речи удивительное движение вызвали в народе, и в полдень опоясались люди веревками толстыми, и забрались на ворота, и срубили золотого орла.

Когда царь узнал об этом, то послал он воинов и схватил 80 человек. И спросил Ирод тех, кого схватил: «По чьему повелению дерзнули вы сделать это?» Они же ответили: «Так велел нам отеческий закон». И еще спросил их Ирод: «Что вы так радуетесь перед смертью?» Они же ответили: «Блаженство получим после смерти». Царь как будто и не болел, в ярости он повелел собрать народ и стал обвинять схваченных в осквернении храма, и говорил, что их следует предать мукам как богохульников. Люди же боялись, что на всех на них обрушится царский гнев, и просили, чтобы царь казнил только схваченных, а всех остальных простил.

И повелел Ирод растопить печь и бросить в нее тех, кто был схвачен, живьем. Так и было сделано. Болезни же охватили Ирода, и завладели всем телом его разные недуги. Жар у него был нескончаемый, и зуд нестерпимый, и кости часто ломило у него, и ноги отекали и окаменели, и внутри было жжение, а срамное место исполнилось вони, гноя и червей, дыхание же его перехватывало в груди, и часто дышал, и все члены его постоянно дергались. Око Божье невидимое обратилось на грехи Ирода, ибо он осквернил царствование свое кровопролитием и блудом с чужими женами. И поскольку без детей оставлял других, то и своих детей не жалел и своими руками убил. И так как не жалел тела своего для блуда, то и получил такую болезнь жестокою. И боролся Ирод с таким множеством болезней, и еще жить помышлял, и излечиться надеялся, и лечение себе искал.

И перешел Ирод за Иордан, и в Каллиройской теплой купальнице мылся, теплые воды которой идут из Асфальтового озера, вода же эта вкусная и пригодная для питья. И врачи обмазали мазью теплой тело Ирода. Но тогда он отек весь с головы до ног и стал как мертвый. Когда же все пришли в смятение, то Ирод очнулся. И раздал Ирод воинам своим по 50 драхм каждому, и военачальников наградил щедро.

Сам же Ирод двинулся в обратный путь, в Иерихоне же как будто обезумел, и незаконное дело замыслил. И собрал знатных людей со всей Иудеи, и запер их в здании для конских скачек, и дал такой наказ сестре своей Саломее и мужу ее Алексе: «Знаю, что моя смерть праздником будет для иудеев, и потешаться они будут надо мной, но если вы исполните мой наказ, то будут мне пышные и славные похороны. Приведите сюда воинов, чтобы, когда я умру, они скоро приступили к содержащимся под стражей людям из знатных родов и убили бы их. Тогда весь народ Израильский оплакивать будет меня против своей воли».

Тогда принесли Ироду письмо послы от Цезаря с повелением убить Антипатра, так что, даже если и отец пощадит его, Цезарь осуждает Антипатра на смерть. Ирод же, услышав то, чего он желал, обрадовался и

хотел встать на казнь сына, но не дали ему болезнь и изнеможение, ибо еды он не мог принимать, и к прежней болезни его прибавился еще и кашель мучительный. И так стало невыносимо ему жить, что попытался он опередить судьбу. И взял он яблоко и попросил нож, как будто хотел, как обычно, отрезать и есть, а сам осмотрелся по сторонам, чтобы ему никто не помешал, и занес руку свою для удара в сердце. Но подбежал Ахиав, племянник его, и схватил его за руку.

И был крик большой во дворце, как будто умер царь. И услышал Антипатр, и обрадовался, и велел стражникам расковать его, то угрожая, то дары предлагая. Стражники же пришли к царю и рассказали ему об этом. И заговорил Ирод через силу, но громко, и немедленно послал убить Антипатра, что было исполнено. И погребли Антипатра в Гиркании. Ирод же написал в завещании, чтобы Архелай, его старший сын, царствовал после него.

Антипу же, другого сына, сделал Ирод четвертовластником. После же убийства Антипатра Ирод жил пять дней и умер. Царствовал же он по повелению Цезаря тридцать семь лет. Благоприятствовала Ироду судьба больше, чем кому бы то ни было: не благородного он был происхождения, но своей смелостью приобрел царство, и расширил его, и своим детям оставил.

Саломея же, прежде чем известно стало людям о смерти царя, призвала заключенных Иродом знатных людей, которых царь приказал убить, и дала им золото, и отпустила их в земли их. Потом же созвала Саломея властителей и воинов. И встал посреди них Птолемей, вельможа царский, которому свой перстень с печатью вручил царь, и ублажил царя Птолемей, и восхвалил, и воспел, и народ утешил речью скорбной и прекрасной, и развязал царское завещание и прочел.

В завещании было написано: Филиппу владеть Трахонитской землей, Антипе быть четвертовластником, Архелаю же — царствовать. Архелай и перстень получил, и право принести завещание к Цезарю, ибо Цезарь оставался правителем и господином Иудеи. И тут раздался крик радостный всех друзей Архелая.

Затем обратились к погребению царя. Архелай желал почтить отца и велел, чтобы взяли все царское великолепие и несли перед умершим. Ложе, на котором лежал Ирод, было все из чистого золота и украшено было камнями дорогими, постель была из богатых тканей различных, тело же было покрыто багрянницей царской, а на голове лежал венец золотой, украшенный камнями дорогими и жемчугом многоценным, а в правую руку Ирода вложили царский посох. Ложе несли сами сыновья Ирода, а родственники его вокруг шли. А перед ложем шли воины,

вооруженные и как на войну построенные: фракийцы, германцы, галаты, иудеи, идумеи, трахониты; и все остальное войско шло за своими военачальниками, в строгом порядке, и в полном вооружении. 500 же рабов несли многоценные благовония в золотых кадильницах. А другие 500 рабов несли ценную розовую воду в золотых сосудах. И коней 500 в золотой упряжи вели перед ложем. И всякого оружия золотого по 100 предметов несли. И несли тело Ирода 5 верст в крепость Иродион, которую он сам построил, и там погребли его. Таков был конец жизни Ирода.

Книга вторая Иосифа. О завоевании Иерусалима

Архелай оплакивал отца семь дней и устроил богатый поминальный обед для народа, по обычаю еврейскому. От этого обычая многие бедными становятся, поскольку многих надо накормить, даже если не хочешь этого. А если кто этот закон не исполнит, то не считают такого добродетельным.

Тогда снял Архелай поминальные одежды и одел царские. И вошел он в собрание, и там всячески расхваливали и прославляли его. И Архелай поприветствовал народ, сидя на золотом престоле, на возвышении, и поблагодарил людей за усердие, которое они проявили на похоронах отца его, а также за то, что они ублажали Архелая и обращались с ним, как будто он уже стал царем. И сказал Архелай: «Не дерзну сказать, что я царь, пока не утвердит мое воцарение Цезарь, который является владыкой над всеми. За преданность же и за любовь вашу дам вам то, что вы попросите. Когда же Цезарь назовет меня царем, то буду ко всем относиться лучше, чем мой отец». Этим словам радовались люди и хотели испытать, насколько Архелай великодушен, и еще больше просили, и кричали, чтобы облегчил подати, другие просили прибавки к жалованию, третьи — отпустить осужденных. И Архелай, желая угодить людям, говорил то, что им хотелось, зная, что Давид и Соломон льготами получили царство Израилево, а сын Соломона Ровоам потерял царство, поскольку не шел на уступки. После этого Архелай жертву принес Богу.

И обратился Архелай к веселью со своими вельможами. И тогда многие из иудеев напились и стали причитать и плакать по законоучителям и по казненным Иродом за срубленного орла золотого.

Было же это сетование неприкрытым, и рыдания были громкими, и кричать людям велели, и плач оглушающий был во всем городе, поскольку замученных почитали как павших за отеческий закон и за церковь. И люди кричали: «Пусть мучаются властители Ирода за тех мучеников! И пусть будет устранен первосвященник, которого Ирод назначил, поскольку нечестивый он и порочный, и нет у него ревности к

Богу». На это разгневался очень Архелай, но сдержал ярость, ибо торопился он отправиться к Цезарю, а также боялся взволновать весь народ. Поэтому Архелай пытался усмирить восставших на него добрыми словами, а не жестокостью и силой.

И послал Архелай военачальника своего и просил восставших, чтобы они прекратили беспорядки.

Когда этот военачальник пришел в храм, то не смог сказать ни слова, так как был побит камнями. Люди были готовы воевать. И настал праздник Опресноков, также называемый Пасхой, когда много жертв приносится Богу, и пришло народу бесчисленное множество со всей земли на богослужение. Зачинщики восстания стояли в храме тайно, и вдруг вскочили и встревожились все.

И послал Архелай воинов, чтобы схватили главных зачинщиков. Тогда все люди устремились на воинов и многих посланных убили палками, а военачальник едва убежал окровавленный. После этого, как будто не сделали ничего плохого, люди пошли приносить жертву.

Архелай же, видя, что без кровопролития люди не утихнут, послал против них воинов своих: пеших по городу, а конных по полю; воины напали на приносивших жертву и убили из них 1000 человек. «Обратиться празднество их на печаль», как сказано. Прочие же люди убежали в горы и в леса. Затем появились вестники Архелая и сообщили, чтобы все люди разошлись по своим землям и перестали праздновать.

Архелай же взял с собой мать и вельмож своих и отправился в Рим. А за ним двинулся Антипа, который оспаривал право Архелая на царствование и говорил, что первому завещанию надо верить, а не последнему. Антипу поддерживала Саломея и все родственники. Архелая же все ненавидели.

Родственники Ирода хотели либо править самостоятельно и подчиняться напрямую римской власти, либо иметь Антипу своим царем.

И написали обвинение против Архелая сторонники Антипы и передали письмо Цезарю. Также и Архелай передал Цезарю послание, приложив завещание отца, и перстень, и венец. Цезарь рассмотрел оба сообщения, подумал и о величине царства, и о размерах собираемых податей, и о числе родственников Ирода. И собрал Цезарь властителей своих, и допустил к этому собранию и Тиберия, который не допускался прежде вплоть до этого случая. Цезарь дал время сторонам, чтобы они рассказали о своих правах на престол. И поднялся сын Саломеи Антипатр, человек красноречивый, защитник Антипы и противник и обвинитель Архелая, и сказал: «Просишь ты, Архелай, у Цезаря разрешения царствовать. Но это пустые слова, ибо царствовать и деяния царские со-

вершать ты уже начал. Обманываешь ты сейчас Цезаря, потому что не дождался ты чести, чтобы он утвердил тебя, но взял царский венец и возложил на себя самовольно. И на золотом престоле ты сидел, и повелевал, как царь, и порядки в войске изменил, и чиновников назначил, и народу обещал сделать все, что тот пожелает, и отпустил тех, кого заковал твой отец за большие провинности. Теперь же ты пришел просить у властителя твоего только тень царствования, а само тело царствования ты уже захватил. Из-за тебя, Архелай, у Цезаря оказывается лишь имя господина, и нет у него действительной власти господина. А отца хорошо ты оплакивал: днем изображал на лице своем печаль, а ночью веселился и напивался пьяным. Потому и разгневались люди на тебя за твое беззаконие. И ты послал воинов и убил в храме великое множество народа. Люди пришли на праздник и жертвы принесли Богу, и над жертвами своими сами жертвами стали. Такое ты устроил побоище, какого даже иноплеменники не делали. Зная твой злой нрав, отец и во сне не помышлял назначить тебя царем. Но потом, когда душой он измучен был, и разумом ослабел, и здравомыслие оставило его, и не сознавал, что делает, он написал завещание, в котором назначил тебя наследником. Однако большее доверие внушает первое завещание, которое Ирод написал, когда был здоров телом, и душа его была свободна от всяких мучений. Но если даже по завещанию Ирода тебе, Архелай, и полагается царствовать, то сам себя ты лишил этого права своим беззаконием. Цезарь еще не утвердил тебя, а ты уже столько зла сотворил. Сколько же ты зла сотворишь, когда будешь им утвержден?» И другое многое сказал Антипатр, а родственники Архелая подтверждали эти слова. И закончил Антипатр свою речь. И после него поднялся Николай, защитник Архелая, и сказал: «Сделанное в храме необходимо было сделать. Убитые противились не только Архелая, но и Цезарю, судье нашему. Действия, в которых вы обвиняете Архелая, делал он по вашим же настояниям и советам. Последнему же завещанию Ирода нужно доверять больше, чем первому, поскольку именно в нем написано, что Цезарь является господином, и только он может утвердить наследника. Отсюда мы понимаем, что не без ума был Ирод тогда, но, напротив, мудр, поскольку Цезарю уступил всю власть». После этой речи подошел Архелай к Цезарю и безмолвно упал к его ногам. Тот же с ласковым словом поднял его и назвал его достойным отеческого престола. И распустил Цезарь всех в тот день, а сам раздумывал, одного ли Архелая назначить царем или между всем родом царским власть разделить. Когда Цезарь размышлял об этом, принесли письмо от Вара, сирийского управителя, в котором сообщалось о том, что иудеи на арабов восстают и не хотят быть под властью Рима. Подумав, Цезарь поручил разобраться с этим делом Вару.

Вар с войском пошел на подданных Цезаря, устроивших войну, и с многими сражался, и многие римляне и иудеи погибли.

И потом покорились иудеи Вару и согласились выдать зачинщиков. И послал Вар за ними, и привели их. Старейшин он посадил в темницу, а из младших распял 2000 человек. Сообщили же ему, что в Идумее находится десять тысяч разбойников, и пошел на них Вар. Те, узнав об этом, послали Ахиаба, двоюродного брата Архелая, к Вару, и покорились ему. Вар же людей простил, а главарей послал к Цезарю для определения вины. Были среди главарей и родственники Архелая, и повелел Цезарь мучить их, поскольку воевали против царя, который был им родственником. Вар же своими силами успокоил Иерусалим и оставил охрану в нем, которая и раньше там была, сам же возвратился в Антиохию.

Против Архелая еще и другой мятеж был; восстали на него иудеи в Риме. Пришли из Иудеи 50 самых влиятельных людей к Цезарю и просили, чтобы дал он им другого властителя, а своего царя хулили. И поддержали их живущие в Риме евреи, которых было 8000. Собрал же Цезарь влиятельных римлян и представителей всех, кто был под его властью, в храме Аполлона, который был во дворце его; сам он создал этот храм и чудесно все там устроил и украсил.

Тогда с одной стороны встали влиятельные иудеи с народом, а напротив них встал Архелай со своими единомышленниками. Родственники же Архелая презирали его и завидовали, и не встали на его сторону; но и к противникам Архелая они не присоединились, так как уважали Цезаря и боялись его; а потому встали они особо. Был же и Филипп там, брат Архелая, который преследовал двойную цель. С одной стороны, он приехал Архелая поддержать и почет от него получить, с другой же, в том случае, если Цезарь будет делить царство Ирода между всеми его родственниками, Филипп хотел получить свою долю. Велел же Цезарь противникам Ирода рассказать то, в чем они Ирода обвиняют. И сказали они: «Не царем нам был этот Ирод, а мучителем, каких еще не было. Многих он убил, а мы, живые, такое зло от него терпели, что завидовали тем, кто умер. Не только же тела он мучил подданных своих, но и города, ему подвластные, разорял. А города иноплеменников украшал, и еврейскую кровь отдавал посторонним людям. Были мы благополучны и соблюдали отеческий закон, а вместо этого, при Ироде, охватила народ наш нищета крайняя и беззаконие. Воистину, даже когда возвратились предки наши из Вавилона, в царствование Ксеркса, такой беды не было. За долгие годы вавилонского плена не принял наш народ столько горя, сколько за короткий срок царствования Ирода. Так мы привыкли к жестокости при Ироде, что потерпели жестокое рабство и от другого злого властителя. После смерти Ирода назвали мы царем Архелая, сына

того мучителя. О, Боже наш, плакали мы по Ироду притворно и против воли, а сами молили Тебя о благополучном царствовании наследника его! Архелай же не замедлил показать, что не из другого он рода, но из рода Ирода, и сразу ознаменовал свое воцарение убийством. 1000 горожан — вот какую жертву он принес Богу, осквернив мертвецами храм и праздник. Нам же, оставшимся в живых, пришлось терпеть злость его и искать правду. И теперь просим мы тебя, Цезарь: помилуй остаток иудейского народа, не отдай нас жестоким властителям, но объедини землю нашу с землей Сирийской, и назначь своих властителей, чтобы правили нами, и покажем мы себя мирными и послушными, а не противниками и мятежниками, как теперь нас выставляют». Иудеи этой просьбой закончили речь свою. Тогда поднялся Николай и в своей речи снял с царя обвинение и на иудеев всю вину возложил, и сказал: «Народ этот непокорный, с давних времен он сопротивляется власти и не желает подчиняться ни кротким, ни злым властителям; так продолжается от Моисея и до сего дня». Цезарь выслушал обе стороны и распустил всех.

Через несколько дней Цезарь дал Архелаю половину царства. Другую половину он разделил на две четверти и дал одну Филиппу, а другую Антипе. Антипа получил власть над Переей и Галилеей, с которых собиралось податей 200 талантов. Филиппу Цезарь дал Батанею, Трахон, Авран и часть селений Зенона, с которых со всех собиралось податей 100 талантов.

Архелаю же дал Цезарь всю Иудею, и Идумею, и Самарию, с которых собиралось податей 400 талантов. Греческие же города — Газа, Гадара, Иппон — Цезарь отнял у Архелая и присоединил к Сирийской области. А Саломее Цезарь дал Иамнию, Азот, Фазаилиду и дворец в Аскалоне, с которых со всех собиралось податей 60 талантов.

Остальные родственники Ирода получили каждый то, что завещал им Ирод. Двум незамужним дочерям царя Цезарь дал своего серебра 500 000 монет. Затем Цезарь разделил между наследниками Ирода те 1000 талантов золота, которые царь передал ему перед смертью. Из вещей ценных небольшую часть Цезарь себе оставил, чтобы почтить умершего.

В то время юноша один, родом иудей, воспитанный в Сидоне, похожий на Александра, сына Ирода, стал лгать и говорить, что он и есть Александр. Был у него кто-то в сообщниках, кто знал тогдашнее положение дел. И люди спрашивали этого юношу об Аристокле, а он сказал, что и Аристокл жив, поскольку их выкрали перед казнью из жалости, и других убили вместо них. И многие верили этой лжи из иудеев, живущих на Крите.

Получив много даров, этот лживый Александр приплыл в город Милы, где также все поверили ему, и провожали его до Рима все люди, с почетом и с дарами, как царя. И те, кто видел настоящего Александра живым, клялись, что это действительно он. И все иудеи Рима собрались, чтобы увидеть его, а иудеи из Мил носили его, поднося вместе с престолом, пели перед ним песни радостные и тратились много, чтобы угодить ему.

Цезарь же хорошо знал, как выглядит Александр, поскольку тот предстоял перед ним, когда судился с Иродом. И понял Цезарь обман: и лицо было другим, и тело было грубее, чем у Александра, что обличало в самозванце раба. И разгневался Цезарь весьма, и схватил юношу, и сказал: «Подарю тебе жизнь, если сообщишь, кто научил тебя это делать». Тогда схваченный выдал того иудея, который подтолкнул его к этому обману, указав на сходство его с Александром. И сказал юноша: «Столько мы даров получили по городам, сколько не получил и сам Александр, когда был жив». Цезарь с улыбкой выслушал его и определил его в гребцы свои. А иудеи из Мил, поскольку носили его на руках и царский почет оказывали, убиты были.

Об Иоанне Предтече

Тогда же один человек из иудеев ходил в странной одежде, приделав шкуры животных к телу своему на местах, не покрытых волосами его, а лицом был как дикий. И этот человек пришел к иудеям, и призывал их к свободе, и говорил: «Бог мя посла, да покажу вам путь законный, имже избудете от мног властелин, и не будет над вами владея смертный, разве Вышняго, пославшаго мя». И это слышали люди, и радовались. И шли к нему со всей Иудеи и из окрестностей Иерусалима люди. И ничего другого не делал им, кроме того, что в воды реки Иордан погружал их и отпускал, наставляя, чтобы перестали делать зло, и тогда дан будет им Царь, который спасет их и покорит всех непокорных, Сам же не покорится никому. Над этими словами одни смеялись, другие же верили им.

И привели этого человека к правителю Архелаю, и собрались законоучители, и спросили у него, кто он и где был до этого времени. Он же отвечал им: «Человек я, которого привел Дух Божий в пустыню, и питался я стеблями, и корнями, и отростками деревьев». Они же угрожали ему муками, если он не откажется от этих слов и дел. Он же сказал: «Вам подобает престати от своих скверных дел и прилепитися Господу Богу своему». И вскочил разгневанный Симон, книжник из рода Иесея, и сказал тому человеку: «Мы каждый день читаем Божественное Писание, а ты сегодня вышел из леса, как зверь, и осмеливаешься учить

нас и народ обманывать неправедными словами своими». И бросился Симон на него, желая растерзать тело его. Он же укорил их, и сказал: «Не открою вам сущую в вас тайну, понеже не изволи того. Неизреченна тем прииде на вас пагуба, и вас ради на вся человеки». И, сказав это, ушел он на другую сторону Иордана, и никто не смел запретить ему, и делал он там то же, что и прежде.

Архелай же, приняв власть, припомнил иудеям их вражду к нему и обрушил на них нестерпимые тяготы, также и на самарян. В 9-й год своего царствования видел он сон, будто было 9 колосьев на поле, больших и полных, и пришли волы, и съели, и разрыли их. И призвал царь гадателей и толкователей снов и спросил их о значении своего сна, и по-разному те толковали. И человек один из саддукеев, по имени Симон, сказал: «Колосья означают года, а волы — изменчивость всего. И будешь ты править столько лет, сколько колосьев в твоём сне. А затем различные изменения тебя ждут, и горе, и смерть».

Через пять дней после этого сна вызвал Цезарь Архелая на суд. Ибо послали до этого иудеи и самаряне к Цезарю письмо, в котором жаловались на притеснения со стороны Архелая. Цезарь изучил дело и изгнал Архелая в Виенну, город в Галлии. Имущество же Архелая во дворец Цезаря привезено было.

У Архелая, царя Иудеи, была жена Глафира, дочь Архелая, царя Каппадокии; прежде она была женой Александра, сына Ирода, которого убил его отец, как мы писали. После смерти Александра взял Глафиру в жены Юба, царь ливийский, а когда и тот умер, вернулась Глафира в Каппадокию, в дом отца своего.

И увидел Глафиру Архелай, царь Иудеи, и такое желание к ней ощутил, что жену свою Мариамну отпустил, а Глафиру взял себе в жены.

Тогда увидела во сне Глафира, будто Александр, ее первый муж, пришел, и угрожал ей, и говорил: «Стерпел я твою мерзость, когда пошла ты после моей смерти за ливийского царя. Теперь же, поскольку вернулась ты в мой дом, бесстыжая, и вышла за третьего мужа, за брата моего, не потерплю я такой обиды, но возьму тебя к себе, даже если ты не хочешь этого». После увиденного сна Глафира прожила два дня и умерла.

Управление же областью Архелая поручил Цезарь своему военачальнику по имени Копоний. И дал он ему власть казнить и миловать любого, кого он пожелает. При нем был человек из Галилеи, который ругал иудеев. Говорил он, что они, дети Авраама, являются свободными. Теперь же они находятся в рабстве у римлян, платят подати владыкам смертным, поскольку отступили от Безсмертного Бога. Имя же челове-

ку этому было Иуда. Он призывал жить обособленно и не так, как жили другие.

Есть три направления законоучителей в Иудее: первых называют фарисеями, вторых — саддукеями, а третьих — ессеями. Ессеи хранят закон в большей чистоте, чем фарисеи и саддукеи. Всякие наслаждения ессеи отвергают, а воздержание и жизнь без страстей одобряют. Брака и сношений с женщинами ессеи избегают, а чужих детей принимают к себе в раннем детстве, воспитывают их в своем учении, заботятся о них, считают своими родственниками, учат по своим книгам. Брака же и деторождения не отвергают, но сами от общения с женщинами воздерживаются, и говорят, что ни одна женщина не может сохранить ложе мужа своего в чистоте. Богатства же не желают, и нет у них имущества никакого, но все у них общее, и одежды, и жилища. Масло они считают скверной. Одежды же у них только белые. Управителями своими назначают тех, кого хорошо знают как лучших и мудрейших.

Ессеи не в одном городе живут, но во всех городах. Кто где хочет, общину создает, и дом обустраивает, и живет. Если же из других городов приходят чужие и незнакомые, которые при этом живут также и те же правила соблюдают, то принимают их как своих, и поят, и кормят. Поэтому они еду не берут в дорогу. Берут одно оружие для защиты от разбойников. Молчанием же, и смирением, и внешним видом подобны они детям, которые боятся учителя. Одежду же и обувь не меняют, пока те полностью не изнасятся.

Торговли между ессеями нет никакой, но каждый то, что ему нужно, берет как свое, и никто ему не запрещает. В предстоянии перед Богом и в благочестии они превосходят всех. Немного же спят. Ночью встают на богослужение, и славят Бога, и молятся Ему. До восхода солнца они ничего не говорят, лишь молитвы отеческие солнцу воссылают, как бы молясь о восходе его.

После этого отпускают их управители, чтобы занимался каждый тем ремеслом, которому научился. И до пятого часа работают в полную силу.

И снова собираются в одно место, опоясываются набедренными полотенцами и омывают тела свои холодной водой. Очистившись, они собираются в другой постройке, куда никто из неверных не допускается.

Чистые, они, как в святой храм, в столовую входят и садятся там молча, а пекарь раздает им хлеб по порядку, и повар разносит посуду с одним каким-то блюдом. Священник молится над пищей, ибо запрещено есть без молитвы. Также и после еды встают и славят Бога как подателя пищи.

И снова, сняв с себя белые одежды, идут заниматься делами, и работают до вечера. И опять возвращаются в столовую. Ни криком же, ни смехом не оскверняют места этого. Говорят ессеи по очереди, не перебивая друг друга. Безмолвие внутренней жизни общины для внешних наблюдателей представляется страшной тайной. Ничего они не делают без повеления управителей. Только в двух случаях могут они делать что-то без повеления: если требуется оказать милосердие и помощь. Родственникам же своим они не могут ничего давать без повеления управителей. Праведные они, не дают проявляться ярости, и гнев сдерживают. Ессеи — веры защитники и миротворцы. Слову своему они не изменяют. Всему, что они говорят, можно верить больше, чем сказанному с клятвой. Сама же клятва считается у них хуже всякого греха. Если человеку можно верить, только если он клянется Богом, то это осуждается ими и отвергается.

И ищут они самые древние книги, и читают их, и изучают, что происходит в чужих землях, и мудрость извлекают из этого, обращая внимание на то, что полезно душе и телу. Известны им травы, корни, камни: что где добывается и при каком недуге требуется. И как воевать, знают ессеи из этих писаний. Если кто-то желает присоединиться к ним, то не скоро принимают, но сначала велют жить в строении за воротами, дают топор, набедренное полотенце и белую одежду, и испытывают один год. Если человек покажет свое воздержание, то его допускают к внутренней жизни общины, и он участвует в очищении водой. После того, как человек показал свое терпение, нрав его испытывают еще два года, и если недостойным окажется, его изгоняют, а если достойным — его принимают в число братьев. А перед принятием закликают его клятвами страшными, и он, стоя перед дверями, дает ужасные обеты, призывая Бога Живого, и десницу Его всемогущую, и Дух Божий невместимый, и серафимов и херувимов всевидящих, и все Небесные силы призывает в свидетели того, что он исполнит все, в чем клянется. А клянется тот, кто желает присоединиться к ессеям, в следующем: ублажать и чтить Божество; быть справедливым к людям; ни по своей воле, ни по приказу не делать людям зла; ненавидеть неправду; быть правдивым всегда, а не только тогда, когда клянется; подчиняться властям, ибо без Божьего повеления никому власть не дается; если самому доведется властвовать, делать это достойно; не одеваться и не украшать себя слишком роскошно; истину любить всей душой; лжецов обличать; беречь руки от воровства и несправедливой наживы, а душу от подкупа; не утаивать ничего от своих братьев; иноверцам не открывать тайны, если и до смерти будут мучить; в разбое не участвовать; хранить книги и ангельские имена. После принесения таких обетов приходящего к ессеям утверждают.

Если потом брат в какой-нибудь грех впадет, то изгоняют его из общины, и изгнанный жестокой смертью умирает, поскольку связан клятвой и не дерзнет принять пищу ни от кого, и ест траву, и сохнет, и умирает от голода. Поэтому некоторых согрешивших милостиво принимают обратно, когда они уже близки к смерти.

Судят ессеи основательно и справедливо. Если хотят судить, то выбирают 100 братьев, приговор которых уже не отменить. Чтут они имя давшего закон; если кто-то похулит его, того осуждают на смерть. Старейшин ессеи слушаются. Если десять их сядет вместе, то один не смеет говорить, если этого не захотят остальные девять. Не плюют в своей среде, и в правую сторону не плюют. И седьмой день, и седьмую неделю, и седьмой месяц, и седьмой год строго соблюдают. В субботу не готовят пищу, не разводят огонь, не двигают посуду, не справляют нужду.

В другие же дни ямы копают в локоть глубиной, в них справляют нужду, и опять закапывают; для этого есть у них топор — ямы выкапывать и закапывать, чтобы не осквернить солнца, ни луча божественного; после этого моются. Делятся же ессеи по времени вступления в братство на четыре части; если старшие к младшим прикасаются, то после этого моются, как если бы они к иноплеменнику прикоснулись. Живут же более ста лет из-за простой пищи. Несчастий и всего плохого не помнят. Полагают, что славная смерть лучше жизни.

Проявилась же крепость душ их при войне с римлянами, когда их пытали, били, жгли, всевозможным мучениям предавали, чтобы заставить ессеев хулить того, кто дал им закон, или съесть то, что не позволял обычай. Но они оставались непобежденными, непоруганными; и не упрашивали они убийц своих, не плакали, но только осмеивали мучителей своих, и хулили, и с радостью отдавали души свои. Ибо есть у них такое учение, что тело из тлена возникает, и после смерти разделяется оно на четыре части, из которых и составлено было. А душа бессмертна, и присоединяется к телу, и попадает в тело из эфира, как в темницу, и как зачарованная принуждается к человеческому естеству. А когда отпущена бывает душа из оков плоти, то как из долгого рабства освобождается, радуется и на высоту идет. И если хорошая душа была, то на райское поле несется, расположенное за океаном, где нет ни дождя, ни снега, ни жара солнечного, но дух спокойный от океана, и там благовонное теплое дуновение овеивает душу праведного.

А душа злодея ведется в темное и холодное место, полное муки бесконечной. Думаю, что греки то же представление высказывали, когда писали, что их храбрецов полубоги ведут на острова блаженных, а лужавые попадают в ад.

В аду, согласно грекам, находятся Сизиф, и Тантал, и Иксион, и Титий. Этим учением ессеи побуждают и заставляют людей делать добро, а зла избегать. Добрые еще добрее становятся, надеясь на славу и бессмертную жизнь после смерти. А порывы злых сдерживаются страхом, ибо они знают, что если при жизни и скроют злобу свою, то после смерти бессмертную муку примут.

Ессеи этим учением о душе невыразимую радость доставляют тем, кто внимают их мудрости. Есть же среди них некоторые, которые будущее предсказывают, поскольку прочли священные книги и изречения пророков, и разными очищениями очистились. И их предсказания всегда сбываются, и редко случается, чтобы не сбылось какое-то предсказание.

Есть же и другое направление ессеев, которые и образом жизни, и обычаем, и законом находятся в единомыслии со всеми остальными, но расходятся в отношении к браку. Говорят же они, что важную часть жизни отсекают те, кто не женятся. Если все люди единодушно будут избегать жен, то скоро прекратится человеческий род. Они же невест испытывают три года и ожидают, пока те от скверны женской очистятся три раза и будут готовы рожать, и тогда женятся на них. Когда же зачнут, то больше не спят с женой, этим показывая, что не для наслаждения соединялись. Фарисеи же так называемые, законоучители, во всем на Бога уповают и на Суд, и говорят, что воздаяние будет за праведность и за неправедность. О душе учат, что всякая душа бессметна, но если добрая душа будет, то переходит из предыдущего тела в более чистое, а злая душа ведется на мучение.

Саддукеи же Суд совсем не признают, и «Бога не наричут творца злу, но Живодавца, изложившаго в человецех волю на добр нрав и на зол». Того, что душа после смерти получает награду или муку, они не признают, и любви между ними нет.

Когда у Архелая область была отнята, передал ее Цезарь своим управителям. Филипп же и Антипа, которого звали также Ирод, владели своими областями, и городов много построили: Цезарею, Юлиаду, Тибериаду, в честь Тиберия. И умер Август, властитель мира; властвовал он 57 лет и 6 месяцев и 2 дня.

И стал царствовать Тиберий, сын Юлии. А Филипп был в своей области и сон увидел, что орел выклевал оба глаза его.

И созвал Филипп всех мудрецов своих, и они каждый по-своему толковали сон. А человек тот, о котором прежде писали, что ходит в звериных шкурах и в иорданских водах людей очищает, пришел к Филиппу вдруг, и не звали его, и сказал: «Узнай слово Господа о сне, который ты

видел: орел — это твоя жадность, ибо эта птица притесняет и расхищает; и из-за этого греха лишишься ты своих глаз, то есть власти своей и жены своей». И после этих слов в тот же день умер Филипп, а власть его перешла Агриппе.

И жену Филиппа, Иродиаду, взял себе в жены Ирод Антипа, брат его. Из-за этого все законники избегали Ирода и не смели его обличить; и только этот человек, которого называли диким, Иоанн, пришел к Ироду Антипе с гневом и сказал: «Поскольку ты жену брата взял, незаконник, а твой брат умер мучительной смертью, то и ты заколот будешь Серпом Небесным, ибо не умолчит Божий Промысел, но умрешь в печали жестокой в чужих странах, поскольку ты не семя восстанавливаешь брату своему, но похоти плотской служишь и прелюбодеяние делаешь, ибо четверо детей у брата твоего родилось». Ирод же, это услышав, разгневался и повелел бить и прогнать человека этого; он же не переставал, где ни встретит Ирода, обличать его перед всеми, и доставлял беспокойство всем.

И повелел Ирод отрубить ему голову. Было же поведение этого человека странным, и образ жизни не как у остальных людей. Как дух бесплотный, так он пребывал. Уста его хлеба не знали, даже на Пасху не вкусил он пресного хлеба, говоря: «на воспоминание Богу, избавльшему люди от работ, вдана суть ясти и на утечение яко скорбе путь». Вина же и другого хмельного Иоанн даже близко к себе не допускал. И всякую животную пищу не принимал. Всякую же неправду обличал. И питался отростками деревьев.

И вскоре пошел Ирод к Тиберию, и просил у него, чтобы почтил он его царским именем. И разгневался Тиберий жадности его, и отнял область у него, и присоединил ее к владениям Агриппы, а Ирода изгнал в ссылку, и с Иродиадой, и там умерли оба в больших скорбях.

И потом послал в Иудею Тиберий управителя. Этот управитель тайно ночью в Иерусалим принес изображение Тиберия, так называемую «семею», и установил его в городе.

Когда же наступило утро, и иудеи увидели изображение, то в сильное волнение они пришли, и ужаснулись от того, что увидели, поскольку нарушен был закон их, который повелевает, чтобы в городе не было никаких изображений. Люди из окрестностей Иерусалима узнали о случившемся и все пришли, ревнуя о законе, и устремились к Цезарее, и умоляли Пилата, чтобы вынес сему из Иерусалима и позволил им соблюдать отеческий закон.

Пилат же отказал их мольбам. Тогда они упали на землю и 5 дней и 5 ночей не двигались и терпеливо ждали.

Потом же Пилат сел на престоле в большом здании для конских скачек и призвал к себе народ как будто для того, чтобы отвечать им, а сам повелел вооруженным воинам внезапно окружить евреев. Евреи смотрели на войско, неожиданно в три ряда окружившее их, в сильном страхе. И Пилат, угрожая им, сказал: «Изрублю вас всех, если не примете изображение императора», и воинам повелел обнажить мечи. Иудеи же все единодушно упали на землю, и свои шеи вытянули, и громко воскликнули: «Готовы к закланию! Лучше как овцы будем заколоты, чем от закона отступим». И Пилат удивился тому, как они боялись Бога и хранили в чистоте закон, и повелел вынести из Иерусалима симею.

Об Иисусе Христе

Тогда явился Человек некий, если только человеком можно его назвать. Природа Его и облик были человеческими, а дела Его были Божественными. Совершал Он чудеса дивные, из-за чего и не могу я назвать Его человеком. Но на видимую природу смотря, не назову Его и ангелом. И все, что Он делал, силой некоей невидимой, словом и повелением делал. Одни о Нем говорили, что тот, кто первым дал нам закон, восстал из мертвых. И много исцелений и мудрости показал Он. Другие же думали, что Бог послал Его. Но Он делал многое, что противоречило закону, и субботу не соблюдал по отеческому обычаю, однако нечистого ничего не делал Он в субботу, ни трудился, но только словом все совершал. И многие люди следовали за Ним и Учению Его внимали. И многие души искали подвига, думая, что этим освободятся роды иудейские от римского владычества.

Обычно Он перед городом на горе Елеонской пребывал. Там же Он и исцеления подавал людям. И собралось к Нему служителей 150 и людей много. Видели же они силу Его, что Он все, что захочет, делает словом, и сказали Ему, чтобы Он пошел в город и убил воинов римских и Пилата, и царствовал над ними. Он же не послушал их.

Затем узнали о Нем властители еврейские. И собрались первосвященники и сказали: «Мы немощны и слабы, чтобы сопротивляться римлянам. Уже и лук натянут против нас. Пойдем и сообщим Пилату о том, что слышали, и горя не будем знать. А если узнает он от других, то имущества нас лишит и отрубит головы, и детей наших ждет изгнание».

И пошли первосвященники и сообщили Пилату, и он послал воинов своих, и многих убил из народа, и этого Чудотворца привел, и расспросил о Нем, и понял, что он праведник, а не злодей и мятежник, и царской власти не желает, и отпустил его, ибо жену Пилата умирающую исцелил Он.

И пошел Он на обычное свое место и свои обычные дела делал. И снова много народа собралось вокруг Него, и славился Он своими делами больше всех. И завистью стали терзаться законники, и дали 30 талантов золота Пилату, чтобы тот убил Его. Пилат же взял золото, и позволил им самим их желание исполнить.

О распятии Христа

И законники взяли и распяли Его по отеческому закону.

Потом же другой мятеж подняли люди. Священное сокровище, которое называлось Корбан, взял Пилат и потратил на устройство водопровода, по которому вода шла из Иордана на 400 верст. И люди кричали на Пилата, он же послал воинов бить их палками, люди побежали, и было затоптано 3 тысячи человек, а остальные утихли.

О Гае императоре

После Тиберия стал императором Гай. Ему было мало своего счастья. Благородных людей в своем отечестве он извел и устремился, нечестивый, на Иудею. Он послал Петрония с войском в Иерусалим, чтобы он поставил мерзкое изображение Гая в храме, а если иудеи будут ему препятствовать, то убил бы их и весь народ искоренил.

И двинулся Петроний, и узнали об этом иудеи: одни поверили и устрешились, другие же не поверили. И пришел Петроний к Птолемаиде, иудеи же встретили его в поле с женами и детьми и умоляли его не нарушать их отеческий закон и пощадить их. Петроний же внял их мольбам и оставил там изображение императора. Птолемаида — город галилейский, на берегу моря построен, на большой равнине, окруженной горами: с восточной стороны — Галилейские горы, за 60 верст, а с юга — гора Кармил, за 100 верст. Около града есть река, называемая Вилей. Там находится гробница Мемнона. Там же есть море округлое и глубокое, и дует ветер, и приносит песок, который становится стеклом. И много кораблей приходит, и берут это стекло, и не кончается, поскольку ветер постоянно приносит песок и восполняет то, что забрали. Когда же переполняются и возвращают стекло на прежнее место, то снова песком оно становится.

Петроний же позволил людям отойти к Галилее и созвал всех, и побуждал их отступить перед могуществом Рима и угрозами императора, показывал им, насколько напрасны и бесполезны их просьбы, ведь все народы почитают образ императора наравне с другими богами, лишь одни иудеи сопротивляются, что можно понять как объявление войны Риму. Иудеи же рыдали, и указывали, что закон и отеческий обычай запрещает им и в храме, и в любом другом месте ставить чье-либо изо-

бражение. Петроний же отвечал: «Мне надлежит защищать изображение моего повелителя. Если же отступлю и вас пощажу, то сам погибну справедливо, а враждовать с вами буду уже не я, но тот, кто послал меня. Ведь я, как и вы, повелениям его подчиняюсь». И люди закричали: «Готовы мы ради закона страдание и муку принять». Петроний успокоил их крик и сказал: «Можете ли воевать с императором?» Иудеи же сказали: «Об императоре и римском народе дважды в день приносим жертвы Богу. Если же император хочет изображение поставить на нашей земле, то надо ему прежде народ иудейский принести в жертву. Шеи наши мы приготовили для заклания, и с женами, и с детьми». Услышав эти слова, Петроний удивился и сжалился над иудеями, видя, что они и на смерть и на всякую муку пойдут и будут терпеть до конца. Тогда он собрал лучших людей и стал то спрашивать их, то указывать на гнев Гая и на то, что он, Петроний, находится у него в подчинении.

И 50 дней не работали люди, ибо не позволял им спор с Петронием возделывать землю и сеять. И увидел Петроний терпение их непобедимое, и распустил со словами: «Придется мне с вами пострадать. Или Бог мне поможет и склонит Гая исполнить вашу волю, и тогда с радостью приму спасение вместе с вами. Или же разгневется император, и тогда с радостью же отдам я душу свою за такое множество людей». И с войском своим Петроний из Птолемаиды пошел в Антиохию.

И немедленно оттуда Петроний послал императору письмо о том, как он пришел, и как умоляли его иудеи, и что, если хочет император владеть землей иудейской и людей не погубить, то надо ему внять мольбе иудеев и позволить им соблюдать отеческий закон.

Гай получил письмо Петрония, и разгневался, и ответное письмо послал ему, в котором присудил отрубить голову Петронию, поскольку был он нерадивым исполнителем повеления императора. Но посланники, которые везли это письмо, утонули в море, и раньше их другие приплыли, которые сообщили о смерти Гая. Гай пробыл императором три года и восемь месяцев, и убит был.

И выдвинули воины в императоры Клавдия. Старейшины же городские, а также наместники Сентий Сатурнин и Помпоний Секунд повели военачальникам с тремя отрядами охранять город, а сами собрались в Капитолии и за бесчинства Гая думали воевать с Клавдием и власть передать десяти судьям, как раньше было.

Тогда же довелось и Агриппе быть в Риме. И видя, что на деле Клавдий стал императором, Агриппа пошел к нему, чтобы помогать ему во всем необходимом. И послал его император своим представителем к старейшинам, чтобы изложить им намерения свои. И передал Агриппа

такую речь императора: «Против моей воли меня выдвинули воины, и нехорошо мне отвергнуть старания их, да и для моей жизни бесполезно это будет. Ведь получение царства — страшная вещь: если кто назвется властителем, а потом, не сопротивляясь, отступит, то сам себя по неразумию обречет на смерть. Буду же властвовать вами как благой защитник, а не как мучитель. Вам же всем предоставляю управлять и судить. И кроток я буду, поскольку пример Гая имею перед собой, убийство которого учит всех правителей править мудро». Такую речь императора передал Агриппа старейшинам римским. Они же, надеясь на войско, и на добродетельность свою, и на знатность рода, отвечали: «Добровольно рабству не подчинимся». Клавдий, услышав этот ответ, послал к ним Агриппу с такими словами: «Нельзя мне предать тех, кто присягнул мне. Вынужден я биться с вами. Покажите место вне города для битвы. Нехорошо из-за нашего неблагоразумия осквернить наши отеческие храмы кровью соплеменников». Агриппа передал все эти слова старейшинам. Тогда один из воинов обнажил меч и воскликнул: «Воины! Что нашло на нас? На братоубийство поднимаемся; на Клавдия и на родственников своих оружие направляем. Между тем, у нас есть самодержец, который непорочен и справедлив, которого не в чем обвинить».

С этими словами этот воин вышел из собрания старейшин и увел всех воинов за собой. Горожане, оставшись без войска, сильно перепугались и, поскольку не к кому им было обратиться за спасением, устремились они к Клавдию, опережая воинов.

И принял горожан с радостью Клавдий, и с почетом приветствовал их. Затем он пошел с ними принести жертву радостную за принятие власти. Агриппе же, за участие в примирении, Клавдий дал все царство отца Агриппы, прибавив к нему Трахонитскую и Авранитскую земли. Кроме того, Клавдий передал Агриппе и другое царство, которым до этого владел Лизаний. И повелел Клавдий властителям своим вырезать на медных щитах запись об этом и положить щиты на Капитолий, чтобы узнали последующие поколения о том, какую честь принял Агриппа от Клавдия. И быстро стало стекаться к Агриппе богатство бесчисленное, и стал он строить стену вокруг Иерусалима. Стены такой высоты и толщины прежде не бывало. Если бы закончил он строительство при жизни своей, не смогли бы римляне никак Иерусалим взять. Но до окончания строительства Агриппа умер в Цезарее. Царствовал он три года, и не было у него сына.

Снова Клавдий своих властителей послал в те царствия: Куспия Фада и Тиберия Александра. При них народ жил мирно, поскольку они не попирали отеческий закон иудеев. И если кто-то из иудеев от слова закона

отступал и был обличен законоучителем, то мучали таких и прогоняли, или к императору посылали. И много появилось при этих властителях служителей Чудотворца, о котором прежде писали. И говорили люди о своем Наставнике, что Он жив, хотя и умер, и что Он освободит иудеев из рабства. И множество народа слушали эти речи и повелениям служителей внимали. И не из-за их знатности их слушались, ибо они были из простых людей: одни портные, другие сапожники, третьи ремесленники, но слушались их, потому что дивные они знамения совершали, воистину делали все, что хотели. Знатные люди и управители, видя движение в народе, решили с книжниками хватать служителей и убивать. Затем же устыдились и утрастились знамений, и сказали: «Волшебством такие чудеса не делаются. Если же не от Бога они, то скоро будут обличены». И остались служители на воле. Потом же задержаны были некоторые из них, и разослали их, одних к императору, других же в Антиохию, третьих по дальним странам для расследования этих вещей.

После тех двух римских властителей Клавдий послал в Иудею Кумана. При нем же плач и смерть были евреям. Пришел народ на так называемый праздник Опресноков в Иерусалим, и римские отряды расположились на своде храма. Такое у них было обыкновение — с оружием следить за порядком в праздник, чтобы евреи не устроили возмущения, опираясь на свое множество. Один же воин приподнял сзади одежду свою, повернулся спиной к иудеям, выпятил зад бесстыдным образом и испустил на них вонь с соответствующим звуком, туда, где приносили жертву. Тогда весь народ разгневался и закричал Куману, чтобы скоро наказал воина. Некоторые же неразумные юноши хотели воевать, они хватили камни и бросали в воинов. Куман испугался, что весь народ устремится на него, и еще больше воинов призвал. Когда те стали прибывать, напал страх на иудеев нестерпимый, и бежали из храма по городу кто куда. Такая была давка и смятение среди них, что топтали друг друга. И было повержено более 1000 человек. И было вместо праздника рыдание и плач во всех домах. К этой беде прибавилась другая.

Разбойники на дороге у Вефорона, что возле Иерусалима, напали на некоего Стефана. Куман послал в ближние к тому месту селения, чтобы заковать их жителей за то, что они не погнались за разбойниками и не поймали их. И там воин один нашел книги Святого Закона, и потоптался по ним, и бросил в огонь. Иудеи же посчитали, что вся земля их сожжена. Как веревкой, связаны благочестием, устремились все с одним желанием: или умереть, или того воина убить.

И собрались иудеи и просили Кумана, чтобы не оставил безнаказанным человека, столь согрешившего перед Богом и законом. Куман же,

видя, что иудеи не утихнут, если не получат утешения, осудил воина на смерть. Иудеи же, получив отмщение, разошлись. И сошлись у селения Гемы, которое расположено на большом поле самарийском.

И когда горожане праздновали, вдруг убит был галилеянин один, человек благочестивый и праведный. И весть об этом пришла в Иерусалим и в Галилею.

И, прервав праздник, галилеяне устремились на самарян, беспорядочно, самовольно, как разбойники и мятежники. Вождем же их был Елеазар, сын Диная. И напали они на акрабаттскую страну, и не щадили ни стариков, ни детей, и все жгли.

Куман же взял в Цезарее отряд конников, называемых себастиями, и пришел на помощь самарянам, и многих разбойников убил, и схватил приближенных Елеазара. И пришли к восставшим вельможи иерусалимские, надев власяницы и пеплом головы посыпая, упрасивали людей такой речью: «Ради отечества вашего и храма разойдитеесь. Вы мстите самарянам за одного галилеянина, но из-за этого побоища могут разгневаться римляне на Иерусалим». Этих слов послушались иудеи и разошлись. Но многие в разбой уклонились. И по всей земле мятежники грабили и притесняли.

Самарийские вельможи пришли к Уммидию, правителю Сирии, для разбирательства с иудеями. Затем прибыл Ионафан первосвященник и другие вельможи, говорившие от лица иудеев. Они обвиняли Кумана в том, что он не наказал виновных и не прекратил резню в самом начале. Уммидий же сказал: «Когда приду в те места, то расследую все». Схваченных Куманом он повелел распять.

Первосвященников двух, Ионафана и Анания, и других лучших людей из иудеев и самарян Уммидий послал в Рим, чтобы судил их император.

Клавдий выслушал их и Кумана, своего вельможу, осудил на изгнание, а Целера, другого своего вельможу, также признанного виновным в этом деле, император повелел заковать, отвезти в Иерусалим и там его убить на глазах у всех. И из самарян император осудил трех самых знатных людей.

И потом император назначил Феликса править и владеть землями, которыми владел Архелай, а прочие земли отдал Агриппе, сыну Агриппы, у которого в малом возрасте умер отец.

Сам Клавдий хорошо закончил жизнь свою, с чистой совестью и спокойной душой. Был он императором 13 лет, 8 месяцев и 20 дней, и оставил Нерона наследником, как хотела его жена, Агриппина. Был же у Клавдия сын от первой жены, Мессалины, звали его Британник. Но

не сделал его Клавдий императором из-за льстивых речей той второй жены.

Нерон же этот безумия много сделал: был злым к братьям, и к жене, и к матери, и уморил их голодом, был жестоким к благородным людям, совращал женщин, прелюбодействовал, лишился разума от большого богатства, — описывать все это сейчас я не буду. Думаю, никто из тех, кому благоразумие дано Богом, и не хочет об этом слышать. Здесь же я опишу то, что происходило при Нероне в Иудее.

Назначил же Нерон властителем над Иудеей этого Феликса. Феликс три тысячи разбойников поймал, и главаря их, и многих его сообщников, и послал их к императору. Император же самых опасных разбойников распял, а со старейшин взял богатство несметное и отпустил.

Тогда разбойники стали действовать иначе. Они убивали людей посреди города, днем, чаще всего в праздники. Смешиваясь с толпой и под одеждой скрывая ножи острые, они закалывали противников своих, а потом находились около убитых и притворялись, будто сожалеют о них и ищут убийц. Первым же был убит ими Ионафан первосвященник, и после него многие. И страх сильный овладел всеми, ибо каждый ожидал смерти постоянно, как на войне.

Тогда же обманщики и хитрецы, принимая благостный вид, собирали народ для мятежа, понуждали людей к перевороту, учили воевать, уводили в пустые места, как будто там покажет Бог знамение свободы. Среди этих обманщиков был египтянин один, чародей. Он изображал из себя пророка и собрал 3000 человек.

Обманутых им людей этот египтянин провел через пустыню до Елеонской горы. Оттуда он хотел войти тайно в город Иерусалим, римских охранников захватить и царствовать.

И пришло известие Феликсу об этом, и встретил он египтянина с тысячей римлян, и было сражение, и победил Феликс, египтянин же и 50 его сообщников убежали. Очистилась и от этих земля. Но как в больном теле, от одних членов отступая, болезнь перекидывается на другие, так же было и здесь. Ибо чародеи и волшебники, и все злодеи объединились и многих иудеев побудили не покоряться римским властям, и к свободе манили людей, и смертью угрожали тем, кто покоряется.

И разошлись разбойники по стране и нападали неожиданно на дома богатых и господ, убивали, грабили. Из-за скорости передвижения мятежников охрана не могла им противостоять. В Цезарее же, где вместе проживали иудеи и сирийцы, между ними возникла ссора о том, кому принадлежит город. Иудеи говорили, что город принадлежит им, поскольку Ирод построил его, а он был иудеем. Сирийцы же отвечали, что

город принадлежит им, поскольку построен в честь Цезаря. Сирийцы говорили: «Не отрицаем, что город построен Иродом. Однако нам, эллинам, он его отдал, а потому и украсил его изображениями и храмом с идолами. Из одного этого ясно, что не для иудеев город создавался, ведь нельзя иудеям никакого изображения иметь в своих городах». В ходе ссоры жители стали братья за оружие. Властители были озабочены тем, чтобы приостановить убийства, наказывали и заковывали мятежников. Многих же непокорных иудеев Феликс убил и ограбил, а некоторых к Нерону послал для выяснения того, кому принадлежит город.

И пришли цезарейские эллины с письмом от императора, в котором он объявил, что город принадлежит эллинам, а не иудеям. Это положило начало войне, на двенадцатом году владычества Нерона, на семнадцатом году царствования Агриппы. Начался раздор с малого, но столько много зла принес, что невозможно высказать. У иудеев Цезареи сонмище было в городе, а владельцем того места, где находилось сонмище, был эллин. И много раз хотели иудеи выкупить это место, и давали за него гораздо больше, чем оно стоило на самом деле. Но владелец не уступал и пакостил иудеям, огородил то место, поставил на нем постройки для ремесла, так что евреям осталась очень узкая и неудобная дорожка к своему сонмищу. Сначала приходили юноши и мешали застраивать место. Затем пошел сборщик податей Иоанн с лучшими людьми из евреев к властителю Флору и дал ему 8 талантов серебра, чтобы он запретил эллину застраивать место. Властитель же взял деньги и ушел из города.

На следующий день была суббота, и собрались иудеи на сонмище. Эллин же один жертвенник установил там, где входили евреи, и стал на нем резать птицу и приносить в жертву, чем оскорбил иудеев непоправимо, поскольку поправил их закон и осквернил место. Умные же из иудеев и спокойные говорили, что надо идти к властителю, а юноши безумные к войне призывали. Цезарейские же эллины вооружились. И пришел Юкунд, старейшина конников, и жертвенник эллинский убрал от входа в сонмище, и примирить хотел враждовавших. Эллины же не послушались.

Тогда иудеи взяли книги священные и бежали в Нарбату, город, находящийся в шестидесяти верстах от Цезареи.

Иоанн же и другие двенадцать человек из иудеев пришли к властителю Флору и жаловались со слезами, и рассказали о том, что произошло, и умоляли его с покорностью, и упомянули о восьми талантах, которые они ему дали. Он же схватил их и заковал, обвиняя в том, что они вынесли священные книги из Цезареи. Властитель же послал в храм и взял оттуда семнадцать талантов, якобы для того, чтобы потратить их

на нужды императора. Люди же прибежали с ревностью о храме, и пламенно восклицали, и к имени императора взывали, и молили о том, чтобы освободил он их от мучителя Флора. Некоторые же из неразумных хулили и поносили властителя, корзину на голове носили, в которой лежало немного хлеба, и изображали Флора попрошайкой.

Флор не был этим пристыжен, но к еще большему грабежу обратился. С конниками и пешими воинами он пошел в Иерусалим, чтобы силой римского оружия, и устрашением, и угрозами получить то, что он хочет. Народ же с похвалой и почетом встретил его и всячески старался ему угодить.

Флор же послал Капитона сотника и 50 всадников с такими словами: «Идите обратно и не насмехайтесь надо мной, и лживый почет не оказывайте после того, как вы так постыдно ругали меня и поносили. Если вы такие храбрые и дерзкие, то хулите меня сейчас, покажите, что не только на словах, но и с оружием в руках свободу любите». Люди в ужасе разбежались, не успев поприветствовать Флора, и провели ту ночь в страхе и унынии.

Утром Флор вызвал иудеев на суд, и пришли первосвященники и вельможи еврейские, и встали со смирением перед ним. Флор повелел им, чтобы они выдали оскорблявших его, и угрожал, что, если они не приведут к нему виновных, то он накажет самих вельмож. Иудеи же сказали: «Народ всячески мира хочет. Тех, кто тебя позорил словом, прости. Среди такого множества народа всегда найдутся безумцы и мятежники из молодежи, и это неудивительно. Невозможно теперь узнать, кто это были, ибо все они раскаиваются и из-за страха отпираются. Тебе же лучше позаботиться о поддержании мира в народе, и сохранить город для римлян. Ради множества невинных прости несколько согрешивших. Это лучше, чем из-за немногих порочных погубить столько послушных тебе».

Флор же еще больше разъярился и повелел воинам разграбить так называемый верхний рынок. Воины были жадные до имущества и, получив повеление от своего военачальника, они не только опустошили место, куда их послали, но и во все дома подряд стали заходить и рубить жильцов. Иудеи бросились бежать по улицам, и было несказанное смятение, а воины рубили всех, кто им попадался. Число убитых в тот день — три тысячи и шестьсот с женщинами и детьми. Не щадили они даже младенцев. Делалось тогда то, чего не было ни при одном управителе.

Жестоко, немилосердно действовал Флор. Взял 100 людей, имевших высокие звания, и позорно бил их на судилище, и распял. Эти люди,

хоть и иудеи были родом, но звания имели римские, полученные от императора.

Тогда же царя Агриппы не было там, уехал он в Александрию, чтобы участвовать в торжествах Александра, которому поручил Нерон Египет.

Сестра же Агриппы, Береника, в Иерусалиме была и видела беззакония Флора, и жалела очень иудеев, и послала к Флору вельмож своих и телохранителей и просила его, чтобы он перестал убивать. Флор же не смотрел ни на множество убитых, ни на благородство просителей. На глазах у Береники он убил много знатных иудеев.

Наконец, воины Флора бросились и на царицу и убили бы ее, если бы она поспешно не убежала в царский дворец. Там Береника провела всю ночь, боясь нападения воинов. Пришла же она в Иерусалим, поскольку хотела помолиться и принести жертву Богу. Есть же обычай у иудеев: люди, стремясь к благочестию, или в благодарность за избавление от беды, дают обет 30 дней молиться перед принесением жертвы, и к вину не прикасаться, и волосы остричь. Эту подготовку к принесению жертвы тогда и совершала Береника.

Босой перед судилищем стояла Береника и умоляла Флора о пощаде, и приняла от Флора бесчестье и опасность смерти. Происходило это в 16-й день месяца артемисия, то есть мая.

И потом народ иерусалимский собрался, и кричали люди, и бежали к верхнему торгу на площадь, и вопли истошные раздавались, и рыдания о погибших людях, и обращенные к Флору проклятия.

Этого крика боялись вельможи иудейские, и первосвященники одежды свои разрывали, и бросались они в ноги к людям, умоляя их, чтобы перестали кричать. Боялись они, что эти крики приведут Флора в еще большую ярость. И люди, из уважения к вельможам и первосвященникам, послушались их, и надеялись, что Флор не будет бесчинствовать против них.

Флор же, когда утих мятеж, огорчился и снова пытался его разжечь, и призвал к себе первосвященников и лучших людей иудейских, и сказал: «В знак того, что люди отложили свою злобу, пусть выйдут и встретят с похвалой два отряда воинов, идущих из Цезареи».

И тайно Флор послал к сотникам этих отрядов повеление не отвечать на приветствие иудеев, но оружие направить на них, если они что-нибудь скажут против Флора.

Первосвященники же, собравшись с людьми в храме, умоляли их, чтобы они с почетом встретили римлян и приветствовали их, пока не попали в беду непоправимую. Мятежно настроенные иудеи не слуша-

лись первосвященников и, помня о погибших людях, склонялись к восстановлению.

Тогда все священники, служители Господа, вынесли священную утварь и оделись в красивые одежды, в которых обычай им был служить, и музыканты с инструментами и певцы храмовые вышли, и пали перед людьми, умоляя их, чтобы сохранили они священное великолепие и не дали повод римлянам к разграблению богослужебной утвари. И можно было видеть первосвященников, которые сыпали песок себе на голову и на грудь, и обнажали грудь, и одежду на себе рвали, и поименно всех лучших людей призывали и кланялись им, и умоляли, и говорили: «Не отдайте, из-за столь незначительной причины, отечество тем, кто жаждут разграбить его. Если же поприветствуете воинов, по обычаю, то у Флора не будет повода воевать с нами». Этими словами первосвященники усмирили народ, также и повстанцев, одним грозили, других стыдили, и так всех к покорности привели.

И потом первосвященники пошли впереди в молчании и с народом встречали воинов, и приблизились к ним, и приветствовали их, воины же не отвечали, и мятежники стали громко поносить Флора, что послужило знаком для нападения на иудеев.

Тотчас воины окружили их и стали убивать, удерживая их, а тех, кто убегал, конники затаптывали. И возникла страшная давка при избитии. Каждый стремился опередить другого, а отстающим лютая была гибель. Из-за множества собравшихся люди давили друг друга, и теснили, и погибали.

Тела растоптанных даже родственники не смогли опознать для погребения. Давили же и воины, и многих убивали отстающих без разбора, и к Вифездийским воротам гнали народ, желая взять храм и Антониеву башню. Но не удалось им осуществить желаемое, ибо иудеи вошли в крепость и обратились против воинов, и встали крепко, и отбили наступление Флора, и забрались на крытые переходы, которые соединяли храм с Антониевой башней, и сверху поражали римлян, чем затруднили их продвижение, и римляне не смогли пробиться.

И отошли римляне к царскому дворцу. Мятежники же, боясь, что Флор придет снова и займет храм, забрались на Антониеву башню и разрушили крытые переходы, которые вели от нее к храму. Этим они помешали Флору с его ненасытной жадностью. Ведь он хотел взять сокровища храмовые, а для нападения на храм воспользоваться переходами. Теперь же переходы были разрушены.

Не имея возможности осуществить намерения своего, Флор призвал первосвященников и совет городской, и сказал: «Я уйду из города,

стражников же оставлю, сколько хотите». Они же отвечали: «Оставь нам один отряд, тот, который не участвовал в избиении, ибо на остальные отряды люди злы, поскольку пострадали от них». И Флор оставил тот отряд, о котором просили иудеи.

И ушел Флор к Цезарее с остальным войском, и послал к правителю Сирии Цестию письмо, в котором сообщал о неповиновении иудеев и ложно обвинял их в том, что они якобы и затеяли всю ту ужасную бойню, от которой сами же пострадали.

Иерусалимские же старейшины и первосвященники также не молчали, но, объединившись с сестрой царя Агриппы Береникой, написали они письмо к Цестию о беззаконии Флора.

Цестий, правитель Сирии, оба письма — от Флора и от первосвященников — получил и обдумывал их с военачальниками своими. Одни из них говорили, что надо самому Цестию идти в Иерусалим с войсками, чтобы или казнить восставших иудеев, или разобраться с властью Флора, а перед собой надо послать человека разумного и верного, чтобы он рассмотрел предмет спора, и смысл его, и проверил то, что говорили иудеи. И послал Цестий одного из тысяцких своих, звали его Неаполитан.

В Иамнии Неаполитан встретил возвращавшегося из Александрии царя Агриппу. Туда же и первосвященники иудейские и старейшины пришли поприветствовать царя, и послужили ему, и выказали ему почтение. Потом же стали рассказывать со слезами о своем несчастье и о жестокости Флора. Агриппа гневался на Флора, но благоразумно перевел свой гнев на иудеев, любя которых, хотел смирить заносчивость их, чтобы они не возгордились, пострадав несправедливо. И знатные иудеи, которые пострадали, стали тогда хотеть мира, поняв, что царь гневается на них из-за любви к ним.

Народ же вышел из Иерусалима за шестьдесят верст, чтобы приветствовать царя и вельможу Неаполитана, посланного Цестием, правителем Сирии. И жены убитых рыдали, идя впереди, и кричали, и просили, чтобы Флор был наказан.

И взяли иудеи Неаполитана с одним служителем и повели его в город, и рассказали ему об опустошении храма и о разграблении, и сказали, что они покорны всем римлянам и враждуют с одним Флором.

Неаполитан, видя кротость иудеев и смирение, вошел в церковь и похвалил их весьма, поскольку верны и покорны были римлянам, и воздал почтение храму, насколько это было возможно язычнику.

И ушел Неаполитан к Цестию. А иудеи хотели послать сообщение о Флоре к Нерону и рассказать ему обо всем. И говорили: «Если умолчим

о таком разбое и не расскажем раньше Флора, этого начальника зла, то он нас обвинит в беспорядках».

Агриппа же считал, что нехорошо писать императору против Флора, однако и презреть иудеев он считал неполезным для себя. И созвал Агриппа народ во дворец Асмонеев, который был с другой стороны от верхнего города, и мост мраморный от дворца до храма сделан был. И произнес перед народом Агриппа такую речь: «Если бы я видел, что вы все стремитесь воевать с римлянами, и если бы я не понимал, что есть среди вас почтеннейшие и лучшие, и они о мире помышляют, то не обращался бы к вам и вразумить вас не пытался бы. Ибо, когда все слушающие единодушно решились на зло, тогда всякое слово и всякое наставление о правде будет напрасным и излишним. Но вижу я, что одни из вас стремятся к войне в силу возраста своего, ибо не испытали еще на себе, что такое война, другие необоснованно надеются войной добиться свободы, третьи горят желанием грабить и притеснять слабых, когда все придет в смятение. Видя все это, я и надумал склонить вас к благоразумию, чтобы те, кто желают добра, не пострадали, и надеюсь, что моя речь будет всем вам полезна. Не перебивайте же меня, даже если несладкие речи услышите. Ибо те, кто бесповоротно решились воевать, смогут и после моих слов той же мысли о войне придерживаться. Если же все не утихнут, то мои слова не достигнут тех, кто хочет слушать. Известно же мне, что многие говорят о несправедливостях, которые они терпят от римских управителей, и при этом хвалят свободу. Однако если вы гневаетесь только на притесняющих вас управителей, то зачем хвалите свободу? Если же рабство неприемлемым кажется вам, то нет смысла ругать управителей, поскольку даже если бы они и кротко правили, все равно позорно само рабство. Смотрите же, насколько мал повод для войны, ибо согрешения управителей не так уж велики. Да и следует угождать властителям, а не гневить их. Если же повод малый вызывает у вас поношение большое, то этим вы еще больше обратите против себя тех, кого поносите. Раньше они вредили вам не открыто, но тайно, с опасением, а теперь, видя непокорность вашу и неуважение, будут губить вас и грабить неприкрыто. Если даже римские чиновники жестоки, то не все римляне притесняют вас и не император, против которого вы воевать собрались. Ведь не посылают же к нам из Рима управителей, которым заповедано от императора быть несправедливыми. Те, кто в западных странах находятся, не могут видеть или узнать скоро о том, что делается в восточных странах. И не подобает из-за вражды с кем-то одним воевать со многими и из-за малого восставать на великих. Если же вы сейчас свободу хотите обрести, то не вовремя это дело затеяли. Сразу надо было всякое усилие предпринимать и пот и

кровь проливать, чтобы отстоять свободу и не попасть под гнет рабства. Ибо стать рабом очень горько, и тот, кто изначально стремится избежать этого, прав и достоин похвалы. Тот же, кто сначала склонился под иго, а потом сбрасывает его, тот — раб нерадивый, и не свободолюбец он, а смутьян и разбойник. Тогда надо было всем подняться и получить свободу, когда Помпей приходил на нашу землю. Но наши прадеды и первые цари, которые сильнее нас были и душой, и телом, и богатством, не смогли сопротивляться даже малой части войска римского. Вы же получили в наследство от своих отцов рабство и сейчас восстаете на всю державу Римскую. Посмотрите на афинян — за свободу эллинов они сами свой город огню предали; а противник их, гордый Ксеркс, по земле плавал и по морю ходил, и не вмещала судов его пучина морская, и войско его было шире земли; но и его одолели афиняне, так что бежал Ксеркс с одним кораблем. А теперь те славные афиняне — рабы римлян, и из Италии управляется главный город, царствующий над всей Эллинской землей. Лакедемоняне вышли победителями в битвах при Фермопилах и при Платеях, а при царе Агесилае овладели Азией, но и они сейчас подчинились и под теми же владыками находятся. Македонцы, которые знали Филиппа и Александра, и все еще помнят, как они владели миром, подчинились и теперь кланяются тем, к кому перешла удача. И многие другие народы, при всем их стремлении к свободе, смиряются.

И одни вы не желаете смириться перед теми, которым покоряются все. На каких же воинов надеетесь? Или на какое оружие? Где корабли ваши могучие, на которых можете объездить все моря римские? Где богатства ваши? Или вы думаете, что будете воевать с кем-то вроде египтян или арабов? Почему не сравните римскую силу со своей немощью? Ваши воины в столкновениях с ближними народами много раз побеждены были. А римское войско никто во всей вселенной еще не смог победить: покорился им весь Евфрат на восточной стороне, и северная река Дунай, и на юге Ливия, и на западе Гадес. И за океаном новую вселенную они покорили, Британию, никем не описанную и никому неизвестную, и туда донесли римляне свое оружие. Что вы скажете на это? Богаче ли вы галлов, крепче ли германцев, мудрее ли эллинов? На что надеетесь, восставая на римлян? Вы говорите, что горько и позорно рабство. Но посмотрите на эллинов — они самые благородные из всех, живущих под солнцем, и столькими землями владеют, но шести прутьям римским, то есть власти римской, покоряются. Также и македонцы, и азиатских городов 5 тысяч — не одному ли кланяются властителю? Дня не хватит мне назвать всех, повинующихся римлянам. Вифиния же, и Каппадокия, и Памфилия, и Ликия, и Киликия многое могли сделать

для свободы, но и они обошлись без оружия и дань платят Риму. Земля фракийцев 7 дней в ширину, а в длину десять, каменистая, окружена горами и лесом. Но не двум ли тысячам римлян фракийцы повинуются? Иллирийцы же, и далматы, и даки, названные болгарами и в Истрии живущие, под одним полком римским находятся. Что и говорить о гениохах, и колхах, и таврах, и босфорцах, и всех народах, что вокруг Меотийского моря живут, которые и своих-то властителей прежде не имели, а теперь одной тысячей римлян смиряются. Если же кому и можно было воевать из народов с Римом, так это галлам, которые ограждены с востока Альпами, а с севера рекой Рейном, а с юга Пиренейскими горами, а с запада океаном. Но хотя и ограждены они так, и триста пять народов им покоряются, и богатства у них как песка морского, тем не менее, подчиняются они и дают дань римлянам, и не себе собирают богатства, но другим. Они восемьдесят лет бились с римлянами за свою свободу, но везение римское и без оружия покорило им галлов, которых сейчас удерживают в рабстве 1200 римских воинов. У галлов городов больше, чем тех людей, что над ними властвуют. И иберийцы, у которых земля рождает золото, и которые живут от римлян также далеко, как небо далеко от земли, и лузитаны, и кантабры кровопийцы, у которых есть дышащее море, — и те не спаслись от римлян. Римляне же, как под облаком, пришли, и под свое оружие склонили эти народы, и теперь один полк римлян владеет ими. Покорны Риму и парфяне, властители над тысячей народов. Карфагеняне, славные своим великим царем Ганнибалом и своим благородным происхождением от финикийцев, под рукой Сципиона пали. Ни жители Киренаики, ведущие свой род из Лаконии, ни мармариды, ни дапсидиане, ни страшные сиртяне, ни насамоны, ни мавры, ни степные народы — не смогли избежать римского господства. Даже та земля, что занимает третью часть вселенной, населенная неисчислимыми народами, огражденная Атлантическим морем, и Геркулесовыми столбами, и Красным морем, включая и Эфиопию, — и эта земля под римлянами находится. И плодами земными кормит она римлян 8 месяцев в году, и дает дань и все, что нужно управителям римским, и не считает, подобно вам, что позорно покоряться Риму. Но зачем о дальних землях вам рассказываю, если могу на примере близкого к нам Египта показать силу римскую? Тот Египет до Эфиопии расширил свои границы, и до Аравии, и до Индии. 7 миллионов и 500 тысяч человек его населяют, не считая жителей Александрии, как показывает податная подать. Но и Египет не отказывается от римского управления. Город же Александрия настолько большой и многонаселенный, и богатый, что может противостоять всему Египту. Строения его протянулись в длину на тридцать верст, а в ширину на 15 верст. И сколько мы за год даем римлянам, столько александрийцы дают каждый месяц. А кро-

ме золота пищу возят римлянам и кормят их четыре месяца в году. А вы, поднимаясь на войну, откуда примете помощь? Разве от земли? Но вся вселенная подчинена римлянам. Может быть, от Бога? Но и Бог на их стороне, ибо не без Божьего Промысла они такую власть получили. Ваша вера для войны не подходит. Надеяться на помощь от Бога вы можете, только соблюдая закон, но чтобы воевать, вам придется закон преступить и тем прогневать Бога. Если же вы будете соблюдать обычай субботы и не братья в этот день ни за какие дела, то скоро завоеваны будете, как прадеды ваши Помпеем. Ибо тот Помпей дожидался дня, когда все евреи празднуют, и в тот день напал на них. Если же вы отступите от отеческого закона на время войны, тогда я не понимаю, к чему вы стремитесь. Ведь стремление у вас одно — не отступить ни в чем от закона. Как же вы призовете Бога на помощь, если добровольно откажетесь служить Ему? Когда кто-то берется за оружие, то делает это в надежде либо на Божественную помощь, либо на человеческую. Если же обе эти жилы будут отрезаны, то братья за оружие — неминуемая гибель; этим вы на казнь потащите сами себя, как узников, осужденных на смерть. Лучше уж вам своими руками зарезать детей и жен и сжечь прекрасное наше отечество. Это хоть и безумно, но так вы избежите позорного поражения и осуждения. Надлежит, о, друзья, кораблю в гавани оставаться, если видно, что будет буря, а не покидать гавань в непогоду. Ибо тот, кто погибнет от нежданной беды, тот достоин сожаления, а кто на явную гибель сам устремится, тот позора и осуждения заслуживает. Если же кто-то из вас думает, что римляне, победив в войне, простят вас, тот жестоко ошибается, ибо расправа над вами будет примером для поддержания страха в других народах. И сожжен будет святой город, и убит будет весь род ваш, а если кто и уцелеет, то некуда ему будет бежать, поскольку все земли подвластны римлянам, а потому будут бояться принимать вас у себя. Беда же обрушится не на вас одних, здесь живущих, но на всех иудеев, которые живут в других странах. Во всей же вселенной нет города, в котором части наших людей не было бы. И всех их из-за вашего восстания порубят иноплеменники; из-за неблагоразумия немногих все города наполнятся кровью иудейской. Потому умоляю вас: пощадите женщин и детей своих, и столицу свою, и святые места, и святой храм, и закон, и убранство храма. Римляне после своей победы всего этого не пощадят. Я же призываю в свидетели святых, и святость Божию, и наше общее отечество, что я сделал все возможное, чтобы спасти вас и принести вам пользу. Если же вы, рассмотрев все сказанное, склонитесь к миру, то я охотно присоединюсь к вашему благоразумию, если же вы выбираете войну, то я не пойду с вами на эту верную гибель». Сказав это, царь прослезился. Люди же воскликнули: «Не римлянам противимся, но Флору». Царь же сказал: «Дела ваши го-

ворят о том, что вы объявили войну Риму, поскольку вы не всю дань императору дали и крытые переходы разрушили от Антониевой башни. Вы можете отвести от себя обвинение, если снова построите переходы и соедините их, а также остаток дани соберете. Не Флору же принадлежит город, но императору». Люди послушались царя и разделились: одни стали крытые переходы строить, а другие пошли по всему народу собирать наскоро остаток дани, 40 талантов.

Потом же Агриппа велел народу слушаться Флора, пока император не прислал вместо него другого управителя. Но люди разгневались на эти слова, и хулили царя, и камнями в него бросали, и прогнали из города.

Некоторые иудеи объединились и пошли к крепости Масада, и вошли в нее ночью, и убили стражу римскую и свою разместили.

Елезар же, сын первосвященника Анания, собрал юношей самых крепких и церковных служителей, и стал их военачальником. И повелевал жрецам, чтобы они не принимали даров от иноплеменников и не приносили жертв за императора. Первосвященники же и лучшие люди просили сохранить принятый обычай и говорили: «Прадеды наши приношениями от иноплеменников украсили храм, и от других народов дары принимали, и не отделяли этих жертв от тех, что приносили иудеи. А вы теперь, так поступая, привлечете на иудеев оружие римское. Хорошо, отвергайте жертвоприношения императора. Но тогда знайте, что, отвергая римские жертвы, вы и свои в скором времени не сможете приносить».

Никто из мятежников не внял этим словам. Видя, что не могут помешать мятежу их, первосвященники и лучшие люди послали к Флору, призывая его прийти к городу с войском, пока не разгорелось пламя войны. Однако Флор как раз и хотел разжечь войну, а потому не дал ответа.

Агриппа же, заботясь о том, чтобы не погибло царство его, послал на помощь первосвященникам и лучшим людям в Масаду три тысячи конников из Аврана и Трахонеи с военачальником Дарием. С их поддержкой первосвященники и мирно настроенные иудеи вошли в верхний город, нижний же город и храм захватили мятежники.

И семь дней бились они, и много крови пролилось с обеих сторон, но никто не мог победить.

И потом наступил праздник Ношения дров, в который обычай был всем носить дрова к жертвеннику, чтобы постоянно огню была пища, и он горел неугасимо. И когда пришли люди для принесения даров, Елезар впустил немногих. С ними же вошли и разбойники, называемые сикариями, то есть кинжальщиками, поскольку под одеждой они носили

кинжалы. С помощью сикариев еще сильнее стали биться мятежники и захватили верхний город, а царские конники бежали.

И вошел Елеазар с мятежниками в верхний город, и напал на дома вельмож, и сжег их, и царские дворцы разграбил, и долговые записи сжег, чтобы помогали ему должники, избавленные от долгов. И сжег Елеазар все главные здания в городе.

И пошли мятежники на Иерусалим против римлян в 15-й день месяца лаоса, то есть августа, и сторожевые отряды разбили все, и осадили оставшихся в городе римлян.

И подземный ход мятежники прокопали издалека к городу, и подкопали стену городскую, так что она рухнула.

Дозорные же осажденных почувствовали подкоп, и успели построить другую стену, прежде чем рухнула подкопанная. И послали иудеи, находившиеся в городе, к Елеазару послов с просьбой дать выйти к своим с миром.

И вышли иудеи, и остались римляне в городе, и в страхе бежали они в царские дворцы. И послали римляне послов к Елеазару, чтобы выпустил их живыми, только души им сохранил. И Елеазар обещал и клялся, что отпустит их.

Но, когда вышли римляне без оружия, окружили их мятежники и убили всех, кроме тысяцкого Метилия, ибо он обрезание принял и к еврейскому закону присоединился, и отпущен был.

Это поражение для римлян было незначительным, ибо их огромное войско лишь малую часть потеряло. А для иудеев это было преддверием их гибели, и разумнейшие из них угрюмы и печальны были, ожидая на себя, помимо мести от римлян, еще и Божий гнев. Ибо то нечестивое избиение римлян было совершено в субботу, когда ради благочестия воздерживаться от дел закон повелевает.

В тот же день и в тот же час, по Божественному Промыслу, как бы в отместку за коварство иудеев Иерусалима, жители Цезареи убивали иудеев, живущих у них, и убито было в тот час более двенадцати тысяч. А тех, кто бежал из Цезареи, Флор хватал и заковывал, и заточал на корабли.

Тогда вся земля иудейская пришла в смятение. И разделились иудеи на четыре части, и стали захватывать сирийские города и жечь их.

И захватили следующие города: Филадельфию, и Себонитис, и Геразу, и Гадару, и Пеллу, и Скифополь, и Гиппос, и Гавлан, и Кедасу, и Птолемаиду, и Гаву, и Цезарею, и Себастию, и Аскалон, и Газу, и Анфедон. Захваченных иудеи убивали, но и сирийцы не медлили, и множество иудеев убили. Страшный мятеж охватил Сирию. Каждый город

надвое разделился, и тот побеждал, кто опережал другого. Всякий день люди проводили в кровавых столкновениях, и всякую ночь — в страхе. И имущество убиваемых соседей с радостью расхищали и, как будто с войны, приносили добычу в свои дома. И тот славился, кто больше других наградил. И можно было видеть города, полные непогребенных трупов. И старики, и младенцы лежали, и не покрыты были срамные места у убитых. Одни только жители Антиохии, и Сидона, и Апамеи, и Геразы пощадили живущих у себя в городах иудеев и желавших уйти от них с миром отпускали. В царстве же Агриппы собрались семьдесят благороднейших и почтеннейших иудеев, и пришли к Ноару, который был управителем царским, военачальником, и тогда замещал Агриппу. И просили эти лучшие люди уберечь иудеев от восставших. Ноар же схватил их и убил, и много сделал незаконного против иудеев, из-за сребролюбия.

Мятежники же пришли к крепости, называемой Кипром, которая расположена выше Иерихона, защитников ее убили, а саму крепость разрушили до основания.

И в крепости Махерон иудеи велели римлянам, охранявшим крепость, покинуть ее. Римляне же боялись подвергнуться насилию со стороны иудеев. Когда же удалось договориться о мире, римляне отступили.

В Александрии же беспрестанная вражда была местных жителей с иудеями. Дело в том, что иудеи были усердными помощниками основателю города в его войне против египтян. За эту поддержку Александр наделил иудеев почетным правом жить в Александрии наравне с эллинами. Сохранялось это почетное право и при наследниках Александра, которые и места иудеям отдельные отвели, чтобы соблюдали они в чистоте свой закон и не соприкасались с иноплеменниками. И когда римляне стали владеть Александрией, ни первый император, ни те, что были после него, не отменили этого почетного права, которое иудеям дал Александр. Из-за этого жители Александрии были враждебны к иудеям. Тогда же, когда все пришло в смятение, гнев эллинов на иудеев разгорелся особенно сильно. И задумали эллины послать к Нерону сообщение о происходящем у них.

Когда эллины это обсуждали, то увидели они, что среди них находится 10 евреев. И тут же эллины закричали: «Это разведчики!» И схватили из них трех и повели, чтобы сжечь их живьем.

И поднялись все евреи, чтобы отомстить. Сначала же камни бросали в эллинов, потом же с горящими пучками лучин устремились зажечь город весь, чтобы никто не убежал от пламени.

Но Тиберий Александр, городской управитель, укротил ярость иудеев, и сделал сначала это не оружием, но добрым словом. Когда же

он увидел, что некоторые из иудеев насмехаются над ним и не хотят прекратить мятеж, ему пришлось прибегнуть к жестокости. Он направил против них два полка римских воинов, охранявших город, и пять тысяч воинов ливийских, находившихся тогда там, на погибель иудеям. И повелел Александр не только убивать иудеев, но и имущество их грабить, и дома их зажигать.

И воины устремились к месту, которое называли Дельта, где жили иудеи, и исполнили то, что им было велено, но не без потерь, ибо иудеи вернулись с оружием и долго сопротивлялись. Однако первый же удачный прорыв римских воинов принес гибель иудеям. Римляне не пощадили иудейских младенцев, также и стариков убить не постыдились, и было убито в тот день 50 тысяч.

И не осталось бы из них никого, если бы оставшиеся в живых иудеи не послали к Александру. Тот помиловал их и велел воинам прекратить избиение, и воины, привыкшие скоро слушаться, исполнили повеление.

Народ же александрийский, полный ненависти к иудеям, даже мертвые тела их не пощадил. Такая кончина тогда постигла живущих в Александрии иудеев. Цестий же, управитель Сирии, увидел, что везде стали воевать, и посчитал, что пора действовать.

Цестий взял из Антиохии двенадцатый полк целиком и из других полков по две тысячи, и шесть отрядов пехоты, и 4 отряда конников, и от царя Антиоха две тысячи конников и три тысячи стрельцов, и от Агриппы, царя Коммагены, столько же, и от Соема, правителя Эмесы, и от ближних городов множество.

Цестий направился к городу галилейскому, называемому Завулон, также называемому Андрон, и обнаружил, что в нем нет людей, ибо разбежались все по лесам. Полон же был город имущества и всякого богатства. И отдал Цестий город воинам на разграбление, и потом город сжег. Храмы же там прекрасные были, как в Тире и в Сидоне. После этого Цестий разорил землю Завулонскую.

И сжег Цестий села в окрестностях Завулона и возвратился в Птолемаиду. ... Римляне подожгли башню, в которой укрылся один из вождей иудеев Нигер Перейский. В башне он обнаружил подземелье и, войдя туда, спасся от огня. Когда через три дня пришли иудеи, он вышел к своим, и те исполнились радости нежданной, поскольку Бог сохранил вождя и воеводу для будущей войны.

Книга 3-я Иосифа. О завоевании Иерусалима и о Веспасиане

После Цестия во главе римского войска в Сирии был назначен Веспасиан. Он принял войско свое в Антиохии. Антиохия же является сто-

лицей всей Сирии и по своей величине и богатству бесспорно занимает третье место во вселенной, после Рима и Александрии.

Еще раньше пришел в Антиохию и Агриппа царь со своими воинами и ждал там прихода Веспасиана. Объединившись с Агриппой, Веспасиан пошел в Птолемаиду, чтобы оттуда двинуться в Галилею. И встретили его там жители галилейского города Сепфориса с почетом и похвалой, ибо они думали о своем спасении.

Еще до прибытия Веспасиана жители Сепфориса доверились Цестию, и клялись ему в верности, и приняли от него отряд. И теперь они сказали военачальнику римлян: «Скорыми тебе помощниками будем против своих соплеменников. Только оставь нам в поддержку своих пеших и конных воинов, которые смогут отбить грабительские набеги иудеев. Поклянись же нам в верности. Мы же не подвигнемся на безумный мятеж, как другие, из-за которых отечество наше идет в погибель. Город же наш Сепфорис крепче всех в Галилее, и больше всех, и нужен он тебе, ибо из него можешь ты воевать по всей той земле и делать то, что ты считаешь нужным». И Веспасиан похвалил жителей Сепфориса, и поклялся им в верности, и подтвердил, что и дальше Рим будет в мире с ними, из-за смирения и кротости их.

Две же есть Галилеи: Верхняя и Нижняя. Окружают их Финикия и Сирия, а с запада солнечного — Птолемаида и гора Кармил, прежде галилейская, теперь же тирская.

У горы Кармил расположен город Гава, называемый Городом Конников, поскольку Ирод, когда распускал конников своих, туда посылал их для пропитания. На юге Галилею окружает Самария и Скифополь вплоть до вод реки Иордан. На востоке же Галилея граничит с Гиппосом и Гадарой. Северные же земли Галилеи кончаются там, где начинается Тирская земля.

Нижняя же Галилея протянулась от Тибериады до Завулона, а в ширину — от Большой равнины и селения Ксалос вплоть до Вирсавии. Оттуда же начинается Верхняя Галилея, которая протянулась до селения Вака, а в ширину — от Феллы, селения у Иордана, до города Мерофа.

Хоть и велики обе части страны Галилейской и столькими народами окружены, но галилеяне всегда были готовы к войне и всем нападавшим на них давали отпор.

Ибо приучают себя галилеяне к войне с ранней молодости, и многочисленны они весьма. И страх не властен над воинами этими, и земля их не оскудевает людьми. Ибо почва во всей Галилее жирная, и травы сочные, и сады полны всякими плодовыми деревьями. Изобилие этой земли может побудить к труду даже того, кто не любит трудиться. И

обжита вся земля галилеянами, и нет места на ней незанятого, но везде города частые, и сел как звезд, и людей не сосчитать, так что в самом малом селе живет 16 тысяч человек. Сады дают, в основном, масло, вино и финики. Орошают же их потоки холодные, с гор текущие. ...

Теперь расскажем о римлянах. Огромное царство их не было каким-то чудом им дано, но они сами добыли его мудростью и своим потом. Ибо не только во время войны берутся они за оружие и начинают действовать. Как будто рожденные с оружием, они никогда с ним не расстаются, и не ждут особого времени, но всякий день, как будто на войне, упражняются.

Потому и легко римлянам в бою, и страх не берет их, и усталость не одолевает, и беспорядочность боя не нарушает их боевого порядка. И сопровождает их везде победа уверенная на врагов. Если кто назовет их игровые учения бескровными сражениями, то не отклонится от истины.

Когда же приходят на вражескую землю, то не начинают воевать, пока не окопаются. Место же, где хотят остановиться, выравнивают, если оно неровное.

И не все делают стан, и не как попало, но строители берут инструменты и отмеривают четырехугольное пространство, внутри которого располагают шатры, а внешний круг как стеной окружают, и располагают по этому кругу все орудия боевые.

И ворота делают в каждом из четырех углов, такие, чтобы был вход и выход вьючным животным, и широкие достаточно.

И улицы делают в стане между шатрами, в середине же шатер военачальника ставят наподобие храма. Отводится в римском стане отдельное место и для купцов, чтобы торговали всем необходимым, также и ремесленников располагают отдельно, и руководителей войска.

Также есть место около военачальника с особыми сидениями для судей. Там разбираются споры. Если судьи не могут решить спор, то спорящих ведут к начальникам отрядов.

Если же и начальники отрядов затрудняются решить спор, то обращаются к начальнику войска. Ставят стены и окапываются римляне быстрее мысли за счет множества и умения рабочих. Ров же копают вокруг стана 4 локтя в глубину и в ширину 4. Жизнь в стане идет тихо и спокойно, и ничего без основания и без распоряжения не делается у них.

Идут ли за травой, или за дровами, или за водой, то обязательно спрашивают и обеспечивают себе охрану. Самовольно римские воины не едят и не пьют, но трубы у них есть, издающие разные звуки, по которым узнают, когда что делать.

Один звук означает, что время просыпаться, другой — что время обедать, третий — что пора спать. И без звука трубы ничего не делают. Когда римское войско покидает стан, то звучит труба, издающая высокий звук. И тотчас встают воины и начинают строиться, и без дела не остается никто. И снова протрубят многие трубы, и воины навьючат на ослов и мулов все, что переносится.

И в третий раз протрубят в знак того, что пора покидать стан. Тогда уже никто не должен медлить ни по какой причине и не имеет права оставлять свое место в строю. И вестник с правой стороны от военачальника встает на высоком месте и на родном для воинов языке взывает трижды: «Готовы ли к бою?» И воины восклицают трижды, яро весьма и бодро: «Готовы!» И полны тогда они воинственного духа. И вместе с этим кличем садятся римские воины на коней и поднимают правую руку, и тогда трогаются в путь. И идут тихо, в строгом порядке, каждый на своем месте. Место, где был стан, сжигают, чтобы оно не стало врагам прибежищем.

Пешие воины римлян защищены броней и шлемами. Слева у них сабля длинная весьма, а справа меч шириной в пядь. А те избранные пешие воины, что вокруг военачальника, несут метательные копья и щиты круглые. А прочие воины несут копья, и длинные щиты, и корзины, и пилы, и косы, и топоры, и ремни, и серпы, и цепи железные, так что пеший воин едва ли не наравне с мулом тяжесть несет.

Конные воины римлян с правой стороны носят саблю длинную, и длинное копье в руке, еще есть у них щит длинный до ребер коня, и колчан с тремя метательными копьями, имеющими большие железные наконечники. Шлемы и броня у конников такие же, как у пеших воинов. И у всех одинаковое оружие, и у вельмож, и у простых воинов. И не всегда один полк идет впереди, но меняются.

Без совещания римляне не начинают сражения, потому они и не ошибаются никогда, а если и ошибаются, то сразу скоро исправляются. Если же из-за везения, а не по замыслу победят, то считают это не победой, но поражением. Если же, действуя по замыслу, допускают ошибку, то ошибку эту считают победой, потому что не случайно побеждены были, но действуя по замыслу. Если же кто-то случайно, не по замыслу, победу одержит, то не считают это предметом гордости. А если кто-то и в погибель попал, но делал все как задумано, то этим гордятся и утешаются, что не бездумно погиб.

Укрепляют же римляне упражнениями с оружием не только тела, но и души. Закон же у них очень строгий. Не только того, кто убежал с поля боя, осуждают они на смерть, но и того, кто не успел к бою. А начальники их еще более строги, чем закон, они награждают лучших,

а злых и непокорных мучат. Поэтому войско у них — как одно тело: так сплочены ряды их, так быстро и слаженно перемещаются. Уши их напряженно ждут приказаний, глаза на знамена устремлены, руки к сече готовы. Потому и делают римляне быстро то, что хотят, и раны чаще наносят, чем получают. Их не победить ни множеством войска, ни теснотой места, ни хитростью. Потому не удивительно, что на востоке Евфрат повинуется им, а на западе океан, а на юге Ливия плодородная, а на северной стороне Рим. И это я написал не для того, чтобы похвалить римлян, но с целью утешить завоеванных и осудить мятежников, а также дать пищу для размышления тем, кто любит труд и чтение, чтобы знали они о римской жизни.

Веспасиан же со своим сыном Титом в Птолемаиде находился, испытывая воинов и записывая, кто на что способен.

Плацид же, которого Веспасиан послал для завоевания Галилеи, желая получить славу, устремился к Иотапате, городу, который является столицей Галилеи и укреплен лучше других. Горожане же, узнав о приходе римлян, встали перед городом и вооружились.

Вступив в бой с римскими полками, жители Иотапаты скоро отбили их и ранили многих, но убили всего 7 человек, поскольку римляне обычно отступают, если побеждены, но отступают спокойно, чтобы нельзя было узнать, что они отходят.

После действий Плацида Веспасиан сам двинулся из Птолемаиды в Галилею. И повелел он войску идти так, как обычно ходят римляне. Стрельцы и легковооруженные впереди охраняют остальное войско от внезапного нападения противника, и узнают, не скрыты ли неприятельские воины в лесах. Потом идут тяжеловооруженные воины: одна часть — конные, а другая — пешие.

После них идут рабочие, делающие дороги, там, где тесно и тяжело пройти, они прорубают дорогу и выравнивают ее, чтобы воины не уставали от трудного пути. Затем едет обоз главного военачальника и начальников отрядов под охраной конных и пеших воинов. Затем идут ослы и мулы, таща боевые орудия для взятия городов. После них двигаются начальники отрядов и полков, окруженные избранными воинами. Затем несут хоругви и так называемого орла. Ибо орел всем птицам птица, и сильнее всех, и образ его победу означает. Затем идут трубачи. А потом и основное войско по 6 человек в ряд, сопровождаемое сотниками, которые следили за порядком. В самом конце двигались конные и пешие воины с оружием наготове, охраняя тыл. И видели галилеяне римское войско и ужасались все, и многие из окружения Иосифа, пишущего эти строки, а тогда возглавлявшего галилейское войско, стали раскисать.

И прежде даже, чем увидели перед собой римское войско, евреи бежали с Иосифом в Тибериаду. И были полны страха все жители Тибериады, понимая, что не бежал бы Иосиф, если бы не отчаялся победить. Иосиф же предвидел, какой конец ждет иудеев, и осознавал, что не будет им спасения, если не раскаются. Сам же он надеялся на милость римлян, однако решил лучше умереть с народом, нежели предать отечество свое и власть, данную ему. И написал Иосиф властителям в Иерусалим правду обо всем. Чтобы те либо на мир согласились, либо прислали ему помощь.

Веспасиан же взял галилейский город Габару и окрестные селения, и не пощадил ни стариков, ни младенцев, но всех казнил.

Затем Веспасиан пошел к Иотапате. Узнав об этом, Иосиф пришел туда из Тибериады и поддержал иудеев. И кто-то сообщил Веспасиану о приходе Иосифа, и тут же двинулся Веспасиан к Иотапате, думая, что с Иосифом всю Иудею возьмет.

И послал Веспасиан к Иотапате Плацида с тысячей конников, чтобы те окружили город и не дали убежать Иосифу.

Сам же Веспасиан через один день со всем войском пришел к Иотапате до полудня и пеших воинов расположил вокруг города в два ряда, а за ними еще ряд конников, так что осажденным были перекрыты все пути из города.

Иудеи же вышли и встали перед воротами. Веспасиан же направил на них стрелков, и камнеметные орудия, и все, что поражает на расстоянии, а сам с пешими воинами стал взбираться к городу, где уже можно было подкопать стены.

И испугался этого Иосиф, и поспешно вышел он из города, и с ним все иудеи, и сошлись с римлянами, и отогнали их, и рубились весь день.

На ночь неприятели разошлись. В тот день у римлян было много раненых и тринадцать убитых, у евреев же раненых было шестьсот и 17 убитых.

На следующий день иудеи вышли и напали на римлян весьма крепко, но противники оказались еще крепче их. И так пять дней бились они, и можно было видеть, как копья ломались, и мечи скрежетали, и щиты трещали, и воины носились, и землю напоила кровь. Однако иудеи римлян не утрашили, равно как и римляне не отчаивались, видя, как укреплен города. Город же этот весь стоит над пропастью, dna которой не может разглядеть человеческий глаз. Только с севера приступ был небольшой, поскольку горный склон подходил к стене.

Веспасиан же старался и твердыню города одолеть, и крепость духа иудеев сломить, и призвал он военачальников своих, и повелел через

них воинам носить землю, и ветки, и камни, и воины сразу же разошлись и стали носить. И устроили прикрытия, так называемые «черепахи», чтобы не вредили им из города. И заполнили римляне пропасти, иудеи же камни большие сбрасывали на них и всяким оружием пытались помешать римлянам, но безуспешно.

Веспасиан же поставил вокруг города стенобитные орудия, было же их 60, и камни метал, и копья, особыми орудиями запускаемые, шумели, и стрелы помрачили свет. Потому не могли евреи выйти на стены и сверху поражать римлян.

Выбегали же евреи, как разбойники, из ворот внезапно и прикрытиечерепахи срывали и находящихся под ней рубили.

Веспасиан же повелел прикрытие сделать сплошное вдоль всей стены города. Иосиф же собрал строителей, чтобы они выше сделали стены. Те же не могли строить из-за камней и стрел. И тогда прикрытие им было сделано из только что содранных воловьих шкур. Строители работали днем и ночью и подняли на двенадцать локтей стены.

Из-за этого сильно удручен был Веспасиан, поскольку не мог ничего придумать против такой высоты стен. И отозвал он воинов, и оставался около города, и помышлял голодом взять его. Но в Иотапате было изобилие всякой пищи. Не хватало же им соли и воды, поскольку не было ни источника, ни колодца внутри города. Веспасиан же надеялся, что из-за жажды сдадутся ему иудеи.

Иосиф же хотел сломить надежды Веспасиана и велел смочить множество одежд и вывесить их на стенах города, чтобы капало с них. Это в страх и уныние повергло римлян.

Военачальник римский отчаялся голодом взять город и снова обратился к оружию и насилию, чего и добивались иудеи, ибо они уже не надеялись спасти себя и город и желали лучше умереть в бою, нежели от голода и жажды. И бились каждый день, и все евреи убиты были, и немного их осталось.

И вскоре понял Иосиф, что нет уже ему спасения, и думал бежать из города. Узнав об этом, народ обступил его и умолял, чтобы он не бросал их в этой беде, и возлагали все надежду свою на него одного, и говорили: «Если ты и дальше будешь с нами, то все в бою храбрыми будем ради тебя. Если же уйдешь, то победят нас». Иосиф же, думая о своей жизни, сказал им: «Ради вас ухожу, чтобы собрать воинов и внезапно напасть на врагов. Римляне же, узнав, что я ушел от вас, оставят город и за мной погонятся». Но этих речей Иосифа не послушали люди. И дети, и старики, и женщины с младенцами, полные сильной любви к нему, падали к его ногам и умоляли, чтобы не уходил он от них. И,

видя эти крик и рыдание, улыбнулся Иосиф и сказал: «Пришло время, о, друзья, обрести славу нескончаемую и сотворить подвиги для воспоминания потомкам!»

И собрал Иосиф лучших воинов, и вышел против сторожевых отрядов римлян, и разогнал их, и рубил их до самого места, где они окопались, покрытия-черепахи разломал, и насыпь, которую они сделали, сравнял с землей, и сооружения все сжег, и три дня, и три ночи не отдыхал, все это делая.

Веспасиан же, видя, что воины его не могут противостоять набегам иудеев, повелел не сходить с людьми, жаждущими смерти, ибо нет ничего сильнее отчаявшихся людей.

И велел Веспасиан, чтобы арабские стрелки и сирийские метатели камней сражались с иудеями. Иудеи же шли, и тел своих не щадили, и нападали на римлян с ожесточением, и гибли под стрелами и камнями.

И снова Веспасиан поднял воинов, как и прежде, и стрельцов выставил, и восстановил насыпь, и поставил «барана». Так называлось бревно, большое весьма и толстое, подобное мачте корабельной, а на конце его сделан большой железный наконечник рогатый, потому и «бараном» называется это орудие.

И вырыли два столба, и между ними расположили «барана», и обмотали его множеством веревок, и тянули за них, и били. И стрельцы стреляли, метатели копий и камней бросали свои копья и запускали камни. Так что не могли иудеи встать на своих стенах.

Поэтому римляне без опасения били в стены города бараном. И много раз били в одно место, и сотрясались стены. Иосиф же сделал мешки из воловьих шкур, и набил их, и вывешивал со стен в тех местах, куда направлялся удар барана, и не было вреда стенам, так как мешали барану мешки.

Римляне же привязывали серпы к копьям и срезали мешки.

Иудеи же, отчаявшись, взяли пучки лучин и палок, и ветки сухие, и смолу, и серу, и в трех местах вышли из города, подожгли насыпь с сооружениями и метательные орудия, и барана. Римляне же ужаснулись ярости их и разбежались, и пламя обступило их, и не могли убежать, и сами себя закалывали.

Тогда человек один из иудеев совершил поступок, достойный воспоминания. Это был Елезар, сын Самая, родом из одного села в Галилее. Он поднял камень большой весьма и сбросил его на барана и отшиб «голову» ему, и соскочил со стены городской и схватил эту голову, находясь среди римлян, и вернулся, и встал на городской стене, чтобы все видели и прославили его, и так держал голову барана.

И прилетело 5 стрел от дальних стрельцов, и стрелы пронзили Елеазара, и раненый свалился он с городской стены, и с головой барана.

Затем храбрость показали Нетир и Филипп из галилейского селения Румы. Напали они на десятый полк римлян с таким шумом, и с такой силой, и скоростью, что разбили строй, и весь полк разогнали и побили, ибо римляне не выдержали мужества тех, на кого нападали.

Иосиф же вышел с людьми своими и разогнал пятый полк, и все, что оставили римляне, сжег, и основания насыпи разметал.

На следующий день Веспасиан собрал разбежавшихся римлян и ругал их, что бежали не от воинов, но от разбойников, чем постыдили и воинский закон, и отеческую славу. И тогда все единодушно приступили в третий раз делать насыпь и барана починили.

И били римляне бараном по тому же месту, что и раньше. И тут кто-то из города попал стрелой Веспасиану в ступню. Стрела летела не прямо, но сверху, под углом, и из-за удаленности потеряла силу удара. Однако большое смятение было среди римлян.

И прекратили римляне осаду, и сошлись скоро к военачальнику. Прежде же всех Тит, сын Веспасиана, в страхе прибежал. Но вскоре римляне справились со смятением.

Веспасиан обвязал ногу свою и быстро поехал вдоль войска своего, чтобы всем было видно. И воины римские, видя военачальника своего, радовались.

И друг друга подгоняя, римляне на стены устремились, мстя за своего военачальника. И можно было видеть, как евреи падали, подобно снопам, с городских стен, но не сходили с них, и, видя смерть перед глазами, веселились, и огонь, и железо, и камни бросали на осаждавших, но ничто им не помогало. Даже когда ночь наступила, не отдыхали воины, стрелы и копья пускали и многих убивали.

Больше же всего помогали римлянам камнеметные орудия, которые отбивали куски стен и углы башен сокрушали. Одному человеку оторвало камнем голову, так что она отлетела на три версты.

И женщина беременная вышла из дома, и ударило ей камнем в живот, и отбросило младенца на версту. Ужасный крик из уст женских стоял. Плач женский и стоны тех, кто погибал у стен города, поднимались до небес. И кровь со стен текла, как реки. И можно было забраться в город по трупам, как по ступеням. Многие из жителей Иотапаты тогда доблестно приняли страдания и пали. Многие ранены были. Стена же, всю ночь разбиваемая бараном, разрушилась и пала.

Евреи же, хорошо вооружившись, разрушенное место укрепили. Наутро Веспасиан дал немного отдохнуть воинам после ночного труда.

Потом Веспасиан приступил к взятию города. Он повелел самым крепким конникам сойти с коней и идти к разрушенному месту стены, а за ними повелел идти самым храбрым пехотинцам. Остальных конников он расположил по склону горы, чтобы не убежал никто из горожан. И стрельцов, и метателей камней поставил сзади, чтобы и те не дали горожанам выйти из-за городских стен.

И в другие места, где стены целыми были, принес Веспасиан лестницы, чтобы часть горожан от разрушенного места отвлечь на защиту этих мест стены и тем безопаснее попасть в город. Увидел же это Иосиф и повелел олово кипящее лить на тех, кто взбирался по лестницам, чтобы они, обожженные оловом, падали. И много римлян обожжено было.

И тогда Веспасиан велел три башни на насыпи сделать, по пятьдесят локтей в высоту, и оковал их железом, чтобы не охватил их огонь и устойчивее они были под тяжестью.

И разместил на этих башнях Веспасиан стрельцов, и копьemetателей, и легкие камнеметные орудия, и бил осажденных, как с неба. Горожане снизу не могли биться с находящимися выше их римлянами, ибо римляне были скрыты от них в башнях, иудеи же были на виду. Так, видимые иудеи перед невидимыми римлянами склонялись, но сопротивлялись до полного изнеможения.

Потом же перебежчик был один из города, который побуждал Веспасиана к нападению, и сказал он: «Уже изнемогли горожане из-за беспрестанного бодрствования и утомления. Легче же тебе будет в утренние часы взять город, придя тайно. Осажденных, которые сражались день и ночь, на заре одолеет сон. Именно в этот час надеются они отдохнуть от борьбы. Заснут и все стражники». Веспасиан не вполне доверял перебежчику, ибо знал твердость иудеев и верность их друг другу.

Перед этим перебежчиком, Веспасиан схватил как-то одного жителя Иотапаты, и мучил его всевозможными муками, и огнем, и железом, чтобы тот рассказал о том, что делается внутри города. Но тот ничего не сказал и, распятый на кресте, умер с улыбкой. Однако речи этого перебежчика показались Веспасиану не очень далекими от истины, и он посадил его под стражу.

Сам же Веспасиан, в то время, которое подсказал перебежчик, пришел с воинами к городу, соблюдая тишину. И сначала влезли на стены Тит с тысяцким Сабиним, после них Секст и Плацид со своими воинами, и убили стражников, и вошли в город тихо.

И когда римляне ходили по городу, завоеванные не слышали этого, ибо сила их была сокрушена усталостью, и свалил их сон. Если же кто и вставал, то не видел римлян из-за тумана, который опустился тогда

на город. До рассвета в город вошло все войско римское, и припомнили римляне все зло, которое приняли от жителей Иотапаты, и не щадили ни старого, ни малого.

И одни иудеи, видя свой конец, сами себя закалывали, другие по подземельям разбежались. Один из иудеев из такого подземелья просил римского сотника Антония подать ему руку и не убивать его, и Антоний подал руку, без злобы и без опасения; иудей же пронзил ребра его копьем и убил Антония, опередив его. В тот день все иудеи, которые попались на глаза римлянам, были ими убиты, числом 6000 человек.

Пленных же 5000 взяли римляне, и город разорили, и башни пожгли. Так римляне взяли Иотапату в месяце панеме, то есть июле, в тринадцатый год правления Нерона.

Римляне же искали Иосифа, и гневались на него, и хотели угодить военачальнику своему, и среди трупов искали, и в потайных местах города. Иосиф же, когда захватили римляне город, при помощи Божьей, украдкой убежал из среды воинов и прыгнул в яму глубокую, из которой вел путь незаметный в подземелье, и там Иосиф обнаружил укрывшихся 40 человек знатных. И все в этом подземелье было устроено, что необходимо телу. Поскольку сторожевые отряды окружали город, нельзя было убежать, и два дня прошло, а Иосиф и другие все таились в подземелье.

На третий же день одну женщину поймали стражники и мучили, и она под пытками рассказала про Иосифа и тех, кто были с ним. Тогда Веспасиан послал двух тысяцких поспешно, Павлина и Галликана, выволить Иосифа и обещать с клятвой ему спасение. И эти тысяцкие пришли к подземелью и стали упрашивать Иосифа выйти, и обещали ему спасение, и клялись. Но Иосиф не послушал их, опасаясь мучения, поскольку много зла причинил римлянам во время осады.

Веспасиан же третьего тысяцкого послал к Иосифу, знакомого Иосифа и друга, звали его Никанор. И пришел Никанор к Иосифу, и привел ему примеры римской кротости и милости к побежденным, и прибавил также: «За храбрость твою и мудрость не с ненавистью относятся к тебе римляне, но больше с удивлением. Веспасиан же хочет, чтобы тебя привели к нему не для муки, но для сохранения. Если бы для того хотел тебя выволить, чтобы причинить тебе зло, то не послал бы меня, друга твоего, да и я бы не согласился обманывать тебя». Иосиф же сомневался.

Тогда воины римские хотели в гневе поджечь подземелье. Иосиф же, узнав об этой угрозе, вспомнил сны ночные, в которых показал ему Бог ожидающие иудеев беды. Был же Иосиф искусен в толкованиях снов и мог понимать то, что Бог говорит сокровенно, и святыя книги проро-

ческие не были тайной для Иосифа, поскольку он священником был и происходил из рода священников. И в тот час Иосиф исполнился духа и рассудил видения сонные.

И принес Иосиф Богу тайную молитву и сказал: «Поскольку иудейский род, о, Создатель, покорен, как мне кажется, и Ты все это видишь Твоим всевидящим оком, и все счастье отдаешь римлянам, и поручаешь им Свою силу, и поскольку мою душу избрал Ты проповедовать будущее, то я, Твоим святым повелением, соглашаюсь с римлянами добровольно, клянусь же святым Твоим именем, что я не ради сохранения своей жизни выхожу и не для того, чтобы предать отечество, но для того, чтобы послужить Твоей славной силе и донести до людей то, что Ты мне показал». И сказав так, Иосиф подал руку Никанору.

Иудеи же, бывшие с Иосифом, поняв, что он хочет выйти к римлянам, обступили его и закричали: «Сильно будет стенать отеческий закон, и печален будет Бог, который создал иудеям души, не боящиеся смерти и непокорные. Разве так ты любишь жизнь, о, Иосиф, что потерпишь видеть этот свет, находясь в рабстве? Весьма скоро ты все позабыл. Скольких научил ты умирать за свободу! Ложно ты славился своим мужеством и напрасно был мудрым, если ты теперь надеешься спастись с теми, чьи сердца кровавил. Но если ты ума своего лишился и все позабыл, тогда нам подобает позаботиться об отеческом законе. Вот тебе меч, который вонзишь ты себе в грудь добровольно и тогда станешь вечным воеводой иудейским. Если же не хочешь, то умрешь от наших рук, как предатель». И так сказав, обнажили иудеи свои мечи, угрожая убить Иосифа, если он сдастся римлянам. Иосиф же испугался, что будет убит иудеями, и полагал, что он разгневает Бога, если до повеления Божьего умрет, а потому был принужден употребить всю свою мудрость в речи к иудеям. И сказал Иосиф: «Зачем, возлюбленные, разлучаем мы душу и тело? Думаете, что я изменился? Но я не изменился. Хорошо в бою быть убитым от руки неприятеля. Если бы я от римского меча скрывался, то достоин был бы воистину от своей руки, от своего меча умереть. Если же римляне щадят нас, завоеванных, то почему нам нельзя помиловать самих себя? Хорошо за свободу умереть, — это и мне любо, — но отстаивая ее в бою. А сейчас где бой? Кто с нами бьется? Одинаково трусливо поступает как тот, который не готов умереть, если это нужно, так и тот, который стремится умереть, если это не нужно. Чего мы боимся, когда не выходим к римлянам? Не смерти ли? Тогда зачем на то, чего мы боимся и ожидаем от врагов, мы сами себя обрекаем? Рабства ли мы от римлян боимся? А что, сейчас мы очень свободны? Думаете, что вы храбрецы, когда себя закалываете? Нет, но самые трусливые вы из всех людей. Подобны вы кормщику, который

волн испугался и, не дождавшись бури, затопил корабль. Самоубийство противно природе и не свойственно никому из живых существ. Не найдете вы ни одного животного, которое бы само себя убивало. Естественный закон властвует над всеми — желание жить. Поэтому мы тех, кто отнимает у нас жизнь, врагами и считаем. И Бога прогневает человек, если надругается над Его даром, и беззаконником он явится в очах Божьих. Всякая плоть смертна и из тленной природы создана. Душа же никогда не умрет, принадлежит она Божеству и в теле пребывает. Если же кто-то потеряет чужое сокровище, данное ему на сохранение, то назовут такого коварным, и неверным, и злым. Если же кто не сохранит сокровище Божье в своем теле, то как утаится он от Того, кого он оскорбил? Если раб убегает от господина по лукавству своему, то достоин муки. Мы же, от прекрасного Владыки, предоброго Бога убегая, не окажемся ли нечестивыми? Разве вы не знаете, что те, которые покидают эту жизнь по естественному закону и то, что получили у Бога в долг, отдают Ему тогда, когда взять Он захочет, — тем слава вечная, и дома крепкие, и память рода, а души их, чистые и непорочные, пребывают в святом Небесном месте и ожидают там того времени, когда обратно вселятся в свои тела, "егда возвратятся вещи"? Напротив, души тех, кто на себя наложили руки, ад темный примет, а Отец Бог будет мучить их и до правнуков их. Ибо ненавистно это дело перед Богом. И законодатель наш повелел до захода солнечного лежать без погребения телам самоубийц. В других же землях и руки правые у таких мертвецов отрезают. Достойно, о, друзья, жить праведно, а не присоединять к несчастьям человеческим еще и гнева Создателя. Вот моей речи конец. Не могу предать самого себя. Иноплеменники заботятся о моем спасении. Я ли на меч свой кинусь? Да не будет со мной этого! Если же нарушат клятву римляне и убьют меня, то погибну, как венцом победным увенчанный, полагая их вероломство выше царства». Много так говорил им Иосиф, запрещая им убивать себя.

Иудеи же заткнули себе уши отчаянием, и обступили они Иосифа, и убить его хотели, и ругали его, и обвиняли в слабости. Он же, одного по имени окликаая, на другого смотря грозно, третьего за руку одергивая, и разными речами всякий раз отгонял их от себя. Они же стыдились и все еще уважали его, как своего военачальника, и никто не осмелился поднять руку на Иосифа.

И тогда Иосиф, вручив спасение свое Богу Создателю, сказал: «Поскольку повелел Бог нам умереть, то будем убиты по численному жребию. На кого выпадет конец числа, тот будет убит тем, кто стоит перед ним». Сказав так, он стал отсчитывать числа с премудростью, и этим всех перехитрил, и убиты были все друг другом, кроме одного и Иосифа.

фа. Сойдясь с ним, Иосиф, чтобы не осквернить руки родственной кровью, умолил его сдаться римлянам.

И вышли оба живыми, и повели их к Веспасиану. И римляне все сбегались посмотреть и кричали разное. Некоторые радовались пленению Иосифа, некоторые угрожали ему, некоторые веселились, желая мучить и убить врага, некоторые же дивились непостоянству жизни человеческой.

Веспасиан же повелел укрепить Иосифа и собирался послать его к Нерону. Иосиф, узнав об этом, сказал: «Хочу что-то тебе сказать одному». И когда все отступили, остался Веспасиан с сыном своим Титом и с двумя друзьями. И сказал Иосиф: «О, Веспасиан, ты думаешь, что пленил меня. Я же пришел к тебе добровольно поведать о более важном. Или не знал я иудейского закона, как военачальникам надлежит умирать? Но Бог меня послал к тебе. А ты меня к Нерону посылаешь, хотя ты сам император и самодержец, и этот сын — твой наследник. Закуй же меня сейчас и сохрани меня для себя. Ведь ты владыка не только мой, но и всей земли, и моря, и всего рода человеческого. Если же окажется, что я лгу, то придумаешь мне муку невиданную». Веспасиан же не поверил Иосифу, считая, что, о своем спасении помышляя, он речи эти составляет. Потом же стал доверять ему, когда Бог сделал Веспасиана императором и посох владычества вручил ему. Стоявшие здесь два друга императора и Тит сказали: «Дивно, что о других предсказываешь. Об Иотапате же и о своем пленении почему не предсказал? Ты это говоришь, желая избежать муки и гнева». Иосиф же сказал: «Жителям Иотапаты предсказал я, что через 40 и семь дней захвачены будут и о себе предсказал, что живой буду у вас в плену».

Потом же Веспасиан расспросил у пленных иудеев, действительно ли Иосиф делал такие предсказания, и узнал, что это правда, и стал верить Иосифу, и приставил к нему стражников, и заковал его, и одежды дал дорогие, и вещи, и пищу, как у военачальников; Тит же помогал Иосифу.

И потом Веспасиан послал на город Иафу тринадцатый полк, возглавляемый Траяном, и вышла горожан небольшая часть, и сопротивлялись, а потом бежали.

Был же город тот окружен двумя стенами, и убежали горожане за первые стены, и римляне вбежали за ними. Увидев это, горожане, которые были внутри города, закрылись за второй стеной, и не пустили тех иудеев, что вышли на бой с римлянами, и оставили их между стенами. И римляне стали рубить оставшихся между стенами иудеев, и тем некуда было бежать, ибо их внутренние ворота были закрыты перед ними, а во внешних находился неприятель. И послал Траян, военачальник римлян, к Веспасиану и сказал ему, чтобы послал Тита завершить победу.

И Тит пришел и взял город. Убито же было в нем 15 тысяч, а три тысячи взято в плен.

Самаряне же собрались на горе Гаризим, которая считается у них горой святой, и желали биться с римлянами. И узнал об этом Веспасиан, и послал к ним военачальника Цереала с шестью сотнями конников и тремя тысячами пеших воинов.

Пришлось же самарянам, которых окружили на горе римляне, остаться без воды и опалаял их зной нестерпимый, и некоторые из них не могли терпеть жажды и сдались в рабство. И узнал Цереал, что самаряне все изнемогли от жажды, и напал на них, и убил самарян 20 тысяч. В 4-й день месяца панема, то есть июля, возвратился Веспасиан из Иотапаты в Птолемаиду, а оттуда пошел в Цезарею, в которой большая часть населения были эллины. И почтили полководца жители Цезареи большими дарами. На Иосифа же кричали, чтобы замучил его. Веспасиан же не послушал их. Полка же два Веспасиан оставил в Цезарее на пропитание, а два послал в Скифополь.

И тогда собрались все беглецы из опустошенных римлянами городов в Иоппию, разрушенную Цестием, и построили ее опять, чтобы была им оплотом, и построили корабли, и плавали до Финикии и до Сирии, и всюду разбойничали.

И пришла весть об этом Веспасиану, и послал он на Иоппию пеших и конных воинов, и взял город ночью.

И ветер дул с моря сильный весьма, и все жители Иоппии, укрывшиеся на кораблях, попали в руки римлян, и все были убиты, не убежал никто. Было же их 8 тысяч. Так, Иоппия за короткое время второй раз покорена римлянами была.

Пришла же весть в Иерусалим о гибели Иотапаты и о завоевании римском, и не могли поверить, что такое большое несчастье случилось, потому что не было человека, который бы глазами своими видел это. Ибо не убежал ни один вестник из Иотапаты. Однако сама собой весть об этом разошлась, добавлено же было, что и Иосиф убит. И большой крик был в Иерусалиме, и каждый о своем родственнике рыдал, Иосифа же все оплакивали 30 дней.

Когда же после этого узнали, что Иосиф жив и находится у Веспасиана, и почетом пользуется, то разъярились на него, называли предателем. И стали иудеи готовиться к столкновению с римлянами, чтобы Иосифа схватить.

Агриппа же призвал Веспасиана в свою область для оказания ему почета и прославления. Тогда же два города Агриппы вышли из-под его власти, Тибериада и Тарихея.

Веспасиан, желая почтить царя, решил вернуть ему города и послал сына своего Тита в Цезарею, чтобы Тит взял там войско и повел его к Тибериаде.

И окопался Веспасиан на горе Сеннабре, которая отстоит от Тибериады на 30 верст, и послал сотника Валериана и пятьдесят конников, чтобы поговорил он с горожанами о мире, ибо узнал Веспасиан, что народ в Тибериаде мира желает, но мятежники его поднимают на восстание.

Прискакав же к Тибериаде, Валериан возле города сам слез с коня и те, кто были с ним, чтобы не подумали горожане, что он биться приехал. И прежде чем он успел сказать слово, выбежали мятежники из города с оружием и побежали к римлянам. Среди мятежников главным был вожаком Исус, сын Сафата. Валериан же не мог нарушить указания своего военачальника и биться с ними. Побоялся он закона римского, по которому осуждается на смерть тот, кто вступает в бой без повеления, даже в случае своей победы. И ужаснулся Валериан от внезапной вылазки иудеев и убежал пешим, также и 5 воинов его, оставив своих коней, бежали.

Те, кто были с Исусом, взяли 5 коней, как великую добычу и наживу, и повели в город с песнями.

Лучшие же люди города, увидев беззаконие это, прибежали к Веспасиану и привели ходатая от царя к нему, чтобы не погубил он весь народ добрый из-за малого числа злых, но пощадил мирных жителей, а поднимающих восстание мучил. Полководец же Веспасиан просьбу их выслушал и, угодить желая Агриппе, ходатаю обещал исполнить просимое.

И, узнав об этом, Исус со своими сообщниками бежал в Тарихею. Веспасиан же гнался за ним. Также Веспасиан послал военачальника Траяна узнать, мирно ли настроены жители Тибериады.

Узнав же, что жители Тибериады мира желают, Веспасиан со всем войском пошел к ним, и те, открыв ворота, встречали его с похвалой. И повелел Веспасиан военачальникам своим, чтобы не убивали никого.

Выйдя из Тибериады, Веспасиан стал окапываться на месте между этим городом и Тарихеей. Чувствовал он, что Тарихея настроена воинственно и не скоро примирится, поскольку бежал туда Исус и все мятежники с ним, надеясь на твердость стен и на озеро Геннисар, где кораблей много было.

И увидели мятежники окапывающихся римлян, и обратились они к ним, и двинулись на них, и разогнали их.

Когда же римляне стали ополчаться против мятежников, те бросились к кораблям и отплыли от берега, и стали стрелять в римлян.

Веспасиан же узнал, что много жителей Тарихеи собралось, чтобы воевать, перед городом, и послал туда сына своего Тита, и 600 конников избранных.

Тит увидел, что иудеев бесчисленно много, и послал к отцу за другими воинами. Воины же Тита некоторые рвались в бой и без его помощи, а некоторые боялись при виде множества иудеев. Тогда Тит встал среди них на холме так, чтобы можно было слышать всем, и сказал: «Римляне! Достоинство в начале моей речи напомнить вам о том, из какого вы города, чтобы вы поняли, кто вы такие и с кем вы вступаете в бой. Римских рук никто не избежал во всей вселенной. Иудеи же доселе побеждаемы были, но этим не подавлены и не утомлены. Будет дико, если они в своих несчастьях окрепнут, а мы с нашими удачными победами ослабимся. Многих же из вас я вижу бодрыми и готовыми идти на врага, и радуюсь я этому. Если же кто-то из вас, видя множество противника, испугался втайне и боится, то пусть он вспомнит, из какого он рода, и из какого рода враг. Хотя и воодушевлены иудеи и смерти не боятся, однако неискусны они в войне и беспорядочно сражаются. Нельзя назвать это скопище людей войском. Наше же воинское искусство и порядок всем известны. Для того мы в мирное время и упражняемся с оружием и не разлучаемся с ним, чтобы на войне не заниматься подсчетами, сколько нас, а сколько иноплеменников. Если же мы, искусные воины, приравниваем себя к неискусным, то зачем беспрестанно упражняемся и проводим учения? Учитывайте и то, что они в простых одеждах, а мы в броне, они пешие, а мы на конях, они бесславного рода, а мы славного. Хоть и мало нас, но увеличивают нас победы наши великие. Врагов же хоть и много, но уменьшают их поражения беспрестанные и рабство. Война же побеждается не множеством, но мужеством. Хоть и мало нас, но можем скоро построиться и помогать друг другу. Они же, когда много их, сами себе вредят. Надо понимать, что нам не страшно потерпеть какой-то урон от противника, ибо многие помощники недалеко от нас находятся. Однако возможно нам получить и победу, если захотим. Глупо нам ждать помощников, которых пошлет отец, и разделить с ними славу и отдать часть победы. Будет больше нам похвалы, если сами справимся. Думаю, пришел час решительный и для моего отца, и для меня, и для вас. Отец мой победы славные одержал, а я — сын его, вы же — мои воины. И если отцу моему обычай побеждать, то как могу я возвратиться к нему без победы? Вам же не стыдно ли будет оставить меня, своего военачальника? Но идите за мной и подражайте моей смелости. Все мы знаем, что и Бог помогает нам, и с этой помощью, больше чем с помощью оружия, одолеем в бою». Так говорил Тит, и все бойцы исполнились духа воинского.

И пришли к Титу в Тарихею 300 конников на помощь от Веспасиана. Тит же опечалился весьма, поскольку меньше его воинам достанется славы из-за прибывшего подкрепления.

Веспасиан же послал еще в помощь Титу военачальника Антона с двумя тысячами стрельцов, чтобы те расположились перед городом во время сражения и не дали горожанам выйти на стены и помогать своим.

Тит первым ударил коня и пошел на иудеев, и за ним все воины с отчаянным кличем поехали, и растянулись они по полю, чтобы казалось, что их много. Иудеи же испугались, видя стремительность и порядок римлян, и недолго они сопротивлялись, и наехали на них римляне с копьями, и кололи иудеев, и давили лошадьми. Не выдержав натиска конников, иудеи бежали, при этом они топтали и теснили друг друга. Тит же и воины его по полю гнали иудеев и рубили, и тех, кто хотел к городу бежать, догоняли и возвращали. Немного же иудеев ушло с поля боя.

И был внутри города мятеж сильный. Местные жители с самого начала не хотели войны, потому что богатства и имущества много у них было в городе, и понимали они, что побеждены будут. Те же, кто пришел в Тарихею из других мест, призывали к войне.

И ссорились горожане между собой, и хватались за оружие друг против друга.

Тит стоял недалеко от стен и слышал этот крик, и понял, что ссорятся иудеи, и сказал своим воинам: «Римляне! Зачем медлим получить победу, когда Бог отдает нам иудеев. Разве не слышите крика? В смятении те, кто убежали из рук наших. Наш будет город, если мы поторопимся, и потрудимся, и понудим себя. Ничто же славное не совершается без труда и без принуждения. Опредим слабоумие противников наших, которые могут скоро помириться между собой, если мы помедлим. Да и может придти к нам помощь. Тогда победа наша меньше будет, и слава умалится. Если же мы, которых так мало, победим такое множество и город возьмем, то кто славнее нас будет?»

После этих слов Тит вскочил на коня и поехал вперед по краю озера, вброд, и вошел через озеро в город, а за ним и все его воины. И напал страх на всех иудеев, стоявших на городских стенах, и никто не смел сражаться с ними, а люди из окружения Иисуса бежали.

Некоторые же к озеру бежали, там их встречал противник и убивал, другие в корабли пытались попасть, третьи выказывали покорность Титу. И ручьи кровавые потекли по городу.

Пришедшие из других мест, те, которые не успели убежать, сопротивлялись Титу. Местное же население Тарихеи выказывало покорность

и надеялось на прощение, поскольку они не отпадали от римской власти и не воевали, потому они и не защищались от оружия. Когда виноватых Тит убил, местных жителей он велел пощадить и прекратить резню. Мятежники, которые до этого убежали к озеру, видели, что город взят, и подалее отплыли.

Тит послал конника к отцу с радостным известием о победе в Тарихее. Веспасиан же, узнав, радовался весьма о крепости и доблести сына своего, ибо большая часть противников была побеждена. И повелел Веспасиан, чтобы обступили город и рубили всех, кто будет бежать из него.

И выйдя к озеру, сказал Веспасиан плоты строить и плыть за кораблями. И быстро построили, имея много дерева и работников, и догнали бежавших на кораблях, и убили. Всего мятежников, убитых в Тарихее, было 16 тысяч.

Об озере Геннисаретском и об Иордане

Озеро же то называется Геннисар от прилежащей земли. В ширину оно 40 верст, а в длину 100. Вкусна же вода его для питья, и легка, и чиста. Окружают озеро берега красивые песчаные. Если ночь ясная, то вода становится холодной, как снег. Рыба же в озере различная и отличается от рыбы других мест и видом, и вкусом.

Через это озеро Иордан течет, и многие думают, что там и рождается Иордан. Но это не так. Там он лишь выходит наружу, течет же сокрытый под землей, а рождается из другого озера, которое зовут Фиала. Расположено это озеро, если идти в Трахонею, в 120 верстах от Цезареи, справа от дороги. Называется Фиалой, поскольку округлое оно. Вода же его постоянна: не убывает, ни прибывает, ни переливается. Не было же известно, откуда Иордан начинается. А прояснил это правитель Трахонитский Филипп. Он всыпал в Фиалу мякину, а потом обнаружил ее выплывшей на том месте, где, как люди в старину думали, берет начало Иордан. Иордан же, вытекая из того озера, течет через Самахонитское озеро по болотам и лесам, затем в 120 верстах минует город Юлиаду и течет через озеро Геннисар. А потом, минуя много пустынь, впадает в Асфальтовое озеро. Вокруг же озера Геннисар есть земля, которая также и зовется. Чудесная и красивая там природа. Всякие плодовые деревья растут на ней из-за плодородности земли. И всю засадили ее тамошние жители, и везде разбили большие сады. Воздух там благоприятен для самых разных растений. Ореховых деревьев, которые холод любят, бесчисленно много там рождается. Финиковые же деревья, которые в тепле живут, и смоковницы, и масличные деревья растут в изобилии, точно лес. Силой природы и чудесного воздуха собраны здесь и те растения, что любят холод, и те, что любят тепло. И не

только растут в той земле плоды, о которых говорилось, но и хранятся. Виноград и смоквы до десятого месяца берут из ямы местные жители. Прочие же плоды и круглый год хранятся и высыхают, одни висят на дереве, другие лежат в яме. Есть же там колодец, называемый Кафарнаум, который называют также Жилой Нила, ибо в нем рождается рыба, подобная той, что в Александрийском озере.

Веспасиан же после победы в Тарихее устроил в городе судилище и отделял пришлых мятежников от местного мирного населения. И спорил с военачальниками, нужно ли пришлых отпускать. Военачальники говорили: «Если отпустим их, то вредить нам будут, ибо не утихнут эти люди, раз нет у них домов отеческих и имущества, и будут поднимать всех, кого встретят, на восстание».

Полководец же признавал, что мятежники не достойны спасения, что образ мыслей их известен, и не на добро они разойдутся.

Однако Веспасиан считал невозможным убить мятежников в Тарихее, опасаясь, что восстанут горожане, поскольку он обещал дать спасение всем и не мог изменить своему слову. Но военачальники взяли верх и сказали: «Не является чем-то дурным и незаконным замышлять против евреев. Если даже это и кажется беззаконием, однако надлежит нам выбирать полезное, а не законное, если нельзя это соединить». Веспасиан же своих военачальников послушал и разрешил мятежникам двигаться лишь по одной дороге в Тибериаду, никуда не уклоняясь. Иудеи поверили и пошли со своими пожитками без опасения.

Римляне же встали вдоль дороги и не давали им уклоняться, пока не привели их в город Тибериаду, и там заперли их.

И пришел Веспасиан и встал среди них. И сказали иудеи: «Мир тебе, полководец». Он же сказал: «Мир от меня не исходит и в вас не вместится». И разделил их Веспасиан, и выбрал самых крепких и годных 46 тысяч и послал к Нерону в рабство.

А 1200 старых и негодных убил, и множество их продал, и Агриппе дал 10 тысяч, которые были из областей Агриппы, чтобы тот, куда ему угодно, туда и дел их.

И продал их всех царь. Остаток же народа из Трахоней, Гавлана, Гиппоса и Гадары, которые мир осуждали и восстание поднимали, захвачены были в 8-й день гарпея месяца, то есть сентября.

Книга 4-я Иосифа. О завоевании Иерусалима

После взятия Иотапаты, те галилеяне, что избежали римских рук, сдались им. И все города римляне заняли, кроме Гисхалы и крепости на горе Тавор. К этим двум примкнул также город Гамала, расположенный

напротив Тарихеи, над озером, там, где была граница царства Агриппы. Там же находятся Согана и Селевкия у Самахонитского озера. Ширина этого озера шестьдесят верст.

Простирается Самахонитское озеро до местности, называемой Дафни, которая исполнена всякой красоты. Источники там есть, из которых рождается Малый Иордан, ниже храма Золотого Сокровища, который переходит в Большой Иордан.

Послал же Агриппа послов в города Согану и Селевкию, и обещал им мир, и те перешли на сторону Агриппы.

Жители же Гамалы не сдались, надеясь на крепость города, поскольку местность там горная, и стоит город на холме, как на шее и плечах, и все это походит видом на верблюда, потому и называется город Гамала, хоть местные жители и не могут называть правильно это название — «камил», поскольку ненавидят животное это. С боков же и спереди города пропасти страшные. Сзади же город не так сильно укреплен от природы, зато горожане укрепили то место рвом глубоким. Храмы же стоят весьма многие внутри города, и колодцы сделали на окраине города. Так этот город был укреплен.

Иосиф же укрепил еще более город, создав окопы и подземелья, чтобы можно было и под землей ходить. Население города надеялось на защищенность этого места. Войска же у них мало было.

Веспасиан поднялся из Аммауса, где он окопался перед Тибериадой. «Аммаус» же означает «теплота», поскольку теплые купальницы там расположены, купаясь в которых, все лечатся. И пошел Веспасиан в Гамалу.

Не мог же Веспасиан осадить весь город, не позволяли это сделать пропасти страшные, и поставил он воинов сторожить город издалека.

Сам же Веспасиан окопался на горе возле города, и устроил стан свой тем же образом, как прежде было рассказано.

И сзади города насыпь стал делать, также и на восточной стороне, где была самая высокая башня.

Возле этой башни расположились полки пятый и десятый. Один защищался от города, а другой пропасти заполнял.

Тогда Агриппа царь приблизился к стенам Гамалы и пытался говорить с горожанами о сдаче города. Кто-то со стен бросил в него камень и попал ему в локоть, и прибежали люди Агриппы, и окружили его, и скоро увели.

Римляне исполнились гнева за царя, а за себя боялись, и еще крепче приступили к осаде, и говорили: «Не пощадили эти люди своего царя и

соплеменника, который говорил полезное им, но так одичали и ожесточились, что камнями его побии. Когда же мы попадем к ним в руки, иноплеменники и неприятели, то какое зло нам причинят?» И окончили римляне насыпь быстро, ибо работало множество умелых рук.

И стали устанавливать стенобитные орудия. Иосиф же и Харес, которые были начальниками в городе, видели, что не много дней они могут сопротивляться без воды и без орудий, и подговаривали, и подбадривали своих, чтобы выйти из города.

Когда же вывели Иосиф и Харес жителей Гамалы из города, то малое время постояли они, и не вытерпели летящих в них камней и копий римских, и отступили к городу.

Римляне же в трех местах поставили «баранов» — особые стенобитные орудия, — и никто им не мешал, и разрушили они стены.

И затрубили римляне в трубы, и закричали, и бряцали оружием, и вошли в город, и напали на горожан с шумом. Они же со всех сторон окружены были, и не могли противостоять, и бежали в верхнюю часть города.

Римляне же шли за ними, и иудеи развернулись и напали на них с высоты, и убивали их, поскольку место было тесным и неудобным для римлян. Римляне же, находящиеся внизу, не могли помочь верхним в сражении, и выбежать из города не могли из-за напиравшего множества своих же, и вредили римляне друг другу, и недоумевали, что предпринять.

И стали залезать римляне на городские постройки с тяжелым оружием, и наполнились крыши римлянами, и не выдержали постройки их тяжести, и рушились, и падали друг на друга, и задавливали воинов всех. Одни камнями побивались, другие в пыли известковой задохнулись, и многие из римлян живыми погребены были под обломками. Мало же из тех, что выбегали оттуда, были без увечий. Больше же всего римлян пылью задохнулось.

Жители Гамалы думали, что это помощь Божественная, и, не заботясь о том, что вредят себе, ломая свои дома, усердно напирали на римлян, загоняя их на крыши. Улицы же были узкими, и крутыми, и скользкими. И продолжали падать римляне с тяжелым оружием, не зная, куда бежать. Горожане же, находясь наверху, забивали римлян, как скотину, кидали они камни от разрушенных построек, и оружие выдергивали из рук павших римлян, и на тех, кто еще дышал, направляли.

Многие же римляне, соскакивая с домов, разбивались насмерть. Те же, что бежали, не могли выйти, не зная улиц городских. От густой пыли римляне друг друга не узнавали, вертелись кругом, как слепые,

и друг друга резали. Лишь немногие, еле-еле отыскав выход, вышли из города.

Веспасиан же постоянно помогал своим гибнущим воинам и видел, как падали на них построики, и жестоко страдал, и, отходя понемногу от своего укрепления, шел к горе, как будто все позабыл, и оказался среди врагов с очень немногими воинами. И сына же его там не было с ним. И хотел Веспасиан бежать, но подумал, что бежать будет опасно, да и не подобает это ему.

Вспомнил же Веспасиан об испытаниях, которые он перенес со дней своей юности, и это придало ему силы, и встал он крепко с ближними воинами своими, и приготовился к бою, не боясь ни множества врагов, ни тех снарядов, что они в него запускали. И стоял Веспасиан со своими бойцами, и отражал налегавших на него сверху противников, пока не уразумели горожане, что мужество его не человеческое, но Богом данное.

И ослабили горожане свое нападение. Тогда Веспасиан стал отступать, спокойно, не показывая спины, пока не вышел за стены города.

В том бою пало римлян 11 тысяч, также и тех, кто им помогал. Среди них и сотник Эбуций погиб, воин, который и раньше крепким и храбрым себя показывал везде, и в этом своем последнем бою мужество свое проявил и много вреда нанес иудеям.

Другой же сотник, по имени Галл, и десять воинов с ним, в возникшей неразберихе вошли в один дом и спрятались в подполье. Потом же пришли хозяева и стали ужинать, и в их разговоре проявилось все, о чем думали люди в городе. Римляне же с сотником Галлом лежали под полом и слышали. Когда же хозяева спали ночью, римляне вышли, убили всех и бежали к своему стану.

О мужестве, а также о том, что не следует хвалиться, когда победил врага

Веспасиан же видел, что воины его удручены весьма, поскольку такого неразумного и такого бедственного поражения они еще не знали. Также стыдно им было и позорно, что оставили они предводителя своего в пекле сражения. Призвал же Веспасиан воинов своих, чтобы утешить их, и не стал стыдить их за то, что оставили его и бежали. И сказал Веспасиан воинам своим: «Подобает нам мужественно переносить беду. Такова природа и обычай войны, что все в ней не стоит на одном месте, но изменяется. Победа же без пролития крови не дается. Удача же непостоянна, переходит от одних к другим. Не надо поэтому удивляться, что мы, которые столько десятков тысяч иудеев убили, сегодня

небольшое поражение потерпели от них, по Божественному Промыслу. Недостаток ума проявляют те, которые в радости хвалятся и гордятся, и превозносятся надо всеми людьми, а в горе ужасаются и отчаиваются. Это одинаково безумно, так как и радость, и горе изменчивы. Лучше же при победе быть сдержанным, а при поражении не падать духом. То, что случилось с нами сегодня, не из-за иудейского мужества произошло, но теснота и неудобство местности принесли им победу, а нам погибель. Поэтому можно нас упрекнуть только в том, что вы устремились на неприятеля без опасения. Когда враги бежали в верхний город, тогда нам надо было поберечь себя и не идти вверх, как на бойню, давая себя резать тем, кто обрушивался сверху на наши головы. Мы же полезли на рожон подобно зверю. Когда стены разрушили и в город вошли, надо было нам на месте остаться и понемногу выманивать неприятеля на надежное и широкое место, где бы можно было биться. Мы же не сдержались сегодня и, стремясь к победе, о надежности позабыли. Не в обычае же римлянам в ярости и в беспорядке биться, но дикость это иудейская. И теперь нам надлежит к своему мужественному спокойствию возвратиться и только досадовать на себя, что допустили мы несвойственную нам ошибку. Но вы еще сможете отомстить за себя своими руками, а я, как раньше, так и теперь, первым начну». Этими словами Веспасиан утешил воинов своих.

Жители же Гамалы сами удивлялись своей победе: тот, кто в осаде был, осаждающих отогнал. Понимали же они, что надежды на мирное соглашение больше у них не было, и убежать нельзя, и в еде недостаток, и горевали сильно, и разрушенные стены восстанавливали, и уцелевшие укрепляли.

Римляне же один день отдохнули и снова стали делать насыпь. Увидев это, горожане многие бежали из города через пропасти и подземные ходы. А те из них, что остались в городе, ослабли. Только те, кто могли биться, всю еду себе забирали.

В двадцать же второй день месяца иперберетая, то есть октября, три воина из 15-го полка пришли ночью до зари и вынули три камня у основания башни. Из-за крепкого сна стражники не услышали этого и не увидели, ибо ночь была безлунная, и была буря с громом.

И когда отошли эти римские воины, упала башня внезапно, и стражники с ней, и остальные горожане ужаснулись и побежали, и римляне, войдя в город, многих из них убили.

Иосиф же и Харес увидели падение башни и движение воинов, и были полны страха, и умерли, сильный же страх способствовал их смерти. Римляне же, помня о предыдущем поражении своем, в тот раз город захватывать не стали.

И только на следующий день, когда пришел Тит, он взял с собой 200 конных и тысячу пеших воинов и вошел в город тайком. Стражники услышали и схватились за оружие, тогда и все жители Гамалы узнали о приходе Тита. Те, что были обессилены, бежали к краю горы, как и прежде, таща за собой вопящих жен и детей. Те же, что были еще в силах, сопротивлялись Титу и пытались убежать к горе. Но Тит опередил их и перекрыл им путь. Так и пали все жители Гамалы, и везде стоял вопль и стон убиваемых, и кровь сверху текла и потопила город.

И Веспасиан привел все войско и помогал сыну. Было же на верху горы место, все каменное и высокое весьма, а вокруг него пропасти великие, и сверху отбивались евреи камнями и стрелами. Внезапно же поднялась буря против евреев и возвращала обратно то, что они пускали. И от башни поднялась пыль и не давала им видеть, и сметала буря иудеев в пропасть.

Тогда Божья помощь была римлянам. И влезли они на гору, и, вспоминая то, что жители Гамалы сделали им прежде, не щадили никого. Многие же иудеи, которых обступили римляне, обнимали жен и детей и бросались в пропасти.

И было 4 тысячи убитых и тридцать тысяч бросилось в пропасть. Только две женщины избежали смерти, которые были дочерьми сестры Филиппа. А тот Филипп военачальником был царя Агриппы. Так была взята Гамала в 23-й день месяца иперберетая, то есть октября.

Одна Гисхала была не завоевана из городов Галилеи. Народ там был мирный и был настроен покориться римлянам, ибо все были земледельцами и лишь о плодах земных заботились. Однако многие из мятежников пришли в Гисхалу. И поднял жителей Гисхалы на восстание Иоанн, сын Леви, чародей, человек злобный, заносчивый, который стремился к войне, чтобы властвовать надо всеми.

Веспасиан же послал на него Тита с 1000 конников. 10-й же полк пошел в Скифополь.

Сам же Веспасиан с двумя оставшимися полками пошел в Цезарею. Там полки могли отдохнуть после долгого труда и подкрепить обильной пищей себя и коней. Эти полки Веспасиан готовил к походу на Иерусалим. И понимал полководец, что в Иерусалиме большой труд предстоит, ибо это царствующий город евреев. Все, кто бежали от войны, туда стекались. Место это было укреплено природой, а стенные сооружения очень удручали Веспасиана.

Крепость же людей иерусалимских, и мятежность, и мужество считались неодолимыми. Потому Веспасиан и давал своим воинам покой перед будущими испытаниями.

О Гисхале городе

Тит же подошел к Гисхале. У него была возможность внезапно напасть на город. Но пожалел Тит горожан, чтобы войны не погубили невинных с виновными, и встал он перед городом, и сказал им: «Удивляюсь я вам. На кого надеетесь, не покоряясь нам. Можете видеть, что все города покорились римскому оружию. Разрушены до основания те, которые хотели войны, а те, которые выбрали мир, под римской властью живут, безопасности радуются и своему богатству. Теперь же не вспомню неверности вашей. Если раб, желая освободиться, восстает на владельца своего, а после, покаявшись, прощения просит, то не следует поминать его прежней непокорности. Если же вы не слушаете слов человеколюбивых и достоверных, то испытаете на себе оружие немилостивое и увидите, как орудия римские разрушат эти стены, на которые вы так упоаете». Разбойники же не дали горожанам отвечать на эти слова, ни на стены взойти, ни в ворота выйти. Иоанн же, предводитель разбойников, отвечал: «И самому мне по нраву твой призыв, о, Тит, и всех в Гисхале заставлю я повиноваться тебе. Но сегодня день субботний, а потому прошу, дай нам соблюсти его в чистоте, по иудейскому закону. Ибо нечестиво сегодня оружие поднимать. Также нечестиво считается у нас в субботу и мир заключать. Тебе же вреда не будет от промедления. Что мы в одну ночь можем сделать? Нам же будет большая польза от того, что мы не нарушим отеческого закона и обычая. Подобаает же и тебе, раз уж ты мир даруешь нам и спасаешь нас, отчаявшихся, сохранять закон наш в чистоте». Этими словами перехитрил Тита Иоанн, ибо не о хранении субботы он помышлял, но о своем спасении, ибо боялся, что его схватят после взятия города и надеялся на ночь и на побег. Богу угодно было сохранить Иоанна на погибель Иерусалиму. Ибо Тит тогда поверил его словам и дал жителям Гисхалы время подумать, и отступил далеко от города.

Иоанн же ночью, увидев, что нет стражников вокруг Гисхалы, взял своих воинов, и других людей, кто захотел, и с родом своим, и бежал в Иерусалим.

Тит же, когда наступило утро, пришел к стенам, чтобы продолжить переговоры, и открыл ему народ ворота, и принял его торжественно, как благодетеля, спасшего город от гибели.

И сообщили Титу жители Гисхалы о побеге Иоанна и просили его, чтобы он их пощадил, а мятежников нашел и казнил. Тит же послал конников за Иоанном, и не догнали они его. Однако тех беглецов, которые обессилели и отстали, настигли римляне и убили 6000, а 3000 жен и детей привели пленными.

Тит огорчился, что не может он скоро отомстить Иоанну за его обман, но утешился гнев его множеством пленных и убитых.

И вошел Тит в город Гисхалу, и повелел разрушить до основания один угол стены в знак того, что город взят. Оставшихся же среди местного населения мятежников угрозами укрощал Тит, а не казнями. Ибо знал он, что если начнет казнить виновных, то люди будут и невинных обвинять из-за личной вражды и ненависти.

И оставил Тит в Гисхале стражников, чтобы и мятежники боялись и мирные жители чувствовали себя увереннее. Так завершилось покорение Галилеи, потребовавшее от римлян много крови и пота.

В Иерусалим же когда пришел Иоанн, весь город вышел к нему и обступил тысячами и десятками тысяч, и спрашивали его о бедствиях, которые несет вторгшийся неприятель. Иоанн же и бывшие с ним задыхались от скорого бега и этим показывали свою беду и несчастье, однако и в беде они держались горделиво и говорили: «Не спасаясь от римлян, мы пришли, но желая бороться с ними из твердыни Иерусалима. Ведь неразумно и бесполезно тратить силы на борьбу за Гисхалу и другие малые города. Подобаает же нам всю силу сохранить для обороны столицы». Из речей Иоанна и бывших с ним поняли многие, что город Гисхала взят, а их приход — не отступление, а бегство. И опечалился несказанно весь народ, видя в этом предзнаменование того, что и они будут завоеваны.

Иоанн же лжи своей не стыдился и подходил ко всем, поднимая их на войну, и быть крепкими им велел, римское же войско ни во что не ставил, иудейское же хвалил. И такими речами обманывал Иоанн людей, пользуясь их неведением и простотой, и говорил он им: «Даже если и крылья вырастут у римлян, не смогут перелететь они через иерусалимские стены. Римляне и так войско свое извели и орудия стенобитные изломали при взятии галилейских городов, маленьких и слабых». Народ же слушал эти лживые речи, и многие юноши присоединялись к Иоанну и на войну поднимались. Разумные же и пожилые, предвидя то, что произойдет, рыдали, как будто они были уже завоеваны вместе с городом.

Тит же из Гисхалы пошел в Цезарею.

Веспасиан же из Цезареи поднялся и пошел на Иамнию и Азот, и жители этих городов сдались ему.

Взяв людей из Иамнии и Азота, Веспасиан возвратился в Цезарею. И было во всех городах Иудеи смятение сильное и раздоры. Когда иудеи от власти римлян избавились и вздохнули, то друг на друга ополчились, и те, кто жаждал войны, бились с теми, кто хотел мира.

И всякая семья надвое разделилась: юноши безумные, хотящие войны, с такими же, как они, соединялись, старые же и разумные со своим возрастом сходились, но одолевали их юноши.

Юноши, пользуясь множеством и силой своей, стали грабить местных жителей. И были соплеменники хуже иноплеменников. Стражники римские видели эти грабежи и несправедливости, но не вмешивались, жалея свои силы и ненавидя иудеев.

Эти же юноши-губители получили богатства много, и собрались они все, и вошли в Иерусалим, когда у города не было руководителя. Обычай же есть отеческий у горожан сродника всякого не выгонять, но принимать его без расспросов. И думали тогда, что все эти приходящие с миром приходят. И погубили они город постепенно, ибо от них исходили и мятеж, и война, а затем и голод.

А потом и другие злодеи стали приходить в город, и присоединялись они к иерусалимским, и еще пуще разбойничали, не упуская никакого зла, и живых резали, и в гробах лежащих грабили. И не ночью, и не тайком, и не худших людей мучали, но днем, и явно, и с лучших начали.

Первого убили Антипу, человека из царского рода, и самого влиятельного из всех горожан, которому поручена была казна царская. Потом же Левия затворили в темнице, и Софа, сына Рагуила, и остальных лучших людей. Сильный же страх напал на людей. И тех из них, которых заковали, недолго держали, ибо боялись их, поскольку семейства у них были обширные, и мужественные среди них люди были, которые могли отомстить за них и спасти их.

Также и народ мог восстать против беззаконий злодеев. Иоанн же разбойник хотел убить этих лучших людей, затворенных в темнице, и для этого послал убийцу одного, по имени Тавифа. Этот Тавифа взял с собой 10 палачей, и вошел в темницу, и убил заключенных в ней вельмож. И обвинение ложное на них возложили, якобы эти вельможи посылали к римлянам с предложением сдать Иерусалим, так что получалось, что палачи убили не правителей города, но предателей общей свободы.

И так все больше гордились и возносились губители и называли себя благодетелями и спасителями города. Потом же и первосвященников сами они стали назначать. И отвергали первосвященников родовитых, и ставили никому неизвестных, из простонародья, чтобы иметь их в своих беззакониях помощниками себе. Обычное дело у людей: если плохого и недостойного поставят к власти, то, что ему велят делать те, кто его поставил, то ему и приходится делать. А если не будет слушаться, то выгонят его. И стали жребием и повелением назначать первосвященника,

и сказали, что по древнему обычаю надлежит именно так делать, а потому они вводят это исправление. Однако это они задумали не для исправления закона, а для его разрушения.

И послали губители к роду Элахима, который был священническим родом, и назначили из него первосвященника. И выпало быть первосвященником человеку по имени Фанний, сыну Самуила из селения Афты. Человек этот был подобен губителям в беззакониях. Он не только не достоин был святительского сана, но даже не знал и не слышал никогда о такой должности, потому что в деревне жил. Вытащив его из деревни, как скомороха, надевающего личину и изображающего других людей, нарядили его в священнические одежды и научили, что в какое время надо делать. Это великое бесчестье было им на потеху. Священники же все смотрели издалека, как ругались над Божественным законом, и слезы лили, и стонали горько, поскольку разрушили губители и попрали и святительский образ, и завет Божий. Всякое же дело погибельное и скверное делалось у губителей, и понимали люди, что постигнет город запустение, и пророчество исполнится о том, что будет мерзость запустения на месте святом. Такого бесчиния не стерпел народ, и устремились все на губителей как на разрушителей святительства.

Горион же, сын Иосифа, и Симеон, сын Гамалиила, ходили по всем собраниям и побуждали людей отомстить губителям, и очистить от крови святилище. Помогали им и первосвященники Иисус, сын Гамалы, и Анан, сын Анана. И собрались все, и гневались на злодеев за то, что те захватили храмы и убили и разграбили многих. И не смели люди восстать на губителей. И встал среди них Анан, и посмотрел он на храм, и наполнились глаза его слезами, и сказал он: «Хорошо бы мне умереть прежде и не видеть храма Божьего, который осквернен столькими беззакониями, и святых мест, в которые входить нельзя было, а теперь там толпятся кровопийцы. Однако же, одетый в священнические одежды, призывающий славное священное Имя, хожу я под солнцем и радуюсь, что еще не принял славной смерти при своей старости. Но если один я здесь, как в пустыне, и нет со мной никого, кто бы поревновал со мной о Боге, тогда я готов душу свою отдать Ему. Ибо не надо мне жизни среди таких людей, которые не чувствуют своей гибели. Ибо вы, ограбленные, терпите, убиваемые, молчите, и, видя, как убивают ваших сродников, даже не поплачете над ними явно. О, горькое мучительство! О, насилие невиданное! Но зачем на мучителей ропщу? Не мы ли их воспитали, не нашей ли кротостью они вскормлены? Если бы мы изначально запретили им, когда их было еще немного, то не навлекли бы на себя оружие. Следовало уже первые их нападки пресечь, когда они еще на сродников только злословили. Вы же не позаботились тогда и дали

дорогу их грабительству. И когда губители грабили дома вельмож, не переживали вы об этом.

И видели вы своими глазами, как зажиточных хозяев грабили и тащили по городу, и не помог им никто из вас. Губители же заковали их; тех, кого вы предали молчанием своим. Заковали же их без обвинения, и никто из вас слова не сказал, а потому осужденных скоро пришлось нам увидеть и убитыми. И мы смотрели, как выбирали из нас лучших на заклание, как из стада неразумного. Мы же ни голоса не подали в их защиту, ни руки не подняли. Потом же вы увидели, как топчется святилище ногами беззаконников. Почему вы не тяготитесь насилием их? Если бы было возможно еще более беззаконное дело придумать, которое еще никто из человеческого рода не совершал от Сотворения мира и доселе, о чем ни в книгах не написано, ни предание не донесло, если бы еще что-нибудь, большее храма, могли бы найти они и разрушить, то сделали бы они это, и никто бы им не помешал. И теперь они удерживают за собой все важные места города, то есть церкви, поскольку они высокие, крепкие, и возвышаются над городом. А вы, видя врагов своих наверху, о чем думаете или какими одеждами согреваетесь? Римлян ли вы ожидаете для очищения святого места? Можно ли поверить, что такая вещь случилась с городом, и до такого безумия мы дошли, что уже некому, кроме врагов, позаботиться о нас? Почему не восстанете сами, несчастные? Почему не мстите тем, кто вас ранит? Почему не устремитесь на них? Даже звери поступают так. Почему не помните зло, которое они сделали каждому из вас? Положите перед глазами своими страдания, которые вы перенесли от них, и подвигните души ваши на месть. Если же не хотите сделать это, то покинет вас желание свободы, которое является самым почтенным из всех чувств и от природы дано. Привыкли вы рабами быть, как будто от предков переняли вы покорность. Однако предки наши много несчастий испытали и много пота пролили, и много войн пережили за самостоятельную власть, и ни египетским войском, ни мидийским побеждены не были, и не желали подчиниться повелению их. И зачем говорю о том, какими крепкими были наши предки? Нынешнюю войну возьмем, которая идет против римлян. Из-за чего она, как вы думаете, по какой причине? Не из-за свободы ли? Смотрите же. Как мы можем покоряться худшим среди нас, а вселенских владык отмечаем? Если и захватят нас римляне, то ничего хуже этих мучителей не сделают, ни то, что было на нужды храма, не потратят на свои нужды, ни ног своих не допустят ходить по стопам святительским.

Римляне больше, чем кто-то другой, украсили святилище своими дарами и только издалека смотрели на храм, даже и перед окружающей

его стеной трепетали. А эти, хоть и родились у нас, и в обычаях наших и в законе выросли, но кровавыми ногами пляшут по священническим местам. Вы же, видя дела их скверные и богомерзкие, не уstraшитесь множества этих людей, ни мятежности их, ни высоты места. Все это у них есть из-за вашей лености. Если же выйдем на них, то в смятении будут они, и смирятся, и разбегутся. Если же и встанут они против нас, то Бог, гневаясь на них, обратит на них и оружие их, и все, что пускают они в нас. И на голову их неправда их снизойдет. Надо только решиться пойти на них. Как только придем мы, сразу будут они уничтожены. Если же и несчастье с нами случится, сладкую смерть да примем перед святыми воротами и души свои положим не за жен и детей, но за Бога и Храм. Я же вождь вам буду и разумом и рукой, и буду заботиться о том, чтобы укрепить вас, не щадя ни тела своего, ни всего, что нужно». Этих слов послушались люди, и собрались они все, и пошли на ревнителѐй. «Ревнителѐй» — так называли себя разбойники, как будто они ревнуют о свободе. Но не о свободе они ревновали, а всякие беззакония исполняли. И тогда, сойдясь с ними, стали люди кидать камни в них между городом и храмом. Тех же, кто бежал, оружием убивали. Когда же ревнителѐй нападали внезапно на народ, тогда одолевали они. Когда же снова в толпу собирались люди, то одолевали они ревнителѐй. И встав крепко, приверженцы Анана оттеснили ревнителѐй в храм, согнав их со стен, окружавших его. И те прибежали к храму и закрыли ворота, и отбивались с переходов крытых и с верхних ярусов храма. Анан же мог тогда взять храм, но боялся кровопролития в храме, не хотел он осквернить святое место. И снарядил Анан 6 тысяч стражников охранять ревнителѐй в храме и ожидать, не пойдут ли они с миром, и не выйдут ли, бросив оружие. И сторожили люди ревнителѐй в храме, каждую ночь по шесть тысяч было стражников, и сменялись. И продолжились раздоры, стражники плохо сторожили, как будто не помнили о тех, кто был затворен. Богатые же, и зажиточные нанимали бедняков в сторожа.

Анан же первосвященник обратился к ревнителѐям с предложением о мире, чтобы не осквернять святого места кровью. И отправил Анан Иоанна к ревнителѐям, а перед этим потребовал от него поклясться, что он, Иоанн, будет преданным Анану и народу и не выдаст ревнителѐям ни их замыслов, ни дел, ни слов. Это был тот Иоанн, который из Гисхалы прибежал в Иерусалим, человек лживый весьма. Сильная жажда власти была в душе его, уже давно поджидал он удобного случая для ее получения. Так, поклявшись в преданности Анану и народу, Иоанн пришел к ревнителѐям, и встал он посреди них, и со стоном сказал: «Много раз замышляли против вас Анан со своими сторонниками, но я отговаривал их, и всячески заступался, чтобы не погубили они вас. Но теперь нет

вам спасения, если не найдете себе помощников. Ибо Анан, посоветовавшись с народом, послал послов к Веспасиану, чтобы тот скоро пришел и занял весь город. Людям же Анан объявил об очищении, чтобы утром войти в церковь якобы для поклонения и принесения жертвы и напасть на вас внезапно. И меня послали договориться с вами о мире, чтобы коварно схватить вас безоружными. Следует же вам позаботиться о спасении своей жизни: или заключить мир с Ананом, или посылать за помощью. Но я вам скажу, что если вас согревает надежда на прощение, то нет у вас ума, ибо люди не забудут того, какие беззакония вы совершали против них». Этой ложью Иоанн запугал ревнителев, и о помощи извне неясно говорил он им, но на Идумею указывали слова его.

И к этому прибавил еще Иоанн, что Анан зубами скрипит, желая разорвать жокаков ревнителев. Это же все выслушав, Елезар, сын Симона, и Захария, сын Фалека, оба священники родом, с другими ревнителями советовались, что надлежит делать, ибо тяжелое время настало для них, поскольку сами они затворены и за помощью извне не могут послать. Однако решили послать к идумеям.

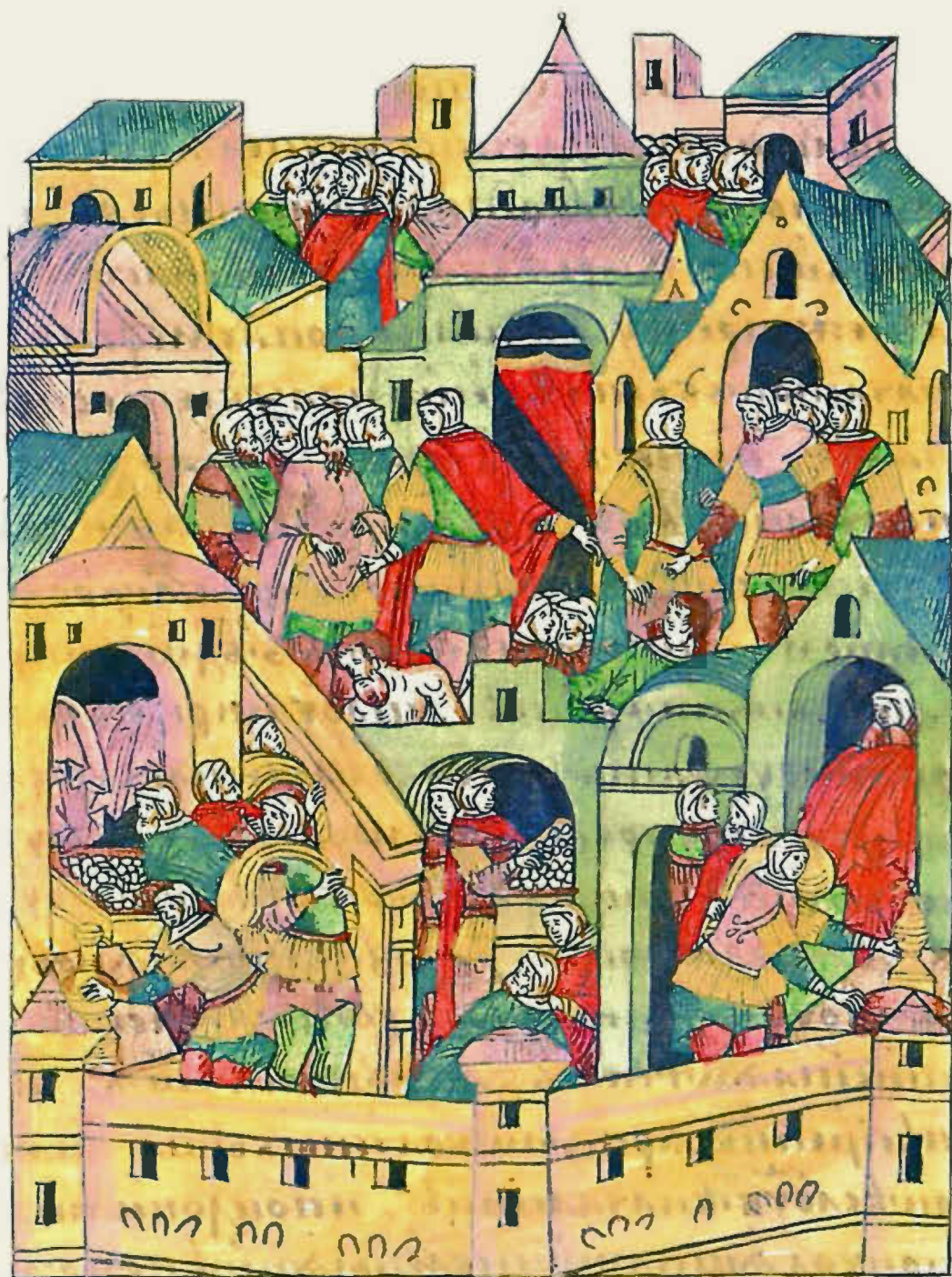
И написали письмо скоро, и послали к идумеям со словами: «Анан обманывает людей и отдает римлянам столицу. Мы же отделились от него ради свободы и теперь затворены, и сидим внутри храма. И стражники вокруг нас стоят. Немного времени осталась нам для спасения. Если вы не поможете нам скоро, то нас одолеют Анан и враги наши, а город будет сдан римлянам». И отдали ревнители это письмо двум чловекам, преданным, сообразительным и быстроногим. Знали же ревнители, что идумей народ буйный и склонный к мятежам и переворотам и, стоит им сказать слово, сразу возьмутся они за оружие и придут.

И когда принесли к идумеям послание от ревнителев, то пришли в смятение идумей и послали людей повсюду с призывами на войну, и собрались, как один, 20 тысяч человек, и пошли на Иерусалим.

Анан же не заметил, как вышли послы от ревнителев, также и стражники. Приход же идумеев не скрылся от их глаз, и они успели закрыть ворота городские и на стенах поставил стражников. Исус же, первосвященник, который был вторым после Анана, встал на башне и сказал: «Удивляюсь, как помогает удача злым. Ведь вы пришли на помощь людям нечестивым. Не знал я, что вы того же образа мыслей, раз ревнителям помогаете. Если же кто честно изучит их жизнь, то обнаружит, что каждый из них тысячи смертей заслуживает. Ибо они прокляты всей землей, и осквернились во всем, растеряли свое имущество, и испытали свое беснование и жадность на окрестных городах. Теперь же, наконец, тайком проникли они в святой город и осквернили неоскверненные места, и без страха упиваются в святыне вином и богатства убитых рас-

трачивают на несытые свои утробы. Вы же, идумеи, не такие, но умные и мирные, и так украшает вас ваше оружие. Можете вы помочь им столице, когда в нужное время потребуется ваша помощь против иноплеменников. Несчастливым назовем это счастье, которое досталось разбойникам в том, что вы пришли освободить их. Любопытно, какую такую причину вескую придумали разбойники, чтобы вас натравить на нас. Однако вам надлежит знать правду, а не верить выдуманному наговору. Как мы сдаемся римлянам, если мы с ними воюем? Подобало бы прежде мир заключить.

Если бы еще Галилея вся была цела, и другие все города, то мир еще был бы возможен. Но даже если мы и захотим мира, то римлянам он не нужен. Да и позорно нам просить о мире. Лучше смерть славная, нежели жить в плену. Если же ревнители так на нас клеветают, то пусть скажут, кто послал к римлянам, или кто был послами, или кого застали за тем, как он ходил туда и обратно, или у кого перехватили послание. Пусть расскажут они, как это мы утаились от всех, кто живет с нами, а от этих беззаконников, которые затворены и окружены стражниками, не утаились. Но они почувствовали, что не спасутся от гнева Господнего. Ибо прогневали они Господа и согрешили, а потому и солгали вам. Если и погибнет город этот, то не от кого-то другого погибнет, а от этих самых ревнителей. Вы же подняли оружие за правду, так помогите неправедных погубить. Они не словом, но руками свой суд вершили, людей неповинных хватили из горожан, и связывали, и заковывали, и, не слушая ни оправданий их, ни мольбы, убивали. Если желаете, войдите в город, но не как враги, и посмотрите на сделанное ревнителями: дома опустошены и разграблены, люди порублены, женщины причитают, плач и рыдание по всему городу, и нет никого, кто бы не испытал на себе злобы ревнителей. Они же со всей земли собрали скверну и со всех городов привлекли ее в Иерусалим, как бы собрали все болезни с ног, и рук, и со всех частей тела и обрушили на голову. А в Иерусалиме выбрали храм, и теперь он им прибежище, не более, которое скрывает злобу их и охраняет от неприятелей. Этому месту поклоняется вся вселенная, и почитается оно во всех концах ее, как в нашем народе, так и среди иноплеменников. Ныне же это место попирается зверями, которые здесь же и родились. Вы можете проверить то, что я вам сказал, войдите, только без оружия, и посмотрите сами на все. Вы можете также возвратиться к себе. Если же вы считаете, что мы отдались римлянам, то вы можете, находясь за городом, охранять ворота и пути, и если откроется наш обман, то не щадите нас. Если ни одна из этих возможностей вам не подходит, то не удивляйтесь, что закрытыми останутся ворота перед вами, поскольку вы вооружены». Такие слова говорил Иисус первосвященник.

Идумеи же делали вид, что не слышат, но сердились, что им не открывают, и гневались на то, что им велят сложить оружие, считая, что будут как пленники, если послушаются этого повеления.

Симон же, сын Кафлы, вельможа идумейский, встал на таком месте, чтобы было слышно первосвященникам, и сказал: «Не удивляемся, что закрылись от вас сторонники свободы, а вы окружили их и теперь перед сродниками своими закрыли народную столицу. Когда римлян вы будете принимать, то будете кричать об этой радости на воротах, и венки развесите. С идумеями же со стен разговариваете и велите сложить оружие, которое мы за свободу подняли. Кто может терпеть такую насмешку вашу? Но поскольку вы так поступили, то мы встанем здесь перед стенами и будем искать, как отомстить вам. И до тех пор будем стоять, пока римляне не уйдут, не дождавшись вас, или пока вы не изволите принять свободу и не переменитесь». Исус же, услышав ответ Симона и крик идумейский, ушел с башни. В умах же идумеев смятение было, и гневались они на то, что не видели они помощи от тех, кто их звал.

Когда же идумеи стояли у стен Иерусалима, случилась ночью буря несказанная, и гром частый и страшный, и земля тряслась и редела. Это было предвестие беды. Идумеи думали, что Бог гневается на них, поскольку подняли оружие на столицу. Анан же сказал: «Бог говорит за нас». Но не угадали они то, что произойдет. Идумеи же прижались плотно друг к другу и так стояли, и накрылись щитами.

Ревнителю же взяли пилы и распилили священные двери, стражники же из-за бури и грома не слышали. Ревнителю же тайком пошли из храма к стенам и этими же пилами распилили ворота. И вошли идумеи, и соединились с ревнителями, и стражников убили, и на людей пошли, и стали их рубить. И был крик женщин и детей, и не было места, куда бежать. И все теснились и давили друг друга, и рубили их ревнителю и идумеи, и сами в пропасти они бросались. И до рассвета было убито 18 тысяч.

А когда утро наступило, разошлись ревнителю и идумеи по городу, и все дома грабили. И первосвященников искали, и, схватив, убили их, и стояли над трупами их, и смеялись над ними. И говорили над Ананом: «Воистину приятен ты Иерусалиму и народу и достоин чести, которой тебя почтили». И над Исусом говорили: «Речистый ты весьма и умный, и много потрудился, вещая со стены, а теперь отдохай». И погребать не дали их, хотя закон иудейский велит и осужденных погребать, и распятых, и повешенных, до захода солнца. Если же я скажу, что смерть Анана — это начало завоевания Иерусалима и разрушения его стен, то не солгу. Был же этот первосвященник начальник спасения их, человек почтенный, и праведный, и смиренный, и славился добрым родом, и са-

ном, и заступник весьма искусный, и если бы жив он был, то склонил бы римлян к миру. Все же люди его слушали. И рядом с Ананом был Исус, не такой, как Анан, но среди остальных лучший. Но Бог осудил Иерусалим за различные грехи жителей его, и захотел очистить святое это место огнем, и заступников отнял у города, которые в священные одежды одеты были и мирной службы были начальниками. Поклониться этим людям приходили со всей вселенной, теперь же они были повержены, и голы, и брошены на съедение псам и зверям. Над ними же и правда стенала, поскольку одолена была злобой.

Потом же иудеи и ревнителю стали рубить остальных людей, как стадо непотребной скотины. Из хороших же родов людей связывали и в темницу бросали, ожидая, что кто-нибудь из них присоединится к ревнителям. И никто не смел приступить к заключенным, ни родственник пройти к своему родственнику, ни сын к отцу, ни похоронить нельзя было. Ночью же брали землю горстями и посыпали каждый на своего мертвеца. Было же из вельмож убито 12 тысяч.

И тогда Захария, сын Баруха, человек весьма славный и очень богатый, не мог терпеть убийств этих и дерзнул обличить злодеев и говорить против них, если будет возможность. И злодеи хотели его убить и поставили на суд. И собрали 70 человек из старцев и дали им власть осудить того, кто ругался на них. И сами злодеи встали перед судьями и с Захарием вступили в прения, и говорили, что он предает город римлянам. Судьи же сказали: «Кто свидетель, или какие есть доказательства?» Ревнителю же отвечали: «Мы очевидцы, мы свидетели, нам верьте». Судьи же сказали: «Не можем вам верить, поскольку вы противная сторона». Захария же понял, что не осталось у него надежды на спасение, и позвали его не на суд, а на погибель, и сначала он посмеялся над неправой речью обвинителей и в немногих словах отвел от себя возводимую на него вину, а затем обратил на клеветников слово. Они же веселились и хотели уже закончить эту насмешку над судом и, после того, как судьи задали свои вопросы, повелели им судить по правде. 70 же судий признали Захарию невиновным. Решили они, что если и их хотят убить, то лучше им с ним умереть, нежели жить без него. Ревнителю же гневались на судий, что те власть от них приняли и не поняли, что это насмешка.

Два же нечестивца напали на Захарию и убили его посреди храма, и, смеясь над ним, сказали: «Прав ты во всем, и вот тебе оправдание твое от нас, и надежное прощение». И бросили его в ближайшую от храма пропасть. А на 70 судий вынули мечи и били их по шеям плоской стороной меча, и выгнали их из судилища, чтобы они разошлись и рассказали всем о наступившем рабстве.

Идумеи же, не обнаружив в городе предательства, как им рассказывали клеветники, раскаивались, что они пришли. Один же из ревнителей, у которого было немного страха Божьего, собрал их и рассказал им, что они совершили беззаконие вместе с теми, кто призвал их, и покорно просил их и умолял, чтобы они прекратили кровопролитие и не поддерживали тех, кто разрушает отечество.

Идумеи послушались и первым делом выпустили заключенных из темниц 2000, которых ревнители не успели убить. Затем же идумеи ушли в свои земли.

Ревнители тогда разошлись по городу и, если кто был знатным или храбрым, то хватали таких и связывали, чтобы не осталось никого из лучших людей. Убили и Гориона, человека знатного, и Нигера, человека храброго, который много восклицал и раны, полученные в боях за отечество, показывал им, они же через город проволокли его. Тогда Нигер отчаялся, что будет жить и о погребении молил, но ревнители перед тем, как убить его, и того ему не обещали. Умирая же, Нигер проклял их, призвав на них голод, и мор, и раздоры, и страх, и войну, поскольку побили они своих заступников и за добродетели зло воздали. И все эти проклятия были исполнены Богом. Не из-за Нигера одного, но и из-за других праведных, при Ироде убитых, и при Архелаете, и при Антипе, и при Пилате, и при Агриппе, и доселе. Вся кровь та собралась воедино и потопила город. Никто же не ушел от рук ревнителей, кроме самых захудалых и нищих.

Римляне же узнали о том, что было в Иерусалиме, и советовали все идти в город за добычей, и говорили: «Бог помощник нам, который поднял руки противников наших, чтобы порубили они друг друга. Но нападать надо быстрее на них, а то они скоро придут к единомыслию против нас».

Веспасиан же сказал им: «Удалились вы от прежнего разумения, если хотите показать мужество свое без потерь, как напоказ. Нам же надо смотреть на то, что полезно и на то, что укрепит нас. Если теперь пойдем на город, то, видя это, враги заключат мир между собой и обратят против нас все свои силы. Если же подождем, то силы эти иссякнут сами собой. И мы с меньшим войском будем биться. Бог лучший, чем я, военачальник, отдает он нам иудеев без борьбы и победу дарует нам без потерь с нашей стороны. Потому надлежит нам сидеть как на представлении и смотреть на рубящихся между собой, нежели сходиться с людьми, ищущими смерти. Если же кто думает, что наша победа не будет славной, то я тому отвечу, что победа оружием ненадежна и непредсказуема, лучше получить победу без шума. Если же и медлим, то не себе во вред, а врагам. Разве неприятель стены укрепляет, или оружие

готовит, или за помощниками посылает? Нет. Но истребляет сам себя в своих разногласиях. Каждый день враги получают урон больший, чем тот, который бы мы могли им причинить, придя к городу. Если кто хочет надежности, то это надежно — предоставить врагам истреблять себя самим. Если же кто славы хочет, то мало славы — с большим бороться. Ведь иудеи сейчас переживают болезнь внутренних раздоров. И если мы теперь пойдем на них и победим, не будет славы нашему оружию, но все объяснят этими раздорами». Так сказал Веспасиан, и согласились с ним военачальники. И многие из Иерусалима тайком от ревнителей бежали к Веспасиану. Тяжело же было убежать, поскольку на всех воротах стражников поставили ревнители следить, чтобы не ушел никто. Если кто-то пытался убежать или замышлял побег к римлянам и был схвачен, то наказание на такого возлагали — смерть от меча.

Многие же зажиточные горожане золото давали, и их пускали, куда им хочется. Бедные же, поскольку не было у них, что дать, гибли как предатели. И росли как стога кучи мертвых по дорогам и в городе, ибо не давали их погребать нечестивые, но как будто поклялись осквернить все Божественное и человеческое. И Божий закон, и природный отметали они, и, видя порубленных и смердевших на солнце, смеялись. Если же кто осмеливался землей посыпать из рукава тайком своего лежащего, того смельчака тут же закалывали. Не было милости у них и с живых на мертвых переносили гнев, а с мертвых на живых. И такой страх напал на всех, что живые завидовали умершим. И попрали ревнители все законы человеческие, и надругались над законами Божественными, и над пророческими наставлениями смеялись, считая их баснями. Ибо пророки в древности призывали к добродетели и удерживали от злобы. Все это преступили ревнители и исполнили пророчество об Иерусалиме. Ибо было написано, что тогда будет завоеван Иерусалим город и святилище будет сожжено, когда раздор будет в городе, и своими руками люди осквернят алтарь Божий. И это слово исполнили ревнители.

Иоанн же, разбойник, который бежал от Тита из галилейского города Гисхалы, став очень влиятельным человеком в Иерусалиме, к большей славе устремился. Он принимал людей из злодейской среды и окружал себя все более высоким почитанием. И не слушался Иоанн повелений других людей, и никому же не давал мнение свое высказать, но на своем решении всегда настаивал. Так что ясно было, что он желает властвовать единолично. И покорялись ему люди, одни — потому что боялись его, другие — потому что были расположены к нему. Искусен же он был в обмане различном. Многие же разбойники сопротивлялись ему

из зависти и не хотели покориться, так как раньше они были равными ему и считали, что лучше биться с ним и пострадать, чем повиноваться и покоряться ему.

И разделились мятежники надвое, и враждовали между собой. И набросились на мирных людей, и старались опередить друг друга, чтобы побольше добычи получить у них грабежом. И многие горожане бежали от своих сродников и переходили к иноплеменникам и обретали у них спасение, которого не могли получить у своих.

О крепости Масада

Крепость была сильная недалеко от Иерусалима, построенная прежними царями для сохранения их богатства и вооружения. Называлась крепость Масада. Пришли же злодеи, так называемые «сикарии», и захватили ее.

И из этой крепости делали сикарии вылазки в окрестные деревни, и разоряли их, и рубили живущих в них людей, а имущество и хлеб забирали и уносили в Масаду. И приходили к ним всякий день такие же злодеи отовсюду и присоединялись к ним. Собирались разбойники и в других местах Иудеи. Как при опасной болезни — если один из членов, который поддерживает жизнь и дыхание во всем теле, болезнью поражен и воспалился, то и остальные члены здоровыми не будут, но той же болезнью заболеют. Также и в Иудее — поскольку столица охвачена была мятежом и разбойниками, то и по всей стране злодеи возможность получили делать, что хотят, и свою волю исполняли, и путями лукавыми ходили, и не хотели знать ни закона Божьего, ни наставлений Давида и Соломона, ни угроз пророков, ни слов праведников. Праведники же и говорили, и писали, что слава и почет будет за благодеяния, а за злодеяния — хула, и поругание, и мука. И стремились праведники воодушевить людей своими словами и подвигнуть их на добрые дела, а злых они увещевали, чтобы гнушались они дел своих и отвратили бы от них лицо свое. Злодеи же, о которых мы говорим, наставления праведных отбросили от себя, как ношу неподъемную, и что хотело сердце их, то и делали, и не вспоминали ни о том пленении, что приняли евреи от Навуходоносора, ни о разрушении, которое принес им Антиох, ни о египетском рабстве, ни об избавлении Божьем. И тогда, в праздник Опресноков, в который вспоминают иудеи исход свой из Египта и освобождение от египетского рабства, разбойники-сикарии, засевшие в крепости Масада, что расположена недалеко от Иерусалима, ночью разорили окрестные селения, и пожгли их, и убили 7 тысяч местных жителей, и возвратились в Масаду, воя, как волки, на радостях, поскольку отчаянность свою показали, проклятые.

Обо всем этом сообщили Веспасиану перебежчики из Иерусалима. Хотя все пути и стерегли ревнители, чтобы не ушел никто к Веспасиану из города, но многие иудеи тайком прибегали к полководцу и умоляли его, чтобы он пришел на помощь Иерусалиму и спас оставшихся городских жителей. И говорили беглецы Веспасиану: «Многие в городе из тех, что желали мира с тобой, пали за тебя от рук своих же сродников. Тех, кто еще жив, ждет та же участь, если ты не поторопишься спасти их». Веспасиан видел, что слезы, текущие из их глаз, неподдельны, и пожалел их.

И двинулся Веспасиан, как будто хотел уже взять Иерусалим. Он и действительно хотел спасти мирное население Иерусалима, однако нужно было ему остальные непокоренные города разрушить, чтобы не осталось у римлян больше нигде противников.

И пришел Веспасиан к Гадаре, главному городу с той стороны Иордана, в 4-й день месяца дистра, то есть марта. И вошел Веспасиан в Гадару, ибо городские старейшины послали к нему с прошением, в котором предлагали тайно мятежников отдать в его руки. Мира эти старейшины желали, чтобы сохранить имущество свое, ибо были они богаты весьма.

И мятежники увидели посреди города врагов своих, быстро перебили старейшин города и убежали. Народ же принял Веспасиана с почетом.

И стену разрушили горожане даже до повеления римлян, чтобы показать свою верность Веспасиану. Послан же был Плацид, и 500 конников с ним, и три тысячи пеших воинов, в погоню за бежавшими из Гадары.

Беглецы же, увидев погоню, вошли в город Бетеннабрин, и вооружились, и вышли против Плацида, и сошлись с воинами его. Римляне же сначала отступили, заманивая иудеев, чтобы те подальше отошли от стен города.

Затем же римляне пошли обратно на иудеев, и обступили их, и стали закалывать их, как диких зверей, и тех, что сопротивлялись, и тех, что разбегались; и не убежал никто, кроме немногих самых крепких.

Силой пробились эти крепкие через своих же воинов, ибо стражники не пускали их в город, и они порубили их и вошли.

Плацид приступил к городу и до вечера крепко бился, и взял город. Те же крепкие бежали, и других собрали вокруг себя, и бежали в Иерихон.

Плацид же гнал беглецов вплоть до Иордана. В то же время наполнились воды Иордана от дождей, и течение было быстрым весьма. И не было иудеям места, куда скрыться, и долго бежали они вдоль берега, и стрелы на них летели, как дождь, и конники топтали их, и многие

иудеи, при виде неприятеля, прыгали в воду, и потонуло людей бесчисленное множество.

И вымошен был Иордан трупами, и так наполнилась река утопшими, что ходили по ним, как по мосту. А порубленных на берегу было 25 тысяч, и 2200 взяли живыми. И скотины, и коней, и верблюдов, и ослов бесчисленно захватили. Эта победа очень ранила сердце иудейское, поскольку и дорога, и берег, и река наполнились трупами, и до Асфальтового озера плыли трупы по Иордану.

Плацид же, которому удача благоволила, и другие окрестные города взял: Авилу, и Юлиаду, и Бесимот. Если же кто-то убегал через озера, то Плацид снаряжал корабли с воинами своими и посылал их в погоню, и убивал всех беглецов.

И тогда пришла весть к Веспасиану о восстании в Галлии, где римский наместник Виндекс привлек к себе местных вельмож и стал воевать с Нероном. Узнав об этом, Веспасиан усерднее обратился к иудейским делам, стремясь поскорее закончить в чужих странах и идти в Италию, чтобы водворить там мир и устранить опасность местных раздоров. Пока зимнее время было, Веспасиан обошел покоренные им города, одни укреплял и обустроивал, другие восстанавливал, в третьих размещал стражников.

А в начале весны Веспасиан взял большую часть своих воинов и пошел из Цезареи в Антипатриду. Там он два дня давал распоряжения и укреплял город, а на третий день пошел разорять и жечь окрестности, и пришел в Фамны, и в Лидду, и в Иамнию, и уничтожил все области те.

И пошел Веспасиан к Аммаусу, и перекрыл все пути, ведущие к Иерусалиму, и окопался, и там оставил пятый полк, и знамена оставил, чтобы думали местные жители, что в этом стане все войско римское находится.

Сам же Веспасиан остаток войска взял и пошел в Бетлептефитскую область, и пожег ее всю, также пожег и города в окрестностях Идумеи.

И укрепленное место нашел Веспасиан и там окопался, и из этого стана ходил разорять все те земли, и не препятствовал ему никто.

И взял города Бетарис и Кефартобу, и убил двадцать тысяч человек, а две тысячи взял в плен. И оставил малую часть своих воинов там, и повелел им разорять ту горную страну.

Сам же Веспасиан с остальным войском возвратился в Аммаус и оттуда пошел в Самарию и Неаполис, который также называют Маборфа.

Далее Веспасиан прибыл в Корею во второй день месяца дасия, то есть июня, и там окопался, и потом пошел к Иерихону, где он встре-

тился с Траяном военачальником, который из Переи войска привел, поскольку завоевал уже все земли с той стороны Иордана.

И многие из Иерихона, не дожидаясь римлян, бежали в горы, расположенные напротив Иерусалима. Тех же, кто не убежал, Веспасиан порубил. Город же Иерихон построен в долине, над которой возвышаются горы длинные, на которых ничего не растет, на север же они тянутся до Скифопольской земли, а на юг до места, где стоял Содом, и до Асфальтового озера. Нигде же эти горы не выравнены и не заселены, из-за бесплодности земли на них. Напротив же этих гор находятся горы Иорданские, начинаются они от Юлиады и кончаются у Соморры, где расположена гора, называемая Железной, которая тянется до Моавитской области.

Между этими горами расположена долина, называемая Большой. Длина ее 1200 верст, ширина же 120 верст.

А посреди Большой долины течет Иордан, и озера в долине два: Асфальтовое и Тивериадское, разные по своей природе: Асфальтовое — соленое и безжизненное, Тивериадское же — пресное и богатое жизнью.

Во время жатвы выгорает долина эта, и воздух над ней вреден для здоровья, поскольку не идут дожди в местности этой, и нет воды в ней, кроме иорданской. Потому и финиковые деревья, что возле Иордана, хорошо растут и много плодов дают, а те, что подалее — не так.

В Иерихоне же есть колодец изобильный, в древнем городе. Тот же город первым из городов Ханаанской земли был завоеван Иисусом, сыном Нава, военачальником еврейским. О том же колодце сказание есть. Раньше он губителен был для всех плодов: и для тех, что в земле растут, и для тех, что на деревьях, и для младенцев в материнских утробах, и всякую болезнь приносил пьющим из него. Потом же пророк Елисей сделал так, что стал этот колодец приносить жизнь и здоровье. Пророк же Елисей был известен всем и последователем был он пророка Илии. И приняли его жители этой страны, и почтили его в Иерихоне, и Елисей захотел за гостеприимство их отплатить им добром, и на веки вечные этой благодатью одарил землю их. Увидел Елисей, что от воды бесплодно все, и пришел к месту тому, и встал над колодцем, и опустил в него сосуд глиняный, полный соли, и потом воздвиг руку праведную на него, и к колодцу направил молитву умиленную, и со слезами умолял колодец, чтобы изменил он воду свою, и открыл жилы полезные. И Богу молился Елисей, чтобы повелел Он небу примешать к воде благоприятный для плодов воздух, и просил у Бога, чтобы подал Он изобилие жителям Иерихона, и рождение детей, и чтобы не обеднела у них вода эта, полезная для плодов, пока жители будут праведными. К этим молитвам Елисей присоединил действие многих трав, пользуясь своей мудростью.

И заменил Елисей в колодце иерихонском вредную воду на полезную, и даны были через эту воду людям многолетность, и изобилие, и сытость. Когда этой водой питают местные жители землю, то такую она силу имеет, что если хоть капля упадет на какое-то место, то это полезнее ему, чем если бы дождь шел беспрестанно. Питаются же этой водой земли в длину 70 верст и в ширину 20. Растут же на землях иерихонских деревья прекрасные и частые. Финиковые плоды там различаются и по вкусу, и по силе, действующей в них. Самые сочные плоды дают и меда много получают. Растут же там и деревья, дающие бальзам, смолу целебную, это самое ценное, что там добывают. Растут там и кипр, и миробалан. Если же кто и назовет Иерихон Божественным раем, то не согрешит против истины, поскольку во множестве там растет все полезное и благоуханное, то, чего не найти в других местах. Зерно, попадая в землю ту, дает урожай сторицей. Это происходит из-за теплоты воздуха и питательных свойств воды: вода наполняет силой корни, а воздух же способствует росту. Жарко же очень в месте этом, так что во время жатвы оно может погибнуть. Вода же, почерпнутая до восхода солнца, холоднее льда, и землю, горячую от зноя, вода этим холодом охлаждает. А в зимние дни вода эта теплеет, и, когда по всей Иудее снег лежит, в Иерихоне так тепло, что можно без одежды ходить. Удалено же это место от Иерусалима на 150 верст, а от Иордана на 60. От Иерихона же до Иерусалима все пусто и каменисто, и до Иордана и до Асфальтового озера такое же все бесплодное.

Об озере Асфальтовом

Расскажу теперь и об Асфальтовом озере. Горькое оно и бесплодное. И все тяжелое, что бросают в него, не тонет. Пришел же Веспасиан посмотреть озеро, и повелел пленников призвать связанных и бросить в него, и не утонул никто из них. И вид этого озера чудесен: изменяется оно трижды за день и от солнечных лучей сияет. И рождаются в озере куски асфальта, особой смолы, плотные, крупные, как волы, черные, плавают они поверх воды и видом напоминают быков безглавых.

И подплывают к ним те, кто работают на озере, и затаскивают в лодки, и наполняют лодки этим асфальтом, а потом не могут его отрезать от лодок ни железом, ни другим чем-то, пока не обольют кровью, которая бывает от женщины, и только с помощью этой крови асфальт можно отрезать от лодки. Эта асфальтовая смола используется не только для постройки корабля, но и для лечения тела, и ко многим лекарствам пришивают ее врачи. Этого озера длина 580 верст. Прилегает же к Асфальтовому озеру Содомская земля, раньше богатая и всем обильная, теперь же сожженная. Говорят же, что из-за нечестивости местных жителей Бог сжег эту землю огнем Небесным.

Все еще свидетельства этого гнева Божьего можно видеть в земле Содомской: и пяти городов повергнутых тени, и плоды, что на деревьях содомских рождаются, красивые и на вид съедобные, а если кто дотронется до них, то становятся они пылью и дымом.

Взяв Иерихон, Веспасиан отовсюду оградил жителей иерусалимских, и окопался в Иерихоне, и в Адиде, и оттуда послал Луция с войском на Геразу.

Луций внезапно напал на город и взял Геразу, и убил тысячу человек, и послал воинов по селам, и жителей порубил, а села пожег. Женщин же и детей взял в плен. Так были завоеваны вся горная страна и окрестности Иерусалима.

Все пути для жителей Иерусалима были закрыты. Если кто-то из находившихся внутри города хотел бежать к римлянам, то им не давали этого сделать ревнители, которые всегда были на страже и следили за тем, чтобы не выходил никто. Даже если хотели жители города за хлебом или за сеном сходить, или привезти дров, то не могли пройти.

Веспасиан же из Иерихона возвратился в Цезарею и приготовил все войско, чтобы идти с утра на Иерусалим.

И когда собирался Веспасиан идти, принесли ему весть, что Нерон убит был. Был же Нерон императором 13 лет и 8 дней. Когда этот Нерон получил власть, то отдал все дела в руки дурных людей, которые на него же и восстали, и выгнали его, и он бежал в село свое с четырьмя слугами, ибо все остальные оставили его, и там Нерон сам себя убил.

После Нерона сделали императором Гальбу, и пришел он из Испании, и воины были недовольны им и убили его, поскольку он был смиренным.

И сделали императором Отона. Вителлий же, полководец римский, восстал против него и сменил Отона. Дальше было восстание уже против Вителлия, и бой у Капитолия.

Антоний Прим и Муциан, сторонники Веспасиана, убили Вителлия, и победили римские полки, воевавшие в Германии, и остановили внутренние раздоры в Италии.

Веспасиан же, узнав о смерти Нерона решил не идти на Иерусалим, пока не будет известно, кто стал императором. Узнав о том, что императором стал Гальба, Веспасиан не смел продолжать войну, пока не придет к нему от Гальбы повеление об этом. И послал Веспасиан к Гальбе Тита, сына своего, поприветствовать его и взять письменное распоряжение о судьбе иудейской войны. С целью поприветствовать Гальбу и Агриппа царь поплыл с Титом.

Когда же Тит и Агриппа шли через Ахайю, долгим путем на кораблях, зимой, и еще не дошли до Рима, Гальба убит был. Был же Гальба императором 7 месяцев и 7 дней. После него к власти пришел Отон.

Агриппа же не испугался и поплыл к Риму. Тит же, по Божьему промыслу, из Эллады приплыл в Сирию и быстро пришел в Цезарею к отцу. И два мнения было у римлян о войне в Иудее. Одни советовали воевать с иудеями, как и воевали.

Другие же, узнав, что поднялось восстание в Риме, боялись за свое отечество и считали, что не время биться в чужой земле. В те же дни другая беда произошла в Иерусалиме. Человек один был там, Симон, сын Гиоры, родом из Геразы. В обмане он уступал разбойнику Иоанну, то есть Иоханану, силой же храбростью превосходил его. Потому Анан первосвященник лишил Симона власти его. Тогда Симон бежал к злодеям, занявшим Масаду, крепость около Иерусалима, и присоединился к ним. Разбойники же сначала не поверили ему и отправили его жить во внешней крепости с женами и слугами. Сами же разбойники пребывали в крепости внутренней.

И когда ходили они на разбой, то и Симон ходил с ними. И те, видя способности его, привыкли к нему, и стали слушаться его. И он обещал рабам свободу, а свободным почет.

И собрал Симон вокруг себя всяких дурных людей и разорял всех остальных. Многие из вельмож видели силу его и удачу и присоединялись к Симону, и почитали его царем, и слушались повелений его.

Симон же нашел место укрепленное, называемое Наин, и там построил себе вроде крепости, и многие подземелья выкопал и расширил, и все, что грабил, туда приносил. И был ему Наин убежищем, а подземелья хранилищем для награбленного.

Ясно же было, что готовит Симон воинов своих к походу на Иерусалим. И опередили ревнители его приход, и вооружились, и пошли на Симона. И поднял Симон воинов своих и бился с ревнителями, и многих убил, остальных же гнал до Иерусалима.

Потом же Симон с двумя десятками тысяч воинов напал на земли Идумейские.

Предводители же идумеев собрали скоро 15 тысяч самых крепких людей и сопротивлялись Симону, и бились с утра до вечера.

Не победил же ни один из них, и разошлись они: Симон — в Наин, а идумеи — по своим домам.

Собрав еще больше войска, Симон вскоре снова пошел против идумеев. Они же боялись, и задумали послать разведчиков, чтобы посмот-

реть войско его. На это задание вызвался Иаков, один из военачальников идумейских. Замышлял же он предать идумеев. И пришел этот Иаков к Симону, и поклялись они, что Симон окажет Иакову почет у себя, а Иаков сдаст Симону всю Идумею. И почтил Симон Иакова подарком и с обещанием будущего почета отпустил.

Иаков же пришел к своим и стал их обманывать, и зависил число войска Симона в четыре раза, а затем подговаривал военачальников сдать Симону без боя. И к Симону послал Иаков, чтобы тот шел на идумеев, а немногим воинам приказал за собой гнать скотину с привязанными к ней ветками деревьев, чтобы пыль большая поднялась, и казалось, что это все воины идут.

Иаков же стал ссориться с идумеями, и говорил: «Разве гробов у вас нет, что вы жаждете умереть здесь?» Идумеи же, увидев воинов Симона, а за ними пыль поднявшуюся, думали, что задних больше, чем передних, и разбежались.

Симон же сначала взял город Хеврон и много добычи захватил в нем.

Говорят же местные жители, что этот город Хеврон жилищем был Авраама, предка еврейского народа, когда тот переселился из Междуречья, и сыновья его оттуда пошли в Египет, и гробы их до сих пор стоят, из прекрасного мрамора искусно сделанные. Там же есть и дерево огромное теревинф, которое стоит от Сотворения мира и доселе. Городу Хеврону 2300 лет, этот город старше всех городов египетских и еврейских.

Из Хеврона же стал Симон города и села жечь. И так он опустошал землю, что не оставлял никакого признака того, что там раньше что-то было. Ибо шли с ним кроме вооруженных воинов еще 40 тысяч человек, и еды им не хватало. С жестокостью относился Симон и ненавистью к идумейскому народу. Потому и губил все подряд, и пашни, и травы вытапывал, оставляя после себя землю такой, какой она бывает после саранчи.

Когда саранча улетает с места, то место остается голым. Так и после Симона пустыня оставалась.

Снова же ревнители пришли против Симона и не смели с войском биться, но попрятались по разным местам у перекрестков дорог, и похитили жену Симона, которая шла мимо, и слуг ее, и утварь, и с радостью вернулись, как будто самого Симона захватили. И думали ревнители, что Симон скоро оружие сложит и станет о жене просить. Сердце же Симона исполнилось не жалостью к жене, но гневом на тех, кто ее похитил.

И приступил Симон к стенам Иерусалима, как раненый зверь, и, поскольку не мог достать ранивших его, то на тех, кто попадался, вымещал свой гнев. Кто бы ни вышел, овощей ли собрать, или за дровами, старики, или женщины, или другие слабые, отсекал Симон руки у них и ноги и отпускал в город, чтобы устрашились горожане. И велел Симон людям, которых он изувечил, говорить в городе: «Симон клянется Богом живым, Вседержителем, Всевидящим, что если скоро не вернете ему жену, то разрушит он стены и войдет, и также сделает всем горожанам, как нам сделал, и не пощадит никакого же возраста, и не будет разбирать, кто виноват, а кто невиновен».

Испугались же в Иерусалиме угроз Симона и выслали ему жену, и тогда он успокоился и какое-то время перестал убивать.

В то же время не только в Иудее был мятеж и раздоры, но и в Италии. Убит же был посреди Рима император Гальба, и сделали императором Отон. Вителлий же с римскими воинами из Германии бился с Отоном. И в первый день одолел Отон, а во второй Вителлий.

Набросал же Вителлий ночью особые орудия с тремя железными остриями, и, когда утро наступило, притворился Вителлий, что спасается бегством, а Отон погнался с воинами за ним, и гнался до места, где эти железные орудия были рассыпаны, и покалечились кони, и нельзя было ни коням выйти оттуда, ни самим воинам.

И возвратились воины Вителлия, и убили всех лежащих. Отон же увидел это и зарезал себя.

О беззаконии жителей Иерусалима

Веспасиан же устремился на оставшиеся незавоеванными города Иудеи, завоевал всю Гофнитскую и Акрататскую области, и города Бефилу, и Эфраим, и оттуда поскакал к Иерусалиму.

Цереал же, военачальник Веспасиана, разорял Верхнюю Идумею, и пришел к городу Кафарабин, и увидел стены его крепкие и высокие, и хотел насыпь делать. Вдруг горожане вышли и умоляли о пощаде, и сдались. И не осталось городов непокоренных, кроме

Иродиона, и Масады, и Махерона. Иерусалим же стоял среди них как самая главная твердыня.

Симон же, предводитель разбойников, после того, как вызволил жену, стоял у Иерусалима, и снова стал всех выходящих из города рубить.

В Иерусалиме же другой предводитель разбойников, Иоанн, привлек на свою сторону ревнителю и дал им волю делать то, что они захотят. И можно было видеть, как обыскивали дома богатых и грабили все до конца, и убивали мужчин, и насиловали женщин, и то, что грабили, с

кровью убитых пожирали. И без страха к порокам обращались, перенимая женский обычай, волосы свои завивали, и в одежды женские одевались, и щеки румянили, и глаза подводили, и маслом пахучим обливались, и к множеству блуда, и к незаконному наслаждению обращались, и друг с другом, как с женщинами, предавались похоти. Кружились эти разбойники по городу, как по дому для прелюбодейства, и осквернились всякими нечистыми делами. Женщин вид принимали, руки же в крови были у них. Походкой для смеха изображали женщин, внезапно же оказывались убийцами. Меч проверить вынимали и тех, кто попался на пути, убивали.

И если кто мог убежать из Иерусалима от внутреннего мучителя, Иоанна, тот попадал в руки внешнего мучителя, Симона, и совсем отрезан был путь для тех людей, кто желал к римлянам бежать.

В городе же восстало войско против Иоанна. Все иудеи, сколько их было в войске, восстали на мучителя, ненавидя его за его жестокость. И сошлись иудеи с ревнителями и много их убили, а остальные бежали в царский дворец, и оттуда их выгнали, и бежали они в храм. Иудеи же разграбили богатство Иоанна, ибо в том доме было хранилище кровавых сокровищ его. И те ревнители, что были разбросаны по городу, тогда собрались и пришли к своим в храм.

И готовился Иоанн идти с ревнителями против народа и против иудеев. Народ же и иудеи боялись восстания ревнителей, и отчаяния их, и устроили совет с первосвященниками, на котором решали, как убежать от ревнителей, чтобы не напали они внезапно, и не перебили народ, и город не подожгли. Бог же попустил, чтобы решение их было во зло, и чтобы то, в чем они искали спасения, обернулось погибелью. И, желая падения Иоанна, задумали жители Иерусалима к Симону послать с прошением, чтобы вошел в город и спас их. Не ведали они, что жестокого мучителя приглашали на свою погибель.

И закончили жители Иерусалима совет свой, и послали Матфея первосвященника к тому, кого до этого боялись. Симон же с гордостью выслушал их и вошел как владыка, чтобы избавить город от ревнителей, и приветствовал его народ как спасителя и заступника. Симон же стал заботиться не о людях, но о себе, о том, как ему властвовать одному, и одинаково считал врагами и тех, кто его звал, и тех, против кого его звали.

Иоанн же и ревнители, запертые отовсюду, так что не имели необходимого, отчаялись, и встали они на крытых переходах и стенах храма, и сражались с Симоном, и многих из народа убили, поскольку сверху били.

Построили ревнители еще 4 башни высокие, чтобы без опасения бить с них. Располагались башни над тем помещением храма, в котором один из первосвященников стоял по обычаю, и трубил в трубу вечером, когда начинается день покоя, и на следующий вечер, когда день покоя кончается, этими знаками указывая людям, когда время работать, а когда праздновать.

И поставили ревнители на башнях метательные орудия, и стрельцов, и метателей копий. Симон же видел, что его бойцы сломлены бьющими с высоты и через силу продолжал сражение.

Начало царствования Веспасиана

В Риме же приключилась в то время беда страшная. Римские войска, которые из Германии пришли на помощь Вителлию, увидели, как богато живут римские жители, и стали их грабить.

И пришли вести к Веспасиану о римском мятеже и о том, что стал императором Вителлий. И печален и гневен был Веспасиан, и не хотел признать владыкой того, кто напал на всеми покинутый Рим. И не мог этого терпеть Веспасиан, не мог он продолжать войну с чужеземцами, когда свое отечество разорено было. Гнев же побуждал Веспасиана мстить Вителлию, но то, что Веспасиан был от Рима далеко, а море было беспокойным, останавливало Веспасиана.

И узнали военачальники Веспасиана о смене власти, и каждый из них со своими воинами размышлял об этом, и собрались все, и в гнев шумели, и говорили: «Дико это и неуютно Небу и земле! Те, кто всегда в роскоши и в наслаждениях живут и не слышат даже слова "война", они же и ставят, кого хотят, в императоры, и, гонясь за подарками, того делают самодержцем, кто им больше дает. Мы же столько лишений потерпели, в шлемах состарились, а другим уступаем право выбирать власть. Но есть у нас человек, который заслуживает власти больше других. Пришло время отплатить полководцу нашему за его милость к нам. Если эти дни упустим, то неизвестно, когда других дождемся. Веспасиан достойнее Вителлия и крепостью, и опытом, и доблестью. Также и мы лучше тех, которые Вителлия поставили. Ибо мы не меньше их войн перенесли, и не меньше их земель завоевали. Да и вельможи римские не покорятся невоздержанности Вителлия и не захотят мучителя жестокого вместо доброго повелителя. Не найдут заступника дети лучше отца. Если же царь при своем величии, еще и доброжелателен, и превосходит подчиненных умом, то можно быть уверенным, что будет он полезен для городов империи. Если опыт старости нужен для власти, то есть он у Веспасиана. Если же храбрость юности понадобится, то кто Тита, наследника его, крепче? Поддержат наш выбор не только римские вои-

ны здесь, но и соседние цари, и римские войска в Европе и в восточных странах. В Италии же помогут нам родственники Веспасиана: брат и второй сын, первого послушают воины его, ко второму присоединятся сыновья вельмож. Если же мы и еще помедлим, то сами римские советники пошлют и поставят в императоры того, кем мы, находясь рядом, пренебрегаем». Так говорили военачальники Веспасиана и при всеобщем одобрении провозгласили его императором и просили принять правление и спасти тех, кто в беде оказался. Веспасиан же удручен был и раньше тем, что происходило в его отечестве, но не желал сам властвовать. Хотя по своим деяниям он и считал себя достойным власти, но предпочитал надежную жизнь подчиненного, нежели тревожную жизнь властителя. И отказывался Веспасиан решительно, военачальники же напирали на него и понуждали. И обступили Веспасиана воины с обнаженными мечами, и убить его угрожали, если он не примет звания императора. Веспасиан же долго с ними спорил и не хотел тяжесть эту возложить на себя. Но поскольку слушались его воины, то в этот раз послушался и он их. И сначала Веспасиан решил закрепить за собой Александрию, ибо знал он, что Египет это важнейшая часть империи, поскольку пшеницу оттуда возили в Рим, и если он займет Александрию и приостановит вывоз зерна в Рим, то правление Вителлия неизбежно рухнет, поскольку римляне не захотят терпеть голод; либо они выгонят Вителлия, либо убьют. Знал также Веспасиан, что Египет — надежная земля, и если приключится какая-нибудь непредвиденная беда, то он будет в безопасности, ибо по берегу не пройти — пустыня безводная, а по морю идти — пристани нет, а по рекам — пороги страшные.

Потому и желал Веспасиан получить Египет для укрепления своей власти. И тогда послал он к Тиберию, который управлял Египтом и Александрией, и сообщил ему о доблести войска, и о том, что сам по нужде впрягся в ярмо императорства, и что хотел бы Веспасиан, чтобы был Тиберий помощником ему.

Тиберий прочитал послание и обрадовался весьма, и войску и народу повелел присягнуть в верности Веспасиану и подготовить все, что нужно, к его приходу.

И быстрее мысли оповещались восточные самодержцы о провозглашении Веспасиана императором, и все города с радостью принимали эту добрую весть, и праздновали, и жертвы о Веспасиане приносили. Римские войска в Мезии и Паннонии, которые до этого за Вителлия были, с большой радостью приняли Веспасиана.

Веспасиан же вышел из Цезареи и пошел к Бериту, где многие послы пришли из Сирии, а также из других областей, и принесли Веспасиану венец золотой и радостные приветственные послания. И тогда понял

Веспасиан, что не без Божьего промысла к нему пришла власть, справедливость судьбы предоставила ему быть самодержцем.

И вспомнил Веспасиан знамения и пророчество Иосифа, когда тот еще при жизни Нерона дерзал называть Веспасиана императором. И устыдился полководец, что человека этого в оковах держит. И призвал Веспасиан Муциана и других военачальников и сообщил им о том, как Иосиф пророчествовал ему, и сказал: «Тогда я думал, что он лжет из-за страха. Теперь же время показало, что он был прав, и все, им предсказанное, исполнилось. Дико держать в плену и в оковах того, кто предсказал мне власть и выразил Божественную волю». И призвал Веспасиан Иосифа и велел расковать его. Тит же сказал ему: «Хорошо бы, отец, и позор снять с Иосифа. Если же не раскуем его оковы, но разрубим, то будет он, как бы и не окован был изначально». И повелел так Веспасиан, и разрубили Иосифу оковы. Иосиф же принял эту честь, и стали верить тому, что он говорил о будущем.

Веспасиан же послал Муциана в Италию и дал ему конных и пеших воинов много. Муциан же побоялся в зимние дни идти морем и берегом повел воинов своих через Каппадокию и Фригию.

Тогда же и Антоний, сторонник Веспасиана, с третьим полком из Мезии ополчился против Вителлия.

И послал Вителлий против Антония Цецинну, потому что надеялся на него как на победителя Отона. Цецинна же из Рима пошел скоро и сошелся с Антонием в Галлии, и увидел множество неприятелей, а также мудрость и силу военачальников, и не посмел биться с ними. Посчитал же Цецинна, что страшно бежать, и о предательстве стал помышлять. И собрал он сотников своих и тысяцких, и подговаривал их покориться Антонию, и укорял Вителлия, а силу Веспасиана превозносил, и говорил: «Лучше присоединиться к Веспасиану и не подвергать себя опасности, нежели в безумии испытывать силу оружия. Веспасиан может и без нас покорить всех. Вителлий же даже с нами не спасет себя». Много такого говорил Цецинна и убедил их, и присоединились они к Антонию.

В ту же ночь напало на воинов Цецинны раскаяние в том, что они изменили Вителлию и перешли на сторону Антония и Веспасиана, и испугались они пославшего их Вителлия, который, если победит, убьет их. И обнажили воины мечи свои и устремились на Цецинну, чтобы убить его. И убили бы они его, если бы не упросили их сотники пощадить Цецинну. Воины же послушали сотников и не убили Цецинну, но заковали его, как предателя, и послали к Вителлию.

И пришла весть об этом к Антонию, и сразу же он поднял воинов своих и пошел с оружием на отступников и бился с ними. Воины же

Вителлия немного противились Антонию, потом же бежали в Кремону, город на границе Галлии и Италии. Антоний же перекрыл им все пути к отступлению и большую их часть изрубил перед городом, и город отдал своим воинам на разграбление. И многие приезжие купцы и местные жители Кремоны ограблены были. И все воины Вителлия, 30 200 человек, убиты были. А воинов Антония было убито 4500 человек.

И освободил Антоний Цецинну и послал его к Веспасиану, чтобы известить его о том, что произошло. И пришел Цецинна к Веспасиану, и принят был, и позор его предательства покрыл Веспасиан большим почетом. Поскольку был близко Антоний к Риму,

Сабин, брат Веспасиана, бывший в Риме, почувствовал себя уверенно, и собрал ночных стражников, и вошел с ними в Капитолий, самое верхнее место города. И днем многие лучшие люди Рима присоединились к Сабину. Также был там и племянник его Домициан, сын Веспасиана, на влияние которого и надеялись те, кто выступил против Вителлия в Риме.

Вителлия же мало беспокоил Антоний, но гневался он на тех, кто выступил против него в Риме, с Сабиним. Со своей обычной жестокостью Вителлий желал крови благородных римлян и направил на Капитолий все войско, которое у него было.

И большое сражение было в Капитолии между сторонниками Веспасиана, возглавляемыми Сабиним и Домицианом, и Вителлием с воинами, которых он привел из Германии. Последних было в три раза больше, чем первых, и Вителлий победил. Домициан же и другие лучшие люди бежали, а защищавшие их воины все порублены были.

А Сабина привели к Вителлию и убили. И воины Вителлия разграбили Капитолий, и храм Юпитера сожгли.

Через день прискакал Антоний с воинами своими, и встретили его войска Вителлия, и вышли из города, и в трех местах сошлись с неприятелем, и разбиты были все войска Вителлия.

Вителлий же вышел из дворца пьяным. Отчаялся он и напился и наелся как в последний раз. И приволокли его на середину города, и нанесли ему множество ран, и зарубили его. Императором Вителлий был 8 месяцев и 5 дней. Если бы продолжилась жизнь его, то не хватило бы всей империи для его невоздержанности и пьянства. Воинов же Вителлия убито было 150 000 в третий день месяца апеллая, то есть декабря.

И потом Муциан, военачальник Веспасиана, вошел в Рим с воинами и поставил Домициана правителем до прихода его отца, Веспасиана. Народ же, избавившись от страха перед Вителлием, назвал Веспасиана

императором и славил его. И послали Веспасиану радостную весть о том, что произошло в Риме.

Веспасиан же сам управлялся с Александрией, а Титу с избранными воинами поручил взять Иерусалим.

И Тит пошел по берегу из Никополиса в Ираклеополь, а оттуда — в Пелузию и далее в Остракину, где никогда нет воды, а оттуда в Газу, и в Аскалон, и в Иоппию, а оттуда пришел в Цезарею, и послал вестников, чтобы собрались к нему туда все остальные войска.

Книга 5-я, того же Иосифа, о завоевании Иерусалима

Тит же собрал воинов, как мы сказали. Когда же Бог поручил отцу его область новую — Александрию, поднялся мятеж еще больший в Иерусалиме. И разделился Иерусалим на три части: ревнители с разбойниками из города воевали, а против и тех, и других был Симон Нигер. И рождались от мятежа мятежи. Как зверь в бешенстве зубы на свое же тело обращает, также и эти свою руку на своих сродников направили.

И ревнители заняли храм, а Иоанн, то есть Иоханан, — средний город, Симон же Нигер — нижний. Иоанн же между врагами находился. На тех неприятелей, что засели в храме, он направил орудия для метания камней и копий и так сражался с ними. И много людей этими орудиями убито было: как тех, кто сражался, так и тех, кто служил Богу и приносил жертвы.

Ибо при всем своем нечестии мятежники пускали в храм тех, кто желал принести жертву Богу. Жителей Иерусалима пускали под охраной, а иудеев, приходивших из других мест, пускали без охраны. Запускаемые камни и копья с силой прилетали и попадали и в приносивших жертвы, и в жертвенники, и в алтарь, и в сам храм. И многие из тех, кто потрудился с разных концов земли прийти к преславному и всеми людьми почитаемому месту и жертву принести, те сами перед своими жертвами падали замертво во время жертвоприношения. Алтарь, которому поклонялись эллины и чужеземцы, осквернился кровью местных жителей. И смешались трупы иудейские с трупами иноплеменников, и трупы священников с трупами нечестивцев. И смешанная кровь стояла в святом месте, как озеро. О, страдалец город! Когда-нибудь такое осквернение ты получал от римлян? Напротив, пришли они очистить скверность твою. Поскольку превратился ты в гроб для своих жителей и наполнился кровью раздоров. Можешь ты, Иерусалим, снова быть лучшим, если попросишь Бога и смиришься перед Тем, кого отметал, не узнав Его. Но надлежит мне удержаться от плача и продолжить свое описание, ибо

сейчас не для рыданий время, но для рассказа о том, что было. Опишу же и остальные деяния мятежников.

Симон же Нигер, когда бился с Иоанном, то есть Иохананом, пожег все здания с пшеницей, которой бы хватило больше, чем на 20 лет, этим он перерезал жилы городу и город передал в руки чужеземцев. Враждовавшие мятежники терзали и разрывали народ, как огромное тело. Старики же и женщины не могли терпеть внутренних бедствий и молили, чтобы напало на них внешнее войско. Этим одним они надеялись освободиться от обступивших их бед. И не смели плакать те, кто страдал, о своих страданиях, но, затворившись, чтобы не услышал никто, с ужасом стенали.

Мятежники же ходили по трупам, как по стогам, и бились. Иоанн же, то есть Иоханан, из дерева, приготовленного для храма, делал метательные орудия.

Ибо решили первосвященники, и с народом, перед этим временем укрепить храм и поднять его стены на двадцать локтей. И привез из Ливана царь Агриппа необходимый для этого строевой лес, прекрасный на вид, и прямой, в большом количестве, и много потратил на это золота и труда. И когда наступили раздоры, Иоанн, то есть Иоханан, порубил этот строевой лес.

И сделал Иоанн метательные орудия и башни в количестве, необходимом ему для войны. Эти незаконные строения, как Иоанн надеялся, помогут ему победить внутренних врагов. Бог же сделал напрасным труд Иоанна и привел Тита с римлянами до начала боя между мятежниками.

Тит же собрал воинов своих и за дальними полками послал, и пошел из Цезареи с тремя полками передовыми, с которыми отец Тита разорил Иудею. Был с Титом и 12-й полк, который, когда еще Цестий руководил войском, был побежден иудеями, но славился этот полк своим мужеством, и помнили бойцы позор прежний, и пришли, бодрые, желая отомстить. Пятому полку повелел Тит встретить его в Аммаусе, а десятому в Иерихоне.

Дали Титу и окрестные цари воинов в помощь, которые пришли на место тех, кого послал Веспасиан в Италию. Пришел же к Титу и Тиберий Александр. Был же он прежде властителем Египта, а теперь Тит сделал его главой военачальников, поскольку Тиберий самым первым почтил и признал отца Тита императором, а также возрастом и опытом воинской службы превосходил всех.

И вошел Тит в землю неприятеля. Сначала шли воины, посланные царями, и все силы помощников, за ними шли устроители дорог, и гнали выючный скот, и везли имущество военачальников, и ехали воины. За-

тем ехал Тит с избранными воинами и копьеносцами, а за Титом ехали конники. Затем везлись камнемётные орудия, и «бараны», и другие все стенобитные орудия. Затем ехали тысяцкие, и военачальники, и вельможи. Потом несли знамена, и изображение орла, и прочее. Перед знаменами же шли трубачи. А за ними шли пешие воины по шесть человек в ряд. Далее шли рабочие, и слуги, и наемники, а за ними стражники, прикрывавшие тыл. Так двигалось войско в полном порядке, как было в обычае у римлян. И прошли они Самарию, и там пробыли день один. И оттуда перешли к селению Гаватсаула, что значит «гора Саула», расположенному вблизи Тернового Устья, от Иерусалима в тридцати верстах.

И взял там Тит 600 конников избранных и объезжал вокруг Иерусалима, и осматривал его укрепления, и изучал настроение иудеев, не испугаются ли они вида его и не сдадутся ли до пролития крови. Известно же было Титу, что горожане хотят мира, но боятся мятежников и не могут противиться им, а потому молчат.

И пока Тит по главной дороге ехал к стенам, никто не появлялся перед городом. Когда же Тит повернул коня возле стены и поехал к башне Музийной, выбежало внезапно из города множество иудеев, напротив Женских башен, из ворот, что возле гробницы Елены. И поскакали иудеи наперерез конникам, и не дали соединиться задним с передними, и Тита с немногими воинами окружили, так что не могли они идти вперед, ибо рвы и ограды не давали им это сделать, и из-за преграждавших путь мятежников к своим вернуться тоже не могли. Так окружили Тита с немногими воинами неприятели. А те, которые за Титом шли и еще на дороге были, беды Тита не знали и разбежались.

Тит же увидел, что от него самого зависит теперь его спасение, и повернул коня, и тех воинов, что были с ним рядом, окликнул, и двинулся на неприятеля, и стал силой пробиваться к своим. И тогда размышлял я про себя, что то, кому победить и когда царю пасть, решается Божьим Промыслом. Ибо столько стрел и копий было пущено в Тита! Он же был без шлема, и без брони, и без щита, так как посмотреть город поехал, а не на битву. И не задело его ничто, но напрасно все пролетало мимо и падало, не рая Тита. У него же только меч один в руке был, и им одним Тит рубил, некоторых прямо, некоторых сбоку, и через павших перескакивал. Неприятели же кричали, видя крепость царя, и друг друга призывали на него. И на них устремлялся Тит, и бежали они, и расступались, и открыли дорогу Титу, и вышел он с немногими воинами своими к стану.

Только два из тех воинов, что были с Титом, убиты были. И возгордились иудеи, что чуть было Тита не взяли, и вошли в город с весельем, и оттого обратились к большим надеждам. Император же оттуда

поднялся и окопался на месте, называемом Сторожевое. Находится это место на холме, и можно оттуда видеть и узнать расположение построек и храма, огромного и сияющего, ибо северная сторона города в низине была. И взшел Тит на гору Елеонскую, которая от Иерусалима в шести верстах, и там повелел окопаться на востоке от города. Обступает же эту гору большое ущелье, называемое Кедрон.

Горожане же, которые рубились беспрестанно между собой, тогда, увидев внешнего врага, оставили внутренние раздоры и с боязнью смотрели на римлян, как те окопались в трех местах. Тогда иудеи для напрасного дела, то есть для противостояния римлянам, стали к единомыслию приходить, и друг к другу обращались, и говорили: «Чего ждем? Зачем медлим? С трех сторон огораживают дыхание наше, и война обрушивается на нас со всей силой. А нам сколько еще сидеть внутри города, как на представлении, как будто то, что мы видим, весьма полезные для нас вещи? Сколько еще руки наши опущены будут и оружие заброшено? Разве мы только в войне друг с другом способны на храбрость? О, безумие наше! Неужели римляне из-за нашего безумия и раздоров возьмут город без крови и без пота?»

И так объединились враждующие мятежники в Иерусалиме, и друг друга подбадривали, и, вооружившись, выбежали по незаметному ущелью, и подкрались к неприятелю, и с воплем несказанным напали на 10-й полк, когда тот делал себе ограждение. Римляне в то время отложили оружие и были заняты работами, и не ожидали от иудеев движения и вылазки. И смятение было среди римлян, одни бежали, другие устремились к оружию и, не успев поднять его на врагов, убиты были.

Другие иудеи, видя, что их воины побеждают, прибежали к ним на помощь. Римляне же бежали и думали, что иудеев больше, чем их было на самом деле. И победа пришла к иудеям, и везение было на их стороне. Римский же обычай — все делать по порядку и сражаться, предупреждая противника звуками трубы. Потому беспорядок внезапный привел в смятение римских воинов, и они разбежались. И когда настигали их иудеи, тогда уже, обернувшись, сражались римляне с ними.

Видели же римляне, что все больше прибывает иудеев, и из стана бежали, и погибли бы они окончательно, если бы не поспешил Тит к ним, когда получил весть о них. И пришел Тит, и посмеялся их слабости и трусости, и заставил развернуться бежавших, и сам с избранными воинами напал на иудеев сбоку, и многих убил, а еще больше ранил.

И отбросил Тит иудеев к ущелью, и те сильно пострадали по склонам, и, перейдя на другую сторону, развернулись и бились с римлянами до полудня, а между ними ущелье было.

Тит же собрал воинов своих и стал возвращаться к стану. Иудеи же думали, что он спасается бегством. И стражник, стоявший на городской стене, дал им знак. И бросились люди, и бесчисленное множество их было, и так они устремились, как будто звери гонимые дикие. И никто из вооружившихся римлян не выдержал натиска их, но как метательными орудиями сметены были римляне и разбежались по горам.

И остался Тит на склоне горы с небольшим войском, и вельможи просили его отступить перед теми, кто ищет смерти, и не лезть на рожон, и не ездить перед воинами как воитель. Советовали вельможи Титу не забывать ни того, кем ему посчастливилось быть, ни сана своего, и избегать смерти скорой, поскольку на него все надеются, поскольку он — владыка войны и всей вселенной. Тит же делал вид, что не слышит их, и противился бегущим на него иудеям, и лицом к лицу рубился с ними, и убивал их. Иудеи же убегали от Тита по склону и нападали сверху на преследователей. Тит же поспешил на помощь тем, которые на горе стены делали, ибо увидели они своих воинов отступающими, и смутились весьма.

И бежали римляне, поскольку считали нестерпимым натиск иудеев, а Тита бежавшим.

И как будто бесами гонимые, кинулись римляне врассыпную и бежали с криком. Но затем некоторые увидели, что полководец не бежал, но среди неприятелей находится, и стали сообщать римские воины друг другу об этом, и возвратились они, и боялись за императора, и укоряли себя, что оставили его и разбежались.

И со всей силы надавили тогда римляне на иудеев и отбросили их со склона, и отогнали их в долину; те же, понемногу отступая, отбивались. И римляне стали одолевать, поскольку сверху бились и отогнали всех иудеев к ущелью.

И снова Тит послал полк на горожан. Сам же стоял с теми, кто и раньше отбивал неприятелей. Если нам ничего не прибавлять ради лести и не отнимать ради зависти, но говорить правду, то дважды тогда Тит спас всех воинов своих из рук иудейских. Затем Тит повелел работникам без опасения продолжать делать заграждения свои.

В 14-й день месяца ксантика, то есть апреля, настал праздник Опресноков, в который вспоминали иудеи свое спасение из Египта. Ревнителю открыли ворота храма, чтобы запустить народ, который пришел на поклонение в праздник. Иоанн же, то есть Иоханан, хотел воспользоваться праздником для осуществления злых намерений своих. И вооружил Иоанн своих воинов и велел им тайно пронести оружие под одеждами и пройти внутрь храма как будто для поклонения, а в храме скинуть верхние одежды, и обнажить мечи, и устроить побоище. И как

говорил Иоанн своим людям, так они и сделали. И был в храме вместо праздника вопль. Ревнителю же соскочили со стен и бежали в подземелья храма, и оттуда они поклялись в верности Иоанну и прощены были. Иоанн же, то есть Иоханан, внутренний храм занял и готовился бороться с Симоном Нигером. Так, вместо трех сторон, участвовавших в раздорах внутри города, осталось две.

Тит же хотел окопаться возле города, и поставил он избранных конников и пеших воинов, чтобы они бились с теми, кто выбегал из города, а прочим воинам повелел землю выравнивать от стана до стен города. Тогда воины сравнивали с землей и разломали всякие ограждения, и порубили деревья, плодовые и красивые, которые были насажены местными жителями. Каменные места выравнивали с помощью железных орудий. Тем, что было сломано, заполнялись ущелья, и овраги, и ямы от места Сторожевого и до гробницы Ирода, которая находилась возле купальницы Змеевой.

Иудеи же такую хитрость сделали римлянам. Вышла тысяча иудеев перед городом, и кружились они возле Женской башни, как будто они были выгнаны горожанами, желающими мира, и делали вид, что боятся и просят о пощаде. А те иудеи, что стояли на стенах города, притворялись, как будто бьют этих вышедших и прогоняют от себя. И стали иудеи со стен к римлянам руки протягивать и кланяться им, чтобы они пришли и вошли в город, ибо злодеи изгнаны, а ворота открыты. Римляне же увидели просьбу их и не догадались об обмане, но верили иудеям, и пошли внешних схватить и в город войти. Тит же сомневался и удивлялся внезапной перемене иудеев и велел воинам, чтобы не шли они к городу.

Но не дождалось некоторые из работавших вблизи города воинов этого указания, и схватили оружие, и пошли к городу. Те же иудеи, что притворялись выгнанными, сначала побежали, и, когда римские воины были между ними и стенами, вышли иудеи и окружили прибежавших римлян, и порубили их, а со стен камни бросали на них, и убили многих из них. Если же из раненых римлян и бежал кто, то поражали их иудеи до гробницы Елены. И возвратились иудеи в Иерусалим с гордостью, и смеялись, и издевались над римлянами, которые поддались на их обман, и поднимали иудеи щиты, и плясали радостно.

На воинов же непослушных разгневались военачальники и император. Сказал же Тит воинам: «Смотрите, иудеи, которые отчаялись уже остаться в живых и не имеют у себя повелителя, но все с умыслом и с рассуждением делают, и обманывают нас, и слушают друг друга. А потому и удача сопутствует им. Вы же привыкли в приказаниях и в порядке быть, и слушаться полководца, и воеводам покоряться. Теперь же

вас победили противники из-за жадности вашей. Громко вопиет против вас воинский закон. Осудит вас и отец мой, когда сообщат ему об этом поражении, ибо он состарился в боях, но ни разу не совершил такой ошибки. Закон же воинский осуждает на смерть тех, кто нарушает порядок. Теперь же я вижу, при моем правлении, целый полк нарушил порядок. Но знайте же, бесстыдные и непокорные, что даже если кто из римлян и победит противника, но без повеления это сделает, то славы не получит». Из этих его слов было ясно, что он всех провинившихся хочет предать законному суду, так что они пали духом, ожидая казни справедливой.

И обступили Тита военачальники и заступались за воинов, чтобы не погубил он незначительное число ослушников ради множества тех, что оказались послушными, а ослушники загладят вину свою будущей храбростью. И послушался этого совета император, и ради просьбы их, и ради пользы. Если бы один провинился, то можно было бы на деле наказание исполнить. Если же виновных множество, тогда достаточно только словесного наказания. И простил Тит воинам это согрешение и наставил их, чтобы были вперед умнее и не поддавались обману, как дети. И стал думать Тит, как отомстить иудеям за обман. И за четыре дня выровняли все места от стана до стен.

Затем Тит поставил напротив стен самых крепких воинов: впереди три ряда пеших, затем три ряда конных, и седьмой ряд — стрельцы. И так обступили всюду римляне, и без опасности подтянули вьючных животных, и еду, и имущество.

Тит же окопался напротив башни Музийной, а остальные воины встали напротив башни Конной, десятый же полк остался на горе Елеонской.

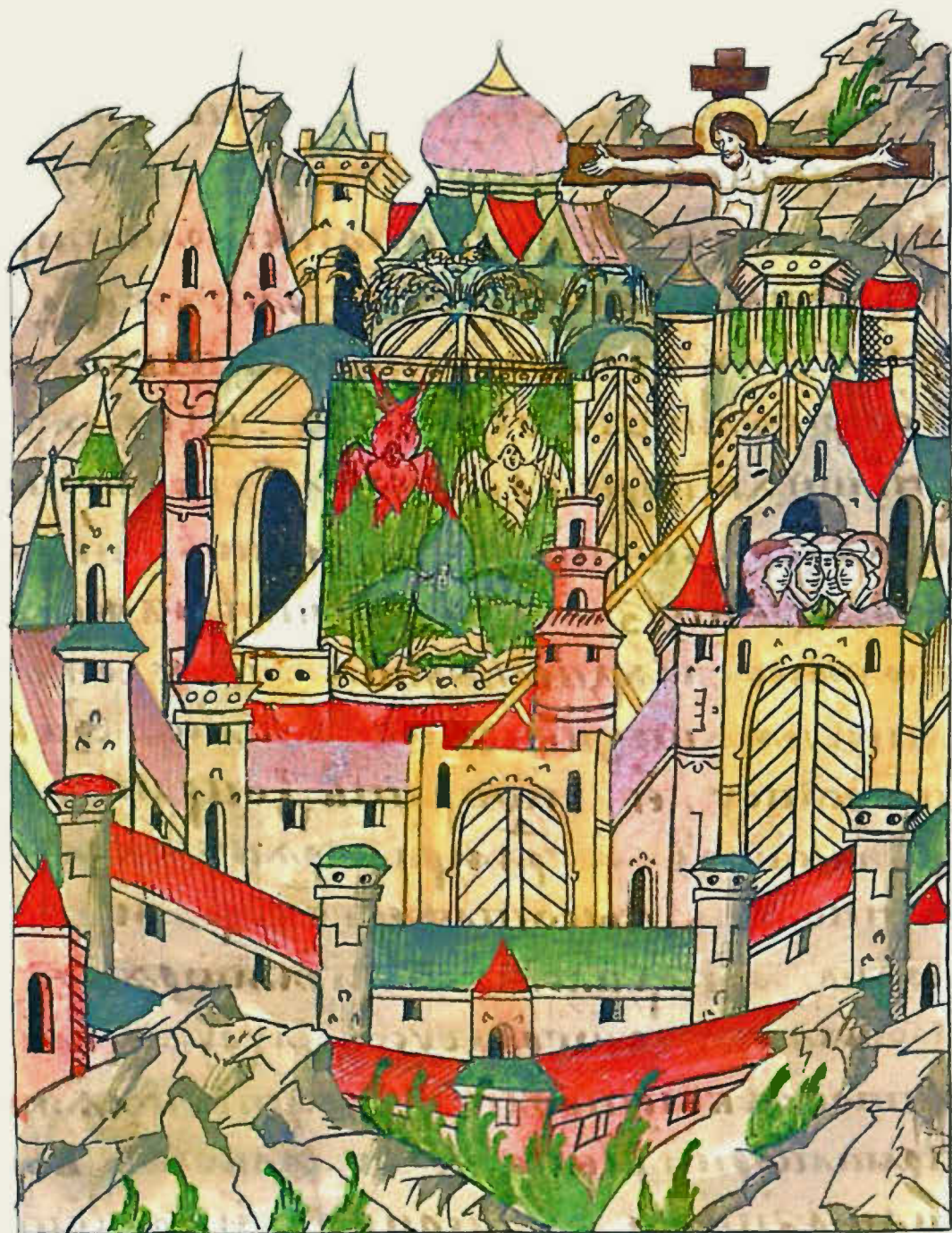
Город же Иерусалим был огорожен тремя стенами там, где не было глубоких ущелий. В тех же местах, где такие ущелья были, там была одна стена. Сам же город построен был на двух холмах, а между холмами ущелье было, в котором находилась часть домов. Из этих холмов один был выше и длиннее, на нем же расположен Верхний город. Царь Давид, отец Соломона, создавшего первый храм, назвал Верхний город Сионом, то есть Хранителем, поскольку был он укреплен. Второй же холм называли Акрой, на нем же был построен Нижний город на двух буграх, между которыми было ущелье глубокое. Потом же, в годы царствования Асмонеев, ущелье это заполнили, чтобы соединить город на одном бугре с храмом на другом. После этого возвышение города железными орудиями срезали и сделали его ниже, чтобы оказалась выше верхушка храма. Порождавшее сырость ущелье, которое мы упоминали, между холмами доходило до Силоама. Так назывался пресный и изобильный колодец. Вокруг иерусалимские холмы были окружены

ущельями страшными, делавшими город со всех сторон неприступным. Из трех же стен первая создана была Давидом и Соломоном. Была она тверда и неприступна. И начинается эта стена от Конной башни. Вторая же стена начинается от ворот Генната и идет до Антониевой башни, где и кончается. Третья же стена идет от Конной башни до Музийной и кончается у гробницы Елены и царских пещер, где была гробница Гнафея. Этой новой стеной Агриппа окружал внешнюю крепость, и назвалась она Безетой, или Новым городом. Но не dokonчил этого дела Агриппа, так как побоялся императора Клавдия, чтобы не подумал он, что столь крупное сооружение затеяно для того, чтобы римляне не смогли взять города этого. Если бы Агриппа dokonчил стены, как начал, — ибо строил он их из камней по двадцать локтей в толщину, и по десяти в ширину, — то ни железными орудиями нельзя было бы эту стену рассечь, ни «баранами» сдвинуть. Но Агриппа не закончил этого дела, как мы сказали, опасаясь подозрений римлян. Иудеи подняли стену до двадцати пяти локтей. Храм создан был на холме высоком, на ровной вершине его. Вокруг же холма были ущелья большие. Царь же Соломон стены построил с восточной стороны, и насыпь сделал, и на ней переходы крытые. С других же сторон не защищен был храм. И люди в последующие времена все присыпали землю и выровняли холм, и расширили, и разрубили южные стены, и оттуда огородили земли, прилегающие к храму, и так огородили холм кругом. И трудились иудеи сверх меры и сотворили дело славное, на которое долгие века ушли и священное сокровище, которое присылалось со всей вселенной, чтобы почтить Бога. А где глубокие места были, там в 300 локтей было основание храма, сделанное из камней в 40 локтей толщиной. Множество же средств и помощь людей произвели такое строительство, которое превышало все, о чем помышляли и говорили. И только те, кто видели это, верили, а те, кто слышали, не могли поверить. Вверху же храма двойные крытые переходы были сделаны, столбы же каменные в них, по двадцать пять локтей в высоту, из цельных кусков мрамора белого сделаны. Покрытие же переходов было из кедровых досок, хорошо отесанных и очень красивых от природы, так что тот, кто смотрел на них, не мог скоро отвести глаз своих от них: казалось, что это рукотворная роспись, хотя это не было сделано руками человека. Стены шли по кругу, на 6 верст. Двор непокрытый украшен был разными камнями и вымощен. Оттуда был подъем ко второму храму, вдоль которого шла каменная ограда три локтя высотой и на вид приятная весьма, в которой столбы стояли на равном расстоянии друг от друга, и на них надписи были греческие, римские и еврейские, сообщавшие закон о чистоте и о том, чтобы не входил внутрь иноплеменник. Место же то называлось святым, и 14 ступеней вели к нему, и в

4 угла оно было сделано сверху. А над этими надписями четвертая надпись висела. Те надписи называли Исуса царем.

Об Иисусе, когда Его пригвоздили на кресте

То был Царь нецарствовавший, распятый иудеями, поскольку предсказывал разрушение города и запустение. И на восточную сторону ворота были и место, предназначенное для служения и моления женщин. Другими же дверями нельзя было женщинам входить, ни ходить за ограждения. С западной же стороны не было ворот, но от края и до края было огорожено стенами. Переходы же крытые между воротами, которые шли с внутренней стороны стены, перед казнохранилищем, на больших столбах мраморных стояли. Из ворот же 9 золотом и серебром окованы были, также и столбы воротные, и притолока. Одни же ворота внешние коринфской медью окованы были, и эти ворота были богаче и роскошнее серебряных и позолоченных. У всех ворот по две створки было, 30 локтей в высоту, а в ширину 15, и от ворот до ворот 30 локтей. И ограды были наподобие башен, высотой же более 40 локтей. И по два столба мраморных у каждой ограды стояло, и величина всех была одинаковой. Восточные же ворота, коринфские, 50 локтей были в высоту, а двери 40 локтей, на которых толстым слоем золото и серебро было, лучше, чем на всех других. 9 ворот оковал Александр, отец Тиберия. Ступеней же 50 до Больших ворот от места, где молились женщины, было. Сам же храм в середине стоял, святое место священное, двенадцать ступеней вели к нему. Высота же храма средняя была 100 локтей и выше, и в ширину также. Задняя же часть храма была на 40 локтей уже. Первые же ворота были в высоту 70 локтей, а в ширину двадцать пять, дверей же не было, это было подобием невидимого Неба. Позолочены же были эти ворота полностью. И поклонявшимся видно было все внутри помещения, и все там сияло золотом. Этот же храм был покрыт и был разделен надвое. И первый храм впереди стоял и поднимался на большую высоту до 90 локтей, а шириной он был в 50 локтей, а в длину до 20 локтей. Висели же над воротами в этот храм лозы золотые, а на них были грозди золотые, выше человеческого роста. Внутри же храма двери были из чистого золота, 55 локтей в высоту, а в ширину 16. Перед ними же висела завеса, или катапетазма, той же ширины и длины, что и двери. Была же она из паволоки вавилонской и украшена гиацинтом, и виссоном, и коком, и порфиром, и чудна была видом. И не без мудрости была сделана, но для изображения всего: ибо кок обозначал огонь, а виссон — землю, а гиацинт — воздух, порфир же — воду. Кок же и гиацинт видом своим напоминают один огонь, другой воздух, а виссон и порфир рождением своим близки один к земле, а другой к воде. Изобра-

жено же было на той завесе всякое небесное движение и знание, кроме двенадцати кругов небесных.

О завесе, и об Иисусе, и о страже

Завеса же до этого рода была целой, поскольку благочестивы были люди. А теперь жалко было смотреть на нее, ибо разодрана была внезапно сверху донизу, когда добродетельного Человека, а по делам Бога, предали смерти за плату. О других же многих знамениях страшных рассказывают, которые были тогда. Того Убитого после погребения не нашли в гробе. Говорили одни, что Он воскрес, другие же, что Его украли друзья Его. Не знаю, кто из них правду говорит. Ибо восстать мертвый сам по себе не может, но только с помощью и по молитве праведника, или если он ангелом будет, или кем-нибудь другим из Небесных сил, или, наконец, если сам Бог явится, как человек, и сделает так, как хочет: и будет ходить с людьми, и падет, и ляжет, и встанет, как Ему угодно. Одни же говорили, что нельзя было украсть Его, поскольку вокруг гроба его поставили стражников, тысячу римлян, и тысячу иудеев. Вот что об этой завесе рассказывают, и вот по какой причине разодрана она. Те, что проходили внутрь, попадали в помещение храма, которого высота 60 локтей, а длина такая же, ширина же 20 локтей. Помещение же это в шестьдесят локтей делилось надвое. Первое же — в 40 локтей. В нем же было 3 изделия чудесных, известных всем людям: светильник, и престол, и кадила. На светильнике же было 7 свечей, по числу семи тел небесных, называемых планетами; а на престоле было 12 хлебов, по числу кругов небесных, образующих год. На кадилах было 13 благовоний, которые были собраны со всех морей, и со всей вселенной, и со всех пустынь, и означали эти благовония, что все от Бога и к Богу. Внутреннее же место, в 20 локтей, невидимо было из-за другой завесы, и ничего в нем ни стояло, ни лежало, и не входили туда, и не оскверняли, и закрыто оно было от глаз всех. Называлось это место Святая Святых. И возле нижнего храма, с боков, тесно стояли множество домов трехъярусных. На верхней же стороне не такие были дома, поскольку там было тесно. Спереди на храм смотреть было страшно и глазам и душам, ибо золотыми листами толстыми оковано было всюду, и отражалось солнечное сияние, и огненный вид все это имело. Как на ясное солнце нельзя смотреть, так прикрывал глаза любой, кто хотел смотреть на храм. Пришельцам же, которые на храм смотрели, он являлся, как гора, покрытая снегом, ибо на тех местах, где не оковано было золотом, был храм белым весьма. Наверху же храма установлены были золотые гвозди, и большие, и долгие, и частые, и, как стрелы, острые, чтобы никакая птица не села и не осквернила вершины храма. Камни же, из которых построен был храм, были по сорок пять локтей в длину, а в

высоту по пять и в ширину по 6. Перед храмом же был жертвенник высотой в 15 локтей, а в ширину 50 локтей, а в длину также. У жертвенника было четыре угла, и был на каждом углу выступ наподобие рога. А восходили на жертвенник с юга. Создан же был жертвенник без железа. И никогда же не прикасалось его железо. Вокруг же храм и жертвенник обходила, как обод, ограда каменная, красивая, высотой в локоть, отгораживая народ от священников. Прокаженным же и тяжелобольным даже в город не давали входить. Женщинам запрещалось переступить ограждение это, и чистым, и нечистым. И мужчинам, которые не очистились, запрещалось входить во внутренний двор, также и священникам. Те, которые родом священники были, но не могли служить, потому что были слепые, или увечные, или падали в обморок, заходили внутрь со здоровыми мужчинами, и священническую часть жертвы принимали наравне со здоровыми священниками, но в священные одежды не одевались. На жертвенник же и в храм восходили священники непорочные, одетые в виссон, и воздерживались они от вина, чтобы ничего не изменить в службе. И первосвященник восходил с ними, но не всякий день, а в субботу, и в первый день месяца, и в отеческие великие праздники. Когда служил первосвященник, одежды его отличались от одежд священников. Покрывался же первосвященник до голени препоясником, а под ним полотном. Сверху же он надевал одежду, которая спускалась со всех сторон до ног, и гиацинтом была украшена. И вокруг нее висели колокольчики золотые и плоды граната такие же, колокольчики изображали гром, а плоды граната — молнию. И обод прикреплял одежду к груди. Этот обод был на одну пятую из золота, и из порфира, и из кока, и из виссона, и из гиацинта, из которых и завеса сделана была, означали они то же, что было сказано о катапетазме. И над этим был у первосвященника наплечник, золотом окованный, имевший вид брони. Возле же наплечника было два гнезда, золотом тканых, в которых сидели камни сардоникса большие и красивые.

В этих камнях были написаны начальники родов иудейских. На другой же стороне наплечника висели 12 камней, на четыре части разделенные: в первой — сердолик, и топаз, и изумруд, во второй — рубин, и яшма, и сапфир, в третьей — агат, и аметист, и янтарь, в четвертой — оникс, и берилл, и хризолит. Голову же первосвященника покрывал венец из виссона, украшенный гиацинтом, а на нем другой золотой венец, на котором написано было крестом священное имя Животворца. В эту же одежду одевался первосвященник только тогда, когда служил в святилище, куда нельзя было заходить кроме как первосвященнику один раз в год, когда по обычаю все иудеи приготавливались послужить Богу. В другие же праздники в более простые одежды одевался первосвященник. Об обычаях, связанных с городом и храмом, которые пропустили,

мы еще расскажем. Башня же, названная Антониевой, построена была между двух крытых переходов храмовых, на высокой скале, 50 локтей в высоту. Башню эту построил Ирод царь, который скалу эту покрыл плитами мраморными от подножия до вершины, ради красоты и пользы, чтобы невозможно было ни войти, ни выйти. И перед башней построил Ирод стену в три локтя высотой, а потом башню построил в высоту 40 локтей. Внутреннее же место башни занимал царский дворец, защищенный, прекрасный, имевший все нужное, и переходы, и бани большие, и дома для воинов широкие. И поскольку все необходимое было в Антониевой башне, то была она похожа на город укрепленный. И все было в нем красиво и разнообразно, как в жилище царском. Видом это была башня, по углам которой другие четыре башни были, три из них возвышались на 50 локтей, четвертая же, на восточной стороне, была 70 локтей в высоту. Так что был виден храм из Антониевой башни, и сидели в ней стражники римские с оружием в праздники и следили, чтобы не было беспорядков в народе. Храмовая же крепость была для Иерусалима как внутренняя крепость. Антониева же башня была самой высокой и крепкой в храмовой крепости. В Верхнем же городе был особой внутренней крепостью дворец Ирода. Безета же отделена была от Антониевой башни и с севера смотрела на храм. О городе же и о стенах его, сколько мне можно было, я рассказал.

Противники римлян в Иерусалиме были следующие: у Симона Нигера 15 тысяч, и иудеи, и военачальников 60, у Иоанна же, то есть Иоханана, 6 тысяч, и военачальников 20, и ревнителей 2600, народу же было бесчисленно много. Когда мятежники бились между собой, как мы говорили, мирный народ становился добычей для обоих объединений мятежников.

Тот, кто из мятежников побеждал, брал то, что хотел. Симон же Нигер захватил Верхний город и большие стены до Кедрона и до Силоама, и Нижний город, и колодец. Иоанн, то есть Иоханан, захватил храмовую крепость, и Офлу, и окрестности. Посередине же пожгли место и устроили его для битв. Ибо не прекратилась их борьба даже тогда, когда римляне обступили город. Лишь немного они образумились, когда только пришли римляне, но затем снова друг с другом враждовать стали и все делали, чего хотели и ждали от них неприятели. От самого же неприятеля мятежники таких страданий, как друг от друга, не испытывали. И для города не было беды большей, чем вражда внутри города. Еще до своего падения Иерусалим был обессилен, и римляне, когда взяли город и славу принимали, говорили, что мятеж завоевал за них город, они же победили мятеж, который был гораздо сильнее стен. И бедствия в Иерусалиме происходили от своих же, а римляне только

заняли город по праву победителей. Пусть же делает выводы каждый из того, что произошло. Пока внутри города была такая обстановка, Тит объезжал Иерусалим с внешней стороны с избранными конниками и смотрел, с какой стороны наступать. И не мог Тит найти удобного места, поскольку обступили город всюду ущелья и овраги, и стена была первая непобедимая. И задумал он наступать напротив гробницы Иоанна, то есть Иоханана, первосвященника. Там же были стены низкие, и думал Тит, что если он эти стены разобьет, то и Верхний город оттуда займет, Антониеву башню и храм.

И тогда военачальник Тита Никанор приблизился с Иосифом к стенам, пытаясь говорить с горожанами о мире, и был ранен стрелой в левое плечо. И по этому выстрелу из города понял Тит, что горожане свирепствуют против тех, кто говорит полезное для них. И принялся Тит жечь и сечь, и губить то, что было перед городом, и воинам повелел насыпь делать. И разделились на три части и делать начали насыпь. Между работниками поставил Тит лучников и копьemetателей, а перед ними метателей коротких копий и камней, чтобы они препятствовали набегам неприятелей на возводимую насыпь и не давали высовываться из-за стенных ограждений бойцам. И порубили деревья все, и скоро обнажили место перед стеной, и понесли деревья для насыпи, и все устремились на ее создание. Иудеи также не дремали. Народ, который терпел грабежи и кровопролитие, тогда вздохнул с надеждой, поскольку видел римлян наступающими, а своих в смятении перед внешним врагом.

Иоанн, то есть Иоханан, захотел со своими воинами выйти и биться с врагами, но боялся Симона Нигера. Симон же Нигер ближе был к неприятелю и против воли готовился к битве, и расставлял военные орудия по стенам, которые он отнял раньше у Цестия. А другие орудия были получены из Антониевой башни после убийства там стражников. Но не умели мятежники снаряды устанавливать и метать их, и не меняли орудия; камни же и стрелы пускали в тех, кто делал насыпь.

Некоторые же мятежники выбегали за городские стены и сходились с римлянами. Тем же, кто делал укрепления, покровом от камней и стрел были воловьши кожи, расположенные над ними. Римские стрельцы и метатели копий и камней сопротивлялись выбегающим из города иудеям. Метали же камни крашенные, которыми не только передних убивали, но и задних. Ибо летел камень и за две версты и поражал тех, в кого попадал. А некоторые дальнoбойные орудия 30 человек за один раз поражали. Иудеи же сначала спасались от камней, ибо камни белыми были, и шум их издали был слышен, и стражники на башне посажены были, и смотрели, когда метательные орудия готовили к бою, и тотчас оповещали всех, и на своем языке кричали: «Братья, спасайтесь!» И те, на кого

летел камень, укрывались, и камень безвредно пролетал. Римляне же, узнав об этом, стали красить камни черным, и пускали, и многих одним метанием убивали.

И закончили насыпь плотники, и принесли веревки с привязанными на концах кусками свинца, и бросили их к стенам, чтобы измерить, можно ли стенобитные орудия поставить. По-другому же не могли измерить, поскольку по ним били со стен. И так обнаружили люди, что уже достанут до стен «бараны» и поставили их. И повелел Тит бить стены в трех местах. И внезапно охватил город шум, ибо те, кто находились внутри, кричали изо всех сил. И на бойцов иудейских напал страх несказанный, видели они, что всем пришла беда общая, и решили мстить сообща, и закричали друг к другу: «О, братья, о, сродники! Одним мы обрезанием обрезаны. Зачем делаем то, что так нравится врагам нашим? Почему не отложим вражды? Если в другое время и не дает нам Бог единомыслия, то теперь нам подобает отложить наши споры и встать против римлян». И тотчас Симон Нигер обещал мир и свободу действий всем, кто хочет выйти из храма и встать на стены.

Иоанн, то есть Иоханан, хоть и не очень доверял обещаниям Симона, но велел своим выйти, и мятежники, забыв ненависть и вражду, которая была между ними, единым телом сделались. И встали объединенные мятежники на стенах, и огонь кидали на «баранов», и на метательные орудия, и воинов убивали. Смелычаки же многие вперед выскакивали и прикрытия разрубали, и нападали на тех, кто укрывался под ними.

Тит же помогал своим, переезжая на те места, где были тяжелые столкновения. И поставил он конников и стрельцов между «баранами», и те мешали иудеям метать огонь и стреляли по бойцам на стенах. И «бараны» били стены, но не вредили им. Только пятнадцатый полк угол башни отломил, стена же целой осталась.

Иудеи же перестали делать вылазки. И увидели это римские воины, и разошлись: одни — чтобы делать укрепления, другие — чтобы отдохнуть, ибо думали, что враги устали и запуганы. Евреи же вышли из Конной башни через тайные ворота и вынесли огонь на стенобитные орудия, и с криком набросились на стоявших рядом ближних воинов римских и на прибегавших дальних. И опередила иудейская мятежность римский порядок. И рубили иудеи попадавших им римлян, и разбивали вновь собиравшихся. И жестокая сеча была вокруг орудий: одни стремились зажечь их, другие препятствовали этому. И крик издавали обе стороны невероятный, и от боя мечей искры летели, и за руки хватались, и так бились. И многие защитники орудий пали. Иудеи же брали отчаянностью своей. И огонь охватил орудия. И все бы орудия

зажжены были, если бы не подоспели избранные александрийские воины, которые большее тогда проявили мужество, чем обычно.

И император во главе конников сильнейших сошелся с иудеями и убил 12 человек, что были впереди, а остальных погнал к городу, и орудия спас от огня.

Получилось же тогда живым схватить иудея, и его, по повелению Тита, распяли перед стенами, чтобы этим зрелищем ужаснуть горожан и склонить их перед римлянами. Когда отступили иудеи, воин по имени Иоанн, то есть Иоханан, на стене городской со знакомым своим беседовал, и кто-то из аравитян попал ему стрелой в грудь и доставил большой плач иудеям, ибо славился этот Иоанн силой и мудростью.

И ночью смятение внезапное было у римлян. Тит повелел три башни поставить по 50 локтей, и упали башни в полночь сами, и большой был грохот, и страх напал на воинов, и думали, что иудеи вышли против них, и схватились за оружие, и били друг друга, пока Тит не поставил глашатаев, которые оповестили всем: «Не нападал неприятель. Зачем своих убиваете?» И нескоро прекратилось смятение.

И снова поставили другие башни. Перед ними склонялись иудеи, ибо били их оттуда римляне сверху, иудеи же не могли добросить до римлян снаряды из-за высоты, и зажечь башни не могли, поскольку окованы они были железом. Если же иудеи хотели избежать стрел, пускаемых с башен, то они не могли препятствовать «баранам», которые постоянными ударами пробивали стены. Наконец, один большой «баран», которого называли Победителем, разбил стену. Иудеи были утомлены частыми боями и бдениями и решили бежать за внутренние стены города, и говорили: «Излишне биться за внешние стены, если еще две стены осталось более крепкие».

И римляне вошли за стену там, где она была разбита Победителем, поскольку все побежали иудеи, сойдя со стены, и бежали они ко второй стене. И римляне, которые прошли за стену, открыли ворота другим воинам. И так была взята первая стена, и бились за нее 15 дней, а было это в 17-й день месяца артемисия, то есть мая. И разрушили римляне половину стены с южной стороны, там же, где и Цестий.

Тит же поднялся с прежнего стана и перешел на место, где ассирийцы стояли когда-то, и сразу стал испытывать новую преграду. Иудеи же разделились и били со стен крепко, одни с Антониевой башни и с северных переходов, другие же обошли гробницу Иоанна, и бились у ворот, через которые поступала вода. И выбегали часто иудеи из ворот, и рубились мечами. В ближнем бою одолевали римляне, со стен же — иудеи. У римлян была сила и опыт, у иудеев — мятежность и отчаяние,

рождаемое страхом, а также привычка переносить трудности. Была же у иудеев еще и надежда на спасение. Римляне же надеялись взять Иерусалим. И не останавливали трудности ни тех, ни других. И стены били, и сражались у стен всякий день. И вылазки делались, и оружие ломалось, и скрежет и вопли поднимались до облаков. Одни стенали и рыдали, другие издавали победные кличи. Война во всех своих проявлениях была там. И утром начинали биться, едва разойдясь на ночь.

А ночью как те, так и другие не спали, и хуже было ночью, чем днем. Иудеи боялись, что скоро на стены нападут, римляне же, что сделают против них вылазку внезапно. И обе стороны с оружием проводили ночь, а на утренней заре были готовы к бою. Иудеи соревновались друг с другом, кто первым убитым будет на глазах военачальника своего. Такое они в те последние дни уважение и послушание имели к своим властителям, что если бы повелели им зарезаться, то зарезались бы. Римляне же подвизались в мужестве, ибо привыкли они побеждать и имели опыт беспрестанного ведения войн, а также осознавали величие своей империи, которую возглавлял Тит. Император же повсюду ездил, и все воины видели его, и каждый из них стремился избежать позора, и стыдился слабым показаться в глазах императора. И тот, который сильно пострадал в бою, радовался, поскольку все видели страдания его, император же и почтить мог. Поэтому многие сверх своих сил доблесть показывали.

Ополчились же однажды иудеи перед стенами и издали стреляли. Некто же Лонгин, конник из римского войска, въехал в отряд иудеев и разбил их строй, и двух самых крепких бойцов убил одним ударом копья, и к своим прискакал. Такой доблести многие подражали. Иудеи же рыскали, как лесные звери, презирая смерть, и только и смотрели, чтобы кого-нибудь из врагов убить, и принимали смерть с легкостью, если при этом и противника убьют.

Тит же не позволял воинам бездумно биться, и говорил: «Нападение безумное сродни отчаянию. Настоящая же храбрость — осмотрительно совершать каждое убийство, и закалывать врагов без вреда для себя и без потерь». И привез Тит «барана» к средней башне с северной стороны. Там же один иудей, волшебник, по имени Кастор, собрал вокруг себя 10 человек, подобных ему, и поджидал Тита, и протянул руки, и стал жалостно призывать его, как будто умолял его о пощаде и о том, чтобы Тит прекратил бить стену и не разбил бы башни. Тит же поверил ему по простоте своей и думал, что все иудеи раскаиваются, и сказал своим, чтобы не били «бараном» в башню, и стрельцам велел не стрелять в просящих. И повелел Тит Кастору говорить, чего тот хочет. Кастор же сказал, что он хочет сойти к Титу, если ему обещают жизнь. Тит

же обрадовался и сказал: «Рад буду, если склонятся все иудеи к такой мысли, и всем обещаю надежное спасение, и города не разрушу». Из десяти же человек, что были с Кастором, пять притворились, что молят о пощаде, а другие пять закричали: «Никогда не покоримся римскому рабству, поскольку можем свободными умереть!» И много времени они спорили. Тит же медлил и следил за спором, и приостановил осаду.

Кастор же тайно послал к Симону Нигеру, чтобы тот пришел посмотреть на чудо, как он один насмеяется над римским императором. И стал Кастор упрашивать тех пятерых, что противились, и призывал их покориться римлянам. Те же пятеро в негодовании обнажили свои мечи и горла себе перерезали притворно и упали, как зарезанные.

И ужаснулся Тит и окружающие его упорству иудеев, и не могли снизу хорошо видеть происходившее, и удивлялись твердости их, и о страдании их жалели.

И тут подстрелил кто-то Кастора в нос, и он взял стрелу и показал Титу, и обвинил его в несправедливости. Император же укорил воина, который попал в Кастора, и посылал Тит Иосифа, вблизи его стоявшего, чтобы дал он руку Кастору. Иосиф же сказал: «Ни сам не пойду, ни другому не дам из тех, кем дорожу, поскольку несправедливо замышляют эти просители». Один же перебежчик, Эней, сказал: «Я пойду». Кастор же звал, чтобы кто-нибудь подошел принять серебро, которое он с собой несет. Эней же поспешил с протянутой пеленой и подошел к башне, и один воин с ним. Кастор же поднял камень, какой только мог поднять, и бросил на них. И не попал в Энея, но воин его поразил. И на другой стороне, где Симон Нигер стоял, один сотник, по имени Фоя, призвал римского военачальника Цереала и просил его обещать ему милость, если он выйдет со своими воинами. И оковали золотом они каменную плиту и просили, чтобы повелел Цереал своим воинам взять эту плиту и не дать ей раскрошиться. И те, увидев блеск золотой, подошли. Иудеи же со стен городских бросили плиту и поразили римлян.

Император же понял обман Кастора, понял, что он сам помиловал иудеев, а они обманули его и посмеялись над ним. И приказал Тит еще сильнее бить стены.

Кастор же и те, что были с ним, увидели, что разваливаются стены, и подожгли башню, и сквозь огонь проскочили, и вошли в подземелье. И удивились римляне, и думали, что в огонь те бросились.

И в тот день взяли римляне вторую стену, через пять дней после взятия первой стены. И когда иудеи отъехали от стен, въехал Тит с тысячей воинов внутрь, но не повелел он разрушить часть стены и расширить путь войску, ни сжечь дома, надеясь, что отложат свое упорство иудеи и покорятся, и не будут продолжать войну. Поэтому Тит не по-

велел ни убивать тех, кого догоняли воины, ни брать в плен, ни грабить. Ибо заботился Тит, чтобы стоял город на славу ему, и чтобы храм стоял на славу городу и ему.

Людям же Тит обещал свободу и вольную жизнь в своих селах и в своих имениях. И этим словам люди обрадовались и готовы были послушать этих повелений, но воины иудейские не давали им, ибо думали, что Тит из-за слабости своей о мире говорит, поскольку не может города внутреннего взять. И угрожали смертью людям, если кто-то упомянет о сдаче города, и тех, кто говорил о мире, убивали.

И напали мятежники на въехавших римлян, и заняли места по тесным улицам, а некоторые на дома залезли и стреляли, и били. И сметены были римляне, которые входили в город у стены, а те, которые теснились в городе, тут и падали, как скот, и давили друг друга. Иудеев же становилось все больше, и одолевали они, поскольку знали они тесные улицы городские, все входы и выходы. А римляне ходили, как слепые, не зная ни где пройти, ни где выйти. Думаю, что там полегли бы все римляне, порубленные, если бы не заехал Тит к ним. Он поставил стрельцов на концах тесных улиц, а сам встал с Сабином там, где было много иудеев. Стреляя часто в иудеев, Тит со своим отрядом удерживал их, пока все воины не вышли. Римляне же, взяв вторую стену, так выгнаны были.

Иерусалимские же воины стали гордиться и величаться. Победив римлян и прогнав их, они ожидали, что римляне теперь смирятся и не посмеют вернуться обратно в город, и не одолеют их. Бог помрачил ум мятежников из-за беззаконий их. Не смотрели они ни на войско римское, которое осталось вне города, ни на голод, который подступал к ним. Сами они питались грабежом. Те же, кто был добр и кроток, от недостатка всего необходимого умирали и от оскудения крайнего погибали. Мятежники же с легкостью и радостно принимали гибель людскую, ибо хотели, чтоб никто живым не остался, кроме тех, кто хочет воевать. Когда же римляне снова пытались войти, через вторую стену, то препятствовали им мятежники, преграждая собой разрушенное место, и три дня держались крепко.

В четвертый же день приступил Тит со всеми воинами, и не вытерпели иудеи, и вынуждены были бежать туда, куда и прежде. Тит же снова взял стены, и всю сторону северную разрушил, а на южных башнях стражников поставил. И стал Тит смотреть, как к третьей стене приступить, и медлил с наступлением, желая время дать врагам для раскаяния.

И настал день, когда надо было месячное жалование дать воинам для пропитания. И повелел Тит военачальникам приготовить каждому свой полк, и пересчитать серебро, и раздать всем по порядку.

Воины же, как обычно, вооружились и, как стена, пошли, и коней, украсив золотом и серебром, повели. И все места перед городом блестящие оружием позолоченным. И смотрели сами на себя римляне, и не было для них более веселого зрелища, а для врагов — более страшного. Выглядывали же все из дворцов, и со стен, и из храма и наблюдали. И большой страх напал на мятежников, видящих это собрание всего войска римского, и красоту вооружения, и доблесть людей, и четкий порядок. Думаю, что от этого зрелища они бы покалялись, если бы не отчаяние: они не надеялись уже получить прощение у римлян за то зло, которое они причинили народу. Знали же они, что ждет их смерть в мучениях, если они будут взяты живыми. Поэтому выбирали они смерть в бою. И суждено было погибнуть неповинным с виноватыми, и городу, и святилищу, по пророчеству Даниила, с которым явно беседовало Божество из-за чистоты его. И через четыре дня полки римские выдачу серебра закончили.

В пятый же день, поскольку не пришло предложения о мире от иудеев, Тит разделил воинов надвое и повелел насыпи делать к Антониевой башне и к гробнице Иоанна.

У гробницы Иоанна бились идумеи и воины Симона Нигера, и, выбегая вперед, сходились с римлянами. С теми, кто стоял у Антониевой башни, сражались воины Иоанна, то есть Иоханана, и ревнителю. Мятежники одолевали, поскольку сверху бились и орудиями военными научились метать. Упражняясь в этом всякий день, понемногу научились они. Было же у них копьешетных орудий 300, и 40 камнеметных. Тит же понимал, что от него зависит гибель и спасение города. Поэтому он и взятие его со всяческим проводил усердием, и беспрестанно слал послов к иудеям, не покаются ли они и не сдадут ли город, уже взятый, и не спасут ли оставшуюся часть. И послал Тит Иосифа, чтобы он беседовал с иудеями на их родном языке.

Надеялся император, что послушают иудеи сродника своего. Этот же Иосиф встал на месте высоком, до которого не могли достать ни стрела, ни камень, и так, чтобы все слышали его, сказал: «Люди еврейские! Почему вы не щадите себя и остатки народа своего? Почему навлекаете пламень на отечество и на святой храм, на который смотрят даже иноплеменники с жалостью и страхом? Они, не причастные к святыне, имеют совесть и доселе рук на нее не поднимали. Вы же, родившиеся у святыни и выросшие, почему стремитесь погубить ее? Разве не видели, как были разорены стены более крепкие? Не знаете ли силу римскую неодолимую и рабство ваше, не теперь начинаемое, но перешедшее от наших прадедов к нам? Подумайте же: если кто свободы и желает, то можно еще отказываться от тех владык, что слабее тебя, но не от тех, что тебя

крепче. Ведь римлянам все покорились, и не отказалась от власти их ни одна земля, разве только какая-нибудь непотребная из-за зноя или из-за мороза. Везение большое сопутствует римлянам, и Бог от всех народов отнял владычество и теперь передал его Италии. Закон же установлен и зверям, и людям, чтобы немощные покорялись более сильным.

И покоряются все тем, у кого острее оружие. И предки наши, которые и душами, и телом, и богатством лучше нас были, не потерпели бы римского рабства, если бы не знали, что Бог помогает римлянам. Вы же на кого уповаете, раз сопротивляетесь им? Самая укрепленная и самая большая часть города взята. Вы же внутри оставшейся части живете хуже пленных. Не утаилось же от римлян то, что голод у вас, от которого сейчас народ гибнет, а понемногу и вы умрете. Если римляне захотят, то не займут город скоро. Потому подобает вам прибегнуть к спасению до того, как постигнет вас зло непоправимое. Не вспомнят вашей злобы римляне, если вы не захотите довести до конца ваш мятеж. Ибо по природе римляне кроткие к тем, кто покоряется им, не хотят они ни города истощить, ни людей, ни землю опустошить. Потому император через меня обещает вам спасение. Если же вы не послушаетесь, и он возьмет вас оружием, то не пощадит он никого же из вас». Так говорил Иосиф, и многие со стен насмеялись над ним, многие же и ругали, некоторые же камни метали в него и стрелы пускали. Иосиф же не мог склонить мятежников к покорности этими словами. И стал он говорить им из отечественной истории, и вопиял к ним: «О, несчастные! Разве на руки, или на оружие уповаете, когда противитесь римлянам? Каких же других врагов одолели вы этим? Или когда Бог не мстил тем, кто насилие творил иудеям? Возвратитесь туда, откуда вы пошли в своей войне, и посмотрите, с кем вы бьетесь, и какого Поборника осквернили. Вспомните отеческие дела чудные весьма. Какие большие войска разрушали место это! Я ужасаюсь, когда о делах Божественных говорю тем, кто недостойн этого слышать. Однако слушайте и знайте, что не только римлянам вы противитесь, но и Богу. Царь Египта Нехао, который назывался и Фараоном, с большим войском вышел и похитил Сарру у мужа, царицу и праматерь рода нашего. Муж же ее, Авраам, праотец наш, оружие ли взял, чтобы отомстить обидчику своему? Знайте же, что 318 было у него военачальников, и у каждого из них было воинов бесчисленно много. Всех же тех Авраам оставил и Бога призывал себе в помощники. И он воздвиг свои почтенные руки на место это, которое вы теперь осквернили, и непобедимого Помощника призвал к войне. И в одну ночь неоскверненной Сарра отослана была к мужу. И кланялся египтянин этому месту, окровавленному вами кровью сродников, и, боясь ночных видений и избегая снов, серебром же и золотом почтил

любящих Бога евреев. Умолкнуть ли мне или рассказать о переселении в Египет отцов наших? Мучимы они были царем иноплеменником и были в рабстве у него 400 лет. Могли они оружием и руками своими спастись, но этого не захотели и возложили заботу о себе на Господа и надеялись на Бога. И Бог послал зверей невидимых на Египет, и наполнилась земля загрызенными мертвецами, и гибли египтяне всякими напастями, и плода не было в земле той, и Нил высох, и потом напустил Господь на них 10 казней нестерпимых. И вышли отцы наши со славой, и с чужим богатством, без убитых и без раненых. И дал им Бог даже и доселе совершать службу храмовую. Когда же ассирийцы захватили священный ковчег, разве не стенала земля филистимская? Разве идол Дагона мерзкий не сокрушился? Разве не стенали все захватчики и разве не сгнили тайные их члены и внутренности? А потом те же руки, которые захватили священный ковчег, его и обратно принесли, с молением и с большими подарками, и с цимбалами благозвучными, и со всяким почетом. Бог тогда это подал нашим отцам, поскольку уповали они не на свои руки и не на оружие, но право мстить и судить на Бога возложили. Когда же царь Ассирийский Сеннахериб всю Ассирию привел на место это и обступил город, от человеческих ли рук пали воины его? Нет, ибо руки евреев были воздвигнуты не к оружию, но к молитве. И ангел Господний в одну ночь погубил всех воинов, и когда наступил день, и встал Ассирийский царь, то нашел он воинов своих мертвыми, 185 тысяч, и с остатками бежал по лесам, и никто не гнал его. Знаете вы и вавилонское рабство, в котором был наш народ 70 лет, и не вышли иудеи на свободу, пока Кир не даровал ее им ради Бога и не отпустил их по просьбе Даниила. И пришли иудеи и служили своему Избавителю. И нельзя найти ничего, что бы совершили отцы наши оружием. Но больше жили они со смирением и побеждали всех, если была на то воля Судьи. Когда же бились они, то терпели поражение. Когда обступил город этот царь Вавилонский, а Седекия, наш царь, вышел и бился с ним, не вняв пророчеству Иеремии, то и сам захвачен был, и город был завоеван с храмом.

Но насколько тот царь был смиреннее ваших военачальников, и воины его — вас! Иеремия тогда вопиял, что возненавидит их Бог за прегрешения их, и велел предаться вавилонянам, чтобы не погибнуть. Но ни жители города царского, ни царь не гневался на Иеремию, и народ не убил его. Вы же творите беззаконие, такие дела, о которых нельзя и сказать, а меня стараетесь застрелить, когда я умоляю вас и говорю вам о том, что спасет вас. Когда же Антиох, называемый Эпифаном, осадил город этот и открыл скверные уста против Бога, тогда предки наши вышли с оружием, и сами они пали в той брани, и город расхищен был неприятелями, и святилище опустело на три года и 6 месяцев. Римлян

же кто привел на наш народ? Или отчего мы попали в рабство? Не от раздоров ли Аристобула и Гиркана, которые Помпея привели на город? И Бог покорил римлянам тех, кто был недостоин свободы. И через три же месяца, не выдержав осады Иерусалима, они сдались, хотя не согрешили они перед святыней, как вы, ни закон не нарушили. Так что не давал Бог нашему народу оружием побеждать.

Достойно же тем, кто живет у святого места, суд и отмщение за все обиды свои на Высшего Судию возложить. Вы же то, что благословил тот, кто дал нам закон, отвергли, а то, что он проклял, делаете. Воровство, и прелюбодейство, и грабеж, и кровопролитие не считаете вы грехом, но в другие, небывалые грехи впадаете. А храм сделали вы хранилищем всего злого и своими руками осквернили вы Божественное место, которому римляне издавна кланялись, многое из своего обычая нарушая и к нашему закону склоняясь. Такие дела совершая, как же вы помощником надеетесь иметь Того, против которого творите беззаконие? Совсем вы не праведники и не молитвенники, и не чистыми руками Бога призываете себе в помощники. А ведь именно с чистыми руками царь ваш взывал к Богу помочь против ассирийцев, и тогда же большое войско ассирийское пало в одну ночь. Да и заслуживали ассирийцы наказания, так что царь мог надеяться на помощь Божью. Деяния же римлян не похожи на то, что делали ассирийцы. Наш царь ассирийцам дань давал, чтобы те не разоряли храма, они же нарушили клятву, и пришли разорить город и храм зажечь. Римляне же обычной дани просят, которую наши отцы и деды уже давали их отцам и дедам. Если вы эту дань заплатите, то ни города не разрушат, ни к святому месту не прикаснутся, но дадут семьям вашим свободу, и владеть будете своим богатством, и священный закон в чистоте сохраните. Если же думаете вы, что Бог сделает с праведным то же, что и с неправедным сделал, то потеряли вы разум. Ассирийцам в первую же ночь отомстил Господь. Если бы Он считал наше поколение достойным свободы, то не попустил бы Веспасиану завоевать Галилею, ни Титу — все земли и, наконец, этот город. Разве не знаете, что Веспасиана война с нами привела к тому, что он стал императором, а Титу источники колодезные открылись, которые для нас высохли прежде. Знаете, что перед приходом его Силоам и другие источники перед городом высохли, и по мере мы покупали воду. Теперь же так текут неприятелям нашим эти воды, что не только им и скоту их хватает, но и огороды, и поля можно этой водой поливать. Такие знамения и прежде были и предвещали они завоевание города, когда пришел Навуходоносор, и город пожег, и храм. Я же думаю, что Бог ушел из святого места. Ибо и человек благородный избегает находиться в доме оскверненном. Как же Бог может пребывать в вашей скверне? Однако остается еще вам путь к спасению, если покае-

тесь и осознаете свою вину. О, железные ваши сердца! Бросьте оружие, смилитесь над отечеством нашим. Обернитесь кругом, посмотрите, какая красота, какой город, какой храм, какие дары от всех народов! Все это вы предаете пламени ныне в своем упорстве и окаменении. Пощадите семьи ваши. Поставьте перед глазами своими детей, жен, родителей, которых ждет гибель совсем скоро или от голода, или от меча. Знаю, что и слава моя погибнет, и моя семья знатная, и мать, и жена, и дом. Если же думаете, что ради всего этого умоляю вас, то убейте их. Пусть прольется кровь моя ради спасения вашего. Если же обо мне думаете, и я с радостью умру за вас». Так Иосиф вопиял к мятежникам, но они не склонились, и твердо решили, что они не сдадутся.

Народ же склонялся на сторону римлян, и продавали люди имущество свое и вещи дорогие за золото. И проглатывали золото, чтобы не видели его мятежники, и так бежали к римлянам. Там же через задний проход золото испускали и использовали для того, что было необходимо.

Тит же распускал беженцев по землям, кто куда хотел. Иоанн, то есть Иоханан, и Симон Нигер перестали тогда разрешать выходить из города, но всех беженцев убивали.

Потом же голод увеличивался всякий день. В продаже пшеницы не было, и стали ходить воины и искать ее по домам. Если находили, то убивали хозяев за то, что те утаивали ее прежде, если же не находили, то все равно убивали хозяев, утверждая, что они утаивают пшеницу теперь. И многие закрывались во внутренних помещениях и пшеницу не мололи, но поедали так. И пища была у них жалкая и слез достойная. Больше всех несчастий голод был. Жены у мужей, и дети у отцов, и матери у младенцев выхватывали еду, у возлюбленных своих из горла выдавливали и из рук вырывали. Никто не отдавал из милости даже каплю жизни. Но и так живя, люди не могли утаиться. Повсюду ходили бойцы и, если видели закрытый дом, понимали, что внутри пищу принимают, и сразу же выбивали двери и вбегали и выдавливали из горла еду, и били стариков, не выпускающих пищу, и женщин, прячущих хлеб, и у детей отнимали, а их самих разбивали о камень. И мучили тех, кто утаивал еду, муками невиданными: заталкивали горошины в тайный член и острый кол в задний проход — только для того, чтобы те сказали, где у них спрятана горсть муки или кусок хлеба. Мучители же не ходили голодными, но всем, что так получали, насыщались.

Некоторые выходили за стены и собирали дикие травы, скрываясь от римских воинов. Если же на обратном пути их встречали мятежники, то отнимали у них собранное. Те же умоляли их и страшное имя Божие призывали, чтобы отдали им хоть часть трав, поскольку трудились они и с опасностью для жизни принесли их. Но мятежники ничего не от-

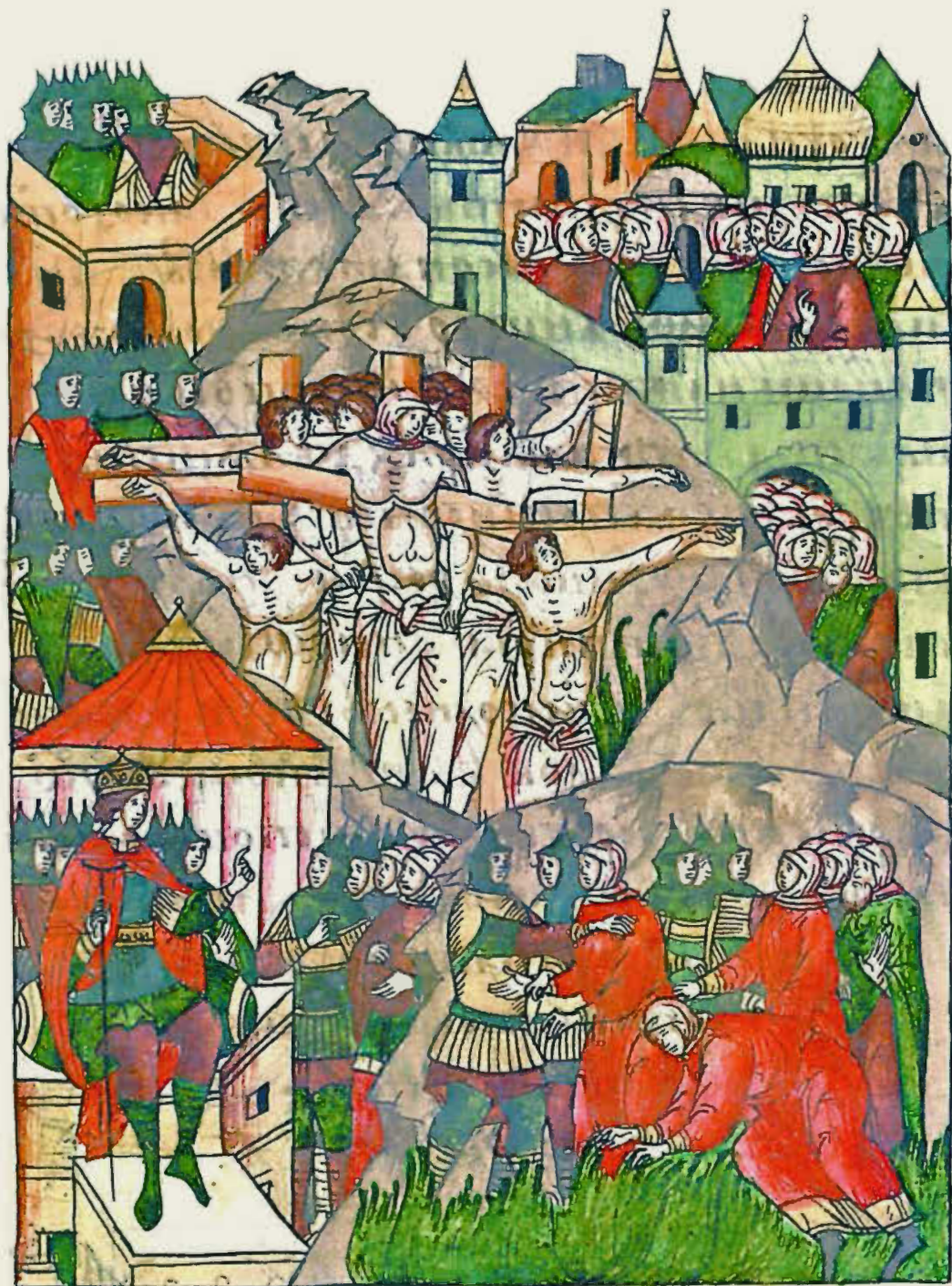
давали, но только смеялись и говорили: «Будет с вас за труды и того, что не заколоты вы». А если где слышали разбойники, что есть человек богатый, то клеветников собирали против него. И вставал клеветник и, как научили его, обвинял богатого и лгал, что тот хотел перебежать к римлянам. И хватали его Симон Нигер и Иоанн, то есть Иоханан, раздевали догола, и кровь пили, и жилы разделяли. Подробно описать невозможно всех беззаконий. Если же в общем сказать, то никакой другой город столько страданий не принял, и ни одно поколение от Сотворения мира не было так исполнено грехами и всякой злобой. К концу и над родом еврейским надругались они, показывая, что они дети холопов, и проходимцы, и бродяги. Прямо скажем, они и погубили Иерусалим, они и заставили римлян напасть на святой город, они же и навлекли огонь на храм.

Тит же насыпи сделал и послал воинов, и приказал им ловить тех, кто выходит для сбора трав. И хватали их, и мучили, и распинали их перед стенами города по тысяче и больше всякий день. Воины же, гневаясь на них, не одним способом распинали их, но по-разному, и поруганию предавали их. И не хватало места для крестов, и крестов для тел. Мятежники же приводили родных и говорили: «Смотрите, какое зло принимают перебежчики, перебегая к римлянам». Распятых они выдавали не за схваченных, а за перебежчиков. И многие из тех, кто хотели бежать, воздерживались от этого, пока не узнавали правды.

Тит же многим из схваченных отрубал руки и отпускал к Симону Нигеру и Иоанну, то есть Иоханану, и наказывал им говорить: «Прекратите сопротивление и сдайтесь Титу, тогда уцелеете и сами, и отечество ваше не погибнет». Мятежники же поносили со стен и Тита и отца его, и восклицали: «Не боимся смерти. Лучше нам умереть, чем попасть в рабство. Не перестанем вредить римлянам. О гибели же отечества и храма не заботимся, ибо мир этот лучше храма перед Богом. Спасется же и этот храм Богом, живущим в нем. Имея Бога своим помощником, мы над всеми угрозами твоими смеемся, ибо, чем все закончится, знает один Бог».

Тогда же Антиох, называемый Эпифаном, пришел к Титу на помощь. Были с ним воины, называемые македонцами, ростом высокие и вооруженные македонским оружием. И приступил Антиох к Титу и сказал: «Удивляюсь я, что римляне медлят со взятием стен». Был же Антиох сам храбрый, но не очень умный. Улыбнулся же Тит и сказал: «Потрудимся же сообща».

И тогда Антиох устремился к стенам с македонцами, и стрелял он в иудеев с умением, сам же от иудейских стрел берегся. Воины же Антиоха юными были, и сокрушили их иудеи, лишь немного македонцев

осталось. Чтобы не осрамиться, не ослабляли македонцы натиск, но под конец отступили. И показали они этим, что даже настоящим македонцам не только свои силы нужны для победы, но также и везение Александра.

Римляне же начали насыпь делать в 12-й день месяца артемисия, то есть мая, а закончили с большим потом в 19-й день, и установили стенобитные орудия.

Иоанн, то есть Иоханан, из города сделал подкоп и дошел до насыпи под землей, и сухие дрова, со смолой и с серой, подложил и зажег, и возвратился. Дерево же загорелось, и размякла земля, и с большим грохотом упали насыпи, и с башнями. Сначала дым выходил с пылью, и пламя не могло пылать, поскольку покрыто было. Когда же земля обмякла и стала проваливаться, запылало пламя. Римляне же ужаснулись, видя внезапный огонь из земли, и были они весьма удручены. Через два дня и на другие насыпи были сделаны вылазки с огнем. Мегассар из Адиабены, и Хагейр, что значит Хромой, были в то время храбрее всех у иудеев. Как на свадьбу, шли они на битву, и бились без промедления, без страха, и посреди врагов прошли, и зажгли насыпь и орудия боевые. С ними же бились копьями, и мечами, и руками боролись, но не отступили они, пока не загорелись орудия. Римляне же старались спасти орудия от огня. Иудеи мешали им со стен, а некоторые выбегали и бились, не щадя тел своих, с теми, кто гасил огонь. Римляне вытаскивали орудия из пламени, иудеи же сквозь пламя прыгали, и железо хватали горячее, и отнимали орудия у римлян. Римляне же, окруженные пламенем, отчаивались исправить дело и о себе думали, как убежать.

Иудеи же все прибывали, обнадеженные своей победой, и не береглись, и не пригибались.

И до стана римского, до стражников дошли иудеи. Стоят же у стана римского постоянно, сменяя один другой, сторожевые полки вооруженные. И суровый закон есть касательно этих полков: кто отойдет со сторожевого места по какой-либо причине, да будет казнен. Поэтому стражники выбрали славную смерть в бою вместо позорной казни и встали крепко. И другие, стыдясь тех, кто остался, возвратились к ним на помощь. Иудеи же без опаски нападали, сметая римлян телами своими.

И Тит пришел от Антониевой башни и грозно обратился к воинам своим: «Завоевали стены иноплеменников, а о своих почему не думаете? Выпустили на себя иудеев, как заключенных из темницы». И собрал Тит избранных конников и напал на противника сбоку. Иудеи же на него устремились и сражались. И сошлись оба войска, и пыль не давала глазам видеть, а ушам не давал слышать всеобщий крик. И нельзя было узнать ни своего, ни противника. Иудеев укрепляло не сознание

их силы, но отчаяние. Римлян же поддерживало в бою желание славы, уверенность в своем оружии и вид императора. Думаю, что тогда, в ярости, воины римские поглотили бы иудейских воинов, если бы ночь не наступила, и войска не разошлись бы.

И потом Тит советовался с военачальниками, и сказал: «Насыпи, с помощью которых мы надеялись взять город, разрушены, а воины опечалены, поскольку большой труд их в одночасье погиб, и знаю, что многие отчаялись уже взять этот город». Более юные воины говорили на это Титу: «Давайте приступим все к стенам вместе, и не выдержат иудеи нашего приступа, ибо захлебнутся нашими стрелами». Люди в зрелом возрасте говорили: «Следует и еще насыпи другие сделать в других местах, и всем войском подойти и перегородить иудеям вход на насыпи». Пожилые же говорили: «Надо окопаться вокруг города и не давать иудеям выходить ни для сбора травы, ни для чего-либо другого. Сходиться же в ближний бой не следует, ибо непобедимо отчаяние. Зачем нам биться с теми, кто жаждет от железа смерть принять. Если будем держать осаду вокруг города, то они или от голода умрут, или сдадутся». Тит же подумал и сказал: «Не следует ни стольким воинам медлить, ни биться с теми, кто отчаялся. Ни насыпи осадные нельзя делать, потому что ни дерева, ни земли не осталось, но нужно их привозить за 120 верст. Стеречь же выходы и обступить город тяжело, поскольку обступили его ущелья широкие и глубокие. Надо также опасаться нападения ночного и внезапного. Если и ворота будем стеречь, иудеи тайные выходы сделают и выйдут тайком. И все нужное достанут и принесут путями неизвестными, и будут сидеть в Иерусалиме, и пить, и есть, не зная горя. И нам придется медлить много дней в деле, которое столько времени не требует. И слава наша умалится из-за того, что затратили на взятие много времени».

Наконец, сказал Тит военачальникам: «Окопаемся вокруг города и насыпи сделаем. Если же кто думает, что дело это трудное, и тяжелое, и большое, то пусть рассудит, что на то мы и римляне, чтобы дела делать немалые, и нельзя людям без пота сделать что-либо славное, только Богу это возможно». И убедил Тит военачальников своих.

И повелел Тит воинам приступить к работе, и охватило их воодушевление дивное, и работали с усердием, соревнуясь друг с другом, и полк с полком, и сотник с сотником, и военачальник с военачальником, кто более почтенным перед императором окажется и больше даров получит.

Обходил же всякий день Тит и осматривал, кто как работал. И начали делать насыпи от Ассирийского стана, и делали их до нижней части Нового города, и охватили Кедрон и Елеонскую гору до Голубинового утеса по южной стороне, и до Силоамской горы, и оттуда уклонились на

запад, и охватили колодец, и гробницу Анана, и гору, на которой Помпей стоял, и на северную сторону снова вышли, и прошли через Эребинтский дом, и гробницу Ирода охватили, и на восток шли, и вышли к месту, с которого начали. И была ограда с насыпью длиной 39 верст, а за ней построили 13 крепостей. Все же это построили за 13 дней.

И осадили римляне весь город с яростью. Тит же возле города поставил стражников. В первую стражу ночную сам сторожил, во вторую же Тиберий, в третью — военачальники. И всю ночь обходили стражники насыпь отрядами.

У иудеев была отрезана надежда к спасению. И разошелся голод по домам и по семьям, и сокрушал всех. И дома наполнились мертвыми женщинами и детьми, а по улицам валялись старики, одни еще дышали, другие же умирали. Некоторые, которые еще дышали, входили в гробы живыми. И не могли живые погребать мертвых. Некоторые же на погребение шли и умирали над мертвыми. Юноши же и девушки, опухшие от голода, бродили кругами по городу, безжизненные, как идолы, как призраки. И не было никого, кто бы плакал и рыдал, ибо глотки пересохли у людей от голода. И все показывало их немощь, и потухли глаза, и смердели рты. Те, кто еще дышал, считали счастливыми умерших и завидовали их покою. И глубокое молчание объяло город, мрачное, полное смерти. Разбойники же на умирающих смотрели и смеялись, и копья на них и мечи испытывали, и одежды с мертвецов снимали. И каждый, кто, испуская дух, видел разбойников живыми, стонал и на храм смотрел. Те же, не вынося смрада от покойников, сначала велели погребать их, и платили за погребение из церковного сокровища. Потом же стали бросать со стен в ущелья.

И при объезде Тит увидел ущелья, полные мертвецов, и гной, текущий из тел, и прослезился, и застонал, и призвал Бога в свидетели, и сказал: «Не я сделал это, но сами себе сделали». И никто не делал вылазки из мятежников, поскольку и они были голодом и усталостью охвачены, так что римляне в благоденствии и веселии пребывали. В изобии у них пшеница была, и все необходимое подвозили из Сирии и из других близких областей. И многие римляне становились неподалеку от стен и показывали осажденным съестное, дразня их и разжигая в них голод своей сытостью. Мятежники же оставались непреклонными и в этих страданиях.

Тит стремился к сохранению оставшегося населения города, и стал осадные насыпи делать в четырех местах возле Антониевой башни. Тяжело было воинам носить деревья и землю за 120 верст, ибо все окрестности города вырублены были. Император же объезжал войска и подгонял их работу. Этим он показывал разбойникам, что они уже в руках

его находятся. Но от мятежников удалилось покаяние, и отлучили они души от тел. И были их души и тела, как чужие для них: души не знали страдания, а тела не замечали ран и усталости. Мертвых же они терзали, как псы, а больными наполнили темницы.

Симон же Нигер и Матфея не оставил без муки, который был первосвященником и пользовался доверием народа и почитанием. Еще раньше, когда увидел этот Матфей, что люди страдают от ревнителей и от Иоанна, то есть Иоханана, посоветовал он им позвать Симона Нигера для сокрушения Иоанна, и сделали они так. Симон же Нигер, когда вошел в город, одинаково враждебно стал относиться и к людям, и к тому, кто посоветовал им впустить его. И привели этого Матфея первосвященника, и оклеветали, и обвинили его в том, что он к римлянам дружественно относится. Симон же Нигер даже отвечать Матфею не дал, но осудил его на смерть с тремя сыновьями. Четвертый же его сын еще до этого бежал к Титу. Матфей умолял Симона, чтобы тот убил его раньше детей в благодарность за то, что открыты были ворота городские Симону. Симон же Нигер не послушался, но порубил детей Матфея перед ним, а потом и его самого. Сделал он это на стенах, чтобы видели римляне. И насмеялись разбойники над римлянами, и говорили: «Придите и возьмите своего приятеля». Симон Нигер похоронить даже не дал тела Матфея и его сыновей.

После Матфея и его сыновей Симон Нигер казнил Ананию священника и Аристея, и других 15 человек. Родных же Иосифа затворил он в темнице. И наказал Симон Нигер, чтобы никто с друзьями своими не общался, и чтобы не собирались люди вместе. Тех же, кто будет схвачен в собрании, или кто заплачет по какой-то причине, повелел Симон Нигер убивать. Видя эти деяния, один человек, по имени Иуда, подчиненный Симона Нигера, ужаснулся убийствам без вины, и призвал верных ему людей, и сказал: «Сколько еще будем терпеть чудовищную злобу? Какая надежда есть у нас на спасение? Сколько еще верными будем разбойнику? Не к нам ли голод подкрался? Не внутри ли города уже римляне? Симон же Нигер и тому, кто сделал ему добро, не верит, отплатил своему благодетелю злом. И все дрожим перед Синомом и казни ждем. Римлян же обещания надежные и спасительные для нас. Пойдемте, сдадим город римлянам, и себя спасем, и справедливое возмездие наведем на Симона Нигера». И согласились с этим собравшиеся. Утром они сошлись друг с другом тайно, чтобы неизвестно было остальным, и в 3-й час дня звали с башни римлян. Те же не спешили подойти, одни из гордости, другие — потому что не верили иудеям. Многие же медлили, потому что надеялись через короткое время без ущерба для себя взять город.

Пришло же известие об этом Титу, и с воинами он пошел к стенам. Симон же Нигер опередил его: узнав о сговоре, он поспешил к башне, и схватил Иуду и сообщников его, и разрубил их на части, и части эти побросал с башни.

Иосиф же обходил стены и упрашивал иудеев сдаться, а они бросили в него камень и попали в голову, и тут же он упал и ослаб. И выскочили скоро иудеи, чтобы схватить труп его и затащить в город. И затащили бы и предали бы его неслышанным мукам, если бы не поспешил император со своими охранниками. И сошлись воины, и рубились, и едва отбили римляне Иосифа, и отнесли его к своему стану. Был Иосиф бесчувственным, как во сне.

Увидели это мятежники и радостно восклицали, как будто убили того, кого давно желали. И известили о смерти Иосифа повсюду. И народ, узнав об этом, печален был. И плакали об Иосифе, поскольку с его помощью освободиться надеялись и к римлянам безопасно перейти.

Мать же Иосифа в темнице сидела, и сказала она к темничным стражникам: «Эта весть и раньше приходила из Иотапаты, и не надеялась я увидеть в живых сына своего».

Тайно же рыдала мать Иосифа, и служанкам своим говорила: «Это был плод благословения моего. Не похоронить мне сына, на которого надеялась, что он меня похоронит». Но не долгой была радость разбойников и матери печаль, ибо Иосиф от удара оправился, и подошел, и показался им, и закричал: «Близок день вашей гибели, и отомщу за рану». И вошла надежда в сердца людей, а мятежников объял ужас, когда они увидели лицо Иосифа.

Не было такого времени, когда бы можно было совершить побег, минуя стражников Симона Нигера. Поэтому некоторые прорывались силой и соскакивали со стен, некоторые с оружием шли на римлян, а потом перебежали к ним. Перебежчики умирали у римлян от еды, ибо прибегали, от голода опухшие. Затем разумные люди стали с воздержанием давать им есть, и понемногу они снова привыкали к еде.

Один же сириец увидел перебежчика, который из своего кала вытаскивал золото. И рассказал этот сириец воинам всем о том, что он увидел. И стали они думать, что перебежчики иудейские приходят с животами, полными золота. И тут же, тайком друг от друга, на дорогах воины подстерегали и вспарывали животы иудеям; и за одну ночь 4000 человек погибло.

И узнал о беззаконии их Тит, и повелел заколоть виновных, и оказалось много виновных в этом, и из-за множества их простил их. И пригрозил им, и сказал: «Как вы, со мной путешествуя и воюя, такое де-

лаете из-за имущества? Ни меня не постыдились, ни своего оружия, серебром и золотом украшенного. Если же кто-то еще попадется за этим делом, то смерти предан будет».

И разослал Тит по всем полкам приказ, чтобы перестали они злодейски обогащаться. Но любовь к золоту превозмогала всякую угрозу и всякую казнь. Сидит крепко в людях желание богатства, и нет страсти, подобной этой. Я же думаю, что и страсть к богатству имеет меру и сытость, и закону может быть покорна. Однако сам Бог осудил тогда всех иудеев, а потому и напустил на них различную смерть и все пути к спасению отнял у них, чтобы погибли все. То, что император запретил, то тайно делали с перебежчиками: подальше их подстерегали, и убивали их с оглядкой, чтобы никто не увидел, и вспарывали животы, и извлекали оттуда скверное сокровище. Не во всех же беженцах находили золото, но многих убивали из-за пустой надежды на добычу. Эта беда удерживала возможных перебежчиков от побега.

Иоанн, то есть Иоханан, увидел, что оскудели люди настолько, что уже нечего было грабить. Тогда он на храмовое сокровище протянул руки, и многие священные вещи разбил и то, что было посвящено Богу, переплавил: и священные блюда, и чаши, и престолы. Не сохранил он и сосудов для вина, которые раньше прислали Цезарь Себаст и жена его. Римские же цари оказывали почет святыне и украшали ее, а иудей этот иноплеменную красоту разорил. И говорил Иоанн, то есть Иоханан, тем, кто был с ним: «Подобает нам Божественное сокровище потратить на дела Божьи. Ведь мы бьемся за храм, потому дозволено нам от храма питаться». Из внутреннего храма вином, которое разделил Иоанн между людьми, напивались пьяными, и маслом мазались, и израсходовали больше гина, то есть меры шестилитровой, и действовали без содрогания и без страха. Не боюсь я говорить об этом, ибо говорить об этом велит мне страдание. Думаю, что если бы еще помедлили римляне напасть на окаянных, то либо земля расступилась и поглотила бы их, либо потоп потопил бы город, либо огонь Небесный, как в Содоме, пожег бы их. Даже безбожный Ирод не делал больших злодеяний, чем они. Из-за безбожия мятежников все люди с ними погибли. Не рассказать во всех подробностях о горе людском. В те же дни был некто Маннай, племянник Лазаря, которого воскресил из гроба Иисус, когда Лазарь уже начал гнить. Этот Маннай перебежал к Титу и сказал ему, что через одни ворота, которые ему было поручено сторожить, вынесено было 115 800 трупов, начиная с того дня, когда обступили город, — было это в 14-й день месяца ксантика, то есть апреля, — и до первого дня месяца панема, то есть июля. И это мертвые были из бедняков, а остальных родственники погребали. Погребе-

ние же это состояло в том, что умерших выносили за город и бросали в пропасть.

После этого и другие перебежчики из знатных людей сообщали Титу число мертвых из бедняков, через все ворота вынесенных — 600 000, а остальных число неизвестно было. Некоторых же мертвецов собирали и сваливали в домах, и дома запирали. И пшеничная мера продавалась за талант золота. Потом же, когда огорожен был город, и люди не могли выходить для собирания трав, до того они дошли, что стали искать скотский навоз, и выедать оттуда. И то было им пищей, на что раньше глазами не могли смотреть. Римляне же слышали о таких бедствиях и сожалели, а мятежники видели, и не жалко им было, и ждали они до конца, пока беда не дойдет до них. Слеплен же был их разум Божьим судом, который и навел все эти несчастья на город и на живущих в нем.

Книга 6-я, о завоевании Иерусалима

Бедствия же в Иерусалиме возрастали с каждым днем все больше и больше. Мятежники же все сильнее ожесточались среди несчастий. Голод, когда кончился народ, и мятежников уже губил. Множество же скопилось трупов внутри города, и вид их страшен был, и вонь исходила от них нестерпимая. И когда шли мятежники биться, то по телам шли, и, наступая на них, не ужасались они, ни жалели, ни последней клятвы не опасались, поскольку надругались они над лежащими. Окровавили они свои руки убийством сродников и шли при этом на иноплеменников. Не надеялись они победить, но отчаялись спасения, и хулили Бога за то, что Он медлил и не посылал им скоро муки, которую они заслужили.

Римляне же большой труд совершили, и наносили землю и деревья, и поставили осадные насыпи за 21 день. Порубили же римляне, как было сказано прежде, окрестные селения на 120 верст от Иерусалима. И было жалко смотреть на всю окрестную землю, которую раньше украшали сады и огороды, а теперь была она опустошенной и голой. И тот, кто раньше видел красоту Иудеи и великолепие Иерусалима, а теперь увидел бы это опустошение, то не узнал бы там ничего, ибо всю красоту погубила война. Если бы кто и из местных издали пришел бы, то, стоя у городского места, стал бы спрашивать: «Где город?»

Когда осадные насыпи были закончены, то страх напал как на римлян, так и на иудеев. Иудеи боялись быть завоеванными, если не сожгут эти сооружения, римляне же не надеялись взять города, если насыпи будут сожжены. Ибо не осталось деревьев, и от многого труда изнемогли воины, и от частых неудач души их унывали. И печалились римляне о несчастье города больше, чем горожане. И как ни бились римляне с иудеями, те не смягчались, и всякий раз разрушались надежды римлян,

и насыпи их иудеи хитростью своей рассыпали, и стенобитные орудия твердости стен не могли осилить. Когда сходились в бою, то мятежность иудеев побеждала.

И оказывалась крепость иудейская сильнее голода, и внутренних раздоров, и войны. Порывы иудеев несокрушимы были, и бодрость среди бедствий была несказанная.

Потому римляне крепко сторожили осадные насыпи. Иоанн, то есть Иоханан, со своими сообщниками в Антониевой башне, понимал, что ему будет не спастись, если римляне пробьют стены. Когда же римляне ставили «барана», иудеи напали на них, но ничего не добились. Пришли они с пучками лучин и до того, как приблизились, бежали. Были иудеи остывшими и бездушными. И не все вместе, но понемногу выходили, и действовали вразнобой, и медленно, и с опаской, и с боязнью, в общем, так, как было несвойственно иудеям.

Нерешительно вышли иудеи, а римляне ополчились крепко и загородили проход к насыпям везде своими телами и оружием, чтобы не было возможности заечь их. И укрепился духом каждый из римлян, и решил не покидать битвы до самой смерти. Ибо всякая надежда на взятие города была бы отрезана у римлян, если бы и эти их сооружения сожжены были. Также и стыдиться бы они стали весьма, если бы снова одолели их: немощные — могущественных, отчаявшиеся — воинов, неопытные — опытных, иудеи — римлян. Потому иудеи, испугавшись, обратно поскакали, упрекая друг друга в трусости. Было это в первый день панема месяца, то есть июля. Когда же отступили иудеи, приставили римляне орудия для взятия города. При этом иудеи поражали их из Антониевой башни камнями, и огнем, и железом, и всеми возможными способами. Хотя иудеи и надеялись на крепость стен, и «баранов» не боялись, они все же боролись с римлянами с высоты, мешая установке орудий. Римляне же, думали, что рвение иудеев происходит из-за слабости Антониевой башни и еще крепче били стены. Часто нанося удары, воины римские не склонялись перед тем, что летело на них сверху, однако лишь немного повредили стены. Другие же римляне прикрывались щитами, и стали копать руками и железными орудиями, и 4 камня с трудом выломали из стены и отволокли с большой горы.

Ночью же наступил покой, и все отдыхали. Стены же внезапно упали, весь день сотрясаемые «баранами». Разрушилось то место стены, где Иоанн, то есть Иоханан, раньше делал подкоп, чтобы подойти под римскую насыпь. После этого происшествия дивно повели себя обе стороны. Иудеи, которым следовало бы опечалиться из-за разрушения стены, вопреки ожиданию, большую надежду возымели, ибо рядом башня Антониева стояла. Римляне же очень обрадовались, но их радость угас-

ла скоро, когда они увидели другую стену, которую построили воины Иоанна, то есть Иоханана, внутри. Взять эту стену было проще, ибо можно было залезть по камням упавшей стены, и эта новая стена была некрепкой, ведь только что построена она была. Однако не смел никто из римлян приступить к стенам, ибо явная смерть ждала тех, кто бы начал приступ.

Тит же знал, что дух воинов легче всего поднять, если к ним обратиться с речью, и обнадежить, и дать наставления, и посулить дары. И тогда они, забывая о грозящей опасности, на смерть прямо идут. И собрал Тит вместе храбрейших воинов и, испытывая их, сказал: «О, воины! Обвинять будут повелителя, который приказывает своим подчиненным на безопасное дело идти, и исполнение таких приказаний славы не принесет. Подобаает же повелителю подвигать воинов на дела славные и невозможные. Простые же дела и возможные сами люди сделают и без наставлений. Я же вполне осознаю, как трудно подойти к стенам, а потому напоминаю вам, что подобаает жаждущим славы стремиться туда, где труднее всего, и искать смерти похвальной, и кончины, приносящей полезные плоды. Подумайте о терпении иудеев и о стойкости, с которой они переносят любые бедствия. Неужели же вы, римляне и мои воины, которые обучались в мирное время ратному делу и в войнах привыкли побеждать, теперь потерпите поражение от рук иудеев? Ведь душами мы уже близки к победе, и Бог помогает нам. Поражения наши от мятежности иудейской происходят. Несчастья же иудеев возрастают вашей доблестью и Божьей помощью. Ибо внутренние мятежи, и голод, и осада города, и падение стены без участия орудий — все это помощь нам. Если же уступим мы тем, кто слабее нас, и Божественную помощь отвергнем, то не по своему обычаю поступим, и будет стенать закон римский. Ведь иудеи, привыкшие раньше в рабстве находиться, теперь, борясь за свободу, о смерти и не думают, и выбегают на нас, и среди нас бьются, не надеясь на победу, но только желая показать истинное мужество. Вы же, владеющие всеми землями и морями, даже и не думаете о том позоре, который будет вам, если скоро не победите врагов. Никто из вас не желает войти в город к противникам, но ждете, когда одолеют их голод и время, и ничего не делаете, обладая оружием, в то время как немного усердия могло бы все исправить. Если удастся занять Антониеву башню, то и город наш будет. Если же внутри будет сопротивление, то мы, находясь сверху и не давая иудеям продохнуть, ускорим наступление полной победы. Я же весьма хвалю и воспеваю тех, кто кончает жизнь в бою. А тех, кто по-другому думает, порицаю, и пусть от болезни умрут, и души их вместе с телами погребены будут. Все добрые люди ведают, что у того, кто погибнет в бою, душа железом от тела отсекается, и идет в чистую стихию, в эфир, и там такие души

принимают и помещают среди звезд, и потом они делаются духами добрыми и полубогами, и милость оказывают своим сродникам с кротостью. А те, что в недугах с телом высыхают, если даже и чистыми являются от скверны и греха, но тьма земная объемлет их, и без памяти там пребывают. Если же суждена людям кончина, и невозможно никому избежать ее, то лучше от железа скончаться, нежели от недуга. И тот, кто не пользуется удобным для такой кончины случаем, неразумен. Причем это я говорил вам, не надеясь на ваше спасение в этом деле. Однако бывает и такое, что храбрецы, в великих опасностях находясь, спасаются. По этим камням разрушенной стены вы можете взобраться, а новая стена недавно построена и скоро будет разрушена. Если же вы встанете крепко в этом деле и друг другу поможете, то враги, вашу решимость видя, ослабят свою гордыню, так что может случиться, что без вреда и без крови вы победите, как только приступите к стене. Знаю, что иудеи попытаются помешать вам взобраться на стены, но если вы стерпите первый натиск, то не устоят они больше. И если я не наделю того, кто первым пойдет на стену, почетом и дарами, всем на зависть, то да будет мне позор. Если этот воин живым останется, то пусть управляет теми, с кем сейчас равен. А если падет и убит будет, то унаследует уважение и славу, и тем, кто родился от него, вечный почет и воздаяние будет». И так говорил Тит, и все воины устрашились из-за большой опасности.

Человек же один, по имени Сабин, родом сириец, и руками крепкий, и душой, вызвался пойти первым. Не выглядел же он воином, смугл был, и сухощав, и неуклюж, но была в нем душа, как у полубога, храбрее тела. Этот Сабин первым встал и сказал Титу: «О, царь! Ныне предаю голову свою за тебя смело, и первым восхожу на стены, и молюсь, чтобы сопутствовала моей силе и воле твоя удача. Если же паду до окончания дела, ты знай, что я не отступил, но решил умереть за тебя».

И сказал так этот Сабин, и взял щит в левую руку, и поднял его над головой, а в правую взял обнаженный меч, и так пошел к стенам. Было это в 6-й час дня. И последовало за ним еще 11 воинов, вдохновленных мужеством его. Сабин же перед всеми шел с рвением дивным. Защитники города, увидев его, метали в него со стен копья и стрелы пускали бесчисленные, и камни большие скидывали, и так 8 из пришедших римлян поразили и обратили вспять.

Сабин же противостоял всему летящему в него и, утопая в стрелах, не прекращал свое движение, пока не взошел наверх. Там он сошелся со стражниками и победил их. И все иудеи ужаснулись силе его и крепости и, думая, что много римлян взобралось, бежали. Но не зря упрекают судьбу некоторые, что она всегда завистлива к тем, кто делает добрые дела, и мешает им закончить преславные подвиги.

Так и этот Сабин, когда уже одолел всех, показав свою непобедимость, тогда упал на землю с большим грохотом, зацепившись за камень тяжелым оружием. И вернулись иудеи, увидев, что он один, и упал. И пришли, и обступили его, и всего искололи копьями и мечами. Сабин же, едва встал на колени, и прикрылся щитом, и многих иудеев заколол, а других многих ранил.

Когда вся кровь вытекла из Сабина, ослаб он и руки опустил, и пока он испускал дух, покрыли его стрелы, и копья, и мечи. Человек этот заслуживал за мужество свое лучшей доли, но тогда пал, ибо так было суждено, либо же из-за того он пал, что сам не берегся. Другие же трое, которые с ним пошли и первыми оказались у стенных заграждений, сокрушены были камнями. Этот подвиг был содеян в 3-й день месяца панема, то есть июля.

Через два же дня собралось 20 римлян, охранявших насыпь, и привлекли они к себе знаменосца 9-го полка, и двух конников, и трубача одного. И в 9-й час ночи пошли они тайно и влезли на Антониеву башню, и порубили ближайших стражников, пока они спали, и заняли стены, и трубачу велели трубить. И остальные стражники слышали трубу, и вскочили, и разбежались, прежде даже, чем увидели тех, кто залез на башню. Звук же трубы нагнал на них страху, подумали они, что много противников залезло.

Император же услышал звук трубы и поднял скоро все войско, и первым взошел на стены с избранными военачальниками. Иудеи бежали к храму. Римляне же устремились по проходам подземным, которые Иоанн, то есть Иоханан, раньше прокопал против них. И перекрыли им проход все воины иудейские, и, чтобы помешать римлянам пройти, действовали всю свою силу и всю храбрость, ибо понимали они, что окончательно завоеваны будут, если римляне войдут в святилище и увидят то, что нельзя видеть. И был бой жестокий: римляне храм занять стремились, иудеи же оттесняли их к Антониевой башне.

И тогда, метая копья и пуская стрелы, с обнаженными мечами, сошлись неприятели. И в том бою невозможно было понять или узнать, кто с кем бьется, ибо сумятица возникла среди воинов, и на улицах смешение, и шум, в котором ничего нельзя было разобрать. Великое множество воинов сошлось, и кровь лилась с обеих сторон, как река. И тела упавших, и их вооружение сокрушалось в бою. И всегда там, где одна из сторон пересиливала в бою, слышались погоняющие клики тех, кто одолевал, вопли же и стоны тех, кто бежал. Ни бегству, ни погоне не было места, но в общей суматохе войска то гнались, то убегали. Тем, кто сражались впереди, нужно было либо убить, либо быть убитым, и не было для бегства места, ибо те, что шли сзади, теснили передних и

не давали им места для отступления. Потом же и мечи изломали, и руками стали биться, и всякое оружие, которое удавалось найти, служило тому, кто его находил. Пересилили же иудеи римских воинов, поскольку они с девятого часа ночи бились до 7-го часа дня, и бились все вместе, понимая опасность полного взятия города. Римляне же были не все, но малая часть войска, ибо не все вошли. И войска перестали биться. Римляне же были довольны и тем, что заняли Антониеву башню.

О храбрости Юлиана сотника

Юлиан же некий был, сотник из Вифинии, человек знаменитый, с которым я в то время познакомился. Превосходил он всех крепостью, и опытом владения оружием, и силой телесной, и душевными качествами. И увидел Юлиан римлян отступающих, и сам, стоя возле Тита в Антониевой башне, отпросился у него, и вскочил на коня. И одолевали уже иудеи, а этот Юлиан один прискакал на них и победил их, и гнал их до угла внутреннего святилища. И бежали все иудеи вместе, думая, что сила в нем нечеловеческая. Он же посреди их скакал, и рубил их, и настигал их, ему же и император подивился, и другие все устрашились. Но впоследствии и этого Юлиана настигла судьба, которой никто не может избежать из смертных.

Когда был заколот конь его, этот Юлиан и пешим сражался, как если бы он на коне скакал, как дух. И наступил он на множество обломков острых, и пошел по каменной мостовой, и поскользнулся, и упал на спину, и звякнуло оружие его. И тут же обратились на него те, кто бежал от него. Римляне же из Антониевой башни воскликнули в страхе за него. Иудеи же обступили его все вместе, и прокололи копьями, и топорами зарубили, и камнями закидали, и палками забили, и этим одним всех римлян устрашили. Юлиан же много раз хотел встать, но окружен был и не мог. Однако он заколол многих из тех, кто нападал на него. И не могли его скоро убить, поскольку был он защищен шлемом на голове и броней по всему телу. Когда только отрубили ему конечности, и никто ему не помогал, он пал. И очень сожалел о нем император, видя, как столь доблестного человека рубят на его глазах. Удаленность же места, где был Тит, не позволяла ему тогда же отомстить иудеям за Юлиана. Сотник этот лишь немногим из тех неприятелей, что стояли вокруг него, не нанес никакого вреда и затем жестокую смерть принял. Еле-еле отрубили иудеи голову ему. И Юлиан очень прославился не только среди римлян, но и среди иноплеменников.

Иудеи же схватили труп Юлиана, и снова обратились против римлян, и снова смогли оттеснить их к Антониевой башне. И тогда проявили храбрость из воинов Иоанна, то есть Иоханана, — Алекса и Гифтей;

из воинов Симона Нигера — Малахия, и Иуда, сын Мертона, и Соса, сын Иакова; из ревнителей — Симон и Иуда, 2 брата, сыновья Иаира сотника.

Тит же повелел воинам сравнять с землей Антониеву башню, и выровнять дорогу, и расширить, чтобы вошло все войско Тита.

Иосифу Тит повелел обратиться с речью к Иоанну, то есть Иоханану, как и прежде, ибо Титу сообщили, что жертва Богу прекратилась в храме, и не было приношения никакого же, и народ скорбит об этом. Иосиф же встал на высоком месте и сказал: «О, Иоанн, то есть Иоханан! Если уж вошло в тебя дурное желание воевать и жаждешь ты кровь свою пролить, то выходи и выводи столько воинов, сколько хочешь. Но не дай погибнуть городу моему и храму, и не оскверняй святилища, и не гневи Бога, и пусть жертву приносят те иудеи, которых ты сам выберешь. Пощади отечество свое, погаси пламя, которое уже касается святилища». И слышали эти слова люди, и печальны были, и молчали. Иоанн же, то есть Иоханан, много оскорблял Иосифа и проклинал, а в конце добавил: «Никогда не испугаюсь завоевания города, ибо Божий город этот». Иосиф же воскликнул на эти его слова: «Если Божий город этот, то, может быть, во всем чистым сохранил ты его для Бога, и не осквернил святилища, и не совершил беззаконий против Того, кого ты надеешься иметь помощником, и установленные приношения, может быть, ты приносишь? Если у тебя, у беззаконника, кто-нибудь будет отнимать пищу хоть один день, то врагом тебе будет и противником. От Бога же, у которого ты отнял постоянно приносимую Ему жертву, какой ты ждешь помощи в войне? Возлагаешь ты этот грех на римлян, но они-то до сих пор пекутся о нашем законе и побуждают тебя приносить Богу жертвы, которые ты прекратил приносить. Все стонут и плачут, видя, как изменился славный город наш. Иноплеменники и неприятели твое беззаконие хотят исправить. Ты же, иудей, родившийся в законе, являешь себя хуже их. Но не зазорно тебе, о, Иоанн, то есть Иоханан, уклониться от зла. Добрый пример тебе явил собой царь иудейский Иехония. Когда в прежнее время пришли на него войной вавилоняне, он, не дожидаясь завоевания, по доброй воле сдался, и со своей семьей, чтобы не пожгли неприятели дома Божьего. И до наших дней все иудеи поют в его честь песни священные, и память о нем идет через века, и постоянно обновляется, и делает его как бы бессмертным. Надлежит тебе, о, Иоанн, то есть Иоханан, также сделать, даже если тебя несчастье ждет. Я же тебе обещаю прощение от римлян. Вспомни, что я соплеменник твой. И подбавляет тебе смотреть, кто с тобой беседует, и откуда он. Ибо не будет никогда же, чтобы я забыл род свой и отечество. Но ты все также гневаешься на меня и оскорбляешь. Воистину достоин я еще худшего об-

ращения от тебя, поскольку говорю то, что противно суду Божьему, и пытаюсь спасти тех, кого Бог осудил. Ибо все знают писания древних пророков и ту судьбу, которая ждет этот многострадальный город. Пророки предсказали некогда, что завоеван будет город Иерусалим, когда встанет на бой сродник против сродника. И вот теперь, как все знают, город и святилище полны трупов. Поскольку кровь праведную возложили вы на себя и на род наш, потому Бог, сам Бог, и, снова скажу, Бог навел на нас римлян, чтобы очистить святилище огнем. И захвачен будет Иерусалим, поскольку полон он скверны несказанной». И так говорил Иосиф с рыданием и со слезами, и прекратил речь, содрогаясь от плача. Римляне же сожалели ему и удивлялись.

Иоанн же, то есть Иоханан, и те, которые окружали его, еще больше воспылали враждой к римлянам и жаждали Иосифа схватить. Слово же Иосифа многих из благородных иудеев воодушевило, но боялись они стражи городской и в городе оставались, хоть и знали, что погибнут с городом. Некоторые же иудеи время для побега находили и перебежали к римлянам. Среди них были первосвященники Иосиф и Исус, также из сыновей первосвященников трое, и другие знатные иудеи. Император же с почетом их принял и послал в Гофну, понимая, что не по нраву им будет находиться среди иноплеменников, живущих по другим обычаям. И повелел этим знатым иудеям Тит, чтобы они пока жили в Гофне, и обещал отдать каждому из них его имущество полностью, когда закончится война. И не появлялись эти иудеи в стане римлян, поскольку были в Гофне.

Мятежники же сообщили повсюду, что убил этих иудеев Тит; хотели они запугать людей и отвратить оставшихся в городе иудеев от побега. И некоторое время им удавался этот обман, ибо многие иудеи воздерживались от побега из-за страха, что они будут убиты в стане римлян. И Тит узнал об этом и вернул из Гофны беженцев обратно в стан, и повелел им с Иосифом обходить город и показываться перед людьми. И многие тогда, видя их, бежали к римлянам.

И собирались беженцы из иудеев, и подходили к стенам города, и плакали, и рыдали, и умоляли мятежников, и говорили: «Покоритесь римлянам, этим вы отечество свое спасете. Если же сдать не желаете, тогда перейдите туда, куда вам нравится, а храм пусть останется без вреда. Римляне же, без крайней необходимости, не поднимут руку на святилище». И снова не слушались мятежники, и с гневом и руганью поносили тех, кто к ним обращался.

И поставили мятежники на храмовых воротах камнеметные и копье-метные орудия и все необходимое для боя, и по святым местам, там, где нельзя было даже ходить, они сновали с оружием, капая еще теплой

кровью сродников своих. И к такому беззаконию мятежники обратились, что даже римляне гневались, когда смотрели на них. И с трепетом кланялись римляне святыне, и умоляли разбойников покаяться.

Тит же опечалился весьма и передал Иоанну, то есть Иоханану, и людям его такие слова: «Не вы ли, скверные, ограду эту построили перед святилищем? Не вы ли надписи установили и начертали заповеди: и по-гречески, и по-нашему, и по-своему, чтобы никто же не переступал ограды этой? Не мы ли дали вам право убивать всякого, кто переступит эту границу, если даже римлянином он будет? Почему же теперь, окаянные, мерзостью наполнили вы святое место, и топчете его, и оскверняете храм своей кровью? Свидетельствую же вам перед богами своими и перед вашим Богом, который раньше был милостив к месту этому, а теперь не думаю, что так; свидетельствую же и перед воинами своими, и перед вами, что не я понуждаю вас осквернять святыню. Если же любое другое место укажете для боя, то не позволю ни одному же человеку моему вступить в святое место это. Уберегу же я храм от осквернения, даже если и вы не хотите этого». Так Иосиф говорил со слов императора. Разбойники же с предводителем своим гордились, думая, что не из желания добра им, но из-за страха перед ними умоляют их.

Тит же увидел, что ни о себе не думают разбойники, ни храма не щадят, и снова к бою изготовился, против воли своей. Всего же войска невозможно было привести к храму, поскольку тесное было место и неудобное. И избрал Тит из каждой сотни по 30 лучших, и поручил их Цереалу военачальнику, и приказал ему в 9-й час ночи напасть на стражников. Хотел же Тит и сам идти с Цереалом.

Однако военачальники отговаривали императора идти в бой, потому что им важно было его сохранить, и говорили военачальники Титу: «Если ты будешь с Антониевой башни смотреть, как бьются воины, то все они постараются быть храбрыми и доблестными в твоих глазах». И послушался военачальников своих император, и сказал им: «Для того я останусь на башне, чтобы видеть лучше воинов, да не останутся без почета храбрые и без порицания трусливые».

Так, Тит расположился на Антониевой башне и стал смотреть, на чьей стороне будет перевес. Когда посланные Титом римские воины подошли, иудейские стражники, вопреки ожиданию, не спали, и выскочили они с криком, и вступили в бой с римлянами. И разбойники, находившиеся внутри помещений, услышали крик своих товарищей, находившихся снаружи, и побежали к ним на помощь. Римляне же выдержали натиск тех иудеев, которые подспели первыми. А те иудеи, что вышли после них, напали на этих первых, думая, что это неприятели. И многие мятежники порублены были своими же, ибо не было воз-

возможности разобрать отдельных голосов из-за общего крика, ни узнать друг друга в ночной темноте. Римляне же, которые знали свои опознавательные слова и могли разобрать речи своих, не вредили друг другу. Иудеев же, которые, выдвинувшись вперед, снова шли назад, убивали свои же мятежники, которые думали, что это идут неприятели. Так что, по большей части, иудеев ранили свои же товарищи, нежели противники.

Потом же, когда рассвело, и наступил день, то на свету можно было видеть битву. Воины тогда закончили биться вразнобой и отошли каждый к своему войску, и стали сражаться в обычном порядке. И бились без усталости как те, так и другие. Римляне же, поскольку видел их Тит, соревновались в отваге друг с другом и помышляли, что этот день может стать началом славы их, если крепко будут биться. Иудеям же придавал силы страх за себя и за храм. Также и жестокий предводитель их стоял над ними: одних просил, других бил, третьим угрожал, понуждая к бою. Ни одна же из сторон не нападала и не отступала подолгу, но, немного отбежав, воины возвращались, а те, кто гнали врага, скоро сами от него бежали. И сильный крик был с Антониевой башни: римляне кричали своим, чтобы те стояли крепко. С высоты бой смотрелся как воинское представление, и Тит был среди зрителей и видел все.

Начали они биться в 9-й час ночи, а в 5-й час дня разошлись, и не уступили того места ни одни, ни другие. Победа же повисла между двумя войсками и не склонялась ни на ту сторону, ни на эту. Из римлян же многие благородные воины доблесть проявили, из иудеев же Иуда, и Симон, и Иаков, и Алекса, и Гифтей.

После этого остальные воины римские за 7 дней сравняли с землей основания Антониевой башни и расширили подход к храму, и приблизились они к первым стенам храмовым.

И стали римляне насыпи осадные возводить: один полк — напротив угла внутреннего храма, с юго-запада; другой же — напротив пространства между двумя воротами, с севера; третий же — у западных переходов внешнего храма; а четвертый полк делал насыпь снаружи, с северной стороны. С великим же потом и трудом устанавливали эти сооружения, деревья же носили за 130 верст.

Некоторые из конников, когда ходили за дровами или за травой, снимали узду с коней и отпускали. Иудеи же, украдкой выходили и похищали коней. И сообщили об этом Титу, что из-за нерадения воинов пропадают кони. И пригрозил им Тит смертью и повелел казнить тех, у кого пропали кони. Тогда остальные стали бояться и беречь коней и не пускали их больше на пастбище, но и днем и ночью, как в объятых, держали своих коней.

Через один день после того, как окопались римляне, многие из мятежников собрались, поскольку недоставало им съестного, и напали на стражников римских, которые сторожили Елеонскую гору. Было это в 11-й час дня. Иудеи рассчитывали, что римляне будут после принятия пищи отдыхать беспечно и внезапности нападения испугаются, и побеждены будут. Римляне же вовремя заметили появление иудеев и сбегались скоро, и помешали неприятелю войти в стан, и устроили большую сечу. И много храбрости показано было с обеих сторон, ибо римляне самыми сильными и опытными воинами были, иудеи же не щадили себя и в слепой ярости бросались на врага, и искали себе смерти, чтобы спастись от лютого мучителя — голода, который также был и воеводой им. Иудеев понуждал к сече пустой желудок, римляне же не желали опозориться и выпустить иудеев, как из сетки или из западни. У иудеев одна надежда на спасение была — рывком пробиться через заграждения.

Один же римский конник, по имени Педаний, когда иудеи обратились в бегство и по ущельям теснились, сбоку к ним подскакал на коне и схватил одного иудейского юношу, убежавшего от противников, толстого телом и с тяжелым оружием. И схватил Педаний юношу за голень, и удивились все тому, насколько он смог свеситься с коня на всем скоку, и какая сила в руках его и в теле была, и каким борзым был его конь, и каким искусным всадником был сам Педаний.

Педаний же, схватив юношу иудейского, принес его, как вещь прекрасную, императору. Тит же подивился силе пленившего, а плененного повелел казнить. Затем же Тит к храму подошел и поторопил воинов с окончанием насыпи осадной. Иудеи же терпели частые поражения в боях, которые шли постоянно и все более к святилищу приближались.

И как от сгнившего тела отваливаются части, также и мятежники отрубали и жгли постройки, которые прилегали к храму, и, начиная от северных переходов, пожгли все до Антониевой башни, и порубили переходы еще на 20 сажень. Так, иудеи своими руками начали жечь святыню. А через два дня, в 14-й день месяца панема, то есть июля, и римляне зажгли ближние переходы. И когда огонь пылал за 15 локтей от иудеев, они отрубили покрытие переходов, и сравняли их с землей, чтобы не было строений, прилегающих к Антониевой башне.

Тогда же один иудей, ростом низкий и на вид шуплый, родом из простых, вышел на гробницу первосвященника Иоанна, и похвалялся, и поносил римлян, и вызывал на бой самого храброго из них, и говорил римлянам: «Нет среди вас никого, кто бы мог со мной биться один на один». И так унижал всех этот иудей. Многие же смеялись над ним, некоторые опасались, ибо приходила к ним мысль разумная не биться с че-

ловеком, жаждущим смерти. Ведь если кто-нибудь не надеется выжить и нападает, то не бережет себя и в сечу идет без опаски и без промедления. Некоторые же римляне говорили друг к другу: «Славы немного будет, если победить этого немощного? А если пойдет кто-то против него, но по Промыслу Божьему падет, как иногда бывает, то, хоть и обычная это смерть, позора будет не избежать. Ибо найдутся те, кто будут говорить по незнанию, что смерть произошла из-за слабости павшего, а не по Промыслу Божьему. Так что если и победить этого немощного, ничего хорошего не будет, и если он победит, то также плохо будет». И никто же долгое время не выходил биться с этим иудеем. Он же всячески хулил римлян и обвинял их в трусости.

Один же римлянин, по имени Пуд, раздраженный заносчивостью иудея и бесстыжестью его, в насмешку над его немощью сошелся с ним. И бился римлянин с иудеем разным оружием, и руками боролся, и победил его. Но судьба была против Пуда, и споткнулся он неожиданно, и упал. И подскочил иудей к нему, и вонзил в него меч; потом же встал на труп его и, кровавым мечом махая, прыгал, и плясал радостно, как будто всех римлян убил. И кричал этот иудей всем римлянам, криком желая вызвать их, и убитому, кривляясь, говорил: «Раздели между своими соратниками дань, которую от меня взял, и императору дай часть». И римлян, смотревших на него, этот иудей ругал со злобой, и прыгал, и похвалялся, и хотел достать до небес своей гордыней, пока Приск, сотник, не застрелил его. И попал ему Приск в рот и в горло, и тотчас же повалился иудей, и от раны умер он на лежащем трупе убитого им римлянина. И раздался крик среди иудеев и среди римлян. Так что воинское везение, как известно, непостоянно, но скоро изменяется. И если кто-то в безумии своем хвастает тем, что ему повезло, тот вскоре будет осмеян судьбой.

Мятежники же из храма всякий день бились с римлянами, которые делали насыпь. И в 27-й день того же месяца панема, то есть июля, так обманули иудеи римлян.

Западные переходы между перекрытиями и кровлей они наполнили сухими ветками со смолой и с серой. Затем же иудеи притворились, как будто они отступают. И тогда многие из недалевидных римлян поспешили напасть на отступающих иудеев.

И поставили римляне лестницы, и залезли на переходы. И сразу иудеи подожгли переходы, и, когда запыхал огонь всюду, отступили они все. Римляне же не могли ничего придумать и бросались назад, в ущелья, а другие — к врагам, и гибли все. А некоторые от огня гибли, а некоторые закалывали себя.

Император же гневался на гибнущих воинов своих, поскольку без повеления залезли они на переходы, но также и жалел их, ибо не было никого же, кто бы мог им помочь. Это было утешением умирающим, поскольку видели они императора, за которого каждый из них жизнью своей жертвовал, и видели они, как этот император кричит, и мечется, и умоляет, чтобы друг другу помогли они, чем могли. И воины, крики радостные издавая, с благодарностью и весельем умирали. Некоторые же римляне выбежали на прилегающую к переходам стену, которая широкой была, и там от огня спасались. И обступили стену иудеи, и поражали римлян, пока не убили всех.

Один же из римлян, юноша, по имени Лонг, содеял подвиг, достойный упоминания. Иудеи не могли убить его и обещали ему спасение, и уговаривали слезть к ним. Брат же его, Корнилий, невдалеке от Лонга стоял и вопиял к нему, чтобы не посрамил он рода своего и не опозорил воинов римских. И этот Лонг послушался брата, и вынул он меч и на глазах у всех пронзил им себя.

Один Арторий хитростью от огня спасся. Он призвал Луция, своего товарища, и обратился к нему громким голосом: «Тебя сделаю наследником моего богатства, если подойдешь и поймаешь меня». Луций же с готовностью подбежал. И Арторий спрыгнул на него и живым остался. Луций же тяжестью Артория повергнут был, и упал лицом на камни, и умер. Иудейский обман с поджогом переходов опечалил римлян на некоторое время. Зато научились они остерегаться обмана иудейского, от которого много раз римляне страдали, не зная местности иерусалимской и обычаев людей. И сожжены были переходы до башни Иоанна, то есть Иоханана, которую тот построил, когда бился с Симоном Нигером.

На следующий же день и римляне северные переходы пожгли. Те горожане, что умирали от голода в городе, опадали, как листья, и осыпались, как песок, и страдание несказанное было во всех домах.

Если скупая тень еды и появлялась у кого-то, то радовались. И боролись между собой любимые родственники, и выдавливали из горла друг у друга пищу, и это непотребство поедали, чтобы продлить жизнь себе. И не верили даже умирающим разбойники, но и тех, кто испускал дух, проверяли, нет ли у кого пищи за пазухой, не притворяется ли он лежащим при смерти. И с раскрытыми ртами, как бешеные псы, в дома врывались мятежники и ничего не находили, и шатало их, как пьяных, туда, куда и не хотели они идти.

И не могли мятежники нигде найти ничего съедобного. В один и тот же дом по три, по четыре раза заходили за один час. Нужда заставляла людей вгрызаться зубами во все, что они находили. Даже то, что было

непотребным для нечистых и неразумных тварей, то сами люди, если находили, с радостью поедали. Под конец ни от кожаных поясов, ни от обуви не отказывались. И кожу со щитов сдирали и с радостью ели. И если и сгнившее сено или солому находили, то было это им пищей, как бы из благоуханной травы приготовленной.

Некоторые же люди мелкие частицы сена собирали и продавали, за полгривны четыре золотника аттических. И зачем мне так подробно описывать беду, в которой находился город? Достаточно мне привести такой случай, который ни у эллинов, ни у диких народов не описан. Страшное это дело для рассказчика и невероятное для слушателей. Я же и не рассказывал бы об этом событии последующим поколениям людей, опасаясь, что посчитают меня лжецом, и с радостью обошел бы я страшный рассказ этот, если бы не было свидетелей и очевидцев бесчисленное множество. Кроме того, сомнительную услугу окажу я отечеству моему, если утаю о тех страданиях, которые оно приняло.

О женщине, съевшей дитя свое

Женщина одна была, с той стороны Иордана, по имени Мария, дочь Елеазара, из деревни Бетезоп, что значит «дом иссопа». По своему происхождению и по богатству была она из лучших людей. И с другими людьми в Иерусалим она прибежала. Имуущество же ее, которое она отложила и принесла из-за Иордана, мучители разграбили и не оставили ей ничего же, никаких вещей дорогих. И всю пищу, которую она добывала, отнимали у нее разбойники, приходя каждый день. Дикое ожесточение вошло в женщину эту, и взывала она к жалости, и проклинала грабителей, и подстрекала их, чтобы ее кто-нибудь убил. Потом же увидела она, что никто не берется убить ее, ни из гнева, ни из жалости. И трудилась она, и ходила к другим людям, чтобы найти что-нибудь съедобное, и не могла найти нигде же. Голод же проник во все внутренности ее и в мозги, и приняла эта женщина себе в советники нужду, и на свое родное покусилась. Был же у нее ребенок грудной, и сказала мать ребенку своему: «Младенец милый! Обступила нас война, и голод, и мятеж. Для кого я тебя берегу? Если римляне схватят нас, то попадем мы в рабство тяжелое и нестерпимое. Если римляне не успеют, то достанемся мы голоду. Мятежники же еще страшнее, чем римляне и чем голод. Ступай же, дитя, туда, откуда пришло, и будь мне пищей, мятежникам проклятием, а потомкам свидетельством того, до чего дошла жизнь иудеев». И с этими словами заколола женщина сына своего, и испекла, и разделила на две половины: одной половиной насытила утробу свою, другую же покрыла и оставила. Тут и мятежники пришли, как обычно, и скверный запах унюхали, и угрожали смертью, если не

покажет хозяйка, где то, что она приготовила. Она же сказала: «Большую часть оставила вам». И показала им женщина, где лежало то, что осталось от ребенка. Те же увидели, и объял их страх, и трепет, и ужас, и перед этим зрелищем мятежники окаменели. Женщина же сказала: «Это дитя мое, мной рожденное, мной же и приготовленное. Ешьте, ибо и я ела. Не будьте нежнее женщины и милостивее матери. Если же вы так благочестивы, что заколотое мной отвергаете, то я съем и остаток, мне оставьте». Потом же мятежники в страхе вышли. Лишь это одно их испугало, и лишь эту пищу уступили матери.

И сразу известно стало во всем городе об этом скверном деле, и каждый перед своими глазами представлял ужас этот, как если бы он сам его произвел, и боялись все. Голодавшие желали смерти и завидовали прежде умершим, которые не видели такого злодейства.

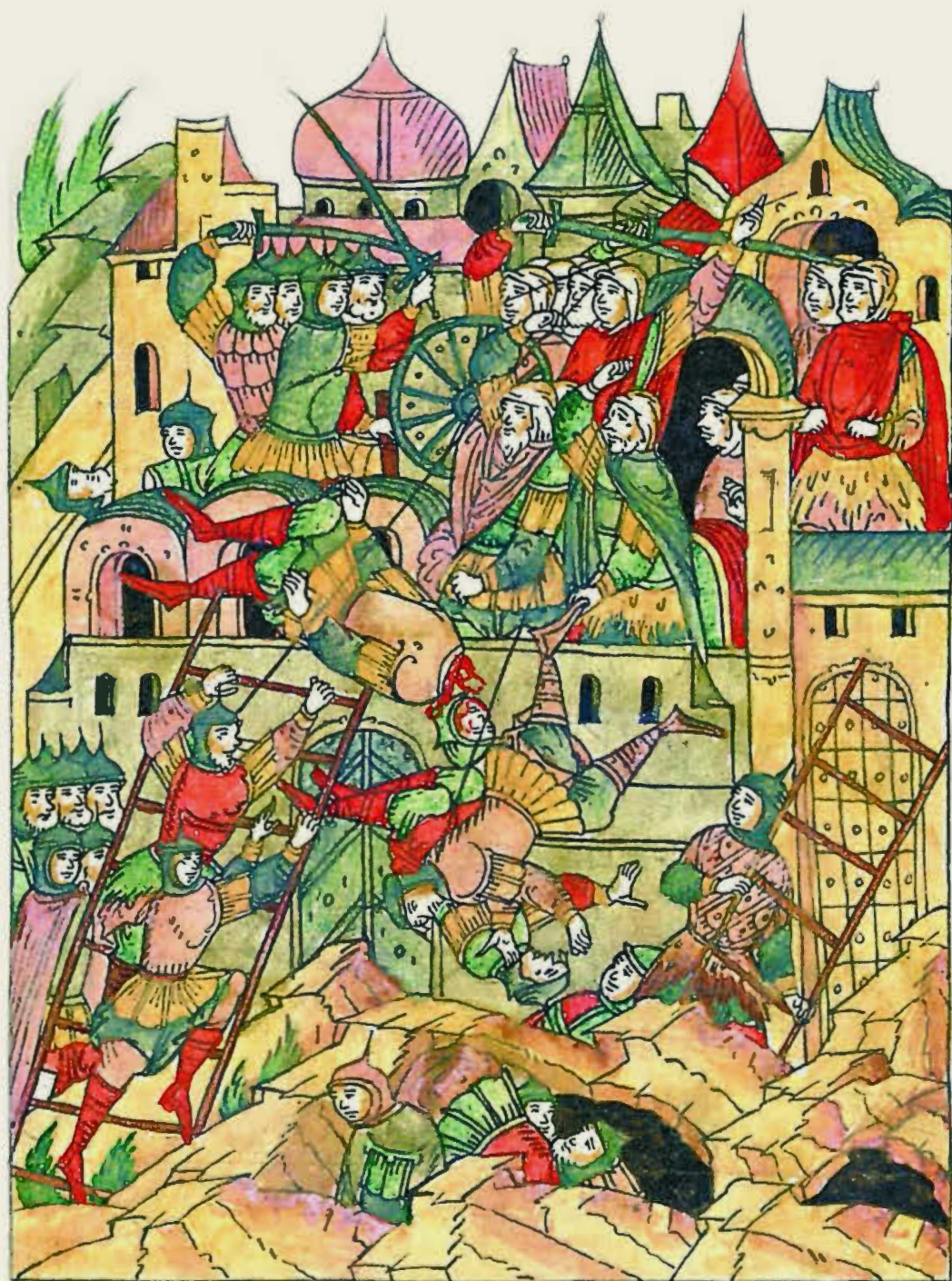
Вскоре и к римлянам принесли весть об этой беде. Из них же некоторые не верили, некоторые жалели, некоторые же чувствовали отвращение сильное. Император же дал ответ об этом Богу, и сказал: «Я иудеям мир и волю жить по своему закону давал, и не вспомнил бы ни мятежа их, ни всего зла, которое они сделали. Они же вместо согласия раздоры выбрали, вместо мира войну, а вместо сытости и изобилия страдание и голод. А теперь своими руками стали зажигать они святилище свое, которое я сохранял доселе. Потому и достойны они такую пищу принимать, и покроет скверну поедания детей падение города, и не останутся в живых люди, и не видит солнце этого города, в котором матери детей своих едят. Надо было бы не матерям, а отцам сделать эту еду, поскольку, такие страдания видя, все еще вооруженными пребывают». И после этих слов размышлял Тит: «Как же отчаялись люди эти! Не захотят они покаяться, и не станут они благоразумными».

Два же полка римские окончили насыпь в 8-й день месяца лаоса, то есть августа. И повелел Тит поставить «баранов» с западной стороны внутреннего храма.

Перед этим же 6 дней бил непрестанно стены Победитель, — так назывался самый большой «баран», — но не смог и он разбить ничего же.

Другие воины под северными воротами подкопали основание, и много потрудились, и едва вывалили передние три камня, но не обвалились стены, а стояли крепко. Так, римляне ни «баранами», ни железными орудиями, ни чем-либо другим не могли разбить стены.

Тогда лестницы римляне приставили к переходам. Иудеи же не спешили и не мешали им залезать наверх. Затем, выждав время, иудеи подбежали и схватились с теми, кто залезал, и бились крепко с римлянами: одних сталкивали вниз, других же в ущелья повергали. Некоторых же

римлян иудеи закалывали в бою, некоторых же, кто только залез и не успел еще поднять щит, иудеи опережали и рубили. Другие же иудеи лестницы отклоняли от стен и сбрасывали вниз.

Римляне же в некоторых местах возносили знамена императорские. Иудеи же устремились и жестокою сечу устроили, стараясь отнять знамена. Римляне же позором великим считали потерю знамени и не отступали, и бились, пока все не погибли.

Иудеи же знамена схватили и тех, кто залез на стены, убили, и хвалились, как будто убили или взяли в плен самого императора. Из римлян же никто же без мести не погиб, но прежде убивал, а потом уже убит был.

Тит же, видя, что вредит воинам милость его к храму, велел зажечь ворота. Тогда же перебежали к нему Анан из Аммауса и Архелай, сын Магадата, в надежде получить прощение у Тита, поскольку тогда они перебежали, когда одолевали иудеи. Тит же думал, что с обманом они пришли, ибо знал он о непреклонности иудеев, и хотел уже убить их, и сказал: «Вынужденно пришли, а не по доброй воле, и недостойны спасения, поскольку перебежали, когда увидели, что запылало отечество их». Но ради данного слова сдержал Тит гнев свой и простил их, однако не дал им условий, равных тем, в которых пребывали остальные перебежчики.

Воины же подожгли ворота серебряные, и, когда серебро расплавилось и потекло, пламя охватило доски, а оттуда неожиданно передалось по переходам. Иудеи же увидели пламя вокруг себя, и ослабили тела и души их, и от ужаса никто даже не пытался гасить огонь, но на одном месте стояли и смотрели.

Потом же, опечаленные весьма, иудеи пришли в себя, но не образумились, а разгневались на римлян еще больше. Весь тот день и всю ночь римляне поджигали дома и крытые переходы.

На следующий же день Тит послал погасить огонь и сравнять с землей то, что было сожжено, и расширить путь для войска. И призвал Тит шестерых из главных военачальников: Тиберия Александра, и Секста Цереала, и Ларция Лепида, и Тита Фригия, и Фронтоня Этерния, и Марка Антония Юлиана, правителя Иудеи; и совещался с ними Тит о храме.

Из этих военачальников одни говорили: «Подобает по закону войны отнестись к храму, ибо не прекратится среди иудеев мятеж, пока храм стоит, к которому они отовсюду стекаются». Другие же из военачальников говорили: «Если останутся иудеи и не будут поднимать оружие в храме, то подобает сохранить храм. Если же будут биться в нем, то храм надо зажечь, ибо это будет уже не храм, а башня, и беззаконие это не

на нашей совести будет, но на совести тех, кто заставил нас его совершить». Тит же сказал: «Если и среди храма будут стоять иудеи и биться, то и тогда не погублю я безжизненное строение вместе с ними, не сожгу такого здания. Если погибнет храм, то римлянам будет вред. Если же останется, то украшением будет он всей нашей империи». С этим мнением согласились Фронтон и Александр, и тогда распустил Тит советников.

И повелел Тит военачальникам отдыхать, и с воинами, чтобы крепче на следующий день ополчиться. В тот же день усталость и страх удержали иудеев от боя.

На следующий же день собрали иудеи все войско и с храбростью вышли во 2-й час дня через восточные ворота и напали на стражников внешнего храма. Римляне же встали крепко и выдержали натиск иудеев, и ополчились, и встали перед мятежниками, как стена, сдвинувшись тесно. Но яростью и быстротой иудеи одолевали римлян. И увидел Тит отступление своих воинов, ибо смотрел с Антониевой башни, и пришел с избранными воинами на помощь. Иудеи же не выдержали его нападения, но пали перед Титом, а остальные разбежались. Когда же отступали римляне, иудеи возвращались и нападали на них. Когда же римляне разворачивались к иудеям, те снова убегали. Это же было до 5-го часа дня, когда иудеи, наконец, убежали и закрылись во внутреннем храме.

Тит же отступил к Антониевой башне и приготовил воинов к тому, чтобы на следующий день приступить всем и окружить храм. Бог же иное промыслил и еще раньше осудил храм в огне погибнуть. И наступил назначенный судьбой для этой гибели день — 10-й день месяца лаоса, то есть августа. В этот самый день и раньше вавилонским царем сожжен был храм. Пламя же началось от самих иудеев. Когда отступил Тит, то, немного отдохнув, иудеи снова на римлян выбежали. Те же победили иудеев и гнали их до храма, и сами вошли в храм.

В храме кто-то из воинов, не дожидаясь приказа от императора и не побоявшись такого начинания, с дерзостью демона взял огонь, и товарищу на плечи встал, и добросил до золотого окошка и до дверей, которыми можно было пролезть к постройкам храмовым. Когда пламя запылало, иудеи подняли такой вопль и крик, который соответствовал этой беде, и устремились помешать огню и отомстить римлянам, и жизни своей не щадили, и не береглись, и не опасались.

О поджоге храма

И кто-то прибежал и сообщил Титу о случившемся. Он же в шатре отдыхал после боя. И сразу же вскочил Тит и поспешил к храму, чтобы погасить огонь. За ним пошли и военачальники все, а следом за ними

двинулись полки, испугавшись. И был вопль и смятение большое, когда такое войско беспорядочно подвиглось. Император голосом и руками указывал воинам погасить огонь. Они же и крика его не слышали, поскольку оглушены они были шумом боя, и маханию рук его не внимали, ибо одни на врагов смотрели — кто кого убьет, другим же гнев заткнул уши и отвел глаза. Полки же все прибывали, и ни приказы, ни угрозы, ни просьбы не могли удержать их наплыва, но ярость руководила всеми, и гневом все были объаты. Теснота же и толчея возникли среди римлян, и многие потоптаны были друг другом. Многие же на раскаленные камни и угли выгалкивались, и не могли уже выбраться, и так сгорали. А те воины, что у церкви стояли, притворялись, что не слышат повеления императора, и каждый из них того, кто был рядом, подбадривал разжигать огонь и дальше. Иудеи же метались, не зная, что предпринять. И был везде бой, и кровь, и бегство. Людей же из народа, немощных и безоружных, где кого заставляли, там и убивали. И у жертвенника собралось множество мертвецов, и кровь же текла, как река, и в потоках крови плавали трупы.

Император же, видя, что не может удержать стремления войска, и что огонь побеждает, вошел с военачальниками в храм и увидел святилище храмовое, к которому они так стремились, и все, что в нем славилось не только среди иудеев, но и среди иноплеменников, нашел чудесным, преславным и прекрасным. Пламя же еще не проникло внутрь, но по окружающим строениям шло, и подумал Тит, что можно еще спасти святилище от огня, и подскочил, и стал сам гасить огонь, и воинов понуждал, и Либералия приставил, сотника, следить за этим. Но воины не слушались приказа помешать огню, ибо гнев их и ненависть к иудеям превозмогали почтение к императору и боязнь наказания. И воинский пыл разгорелся сильнее пламени. Многие же наgrabить надеялись и продолжали поджог, думая, что весь внутренний храм полон богатства, поскольку видели, что все вокруг золотом покрыто.

Когда же вошел император, чтобы запретить воинам поджигать внутренний храм, кто-то уже подложил огонь в темноте к дверям внутреннего храма, и тут же в храме появилось пламя. И отступили военачальники с императором, и больше не запрещали никому ни жечь, ни сечь. Храм же так зажжен был, вопреки желанию императора. Большого рыдания заслуживает гибель этого строения, самого чудесного из всех, которые видели люди или о которых слышали. Было оно самым чудесным и по устройению своему, и по величине, и по великолепию, и по убранству, и по славе святилища. Большое же утешение обретет тот, кто посмотрит на суд Божий, которого невозможно избежать ни обладающим душой, ни бездушным, ни строениям, ни местам. Удивится же

тот, кто посмотрит на круг времени, ибо, как уже говорилось, судьбой были соблюдены и тот же месяц, и тот же день, в который раньше вавилоняне сожгли этот храм. От времени же первой постройки храма, начатой Соломоном царем, до настоящего разорения, которое было во 2-й год царствования Веспасиана, насчитывается лет 1130, и 7 месяцев, и дней 15. От последующей же постройки храма, произведенной Аггем во 2-й год царствования Кира, до этого завоевания насчитывается лет 639, и месяц один и 15 дней.

Когда же горел храм, все, что находили, грабили римляне и расхищали, и всех, кого настигали, железом умерщвляли, и не было милости ни к какому возрасту, ни уважения к благообразию, но и детей, и стариков, и скверных, и священников равно смерти предавали. Война являла все способы убийства и мольбы о пощаде. Пламя же трещало, и вопли умирающих и стоны создавали огромный шум. Из-за высоты же холма, и из-за величины горящего здания мог бы сказать тот, кто посмотрел бы на это издалека, что весь город горит. И невозможно помыслить что-нибудь более дикое и страшное, чем вопль, который тогда стоял в Иерусалиме. Ибо римские полки восклицали от волнения. Мятежники же вопили, окруженные огнем и оружием. Люди, сколько их осталось, бежали, с ужасом восклицая, и перед надвигающимся мучением плакали. Многие же, от голода высохшие, видя горящий храм, снова обрели способность кричать и плакать. И в ответ на этот клик отзывались холмы окрестные и леса. И всюду было шатание и страсть страшная. И казалось, что храмовая гора от основания отрывалась, поскольку объята была вся она пламенем. И убитых было больше, чем убивающих. И не видно было земли, поскольку вся покрыта она была трупами.

Воины же, по стогам мертвецов ступая, бежавших настигали. Мятежники же едва пробились, и едва к внешней церкви отошли, а оттуда к городу. Оставшийся же народ скрылся во внешних переходах.

Священники же сначала вертела железные, бывшие у них во множестве, метали в римлян, потом же, когда дошел до них огонь, они отступили к стене шириной в 8 локтей. Двое же из знатных людей бросились в огонь и сгорели с храмом: Меир, сын Билги, и Иосиф, сын Далая. Римляне же посчитали излишним щадить ближние к храму постройки, если храм уже сожжен.

И зажгли римляне уцелевшие переходы, и двери, и ворота, кроме двух: восточных и южных. Однако позже передумали и эти ворота также разрушили до основания. Пожгли римляне и казнохранилище, в котором богатства много лежало: и одежд, и тканей, и вещей бесчисленно много. И никак невозможно пересказать все богатство иудейское, которое было собрано в казнохранилище со всех семей богатых.

Обратились же римляне и к остальным переходам внешнего храма, на которых спасались женщины и дети, и много другому народу смешанного, числом 6000. И прежде, чем повелел император и военачальники, воины, полные гнева, сожгли эти переходы, и погибли все, и не спасся из них никто же, одни в пламень сами бросались, другие же на месте сгорели. В погибель же эту людей вовлек один лжепророк, который в те дни проповедовал горожанам, и говорил: «Бог велит вам войти в храм, где будет вам явлено знамение спасения вашего». Этих лжепророков Иоанн, то есть Иоханан, и Симон Нигер пустили к народу, чтобы люди ждали Божьей помощи и не бежали бы к римлянам. И, как это обычно бывает с теми, кто в беде, если сообщит им кто-то, что есть спасение от несчастья, то верят, а если еще и навдумывает этот лжец и посулит добрый исход, то верят ему все, и надежды все на него возлагают. Также и этот многострадальный народ слушал обманщиков, лгущих от имени Бога. Тех же, кто правду проповедовал о грядущем опустошении, не слушали, и знамениям явным не верили. Но, как безумные, и бездушные, и безглазые, не внимали иудеи Божественной проповеди. Не уразумели они, когда встала звезда над городом, подобная копью, и пребывала год целый, имя ей было комета, прозвание же — Волосатая.

Другое же знамение было таким. Еще до начала войны с Римом, когда собирались иудеи к Опресночному празднику, в 8-й день месяца ксантика, то есть апреля, в 9-й час ночи, такой свет воссиял на жертвеннике и на храме, что можно было подумать, что наступил день ясный, и продолжалось это около получаса. Неразумные же думали, что это добрый знак. Люди же, начитанные в Священном Писании, предсказывали то, чем все и кончилось, то есть беду.

В тот же самый праздник кто-то корову привел на заклание, и, когда она стояла посреди храма, то родила ягненка.

Восточные же ворота внутреннего храма, медные, и толстые, которые едва сдвигали 20 человек, закрывая, и были столбы у этих ворот железные, и запор, и косяки, и притолока, и все сидело глубоко, и из длинных камней было сделано; и эти ворота в 6-й час ночи сами открылись.

Пришли же стражники церковные и поведали властителю, и тот с множеством людей пришел и едва смог закрыть их. И считали, что это знамение было к добру, и толковали его так, что Бог откроет перед людьми ворота блаженства. Книжники же понимали это знамение так, что твердыня храмовая сама собой разрушится и раскроется перед неприятелем без усилий с его стороны, и опустеет святилище.

Через несколько дней после праздника, в 21-й день месяца артемисия, то есть мая, видение было некое, демонское, невероятное, так что те, кто слышал, могли бы посчитать этот рассказ басней и чародейством, если

бы не было так много тех, кто видел и рассказывал, и не последовало бы бедствие, подобное видению. До захода солнца явились в воздухе, в небе, по всей иудейской земле, колесницы и войска вооруженные, скачущие сквозь облака и окружающие города. В праздник же, называемый Пятидесятница, ночью, священники, войдя во внутренний храм, по обычаю, для службы, сначала ощутили движение и шум, потом же и голос вдруг услышали, сказавший: «Отступим отсюда». Еще же и страшнее этих было знамение.

Об Иусе Анане

Один человек был, звали его Иус, сын Анана, из простых, не книжник. А до этого 4 года была благодать в городе, и еще мир был и изобилие. И пришел этот человек на праздник Шатров, когда все празднуют по обычаю, и, в храме стоя, стал внезапно кричать: «Голос с востока, голос с запада, голос от четырех ветров, голос на Иерусалим и на храм, голос на женихов и на невест, голос на всех людей». И это он говорил все дни и все ночи, и кричал, обходя улицы. Некоторые же из знатных людей разгневались на него за его недобрые слова, и поймали, и много ран нанесли, и мучили. Иус же Анан ран не замечал, и не просил себе пощады, и мучителям своим не отвечал, но только кричал то же, что и раньше.

Управители же иерусалимские считали, что его высшая некая сила подвигает на вопль этот, и привели его к римскому управителю. Там Иуса Анана били прутьями даже и до костей, но он не чувствовал страданий и не лил слез, и все также, через силу, кричал голосом жалостным: «Горе Иерусалиму!» Альбин же, — так звали управителя римского, — спрашивал Иуса Анана: «Кто ты и откуда? И зачем такое кричишь?» Тот же не отвечал ничего же на речи управителя и не переставал горько плакать о городе. Наконец, Альбин безумным его посчитал и отпустил. Иус же Анан с той поры не приходил ни к кому же, и не появлялся он, пока не пришла война. И потом всякий день, как молитву заученную, в слезах, восклицал: «Горе, горе Иерусалиму!» Ругающих его он не проклинал и дающих ему пищу не благословлял. Один же ответ этот печальный был у него на все, и длилось это 7 лет и 5 месяцев, и голос его не смолкал и не уставал, пока не увидел он военные события, о которых проповедовал, и успокоился он, только когда умер. Ходил же он по стенам городским и кричал: «Увы, увy городу, и народу, и храму!» Под конец же прибавил: «Увы, увy и мне!» И тотчас камень прилетел из камнеметного орудия и убил Иуса Анана, и испустил он дух, когда еще произносил предсказание это. И если кто хорошо подумает, то обнаружит, что Бог заботится о человеке и всячески пытается показать

роду нашему то, что послужит к его спасению. Мы же из-за неразумия нашего, и злодеяний, и самоволия погибаем. Так и здесь: Бог знамения гнева Своего показывал, дабы уразумели люди, что гневается Бог, и отступили бы от своей злобы, и тем самым упросили бы Бога быть милостивым к ним. Было же иудеям пророчество, что от четырехугольного образа опустеет город царский. Однако иудеи сами стали кресты делать для распятий, которые, как говорилось, четверообразны, и после разрушения Антониевой башни храм четырехугольный сделали. К войне же подвигло иудеев пророчество двусмысленное, которое в святых книгах можно найти, о том, что в эти самые времена кто-то из Иудейской земли будет царствовать над всей вселенной. Этому пророчеству разные толкования давались: некоторые думали, что оно об Ироде, некоторые — что о распятом Чудотворце, некоторые — что о Веспасиане. Однако невозможно людям судьбы избежать, даже если они и знают о том, что им уготовано. Иудеи же одни знамения толковали так, как им хотелось,

другими же знамениями они пренебрегали, и, под конец, когда погубили и себя и свое отечество, были они обличены, и опозорены, и проявилось безумие их.

Когда мятежники убежали к городу, а храм и все окрестные места горели, римляне принесли идола свои и поставили их в храме перед восточными воротами, и там принесли им жертвы, и Тита прославили с большим почетом, и назвали его самодержцем.

У воинов же у всех было много богатства, добытого ими и захваченного. От этого в Сирийской земле золото обменивали за половину той цены, что была раньше. Священники же бежали к стенам, и там выжидали. Один юноша из них, понуждаемый жаждой, взмолился к стражникам римским, чтобы они пощадили его и позволили напиться. Стражники же пожалели его и обещали пощадить. Тогда этот юноша спустился к ним и напился воды, и сосуд наполнил, и, неся его, убежал обратно к своим. Стражники же не смогли поймать его и стали осуждать его за вероломство. Он же отвечал: «Не изменил я своему обещанию. Ибо я просил вас сохранить мне жизнь, только если я спущусь и наберу воды, а не останусь у вас. Я спустился и набрал воды, так что слову своему не изменил». Так стражники были обмануты юношей и удивились хитрости его.

На 5-й день священники от голода изнемогли и сошли вниз, и, когда привели их к Титу, умоляли его, чтобы даровал он им спасение. Тит же сказал им: «Время прощения прошло, поскольку нет больше того, ради чего можно было бы вас сохранить. Подобаает священникам с храмом погибнуть». И, сказав так, повелел Тит их мучить и убить.

Симон же Нигер и Иоанн, то есть Иоханан, и те, кто были с ними, видя, что отовсюду окружены они и никак им не убежать, призвали

Тита для переговоров. Тот же человеколюбец был по природе и старался сохранить Верхний город, и думал, что разбойники уже покорились. И встал Тит с правой стороны храма внутреннего, и оттуда был мост до города, который теперь отделял римлян от иудеев, так что и те, и другие столпились вокруг своих властителей, ожидая, чем окончатся переговоры. Тит же повелел своим воинам, чтобы они не брали оружия и не поднимали его на иудеев, и поставил он переводчика, и стал первым говорить к иудеям. «Неужели вы насытились несчастьем отечества своего? Не подумали вы ни о нашей силе, ни о своей немощи, но погубили и народ, и город, и храм в бессмысленной борьбе, в бесовской гордыне. А потому заслуживаете вы погибели. Противились вы римлянам с тех самых пор, как взял вас Помпей, а теперь и на открытую войну пошли. Разве на то, что вас много, уповали вы? Однако и малая часть римского войска одолела вас. Помощников ли ждали? Но никто не захочет присоединиться к вам против нас. На храбрость ли свою надеялись? Но ведь даже германцы, самые храбрые из всех народов, — наши рабы. Твердость ли стен внушила вам желание биться с нами? Но даже британцы, сидя за самой твердой стеной — океаном, перед римским оружием склоняются. Душевная ли крепость, или выносливость, или мудрость подвигли вас к войне? Но даже карфагеняне, которые крепче и мудрее всех, захвачены были нами. Подвигло же вас на римлян римское же человеколюбие. Ибо мы, когда захватили вас, позволили вам владеть землей вашей, и царя вам поставили из ваших соплеменников, и отеческие законы вам сохранили, и жизнь вольную дали вам, и не запретили вам собирать десятину со всех земель для приношения Богу, и не мешали мы вам богатеть. А вы направили наше богатство против нас. Столько добра вы от нас приняли и на нас же восстали. Вы, как змеи неистовые, на ласкающих вас яд испустили. Сначала вы могли оскорблять римлян из-за беспечности Нерона. Потом же отец мой, Веспасиан, в землю вашу пришел, но не мстить хотел он вам, а наказать вас. Если бы хотел завоевать вас, то сначала бы к корню вашему приступил, то есть к Иерусалиму. Веспасиан же, давая вам время для покаяния, Галилею сначала завоевал и окрестности ее. Но вы человеколюбие его приняли за немощь и римской кротостью вскормили свою гордыню. И началась в Риме смута внутренняя и раздоры после смерти Нерона, и мы с отцом ушли в Египет. Вы же этим временем воспользовались, и не постыдились докучать нам, пока не поручено было нам стать самодержцами. Когда же пришла к нам императорская власть, и все успокоилось, и народы покорились и послов посылали к нам, чтобы покорность свою изъявить, и все иноплеменники радовались с нами, тогда одни вы, иудеи, противниками нам оставались: и послов посылали к живущим за Евфратом, чтобы поднять их против нас, и города укрепляли. Раздо-

ры же, и мятежи, и зависть охватили Иерусалим, все то, что и подобало вам получить за ваше лукавство. Я же, приняв от отца печальное повеление, пришел его исполнить и узнал, что народ о мире помышляет, и обрадовался, и умолял вас о мире перед битвой. Вы же предпочли сечу. И я много дней щадил вас, обещал перебежчикам спасение и слово свое сдержал, многих пленных помиловал, орудия стенобитные ставил неохотно у ваших стен, воинов, всегда жаждавших крови вашей, удерживал; постоянно побеждая вас, как побежденный, о мире просил. Когда же возле храма я был, то забыл о законе войны и умолял вас много раз пощадить свою святыню и спасти храм для себя, и давал вам свободу выйти, и обещал сохранить жизнь, и место указывал вам для боя, если бы вы биться пожелали. Вы же мою речь презрели и храм своими руками зажгли, а после этого, скверные, вызываете меня на переговоры. Что вы скажете? Где-нибудь вы можете такое создание найти, которое погубили? Или вы думаете, что вы достойны спасения после разрушения храма? Сами же до сих пор с оружием стоите и при последнем издыхании не просите о милости. О, немощные, на кого надеетесь? Не мертвы ли народ ваш? Не погиб ли храм? Не занят ли мной город? Не в моих ли руках жизни ваши? Знаю, что считаете вы славным и смелым желание смерти. Однако я, не споря с вашим отчаянием, если только вы сложите оружие и сдадитесь, подарю вам жизнь. Как кроткий хозяин дома, я неисправимых казню, а остальных помилую».

На эти слова Тита мятежники отвечали: «На милость твою сдаться не можем, поскольку поклялись вовеки этого не делать и клятве своей не изменим. Дай нам уйти с женами и детьми. Уйдя в пустыню, оставим тебе город». Тит разгневался на них, поскольку они, завоеванные, отвечали не так, как подобает побежденным, но, как победители, свои условия ставили. И повелел Тит дать такой ответ мятежникам: «Пусть никто из вас больше не перебегает к римлянам и не надеется на спасение. Не пощажу никого. Теперь уж бейтесь, сколько у вас есть сил, и придумывайте, что хотите, и спасайтесь, как можете. Я же все сделаю, что повелевает мне закон войны».

И повелел воинам Тит поджигать, и расхищать, и грабить город. И Тут же царские дворцы, и Акра, и здание для собраний, и Офла сожжены были. И дошел огонь до дворца Елены. И сожжены были улицы и дома, полные тех, кто умер от голода.

В тот же день сыновья и братья Изата царя и многие из благородных иудеев молили императора пощадить их. Тит же, хотя на всех и гневался, но не изменил своего нрава и принял людей этих, и затворил их в темнице, царских же детей заковал и отослал в Рим в заложники.

Мятежники же, подгадав удобное время, устремились к царскому дворцу, в который многие иудеи из-за его крепости внесли богатства свои. И схватились мятежники с римлянами, и победили их, и прогнали оттуда, и убили 8400 человек, и с беженцами из иудеев.

Взяли же разбойники двух римлян живыми, одного конника, а другого пехотинца. И потащили пешего воина по городу, и сошлись все мятежники, и убили его, как будто был это не один воин, а все войско римское. Конник же упросил их, сказав: «Расскажу вам кое-что полезное для вашего спасения. Не узнаете вы этого, если меня убьете». И привели его к Симону Нигеру, но не знал он, что сказать, и отдал его Ардалу на казнь. Тот же руки его связал и повел на казнь.

Потом же завязал Ардал глаза его ремнем и вывел перед римлянами, чтобы зарезать; и вынул меч. Когда же замахнулся, римлянин опередил его и убежал к своим. Этого римлянина хотел Тит убить, но не убил. И отнял у него Тит оружие и из войска выгнал, и сказал: «Не достоин он воином быть, поскольку живым его неприятели взяли».

И был для того воина римского этот позор хуже смерти.

На следующий же день римляне напали на разбойников и прогнали их из Нижнего города, и все пожгли даже и до Силоама. Когда же Иерусалим погибал в огне, римляне радовались. Добычи же они не получали никакой, ибо все еще прежде было расхищено. Мятежники же бежали в Верхний город. И не раскаивались они нисколько же в том зле, которое они совершили, но еще больше гордились. Когда видели они город пылающим, радостны были их лица, и говорили мятежники: «С радостью ждем своей кончины, ибо не оставили ничего же врагам, поскольку и народ перебит, и храм сожжен, и город сгорает, и не будет римлянам, чем похвалиться».

Иосиф же до последнего дня не переставал умолять разбойников и много ругал их за их упорство и за беззакония, и много же наставлений дал им для их спасения. И принял Иосиф от мятежников ругани много.

Мятежники же не могли сдаться из-за клятвы, не могли они и противиться римлянам, и заключены были, как в темнице. Обычай же своего не оставляли, но на сечу устремлялись.

И разошлись мятежники по развалившимся постройкам, оставшимся от огня на прежнем месте города, и подстерегали тех, кто хотел перебежать к римлянам, и много таких схватили и всех порубили, и не могли беженцы убежать из-за голода. Мятежники же бросали псам тела убитых. Люди же считали всякую гибель, и всякую смерть легче, чем голод. Потому же и бегали они, надеясь либо смерть получить от своих, либо помилование от иноплеменников. И с охотой попадались люди мя-

тежникам, чтобы те их убили. И по всему городу некуда было иголку бросить на голое место, поскольку всюду валялись трупы павших либо от голода, либо в бою. И все дома заполнены были либо умершими от голода, либо порубленными.

Мучители же и разбойники согревались еще мыслью о подземельях и последней надеждой они на них надеялись. Думали же они, что если в подземелья скроются, то не найти их будет, и что если отовсюду захватят римляне Верхний город, то сами они убегут в подземелья и там останутся, пока не уйдут римляне, и потом выйдут и разойдутся, куда кто сможет. Это было для них, как сон, ибо невозможно им было ни от Бога уйти, ни от римлян. Но тогда, как было сказано, еще надеялись они на подземные ходы, а потому сами больше римлян сжигали. Если же кто-то прибегал из горящих построек к подземельям, таких убивали и грабили, и пищу, смешанную с кровью, поедали. Мятежники и между собой уже бились за пищу, и думаю, что если бы они не погибли в войне, то сами бы они стали есть мертвецов из-за большого упрямства и скверности своей.

Император же увидел, что нельзя без насыпи Верхний город взять, поскольку над ущельями город стоит. И распределил Тит войска по работам. Было это в 20-й день месяца лаоса, то есть августа. Тяжело же было носить дрова и землю, поскольку голо все было вокруг города за 100 верст. Четыре же полка установили свои насыпи с западной стороны города напротив царского дворца, вспомогательные же войска сделали насыпи с той стороны, где находился мост и башня Симона Нигера, в которой тот, раньше еще, когда бился с Иоанном, то есть Иохананом, устроил себе убежище.

В те же дни военачальники идумейские тайно собрались и совещались о том, чтобы уйти от мятежников и сдаться римлянам. И послали 5 послов к Титу с просьбой о помиловании. Тит же подумал, что это ослабит предводителей разбойников, и вынуждены они будут сдаться ему, если идумеи оставят их, ибо идумеи были большей частью войска мятежников. Потому обещал Тит помиловать их и с неохотой отпустил послов обратно.

Когда же идумеи приготовились уйти, заметил это Симон Нигер, и тотчас убил там 5 человек, ходивших послами к Титу, военачальников же идумейских поймал и посадил в темницу, и приставил стражников охранять людей идумейских.

Однако же, хотя и прилежно сторожили мятежники стены и ворота, многие иудеи перебежали к римлянам, и те принимали всех, поскольку Тит, по кротости своей, прежние жесткие повеления смягчил. Воины же насытились резней, и, в поисках добычи, уклонялись от убийства.

И всех других иудеев, что еще остались в живых, продавали с женами и с детьми по сниженной цене, по 10 золотников, поскольку число продающих увеличилось, а покупающих — уменьшилось. Тит же велел объявить иудеям, чтобы никто из них не перебежал один, но с семьей. Однако потом он стал принимать всех: и тех, кто приходил с семьей, и тех, кто приходил один. И назначил Тит людей, чтобы судили иудеев, кто достоин смерти, а кто жизни. Тех, кого осуждали на смерть, вводили для исполнения приговора. И столько много было иудеев, что не смогли переписать всех для уплаты дани, и 40000 человек распустили, кому куда угодно.

Об утвари храмовой

Тогда же один священник, по имени Исус, сын Тебута, поклялся императору, если тот дарует ему жизнь, отдать храмовую утварь. И, разломав стену, вынул этот священник два светильника золотых, великолепных, и престолов множество, и чаши, и блюда, и кубки, все сделанные из цельного золота. С этим передал этот священник римлянам и все заветы, и одежды первосвященников с дорогими камнями, и другой много богослужбной утвари.

О поясах священнических

Схвачен же был и казнохранитель по имени Пинхас, который показал, где находятся пояса священнические, и одежды, и порфира множество, и виссона, и другое все, нужное для завесы храмовой. Также и корицы, и кассии, и других благовоний там было множество, которые предназначались для того, чтобы, смешивая их все, всякий день кадить Богу. Передал же казнохранитель и другой много утвари. Из-за этого, хоть и взяли его в плен, однако даровали ему прощение.

Окончили же римляне делать насыпи в 7-й день месяца гарпея, то есть сентября. Сделали же их за 18 дней. И поставили римляне стенобитные орудия. Мятежники же отчаялись удержаться в городе. Одни из них отступили от стен на окраину города, другие в подземелья ушли. И немногие разбойники все еще противились римлянам. Когда же римляне проломили небольшую часть стены, и башни под ударами «баранов» стали рушиться, тогда скоро защитники стен разбежались. Страх же сильный напал на предводителей мятежников.

И до того даже, как вошли неприятели, обезумели мятежники, и не было им места, куда бежать, и попытались они выйти из города и прорваться через стражников, и убежать, но не смогли, потому что оказались римляне крепче их. А те, кто были раньше верными слугами разбойников, разошлись, куда кого нужда повела.

Можно было видеть тогда смиренными и испуганными тех, которые раньше были гордыми и буйными. Жалость вызывала такая перемена, хотя изменившиеся и были изрядными злодеями. И некоторые из разбойников, которые бежали первыми, с криком оповещали: «Западные стены разрушены!» Другие же плакали и вопили: «Уже внутри стен идет бой!» Предводителям же казалось, что уже видят они все войско римское. Страх же не давал им видеть то, что было на самом деле. И перед глазами у них стоял их последний бой. И, упав наземь, оплакивали мятежники свое безумие и не могли бежать, точно у них были перерезаны жилы.

Тогда можно было осознать всякому, что сила Божья вела римлян на нечестивых и подавала им удачу в бою и победу преславную над мятежниками. Ведь предводители мятежников сами сдали свои твердыни и из башен ушли. Если бы даже много лет просидели мятежники в этих башнях, приготовившись, то не смог бы противник взять их силой. Разве что из-за недостатка пищи пришлось бы им сдаться.

Римляне же столько пота пролили при взятии менее крепких стен, а эти крепчайшие строения взяли благодаря везению. Нельзя же было взять их ни «баранами», ни другими ухищрениями, так что эти три башни непобедимы были. Мятежники же оставили их, можно и больше сказать, Божественным судом были изгнаны из них. Тогда предводители в окружении оставшихся мятежников бежали в ущелья у Силоама и там немного оправились от страха. И мало отваги у них было, меньше, чем прежде, ибо нужда и страх сломили силу их.

И когда внезапно напали мятежники на стражников римских, то побеждены ими были и разбежались по подземельям кто куда. Римляне же, таким образом, победили и, взяв эти стены, поставили свои знамена на башне, и кричали, и радовались, и хлопали, и пели, как обычно они это делали при победах. И величались они, и гордились, поскольку достигли конца войны.

Легче же им было в конце войны, чем в начале. И когда без единой раны взяли они последние стены, то сами не поверили случившемуся и, не видя ни одного врага, удивлялись. И пошли римляне по улицам с мечами и всех, кого находили, рубили, и жгли дома, наполненные укрывшимися в них людьми.

И воины римские в дома заходили для грабежа и видели лежащих там людей мертвых, от голода умерших, и — в ужасе от увиденного — с пустыми руками уходили. На мертвецов этих римляне с жалостью смотрели, живых же не щадили. Потому и улицы, и дороги, и дворы убитыми завалены были. Озеро крови стояло по всему городу, так что и пламя, и все горящее гасилось кровью.

Вечером воины прекратили резню, а ночью все также продолжался пожар. Утром же, в 8-й день гарпея месяца, то есть сентября, солнце засияло, и стало видно Иерусалим, в огне пылавший. Этот же город столько беды и нужды принял, что, если бы столько же добра принял он от начала создания своего, то завидовали бы ему все земли.

Тит же вошел в город и подивился крепости его, твердости стен и башен, которые мятежники в безумии оставили. И рассмотрел Тит высоту этих построек, и величину камней, из которых они были сделаны, добротность соединения этих камней, и ширину, и длину их, и сказал Тит своим воинам: «Бог помогал нам биться, и Бог является разрушителем этих твердынь иудейских, ибо руки человеческие и смекалка, и орудия стенобитные не смогли бы одолеть эти башни». Тогда же много в этом роде говорил Тит своим военачальникам. Пленников же и окованных Тит распустил из темниц.

И потом Тит сравнял с землей весь город и стены разрушил. Только те три башни оставил в память о своей удаче и храбрости, чтобы последующие поколения увидели и похвалили его, поскольку завоевал он то, что нельзя было завоевать естественной силой.

Воины же устали убивать, и, видя, что много еще осталось народу, просили у императора, чтобы только сопротивляющихся убивать, а прочих оставлять. И повелел Тит: «Так и делайте». Некоторые же из них нарушали это приказание и стариков и немощных убивали. Молодых же и годных выгоняли на храмовый двор, в то место, где женщины стояли во время служб. Приставили же Фронтону сторожить эту толпу пленников, чтобы он рассудил, какой участи достоин каждый из них, и отделил друг от друга тех, кто шел на казнь, и тех, кого ожидало спасение. Юношей, с самыми длинными шеями и самых прекрасных, избрали, чтобы сохранить для победного шествия, то есть триумфа.

Мятежники же и разбойники сами выдавали друг друга и казнены были. Остальные же, старше 17 лет, в оковах посланы были на работы в Египет; многих же по чужим землям разослал в дар Тит, чтобы погибли они на представлениях от зверей и от железа. Которые же были до 17 лет, тех распродал всех Тит. Пока же разделял Фронтон пленников, умерло их от голода 11 тысяч. Одни не хотели прикасаться к римской пище, поскольку гнушались ей. Другие же с радостью съели бы, если бы им дали, но стражники ненавидели их и не давали им пищи, поскольку пшеницы стало не хватать из-за множества людей.

Взято же в плен было 907 000, а убито 1 100 000 человек. Из них большая часть была из иудейского народа, но не все местные, ибо из других земель пришли они на Опресночный праздник, когда внезапно

война наступила. Духота и теснота привели их сначала к морю, а потом к голоду скорому.

Если же кто-то скажет, что невозможно было разместиться такому множеству народа в городе этом, то пусть он узнает о подсчетах Цестия. Когда Нерон не ставил ни во что народ иудейский и не ждал от него никакого сопротивления, Цестий, чтобы показать ему могущество Иерусалима, попросил первосвященников сосчитать людей так, как они смогут.

И настал праздник Пасхи, в который есть обычай приносить жертву от 9-го часа до 11-го. И собиралось человек больше десяти на каждую жертву, поскольку нельзя было есть жертву одному. Иногда же и 20 человек собиралось к одной жертве. И насчитали священники жертв 255 600. Если считать только по 10 человек на каждую жертву, а большее число почти не учитывать, то получается 2 900 000 человек. Причем это только люди чистые, неоскверненные, освященные. Другим же людям, неосвященным, или чем-либо оскверненным, или прокаженным, или согрешившим, или иноплеменникам, или женщинам в нечистоте — всем таким не дают прикасаться к жертве. И тогда, перед войной, как уже было сказано, Промыслом Божиим весь иудейский народ пришел в город, как в темницу; война же внезапно окружила их. Множество же погибших превзошло все, что можно было бы ожидать от Высшего Промысла или от людей.

Римляне же подземелья раскопали и нашли тех, кто там спасался, и всех, кого находили, убивали. Было же и по подземельям мертвецов найдено 4000. Некоторые сами себя зарезали, некоторые друг друга в своей среде убивали, а другие от голода умерли. Страшное зловоние, исходившее от трупов, встречало тех, кто входил в подземелья, из-за чего многие, зажимая носы, выбегали. Другие же, которых поработила страсть сребролюбия, в трупах рылись в поисках богатства и много дорогих вещей находили.

И все скверные пути не считались таковыми, если только была надежда поживиться.

Бог же и двум главным мучителям по заслугам воздал. Иоанн, то есть Иоханан, голоден был и с братом под землей находился. Раньше весьма гордый он был и отказывался от милости, которую предлагали ему римляне, теперь же сам попросил римлян о милости. Симон же Нигер весьма сильно был понуждаем, о чем после расскажем, и сам сдался римлянам. И сохранили римляне

Симона Нигера для казни во время триумфа, то есть победного шествия. Иоанн же, то есть Иоханан, был осужден на заключение пожизненное.

Римляне же пожгли ближние и дальние части города. И так был Иерусалим завоеван, во второй год царствования Веспасиана, в 8-й день месяца гарпея, то есть сентября. Завоеван этот город был в 6-й раз, и во второй раз опустошен.

Асохей же, египетский царь, а после него Антиох, а потом Помпей, а после них Созий с Иродом завоевывали город этот, сохраняя его без разрушения.

Перед этими же взятиями вавилонский царь завоевал Иерусалим, и разрушил, и опустошил, через 1468 лет и один месяц после создания города.

Первый же создатель Иерусалима был хананейский князь, на своем родном языке прозываемый «царь праведный»; праведником же он и был, а потому священником перед Богом стал первым, и святилище создал, и назвал город — Иерусалим, раньше же назывался город — Солима.

Иудейский царь Давид прогнал оставшихся хананеев из этой земли и заселил ее своим народом. Через 477 лет и 6 месяцев после Давида царя вавилоняне разрушили Иерусалим.

После Давида же царя, который первым царствовал в Иерусалиме из иудейского рода, и до настоящего разрушения, которое совершил Тит, прошло 1179 лет. От первого же создания города до последнего разрушения лет 2177. Ни долголетие города, ни огромное его богатство, ни умножение иудейского народа по всей земле, ни великая слава служения в иерусалимском храме, не смогли уберечь Иерусалим от разрушения.

Так совершилось разрушение Иерусалима.

Книга 7-я Иосифа о завоевании Иерусалима

Поскольку воинам не было кого убивать и что грабить, ибо не осталось ничего, повелел император и город весь, и храм разрушить до основания. Только 3 башни, которые были самыми высокими, — Фазаил, Гиппик и Мариамна, — а также западные стены были сохранены для оставшихся стражников и для того, чтобы увидели последующие поколения и подивились, и прославили крепость и силу римлян, которые такой мощный и укрепленный город взяли. Остальное же все: и стены, и дома, и храм тогда сравнивали разрушители с землей, так что нельзя было узнать ни одно строение. И если бы кто-то пришел из других земель и ему показали бы это место, говоря, что тут город был, то не поверил бы он. Ибо не осталось никаких признаков прежнего города, кроме тех, о которых было сказано. Такое несчастье принял Иерусалим из-за безумия тех, кто жил в нем. Город же этот был великий весьма, и во всех городах и землях славился он.

Император же решил оставить в Иерусалиме для охраны десятый полк, конников и пеших. Поскольку закончилась война, захотел Тит почтить всех воинов своих за их храбрость, и за боевое искусство, и за победу, и дать победителям дары и оказать почет по заслугам. И сделали для императора высокое место, на котором он восседал, посреди первого стана. И встал на этом месте Тит с военачальниками. Когда же все умолкли, сказал император воинам своим:

Слово о премудрости, с наставлением и благодарностью, к воинам римским, каждого из которых премудро Тит почтил

«Большую благодарность выражаю вам, римляне, за преданность вашу и за послушание, которое вы явили передо мной, в тяжелых и частых испытаниях, наряду с вашей храбростью. Отечества вашего власть увеличили вы. Показали вы всем народам, что ни множество войска, ни крепость и величие города, ни отвага звериная врагов не смогли противостоят римской силе. И концом славным увенчалась война, хоть и длилась долгое время. Я же не просил у вас ничего другого, лучшего, чем то, что уже получил. Но этого всего нечто более славное вы сотворили — то, что назначили нас с отцом царствовать и навести порядок в римских делах. Римляне же с радостью к вашему решению присоединились и вас похвалили, что выбрали нас. Удивительны для меня вы все и любезны сердцу моему, ибо храбрость свою показывали сверх меры и никогда не ленились. А потому и я теперь почести и дары всем вам подам подобающие, а тем, кто отличился — великолепнейшие, ибо украсили вы свою жизнь храбростью и подвигами и прославили мое воинство своими успехами. И всякий, кто больше других потрудился, тот больше и почета и даров получит. Хочу же самых доблестных воинов почтить, и самых послушливых, а тех, кто согрешал против закона нашего — наказать». И повелел Тит писцам своим зачитать имена всех по порядку, кто какой подвиг совершил и на каком месте. Писцы же вызывали всех поименно. Каждый из тех, кто свое имя слышал и свой подвиг, подходил и становился перед Титом, и тот хвалил его за крепость, и за храбрость, и за старание, и возлагал на голову ему венец золотой, и на шею вешал ожерелье золотое, и давал ему длинное копье золотое, и знамя серебряное, и от захваченного золота, и от серебра, и от дорогих тканей выделял часть, и звание отличившегося изменял на более высокое. И так император награждал всех по порядку.

И почтил Тит каждого из воинов своих соответственно его доблести, и по обычаю благословил все войско, и тогда все воины воскликнули, и трубами, дудками, свирелями, барабанами воздали хвалу своему императору громогласную, так что могло показаться, что земля затряслась,

и горы поколебались, и холмы заплясали, столь был страшный клич и веселый.

Потом же обратились римляне к жертве победной, много волов стояло у жертвенника, и повелел император заколоть их всех и дать воинам есть. Сам же Тит со своими вельможами праздновал три дня.

И потом распустил Тит воинов по селам и городам на отдых, кому куда было велено. Десятому же полку поручил император охранять Иерусалим, и не послал он его за Евфрат, где этот полк раньше был.

Вспомнил же Тит, что двенадцатый полк побежден был иудеями, когда Цестий военачальником римлян был. И изгнал император этот полк из Сирийской земли совсем, и послал его в землю, называемую Мелитина, возле реки Евфрата, между землями армянскими и каппадокийскими.

А два полка, пятый и пятнадцатый, взял Тит с собой, до Египта. И потом пошел император с воинами к Приморской Цезарее и там встал на отдых, и добычу всю разместил, и пленников под охраной, ибо зимнее время не позволяло ему идти в Рим.

Когда же Тит император еще осаждал Иерусалим, тогда Веспасиан в корабль вошел и переплыл из Александрии в Родос.

В Родосе же Веспасиан взял гребные суда с тремя рядами гребцов и поплыл по всем городам приморским. Народ же с радостью и благословениями принимал его. И из Иоппии переплыл император в Элладу, а оттуда в Корциру, а потом и в Иапигию, что в Италии. Там вышел Веспасиан из гребных судов и, пересев на коней, продолжил путь.

Тит же из Приморской Цезареи перешел в другую Цезарею, называемую Филипповой, и там долгое время пробыл. И разные зрелища устраивал он там, на которых многие из пленных иудеев погибли, одни — к зверям выпущенные, другие — в схватках с такими же пленниками, принужденные к этому повелением императорским.

Тут пришла весть о взятии в плен Симона Нигера. Симон Нигер этот в Верхнем городе был. Когда римляне стали разорять Иерусалим и подошли к внутреннему городу, и взяли его, тогда Симон Нигер собрал самых верных воинов, и камнетесов, и железные орудия, необходимые для данной работы, и разной еды, рассчитанной на много дней, и с этим всем вошел в невидимый ход под землей.

Пока был старый прокоп, они шли по нему, потом же дошли до нетронутой земли и железными орудиями стали копать, желая дальше пройти и оттуда без опаски вылезти. Но напрасной была надежда их, и сразу, как приступили к делу, обнаружилась тщетность этой затеи, ибо,

едва прокопали ряд, как стало не хватать заготовленной пищи, хотя и понемногу ее принимали.

И тогда Симон Нигер видел призрака некого, в белых одеждах пришедшего и сказавшего: «В каком образе видишь меня, так нарядись, и оденься еще в порфиру, и выйди там, куда же я тебя поведу. И тогда ужаснутся все, видящие тебя, и никто не посмеет прикоснуться к тебе, и пойдешь, куда же хочешь, без вреда».

И тогда Симон Нигер прельстился этим видением и оделся в белую одежду и в порфиру, и появился из земли на том месте, где храм стоял раньше. Стражники же римские увидели его и от неожиданности испугались, и не смели прикоснуться к нему, думая, что это некое чудо. Потом же подошли и стали спрашивать его, кто он такой. Симон же Нигер не открылся им, кто он такой, но сказал им позвать к себе военачальника.

И стражники скоро сходили за своим военачальником. И пришел Терентий Руф, ибо он был оставлен тогда военачальником этого полка, и узнал он у Симона Нигера всю правду, и заковал его, и посадил его под охрану в темницу, и послал к императору известие о взятии в плен Симона Нигера. И так Бог Симона Нигера привел и передал ненавидящим его врагам для мести, за жестокость его и за злобу великую, с которой мучил Симон Нигер жителей Иерусалима. Не силой же взят был он, но сам добровольно сдался на мучение. Многих он без пощады убил, ложное обвинение возлагая на них, что помогают они римлянам. Коварство же не может убежать от Божьего суда и гнева, и воздаяние от Бога не ослабевает, но найдет беззаконников, рано или поздно. Еще же более страшную муку наведет на нечестивых Бог, и, когда они уже будут думать, что спаслись от суда Божьего, тогда внезапная казнь их постигнет. Таковую казнь и Симон Нигер принял, попав к римлянам, которые скрежетали зубами от злости на него. Появление Симона Нигера из-под земли раскрыло и других многих разбойников, прятавшихся в подземельях и подземных ходах.

Император же к Приморской Цезарее возвратился, и привели к нему Симона Нигера в цепях, и повелел он его сохранить для победного шествия, которое хотел устроить по приходе своем в Рим. Пребывая же в Цезарее, Тит торжественно праздновал день рождения брата своего. И много из плененных иудеев замучено было зверями и пало в боях между собой в честь брата Тита. Других же иудеев огнем казнили на представлениях. И замучено было в забавах царских 2500 человек. И так казня иудеев, римляне не считали этого достаточным и желали другие казни, еще более страшные и неизвестные, придумать для них.

Потом же Тит пошел в Берит, город римский, и там долго пребывал, и еще торжественнее отметил день рождения брата своего: пирами, зрелищами и прочими разными способами. Пленные же иудеи гибли на представлениях, как и раньше.

В то же время приключилась беда погибельная с живущими в городе Антиохии иудеями, ибо горожане старый гнев выместили на них, время удобное улучив. Иудейского же народа множество по всей вселенной рассеяно было. Подселялись они к чужеземцам и смешивались с ними. Больше же всего смешалось иудеев с сирийцами, поскольку близко находились эти две земли. И постоянно умножалось число иудеев в Антиохии, поскольку большой это город был. Цари же сирийские, которые после Антиоха царствовали, давали возможность иудеям свободно жить в Антиохии.

Антиох, которого называли Эпифаном, взяв Иерусалим, разграбил и храм, а тот, кто после него царствовал, всю медную утварь из храма отдал иудеям Антиохии, чтобы те использовали ее в своих собраниях. Также антиохийским иудеям выделили часть города с правом жить наравне с эллинами.

Также и последующие цари почитали народ иудейский, и присоединялись к закону его, и участвовали в устройении храма, и дорогой утварью украшали его. И многих эллинов иудеи к своей вере привлекли и сделали их как бы частью своей. Когда же война началась, и Веспасиан прибыл в Сирию, то ненависть к иудеям росла повсюду.

Был же тогда один воин из иудеев, по имени Антиох, которого почитали из-за отца его, ибо был отец его старейшиной антиохийских иудеев. И этот Антиох пришел на собрание жителей Антиохии и встал посередине, и клеветал на своего отца и на других, и сказал, что они сговорились в эту ночь сжечь весь город, и выдал Антиох многих иудеев на муку как причастных к сговору. Люди же антиохийские, услышав об этом, не могли сдержаться и в порыве ярости в огонь побросали оклеветанных.

И народ антиохийский восстал на иудеев, чтобы перебить их и отечество свое спасти. Антиох же хотел еще больше разжечь ярость антиохийцев. Для этого он сначала сам напоказ отошел от еврейского закона и стал приносить жертвы по закону эллинскому, а затем стал принуждать всех соплеменников своих к этому же. И говорил Антиох, что если кто принесет жертву, как эллин, то не виновен, а если кто откажется, тот обвинен будет в причастности к сговору и в стремлении поджечь город. Антиохийцы же стали так испытывать иудеев, и лишь немногие иудеи приносили жертвы по-эллински, остальные же не покорялись и убиты были.

Антиох же, получив воинов от римского властителя, с жестокостью набросился на своих соплеменников и потребовал от них, чтобы они не соблюдали седьмой день, то есть субботу, ни седьмую неделю, но делали все то же, что и в другие, простые дни. И так рьяно принуждали римляне иудеев преступать закон иудейский, что не только в Антиохии стали нарушать и попираť все седьмое, но и во всех городах, где иудеи жили. Вот такие бедствия испытали антиохийские иудеи в то время.

Потом же опять в другие несчастья попали. Сгорело же случайно четырехугольное здание совета, и дворцы, и книгохранилище с царскими бумагами. И пришел к антиохийцам тот же Антиох, что и раньше приходил, и эту вину на иудеев возложил, и настроил антиохийцев против иудеев. Антиохийцы же к прежнему гневу присоединили еще и эту ярость нестерпимую, и, как будто их самих подожгли иудеи, как бесноватые, как бы понукаемые криками, на оклеветанных устремились. И едва смог остановить их порыв Коллега, новый властитель, который сказал им, что надо писать к императору о случившемся.

Веспасиан же прежнего правителя Антиохии, Цезенния Пета, послал в другое место. Коллега же расследовал тщательно это дело и докопался до истины. Никто же из оклеветанных Антиохом иудеев, как оказалось, не был причастен к этому преступлению. Это же дело было на совести людей некоторых, коварных и лживых, которые думали, что освободятся они от своих долгов, если сожгут здание совета, и записи, и книги, в которых долги их были записаны, и вместе с дворцами, в которых эти записи лежали.

Сообщили же Титу о том, что отец его дошел до Рима, и что приход его был с любовью воспринят во всех городах италийских, и что Рим с большим воодушевлением и радостью принял Веспасиана. Узнав обо всем этом, Тит к большой радости и веселью обратился, так как пришел конец его переживаниям об отцовом путешествии.

Когда еще Веспасиан далеко был от Рима и Италии, люди италийские всей душой и всем разумением принимали его, и надеялись на него, и ждали его прихода. И еще не пришедшего Веспасиана, как пришедшего, мысленным взором видели перед собой и принимали его. И такое отношение к Веспасиану было свободно от всякого принуждения и лукавства. Ибо помнили все, сколько зла приняли от смены недавних властителей, и желание одно было у всех — получить скоро такого императора, как Веспасиан: почтенного старостью и свершениями ратными, и победами украшенного. И понимали все, что власть его на пользу и на спасение подчиненным будет. Простые же люди, много пострадав от частых внутренних раздоров, больше других желали видеть царем Веспасиана, ибо уповали, что он спасет их от этой великой напасти —

междоусобия — и обеспечит им жизнь радостную и изобильную. Воины же с особенным чувством относились к Веспасиану, ибо они больше всех знали величие его подвигов и мудрость его правления. Помнили все трусость и невежество прежних императоров, а потому ожидали восшествия Веспасиана, чтобы он избавил их от прежнего срама, и спас, и украсил победами прекрасными. И такой любовью исполнились все к Веспасиану, что вельможи и самые почтенные чиновники не могли дожидаться прихода его в город и далеко от Рима отошли, чтобы встретить Веспасиана. И остальной народ весь, на старейшин глядя, сообща выходил из города к Веспасиану навстречу, и не медлил никто же, и можно было тогда ощутить, что мало стало в Риме людей, ибо оставшихся в нем было меньше, чем вышедших навстречу императору. Глашатаи же шли перед Веспасианом и оповещали о его приходе. И видели кротость его люди, и о красоте образа его рассказывали все. И тогда все люди вышли с женами и детьми и встали на стенах, и на башнях, и на других зданиях, и где кому возможно было, чтобы видеть императора. И все, мимо кого проезжал он, видели с радостью образ его, и красоту облика, и смирение его. И различные возгласы обращали к нему люди, благодарили, и зывали, и прославляли, и восклицали: «Ты благодетель наш! Ты спаситель! Ты избавитель наш! Ты один достоин царствовать в Риме, и да будет власть долголетней твоя, и твоих детей, и твоих внуков». Также и другие, и третьи, и все последующие, когда доходила до них очередь, восклицали. Весь же город был, как храм, полон венков и лампад, и благовоний, и фимиама. Из-за множества обступившего его народа едва прошел Веспасиан к дворцу.

И войдя во дворец, Веспасиан принес жертву домашним богам и благодарил их за благополучное и славное возвращение свое. Народ же стал праздновать и веселиться. И собирались люди, и приносили жертвы богам, и молились, чтобы продлилась на долгие годы власть Веспасиана, и сохранилась держава его непобедимой. Так, город Рим с радостью принял Веспасиана, и тогда стало расти в Риме изобилие и богатство.

Перед этим же годом, когда Веспасиан еще в Александрии был, а Тит осаждал Иерусалим, во многих частях Германии люди восстали против Рима, с ними же в единомыслии были и ближние к ним галлы. И большую надежду они возымели в то время избавиться от римского владычества. Подвигло же германцев на восстание безрассудство их природное, а также надежда малая и нетвердая. Ибо видели они, как римская власть шатается от частой смены царей, и узнали, что вся вселенная, находящаяся под римлянами, колеблется, и сговорились, решив, что время настало удобное для мести римлянам. Первые же заговорщики были Классик и Вителлий. Ясно же было, что уже давно они желали под-

нять мятеж, но не смели, пока не дождались этого времени, в которое и проявили свою злонамеренность. И когда уже объединились германцы с галлами и за оружие взялись, тогда Веспасиан, по Божьему промыслу, послал письмо к Петилию Цереалу, чтобы он шел в Британию и властвовал там. И пошел Цереал, куда велено ему было, и узнал, что германцы для скорой войны ополчаются, и долго бился с ними, и много их убил, и принудил их от дерзости своей отказаться и к благоразумию и покорности вернуться. Если бы Цереал не вмешался, то и тогда недолго бы ожидали германцы наказания, ибо Домициан, второй сын Веспасиана, узнав обо всем, не стал медлить. Когда пришла к нему весть о дерзости германцев, Домициан не дрогнул и не испугался взяться за такое тяжелое дело, хоть и был еще возрастом молод весьма. Была же у него в сердце отцовская храбрость, и в совершенстве владел он воинским искусством, и скоро поскакал он на дикарей. Германцы же, узнав о приближении Домициана, послали к нему с мольбой и соглашались на все, что он им повелит, только бы не погубил он их, обезумевших.

Домициан же возложил на них прежние тяготы и восстановил порядок, и со славой и почетом вернулся в Рим с победой, великой не по возрасту, достойно украсившей старость его отца.

В те же дни и другие волнения испытал Рим. Так называемые савроматы тайно перешли через реку Истру, называемую также Дунаем, и с большим ожесточением, точно буря, напали внезапно на стражников римских, и многих из них убили, в том числе, Фонтея Агриппу, начальника стражников. И бились крепко савроматы с римлянами, и перебили их, и все земли римские там разорили.

Веспасиан же, узнав о том, что произошло, с большой поспешностью отправил военачальника своего, Рубрия Галла, отомстить савроматам, и тот многих из них убил, оставшиеся же со страхом бежали в отечество свое. Военачальник же римский, окончив войну, укрепил место это большим количеством стражников, чтобы нельзя было больше дикарям перейти Дунай.

О реке великой, которая внезапно иссякает на 6 дней, а в седьмой день незаметно появляется

Тит же император немного времени пробыл в Берите, как раньше было сказано, и оттуда вышел, и пошел по сирийским городам, и различные зрелища всюду устраивал, и губил пленных иудеев самыми разными способами. И там на своем пути видел Тит реку, достойную описания.

Название реки — Субботняя, течет она через Аркею и Рафанею, в царстве Агриппы. Течение ее полноводное и быстрое. И вдруг иссякает

эта река, и 6 дней русло ее сухое, а в седьмой день незаметно появляется она из глубины земной и снова становится полноводной. Достойная удивления, эта река 6 дней отдыхает, а в 7-й течет. Когда сухим является русло ее, находят в нем жемчуг мелкий.

Жители же Антиохии узнали о приближении к ним Тита и от радости не могли его дождаться в городе, но вышли его встречать. И отошли от города за 30 верст, и не только мужчины, но и женщины, и дети. И встали с обеих сторон от дороги, и, когда Тит между ними проходил, руки протягивали к нему, и кланялись, и приветствовали его, и всячески восхваляли его, и прославляли, и шли за ним обратно в город. По пути же умоляли антиохийцы Тита, чтобы вывел он из Антиохии оставшихся в городе иудеев. Тит же не желал слушать просьбы их, и не отвечал им, но молчал, и отошел от города. И большой страх охватил иудеев Антиохии, ибо не знали они решения императора.

Туда же, куда отошел Тит, из другой земли царь Вологез прислал к нему послов, и венец золотой они принесли ему, поскольку победил Тит иудеев. Тит же принял венец и почтил послов великим почетом.

Антиохийские же вельможи усердно просили Тита, чтобы вошел он в город их, в здание для конских скачек, в котором все жители собрались и ждали его. И Тит благосклонно выслушал их и пришел на собрание. И стали антиохийцы просить весьма настойчиво и часто, чтобы Тит выгнал иудеев из их города. И Тит мудро отказал им, и объяснил отказ тем, что отечество иудеев, куда бы можно было им переселиться, завоевано и опустошено, и ни в каком другом городе не примут их. Антиохийцы, на первую просьбу получив отказ, ко второй обратились, прося Тита, чтобы он изломал медные записи, в которых были прописаны иудейские почетные права, по которым им позволено было жить в Антиохии. Тит же и этой просьбе не внял, но по прежним законам позволил иудеям в Антиохии жить.

Из Антиохии Тит пошел в Египет, и шел он мимо Иерусалима, и видел перемену, произошедшую с городом: от богатства — к запустению, от великолепия — к виду плачевному, от величавой застройки — к развалинам и пожарищу. И когда о прежней красоте города вспоминал Тит, то жалел о его гибели. И не возносился он, как бы другой кто-нибудь сделал, и не гордился тем, что завоевал город, столь великий, столь мощный, но снова и снова проклинал начальников мятежа, навлекших своей злобой и обманом на город беду. Из такого поведения Тита ясно было, что нехотя он принял славу завоевателя Иерусалима. Богатство же города во множестве находили на пожарищах под камнями. Много римляне сами выкапывали и доставали, много и горожане показывали, где находится золото, и серебро, и другие драгоценности, которые

спрятали они под землей, ибо боялись за сохранность своих богатств, не зная, чем закончится война.

И затем Тит продолжил свой путь, и пустыню скоро перешел, и пришел в Александрию, и собирался плыть оттуда в Италию. А два полка, бывшие с ним, отправил Тит обратно, а из пленных повелел вести в Италию Симона Нигера, и Иоанна, то есть Иоханана, и 7 сотен избранных иудеев, выделявшихся среди других высоким ростом и красотой телесной, желая их провести перед народом римским во время победного шествия в Риме.

Переплыл же Тит из Египта в Италию, и не было никакого волнения морского и бури. И встречу ему римляне устроили, и приняли его так же, как и отца его. Еще больше же почета Титу было, поскольку и сам отец его выехал, чтобы встретить его и принять. Горожанам же чудная и несказанная радость была видеть обоих самодержцев, вместе едущих.

Через несколько дней все трое самодержцев — отец и два сына — совещались о том, чтобы общее победное шествие устроить. Советники же города говорили им о трех разных шествиях — в честь каждого победителя в отдельности. Самодержцы же объявили день, в который пожелали они устроить совместное шествие победное. В день этот никто из бесчисленного населения Рима не остался в домах, но все вышли и встали, где кому можно было, и наполнились все места людьми, и не могли все уместиться, и друг на друга лезли. И наполнились все дома, и дворцы, и крыши. Только оставили место, чтобы прошло шествие. Воины же со своими военачальниками с ночи еще пришли и встали у дворцовых ворот и у храма Изиды, ибо там тогда отдыхали самодержцы.

Утром же, на восходе солнца, вышли Веспасиан и Тит, увенчанные ветками лавра, одетые в одежды порфирные, и пошли к зданию Октавии. Там же были советники, и чиновники самые почтенные, и вельможи, и военачальники, и управители, и все ждали прихода самодержцев. Устроены же были для них перед крытыми переходами два престола из слоновой кости, на которых они восседали. И когда появились самодержцы, воины воскликнули, прославляя, и восхваляя, и почитая мудрость, и храбрость, и доблесть их, и свидетельствовали о кротости, смирении, справедливости их, и о щедрости. Стояли же воины без оружия, в одеждах бобровых, увенчанные ветками лавра.

Веспасиан же принял похвалу воинов и, так как они продолжали восклицать, знаком призвал их к молчанию. И наступила тишина глубокая среди воинов. Веспасиан же встал и с покрытой наполовину головой произнес установленную обычаем молитву. После него и Тит сделал то же. После молитвы Веспасиан обратился ко всем, кто был там, с речью,

и недолго говорил, а затем отпустил воинов на приготовленный для них пир.

Сам же Веспасиан направился к воротам, от которых же обычай был начинать победное шествие. И там самодержцы приняли пищу, а затем оделись в предназначенные для победного шествия одежды и принесли жертву идолам, которые были в том месте поставлены.

И тогда приступили самодержцы к победному шествию: посреди людской толпы поехали они, медленно, чтобы всем людям можно было хорошо все видеть. Невозможно должным образом описать все множество того, что было тогда показано, и все великолепие.

То, что прежние цари накапливали каждый в своей земле, удивительное и драгоценное, это все в тот день вместе призвано было показать величие Римской империи. Золото же, и серебро, и слоновая кость, всячески изукрашенные, в различных видах проносили перед народом, не нагромождением, но подобно реке текущей. И ткани порфирные драгоценные, и вавилонские паволоки, преславно изукрашенные надписями незнакомыми и камнями дорогими, и венцы золотые, и жемчуг крупный, — всего этого было весьма много и казалось, что не является все это чем-то дорогим или редким, но вся земля этим наполнена.

Пронесли же и богов-идолов, дивных по величине и сделанных из драгоценного вещества. Провели же и животных, разных по своей природе. Слуги же носильщики и поводыри в одежды из дорогих и золоченых тканей одеты были. Красота убранства участников шествия выходила из ряда вон и ужасала. Даже пленников не оставили без красивых одеяний, и несчастный вид их скрашивало великолепие их одежд. И удивительно было больше всего то, что несли на носилках. Величины были эти носилки невероятной, в три и в четыре яруса. Смотрящих же они приводили в восторг и ужас, ибо полны они были золота, дорогих тканей, слоновой кости.

И ход войны по частям был представлен на многочисленных изображениях. И зримый образ войны смогли получить тогда те, кто не был в Иерусалиме. Было показано все: земля, сначала изобильная, а затем опустошенная; оба войска неприятельские во время сражения, как одни бегут, а другие гонят и берут в плен; и стены высокие и крепкие, силой орудий стенобитных сокрушаемые.

Можно было видеть на этих изображениях и города, крепкие стенами и жителями, которые были завоеваны; и воинов, осаждающих стены; и всю землю, наполненную кровью; и беспомощных, протягивающих руки в мольбе; и огонь, охватывающий храм; и дома, разрушаемые до основания; и властителей, которых волокли по городу; и людей, от

голода умирающих; и великое запустение и печаль; и реки, текущие не по заселенной земле на питье людям и животным, но по земле пылающей. Были показаны все несчастья иудеев, которые они испытали в той войне.

Искусство же, с которым были сделаны изображения, было таким высоким, что не бывшие тогда на войне делались как бывшие. Показаны же были на каждом изображении военачальники городские в тех обстоятельствах, в которых каждый из них побежден был и схвачен, а также было показано, как тот или иной город был завоеван.

Потом же и корабли и суда за изображениями двинулись. Добычу же всю несли по порядку. Ценнее же всего и почетнее были вещи, взятые из иерусалимского храма: золотой престол, сделанный из многих камней, и светильник, золотом украшенный, не похожий на те, которые у римлян обычно употребляются. Посередине же у этого светильника был стержень золотой, а от него протягивались семь ответвлений золотых поменьше, наподобие трезубца; семь же ответвлений было, и на каждом из них был светильник кованый золотой; и 7 светильников было в честь еврейской недели.

В самом конце добытого у евреев пронесли книги закона Моисеева. А после этого еще множество победных идов пронесли, слоновой костью и золотом изукрашенных. А после идов первым скакал Веспасиан, а за ним следом Тит. Последним же ехал Домициан, и был он великолепен, сам и конь его. Закончилось шествие у храма Капитолийского Юпитера, подойдя к которому, остановились все, ибо был старинный закон от отцов — оставаться на этом месте и ждать, пока не известят о смерти военачальника вражеского.

Был же этим военачальником Симон Нигер, сын Гиоры, которого тогда перед народом вели с пленными во время шествия. Привязали его веревкой за шею, и тащили, и били по всем частям тела. И привели его на площадь, где по закону убивали осужденных злодеев, и удавили там его. И принесли весть к Веспасиану о кончине Симона Нигера. И тогда все прославили Веспасиана, и начали приносить жертвы.

Молитвы же свои произнесли самодержцы и пошли к дворцам, и обратились к веселью. В тот же день Рим праздновал и победу над врагами, и конец внутренних раздоров, и начало изобилия, и надеялись все римляне на доброе будущее. После же победного шествия, и после утверждения и прославления Веспасиана решил он создать жертвенник в честь мира. И скоро приступил к строительству, и быстрее, чем можно было бы подумать, закончил. И всякие драгоценности сложил Веспасиан в этом храме, и можно было видеть в нем собрание всего невидан-

ного и редкого, ради чего люди по всему миру ездят, стремясь всеми силами найти это и увидеть. Повесил же Веспасиан в созданном храме и завесу из иерусалимского храма, во славу себе, и все золотом украшенные одежды. Книги же закона Моисеева Веспасиан во дворце у себя повелел хранить.

И в Иудею послал Веспасиан властителем Луцилия Басса, и тот принял войско от Цереала и пошел на крепость Иродион, и к мирной сдаче призвал горожан, и послушались они его.

Затем же собрал Басс все виды войск, а также принял десятый полк, и решил завоевать крепость Махерон. Очень нужно было покорить крепость эту, поскольку могли восстать иудеи, и собраться в этой крепости, надеясь на ее твердыню. Ибо внушал Махерон живущим в нем твердую уверенность в безопасности, а приступающих к нему удерживал от нападения своим грозным видом и защитой природной. Ибо стоял Махерон на утесе, высоком весьма, и окружен был крепкими стенами. Непрístupен же со всех сторон был этот утес, ибо ущелья вокруг него бездонные невозможно было ни перейти, ни засыпать. С запада же тянулось ущелье на 60 верст и заканчивалось у Асфальтового озера, и у этого ущелья возвышался верх крепости. С южной же и с северной стороны ущелья по величине были меньше, чем с западной, по глубине же были такими же. Восточного же ущелья глубина была не меньше, чем 100 локтей, оканчивалось же оно у гор, которые находились напротив Махерона.

Твердыню же этого места увидел Александр, царь иудейский, и создал там крепость, которую разрушил римский полководец Габиний в войне с Аристубулом. И когда после этого Ирод стал царствовать, вознамерился он тщательно обустроить это место, поскольку земли арабские близко подходили к нему. Удобно же было стражников расположить в Махероне и оттуда посылать войска разорять арабские земли. Потому огородил Ирод большое место на этом утесе и построил там крепость. И не только по склонам поставил стены Ирод, но и на самом холме, и воздвиг башни высотой 160 локтей.

Посередине же крепости построил Ирод дворец, величественный и прекрасный. И много же устроил емкостей, подобных домам, для хранения в них воды, чтобы у жителей непрестанно в изобилии была вода, и не было бы ее нехватки. Поместил же Ирод в Махероне и всякое оружие, и все необходимое для ведения войны, и всякую еду, и одежду. И всячески готовил Ирод крепость Махерон к тому, чтобы можно было многие годы не бояться завоевания от осаждающих врагов.

Посажено же было в царском дворце растение пиган, то есть рута, достойное удивления за свою величину: по высоте и толщине оно было подобно смоковнице. Было же это растение от времени Ирода и доселе, и еще могло бы оно пребывать там долгое время, если бы не порубили его те, кто заняли Махерон. С южной же стороны Махерона, внутри ущелья, есть склон, называемый Ваорас. Назван он так от корня сияющего, который растет там. Корень этот видом как огонь, а ночью сияет и свет испускает на тех, кто подходит к нему и прикасается. Не просто же схватить этот корень, ибо убегает он и не стоит, пока не польют его мочой женской или кровью от месячных, и тогда перестанет убегать. Если же кто-то вдруг выдернет его, то умрет.

Есть же способ без вреда для себя достать этот корень. Окапывают кругом растение, даже до последнего корешка, и затем привязывают к растению пса, и кладут еду для него так, чтобы он не доставал. И пес, когда проголодается, порывается к еде и тогда вытаскивает корень этот. И тут же пес умирает, как отданный за того человека, который желает взять корень. После же этого нет никакой опасности брать корень и прикасаться к нему. И с таким трудом же доставать этот корень необходимо из-за одного его свойства. Ибо когда в какого-нибудь человека войдут бесы нечистые, то этим корнем можно прогнать их, если приложить этот корень к ноздрям одержимого бесами.

Об источниках различных

Текут же у Махерона и источники теплые, с разным вкусом, одни же из них соленые, другие — пресные. Много же и колодцев водных там есть. Есть и пещера, не очень глубокая, скалами прикрытая, и над этой пещерой два холма, подобные сосцам женским, стоящих один напротив другого. Из одного же холма бьет ключ холоднее льда, а на другом холме расположен горячий источник. В том месте, где оба потока объединяются, устроена купальня, приносящая тем, кто купается в ней, исцеление от недугов, а также полезная для сосудов. В той же земле, где находится Махерон, и сера, и асфальт рождается.

Басс же, рассмотрев крепость, задумал сделать приступ с восточного ущелья и стал засыпать его, стремясь скоро воздвигнуть насыпь и осадить город.

Местные же иудеи Махерона, попав в окружение римлян, отделились от пришлых, и принудили их пребывать в Нижней крепости и сдерживать натиск неприятеля, поскольку считали местные иудеи пришельцев чужими и нечестивыми. Сами жители Махерона в Верхнюю крепость вошли и жили там, надеясь на твердыню ее. Думали они о своем спасении и надеялись прощение от римлян получить, если сдадутся им.

Посоветовавшись же, решили иудеи сначала попробовать биться с римлянами и смелые вылазки делали ежедневно, и бились с неприятелем, и многие иудеи гибли, многих же и римлян они убивали. Побеждал тот, кто угадывал время: иудеи побеждали, если удавалось напасть на римлян неожиданно, пока те не оборонялись; римляне же побеждали, если вовремя замечали вылазку; тогда они успевали ополчиться и побивали иудеев. Но не эти стычки привели к взятию города, ибо римлянам представился другой случай заставить иудеев сдаться.

Был же среди иудеев Махерона юноша, звали его Елеазар, храбрый и сильный весьма. И прославился он в вылазках, ибо призывал соплеменников своих биться с римлянами, и многих римлян ранил, и нанес большой вред им, раньше всех выходя и позже всех возвращаясь.

И в один день иудеи и римляне разошлись после боя, и отошли одни к городу, другие же к насыпи.

О мужестве Руфа

Елеазар же встал перед городскими воротами, понося неприятеля и хвалясь перед ним, ибо не ждал, что нападет кто-нибудь на него. И обращался Елеазар к своим, на стенах стоящим, и думал только о них. И вдруг один из римских воинов по имени Руф, родом египтянин, улучив удобное время, когда никто не ждал этого, внезапно устремился на Елеазара и схватил его, и поднял на плечи с оружием. Все же на стенах ужаснулись, а Руф скоро отнес Елеазара к римлянам.

Военачальник же римский повелел раздеть юношу, и растянуть на виду у горожан, и бить его. И сильная жалость к нему охватила иудеев, и весь город завопил и зарыдал, будто не одного человека, но всех мучили.

Увидев, как действуют на иудеев мучения юноши, Басс решил воспользоваться этим для завоевания города и изготавился довести их жалость до того, чтобы они вынуждены были сдать город и сами сдаться. И повелел Басс крест поставить для распятия Елеазара. Увидев это, горожане опечалились еще больше и завопили нестерпимо. Тогда же и Елеазар стал умолять их, чтобы не оставили они его и не отдали на смерть проклятую и позорную, но подумали о том, чтобы спасти его, а также и свои жизни сохранить, и покориться римской силе и удаче.

И когда так юноша говорил, семья его внутри крепости присоединилась к его мольбам. Был же он из рода знатного. И тогда склонились иудеи. И послали послов скоро, и стали вести переговоры, и обещали сдать город, если не будет убит Елеазар. Военачальник же римский послушал их.

Иудеи же, которые были в Нижней крепости, узнав об этих переговорах, решили тайно ночью бежать. В Верхней же крепости узнали о готовящемся побеге и послали к Бассу, и рассказали ему об этом. Отчасти верхние завидовали нижним в том, что те одни спасутся от римлян, отчасти же боялись военачальника, чтобы не переложил он вину за этот побег и на них.

Самые храбрые из иудеев пробились сквозь войско римское и убежали, а те, что остались внутри, числом 1700, убиты были, жены же и дети их были взяты в плен.

Иудеев же Верхней крепости, выполнивших свои обещания, сохранил Басс без вреда и Елеазара им вернул. И тогда поскакал Басс, изготовив воинов к бою, в лес, называемый Иардес, ибо известили его, что в том месте собралось много иудеев, которые бежали из захваченных крепостей и из Иерусалима во время прошедшей войны.

Придя же к лесу, Басс обступил его конниками, чтобы невозможно было убежать никому же, пешим же воинов он поставил рубить деревья. Иудеи же были в руках у римлян, но не склонились и решили лучше славный подвиг совершить и погибнуть, нежели покориться и остаться в живых. И показали иудеи нрав свой, желая либо погибнуть, либо пробиться и убежать.

И сообщая, с громогласным воплем, иудеи устремились и напали на обступивших их римлян. Те же встали против них крепко. Руководило же иудеями отчаяние, а римлянами боязнь опозориться. Потери были неравные: у римлян пало 12 человек и немного было ранено, у иудеев же не убежал никто же, но пали все, числом 30000, включая военачальника их, Иуду, сына Иaira.

В то же время послал император послание к Бассу и к Максиму, чтобы отдали они всю землю иудейскую иудеям; своим же воинам отдал только один город, называемый Аммаус; и дань возложил на иудеев: по два золотника с человека вносить каждый год в Капитолий, как раньше в иерусалимский храм. И так устроилась жизнь в Иудее.

Веспасиан же четвертый год царствовал, когда случилось Антиоху, царю Коммагены, попасть в большую беду по следующей причине. Сирийский управитель Цезений Пет послал письмо к самодержцу с такими словами: «Антиох с сыном стоворились восстать на тебя. Нашли же помощника себе и единомышленника в лице царя Парфянского. Подобаает же тебе не оставить без внимания этого, но скоро пресечь, пока они тебя не опередили и не начали войну сами, и все римские владения этим не вовлекли в смуту». И неизвестно же было о написанном Цезением, было ли это правда или клевета, объясняемая тем, что Цезений гневался на

Антиоха. Однако император, эту весть получив, поверил, и обеспокоился весьма, ибо эти два царства — Коммагена и Парфия — были близко расположены друг к другу. И заботу большую возымел самодержец об этом деле, и волновался, ибо город сильный коммагенский, называемый Самосата, стоял у Евфрата, а потому очень просто было переплыть от туда к парфянам. И послал самодержец послание к Цезению, чтобы тот позаботился обо всем и сделал то, что считает полезным в данном деле. Цезений же, получив такое повеление, не стал медлить.

Внезапно же, когда ни о чем не подозревал Антиох, прискакал Цезений в Коммагенскую землю и возглавил шестой полк. И присоединилось к нему конницы и пехоты много, и цари: Халдейский — Аристобул и Эмесский — Соем. Эти войска без труда и без сопротивления заняли Коммагену. Из местных жителей никто не пожелал выступить против.

Антиох же даже мысли не имел воевать с римлянами, и решил царство свое оставить и уйти с женой и детьми, и таким образом явиться невиновным перед римлянами, и отошел от города на 120 верст, и там остановился.

Цезений же послал воинов и взял Самосату. Сам же с остальными воинами погнался за Антиохом.

Антиох же не желал оказывать никакого вооруженного сопротивления, но, оплакивая свою судьбу, смирялся и желал лучше всякое несчастье принять, нежели поднять оружие. А юноши, незрелые и неопытные, надеявшиеся на свою силу, советовали сыновьям Антиоха, Эпифану и Каллинику, не смиряться, как отец, но дать отпор нападающим. И тогда решили сыновья Антиоха взяться за оружие. И жестокая сеча была в тот день, и никто не победил, и к вечеру разошлись. Антиох же, хотя и не побеждены были воины его, не захотел сопротивляться римлянам, и, взяв жену и дочь, пошел в Киликию. Этим действием Антиох лишил отваги своих воинов, ибо увидели они, что он сам себя признал виновным и от царствования отказался. Тогда воины Антиоха на сторону римлян перешли.

Эпифан же с братом собрали 10 конников вокруг себя и перешли Евфрат, а затем без опаски пришли к Вологезу, царю Парфянскому. И принял их Вологез не как беглецов, но почтил их как царей, в память о прежней славе их, и о царском достоинстве, и о богатстве их.

Антиох же на пути в Тарс был схвачен сотником, посланным Цезением, и отправлен в Рим в железных цепях. Веспасиан же не пожелал принять его как пленника, но помнил он о прежней дружбе, и не стал держать гнев на Антиоха за вину восстания, и, когда еще далеко был Антиох от Рима, повелел Веспасиан разрубить цепи и отпустить

его жить в Лакедемон. И узнал об этом Эпифан с братом, и возблагодарили они богов за то, что отец их спасся, и закончилась печаль их за него, большая весьма. Парфяне же, хотя и сильнее всех окрестных земель были, однако не желали отказываться от владычества римского. Потому и Эпифан с братом, узнав о том, как отнесся самодержец к отцу, надеялись и сами прощение у него получить. И император скоро послал вестников к сыновьям Антиоха и прощение им дал. Те же с радостью пришли в Рим, и отец их пришел из Лакедемона, и все вместе они стали жить в Риме, получив большой весьма почет от самодержца. Дал он им на содержание более 100 капей золота, и жизнь царскую им устроил, и пребывали они в Риме в богатстве, и в радости, и в веселье. И народ же ясов был известный, от печенежского племени происходил он, а жил возле Танаиса и Меотийского моря.

В те же времена задумали ясы напасть на Мидийскую землю и разорить ее. И просили они пропустить их у Гирканского царя, ибо тот владел входом, который некогда Александр царь закрыл железными воротами. И Гирканский царь пропустил ясов.

Внезапно же, когда не ожидали жители Мидии, напали ясы на землю их, и захватили бесчисленное множество людей, и скота, и богатства; никто же не смел противиться им.

Тот же, кто тогда царствовал в Мидии, по имени Пакор, со страхом бежал в крепость. Захватили же ясы и жену его, и наложницу, и едва выкупил их Пакор, отдав 100 талантов золота. Ясы же без потерь разорjali те земли, и без опаски, дошли они даже и до Армении, и губили все, что встречали на своем пути.

Тиридат же тогда царствовал в Армении, и он ополчился против ясов, и бился с ними. И чуть было не взяли его живым, издалека же набросили на него сетку, и тогда схватили бы его, подбежав, если бы армянский воин не опередил их и не разрубил сетку, так что Тиридат смог уйти.

Ясы же весьма разъярились и совершенно разорили землю ту, и бесчисленно добычи взяли в обеих землях — Мидии и Армении, — и снова в свои земли вернулись.

О городе Масаде

В Иудею же, когда Басс умер, послан был Флавий Сильва на его место. И он увидел, что вся земля Иудейская завоевана, и лишь одна крепость еще продолжает противостоять римлянам. К ней и двинулся Сильва, собрав всех своих воинов. Называлась крепость Масада. Военачальником в ней был Елеазар, человек сильный, внук Иуды, о котором раньше было рассказано, как он соблазнял иудеев не покоряться императору.

Этот Елеазар собрал всех бессовестных вокруг себя, звали их сикарии. Они всех иудеев, желающих мира, считали врагами и убивали, и имущество их забирали, и дома сжигали. И говорили сикарии о тех, кого убивали: «Слабостью своей предадут они свободу, за которую мы боремся, и под иго рабское сами склоняются». Эти же слова сикариев были лишь прикрытием жестокости их. Желали они скрыть свое пристрастие к грабежу за этими словами. Дела же их показывали все, как оно было на самом деле.

Горожане же волю сикариев исполнили, и, следуя указаниям их, вели войну с римлянами. Сикарии же свою природу показали, и ложные обвинения возложили на горожан, и очень притесняли их. Было же время это изобильно всяким коварством.

И не осталось ни одного дела гнусного, которое бы не проявилось при этом поколении. Потому и мучение всей земле нашей было от Божественного оружия, ибо так гнев Божий постиг всех иудеев, и отдельных людей, и все общество. И соревновались друг с другом люди не в делах добродетели, но в беззаконии и в нечестии, и кто больше захватит и награбит, и кто большее коварство придумает, и кто чужое ложе осквернит, и, в общем говоря, кто больше людей погубит и больше греха добудет и беззакония. Первыми же сикарии начали всю эту мерзость делать против соплеменников, никакого слова губительного, ни дела тайного не забыли они. Иоанн же, то есть Иоханан, к еще большей злобе обратился, ибо не только всех убивал, которые к праведному и полезному призывали, но все отечество наше всякой мерзостью наполнил. Явил он пример того, как человек, Богом сотворенный, отвергает Бога совершенно. Ибо пищу принимал он незаконную и предписанную законом чистоту отверг. То же самое и Симон Нигер, сын Гиоры. Какого зла он не сделал? Или каких людей свободных обошел он своими казнями? Не смотрел он ни на дружбу, ни на любовь, не щадил ни тех, кто льстил ему ради богатства, ни слуг Божьих, ни старых, ни молодых. Также и иудеи стремились к беспорядкам и к еще большей мерзости обращались. Первосвященников они убили и от всякого благообразия отказались, и совершенное беззаконие устроили. В таких условиях выросло поколение ревнителей. Назвались они именем, обратным тому, что они делали. Ибо ревнителями зовутся те, кто ревнуют о правде и о подобных ей вещах. Эти же «ревнители» ревности о правде не имели. Ревновали же они о всяком деле гнусном и скверном. Какие только были в памяти людской злодеяния, от Адама до наших дней, или по слухам, или по книгам известные, все совершили эти ревнители. Потому и такой конец их был. Бог воздал им по заслугам и всякие казни попустил на них, и всякие муки, сколько может вытерпеть природа человеческая. И до

конца дней своих мучились ревнители муками различными, и постигла злых смерть злая. Но, по правде сказать, несоответственно своим делам они мучились, ибо меньшее страдание терпели, нежели то, которое они причинили.

Римский же военачальник Сильва пришел к Масаде со всем войском и окружил крепость стеной заграждений, чтобы невозможно было никому убежать, и стражников поставил. Затем Сильва выбрал место, удобное для взятия города, и там окопался. Утес, на котором стояла крепость, в этом месте приближался к горе. Трудно же было принести римлянам необходимое к стану. Пищу же издалека носили с великим потом, и воду также, для всего войска, ибо не было нигде колодца вблизи.

Сильва же позаботился обо всем необходимом и стал насыпь делать, требовавшую большого искусства и труда. Твердыня же крепости такую природу имела: утес, на котором Масада стояла, был округлым, и большим, и высоким; вокруг же утеса были ущелья глубокие, так что и дна было не видно. Дороги же две вели в город, с обеих сторон которых были ущелья. И не могла никак же скотина в крепость пройти, только мог один человек пешком; если же кто-то навстречу пойдет, то невозможно было и разминуться, но одному приходилось стоять неподвижно, а другому протискиваться мимо него боком. Если же кто-то, поскользнувшись, падал в ущелье, то даже костей его было не найти.

На этом месте изначально первосвященник Ионатан построил крепость, тогда еще пустынную, и назвал ее Масадой.

После же этого Ирод царь увидел Масаду в таком виде и обратился с усердием к обустройству ее. И воздвиг он стену и огородил ею пространство на вершине утеса окружностью 7 верст. Стена была из белого камня, высота ее была 12 локтей, толщина 8 локтей. Построил же Ирод 37 башен, и дома, и дворцы.

На той вершине была земля мягкая и плодородная, и отдал ее царь горожанам для возделывания, чтобы в случае осады недостатка в еде они не испытывали, эту же землю возделывали и урожай собирали.

У своего же дворца поставил Ирод 4 башни по 60 локтей высотой. Построил же и бани, и крытые переходы во множестве. И столбы поставил из белого мрамора для украшения дворцов и для укрепления. В домах же и в скалах во многих местах устроены были углубления для сбора дождевой воды, стекавшей в водохранилище, подобное озеру. Ход же был под скалой, по которому можно было пройти незаметно на ее вершину. Так руками человеческими укреплена была крепость эта. Все заготовленное внутри крепости, — ни пшеница, ни другие плоды, — не

гнило никогда же. Свежими и целыми оставались всегда и вино, и масло, и финики, и другие овощи. От создания же города было лет много, а от обустройства его Иродом больше 70 лет.

И когда взяли римляне крепость, то все плоды, которые заготовил Ирод, опасаясь войны, они обнаружили целыми. Так сложилось из-за благоприятного состава воздуха, ибо в силу высоты места этого был воздух там свободен от земных примесей. Обнаружилось и оружие там, сложенное Иродом, 20 тысяч доспехов, и щитов столько же, и другого оружия в таком же количестве, и простого железа, и меди, и олова бесчисленно много. Приготовил же это все Ирод для себя, так как опасался двух вещей: во-первых, иудеи могли свергнуть его и вернуть прежних царей, которых он прогнал; вторая же, еще большая, опасность исходила от Клеопатры, царицы египетской, которая много раз уговаривала Антония, чтобы он убил Ирода и подарил ей царство Иудейское. Потому достойно удивления то, что Антоний, поработанный похотью к Клеопатре и делавший все, что она велела, в этом одном ее не послушал. Из-за этих-то опасений Ирод Масаду и обустроил так, как было сказано.

Сильва же, римский военачальник, огородил всю крепость и нашел одно место, на котором можно было насыпь сделать. У основания утеса, на котором была Масада, с западной стороны, была широкая долина. Крепость возвышалась над этой долиной на 300 локтей. У этого основания утеса и повелел Сильва воинам насыпь делать. И те бодро, изо всех сил, работали и сделали насыпь высотой 200 локтей. А выше не могла удержаться земля, и стали класть камни, и подняли насыпь еще на 50 локтей.

Затем поставлены были стенобитные, камнеметные и копьеметные орудия, с помощью которых римляне не давали противнику появляться на стенах крепости. Бараны же часто били и разрушили часть стены. Сикарии же построили в этом месте внутреннюю стену, некаменную, но с двух сторон деревянную, а посередине наполненную землей. Когда же баран бил, он только еще больше уплотнял землю, недавно насыпанную.

Сильва же отчаялся баранами взять стену и задумал сжечь ее. Когда же стена запылала в пламени, поднялась буря с севера страшная и обратила огонь на римлян, которые побежали от пламени. Римские же насыпи сгорели, и орудия стенобитные. Иудеи же радостно закричали, как будто они победили.

Потом же внезапно с юга подуло сильно, и обратилось пламя на евреев и сожгло стену их от основания до самого верха. Тогда римляне, видя такую Божественную помощь, обрадовались и возвратились в свой стан, и хотели на следующий день выступить против иудеев. На ночь

же Сильва поставил стражников охранять крепость усердно, чтобы не ушел никто.

Елеазар же, предводитель сикариев Масады, ни сам не думал бежать, ни другим не велел. Видел же он горящие стены и не мог придумать, как спастись. И размышлял Елеазар о том зле, которое причинят сикариям римляне, если схватят их. И решил он, что нужно всем, находящимся в крепости, умереть вместе. И собрал Елеазар самых мужественных воинов, и так сказал им: «О, мужи блаженные! Давно уже мы единодушно решили с вами не покоряться ни римлянам, ни кому-либо другому, но только Богу, ибо Он один — владыка людей, справедливый и истинный. И вот теперь пришло время, которое повелевает нам исполнить это решение на деле. Не постыдимся же! Раньше мы не принимали рабства, когда безбедно обитали здесь. Теперь же все мы понимаем, что если живыми возьмут нас, то и рабство, и муку нестерпимую придется принять нам. Ведь мы раньше всех стали воевать с римлянами, и теперь мы остались последними, кто еще сражается с ними. Думаю, это дар от Бога, который дает нам возможность умереть свободными — то, что Он и не выдал нас в руки иноплеменников сразу, но укрыл покровом ночи, и теперь мы можем приобрести себе пользу — получить свободу мужественной смертью с возлюбленными своими. Неприятели желают схватить нас живыми. Это может помешать нам погибнуть. Мы же, если и дальше будем пытаться противостоять им, то напрасным будет сопротивление наше, ибо теперь очевидно стало, что не одолеть нам римлян. Следовало бы нам с самого начала, когда мы только начинали биться за свободу и видели своими глазами знамения от Бога, понять Его Промысел и осознать, что род иудейский, некогда возлюбленный Богом и Богом избранный, теперь осужден на гибель. Если бы все еще кроткими очами Бог взирал на нас, или малым был бы гнев Его на нас, то не оставил бы Он без помощи столько человек гибнущих, не отдал бы такого города священного огню на разорение, не попустил бы скверным рукам и пламени прикасаться к святому Его жилищу. Или мы из всего иудейского народа одни надеемся остаться на свободе? Разве мы такие уж безгрешные перед Богом и не имеем отношения к беззакониям соплеменников наших? Видите же вы, что показывает Бог суетность наших надежд. Ведь ни твердыня крепости не помогла нам, ни пища необходимая, ни оружие бесчисленное, ни другие приготовления. Бог же сам явно отнимает у нас всякую надежду на спасение. Ибо сами вы видели, как пламя, на врагов направленное, развернулось к нашим стенам, по Промыслу Божьему. Это гнев Божий за все множество беззаконий наших, поскольку согрешил народ наш против Бога, как вы знаете. Еще помнят о прегрешениях наших все, думаю же, что и после вас

будут помнить, а потому заслуженно месть принимаем. Говорю же вам и умоляю принять месть не от врагов наших, римлян, но от Владыки нашего, перед которым мы согрешили; муки же Его легче. И да умрут жены наши незапятнанные, и дети наши не узнают рабства. После же них и мы благородно умрем, и благо сотворим друг другу, и совершим славное погребение нашей свободы. Прежде же предадим крепость и имущество наше огню. Воистину знаю я, что опечалятся римляне, если ни телами нашими не завладеют, ни добычи не получат. Только оставим еду, чтобы она свидетельствовала о том, что не по принуждению и не из-за голода умерли мы, но это добровольное наше решение — смерть принять вместо рабства». Так же говорил Елеазар, и не всем понравилась речь его. Некоторые спешили послушаться его и исполнились радости, считая, что смерть это благо. Те же из сикариев, кто были более слабыми, пожалели о женах и о семьях своих, и о своей преждевременной кончине, и друг на друга смотрели в слезах, и рыдали, и этим показывали, что не желают они смерти.

Елеазар же, видя, как они испуганы и подавлены величием поступка, который он предлагал им сделать, сам испугался, чтобы они своими слезами не смягчили и твердых. И продолжил свою речь Елеазар: «На месте Иерусалима лишь стан завоевателей, из бывшего народа лишь старики на пепелищах сидят да женщины ходят, оставленные римлянами на поругание. Кто, помышляя об этом, может еще видеть солнце? Кто настолько враждебен отечеству своему? Кто настолько любит душу свою и настолько бессердечен, что хочет на этом свете жить еще? Хорошо бы нам всем умереть раньше, чтобы не видеть священный город опустошенным руками врагов. Раньше у нас еще было упование спастись от неприятеля, но упование это напрасным оказалось. И теперь мы остались последние, без всякой надежды. Постараемся же с доблестью умереть. Окажем милость себе, и детям нашим, и женам, пока это еще возможно. Мы же на смерть родились, и на смерть родились те, кто от нас родился. Смерти невозможно избежать и царствующим. А испытать поношение, и рабство, и видеть жен своих, которых на поругание ведут с детьми — это не по естественному закону людям дано. Но трусливые, и неразумные, и те, кто боятся умереть и не видеть этого, — те такое страдание пусть и принимают. Мы же прославились мужеством и римское иго отвергли, и сегодня, когда к миру призывали нас римляне, не послушались мы их. А кому неизвестна ярость римлян, если возьмут нас живыми? Горе тогда молодым, ибо из-за молодости их и силы телесной большие муки претерпеть смогут. Горе старикам, ибо нет у них сил стерпеть предстоящие муки. Горе женщинам, ибо насилие страшное от захватчиков примут. Горе детям, поскольку поволокут их со связанны-

ми руками, плачущих, часто взывающих к своим отцам. Горе же младенцам, ибо разобьют их о камни и о землю. Потому, пока руки наши не связаны и мечи держат, пусть сослужат они нам службу прекрасную. Умрем же, не познав рабства от иноплеменников, свободные уйдем из этой жизни, с детьми и с женами. К этому нас закон побуждает, об этом умоляют нас жены и дети; такая участь временем и Богом уготована нам. Одни римляне этого не хотят, но следят, чтобы никто из нас не умер раньше, чем будет взят в плен. Поспешим же посрамить надежду их. И вместо радости, которую надеются они получить, пленив нас, пускай ужас они испытают и подвигнутся крепости наших сердец».

И когда еще хотел Елеазар говорить, все слушавшие устремились к смерти и исполнились радости, как бесноватые, желая друг друга опередить в убийстве, считая это доказательством своего мужества и храбрости, если кто раньше других покончит с собой. Такое желание умереть напало на них, что они полностью изгнали из своих сердец все родственные чувства. И в одно и то же время и обнимали своих жен и детей, и целовали их последним целованием, и оплакивали, и, — как будто чужими руками, — убивали. И никто же не отказался от этого дела, но все закололи своих родных, как скотину.

И затем собрали сикарии богатства своего много и, не оставив ничего же, в огонь все побросали, и сгорело все. И тогда жребий кинули, и выбрали 10 человек, которые всех остальных должны были убить. И каждый из сикариев, обняв жену свою и детей убитых, подставлял шею свою для меча и отходил к своим. Эти же 10 человек бесстрашно всех порубили, а затем также жребий бросили, кто девятерых убьет, а потом самого себя заколет. Такое у них было доверие друг к другу, что никто никого не обманет. И когда все порублены были, один остался последний, который проверил и осмотрел всех, все ли мертвы, или кто-то уберется, или кто-то еще дышит, не до конца зарезанный. Когда же убедился этот последний, что все порублены, то сначала зажег царский дворец и дома, а потом вонзил меч свой в живот себе полностью и присоединился к своим. И так все погибли, думая, что никто же не остался из них в руках римлян.

Утаилась же одна женщина старая, и одна родственница Елеазара, весьма разумная и мудрая, и пять детей с ними. Все они убереглись в подземном ходе. Число порубленных же было 9600. Произошло это в 8-й день ксантика месяца, то есть апреля.

Римляне же все еще ожидали сопротивления и думали, что им придется с утра биться, и, изготовившись, от насыпи к стене навели мосты для приступа. Но не увидели они ни одного противника. Была лишь пустота, и огонь внутри крепости, и тишина. И не могли они понять,

что происходит. И затем издали они наступательный клич, чтобы вызвать горожан на бой.

Те же две женщины услышали крик и вылезли из подземного хода, и рассказали римлянам о случившемся, и о речи Елеазара, и о поучении его, и о резне, и всю правду рассказали. Римляне же не могли поверить.

Скоро погасив огонь и проделав проход, римляне дошли до дворца и обнаружили порубленных. И не обрадовались римляне при виде поверженного неприятеля, но с удивлением размышляли о крепости их уговора, и о содеянном ими, и о презрении их к смерти. И так взята была крепость Масада.

Военачальник римский Сильва оставил в Масаде стражников, а сам пошел к Цезарее, ибо не осталось никого во всей Иудее, кто бы противился Риму, но уже все мятежники в долгих боях погибли.

Потом же и в египетской Александрии пришлось многим иудеям принять смерть. Ибо некоторые сикарии, прибежав туда, стали весьма плохие дела делать и подстрекали александрийских иудеев, чтобы те не покорялись римлянам, но изо всех сил противились им, и стремились к свободе, и признавали владыкой своим одного Бога. Поскольку же многие знатные иудеи сопротивлялись сикариям, то те, восстав, убили несогласных, а остальных призывали к восстанию.

Старейшины же, видя бессовестность сикариев, посчитали, что будет нехорошо дальше молчать, и собрали всех иудеев вместе, и обличили измену сикариев, и выставили их виновниками всех зол, прежних и настоящих, и сказали: «Не радуются сикарии, что спаслись из пасти войны, но смущают теперь и нас. Если же известно станет римлянам об этих разговорах, то обрушатся на нас всякие несчастья, и выгонят нас из Александрии, и разгонят нас, неповинных. И в еще более гибельном положении мы окажемся, чем раньше, если мы не встанем крепко и не схватим сикариев». Люди же, подумав о величине несчастий, которые ждут их, послушали старейшин и набросились на сикариев, и стали их хватать, и поймали 600 человек.

А за теми сикариями, которые бежали в Египет, устремились иудеи в погоню, и изловили их, и привели обратно.

И не было человека, который не подивился бы силе, и терпению, и отчаянию сикариев. Всяческими муками их мучили, и на части разрубали, только бы они сказали одно слово, назвав императора господином. И никто из них не склонился и не позаботился о своем теле, но все единодушно сохранили свои убеждения, не обращая внимания ни на какие муки, как будто каменные были их тела. И принимали сикарии раны, и огонь, и меч с радостной душой. Самое большое удивление вызывали

дети, из которых также никто не согласился назвать императора господином. Так победила крепость душевная телесную немощь.

Луп был тогда властителем в Египте и в Александрии, и после этих волнений он скоро послал о них письмо к самодержцу.

Рим. Византия (78–345 гг. от В.Х.).

Книга 1

И прошло от Адама до взятия Иерусалима Титом 5575 лет

А от первого же создания храма Соломоном и города — 1088 лет, от второго же создания храма Зоровавелем и Исусом, сыном Иоседека, — 596 лет, после же взятия Иерусалима Антиохом — 248 лет, после Вознесения же Господа — 42 года. Евсевий же написал, что в праздник свой Христа распяли иудеи, и в праздник же они все погибли, и воздаяние за убийство Спаса и Бога получили. Третье же это взятие Иерусалима Евсевий описал. Тит же, объявив о победе, пришел в Рим.

Веспасиан же после разорения Иудеи установил в Великой Антиохии Сирийской больших херувимов медных, которые обнаружил Тит, сын его, в храме Соломона пригвожденными. Когда же храм был разорен, то взял их оттуда Тит, и в Антиохию принес этих серафимов, в знак победы над иудеями, которая случилась в его царствование. И поставили высокого идола медного в честь луны с четырьмя быками, смотрящими на Иерусалим, ибо ночью взял город Тит, когда сияла луна. В 4-й же год царствования Веспасиана взял Тит Иерусалим, а после взятия Иерусалима умер Веспасиан через пять с половиной лет.

Царство 11-е Тита, сына Еуспасияна, который воцарился в Риме в 5581-й год

После Еуспасияна же царствовал сын его Тит три года.

И во время жаркое весь день пробыв в пути, был сильно опален солнцем, из-за чего кровь пошла у него из носа, и он сильно занемог. И еще дышавшего в гроб положил его Доментиян, брат его, по повелению жены Тита.

Удивительный же был этот Тит — мудрый и красноречивый, и воинственный, и вместе с тем очень кроткий, благодеяниями многими, и целомудрием, и праведностью украшен. Он ясно всем показал свое

сострадание во время погибели Иерусалима, поскольку сильно оплакивал Богом посланное тогда на иудеев наказание. Еще больше он проливал слезы, видя горящую огнем божественную церковь, моля Бога дать ему милость и прощение, так как не по его воле это случилось, но из-за богомерзкого иудеев злонравия. Поэтому после гибели Иерусалима тем, кто объявил его победителем и губителем, он сказал, говоря об убийстве, что не сам его сотворил, но должен был послужить и оказать помощь Богом посланному божественному наказанию. Из-за добродетельного милосердия и умного смирения был он знаменит своею премудростью до самой кончины. И столь сильный плач охватил Рим после смерти его, что еще долгое время вспоминали, и рассуждая о его добродетели плакали на людях и по домам, как будто каждый из них был одержим своими собственными грехами.

При нем и у горы Везвинской на западе разошелся верх, и огонь кипящий вылился так, что сжег лежащую вокруг местность с городами. Видя это, эллины очень удивились и спрашивали у некоторых умных христиан: «Как и откуда вышел огонь из дна земли?» Они же отвечали: «Из приготовленной дьяволу и слугам его, и всем грешникам и нечестивым людям геенны вышел огонь, на целомудрие и разум согрешающим указывая». Об этом и славный наш философ Платон рассказывал в «Федоне»: о жилище и о судьбе душ, что зло жившие, настолько и наказываемы потом в плаче и в огонь палящий кидаемы, в нижнее место, которое находится в глубине земли. Этому тысячи эллинов в то время удивлялись.

Божественный же Патракий, епископ Прусский и мученик, судьбою африпатом был спрошен принародно перед людьми о самовытекающих горячих источниках: «Откуда они исходят?», и так отвечал: «Сотворил Бог огонь и воду из небытия существа, а из огня устроил великим словом, так же как и свет, солнце и прочие светила, и повелел им день и ночь светить, так как такова же Его сила, какова и воля. Из воды же твердь небесную выпустив и землю поверх воды сотворив, сотворил также и живущих в них всех предусмотрительным деянием, чтобы человек, которого он собирался создать, ни в чем самом лучшем и полезном не испытывал недостатка.

В них же два места вечных приготовил потом, устроив, чтобы одно светом сияло и было исполнено бесконечных благ, а другое для тьмы и муки вечной сотворил, чтобы те, которые угодили Ему и к дьявольской прелести вниз не сползли после Воскресения, приняв место вечных благ, вечно бы с Ним царствовали. А прогневавшие Его и за общим врагом последовавшие — с ним и мрачных мук место получают, чтобы вечно и бесконечно ими насыщаться.

Разделив же огонь и воду так же, как разделил свет и тьму, распределил их по всему своему творению. И есть вода поверх тверди, и огонь, то есть блеск, под твердью; и также есть вода и огонь и под землю. А на поверхности земли собравшаяся в одном месте вода морем названа была; а вода, которая под землю осталась, бездной названа была, из нее же, как некие смерчи, исходят источники для жизни нам и всякой животине, оттуда же и горячие воды наверх выходят. Вода, находящаяся дальше от огня, повелением Божиим выходит студеной, вблизи же огня находящаяся вода там разогреваема и выходит вместе с паром. Если же в иных местах близко не приближается к огню вода, то не очень теплая, и не слишком холодная там вытекает.

А огонь, который под землю — для мучения бесов и грешных людей. Преисподняя же вода — самая холодная и сгущена в куски льда, которая и студеным местом называется, также являясь и мукой для не следующих заповедям Господним. А то, что под землей есть огонь, пусть убедит тебя огонь в Сицилии, и в Ливии наружу исходящий огонь; и еще и под иными местами различными подобно являемый есть огонь, в страшной геенне сжигая всех, сколько ни есть, совершивших достойные огня дела. О нем же и великий Моисей от лица Божьего сказал: "Яко огонь ражжется от ярости Моея, разжжется до ада преисподняго, пояст землю и плод ея, и опалит основания горьская". Так же и Исаия свидетельствует, ясно предвещая грешникам уготованную им в неугасаемом огне муку, и вопиет: "Кто исповесть вам место вечное? И поспешьствуете светом огня вашего и пламенем, его же ражжете; и изыдут и узрят кости человеческыи преступивших от Мене, глаголет Господь; червь бо их не умрет, и огонь не угаснет, и будут в видение всякой плоти".

И еще же и богогласный Златоустец говорит: "Посмотри и на другое диво — как сходятся противоположные естества. Ибо что молнии огненнее или воды холоднее? Однако соприкасаются, и не сливаются, и не смешиваются, но каждое из них сохраняет свое устройство: огонь в воде, а вода в огне. И ни тот и ни этот не иссушил и не погасил друг друга; и молния солнечного огня горячее и светлее и сильнее, о чем свидетельствуют глаза, привыкшие к виду постоянно сияющих лучей, но вида молнии не могут вытерпеть нисколько". Ибо солнце весь день обходит небо, а эта в короткое время освещает всю вселенную, как и Христос свидетельствует, говоря: "Яко молния от востока шествует, является даже и до запада". Затем говорит: "Изводяй ветры от сокровищ своих". И это иное явление также не мало нам приносит пользы, ибо много в нашей жизни совершает, восстанавливая изнемогающие тела. Ведь это дело ветров — вспахивать воздух, который от неподвижнос-

ти становится тлетворным, чтобы он питал плоды и питал тела. А что можно сказать об их общей пользе и во время мореплавания, когда они, зная предназначения, замещают друг друга, кружась посреди пучины и показывая дорогу плывущим кораблям? И один отпускает, а другой принимает, шествуя противоположными путями, и служит нам борьба их. И бесконечное количество дел можно назвать, которые совершают ветра. Но все лишнее опустил пророк, оставив слушателю самому выбрать, и показал только одно из удобств сотворенного. А сказанное "из сокровищ его" означает не то, что у ветров есть какие-то сокровища, но что оно удобно для Повелевающего, и приготовлено Его решением и устроено. Как имеющий сокровище без разговоров его выносит, и если захочет, обратно его внесет, так и Творец все устроил подобным образом и передал живущему.

Видел ли ты, сколько на небе различного? И в воде, и в огне переменны, ибо вода бывает одна — из источников, другая — морская, иная — из облака, некоторая — из поднебесья и превыше небес. Есть же и подземная же, из которой в разных местах выходят теплые воды, от огня, находящегося под землей, нагреваемые удивительным образом. Также и говоря об огне: один бывает в солнце, иной — в луне, другой — в звездах, некоторый же — в воздухе; у нас же огонь от дров или в светильниках, и от земли; часто ведь бывают огни, исходящие из земли, как будто источники водные, также и от камней трущихся, и от ветвей деревьев тоже трущихся, и от блистания во время грозы; иной же отражают вода и стекло чистейшее. Так же и воздух: один, более густой и тлетворный — в нас, вызывающий различные недуги и гибель, другой же, наоборот, полезен телам, а третий подымается выше и огненный. Так и среди ветров много различий: один послабее, другой поплотнее, один более сухой, другой более мокрый или же более теплый». Из-за этого и пророк, погрузившись в бездну добрых творений этих и подобных, в которых обнаруживается сила и премудрость Бога, увидев простертую эту пучину, отскочил и громко завопил: «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, и вся премудростию сотвори, исполни же премудрости душевныя».

Царство 12-е Доментияна, сына Успасияна, который воцарился в Риме в 5584-й год

Потом же царствовал Доментиян, брат его, Успасиянов сын младший, 15 лет. И убит был в церкви римской умышлением своей жены. И так преемником брата став, он не последовал добродетели отца и брата, но впал в злодеяния Тиверия и Нерона. И испробовав всякие злодеяния и убийство, и с женами и с мужами блуд творя, всевозможным бесов-

ствием исполнился, себя же, безбожный, к своей кончине Богом провозгласил. Потому стал всем ненавистен и отвергаем, из-за убийства, звероподобия и скверных намерений сам себя окаянным назвал, справедливо приняв возмездие за свою мерзость и позорной смертью скверную и мерзкую окончив жизнь, как было сказано.

При нем евангелист Иоанн Богословец был заточен на острове Патме, а апостолы Тимофей и Онисим замучены, также и Савастиян из города Севаста фракийского, и Антипа, амасийский епископ.

О Аполонтиане волхве

И Аполонтиан был известен, ходящий по городам и селам и творящий всюду бесовские чудеса. Из Рима придя в Узантию, он был умолен его жителями и сотворил следующее: отогнал множество змей и скорпионов от города, чтобы не причиняли вред людям, и бешеного коня обуздал перед собранием бояр. Затем и в Антиохию пришел, и упросили его там сделать то же самое. Поскольку антиохийцы изнемогали от скорпионов и от комаров, он сотворил медных скорпионов и, закопав их в землю и поставив над ними маленький столп мраморный, повелел людям взять трости и, ходя по городу, кричать, потрясая тростями: «Без комаров городу!» И так исчезли из города скорпионы и комары. Спросили его также об угрожающем городу землетрясении; он, вздохнув, написал на дощечке так: «Увы тебе, окаянный город! Ибо большое грядет землетрясение, и огнем охвачен будешь. Оплачет же тебя сущий у берега Орента». О нем же и великий Анастасий из Божьего города сказал: «Созданные же Аполонтианом творения даже и донныне стоят в некоторых местах, одни — для отпугивания животных четвероногих и птиц, вредящих людям, другие же — для удержания речных потоков, бурно текущих, но и иные некоторые стоят на гибель и во вред людям, предназначенные для победы над врагами». И не только при жизни творили так бесы ради него, но еще и после смерти, пребывая около его гроба, знамения творили его именем на прельщение несчастным людям, которые были из-за этого похищены дьяволом. Что же можно сказать о творящих дела волхования? Один из них настолько был силен в обмане волхования, что привык высмеивать Аполонтиана как не обладающего истинной философской мудростью. Подобало бы ему, говорил, как и я, словом только творить то, что хотел, а не действием совершать свои повеления. Происходит так все промыслом Божиим и творением бесовским, чтобы таковыми вещами испытать нашу православную веру, тверда ли есть, и пребывает ли рядом с Господом, и не увлекается ли врагом ради мечтаний, чудес и сатанинских дел, совершаемых рабами и слугами зла.

Царство 13-е Иероваама, который воцарился в Риме в 5599-й год

После же Доментиана царствовал Нерва один год. Он вернул Иоанна из острова и послал его жить в Ефес. Он один тогда остался живым из 12 учеников. О нем же и многоученый Евсейей в «Церковном свидетельстве» говорил: «Фома научил Парфаю, а Иоанн — Асию»; так же и Филип, один из семи дьяконов, то есть слуг в Ераполии, так называемом Жрецком городе, умер и погребен был там с дочерьми своими, с Ермионой и с Евтихией, 7 сестер их, и сестра его Мариамьи, и брат его Валфромей из Вифсаиды Галилейской. И этот Филип, который скопца крестил и Симона огласил со всеми дьяконами, в Ераполии умер. О нем же и Поликрат, этот в Ефесском приходе епископ, Иукторове епископу писал, так говоря: «Ибо в Азии великие святые усопли, которые воскреснут в последний день пришествия Господня».

Еще же божественный Иполит Римский, повествующий о проповедях и о кончине апостолов, сказал: «Иоанн, брат Иаковлев, проповедовавший в Азии Слово, был сослан в Патмосский остров Доментияном, царем Римским; возвращенный оттуда обратно в Эфес Нерваном, он написал Евангелие от себя; а здесь, откровение увидев, написал Апокалипсис. Сей есть наперсник Христов, носивший и вериги, философ; он умер в Эфесе и был погребен живущими там верующими, прожив 120 лет. Его же мощи искали, но не нашли». Великий же Григорий, брат Кесариев, когда его спросили на судилище в Константине-граде об этом, ответил, говоря так: «Сам Иоанн разъяснил это в конце своего Евангелия, написав: "И се рек Иисус глагола ему, сиречь Петрови: Последствуй Ми. Обращьжеса Петр, виде ученика, его же любляше Иисус, последствующа, и рече: Господи, се что? И глагола Иисус: Аще ему хошу пребывати, дондеже прииду, что есть тебе? Изыде же слово се во братию, яко ученик той не умрет, но: Аще ему хошу пребывати, дондеже прииду, что есть тебе?". Еще же, когда он приходил к ним во время ловли рыбы, повелел Петру последовать за ним. Тот же, хотя взять с собой Иоанна, чтобы шел с ними, сказал: "Господи, а се что?". Иисус же объяснил, что тот останется, сказав: "Аще ему хошу, да пребывает zde и ловитву творит, дондеже убо возвратився, прииду паки, что есть тебе zde?". Итак, изящно исправляя их ошибочное мнение, справедливо сказал: "И не рече ему, яко не умрет". И во многом часто ошибались, истолковывая слова Христа, потому что слушали неразумным и смущенным сердцем, "дондеже пришед Святый Дух, научити я во всю истинну", по слову Господню. А если кто намерен спорить и напрасно отвергает сказанное этими святыми и их доводы, неуместно заявляя, как бы размышляя, что для исповедания Второго пришествия он был оставлен живым

вместе с Енохом и Ильей, да послушает, как он сам точно так одним откровением от лица Господня говорит».

Царство 14-е Траяна, который воцарился в Риме в 5600-й год

После же Нервы царствовал Траян 9 лет. Тот был благ, и ненавидел зло, и любил правду настолько, что, обнажив некогда оружие перед вельможами, отдал эпарху, говоря: «Прими оружие это, если хорошо буду править — за меня пусть будет, если же плохо — пусть против меня обратится». И разболевшись, умер.

При нем Семеон, второй святитель в Иерусалиме после Иакова, брата Господня, Клеопов сын и Марьян, также были мучены Игнатей Богоносец и Еустафей Плакида, и жена его Татьяна, и дети их Агапий и Феопис, и Фока, сын Памфилов, из Синопского города; и Мартин, епископ Фряжский, Еудокья из Самарии Палистинской, Еуфимей, наставник монашества, Сарвула жрец и сестра его Ававия.

При нем умер и Лука евангелист из Антиохии. Лука же был распят на плодоносящем масличном дереве, потому что засохшего не нашлось на этом месте, чтобы сделать крест. И некий взял тело и похоронил его среди многих могил, неизвестной сделав могилу его. Ученики же, искавшие ее потом, не нашли его могилы среди множества других. И во время молитвы их в ту ночь одождал Бог на могилу Луки ножики, которыми врачи пускают кровь, как символы профессии его, и этим знаменем узнана была могила.

Его же честное и святое тело перенес Константий, сын Константина Великого, с помощью Артемия, который имел сан дукса в Египте и стал затем мучеником, и положил его в церкви Святых Апостолов.

Тут же мучены были Василид, также и Менадр, и Удоксия, и Ромул, Просит, Зенон, Макарий и с ними еще 1134 мученика.

Еретики. А Киринф и Николай, из семи дьяконов, новые эти еретичеству старейшины, приобрели известность как враги истины.

Царство 15-е Андрияново, который воцарился в Риме в 5609-й год

После же Траяна царствовал Андриян, который и Елий, зять его, 24 года.

При нем восстали иудеи, хотевшие в Иерусалиме построить храм, и сильно на них разгневался. Произошло же между ними сражение, и убил из них за один день 580000. И остаток камней городского храма разорив, построил новый Иерусалим, его же переименовал Еллином в свою честь; и установил свое изваяние в церкви, и повелел эллинам по-

селиться в городе том. Создал же и церковь в Кузике, и город во Фракии, и назвал его Андреян-град. При нем мучен был Епсухий из страны Каподокийской, Вера, Любы, Надежда и мать их Софея из Италии были, и Аринда рабыня, и Елеуферий из Рима, отца Сидора и матери Анфии, Филит Сунклитик и Лудия, жена его, и дети их Македоний и Феопрепия, и Ромуд, Коментарисий, Анфилофей, Дука, и Паусилоп. **Еретики.** При нем старейшины еретичества Кендрон, и Алентин, и Маркион, и Монтан, и Сартонил, и Карпократ, и Акила приобрели известность.

Царство 16-е Антонина, который воцарился в Риме в 5633-й год

После же Андрияна царствовал Антонин Благочестивый 22 года. При нем Поликарп, ученик святого Иоанна евангелиста, и Устин философ, и Дионисий, епископ Коринфейский, мучены были, и Мелетинья из Маркияна, Фряческого города, и Феодор, который в Пергии, и мать его Филипа, и с ними два воина, Сократ и Дионисий. **Еретики.** А Татиян и Вардионан, и Прискила и Максимила, лжепророки из Фругии, получили известность как основоположники еретичества.

Царство 17-е Марка, который воцарился в Риме в 5655-й год

После же Антонина Благочестивого царствовал Марк, сын его, 19 лет, вместе с Виром, зятем своим. Этот был добродетельный, очень богобоязненный и премудрый. А умер от отравы. При нем огонь с неба появлялся время от времени. При нем был Аверкий епископ, равный апостолам, из Ераполя Фругийского.

Царство 18-е Комода, сына Марка, который воцарился в Риме в 5674-й год

После же Марка, сына Антонина Философа, царствовал сын его Комод 12 лет, и от истечения крови и желчи внезапно умер. **Еретики.** При нем стал известным Феодот, который первым положил начало заблуждению феодотийцев — Павла Самотянина и Нестория.

Царство 19-е Пертинакса, который воцарился в Риме в 5686-й год

После же Комода царствовал Пертонакс 2 месяца, и был убит воинами, когда выходил из дома, в марте месяце.

Царство 20-е Иульяна, который воцарился в Риме в 5686-й год

После же Пертинакса царствовал Иульян Диди 4 месяца. И этот убит был неким, имевшим сан кувикулария, у источника дворцового, когда смотрел на рыб.

Царство 21-е Севира, который воцарился в Риме в середине 5686 года

После же Деди царствовал Севир 17 лет и 8 месяцев. Тот во Вретании победил противников и от моря и до моря преградил остров стеной стадий в 1000. При нем Леонид епископ, отец Оригена, замучен был, и Ия из города Визада, и с нею еще 9. **Еретики**. А Клим Стромотянин, и Сумах, и Ориген получили известность.

Сей, Узантию получив, стены его разорил, и первое здание ипподрома ему дал, и охоту и театр горожанам устроил.

Имел же Узантия 7 прекрасных столпов, расположенных от Фракийских ворот до Восточного моря. И если кто-то подходил к одному из столпов, другим уже ничего не угрожало: если в первом столпе закричит кто или камень бросит, сам начинал звенеть, и второму и прочим сам подавал сигнал. Он и Зевексиипоноскую баню создал византиянам, а первое здание разорил.

О Оригене еретике

При нем жил Ориген. Этот Ориген, живший в Александрии, первый великое рвение к божественному слову приложив, не только был из числа верующих и принес им великую пользу, но и еретикам многим. Многие же от его целебной веры перенимали толкования, становясь борцами за истину. К ним принадлежал и Амбросий, муж знатный и начитанный. Тот, стремясь достигнуть мудрости Оригена, отступил от уалентовой и маркиановой ересей, восприняв от него необходимую искушенность в богословии. Многие из живущих в то время философов приходили к нему, весьма внимательно к своим ученикам, и много полезных плодов от его знаний получали. Великим считался он среди философов, преподавал и землемерие с математикой, и прочих наук начала. Поэтому большинство древних свидетельствуют о его премудрости, упоминая его в своих писаниях и представляя как учителя. Ибо был очень умный с детства и весьма любознательный: еще в детском возрасте, повинувшись совету божественных книг глубже вникать в причины, удивлял этим своего отца, запрещавшего ему изучать не соответствовавшее его возрасту. Когда же наступала ночь, к спящему подходил и целовал его, поскольку божественный дух в него вселился, и доброе чадо свое благословлял. Он чистотою телесною так же и добродетельностью отличался — таким постом постился с юности, что довольно ему было в день на питание только четырех медников. За многие годы своей жизни он имел обыкновение спать на земле или на рогоже, и ночью спал мало, больше же изучением божественных слов занимался, и этому предаваясь, в голоде и без отдыха, и в наготе себя держал, на-

столько укротив желания телесные, что выглядел совершенно иссохшим, так как отказался от вина, масла и от прочего. Поэтому и славен был, соответствуя своим словам делом; и многих эллинов отвратил от почитания идолов, склонив их увенчаться венцом мученичества. И так как великая слава распространилась о нем, многие к нему приходили издалека; и не только эллинские мудрецы, но и еретики умные привлекались к благочестию; и многих христиан укреплял в вере, обучая. Среди них же и упоминавшийся Амбросий много раз умолял его, вынудив приехать в Кесарий, и приставил к нему восемь скорописцев и множество каллиграфов, чтобы он сделал истолкование божественных книг, все необходимое ему для этого дав. Сей же, получив досуг, диктовал скорописцам, а книгописцы, обученные каллиграфии, на кожи переписали 6000 книг. Все же божественное Писание истолковал за 18 лет. Говорят же, что он написал 6000 книг, показав такой образец рвения к истолкованию божественных слов, что, многое старание Оригена свидетельствуя, Амбросий написал к некоему, говоря о посвященных Богу вещах: «Искренне преданный Амбросий часто вспоминал тебя. Но хотя я и считал себя прилежным и жаждущим Божьего слова, он посрамил меня своим прилежанием и любовью к святым учениям, настолько в этом меня опередив, что мне придется умереть из-за его огромного старания. Ибо ни ужинать не возможно без беседы, ни после ужина нельзя, погуляв, дать покой телу, но все время вынуждены философствовать, выверяя написанное, всю ночь не имея возможности для телесного отдыха, так что приходится нам спать часто вечерами. И филологов задерживал; не говорю уже о том, что и с утра, даже и до 9-го часа, а говорят что и до десятого часа. Так что все, хотящие по своей воле пострадать, пусть посвящают свое время истолкованию божественных слов, прилагая это к чтению». Итак, все истолковав Божественное Писание, он умер, будучи 69 лет. О нем же и божественный Епифаний в «Панариях» говорит: «Амбросий ибо пищей снабжал его, скорописцев и служащих, кожами и прочим, им необходимым, Ориген же в течение долгой жизни и бессонные ночи, и досуг посвящал великому труду, изучая Писание, и своим творением, названным Шестогубицы, и прочим, муж с честью вознаградил себя за труд. Ибо не только воедино собрал четыре знаменитых перевода Писания, но также и 5-й и 6-й, найденные им во время его прихода в Иерихон, в один из алтарей вложенные. И когда все вместе у себя собрал, разделил их и, сопоставив друг с другом и самим еврейским Бытием, искусно и весьма разумно после многого испытания сотворил упомянутые Шестогубицы. Но не осталась его слава до конца неугасаемой. Случилось ему, много искушенному в его работе, упасть так страшно, что даже стал причиной соблазна и гибели многих. Хотевший же не оставить не истолкованного в Божественном Писании, в

пропасть греховную себя вверг он, смертные слова истолковав. От него ибо и Арий основное перенял, и после него нечестивые и не благие прочие все. Рассуждал ибо так, сначала дерзнув утверждать, якобы Единочадый Сын Отца видеть не может, а также ни Дух Святой Сына, ни ангелы Духа, ни люди ангелов, и от существа Отца не может происходить Сын, но — творение, и по благодати Сыном называется. И душам грешным по скончании лет придет конец мукам, когда очистятся грехи их, и бесы, говорит, снова будут ангелами, и будут вместе и бесы и люди, и не будут мучиться, но свободными станут. И другие многие хулы изрек. Итак, составил указания в каждом своем сочинении. Насколько же были его беседы, изреченные притчами, о повадках и естестве бессловесных животных содержательны многими благодатными объяснениями, настолько же его рассуждения о вере совершенно нелепы оказываются. А жизнь он вел такую постническую, что и кожа его, говорят, от премногого голодания и изнурения ослабилась. Говорят еще и о теле его, якобы жилу он сам себе рассек из-за ее сладости, чтобы не утруждала его, а иные же — что зелье приложил себе на срам, повелев ему иссохнуть. Иные же на него наговаривают, якобы зелье врачебное изобрел для памяти. Говорится также, что имевший хорошее образование и церковное воспитание, много пострадал за Христа. Из зависти он был схвачен князьями от власти: злоумышлением дьявольским в помышлении скверном мужа обвинили, о котором стало известно от этих завистников, яко бы эфиопа ему пристраивали для помазания тела его. Он же, не терпя такого мерзкого вымысла, испустил крик, когда ему предложили выбрать одно из двух. И когда он согласился принести жертву, вложили в его руку ладан и затем вылили его на жертвенный огонь, и так судившие избавили его от муки, и из храма изгнан был. Оставив же из-за наговоров Александрию, пришел в Иудею. Войдя же в Иерусалим, как ученому исповеднику предложили ему священники выступить в церкви, ибо прежде он был пресвитером. И много раз понуждаем иереями, встал и только одно изречение произнес: «Грешнику же рече Бог: Вьскую ты поведаети оправдания Моя, и приемлещи обеты Моя усты своими?». Согнул книги и сел с плачем и со слезами, и все вместе с ним заплакали тоже. Есть же и многое иное, что о нем рассказывают, воспевая его за множество знаний и как сочинителя книг. Потому и научился сочинять, потому что написал много книг, не слушая, как подобало бы, премудрого Соломона, говорящего: «Сыне, хранися творити книги многи; и не тщиися усты своими, сердце твое да не тщится изнести слова от лица Божия, яко Бог на небеси выпсрь, и тои на земли низу. Сего ради будут словеса твои мала. Суть бо словеса многа умножающе пустошь. И да не буди правдив велми, есть бо праведен погибаяй оправдании своими, и не премудряйся излише, егда когда вознечествиши». А он пе-

речеркнул эти святые наставления и не внял Христофора разуму в своих сочинениях. И боголепный Павел, который в сочинении слов был всех сильнее, разумом же всех превосходил, не много малых посланий предал написанию, хотя еще много из несказанного им мог бы высказать: так как и до третьего неба в откровениях небесных дошел, до самого боголепного рая восхищен, и сущие там гласы сподобился услышать. Подобно ему и другие Христовы ученики, 12 апостолов и 70 учеников, и иных к этим множество, не были неискусенными в слове, однако же изо всех них о Господнем житии воспоминания оставили только двое — Матфей и Иоанн, поскольку вынуждены были удержать написанием Слово, так же как и Марк с Лукой потом. Поэтому и сказал великий Максим: «Словеса пишуший или себе на память их пишет, или на пользу другим, или для того и другого, или во вред кому-нибудь, или для примера, или по необходимости».

Царство 22-е Антонина, который воцарился в Риме в 5704-й год

После же Севира царствовал Антонин Каракал 6 лет и два месяца. Он своего брата на лоне матери заколол. **Еретики.** При нем, как говорит Климент, Ориген различные сочинения оставил, на еврейском языке называемые Ексафла, иначе говоря Шестогубицы.

Серапион же некий предсказывал, что скоро умрет Антонин, и Макрин сменит его, и показал на него перстом, находясь в собрании боярском. Антонин же из-за ярости или случайно не разглядел лицо Макрина и повелел убить другого, рядом стоящего. Макрин же поспешил опередить Антонина. Когда на охоте Антонин слез с коня, отослав сотника, Макрин оружием убил его, сказав ему: «Как ты брата заколол в лоне матери, так и я тебя».

Царство 23-е Макрина, который воцарился в Риме в 5711-й год

После же Антонина Каракала царствовал Макрин один год и два месяца. Евтихиянин же некий укрыл у себя Авита, внебрачного сына Антонина, и возложил на него венец, и провозгласил его самодержцем. И дав золото воинам, он восстал и вступил в сражение с Макрином. И побежден был Макрин, бежал и убит был с сыном своим.

Царство 24-е Антонина, который воцарился в Риме в 5712-й год

После же Макрина царствовал Антонин, он же и Илиогавал, 3 года и 9 месяцев. Он же настолько раб был блудной страсти и пребывал в этом зле, что Ираклея сделал законным мужем. Чтобы сожительство-

вать с ним, говорят, что он врача умолил искусством своим начисто оскопить его. Тот из-за нечестивых и крамольных дел своих убит был, злую жизнь свою извергнув. И царствовал вместо него Александр, его двоюродный брат.

Царство 25-е Александра, который воцарился в Риме в 5716-й год

После же Антонина Илиогавала царствовал Александр Мамеанин, 13 лет и 8 месяцев. И при нем был голод в Риме, так что и мясо человеческое ели.

Этот воевал с персами и был полностью побежден.

И нарекли воины царем Максима. Александр же, никем не охраняемый, был убит. Мамея же, Александра мать, как сообщает Евсейей, была благочестивая; и призвала к себе Оригена, в Антиохии тогда жившего, желая научиться от него Христовым тайнам.

Царство 26-е Максимиана, который воцарился в Риме в 5730-й год

После же Александра Мамеина царствовал Максим 6 лет. Этот пастухом был раньше, после стал воином, а потом воеводой у Александра. За его храбрость, ум и рассудительность народ и совет поставили его царем. Он же, ругая Александра за то, что много христиан имея благочестивых, воздвиг на них великое гонение. Достойную же своего нечестивого действия кончину обрел, убитый Максимом и Валвином.

Царство 27-е Максима, который вступил на царство в Риме в 5736-й год

После же Максимиана царствовал Максим и Валвин 22 дня. Таким же образом убит был этот от воинов. Подобно же и Гордиан, прежде бывший кесарем, который после Максимиана царствовал, и убит был за то, что запретил Филипу епарху раздать пшеницу воинам. Этот же Филип был отцом святой мученицы Еугении. При Максимиане же и Гордиане, как сообщает Евсейей, получил известность писатель Африкан.

Царство 28-е Гордиана, который воцарился в Риме в 5736-й год

После же Максима и Валвина царствовал Гордиан кесарь. Этот возрастом 13 лет стал самодержцем и получил римскую власть. И хотя вступить в брак с дочерью Тимисиклия, славившейся своей образованностью, он назначил его епархом своего двора, и недостающее ему из-за юного возраста восполнил добрыми делами. Войну так же начал против парфян, обвинив их в смерти своего попечителя. Филип же, прежде упомянутый епарх, коварно его убил. А царствовал Гордиан 15 лет.

Царство 29-е Филипа, который воцарился в Риме в 5751-й год

По Гордияне же царствовал Филип 5 лет. Тот был последователем христианской веры, разумом и кротостью украшен. Был же из Востры, где же и город создал, и назвал его Филипов-град.

Этот, заключив мирный договор, находился в союзе с Самором, царем персидским. Тот был удивителен величием телом, не бывало до него раньше такого человека. И убит был Кедием Филип вместе с сыном, трудясь ради христиан. **Еретик.** При нем основатель ереси Савелей получил известность.

О Феодоре жидовине

При нем еврей некий, с христианами путешествуя в пустыни в стране Сирьской, разболелся так, что не мог совсем двигаться. Бывшие же с ним христиане приняли со многими слезами решение оставить его, опасаясь, чтобы и самим не погибнуть из-за отсутствия воды в той пустыне, так как засуха была сильная. Иудей же, увидев их уходящими, начал с плачем к ним говорить: «Заклинаю вас сотворившим небо и землю, сошедшим на спасение человекам и хотящим придти судить живых и мертвых, не оставляйте меня умирать жидовином, но крестите меня, и тогда отойдете от меня». Они же сказали: «Невозможно нам это сделать, не имеящим сана, но ведь также и воды здесь нет, как ты видишь». Он же продолжал стоять на своем, теми же клятвами принуждая их и осуждая. Пребывая в большом затруднении, сказал один из них прочим: «Ведите и разденьте его». Со многим трудом поставили того, как могли, и сняли с него одежду. Он же, в руки свои песок набрав, посыпал им голову жидовина, говоря троекратно: «Крещается Феодор во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», а прочие отвечали на каждое провозглашение имени: «Аминь». И вскоре настолько окреп, что со многим желанием и здоровьем пошел с ними.

Пришли же когда они в Александрию, поведали об этом архиепископу Дионисию, и тот, ужаснувшись, тотчас весь клир созвал и спросил их об этом случае: «Имеет ли уже иудей крещение после песочного посыпания или нет?» И одни говорили, что имеет, о чем свидетельствует скорое его исцеление, другие же не принимали это, так как не имеет церковь такого устава. Так же и Господь к Никодиму сказал: «Аше кто не родится водою и Духом, не имать внити в Царство небесное». Поскольку и те и другие продолжали рассуждать, повелел святой Дионисий крестить его, и послал к Иордану креститься, а крестившего его песком, по достоинству его, поставил дьяконом уларным.

Хорошо известно же, что Григорий Великий, перечисляя все 5 видов крещений, сказал: «Прежде крестил Моисей в воде, и в море, и в

облаке. Крестил же и Иоанн уже не по-иудейски водою только, но и в покаяние. Крестил и Исус, но Духом, это — совершенство. Знаю 4-е крещение — мучением, кровью. Знаю и 5-е также — слезами». Так что справедливо и весьма сообразно не приняли крещения песком. Ибо каким из этих крещений крестился, чтобы считалось оно истинным и божественным? Где вы, говорящие, чтобы не имеющие сана или женщины крестили, если случилась беда с иереем, и что крещение это будет считаться божественным и совершенным? Споря, а скорее же пустословя и богохульствуя из-за многой неразумности и желания поспорить, ни святое Апостольское учение слушают, ни его запрещений, говорящее: «Не повелеваем простецем глаголюще творити ничтоже, творящим священником, яже суть: жертва, крещение, или рук возложение, или благословения, мала или велика. Не о себе бо кто принимает честь, но званый Богом, но возложения ради руку епископлю дастся таковая слава. А ему же не поручено се, но исхитив и насильствовав ю, себе грех и казнь Саулю и Озиеву примет. И еще же ни прочим клириком повелеваем крестити, иже суть дияконе уларне, или четцы, или певцы, или слугы, токмо едином епископом и прозвитером, послужащем им дияконом. Аще ли дръзнет створити се, критяньское оружие примут. И еще же ни прозвитером ставити диякон, ни дьяконец, ни четця, ни слугы или дверники, но едином епископом. То бо есть чин законен церковный, и богоугодное соглашение, и уставление». Напрасно еретичествуют или, вернее сказать, богохульствуют, те, которые иерейские дары, и одновременно деяния, женам и простецам раздающие, на развращение слушающим и верящим пустословию их и болтовне, совершенно не понимая ни что такое священство, ни какова разница между простецами и иереями.

Царство 30-е Декии, который воцарился в Риме в 5756-й год

После же Филипа царствовал Декий два года и Алерьян епископ. При нем Вавила Антиохийский, и Флавиян Римский, и Александр Иерусалимский, и с ним 13 мучеников были, и Киприян, и Устина из Антиохии Сирьской, и Фауст пресвитер, и Авива дьякон из Александрии Египетской, и Кондрат апостол в Магнисиисе с дружиной, и Ульян, Кронион, Макарий, Епимах, Александр и Настасия дева из Рима, Карп и Папила, и Агафодор, и Агафоникия, и Меркурий, Фурс и Левкий, и 10 мучеников, которые в Крите из митрополии Гортунской, а было их 5: Феодул, Саторник, Еупор, Геласий, Еуникиян, а из Конса Зотик, из Пиония же Леован Понтий, из Пармона же Агафоп, из Акудонья Василид, а из Ираклея Орист, Полиект из Мелетины Арменской, Нестер из города Пергия и Тривимий, Конон Градарь, Кондрат, Киприян, Денисий, Анеукт, Паул и Криксий, Пионий поп Звуренский, Акакий епископ в Меле-

тии, Африкан, Максим, Помплия и с ним 40, и Терпина, и 7 отроков в Ефесе, и многое множество святых замучил и смерти предал. Еретик. При нем, как говорил Евсейей, Нават пресвитер отступил от церкви. Этот идолопоклонников покаявшихся не принимал; женщинам-христианкам в Риме он повелел не ходить не покрывшим головы, надеясь мнимым этим позором привлечь их к идолослужению. Они же предпочли с незакрытым лицом выходить, честью считая ради Христа то, что в народе казалось бесчестьем. Поэтому даже и донныне истинные женщины-христианки с незакрытым лицом ходят, а иудейские женщины и неверные женщины закрываются.

Декий же был убит скифами по наущению Гала и Волусияна: в болоте был утоплен с сыном своим, достойное наказание своего образа приняв, так что и тела их не нашлись.

Царство 31-е Гавала и Волусьяна, которые воцарились в Риме в 5758-й год

После же Декии царствовали Гавал и Волусиян 2 года и 8 месяцев. И был в те дни страшный мор, продвигавшийся от Эфиопии даже и до Запада, и ни один город не смог избежать этой беды. Охватил же их мор на 15 лет, начавшись перед жатвой и прекратившись с восходом созвездия Пса. Передавался же недуг от одежды и от больного вида.

А скифы, иначе говоря хозары, перешедшие Истран, весь Запад, Италию, Восток же и Асию завоевали и пленили, кроме Солнечного города (Илиона) и Кизика. Убиты же были воинами Гавал и Волусиян, и нарекли царем Емельяна.

Царство 32-е Емельяна, который воцарился в Риме в 5761-й год

По Гавале и Волусияне царствовал Емельян 4 месяца. Командуя же находившимися в Мусии воинами, имел в подчинении и ливийских воинов, с ними же воевал со скифами и, победив их, возгордился успехом, единолично правя. И этот убит был воинами.

Царство 33-е Уалерьяна, который воцарился в Риме в 5761-й год

По Емельяне же царствовал Уалерьян и Галиян, сын его, 15 лет, и войну с Сапором царем начал.

И пленен был копьем в городе Самарийском, имея 400 000 воинов, и убил его Сапор царь, содрав кожу. Галиан же после него первый конские отряды ввел, ибо римские воины по большей части были пешие. И убит был воинами. При нем на всю землю Бог великий гнев послал, смертельный недуг истреблял человеческий род на его уничтожение.

Ибо и из земли, и из моря курения восходили, к тому же дуновением ветров речные и озерные доносились запахи, как будто мертвых гной содержали их испарения. И вследствие этого такая погибель охватила землю и тяжкие неисцелимые болезни, что бесчисленное множество было человеческих смертей. Рыдание же и воздыхание из-за множества погибающих было всюду — не меньше тех, когда гибли египетские первенцы. Ибо не было дома, где не стоял бы смрад от не погребенных мертвецов, так как немилостивые люди из язычников, боясь заразиться смертельным недугом, еще даже не умерших людей выбрасывали, не щадя ни родных, ни друзей, ни иных каких соседей, но стремясь избежать смертельного поражения. Многие же боящиеся Господа, не оберегаясь, ухаживали за больными и принимали страдания, уходя с ними вместе из этой жизни. Другие же из тех, кто сам не болел, некоторых больных в дом приводили, создавая им покой из-за болезни и этих смерть перенимая. При нем замучен был Дионисий епископ Александрийский, Перфурий из города Ефесского, Филумен из страны Лукиянской.

Царство 34-е Клавдия, который воцарился в Риме в 5776-й год

После же Улерияна царствовал Клавдей один год. Он дед был Косты, отца Великого Константина, святого царя. Приходившие при нем скифы, все города пленив, пришли к Афинам и захватили их. И собрав все книги, хотели их сжечь, но один из них, бывший лучше прочих, знавший, что много в них смысла, запретил это делать, говоря, что пока книгами будут заняты греки, о войне не позаботятся. Клавдей же, Аврилияна на царство свое поставив, умер.

Царство 35-е Кунтила, который воцарился в Риме в 5777-й год

После же Клавдея царствовал Кунтил, брат его, нареченный царем, один год. Он, мало пожив, ничего достойного упоминания не совершил. Поскольку же знал, что Авлериян собирается захватить Римскую власть, он сам себя лишил жизни, вену проколов на руке с помощью некоего врача, и умер, полностью изнемогший.

Царство 36-е Авлерияна, который воцарился в Риме в 5778-й год

После же Кунтилияна царствовал Авлериян 6 лет. И убит был воинами между Ираклией и Византией в так называемом Нове-граде, и был там погребен.

Авлириян имел некоего доносчика, знавшего все, что делается и говорится. Был же однажды наказан им по какой-то причине, и этот, под черк царский подделав, чтобы похоже было на грамоту, распоряжение

написал о вельможах царя, как будто на смерть их посылает. Те же, испугавшись, убили его. При нем святой Харитон мучен был, а из Иконии Мамонт, сын Федотов и матери Руфины, из города Гагрона, Дионисий, епископ Александрийский. **Об окаянном Мане.** По Авлирияне же, как говорит Евсей, Мане объявился проклятый, из-за которого манихейское имя среди многих распространилось, от чего Маний, скверный и треклятый, укоренился, Христа из себя и Святого духа, беснующийся, изображал. Из-за этого 12 учеников, как Христос, с собой водил. И собрав от всех ересей все злое, от Персиды в Морейскую землю пришел по Божьему попущению. Этот же бесноватый Маний, которого и Скифянином звали, был родом из рахман; и учителя имел Уддана, прежде звавшегося Теревинфом. Наученный тот Скифянином, прославлявшим эллинскую веру, возлюбил Подклеову ересь, который говорил, что два начала противоборствуют друг другу. Войдя же в Персиду, стал рассказывать про себя, что от девы родился и в горах воспитан. И написал четыре книги: одну назвал «Таинства», другую «Евангелие», еще одну «Сокровище», четвертую — «Главизны». Ибо Будас этот, который и Теревинф, духом нечистым сокрушенный, погиб. Женщина же некая, у которой он жил и умер, в наследство получив имущество и мерзкие книги скверного, купила отрока семи лет, по имени Куверик, научив его грамоте и, освободив его, сделала наследником всего, что имела. Он же, взяв книги Вудодаевы и вещи, расхаживал по Персиде, называя себя Манием и воображая, что о вере свидетельствует, книги за свои сочинения выдавал. Его же царь Персидский ободрал заживо, так как повинен был в смерти его сына. Разболелся у царя ребенок и у многих врачей лечился. Маний же сказал: «Я и без лекарств исцелю его». И так, врачей прогнав, уморил отрока нерадением и тщеславием. За это и наказание достойное принял — содрали кожу с тела его окаянного; и тело его зверем отдали в пищу, а кожу, как меха, на воротах сверху повесили. Еще же и пророком сам себя называл и предсказателем будущего, своего же заблуждения и будущего не распознал. У него было 3 ученика: Фома, и Ада и Ерма. Но никто не считает истинным Фомино евангелие, так как не является он одним из 12 апостолов, но один из злых трех учеников Мания. Этот же безумный Маний отверг Ветхий Завет и богохульствовал, что всякая тварь и человек созданы неблагим неким богом, тленным и суетным сущностью. А Новый Завет называл благим Богом, являющимся через откровение и надежду, Христом его изображая. И к этому погружения какие-то придумал, и скверные ночные жертвы, и незаконные совокупления, и тел неизреченное творение, рождение и перемещение, и иное многое ложное творил и учил, эллинские злые суетные учения утвердить стремясь, богопротивный и бого-

ненавистный. О нем рассказывал и Федор, пресвитер Рафийский: «Маний, который был изобретатель бесконечной тьмы, а скорее же — сам власти тьмы создание; возмечталось ему и приснилось явление Господа в слабом и бесплотном человеческом теле, который сказал, что то, что страдания свои ожидал, и что причинили ему физические страдания, так же как и нам, ничто из этого правдой в действительности не было, а только вымыслом и прельщением, чтобы прельстить людей, среди которых он яко бы жил. Поэтому и два естества у Господа не признает Маний, говоря, что оно одно — Божественное.

О Павле еретике. Павел же некий, Мания того современник, родом Самотевшанин, в Антиохии великий сопрестольник, невысоким человеком называл Господа, богохульствуя, что как во всякого пророка, так же и в Него вселилось свыше Божье слово, и два естества Христос в самом себе существующие различные имел, не приобщающиеся друг к другу, одно из которых — собственно Христос, а другое — в нем живущее Божье Слово. Таким образом и произошло в древности богохульствие злое о Христе, говорившее об одном Его естестве, отнимая у Него то Божественность, то человечность.

О Аполинарии еретике. А после них через год Аполинарий возник некий, престольник в Лаодикии Сирской, другое суетное мудрствование исповедуя. Так как в то время последователи арианской ереси говорили, что не имеет совсем души Господня плоть, он тогда заявил, что Господь принял плоть одушевленную, разум же наш не принял, так как не нужен плоти человеческий ум, если в нее воплотилось Слово Божье, и не может в ней поместиться другой разумной силы, кроме Божественной. И рассудил так: одно естество у Слова и у плоти, поэтому плоть Его следует считать совершенным человеком, а естеством называть недостойно.

О Федоре еретике. С этим вместе появился некий именем Федор, получивший неограниченную власть в Мопсуестейском городе в Киликии и Уполинарию помогавший с дерзновенной душой и безбоязненным сердцем. Нелепые оскорбления изливал на Владыку Христа, говоря, что Он всего лишь человек и один из нас, случайно получивший благодать Божью, который Богом стал именоваться только после Иерданского крещения, сподобившись одним из первых получить дары Святого Духа, крестившись во имя Отца и Сына и Святого Духа. А Бог Слово вселился в Него по своей благой воле из-за Его исключительной добродетельности для передачи Ему Божественного чина, и наследником поклонения выбрал. Этот же и о многом другом богохульствовал подобно же, якобы два естества безначальных в природе Христа, хотя и сочетающихся некоторым образом, но друг от друга обособленных. Такова вторая ереси

поросль, что имеет одно естество Христос, и двуединое естество неправильно исповедовать.

О Нестории еретике. После этого же некий, именем Несторий, еретик из Ерманикии Сирской, принял престол Константина-града. Этот подобным же образом отвергал двуединое естество Христа, злонамеренно подражая Павлу и Федору, следуя своим предкам, будучи сыном Килика и потомком Самосатского. И из-за этого на Святую Богородицу возвел непримиримую ересь, отвергаясь Господа своего и досаждая своей Владычице, окаянный раб бесстыдный. Ибо этот злобный Несторий был третий представитель иудейской ереси, утверждая, что одна сущность — собственно Христос, а другая — Бог Слово, вслед за заблуждением своих отцов.

О Евтихии еретике. А мусору, оставшемуся от Мания и Аполинаря, третий еще помощник явился — Еутихий, игумен монастыря Константина-града. Тот, не принимая Единосушность, и единоеестественного по плоти Господа предлагал нам исповедовать, отмежевываясь от тех, кто говорит, что в Христе два естества соединяются и сочетаются. И еще же и некоторое другое пустословие и нелепость пристраивал, говоря: сошло с неба Тело Господне, а Бог Слово протек через Деву, как через желоб, и облекся в Него, соизволив родиться от женщины, хотя Он и Нерожденный. Учение это — манихейское, но своей фантазией намного его превосходящее; и вслед за своими родичами совращенным сердцем Христу молился.

О Севире еретике. Затем некий по имени Севир, захватив престол Антиохийский, за Мания, Аполинария и Евтихия отомстить ересью пожелал, возмущая, сколько мог, церковный мир. Когда же изгнали его из Антиохии как врага и мятежника, он как буря и смерч Александрею лестью опьянил, где же и другая буря охватила его и людей, всех возмутив и взбудоражив. Смутил же их некоторый по имени Иулиан, епископ Аликарнаса Асийского, Евтихиева зловерия защитник рьяный. Севир ибо одно Естество утверждал у Христа и Христово Величие признавал, Иулиан же, как и Севир говоря об одном Естестве, отрицал однако Величие. Стали же нечестивые виновниками всего мятежа и бури, не понимая, как сказано в Писании, «ни их же глаголют, ни о чем же неистовствуют». Спорящие с нами и берущие в качестве примера Божественное Единение сущностей Души и Тела человеческого, говорят: «Следовательно три исповедуете естества». Но да узнают, необразованные и невежественные, о каких мы говорим двух естествах: не о Божественном и плотском, и не о Божественном и и душевном, но — о Божественном и Человеческом. Ибо естество человека не все его поистине, так как состоит из частей: души и тела, и у частей тоже есть раз-

деления и подразделения. И части Христовы — неслиянные Божество и Человечество, душа же и тело — не части Христовы, но части частей. Ибо и у частей человека есть части: у души — сущность разумная, в которой одно — властное, другое — страстное, третье — чувственное, а в каждом из них одно — разумное и мыслительное, запоминающее и проясняющее, другое — отдающее и притягивающее, иное — помогающее, на многое же другое и эти разделяются. И пусть прекратят уже, наконец, допытываться, когда они являются частями души, а когда — силами. Тело же также имеет деление на части; это: голова, руки, ноги, а также кости, плоть и жилы, состоящие из четырех стихий, а эти разделяются на вещество и вид. И о многом еще другом философствуют врачующие нас о силах природных, которые они называют влечением, жадностью, изменчивостью или иначе — отзывчивостью, много также рассуждают о способности к воображению и об охватывающей живые существа некую разумную органическую душу. Поэтому в беседе для объяснения всего этого достаточно сказать о плоти, или теле человеческого, и довольно так же показать части разумной души, подобающей человеку, чтобы, рассудив, все разъяснить и представить составляющие, по которым он и познается. Они же вместо демонстрации человеческого совершенства, Господа оговаривают и отчуждают Его от нашего естества, якобы Он либо изначально не принял нашего естества, либо оставил его не тронутым, находясь в нем. Так и подобным образом мудрствуя, в неизбежный и безвыходный попали тупик. Еще же и Феодорит говорит об этих нечестивых следующее: «Есть еще некие, хотя и называющие себя христианами, однако восстающие на истинное учение. Иные ибо Нерожденное на три части рассекают, и одно называют благо, другое — зло, а третье — истина. Другие же два начала не рожденного Слова образуют, друг с другом борющиеся бесконечно. Иные же с этим нечестием, называющимся учением, борются, но иной путь нечестивый выдумывают, ибо Божье Слово хотя и Единородным исповедующие, Сына же к сотворенному Творцом причисляют, и Творца сопоставляют с тварью, и Святого Духа от Бога отделяют нечестивыми рассуждениями. Иные же по-другому правое слово губят и, по правому пути прежде идущие, дальше следовать за предшественниками не пожелавшие, оказались где-то вдалеке от истины. И одни полностью отвергают нас ради бывший Промысел, другие же признают, что Бог Слово вочеловечился, но только Тело принял; другие одушевленной считают принятую плоть, а душу в ней — от рождения бессловесной и неразумной, не иначе как от своего неразумия эту истину приобрета. Мы же человеческую душу признаем не иначе как разумной и бессмертной». Иные же Единого Христа объявляют двумя: одного — произошедшим от Девы, родившимся полностью человеком, к вечности не причастным, друго-

го — Богом по естеству и истинным Сыном называют. Иные же вещают, что сущее от Бога Отца Слово было вложено в кости и жилы плотского естества.

Царство 37-е Такита, который воцарился в Риме в 5784-й год

После же Авлирияна царствовал Такит 2 года. Этот Максимиана, родственника своего, назначил в Асирию, которого убили воины из-за творимых им несправедливостей. Испугавшись же, что отомстит за него Такит, убили и того.

Царство 38-е Прова, который воцарился в Риме в 5786-й год

По Таките же царствовал Пров и Флориян 2 года и 4 месяца. Этот же Пров повредился рассудком и убил Флорияна.

При нем во время дождя упало много пшеницы, смешанной с водой; ее же собрав, наполнили огромные закрома. Так же и при Авлирияне крупинки серебряные спадали, Рассказывали же, что Викторин, друг царя Прова, выпросил для своего друга княжеский титул во Вретании. Тот же, придя туда, восстал, и оказавшийся из-за этого в немилости Викторин был послан подавить восстание. Притворившись скрывающимся от царского гнева и попавшим в опалу, Викторин его и убил.

Вернувшись же, во время схождения с корабля он уронил пояс в море и вошел к царю без пояса. Тот же рассердился, думая, что от иного это случилось с ним. Викторин же сказал: «Сам это сделал» и попросил никогда не давать ему во владение никаких вещей, так как всякая власть связана с бедой и с виной.

Погубил всех убивших Авлирияна и Такита, царь же разрешил ему жить отдельно и дары многие дал. Погубил же всех убивших Такита и Авлирияна в Пиринофе, на пир позвав их. Убит же и сам был от приближенных своих. Так же и Пров убит был. При нем мучены были Трофим, и Саватий, и Дорудумент.

Царство 39-е Кара, и Карина, и Нумерьяна, в 5788-й год

После же Прова и после Флорияна царствовали Кар, и Карин, и Нумериян, три брата, 2 года. И этот Кар Персиду и Ксефонт пленил.

Третье это было пленение из прежних — при царствовавших над римлянами Трояне, Вире и Севире. Умер же Кар от красной нежитовицы, а Карина, брата Кара, убил Диоклитиян, и царствовал сам вместо него. Карин же был ослеплен, а затем погубил его некий муж Апр, римлянин. При нем мучены были Козма и Дамиян римские, и Пелагия девица из Антиохии.

Нумерьяна. И воцарился Нумерьян, а святой Вавила был епископом в Антиохии. И царь, идущий с воинами на персов, вошел приобщиться святых таинств. Тут встретил его святой Вавила и остановил, говоря: «Скверный весь от жертв идольских, и не дам тебе видеть тайны Бога живого». И разгневался царь, и повелел убить Вавилу, и с ним трех младенцев.

И пошел из Антиохии на персов. Во время же сражения стали одолевать персы и убили многое множество его воинов, и побежал в город. Настигли же их персы, взяв его пленником. И вскоре убил его Анклитиан: содрал с него кожу, сделал мешок и, миром его наполнив, сохранил себе на славу. При Нумерьяне же гонение великое было на христиан, и мучены были многие: святой Георгий, Пелагия девица из Антиохии, Хрисанф и Дария, Григорей и Силуян епископ, Лукий дьякон и Мокий чтец из страны Месийской.

Царство 40-е Диоклитияна и Максимиана, которые воцарились в Риме в 5790-й год

После же Кара, Карина и Нумерьяна царствовали Диоклитиян и Максимиан, зять его, который и Еркулий, 22 года. И при них великое и страшное гонение было на христиан, боявшихся пошевелиться. Повелели ибо по всем городам и странам Христовы церкви разорить и божественные книги сжечь, а пойманных христиан принуждать жертву приносить бесам. Из-за этого многие приняли венок страстотерпцев, среди них же: Петр Александрийский, и Анфим, епископ Никомидийский, и Василиса из города Никомидского, 9-ти лет бывшая, и Александр Гемон, и Сосана из Палестины, дочь жреца идольского и матери Марфы, Аутоном, епископ из Италии, Еуфимия, дочь Филофрона и Феодоры — эти двое из Халкидона, и Лукия вдовица 75-ти лет, и Емельян, ее духовный сын, из Рима, и Ануарий, епископ города Веневенда, Сос и Прокл дьяконы города Протиола, и Еутихий, и Аукустий, Фест и Дисегерий клирики, Пафнотий египтянин из города Гентурии, и с ним 49, Епихария из Рима, и Калистрат и с ним 184 из Рима, Алфий, Александр, Зосима, Никон, Неон, Илиодор, Марк из Антиохии Писидийской и с ним 30, и Григорей, епископ Великой Армении, сын Анаколива, родственника Кирса, царя Армянского, парфянин родом, Харитона рабыня и Пелагия девица из Тарса Киликийского, Пров, Тарх и Андроник из Тарса Киликийского, Домника из города Назарва, Лукисиван из Газской страны, Лукиан пресвитер из Антиохии Сирской, Козма и Дамьян Аравитские и еще три брата, Анфима, Леонтия, Еупретия, и священномученик папа Иригион, епископ Скопельский, Дмитрий Селунский, Капетолина и Еротия, рабыня ее, и Парасковгия, называемая Пятница, их города Ико-

нии, Клаудий, Астерий, Неон, Неонила их города Ларендейского, Зиновий и Зиновия, сестра его, сын Зеподота и матери Феклы из Египта, и Антоний из Анкирского города, и отец его Меласип и мать Касияна, и с ними 40 детей, Гурий, Самон и Авива дьяконы из Рима, Марк и Стефан из Антиохии Писидийской, Иринарх из города Савастийского, Анфинодор монах из Междоречия Сирского, Еустратей, Ауксентий, Еугиний, Мандарий, Арест, Филимон, и Аполоний и с ним 36 из Фив египетских, Внифантей и Анастасия из Рима, Федотья и дети ее из страны Фивийской, Еуводома и Меортя, и святых отцов 38, избитых на Синайской горе булыжниками, и с ними Феодул, и Феодулия из Назарва города, Феопимат епископ, Вас, Евсевий, Еутихий и Василид; Неофит из города Никейского, Вифуня, сын Феодоров, и Флорентий, Климент, епископ Анкиры Галатской епархии, матери Еуфросиньи и Агафаггела, и с ними Паул, и Паусирий, и Феодотион, Анания пресвитер, и Петр ключехранитель, и иных 7 отроков, пострадавших у Финика, Кир и Иоанн из Александрии, Афанасий с тремя своими дочерьми: с Феодотией, и Феоктистией, и Еудоксией; 3000 мученых в Никомидии, Маиор из Газа города, Памфил, и Уалент, Илья, Иеремей, и Исаия, и Самуил, и Данил, и Селеук, и Улис, и Паул, Агапит чудотворец из страны Кападокийской, Антонин из города Никейского, и епископ Корсунский, Василия, Еугения, Агафодора, и Капитона, Елпидия, Елферия, Ефрема, два Александра из Египта, и два Дионисия из Триполя Финичского, Агапий из города Газаского, Тимолой от Еуксена Понта и с ним Никандр, и Артемон, пресвитер Лаодикийской церкви, Александра, царица Диоклетиана царя, и Исакий, и Аполос, Кондрат, Еусевей, Неоналент и дружины их, Георгий Великий из страны Кападокийской и мать его Полихрония, Диодор и Родион дьяконы. Феодор и Дудима, Антонина и Кондрат из города Никийского, Иулиан из Тарса Киликийского, и Келькесия и с ним 27 воинов, Ареост и 6 братьев его: Ерос, Фармакий, Фирмин, Фирма, Кирьяк, Логгин; Феврония, черноризица в монастыре Святой Оруении, Андрей, епископ Критский из города Кирина, Перегрин, Лукиян, Помпий, Исухий, Папий, Саторник из Италии, и Астий епископ, Проккопий, сын Христофоров и матери Феодосьи из города Эллинска, и Кандий пресвитер из области Тальмея, Кирик и мать его Улита из города Иконии, Апудим из города Тенеда, Анфиноген из города Севастийского и с ним 10 учеников его, Трофим, и Теофил и с ним 13 мучеников, Леонтий, и Агапит и которые с ним из Писидии Памфилийской, Марин, старец из Назарва города; Еупл дьякон из города Катанска, Фотей и Аникит в Никомидии, Диомид из Тарса Киликийского, Иринея, епископ Сармийский, Филонид, епископ Киринийский. И жена же некоторая, родом, и богатством, и разумом, и красотою телесною, с двумя дочерьми девицами после долгих скитаний были схвачены; боясь, что

растлят сосуд их девственности, в воду речную себя ввергли, этим предоставив доказательство своего причисления к мученицам. И другая еще святая и удивительная женщина Евфросиния, жизнью девственной и совершенной красотой, схвачена была, и многими хитростями мучители принуждали ее, и оставшуюся не побежденной повелели отдать ее воину для скверного соединения, а если на это не согласится, голову ей отрубить. Она же, пребывая в глубоком раздумье, стала спрашивать Анфима Никомидийского — неужели скончаться ей мучением, — и просила совета, что скажет. Он же, благой муж, поистине мудрый и верный в суждениях, слова Господни соблюдая, сказал: «Доброе, о чадо, и благолепное дело — сохранение чистоты, выше же еще о вере заповедь, ступень ибо есть добрым в благочестие. Не предпочти поэтому лучшее второстепенному. Ибо как некоему, в несчастье и в скорби пребывающему, лучше сохранить тело и потерять одежду, так и в печалях безвыходных — лучше, сохранив душу, предать плоть всяким, хотящим ее мучить, чем погубить душевное благородство». Это же услышав, пошла, рассуждая сама с собой, и ни то ни другое ей не нравилось. Но так как истинный дар непостижимыми судьбами защитника имеет, то отроковица размышлением целомудренным без мучений целомудрие сохранила. И будучи заперта в одном из домов, перехитрила воина, сказав: «Не делай со мною ничего плохого, человек, и дам тебе плату, достойную твоего доброго дела. Дам тебе за это мазь лекарственную, дающую безсмертие — ею же все тело помазав, в сражениях будешь неуязвим. Если же хочешь сейчас проверку ей провести, позволь мне это устроить». Он же с большой радостью разрешил. И тогда, взяв масло и воск, блаженная их смешала и долго руками разминала, затем, шею свою намазав, сказала ему: «Ударь как можно сильнее и увидишь помазания силу, так как не поранишь меня и не убьешь меня». Он же высоко вскинул меч и ударил ее, отрубив честную главу ее. И так победив мерзких коварство, двойной венец приняла — мученичества и чистоты. Так же и другая отроковица, девственностью украсившаяся, схвачена была, так как бранила царей и идолов. Ее же взяв, много мучили, и так как не подчинилась их нечестию, продали ее для прелюбодеяния, велев хозяину притона взять ее и приносить за нее каждый день по 3 златника. Хотящий же получать золото, тот отдал ее желающим. Узнав же об этом, женолюбцы стали приходить к ней, греховодники, и врывались к ней, серебро предлагая. Она же, умоляя, сначала говорила: «Гной имею смердящий, стыжусь его, поскольку же и вас заразит. Поэтому лучше подождите немного — несколько дней, пока не исцелюсь, и всегда буду в вашей власти». Так она и обманывала их, а молитвами умоляла Бога избавить от такового осквернения и без мятежа девство ее сохранить. И услышал Господь Бог молитвы ее, и спас ее дальше следующим образом. Пришел

как-то некий юноша знатный и очень благочестивый к блудницам ее хозяина и дал ему 5 златников, говоря: «Оставь мне эту отроковицу до утра». И войдя в место ее укрытия, сказал ей: «Встань и иди с миром». И одел ее в одежду свою, и покрыл голову ее, и вышла не оскверненной, и неожиданно женщина оказалась свободной. К концу следующего дня обнаружилось произошедшее, и юноша был осужден на смерть. И когда это случилось, сбылось слово Господне, гласящее «Болши сея любви не имат ничтоже, да кто положит душу свою друга своего ради». Подобно же и другой некий монах схвачен был этими бесчеловечными и нечестивыми. После же многих истязаний и ран под конец придумали они следующее нечестье на растление целомудрия праведного. Поставив в саду ложе и привязав к нему святого, оставили с ним женщину блудницу, чтобы в приятном этом месте поневоле не мог избежать домогательств блудницы, в незаконное вовлеченный соединение. Но божественный муж, пока жена, обнимая его, говорила непристойные слова и сладостью его разжигала, свой язык откусив, выплюнул на лицо ее, причинив себе боль и плачь вместо сладости, ее же привел в изумление текущей кровью и стыдом наполнил. Эллины же узнали, что такое истинное монашеское целомудрие. Побеждена была и жена нечестивая. А мучители Диоклитиян и Максимиан из-за силы и стойкости христиан, и множества убитых, издали указ у пойманных христиан вырывать правый глаз, чтобы не только причинить им боль, но и обесчестить, сделав их изгоями среди римских жителей. А Божий суд справедливо их настигшим наказанием поразил: Диоклитиян был убит на боярском собрании, а у Максимиана вытекли внутренности.

Царство 41-е Максимиана, который воцарился в Риме в 5812-й год

После же Деоклитияна и Максимиана царствовали Максимиан Галер в Восточных областях и Максент, сын Еркулов, в Риме 9 лет. Этот же Галер много скверного и злого премного сделал, и к этому еще и гонение безжалостное и бесчеловечное по всему Востоку на христиан объявил. Тогда многие из добродетельных мучены были: 3650 мучеников в раселинах Никомидских, Феодор и Мнана, и Ульян, и Океян из села Кандавлии, Минодора, и Митродора, и Нимфодора — двоюродные сестры, папа из города Александрейского, Максим, Феодот, и Аклипияда из Маркияня города, Иоанн Исповедник из Египта, Сергей и Вахх, Еулампий и Евлампия, сестра его в Никомидейском городе, Мнасон, епископ Кипрейский, и Уар из Египта и с ним 6 мучеников, Нестер из города Селунска, Кирьена и Ульяна из Тарса Киликийского, Домнин и Феодотин, Тимофей Философ, Дорофей, Катерий, Силван, Помфил и с ним 3 девы, Александр Селунский, Мина, Виктор, Викентий из страны Египетской, Антоний, Никифор, Герман, Дмитрий из села Ладаудия, Роман и с ним

младенцы Анфим и Фалелей, Христофор и Еуфимия и дети ее, и Агапий из Кесарии Палестинской, Петр, епископ Александрский, Варвара, дочь Диоскора из Восточных областей, Иоанн, епископ Колонийский, Мина и Ермоген и Евграф из Александрии, Сусана из Палестины, Ульяна из города Никомидского и двадцать тысяч изгнанных в Никомидии, Анисья из Селуни, Феодор Тирон из окрестностей Амасийских, Александр из Поттиол, во Фракии мучены, Еутропий, Клеоник и Василиск из Каподокийской земли, 7 женщин в Амисоне, Поликарп, Апфиян и Едесим и с ним из Вуритийской земли, Агапья, Любви, Ирина и Хеония из Селунского города, Лупий, сын Феклии, из Пергия Памфилийского, Ардаолеон, Максима, Дада, и Кунтинияна из города Родостола, Олвион, епископ Асийский, Исухий из Антиохии, египтянин Александр Солохон и с ним двое, Кулуф из Вифаида города, Василиск из страны Арменской, Кирил, епископ Гортунский, Еутихий пресвитер и с ним Андрей Стратилат и с ним 2593, Василиса и дети ее: Феогний, Агапий, Верна, Агафоника, Зотик, Зионн, Боголеп, Анкидин и Сеуарьян.

Этот же Максимиян достойно мерзости своей и указание на ожидающую его муку получил. Охватили же его сильные боли, плоть его всю погубив от великого пламени во внутренностях. Плоть же его как воск таяла. К тому же ослеп и, став слепым, окаянный, еще сильнее опаляемый, как на сковороде пекся, прескверный, так что и кости его иссохли и исчезло подобие человеческого образа. Кроме того, мучительно истлевающий и жестоко гниющий, такой смрад испускал, как будто в гробу мертвец разлагался. Он же, при всем еле дышащий, из глубины сердца вздыхал и смерть призывал. Приблизилась же когда его кончина, о себе грешный так сказал: «Увы мне, окаянному, рыдания достойному, какое дерзновение на христиан воздвиг! И из-за моего греха достойную терплю муку». И это с сильною болью сказав, в страдании дух испустил. При этом из-за его многого коварства жестокий голод пришел в его страну и погибель, и еще какого-то недуга напасть смертельная. Гной же называли «истинные огненные угли»; как говорят, по всему телу растекался, опасные страждущим причиняя беды. И этот гной особенно часто появлялся в глазах, так что десятки тысяч мужчин также и женщин вместе с детьми слепыми делал. Вместе с тем поднялось на мучителя восстание армян. Случилось это в одно время с болезнью самого Максимияна из-за его мерзости, перед Богом этим явно обличив его гордыню и похвальбу: якобы из-за идолопочитания его не происходили в его время ни пленения, ни голод, ни мор, ни войны. И пока он похвалялся, напало на него все это, и ниспровержение свое принял в назидание. Ибо и сам от войны с армянами вместе со своими воинами изнемогал, остальные же жители городов и сел его из-за страшного голода и мора страдали, и без числа умирали по городам, а еще больше — по

села и по весям, и почти все вскорости погибли, от нехватки еды и недуга иссыхавшие. И одни траву жевали и, вредя естеству, погибали; а другие, обессилившие, как идола бесчувственные из стороны в сторону шатавшиеся, изнемогающие и сотрясаемые, уходили и падали на распутьях, так что мертвые и нагие тела по многу дней не погребенные валялись, видимые во множестве, ужасной становясь пищей. И не утихая пребывал мор во всех домах. Такое вот похвальбе было наказание, и злой смертью такой его конец. На столпе же написал он, что если всех христиан убить, то, как он думал, всякое благополучие и дождевое изобилие Греческую землю наполнит. Из-за этого мор, голод, мрак и все зло, какое только можно назвать, на людей нашло, как и было сказано.

Царство 42-е Констино, отца Константина, который царствовал в Риме

Тогда же Диоклитиян, убив Курина, сына Карова, царствовал вместо него сам в Риме, сделав соправителями Максимиана и Еркула. Затем же эти цари страшное гонение на христиан воздвигли.

А вскоре всевозможный гнев навел Бог на Римскую землю, из-за которого персы и парфии, то есть савроматы, с царем своим Уархом и с множеством иных варваров захватили Римские земли.

И вследствие этого держатели римских скипетров, а именно Диоклитиян и Максимиан Еркул, посовещавшись между собой, послали к жрецам своим, к Феону и к Менеу, повелев собрать от Западных пределов до Востока подношение царю Парфейскому Уарааху, решив между собой смириться, чтобы никогда не нападали парфяне на римлян, и платить им мирные подати, и под данью персам пребывать римлянам, как оно и было.

Конста же упомянутый, очень высокий и худой, Зеленым прозванный из-за бледности его лица, был послан с этой целью царями Диоклетияном и Максимианом из Рима к персам. Был же этот Конста внуком Клавдея царя, перед Аврелияном и Диоклетияном царствовавшим. Взял в жены в Риме Феодору, дочь Максимиана Еркула и сестру Максентову, в Риме убитого, о нем же позднее после этого я вам расскажу.

Тот же Конста, отец святого Константина, был муж добрый нравом и крепкий телом. Великодушен же был, как никто другой и непобедимый в сражениях, за что был удостоен от царей должности тирона. Вышел же он из старого Рима вместе с иными тремя славными воинами; и они, славно воевавшие в разных чинах, пошли к персам для договора.

Проходя же с мужами через Римские земли и города, случилось воинам тем и великому Консте, уставшим от похода, дойти до города Серпа в Дакии, потом же назван был Еленин-град. Придя же туда, нашли

удобное место в гостинице. И захотелось воинам на облюбленном ими месте поставить шатер свой, в котором, уставшие от путешествия, уснули, так здесь и оставшись.

А Конста разжигаем был желанием соития с женщиной, и чтобы унять неудержимую страсть, сказал хозяину гостиницы о желаемом. Видевший же хозяин гостиницы мужа знатность, обрадовался и, взяв дочь свою Елену, не знавшую еще мужчин, и отдал ему для унятия плотской страсти. Он же, увидев ее добропорядочность, исключительную красоту и доброту, был очарован ею.

И взял тогда Конста девицу в наложницы, и жил с ней, и дал ей багряницу — ризу царскую — для постели ее, когда бывали они вместе. И ночи все владел ею, и однажды ночь осветилась как день, и невиданное преславное видение явилось, ибо солнце противоестественно от своего ложа в океане возвратилось, не ко времени лучи испуская и озаряя дом тот с четырех сторон, где Конста с девицей пребывал. Удивился же Конста видению, богобоязненный и горячий защитник своей веры, думая что оно от Аполлона, защитника его с юности, и без сна пребывал, так как испугался, что не обещал девице соединиться брачными узами. И не догадался, что это противоестественное видение — не гнев, как ему казалось из-за его проступка, но образом дневного света предвещало перемены этому месту. И испытывал в продолжение ночи сильную тревогу.

Взошло же когда солнце, призвал он отца девицы, многим страхом одержим, и дарами его успокоив, передал ему девушку, умоляя его сохранить ее верной ему, как сосуд чистый и прекрасный, а если случится по прошествии времени родиться ребенку, хранить так же и его попросил, как зеницу ока, предполагая свою скорую кончину из-за видения ночного. Некоторые же говорят пустозвонь: «От блудницы родившийся». И говорящие так, обличаются явно различными историками как злословящие и суетумдрствующиe.

Продолжил же вскоре свой поход к персам и прошение принес царю Персии, и получив ответ, для римлян заключил мир. И иным путем в Западные земли отойдя, принес царю Диоклитиану мирные грамоты, получив от него подобающие честь и дары.

По прошествии же лет по Божьему промыслу Конста провозглашен был кесарем вместе с Максимианом, юным Галерием, тезкой провозглашенному царем Диоклитианом. Спустя несколько лет захотел Диоклитиан покинуть Рим и поселиться в Никомидии, и оставил в Риме Максентея, сына царя Максимиана Еркулия, вместо себя, и Костю, отца Великого Константина, оставил на Западе, а Максимиана Галерия на

Востоке, которые, являясь прежде кесарями, были провозглашены августами.

Прошло время, и задумал опять Конста послать прошение к персам. И выбрав наиболее уважаемых из своих придворных, Конста направил их к персам. Случилось же им теми же местами проходить, где и святая Елена жила, кормящая сына, которого родила от дивного Консты. Поселились же у нее вельможи те, и случилось тогда ее детищу от проживавших мужей раскричаться и заплакать из-за того, что они дразнили его, пугая. И разгневалась мать из-за ребенка, и открыто сказала, чей есть отрок сей, что он «сын Консты дивного, который вас послал». Услышав же это от нее, царские вельможи посмеялись и сказали: «Елена, ругаешься или правду говоришь?» Она же отвечала: «Не обманываю вас, мужи, видит Бог, но истину говорю вам». Те же вельможи, услышав достойный ответ и проверяя вопросами Елену, спросили: «Как, почему и когда это могло произойти, объясни нам». Она же отвечала: «Зовущийся Констой, который ныне царским скипетром обладает, когда был трибуном, мимо проходил во время войны с савроматами, и жил со мною, и приняла во чреве и родила. А если действительно хотите услышать от меня доказательство, что правду говорю, покажу вам плату за ложе мое, которую мне подарил». И тотчас принеся, показала им ризу багряную. Ее же увидев, искренне попросили прощения, спорившие прежде из-за невежества и из-за незнания, и целовали и гладили, обнимая, отрока, и серебро ему вложив в руку, успокоили отрока и мать. И вскоре после этого отправились оттуда к персам.

Придя же к царю Парфы, передав ему то, что было велено, и ответ получив, иным путем направились в Западные земли, где и царь Конста пребывал, и то, что положено, совершив, расспрашиваемы им были, что странного и необычного видели на Востоке. Те как один, каждый из них различным рассказом, описал красоту и обычаи каждой области. После же всех рассказов известили царя о Елене, и как от нее родившийся образ и подобие его обнаружился в Серпнем месте — младенец, царским блистающий образом. Это услышав, Конста сказанному ему от старейшин сначала изумившись, приступил, понятно, к расспросам о Елене, захотев ее увидеть. Вспомнил и видение, которое с Еленой видел: темная ночь, освещенная солнечными лучами.

Поняв, что видение сбылось, и узнав его завершение, достойно принял вестников и, дарами оказав им честь, с многообразными наказаниями послал к Персской стране с каретой и повозками многими, с напутствием об угождениях многих и подарками, посланными царем, привести Елену с отроком Константином.

Они же, скоро дойдя, взяли Елену с отроком и посадили в карету царскую, и довезли до царя Консты. Увидев же их, Конста очень обрадовался обоим, обнял отрока, целуя, возлюбил и юную, и ввел внутрь царского дворца.

Научен же отцом святым книгам, все имел премудрый святой Константин; с юности имел царский ум и благочестие, и мужественности добродетель премудрую.

Молва о замечательном случае с Еленой распространялась, и дошел этот слух до законной жены Консты по имени Феодора, родной дочери Еркулия. От нее же имел трех сыновей и дочь, их имена: Константин, Анвальян, Далматий и дочь Константия, жена Ликиния. Из них же ни один не был достоин отца царствия.

Опасался же Конста, как бы от ревности коварством не убили молодую с сыном, и предусмотрительно отослал отрока с грамотами к царю Диоклитияну и к его зятю Максимиану, живущим тогда в Вифании, городе Никомидском. Приняв же царского сына при дворе царском, к нему приставили отряд императорских стражников, так как царский был отпрыск, то есть — мира залог, и во дворце вырос.

Подобного опасался Конста также и по поводу Елены, вдруг что замыслит о ней жена его Федора, как уже и прежде говорил. Когда же подрос отрок Константин, научен был эллинским наукам. Ненавидящий же доброе бес воздвиг на него завистников — идолопоклонников из числа живущих при Диоклитияне и Максимиане Еркулии ворожей и прорицателей. И предвидя, что он станет не только императором, но и благочестивым царем и разорителем и погубителем эллинской ереси, и великим также проповедником Божьим Христова царствия, по этой причине многообразные и всяческие козни против него строили, чтобы убить его. Но хотя убийцы и законопреступники это и замышляли, Бог же святых ради молитв лучшую поистине защиту от хотящих обидеть являет, и благочестивого отрока от мучительного избавил убийства, обостренное чутье юноше даровав. И он, раскрыв тайные козни, божественным светом и разумом благим, разрушающим скрытое зло, суетное их разрушил буйство.

Ночью же, убедив некоторых, что к вере их присоединяется, и уклонившись от врагов благодаря своему уму, внезапно вскочил на быстрого коня и, покинув Никомидию, прибыл к отцу во Вритан и Галей, застав его находящимся в смертельной болезни и составляющим завещание. И из многих детей, которых имел, искал и призывал он Константина, но так как его все не было, снова и снова просил его найти, Богу молясь.

Ибо муж он был во всем кроткий и очень тихий, идиолов ненавидящий и любящий христиан.

И вскоре пришел Константин и все отцу рассказал, как в сражениях участвовал в Египте и Палестине, и как перед полком и пред воинами выехав, всех противников неизбежно всегда своим оружием побеждал полностью. Потом и коварное в мыслях намерение Максимиана, и про зависть, и как чуть не умер в оковах, и про опасный побег от стражи так рассказал: «Не только Максимиан этот намеревался обманом убить меня, но с ним и Диоклитиян скверный, ибо созвав всех своих воевод и синклитов, советом беззаконным решили меня убить. И хотя тайно от меня совещались, узнал это. И если бы не Божий Промысел, не узнал бы о замышляемом на меня заговоре и не получил бы спасения, как Давид, ибо от тех нечестивых погиб бы я». Конста же, жалея отрока, естественному подчиняясь закону, долго сдерживаемыми теплыми слезами выражал к нему свою любовь.

Это выслушав, Конста сказал: «Телом, как орел, обновился, достойного избрал богоданного царя». Продолжая и дальше болеть, отец был одержим любовью к сыну, Великому Константину, и других детей оставив, все на него переложил: и скипетры, и багряницу, и державу царства. И столь часто говорил совету старейшин и всем воинам своим: «Ныне смерть мне будет жизни слаще, ныне как должно умирая, великое надгробие получил — твое владычество, сын мой, чтобы установить на земле царя христианского, способного утереть слезы от гонения нечестивого Максимиана на христиан, уже благодаря этому дает Бог блаженства место». Это сказав Константину, ожил духом, как патриарх Ияков благодаря Иосифу, сыну своему, и встал с одра и, усевшись на царском престоле, созвал совет всех старейшин и воинов своих, еще же и множество христиан, живущих в его доме, и иноземцев, прибежище нашедших в царстве его. Единственный ибо Конста Христовы проповеди соблюдать старался и, сильно болея, из-за обиженных не спал. Так как при потопе бывает при множестве нечестивых искра неугасимая благочестия, нашлись многие, которые принимали смерть, в особенности — от властей. И разнообразная скверна заполнила весь мир, а города, бывшие в подчинении Консты, от этого зла очищались, и единоначалием его и властью тишина в них была. Благочестивые жизнью и все Спаса ради Господа нашего Иисуса Христа гонимые, все добродетельные и Христа исповедующие под его кров собирались. Оглядел же Конста множество сошедшихся христиан и сказал: «Дерзайте все, от Бога не отрекшиеся, Христос ибо с Константином. Другие против вас вооружаются, он же вас защитит от них». И сказав это, расцеловал всех.

О поставлении на царство царя Константина во Британии

И отрока обняв, надел на него багряницу, и венец возложил на главу его, чтобы уподобился он Израильскому царю Давиду, показав этим вверение государственной власти и наследника области. И наставлял отрока быть, как и он сам, для других защитником. Вот таким образом благочестивый Константин и был наречен августом и единовластным правителем Римской области в двухсот первый год Олимпиады, стремясь еще более прославить царство, которые получил.

О преставлении царя Консты

Умер отец его Конста во Британии, во благодати отойдя в мир иной. Царствуя над Британией и дожив до 56 лет, оставил он царство Константину, сыну Елены. Христоролюбивый же правитель Константин вскоре после праведной кончины отца совершил погребение его мощей с невиданными почестями.

О войне персов с Константином

Услышал же царь Константин о нашествии персов, нападавших на Римские города, грабивших их и пленявших.

И выбрав 2000 мужей сильных, крепких и искусных в битве, почтив их дарами и устроив им праздник, отправился на войну.

И по прошествии времени встретились оба войска. Персы же, использующие все виды коварства, ночью напали на войско, захватив и перебив обманом римскую стражу. И ворвавшись в лагерь, поубивали многих римлян. А царя Константина взяли в плен, оказав почтение из-за царского шатра, захватив его со всей прислугой.

Прочих же всех воевод и рядовых начальников одних мечем погубили, а других прогнали в Римские земли. И насколько им позволяла скорость их лошадей, от убийственных рук те убежали. Иные же скрылись в лесистых горах Персии.

Трижды же окаянные и треклятые персы возгордились из-за своей победы в войне и, поймав римского царя Константина и заковав его в тяжелые кандалы, распорядились устроить день жертвоприношения своим богам, чтобы на идольском жертвеннике мечем его зарубить. О, чудо терпения Божьего и ожидания Его! Если вечером водворяется плач, то наутро бывает радость.

Некоторые же из римлян, убежавшие от персов, скрылись в горах. И римлян, прятавшихся на горе, обнаружили какие-то персы, поднявшиеся в гору за дровами. Римляне же, быстро выскочив из горного леса, окружили и поймали их. Увидев это перские воины помертве-

ли от страха и, будучи допрашиваемы римлянами, узнать хотевшими, что известно о судьбе блаженного царя Константина, они, умоляя и к коленам припадая, спасения жизни своей просили, рассказывая, что рабами являются персов, и обещались до кончины своей никогда не творить никакого зла римским воинам. И говорили: «Не причастны к их прегрешениям, и не убивайте нас, о римляне, помилуйте нас. Поведаем вам всю истину на пользу». Тогда поклялись им римские воины, обещав сохранить им жизнь, если расскажут правду. Они же сказали: «Услышьте от нас, мужи римские, царь наш и князи повелели торжественный сотворить день, чтобы царя вашего Константина завтра заколоть на жертвеннике. Место же, где находится жертвенник, окружено стеной. И один всего вход в жертвенник тот — через ворота. А персам не положено по обычаю с оружием служить богам, поэтому оружие свое оставляют вне стены, а сами входят внутрь без оружия. И когда славят и благодарят богов, тогда и закалывают предназначенных в жертву. И завтра так будет. Устройте же нас так, чтобы могли наблюдать внимательно, а когда начнут восклицать они, мы вас известим, и вы тогда войдете, тайно взяв в руки оружие, лежащее снаружи, и начнете рубить и закалывать их. И так спасете и уведете царя вашего». И понравилось слово это римлянам, и клялись римляне помиловать их и добром отплатить рабам тем, предавшим персов. И мирные грамоты скрепили, чтобы товарищи их имели после того, когда уже исполнится обещанное.

И ввели царя Константина, как агнца непорочного, хотя заколоть, и положили на жертвеннике, связав ему руки и ноги путами. Когда же они троекратно обходили жертвенник с восклицаниями, тогда внезапно с яростью выскочили римляне из засады, и похитив оружие персов, лежащее вне стены, и ворвавшись внутрь жертвенника, начали рубить их и закалывать ударами невиданными и страшными. Тогда приблизились к царю Константину 10 римлян и освободили его от уз, и радостно воскликнули со словами: «Велик есть, Господи, Иисусе Христе, Распятый при Понтийском Пилате, творящий дивное и великое рабам Своим».

Тогда царь персов вместе с остатками его дружины припали к ногам царя Константина Великого и римлян, прося мира и клятвами заверив, что веряют ему свои жизни. Так и поступил святой царь Константин. Царь же персов отдал в распоряжение Константину 1000 своих воинов.

Стражи персидские, причисленные к римскому воинству, получили от святого царя Константина назначения управляющими и с радостью разъехались. Царь же Константин и воины его в Галилею Британнскую отошли.

О видении царя Константина

Был же блаженный святой царь Константин муж просветленный, мужественный душой, быстрый в наказании, а в разговорах тихий благодаря правдивости, вере, мужеству и хорошему воспитанию; среди язычников уважаемый, в чужих народах непобедимый, в вере твердый и непоколебимый, а внешностью могучий и пригожий.

Был же благовиден и прекрасен, весел лицом, а возмужав, имел хороший рост, ни маленький и не высокий, широкие плечи и крепкую шею, смуглый, волосы на голове не густые, а на бороде редкие, ноздри раскрытые, большие глаза имел как у льва, обрамленные ресницами. Из-за этого на всех войнах устрашал, а молитвою приносил победу.

Не много прошло времени, и вскоре на совете отреклись от царствия своего Диоклитиян и Максимиян Еркулий. Как рассказывает о них Геласий Кесарийский, когда Диоклитиян потерял рассудок, с Еркулием от царства отрекшись, и простое житие воспринял, сделал он это вынужденно. После мучения святого Фотея и Аникиты Диоклитиян ощутил на себе ниспосланный Богом гнев и, отяжелев телом, одряхлел, и покрылся гноем злой язык его, и множество червей в нем кишели, и изрыгнув страшно их, злой преставился, распавшись на части. Геласий же, епископ Кесарийский, рассказал еще, что потом пожалел и снова царствовать захотел, обратившись за общим решением к совету старейшин, но были убиты оба собственным нутром.

И когда Конста, живший по-христиански, отошел к Богу, о чем уже говорилось ранее, Римское царство досталось двум мужам: честнейшему Константину и Максентею. А Максимьян Галерий на Востоке в городе Никомидском правил, а божественный и христоролюбивый Константин в Галилеи и во Британии царствовал благочестиво. А епископом Римской церкви был тогда великий святитель и учитель Селивестр.

В тот же год царствовал с Константином Максимиян Галеир с двумя кесарями, поставленными царями войском; и друг другу помогали усердствовать в гонении на христиан.

О брани с Максентием

Максентий же мучитель, сын Максимияна Еркула, брат же Феодоры, жены Консты, отца Константина Великого, который был дядя по отцу Далматияну и Валерьяну, самый пронырливый был среди всех прежде его бывших римских правителей. Беззаконно же воцарившись в Риме, лютовал и злобствовал, грабил и лихоимствовал, и тому подобное. И много лучших чем он, избранных советом старейшин, как христиан предал смерти, а ставших свободными жен чужих подвер-

гал нечистому и скверному прелюбодеянию, отдавая их на растление и поругание, и иных пытками принуждал. Это и другое многое слышав блаженный царь Константин, к тому же заключив договор с римлянами не оставить безнаказанным смерть царей от лютого мучителя и зверообразного убийцы, сильно разгневавшись, сотворил тризну добрым слугам своим и боголюбивым мужам, чуждым неправде. И много раз грамотами увещевал Максентия прекратить творить зло, и не послушал его.

Велел же Константин взяться за оружие, чтобы таким образом страждущих римлян, не имевших помощи, вызволить из этих зол, иначе говоря, спасти людей. Услышав об этом, нечестивый Максентей, однако, злое творить не уставал. На Востоке же Максимиян Галерий еще более горькое творил многое зло, Восток и Запад получив в наследство, на христиан войну и гонение воздвигший тогда. А в Риме совет старейшин поставил царем кесаря Ликиния. Был он избран за покорность, во всем поддакивавший зятю своему, благочестивому Константину; был же он мужем сестры Константина и лицемерил, обманывая. Благочестивый же Севир, избитый на глазах у всех воинами в Риме, умер.

Тогда же святой Константин, видя бездеятельность и молчание Римской власти и слышав о страданиях Рима от злобы Максентия, на Востоке же — от Максимияна Галеира, переживал из-за своей нерешительности в наказании мучителей.

Максентий же злочестивый, узнав о том, что христоролюбивый Константин вошел в Италию, с большой дерзостью начал собирать римских воинов, кораблями же перекрыв реку, преградил ее течение около Вулвина моста и ополчился на Великого Константина. Великий же святой царь Константин, опасаясь губительных уловок Максентия, ибо младенцев приносил в жертву волхованием беззаконным, и многие другие злые и срамные козни и заклинания чарами творил, злочестивый.

Доброжелательный же и великодушный Константин Бога своего отца призывал на помощь, взирая на небо и умоляя Его проявиться, как уже было, и протянуть ему руку помощи в предстоящем, что и произошло. Расположился же он с воинами на некотором поле и, умоляя, молился без отдыха.

Знамение Креста. Божье же Знамение, наконец, явилось ему в полуденный час, и лучи исходили от него, сильнее солнца сверкавшие, проявившие на небе образ Креста, а по римским письменным свидетельствам — мираж звездный. И глас раздался с неба, говоря: «Константин, сим побеждай». Царь же, недоумевая о случившемся, обратился к стоя-

щим рядом с ним, спрашивая, видели ли они что. И все воинство подтвердило бывшее видение.

С наступлением же тревожной ночи Константину, на том месте, где он уже спал, явился Христос с увиденным им Знамением, и сказал: «Сотвори подобие Знамения, которое было тебе, и с ним перед войском своим выйди вперед, не только всех противников под свою руку пленишь, но и всех твоих врагов победишь».

В тот же день он, обдумав и утвердившись в намерении и преисполнившись решимости, встав, поведал своим друзьям о видении. И потом, призвав золотых дел мастера, приказал ему сделать образ Знамения Креста из золота и драгоценных камней. Был же таким образом устроен он: прикреплен сверху на высоком копье, сделан из золота, и посередине имел венец с девизом и хризму с монограммой имени Господа; с верхнего же конца древка свисали усыпанные золотом стяги. Боголюбивому же царю образ золотой сделал нагрудный, и воины его такие же имели. Этот же образ с небес явившегося Знамения спасительного, сотворенный мастерством ювелира, и доныне лежит в царских хранилищах, берегущейся как великий дар, который всякой вражеской воинской силе оказывает сопротивление. И сделав образ, он повелел укрепить его на высоком копье и нести его впереди воинов.

Битва. Потом же сошлись оба войска и перемешались, и Максентий был побежден, и вся воинская сила его сокрушилась, а также стоявшие в отдалении войска, большая часть которых была иссечена мечами.

Максентий же с прочими побежал и, преследуемый благочестивым царем, попался в свою же хитрость, так как мост Божьей силой разрушился, и первый сам, окаянный, в вооружении и с копьем в реку погрузился, как и в древности фараон со всем воинством своим, так что наполнилась река до моста, называемого Фулвий. И вместе с мостом всадники с копьями и всем вооружением их утонули, как он и предполагал. О нем же всезнающий Евсейей говорит: «На них тут же ясно пророчество исполнилось: "Оружие фараоне и всю силу его вверже в море; избранныя всадники тристатыя, рекше дръжащим пред царем 3 копия в руке, потом в Чермнем море и пучина покры я"». Так же и Максентей, и с ним его оруженосцы и копыеносцы, утонули в глубине. И когда оттеснен был к реке силой, данной Константину от Бога, своей же хитростью был пойман, и намостил на себя эту губительную хитрость, которую и устроил. Про него же было сказано пророческое изречение: «Ров изрыи ископа и впадесе в яму, юже бе сотворил; и обратися болезнь его на главу его, и на верх его неправда его снидет». Максентию же, окаянному мучителю, именно такой и был уготован конец, и те, кто был с ним, также все утонули в воде.

Божественный же Константин, дела Божьи воспев, к Риму с победами многими подошел со своим войском без сопротивления. Жители же римские и жены, и младенцы всем народом римским, с сияющими великой и несказанной радостью глазами и душой украсив свой город, встретили с ликованием как победителя и избавителя, и спасителя честной крест, а также великого и славного святого царя Константина.

Он же, как сад благочестия, которое к Богу стяжал, ликованиями несколько не поколебленный, не возгордился от похвал, хорошо понимая, что от Бога имел помощь. Вскоре же спасенный победной своей рукой образ Креста повелел возложить как икону. И отныне, когда бы не случилось ненавистникам взбунтоваться, недолго имели власть, но вскоре принимали муки предназначенного им осуждения. А другой храм целый язычники построили. О нем же божественный Евсевей рассказывает, говоря: «Оружие въспахнуша грешницы, налякоша лук стреляти нища и убога, и заклати правыя сердцем. Но оружие их внидет в сердца их, и луцы их сокрушатся». В церкви же благочестивых Святое Слово произнес, сказав: «Абие не убоися, яко осуждена бысть, и ни осрамися, яко уничижена еси, яко студ вечный забудеши, и поношение девства своего не помянеши. Возведися, облещься в крепость во славу Мою, отряси страх и востани».

О крещении Константина царя

Случилось же это в 7-й год царства Константина. Поскольку не было известно до того времени блаженному Константину о существовании Божественного крещения, то было ему страшное знамение. Случилось ему разболеться, впад в слоновую проказу, и покрывшись по всему телу язвами и струпиями, лежал, едва дыша. К нему же для лечения многие приходили волхвы и чародеи — не только свои, но и от персов приведены были, искусные во врачебной науке. И не смогли ничего сделать, так как растворенные для питья зелья не смогли исцелить недуга его, но наоборот, к ухудшению привели. И тогда следующим неподобным делом известные хитростью эллинские жрецы, дьявола слуги истинные, чуть не прельстили его, пронырливые, так как они сказали, мерзкие: «Нужно сделать купель в Капетолии римской, наполнив ее кровью невинных младенцев, и подогрев ее, чтобы пошел пар, в теплой пенящейся крови ему искупаться, чтобы выздороветь, и сможет очиститься». От эллинского вредоумия, а также от бесчеловечности, лютые мерзкие безумцы, таким врачеванием обещаете одного человека вылечить, заколов многих младенцев! Предложенное детоубийцами не понравилось царю Константину, и царь сказал: «Да не будет по лукавому вашему и гнусному совету». Но эллины, злокозненные преступники и мерзости

творцы, царев слух соблазнили обещанием здоровья, принуждая его искушением опуститься до дьявола.

И выслушав слово то, царь его запомнил и послал воинов по всем епархиям собирать детей для своего излечения.

И принесли из всех епархий по царскому повелению множество детей. В назначенный же день, когда шел царь в Капетолию, а воины приготовились к убийству детей, встретили его матери младенцев с непокрытыми головами, обнажившие сосцы, кричащие и плачущиеся, печалью и воплем наполняя воздух. Спросил же царь о них: «В чем причина их плача?» и узнав, что это — матери детей, которые обречены на убийство, он был побежден чудовищностью греха и, вздохнув из глубины сердца, начал плакать и громким голосом говорить: «Римского царства господин, источник и корень показал благочестия. И ради него не покажу всем примера, чтобы не переняли его. Предпочту лучше своему здоровью спасение невинных младенцев. Горьких бесчеловечных приказаний с молодости не отдавал, а эти малые дети своим матерям благочестие в Риме установят. Лучше умереть за спасение невинных детей, нежели убийством малолетних получить и обновить свою жизнь. Пусть отдадут матерям их любимых детей, и вернется матерям сладость сынов их, и причиненную утратят горесть». И это сказав боярской свите, возвратившись, вошел во дворец, не только детей их матерям отдав, но и подарки, и повозки, и еду повелел дать им для возвращения по своим домам. Они же, возвратившись, с радостью и весельем вошли в дома свои. И после этого, той же ночью царь увидел видение: явились ему апостолы Христовы, говорящие: «Мы Петр и Павел, посланные от Владыки Бога дать тебе спасения образ и здоровье. Пошли за епископом по имени Селивестр, к Сарипинской горе, и приведешь его к себе, и тот тебе покажет купель с источником божественного и спасительного благочестия, к ней же пока не причастен, и в ней омывшись, не только телесное здоровье получишь, и всю скверну струпьев твоих очистишь, и здоров будешь, но также и вечной жизни души сподобишься, поскольку ты дал ее невинным детям».

Проснувшись же на этих словах, премудрый царь Константин увидел стоящих около него по обычаю врачей, чтобы как всегда смазать струпья, и сказал им царь: «Больше уже человеческая хитрость не войдет в меня, но Вседержителя Бога Рука да поможет мне». И сказав это, днем послал к божественному Селивестру, и со многими почестями повелел ему прийти.

И когда тот вошел в палату, тогда царь встал и, первый его встретив, поклонился и поцеловал, говоря ему: «Добро пожаловать, почтенный Селивестр. Обретя тебя в здравии, радуемся». Святой же епископ Сели-

вестр, отвечая, сказал: «Мир тебе с небес и спасение от Бога и победа дадутся». Святой же царь Константин рассказал ему о ночном видении: «Некие два мужа явились мне, но умоляю тебя, скажи мне, имеете ли каких-нибудь богов по имени Петр и Павел, от которых я и узнал все про тебя». Епископ же ответил: «Мы единого Бога имеем, Творца небу и земле, Петр же и Павел — ближайшие рабы Ему». Царь же сказал: «Молю тебя, о епископ, если есть у тебя образы их, или с помощью каких-нибудь иконописцев сотвори мне их видимые образы, чтобы я узнал, во истину ли от Бога они посланы ко мне».

И тотчас повелел епископ дьякону своему принести стифары — их портреты на досках. И принес ему дьякон образы святых апостолов. Царь же, увидев честные иконы, узнал и возопил громким голосом: «Воистину нельзя правдивее изобразить тех, которых воочию увидел в бывшем мне видении, и те мне сказали: "Пошли за Селивестром епископом, и тот покажет тебе купель спасения, в ней же омывшись, получишь от своих струпьев излечение". А теперь покажи мне, о чем говорили, этим же омою душу и тело и спасен буду». Блаженный же Селивестр повелел ему поститься 7 дней и раздавать милостыню и, благословив его и сотворив оглашение, отошел от него.

В субботу же, в которую заканчивался назначенный Константину пост, вечером, готовясь к обычной службе, повелел святой Селивестр не медля и купель водную сделать и сказал блаженному царю: «Вода эта, о царь, которую теперь видишь, молитвами Святой и Животворящей Троице Божественную силу приобретает, которая и очистит тела от всякой скверны и оставит ее снаружи, сотворив светлее солнца. Войди же в честную и освященную сию баню, и очистишься от всех сотворенных тобой грехов». И с этими словами и со многими молитвами благословил святую воду.

Помазан же был царь святым помазанием масла, и окунулся в купель. О, великое таинство, случившееся тогда во время крещения его святым Селивестром во имя Святой и Животворящей Троицы! Внезапно сияние как от ярчайшего света воссияло, и раздался Голос, звенящий как медь. И тотчас вышел добронравный великий царь Константин, полностью став здоровым и чистым, оставив телесные струпья в воде, как чешую рыбную. И сказал царь: «Я словно видел и ощущал, как Рука некая, от небес посланная, прикоснулась ко мне». И все собравшиеся бояре и весь народ, увидев, как получил он выздоровление, воскликнули со словами: «Един есть Бог христианский, великий и страшный. И все отныне веруем Ему и покрестимся, так как видели ныне великие чудеса». Им же царь сказал: «Человеческое — принужденное, божественное же — великое, ибо Бога чистой любовью и доброю волею почитать надлежит.

Поэтому не принуждением, но по свободному выбору повелеваем быть христианами тому, кто хочет, так как нельзя страхом человеческим принуждать к служению Богу».

Это все слышавшие, к вере любовью разжегшиеся, а также благодаря добрейшему царскому повелению и кротости, тут же и мать его Елена крестилась, и первый сын его Константин, и родственники его, и друзья крестились, переодевшись все в белые одежды.

Говорят же еще и следующее, рассказывая о божественном крещении, я же слышал от некоторых любящих благочестие мужей, что некоторые из них в старом в Риме до нынешнего дня крестильницу используют для свидетельства совершенного святым отцом нашим и всей вселенной учителем Селивестром. Великий же царь Константин, крестившийся в Риме, видением Всечестного Креста на небесах полностью погубил мучителя Максентея, и воцарился Великий Константин. И пусть никто не удивляется, что прежде крещения таковой благодати сподобился преславный царь Константин, а также и глас Божий слышал, и образ Честного Креста видел, и божественного апостола Христова Петра, и с ним святого Павла, образы их воочию в видении увидел. Ибо изначально Крест христиан образ означал, и на небесах был написан вместо слова «христианство». И знамение это не только для неверных явилось, но и для верных. Живущие же на востоке в Никомидии зловерные единомышленники ариан говорят, что Константин, находясь при смерти, Евсевием Никомидским был крещен, где и случилось ему преставиться, а в ожидании крещения сказал: «Надеялся в Иерданской реке креститься». Но да не сбудется их суетный и дьявольский замысел и приводящая в заблуждение уловка — не бывает истины от безумного. Мне же более правильным кажется, что блаженным Селивестром в Риме был крещен по истине. Это приемлю с несомненною верой, без колебаний и открыто, и всем то советую.

Так же от их имени присылались повеления к Мелтияду, папе Римскому, чтобы прельщенный стал арианином, славу себе здесь упрочить старались, а также и всякому благочестию зло сотворить хотели, и некрещеным Константина объявили, что есть зло и ложь, так как если бы не был крещен, на Никийском соборе не причастился бы также и Божественных Тайн, и вслед за святыми отцами не стал бы называть и считать злом ариан и переименованные ими эллинские вымыслы.

Начало царства христианского, первого царства царя Константина правоверного, в 5843-й год

После же Максентея царствовал в Риме Великий Константин, получив скипетр его. И прежде всего повелел собрать мощи святых

мучеников, умерших за веру в Христа Бога, и как подобает похоронить их.

Он с усердием повеления повсюду разослал привести сосланных христиан; и живущих в изгнании вернул, и в тюрьмах сидевших освободил.

И лишенным имение возвратить и с великою честью привести их домой велел, церкви же Божьи и дома святых обновлять всем необходимым и многими сосудами.

Эллинские же идольские храмы повелел разорить и огнем разрушить, а сокровища их святым церквям отдать. И уже вскоре вместе со словом и дела были, и везде по закону велено было владеть и управлять церковной властью только христианам, а в среду и в пяток поститься Страсти ради Христовой, в воскресенье же отдыхать и молиться Воскресения ради Христова.

И иудеям рабов не покупать и жертв больше не творить, и на распятие с тех пор не осуждать, поскольку честь на Кресте Христове, и на золотой монете образ Креста отчеканить и ввести в употребление.

Жену же имел Максимилу именем, дочь Диоклитияна. От нее же родил 3 сына: Константина, и Константа, и Константия. Братьев же имел двоих: Далматия и Валияна Константияна. Далмат же имел сына Далмата же, а Валион Константион имел сыновей Гала и Улияна.

Слышав и видеv это, римляне радовались и веселились, устроив победный праздник в течение семи дней, всесильного Бога беспрестанно славил и Животворящий Святой Крест Господень, и не умолкая прославляли царя Константина Великого.

В Капетолии же Римской, имевшей спуск в 365 ступеней, змей завелся огромный, который внезапно высовывал голову на закате, страшно губя живущих в городе дуновением своим, в особенности же детей. О нем же некоторые из эллинов попросили божественного Селивестра, говоря: «Пойди, епископ, к змею и сделай так во имя Бога своего, чтобы прекратил хотя бы на один год губить людей, и все уверуем и покрестимся».

Селивестр же пошел и обнаружил небольшое жилище, имеющее дверь медную, где змей жил. И ту дверь во имя Христово затворил Селивестр и вышел, после чего змей не вылезал. Когда же миновало два года, все, приносившие ранее жертву змею, и иные многие, прийдя к святому Селивестру, крестились.

Прение иудеев с Селивестром

Божественный же Константин собрал 120 иудейских иереев и книжников для прений с Селивестром, чтобы явить полностью истину и

для опровержения иудейского бесстыдства и лукавства. Собрался же с усердием весь город послушать в присутствии царя речи и тех и других о Христовой вере. Иудеи же начали к Селивестру говорить: «Какое писание о сыне Марии говорит, и какой пророк предсказал, что Бог из Марии родится?» **Селивестр же отвечал:** «Весьма заблуждаются не принимающие ни Писания книжного, ни содержащихся в них тайн учения. Ибо о ком великий Исайя говорит: «Се Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Эммануил, иже сказано есть «с нами Бог». И прежде дажде не разумети Отрочяти звати от отца или мать, и примет силу Дамаскову и пленение Самарийско пред царем Асурийским?» **Богоvideц Моисей говорил:** «Восияет звезда от Иякова, и изыдет человек от семени его, и обладает языком многым». О том, что человек явится, об этом и было проречено, также и Господь предстоящее всем предвещает. **Исайя сказал:** «Се Господь сидит на облаце тщи, и придет в Египет. И се Господь Бог наш придет и спасет ны, и тогда отверзутся очи слепым, и уши глухих услышат, и скочит хромым, яко елень, ясен будет язык немых». О том, что предречено Богу придти, говорил он тогда, знамения и время пришествия также указывая. Тогда и то исполнится, чего никогда не было раньше ни с кем в Израиле. **О страсти Его так еще говорит:** «Человек в ране, сведе трьяй болезнь, не поруган, ни причтен бысть. Сей грехы наша поносит, и нас ради болит. И мы мнемом Его суца в болезни и во зле, Он же струплен бысть грех ради наших. Казнь наша и мир на Нем, раною Его все исцелихомся, яко взятся от земля живот Его; род же Его кто исповесть?». **Моисей сказал:** «Узрите жизнь вашу, висящу пред очима вашима, и не имате верь». **Давид от лица Христова говорит:** «Пригвоздиша руце Мои и нозе Мои, и разделиша ризы Моя себе» и прочее. А что еще и народам надежда Христос, **Иаков сказал:** «Не оскудеет князь от Иуды, и властелин от бедру его, дондеже придет Ему быти, и Той — надежда языком». **Исайя сказал:** «Есть корень Иосеев, и воставляяй владети языком, и нань языцы уповают». И это самое малое из существующих доказательств, так как все книги наполнены обличениями вашего неверия. Ибо кто из прежде живших и в Божественных Писаниях изображавшихся святых праведников и пророков от Девы одной имел телесный состав? Чья же звезда прежде Рождества воссияла на небесах, Родившегося проповедуя всей вселенной? Или кто-то еще из царей, едва сумев позвать отца или мать, царства и победы принял над врагами? Какой еще был царь в Израиле, на которого народы упование возложили, и не смог сопротивляться им никто? С тех пор как стоит Иерусалим, терпели иудеи в войнах неудачи, и воевавшие на Израиль причиняли им бедствия: египтяне их прогоняли, а сирийцы отражали нападения.

Ибо не Давид ли воевал с Моавитской землей, и с Ассирией воевал, и не покорились ему? Иосия же окрестные города охранял, Иезекия же боялся коварства Сенахиримова, Иисусу же, Навгинову сыну, амореи сопротивлялись, Моисею же Амалик воспротивился. И вообще не в обычаях этих народов было находиться в мире с Израилем, как и до сего дня, как свидетельствуют факты». **Книжники же отвечали:** «Не отрицаем это, ибо так все и написано есть, но ожидаем еще никогда не приходившего Бога Слова». **Сильвестр же сказал:** «Как же вы не послушали Даниила, предсказывающего ясно время пришествия Божественного Спасителя? Ибо сказал, обращаясь к нему, ангел: «70 седмиц стяжаше на люди твоя и на град твой святой, да свершат грех и очистят неправду, и запечатлети грехи, и очистити от неправду многу, и да привести правду вечную, и запечатлети видение, и помазати Святая Святых. Явление и разумы от исхода слово вещати и создати Иерусалима и еже и до Христа Владыкы седмиц 7 и седмиц 62». А вы иные придумываете отговорки, к будущему времени относя написанное. И что вы можете добавить к этому или же даже сказать против? Поскольку Христос является Помазанником, Он Святой святых будет называется. И до пришествия Его Иерусалим стоял, а дальше все видения пророческие прекратятся в Израиле. И помазаны были в древности Давид, Соломон, и Езекия, но Иерусалим на месте стоял, и пророки пророчествовали, также бывшие помазанниками и святыми людьми, но не Святые святых назывались. Когда же не стало ни пророка, ни видения в Израиле, если не теперь, когда предсказанный пророками Святой святых Христос пришел? Знамение ибо истине великое, с древних времен предсказанное и понятное пришествия Бога Слова: что с тех пор Иерусалиму не стоять, и пророкам не быть, и видения им перестанут открываться. И это понятно, поскольку пришел Тот, о Ком были пророчества и знамения, и зачем теперь были нужны эти пророчества и знамения? Поэтому и пророчествовали до тех пор, пока не пришел Предсказанный, избавляющий от всех грехов. Ибо какой еще ныне владыка «изыдет из Вифлеома, пасый Израиля, его же исходи искони, от дний вечных; и прежде солнца пребывает имя Его, и не исповеден род Его», как было написано святыми? Ибо род всех святых описан, также как описаны и жизнь и смерть властителей Израильских.

Чудо святого Селивестра, как воскресил быка. Говорили же они так между собой много часов. Селивестр же многими примерами сказанного о Христе в Божественном Писании полностью победил иудеев. Сказал же один из них, именем Замбрий, прочим иудеям: «Если Селивестра слова послушаете, придется оставить отцовский закон и последовать человеку суетному, которого отцы наши осудили. Но да послушает меня царь: пусть приведут быка не укрощенного, и явлю я перед

ними силу Бога нашего, ибо хочу не словами, но делами явить истину». Селивестр же попросил царя, чтобы привели такого быка и, между прочим, спросил Замбрия, зачем просит быка. Он сказал: «Потому что ни одно из живых существ, имя бога нашего услышавшее, не останется живым, хочу же быком силу его показать явно». Ему же Селивестр ответил: «А ты каким образом научился имени тому? Или от иного слышал, или вычитал?». Он же сказал: «Ни грамота, ни дерево, ни камень не могут выдержать имя это. Я же, постившись и в медное блюдо воду налив, при его помощи прочитал». И пока об этом говорили, привели того быка, удерживаемого многими мужьями, цепями всюду связанного, свирепого и огромного необычайно. И Замбрий с дерзостью сказал Селивестру: «Ныне словам и основам учения твоего конец придет. Если дерзнешь во имя Бога своего, скажи сие в ухо быку и покажешь веру во Вседержителя. Если же нет, скажу я, и все в мою веру перейдут».

Иудеи же некоторые торопили Замбрия сказать имя то в уши быка. И сказал его, а бык тотчас замер и, взревев громко и выкатив глаза, умер. И похвалялись иудеи перед Селивестром, а христиане стояли в полном безмолвии.

И попросил царя Селивестр, да велит людям умолкнуть. После же этого встал на высоком месте Селивестр и сказал громким голосом: «Послушайте меня, вельможи и все христиане, удивляющиеся смерти быка. Я знаю, что Владыка Христос, о Нем же вам возвещал, слепых заставлял прозреть, глухих — слышать, немых — заговорить, мертвых — воскреснуть во имя Свое. Поэтому ясно всем, что имя дьявола умертвило вола, воскресить же его не может». И это услышав Замбрий, одежды свои разодрав, сказал царю: «Я, владыка, во имя Вседержителя Бога быка уморил, а этот непотребное говорит и только похваляется. Поэтому лучше не давать ему больше говорить». Селивестр же сказал: «Послушай, иудей, свои Писания, и о них скажи устами своими. Пишется ибо: «Господь мертвит и живит. Аз убью и жити сотворю». А сейчас снова назови то имя в уши вола — и если жив будет, все в имя это научатся верить. А если нет, то я Владыку Христа призову и воскрешу быка». И Замбрий сказал: «Если это сделаешь, наши головы отдадим царю, и все иудеи, оставив Закон, к христианской вере примкнут».

Тогда Селивестр, воздев руки к небу и со слезами молитву сотворив, к быку подойдя, сказал громким голосом: «Я Твое, Христе, имя перед всеми призываю с восклицанием, да узнают все люди то, что дьявольское имя убило быка, а святым Твоим именем да жив будет!», близко подошел к быку и сказал громогласно: «Во имя Иисуса Христа, Его же иудеи распяли, воскресни и восстань во всей мощи». И тотчас бык за-

шевелился и встал. Развязал ему путы Селивестр и отпустил его, говоря: «Иди на место, откуда пришел, и никому по дороге не вреди».

Увидев это чудо, иудеи поразились и припали к божественному Селивестру, прося святого крещения. И была радость велика. Царь же и люди в течении двух часов восклицали: «Велик Бог христианский, и велика сила Его!»

При том блаженном Константине приняли святое крещение внутренние индиане и иверы.

И армяне уверовали в Христа с царем своим Тиридатом благодаря многим страданиям великого человека — Григория мученика, архиепископа их.

При Константине же было сильное землетрясение: в Каменнойской стране 13 городов разрушились, и затмение солнца было в 3-й час дня, так что и звезды на небе появились.

А в Мелетинской стране змеи всякого рода собрались и, напротив вставшие, бились между собой в течение 5 часов, перебив друг друга, так что страна та от их тел смрадом наполнилась.

О иудеях, которые захотели церковь создать

Иудеи же собрались и устроили мятеж, чтобы восстановить храм в Иерусалиме. Божественный же Константин многих наказал за непокорность, изгнав их; а иным уши отрезал и, повесив им на шею, развозил всюду, чтобы остальные иудеи не смели так поступать.

О победе Константина над Максимианом

Мы же снова к православному Великому царю Константину и к рассказу о доблестях и о храбрых подвигах возвратимся. Великий же христолюбивый царь Константин, царствуя в Риме, неустанно прославлял все великие дела Господа нашего и Бога Иисуса Христа. Максентий же, сын Максимиана Галерия, напал тогда с дерзостью, сам пожелав царствовать, но опозорился и скончался в Киликии.

Услышал же Максимиан Галерий, того отец, как Максентия, сына Еркулия, в Риме Великий Константин силою Честного Креста потопил, и после того, как замучил святого Пантелеймона, испугался и прекратил гонение на христиан. Великий же блаженный царь Константин узнал, как страдают от мучителя этого в Никомидии рабы Христовы; и мучился угрызениями душевными святой царь Константин, ибо ненавидел лукавство с детства.

Поэтому пошел из Рима с Ликинием кесарем, ревностью Божьей движим, собрав войско, и двинулся на Максимиана Галерия по суше и по

морю. Тот же против них войско бесчисленное по количеству собрал и выставил навстречу в Астаковой стране. Надеялся же Максимиян волшебством бесовским и при помощи чар одолеть Животворящий Крест.

Предводил войском великий царь Константин, и повелел Максимиян всем воинам стрелять в Честной Крест.

И напрасно, пытаясь победить, окружили воины держащего Животворящий Крест, казался он эллином миражом. А другой из идущих впереди, выскочив вперед, сбросил щит и шлем и в одной только одежде взялся за Крест, мучеником Сына себя называя, и вскоре обстреливаемый со всех сторон, он побежал, отрекшись от Животворящего оружия, и получив ужасную рану, внезапно упал мертвым. Подхвативший же божественный Образ воин также был ранен, но хотя много по нему стреляли, чудесным образом как будто божественной силой стрелы воинов были направляемы в знамя, которое взял, и продолжал нести посреди стрел, которые отлетали от него.

Говорят также, что некий, никогда до этого не носивший оружия, в сражении выкинул его, испугавшись, что будет ранен или пленен. Когда же произошло так, как было рассказано, и началась схватка, и Честной Крест снова появился над сражающимися, возвратился, от идолопоклонства отрекаясь. Мучитель же из-за убиваемых во множестве, царскую одежду сбросил и, переодевшись в воинские доспехи, убежал с небольшим количеством свиты. Перемещаясь из города в город, он собрал идольских жрецов и волхвов, наиболее известных в волшебстве, и «пророков» своих за обман казнил.

Того же Максимияна Галерия, преследуемого благочестивым царем Константином, сжигал и божественный гнев, охватив как пламенем его внутренности и мозг.

Сжигаем был нестерпимой болью до тех пор, пока тело свое не отдал земле, так что даже выскочили у него оба глаза, оставив нечестивого слепым. А плоть его, сгнившая от бесконечного жжения, от костей отделилась; и окончательно сгнив, отдал он богопротивную свою душу.

О победе Константина над Ликинием

Ликиний же, лицемерно помогавший блаженному царю Константину из хитрости, отлучил от христианства Римские земли в окрестностях преблагенного города Никомидийского и города Ираклийского. И служа идолам, Христа начал хулить и отсекал головы христианам.

Наступила третья неделя после двух недель праздности из-за Воскресения: первая — посвященная Страстям и Распятию Господа, вторая же — Воскресению.

Однако святой царь Константин Великий, столько от благодеяний Божьих насладившийся, веру утвердив, благодарную хвалу Благоподателю приносить всякий день не переставал.

Мир же глубокий наступил в Риме и тишина великая верным, веселящимся и радующимся из-за отсутствия угрозы. И приходили постепенно все народы к вере Христовой и крестились, и идолов отцов сокрушали.

Этого же Ликиния поставил царь Константин кесарем в Никомидии. Ликиний же, имея эллинское воспитание, ненавидел христиан и, не смея явно решиться на их гонения из-за боязни царя Константина, тайком копил злобу. Отделившись же и правя в своих областях, начал гонения, и сначала боголюбивых бывших в сенате христиан изгнал, и забвению предал прежде данные святому Великому Константину клятвы без угрызений совести, не уставая убивать христиан, так что многие мученики Христовы в различных местах появились. Убил же 40 иноков из Андреяна, города Макидонского, и Аммона дьякона, учителя их; еще убиты были Сеуриан из города Севастийского, Макровий и Гордиян из страны Пемфлагонской, Зотик и Лукиян, Зинон и Уалериян, и Улиян пресвитер и с ним 49, Никита, Атик, Еудоксий, Агапий и которые с ним в городе Севастии, Авива дьякон, Гордий из Кесарии Капподокийской, Ермола дьякон, Стратонник, Феодот, епископ Кириanei Кипрской, Феодор Стратилат, Власий, епископ Севастийский, 40 мучеников в Севастии, Василий, епископ Амазийский, Ириния, дочь Ликиния царя, Дорофей, епископ Тирский, 45 мучеников в Никополии Арменской, Акакий, Андреян, сын Прова царя.

Блаженный же царь Константин тому грамоты посылал, повелевая непокорному прекратить мятеж. Тогда же узнал благочестивый Константин, что Ликиний гонения яростные учинил и дурное на благодеятеля наговаривает.

И вооружился на него Константин с суши и с моря, и вскоре собрались войска для сражения в Вифании. И побежден был Ликиний у Халкидона, живым был схвачен в Хрусополии и в руки царя Константина передан был окаянный.

Он же из простого человеколюбия не убил его, но дал ему жизнь, отослав управлять Селунью. Вскоре же тот, варваров собрав и их подкупив, единовластвовать пожелал и начал бы войну, на победу рассчитывая, если бы не прознал кроткий царь Константин, повелев погубить того мечем, что и случилось: отрубили ему голову.

И после этого окончательной тишиной наслаждались.

О взятии города Византия

Возвещено же было христианское житие силою Честного и Животворящего Креста вместо власти мучителя. Единовластно управляя римской властью, боголюбивый и святой Константин, поставил своих сыновей Константина и Константа кесарями в Риме, а Долматия, племянника своего, во Британии.

Насладился миром и сам самодержец великий, став единовластно правящим царем Римским. Благодаря этому все больше христиан жили в глубоком мире, перебираясь в Рим для проживания. Поскольку же в дни Манасии, царя Иудейского, Визант построил небольшой город и назвал в честь себя Византием, и заселили его варвары, безумные и беззаконные люди, не покорявшиеся римскому царю, но своей гордостью и свирепством великим римлянам противостоявшие, после убийства Ликиния Великий Константин пришел также и к ним из города Никомидийского. И не захотели византияне принять его как царя, ни приклонить шеи свои, ни дань дать, но войну устроить между собой сговорились, и вскоре произошло сражение, и в первый же день убиты были 2000 римлян. Великий же царь Константин, поставив в стороне свой шатер, где же и доныне есть Торг его, горевал сильно о тысячах погибших.

Сошлись же на второе сражение, и снова так же убиты были 3000 римлян. Обещали же византийцы: «Еще один день сойдемся в бою, и сможем взять римлян в плен, ибо мало у них мужества». А тогда отпущены были царем Константином лучшие его воины в Рим из-за угрозы нашествия персов.

Вечером же державный царь Константин Великий, не зная, что делать, возвел очи свои на небо и увидел уже и прежде ему являвшегося при мучителе Максентеи в Риме, сказавшего ему: «Призови Меня в день скорби твоей, и выведу тебя, и прославишь Меня». Пораженный божественным видением, он понял: второй раз Крест явился ему звездами, стоящий на небе, и писание, говорящее ему: «Сим Знамением победишь всех врагов». Он же, вспомнив раньше бывшее ему Знамение, как Максентея мучителя силою Честного Креста убил на Вулфиине мосте реки Римской, и как не отступил, и вынес копьё свое с сотворенным на нем образом Знамения Крестного, и нес его впереди, перед воинами. И сошлись на другой день византияне и римляне на бой, и победили римляне византийцев всей силой, и захватили Византию.

Лет от Создания мира до Воплощения Христа 5000 и пятьсот лет, воцарился же благочестивый царь Константин Великий в старом Риме от плотского Пришествия Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия в год второй сотни 18-й (118) и третьей сотни второй (202), то есть в год 320-й (год победы над Максентием, от Сотворения мира —

5820-й), будучи царем от начала управления августами Римского царства.

О создании Константина-града. Царствуя, трижды блаженный Константин Божественным повелением был сподвигнут и захотел город создать в Западных странах в честь своего имени — на поле против Солнца (Илиона), над Ентовым (Аякса) гробом, где по рассказам была стоянка кораблей эллинов, воевавших с труянами. Бог же во сне повелел ему в Византии построить.

И вскоре показанное место оглядев и обойдя повсюду, и усмотрев, что имеет удобное расположение, и пахнувший травами воздух, и на высоту поднятые места, по размещению имевшие обзор дальних окрестностей, подобное сравнение сделав, по указанному ему в видении поступил: создал богохранимый город и назвал его в честь своего имени Константин-град, в восточной окрестности Солнца (Илиона). Дворец же прекрасный создал, к морю спускающийся, и конный ипподром, и два больших крытых прохода построил. И если бы кто захотел оценить безопасность и мудрость построек, то назвал бы их чуть ли не вторым творением Фидия; к своей чести их создал.

И оставив Западные страны он пришел в Византию с матерью Еленой и сыном Константием, и жителей знатных и знаменитых из Рима привел, и из иных мест порядочно собрав, и дома великие им подарив, устроил их жить в городе.

И обновил город Византий, в древности созданный Визом, царем ракийским, и стены его удлинил на одно поприще, и назвал Константин-град.

Тот же Константин-град как Новый Рим почитать повелел. И поставил столп каменный из цельного камня, весь багряный и достойный всяческих похвал, его же из Рима привез, на месте, называемом Ризный торг. И поставил на нем статую медную — изваяние мужчины, ее же принес из города Солнечного (Илиона) во Фругийской земле, имеющий на голове семь лучей. Столп же этот три года по морю перевозили, поскольку велик был и тяжел; от моря же до Торга за год перевезен был. И поставил образ с честным крестом в руке с надписью такой: «Тебе, Христе, передаю град сей».

Такая же красота устройства столпа того, что царь часто приходил к нему, золото без числа людям раздавая, положив его также и в основание столпа.

Великий же царь Константин, украшая город, ввез в него лучшее из всех епархий и городов. Его же делом было и прекрасное изваяние из меди и мрамора. Рассказывали же, что в стоящий багряный столп,

ниже Рыночного помоста на два этажа, в основание столпа 12 корзин и 7 корзинок, которые Христос благословил, и деревья ценные, и святых мощи, и секиру Ноеву, ею же ковчег сделал, положил царь Константин своими руками в основание того столпа, и запечатал печатью для укрепления и сохранения преудивительного цельно-каменного столпа.

Прельщают же некоторые несмышленные простаки, или иначе говоря, неучи, что он не из цельного камня, а для красоты его и на лепоту медными обручами окован и многими опоясками. Этот же христоролюбивый царь и реку Дунайскую перекрыл, называемую Истра, мост на ней каменный из камней построив.

И скифов покорил Всечестному Кресту, видением с неба явившемуся и помогавшему ему, как и раньше.

Сына же своего Константина поставил кесарем в Цариграде и послал в Галилею.

Приобретя же в Риме так называемую римским языком латеренисию («кирпичницу»), являющуюся дворцом, тот преславный царь сам своими руками сначала ее разрушив, по Писанию построил церковь во имя Господа Бога нашего.

Так же построил церковь и в городе Никомидийском на месте высоком, называемом Стрыя, на котором пострадало 3600 с десятками Христовых мучеников, а было мучение их при Максимиане Еркулии. Создал также и восьмиугольную церковь во святом городе Антиохийском, и еще же в Серпне построил церковь в честь Лукияна мученика и соименным матери своей Елении город назвал. Еще же и величайшую церковь создал, назвав Софией — не мученицей, а Премудростью Божьей, еже есть Христос, Сын и Слово Божье. И потом построил храм прекрасный святой Ирины: так же — не мученицы, а Мир Христа Моего; и храмы святых преславных апостолов, и святого Мокея, и святого Агафоника, и святого Мины, и преславного Архангела Михаила в Анапле, и в Сосфении христоролюбивый царь создал.

Причина же создания Архангельской церкви в Сосфении была такова. Когда вольные мореходы во времена эллинские, прослышав об Анапле, решили завоевать ту страну, то атакованы были Амуком, в стране этой царствующим. Испугавшись ужасно, побежали они в глубину лесную, совсем непроходимую.

И дивное увидели видение: силу некую, приближающуюся к ним, и мужа страшного, имеющего на плечах крылья, как у орла, который пообещал им над Амуком победу. Они же, решив сразиться с Амуком, победили и убили его. Тогда из благодарности к явившемуся.

Создали церковь на том же месте, где и видение видели: поставили святой образ видения силы, назвав место: святой Сосфений, так как туда убежавшие, спасены были. Это же изображение увидев, боголюбивый царь Константин сказал вельможам своим так: «Это изображение ангела, почитаемого законом христианским». Удивившись месту и образу, ночью помолился царь Богу, прося показать ему, чьей силы это изображение. И уснул на месте том, и слышал, также как в видении, голос громкий, говорящий ему: «Я — архистратиг Силы Господа Саваофа, христианам невидимый заступник скорый от злых и нечестивых мучителей, и от всех неверных, и от варварских племен, верному угоднику Владыки моего Иисуса Христа».

И тотчас восстал пресвятой царь Константин, с премногой радостью хваля Бога неба и земли. И украсив место и церковь прекрасную создав, и алтарь освятив, назвал церковью Святого Михаила, почитаемого особо всеми верными на святом Сосфении.

Много же и иных церквей святых Христовых мучеников по различным местам и странам великий царь создал, строив с почтением и любовью; располагая же огромными богатствами из царских хранилищ, святой царь Константин благодатью Божьей церквям их раздавал.

Об Арии еретике

Гневу же соименный Арий проявил свою ересь в церквях Александрии — образец сотворил вражды, созревающей и не выносящей вида мира церковного, враждебным ибо духом одержим был Арий. И прознося без понимания: «Бе некогда, егда не бе, и последи быти Христу Богу нашему», учил, что иным создан и чувственный, а Божественное слово: «и Неприменна, и Безлетна, и Неопытана» пустословил как: «и падшего, и временного, и познаваемого». Обо всем этом узнал добрый царь Константин из послания святого истинного богоносца, отца нашего и святителя Александра, высказавшего в письме свое возмущение. И словно жалом неотвратимым сильно уязвленный царь тотчас как Божьи раны это воспринял и повелел всем епископам, находящимся под властью Никийской и Вифумской митрополий, придти на выяснение причины того, как случилось, что истинной и непорочной веры усечение и чуть ли не погубление явилось от лютой и опасной и зловерной ереси. Было же пришествие из Рима в Византию блаженного и святого и богومудрого Константина 12 индикта в конце года, числа 13, в 12-й год царства его. После же этого, по Божьему хотению, некоторые нашлись епископы, которые в то время промыслом Животворящего Духа убереглись от ереси; и поднялись каждый из них из своих церквей, и дошли до Никийского правоверного села. Этот же святой всей вселенной первый

собор святых отцов 318. И сошлись в 20 день мая месяца; от Адама же до Рождества Христова лет 5500, от Христова же Рождества до Распятия 33 года, от Распятия Господа до Константина царя лет 279, от первого года царства Константина до первого Никейского собора 12 лет, а от Вознесения Господа до первого собора 318 лет.

Собор первый святых отцов

И был собор первый святых отцов 318-ти, который в Никеи, по той причине, что, как сказал Константин Великий, видел он церковь Арием возмущенную. И стал собирать вселенский собор, епископам же повелел приехать на собор на лошадях и на мулах, и сам тоже вошел в Никию.

Когда же все съехались, устроил дом в царском дворце, и сиденья повелел в нем поставить, и попросил их войти.

И сам последним вошел с малой дружиной и, встав посередине, повелел всем сесть. Затем и все епископы попросили его сесть на поставленное малое сиденье. После же всех сел и сам царь, охваченный великим стыдом и смущением при виде мужей. Они же с похвалой цветами увенчали его голову и за усердие к Богу воздали ему благословение.

Он же произнес речь о единодушии и согласии, и об ином говорил, и дары многие преподнес, и повелел многие ложа приготовить и вместе всем обедать. Старейшин же рядом с собой на сиденье посадил за стол, а остальных рассадил за другие столы. Тут он увидел, что у некоторых правый глаз выколот. И узнав, что от Диоклитияна и Максимиана за Христово исповедание все пострадали, он своими устами рубцы те целовал, веря, что поцелуем примет от них прощение, настолько был удивительный этот муж, воздержанием и верой, и смирением украшенный.

И наутро, когда все епископы и царь собрались вместе, призвали на собор Ария и его единомышленников, повелев ему прекратить свои измышления. Учение же этого нечестивого и треклятого таково: «Не всегда Бог был Отец, и не всегда Слово было Божье Слово, и не из небытия было, и Сущий Бог сотворил Несущего.

Поэтому было время, когда не был, и Сын создание есть и творение. Не подобен же Сын сущностью Отцу, ни истинен же естеством Отец Слово есть, ни истинна ж есть Премудрость Его, ибо ни один, рожденный от твари для потребления, не был назван Словом или Премудростью, и Тот своего Отца Слово и Премудрость. Также, как и всех, и Того сотворил Бог, также воплощен был, и переменчив естеством так же, как и всяческие словеса. И отстранено, и отчуждено, и отлучено было от

Божьей сущности Слово. И не виден был Отец Сыну, и не знает полностью Отца Слово, и никак не может его увидеть, и также своего естества не знает. Сын же ради нас был сотворен, чтобы Им, как органом, сотворил Бог нас. И не был бы, если бы нас не захотел сотворить Бог». Спросил же ариан кто-то, может ли Божье Слово измениться или приложиться к дьяволу; они же не побоялись сказать, что «может и так перемениться, переменчиво ибо естество сотворенное».

О том, как на соборе произошло чудо. Спор Спиридона с философом. Было бы не справедливо умолчать о том, что по высочайшему царскому указу философы и риторы пришли на собор, умеющие прекрасно говорить. Среди них же был один эллин, который удивил епископов, много порицая их в защиту Ария, из-за чего многие подошли и с большим вниманием слушали его речь. Ни один же из епископов не смог при этом опровергнуть слова премудрого ратора, который с легкостью отвечал окружающим, искусно разъясняя сказанное. Как угря невозможно схватить, так и того философа нельзя было никаким словом одолеть. Когда же им казалось, что уличен, он изворачивался и сильнее сопротивлялся, демонстрируя высокий ум и красноречие. Но да покажет Бог, что не в словах есть Царство Небесное, а в силе. Человек некий киприянин, из святых, и городу Тримифутскому епископ, по имени Спиридон, незнатного происхождения и не книжник, попросил позволить ему поговорить с философом. Отцы же, зная простоту его и что не является книжником, запрещали ему, чтобы не был поруган грешниками. Подошел он все же к философу и сказал: «Во имя Иисуса Христа, послушай, философ, истинное учение». Тот же ему отвечал: «Если скажешь, то выслушаю». Святой же сказал: «Будет тебе известно, что Бог — Един есть, который сотворил небо и землю, и человека создал; и видимое все и невидимое Словом и Духом составил. Так что мы, признавая это Слово Сыном Божьим, поклоняясь, веруем, что ради нашего спасения в конце родился от Девы и через Распятие, и Смерть, и Воскресение род человеческий освободил. И мы веруем, что Он придет судить всех живых и мертвых по правде. Веруешь ли в это, философ?». Тот же ужаснулся и как будто онемел, не найдя слов для возражения, и от ужаса замолчал, словно немой и глухой, и одно только вымолвил: «Я думаю, так оно и есть». Старец же ответил: «Тогда встань и последуй за мной к церкви, и примешь знамение веры этой». Философ же обратился к ученикам своим, говоря: «Послушайте, о мужи, до сих пор подбирал слова с тщанием, слова к словам прикладывая, и искусно соединял для речи. Когда же помимо слов услышал, как некая сила изошла из уст старца, не смогли сопротивляться слова мои словам старца этого, ибо никто из людей не может противиться Богу. Поэтому если кто из вас хочет понять, как я

понял, пусть поверит в Христа и последует со мной за старцем этим, в котором говорил Бог». Таким образом стал христианином философ, радуясь, что побежден был старцем.

Пришел же среди прочих и божественный Пафнотий, муж египтянин, чудотворец и исповедник; ему же правый глаз Максимиан вырвал. Тот собору правило дал: признать тяжким запрет клирикам иметь жен, если захотят, и предложил, чтобы одни только имеющие сан епископов так поступали, т.е. себя сохраняли; и постановил собор жены епископу не иметь. После долгого и тщательного размышления решили единодушно повелеть исповедывать Единосущность всем людям православной веры, то есть исповедывать сущность естества Отца и для Сына, и этого придерживаться постановили согласно — кроме нечестивого Ария и некоторых его единомышленников. Божественные же отцы 318 приняли для всех исповедание Единосущности Святой Троицы, Ария же и сторонников его проклинали, и царь их изгнал.

Потом же мужи некоторые, любители клеветы, на других епископов написали доносы и отдали царю. Он же, приняв их, сложил в свиток и перстнем своим запечатал, и повелел хранить. Затем, вразумив их, повелел им жить в мире и согласии, а клеветнические писания принес и пред всеми сжег, клятвою заверив всех, что не прочел того, что в них написано. «Думаю, — сказал, — не подобает знать прегрешения священников, ни объявить о них многим, чтобы не дать предлога для соблазна, что беспрестанно греху предаются». И так еще сказал: «Если бы сам увидел епископа, блуд творящего, покрыл бы полой своей порфиры творимое беззаконие, чтобы не повредить им лица смотрящих».

Так же и доносящих ему мольбой молил, к единению призывая всех и установить единоверие и единомыслие во всем спорном. И таким образом всех наставив, и многими почестями и дарами иереев наградив, всех попросил вернуться — каждого к своей пастве.

Первый собор сошедшихся святых отцов 318-ти был в Никии, царствовал к этому времени Великий царь Константин 20 лет. Были же старейшины собору следующие: от Селивестра пришедшие из Рима наместники Вит и Викентий пресвитеры, Митрофан из Византии, Афонасей из Александрии, Еустафей из Антиохии, Макарий из Ерусалима, Михаил, патриарх Константина-града, Никола из Мур, сын Феофана и матери Ноны, Кирил Александрийский, Григорей Богослов, сын Григорьев и матери Иноинны, Ефрем Сирий, Парфений епископ, сын Христофора дьякона, и Ливерий, архиепископ Римский, Акесима епископ, Еупатей, епископ Гангранский, Спиридон, епископ Тремифунта Купрейского, Амбросий, епископ Медиоламский, Архела епископ, Евсей, епископ Самотана, Иоанн, епископ Готский, Мелентий, епископ Антио-

хийский, Пафнотий египтянин, Павел из Новой Кесарии, Ефратисиский епископ, Григорей из Великой Армении, Леонтий из Кесарии Каподокийской, Ияков, Нисивиский святитель, Феодор, игумен Студийский, Самсон пресвитер, Осиф пресвитер, Ианфала дьякон, Ларион пустынный из города Газы, Кирил дьякон, Иона и Варахия монахи, Доментий монах, Анкидин, и Пигасий и Аффония монахи, и Доментий персянин монах.

При его царствии мучен был Анемподист и Елпидифор с матерью Саврией, и с ним 7000 и 28. Этот царь принес мощи первомученика Стефана, а Анфуса преподобная основала Мантиев монастырь.

При его царствии принесена была риза Святой Богородицы из Капернаума Галвином и Кандидом и положена была в Халкидоне.

Святые же отцы прокляли Ария и с ним одинаково мыслящих; его же, пребывавшего вне истинной веры, отлучили и прокляли. И Святой Соборной Церкви дали нам святой Символ веры: «Сына Божия Единосуца, Единосоставна, Неразделна Отцу и Святому Духу, единомыслено Трисоставна глаголаша» вси списавше свиток, с честным царем Константином.

После этого все триста и 18 святых отцов прибавили, что «бывает от всех от небытия в бытие Словом приведшаго Христа Бога нашего, чудотворне како преславно, и дивной памяти достойно» во славу и похвалу верующим, в посрамление же и стыд неверующим. **Чудо** о Хрусанфе и Мусонии. Два же преподобных епископа Хрусанф и Мусоний не оставили своих подписей на свитке, так как случилось им по Божьему Промыслу преставиться от сего жития и к Богу отойти. Святые же богоносные отцы собора, не предаваясь скорби, но благодушествуя, пришли с упованием на место их погребения и, как будто усопшие могли услышать к ним говорящих, сказали им: «О, честные отцы Хрусанф и Мусоний! Добрым подвигом вы с нами подвизались, теперь же, веру утвердив, течение жизни своей завершили; и за богоугодное ваше житие ныне прославлены Несозданной Божественной Троицей. Но чтобы не было нареканий, следует и вам на свитке подписаться». Сказав это, они положили подписанный свиток на честной раке преподобных отцов и всю ту ночь провели без сна.

Прийдя же утром к раке и к соборному свитку, лежащему поверх тел, развернув святой свиток, обнаружили подписи: «уже преставившиеся преподобные епископы Хрусанф и Мусоний» и откуда-то взявшиеся на телах хартии, совсем недавно изготовленные, в которых было сказано: «Хрусанф и Мусоний, единомысленные со всеми отцами святого Первого Вселенского собора, который в Никеи, хотя и преставились телом, но свою руку точно написали». О преславно и дивное чудо, никогда

до этого не слыханное! Как мертвые тела, в гроб положенные, душами их восприняли советы от живых, а тела бездушные услышали и своими руками написали? Святые же лики честных и преподобных отцов щедро красками изобразили. Как же непостижимы дела Твои, Господи! Кто сможет описать Силу Твою, или передать словами Славу Твою? Величая, величаю Тя, Господи, и Славу Тебе воссылаю, Человеколюбче Боже! Никогда не отворишь и молитву услышишь уповающих на Тя! Но возвратимся на прежнее.

Слово о блаженном и святом царе Константине

Сказание о церковных взысканиях святых правил после утверждения, и написания, и заверения божественного и правоверного свитка преподобных отцов, и похвала Великому царю Константину.

И после роспуска собора пресвятой царь Константин, поднявшись с царского своего престола, встал посреди собрания и к собору обратился: «Молю вас, святые отцы, если имеете любовь, как к истинному сыну, одну благодать, прошу, окажите мне». Они же единодушно ему отвечали: «Повели, царь благочестивый, чего ты хочешь». Он же сказал: «Не сочтите за труд вскоре через несколько дней соизволить придти со мной в город и обновить созданный во имя мое город пришествием и молитвой преподобства вашего. Помолитесь об основании, и о стенах, поставленных в нем».

Они же с радостью согласились и пришли в великий именитый город, и исполняя просьбу цареву вошли и сотворили молебен на обновление Константина-града месяца мая в 11-й день.

И помолились святые отцы никейские 318 о стенах созданного царем города, непорочную жертву принеся Богу. Присутствовал же при этом и патриарх Константина-града святой Митрофан. Когда же молитвы закончились, То повелел царь всем обедать у себя. Видев же царь их веселящихся, и весьма за них радовался; а ведь Пафнотию Исповеднику не только глаза вырвали, но и уды. Измученных гонениями обласкав, святости их приобщившись, умолял также всех епископов мир иметь, да и клеветы на ближнего избегать, а доносы же, которые друг на друга некоторые любящие клевету мужи на своих епископов подавали, огнем сжигать он с клятвою обещал, ибо если увидит епископа, соблазн творящего, багряницею будет прикрывать тотчас, да не повредит лица видящих.

Многие же дары всем церквям раздав, и начальникам областей почитать святителей повелев, всех отпустил, радующихся.

Правило же дали нам праздновать святую Пасху, которого и придерживаемся. Некоторые же люди раньше в 14 день луны праздновали.

Христолюбивого же царя Константина один из философов, наученный некоторыми эллинами, стал обвинять в том, что не соблюдает обычаев царей Римских, новой придерживаясь веры. Случилось же святому епископу Александру беседовать с этим философом. Блаженный же муж Александр сказал ему, злословящему: «Заповедаю во имя Иисуса Христа, истинного Бога нашего, замолчать и не поучать».

Одновременно же со словом этим замолчал эллинской веры философ и был нем, как безголосый, и в страхе и трепете подошел к иконе святых просить снять проклятие с языка и дара святого крещения. Таким знамением и чудом Господь вразумил философа со всем его семейством, на спасение призвав отговаривавшего от правой веры, теперь же истинным ее поборником показал.

Тогда же и архиепископ Иерусалимский Макарей приходил на собор, и повелел ему царь, когда возвратится, найти место Святого Воскресения Христа Бога нашего, и Краниево место — Голгофу, и Животворящее древо, то есть Честной и Животворящий Крест Господа нашего Иисуса Христа, на котором спасения ради человеческого рода пострадал и избавление нам сотворил.

О Елене царице, как ходила в Иерусалим для нахождения Честного Креста

В тот же год Елену, богомудрую святую мать свою, венчал и серьгами, как царицу, украсил. И видела видение, велящее ей идти в Иерусалим и язычниками засыпанные Божественные места явить на свет.

Она же у сына своего Константина испросила разрешение выполнить бывшее ей от Бога повеление. Он же, выслушав, отпустил ее со многими богатствами в Иерусалим.

Макарий же был тогда патриархом Иерусалима, и встретил царицу с подобающей честью. Блаженная же Елена, призвав всех иудеев, попросила показать ей Честной Крест, но поскольку они отказывались, стала угрожать им смертью.

Они же привели к ней Иуду. «Этот, — сказали, — может показать тебе искомое, так как сыном является почитаемого пророка». Но так как он отказывался сделать это, сильно истязаем был. И повелела царица бросить его в сухой колодец.

И пробыв там некоторое время, пообещал рассказать. Освободила же его царица, и пришли с Макарием патриархом на некое место. И помолился патриарх, также и Иуда помолился еврейским языком, и Бог указал место Креста. Была же на том месте гора из мусора и камней,

насыпанная иудеями. Затем на той же горе Андриян, царь Римский, поставил храм Артемиды, и в нем установил ее статую.

Святая же царица Елена повелела многим умельцам разрушить языческий храм до основания и мусор отсыпать. И во время копания начал исходить запах благовоний, а вскоре Святой Гроб и место Краниево, оно же и Лобное, явились на восточной стороне, и около них обнаружили три закопанных креста. Раскопав же их, нашли и Честные гвозди.

Недоумевали же все и блаженная царица, печалась: который из них — Животворящий Крест Христов? В то время вынесли некую жену умершую. Тотчас же святой епископ с Иудой стали по очереди класть каждый крест на умершую, чтобы узнать, который из них — Крест Господень. И вскоре ожила умершая силою Божественного Креста.

Тогда блаженная царица с радостью взяла Честное Древо и часть у себя сохранила, так же как и Святые Гвозди, а прочее, вложив в серебряную раку, отдала архиепископу Макарию для сохранения на память потомкам.

Тогда и Иуда со множеством иудеев уверовал и крестился, и наречен был Кирияк, потом став и патриархом Иерусалимским; скончался же, замученный за Христа при Улияне Преступнике.

Тогда же Елена царица повелела церкви строить на святых местах, которые Господь наш Иисус Христос нашего ради спасения посещал, преславные сотворив чудеса. Блаженная же и поистине святая царица Елена, во-первых, повелела создать церковь в Иерусалиме, где было обретено Древо Честного Креста, и во имя своего сына церковь создала Святого Константина.

Также создала церковь прекрасную на Гробе Господнем во имя Воскресения Господа нашего Иисуса Христа. Также церковь воздвигла на Краиневе месте, где нашелся Честной Крест, сотворив ее ступени из мрамора.

В восточной же части Святого города, спускающейся к Гепсиманийскому саду, где покоился гроб Святой Богородицы, премудро также сотворила на том месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, преславный Ее гроб утвердив внутри церковного алтаря.

Говорят же многие, что видели сами место у подножия горы, «Удоль плачевная» называемое, и ручей Кедрский, и место упокоения Ее, и Асафатов виноградник, в нем же предан был Иисус Христос, Бог наш. Здесь же было и место, где молился Господь той ночью, в которую предан был. Туда же и дивная Елена, отойдя, взойшла на гору Елеонскую,

на восток, где вознесся Господь Бог наш, и с верою поставила здесь церковь Бога и Спаса нашего.

Сошла и ко гробу блаженного и святого Лазаря, который расположен от города в двух поприщах, и преклонив колена перед гробом преподобного Лазаря, теплыми слезами поливая крышку гроба, повелела создать церковь во имя святого Лазаря.

И дошла до реки Иерданской, в ней же крестился Христос, Бог наш, не имея греха, спасения ради нашего. Блаженная же Елена переправилась через Иердан и обнаружила пещеру, в которой жил Предтеча, и церковь во имя Иоанна Крестителя поставила.

Напротив же пещеры есть высокое место, откуда восхищен был святой Илья; и тут тоже прекрасную церковь повелела поставить во имя пророка Ильи.

И пошла к городу Тивериядскому, находящемуся в четырех днях пути. В окрестностях же Тиверияды находились 12 престолов, где сидел Христос Бог наш и учил. На этом же месте умножил Христос 7 хлебов и напитал 4000.

И здесь же находится село Капернаум, где жил Христос, Бог наш; в нем же есть и дом Иоанна Богослова, где вечерял Христос с учениками.

Тут же случилось и чудо с сотником; здесь же и одр расслабленного спустили с крыши через чердак. В тех местах святая и блаженная Елена честные святые церкви повелела создать во славу и для почитания святых.

И протекающую там реку перейдя с дарами, полученными ею от царя, и со знатнейшими вельможами Константина-града, обнаружила камень, имеющий образ креста, на котором исцелил Христос кровоточивую, и здесь во имя Честного и Животворящего Креста прекрасную церковь велела построить. И поднявшись оттуда, пришла в Палестины на место, недалеко от вышеупомянутого креста и называемое «Семь колодцев», где множество ключей забило, и где сотворил чудо Христос Бог наш пятью хлебами и двумя рыбами. И здесь поставила дивную церковь.

И оттуда отошла к морю Тивериядскому и нашла место, где подошел Христос после Воскресения Своего к святым апостолам, ловившим рыбу — тогда был разведен огонь, и рыба лежала с хлебом, и ел с ними, и тогда же выловили 153 рыбы. И тут во имя преславных Апостолов создала церковь.

И потом отошла, радуясь и веселясь, успев все сделать. И пройдя два поприща, обнаружила дом Марии Магдалыни и место, где исцелил ее

Христос Бог наш от семи бесов. И тут церковь Марии Магдалыни воздвигла.

Завершив же обход честных мест в окрестностях Тиверияды, блаженная распорядилась в каждом месте построить со старанием светлые церкви.

Имелись же в ее распоряжении священнослужители, и взяв их, вошла в город Тиверийский. Посреди же города нашла дом тещи апостола Петра, исцелившейся от горячки прикосновением Владыки Христа. И тут церковь прекрасную создала святого верховного апостола Петра.

От Тиверияды же в двенадцати поприщах взошла на северную гору, где благословил Мельхиседек Авраама, и нашла место, на котором преобразился Христос, Бог наш, поставив и тут церковь во имя Господа Спаса нашего и святых апостолов Петра, Иякова и Иоанна. И священнослужителей для служб и для пения во славу честной церкви назначила, великое множество богатств для служения дав им.

Сойдя же с горы, пошла на восток к Назарефу, чтобы найти место и дом, в котором Святая Богородица приняла Благовещение и радость от ангела Гавриила, и тут церковь Святой Богородицы преславную создала.

От города Назарейского дошла до села Кана Галилейская и нашла дом, где состоялся брак Симона Кананита, и где воду в вино превратил Христос Бог наш; и тут святую церковь воздвигла.

Пройдя шесть поприщ до Вифлеома, тут тоже церковь великую клетскую крестообразную создала во имя Христа Бога нашего, заключив внутри нее под алтарем Ясли и Вертеп.

Оттуда уйдя, обрела место, где убиты были святые младенцы Иродом, и почтив эту пещеру, как положено, церковь создала во имя Святых младенцев.

Оттуда же сошла к святому пастбищу и обрела место, где благовестили святые ангелы пастырям Рождество Господа нашего Иисуса Христа, и сказали: «Слава в вышних Богу и на земли мир». Тут церковь прекрасную создала в честь Святой Богородицы Марии и Иосифа Обручника.

Потом пошла к Святому Сиону. Святой же Сион расположен от Святого Града на юг. Здесь блаженная святая Елена похоронила Феодору, жену Консты.

У церкви, которую создала — церковь же эта была великая клетская, — кровлю положила из олова вместо черепицы, а вход затворила. А внутри церкви, на западной стороне, находился дом святых учеников, в котором они скрывались, боясь иудеев; «и прииде к ним Христос, дверем затвореном».

А на левой стороне церкви стоял багряный столп, к которому был привязан Христос, Бог наш, избиваемый иудеями. У правой же стороны алтаря — место Святого умовения ног и Сошествия Святого Духа на Святую Пятидесятницу.

А на левой стороне алтаря, где находился гроб святого пророка Давида, блаженная Елена устроила святого возношения проскуротисание.

Создала же на дворе Каияфы церковь святого апостола Петра. А от Голгофы, места Святого Воскресения, до Святого Сиона — одно поприще. И иные многие церкви Божьи по святым местам поставила святая Елена, первая христианская царица: и на рве пророка Иеремея, и на источнике Силуамри, и в селе Скудельничи на погребении нищих у дуба Мамврийского, у которого Спас явился Аврааму на святом лифострате, иначе говоря каменном помосте, святого кира Иоанна.

Эти честные и святые Божьи церкви и Спаса нашего Бога на святых местах 18 церковей премудрая и христоролюбивая, и поистине великодушная мать блаженного Константина повелела создать вскоре. Блаженная же, обойдя все и почтив с верою, как обещала святому Макарию, патриарху Иерусалимской церкви, взяла с собой часть Честного Креста, которую сохранила у себя, и Святые Гвозди Тела Христова, и возвратилась к преславному царю Константину, сыну своему, в Византию.

И много о Христовой вере рассказала сыну своему, он же встретил ее с радостью и часть Животворящего Древа в золотую раку положив, передал святому архиепископу Александру на хранение.

Блаженный же патриарх Митрофан к тому времени умер. Блаженный же царь Константин Святые Гвозди одни на шлем свой наковал, а другие приковал к поводьям узды коня своего, чтобы сбылось сказанное пророком: «В день он будет на узде коня царева, наречется свято Господеви Вседержителю».

Этот святой царь Константин написал поистине знаменитому блаженному Макарию, наместнику Иерусалимской церкви, прося потрудиться в построении Христовых церковей, и князя послал с достаточными средствами, чтобы создать для всеобщей радости на святых местах церкви, которым не было бы равных по красоте во всей вселенной.

И написав владыкам по епархиям собирать не мешкая людей из простого народа, царь устроил светлый праздник, благодаря Бога, сотворившего такие блага в годы его. Особо же силу Честного и Животворящего Креста прославлял и оказывал многие почести, ибо уверен был в нем из-за всегда происходящих чудес: как нечестивого Максентея им

победил и низложил, и объединившихся византийских врагов силой Крестной попра, и скифов покорил, ревностью божественной направляемый.

По возвращении святой Елены из Иерусалима в Константин-град сотворил христолюбивый царь Константин три креста больших по числу видений, бывших ему в сражениях: первое — в Риме, когда Максентея потопил, второе — в Византии, когда Византию взял, третье — когда мост создал на реке Дунае, покорив скифов. По образу трех видений устроив честные три креста из чистой меди, и назвал их святыми именами такими: «Исус», «Христос», «Побеждает». Тот же, который был назван «Исус», устроив из золотого литья, поставил повернутым на восток на арку, где ныне Рыночная площадь, тепло являя всем благочестия своего, так как силою Креста эллинские мятежи победил.

Называемый же «Христос» всечестный и божественный крест поставил на вершине красного столпа римского в Братолюбнем квартале Константина-града, который стоит и до нынешнего дня на том же месте, где утверждён. А другой животворящий и чудотворный божественный крест, нареченный «Победа», Ираклием же — верным и христолюбивым царем, позже названный «Аникит» («Непобедимый»); и зовется так всеми верующими во Христово Имя с тех пор и до нынешнего дня: животворящий крест Господень «Святой Аникит», им же непобедима есть Сила Христова. И вознес его великий Константин на высокий мраморный столп, на месте прекрасном, на Хлебной улице. Многие же силы и знамена были благодаря ему на месте, где на Крестном Древе пригвоздился Христос Бог наш, подавая нам всем недугов излечение, от зимы и ужасов страждущим избавление, порченым глазам невидящим — здоровье и прозрение.

И пусть не поверит мне никто, но то, о чем хочу рассказать, для веры будет не хитромудрым и не еретикам, а душам верным и умным добротой; самые же рассудительные никаких чудес не достойны. Рассказывают многие, слышавшие об этом честном кресте, что ангел Господень поздно ночью трижды в год как бы светом блестящей молнии с небес сходил на него звездным знаменем: в месяце мае в 7 день (знамение Креста над Иерусалимом); в честное и святое Креста верными свяителями на небо Воздвижение месяца сентября в 14-й день, а также на Поклонение Христу, Богу нашему, в преполовение святого светлого Поста. В эти три дня честной крест Христов святой Аникит обходят, и кадят с пением сладким, и тонким звоном вокруг него звенят.

Еще же знаменуется, видимо, время Последней Трубы, в которое должен вострубить великий Ангел и пробудить все народы на Страшный и нелицемерный Суд; и потом, Божественную песнь Трисвятую пропев,

тотчас отойдет туда, откуда явился. И многие, чистые помыслом и непорочные житием, великим о нас Божьим Промыслом сподобившиеся были видеть на честном кресте Ангела, возвещавшего о будущем чуде — чтобы никто не попался в сети неверия писаниями безбожными. Ведь Бог, когда захочет, и камень сдвинет, и покатится, извещая; так же извещал и святой честной крест Господень Аникит, который царь Константин Великий поставил на высоком столпе.

Во дни Маврикия и Константина, христоролюбивых владык, в 18-й год царства их, случилось в Константине-граде великое землетрясение, бывшее семь дней и ночей. Многие же здания и сооружения попадали, разбившись на земле, а славный столп устоял с возвышающимся крестом. Так, упала и сокрушилась статуя царя Феодосия Великого и жены его Плакиды, и иные многие дома и столпы от страшного наказания и трясения этого накренились и падали. Случилось так, что и честной и святой крест Аникит от силы гнева Божьего за 7 дней и ночей из-за грехов наших расшатался на опоре, на которой стоял на верху столпа, и сдвинулся.

И не иначе как Божьим Промыслом великий царь Ираклий позднее некоторой хитростью искусных мужей камнерезов приподнял, и повелел оловом и железом, соединенными некоторыми уловками, крест укрепить и поставить, написав на нем: «Подножие креста утвердил делом богоугодным царь великий Ираклий». И как написал, так и до сего дня читается на честном том кресте, и тот святой животворящий крест царь Ираклий назвал Аникита, как уже прежде и говорилось, от имени «Победа», которое дал ему великий царь Константин, ибо силою его всех видимых врагов победив, низложил. И на этом о честном и животворящем кресте, а также о бывших от него дивных чудесах на немощных и недужных, довольно.

О преставлении Елены

Блаженная святая Елена благочестиво свое житие окончила, отойдя к Святой Единосущной и Нераздельной Троице. И христианскую веру на всех местах, куда приходила, распространяла. Вернувшись же в старый Рим, приняла блаженная кончину, добротой, целомудрием и правдою сияя. Погребена же была в багряной раке вне города Рима в одной святой церкви, будучи 80-ти лет от роду.

А через два года после ее успения перенесена была вместе с багряной ракой в Константин-град и положена в церковь святых Апостолов, которую создал ее христианин сын святой царь Константин для погребения умерших тут христиан. И первой положена была в ней святая царица Елена, светлыми памятями и всенощными службами почтена. Всеми

добродетелями была украшена блаженная, имея подобно Христу смирение перед всяким, в особенности перед имеющим монашеский образ. А живущих в девстве монахинь она звала к себе часто и, на постелях их уложив, сама им служила, принося еду и чашу, поливая им руки водой, рабыни дело исполняя. Также и приснопамятного сына своего наставляла не возноситься умом, добродетельной и праведной жизни придерживаться и служить Богу по Писанию со страхом и трепетом. И также и он сам сохранил ее заповеди, плод принесшие поистине стократный.

О принятии Ария

По прошествии же времени умолен был Константин сестрою своею Константией вернуть Ария из изгнания как якобы покаявшегося.

Арий же, когда пришел, был спрошен царем, придерживается ли он веры по постановлению бывшего в Никеи собора, тот тотчас ответил: «Верую так». Царь же удивившись, повелел ему клясться. Но Арий, желая обмануть царя и клятвы избежать, сказал: «так думаю, как написано у меня есть». Ибо окаянный записал свою веру на хартию и за пазухой ее нося, клялся в действительности так: «Думаю, как написано есть», то есть как он сам и написал. Когда же поклялся он, что не будет мыслить иначе, чем собор, пустил его царь, сказав: «Если правая вера твоя, правдиво клялся, если же несправедная и развращенная, судит Бог тебя вскоре». И тогда же великому Афонасию Александрийскому повелел принять Ария для общения, как раскаявшегося; Афонасий же не принял его, зная злонравие Ария.

Царь же изгнал с престола святого Афонасия, поверив клевете, которую возвели на него ариане. И не удивительно. Часто ибо и божественные мужи клевете на некоторых благочестивых верили, не проверяя, и обманом были отлучены от правды, и благочестивых унижали, оскорбляя. Так боголепный Давид обманут был рабом Сивой, мучителя господина своего ненавидевшим и оклеветавшим его, будто пособник Авесолома, противника Давида. И царь этого мужа унижил и прогнал от себя, раба же его наследником сделал. Поэтому следует с большим старанием и тщательностью проверять доносы и не верить клеветующим на слово, даже если и сильно провинились. Ведь и Никодим к незаконным иудеям снизошел и в лицо им сказал: «Егда закон наш осудит человека, аще не от него услышит прежде, и разумети, что творити?». Спорные же дела мудрые расследуют и выясняют истину, так говоря: «Тайное на суде должно быть раскрыто, и если суд обличит, пусть будет наказан. Наказание же достойное пусть вынесет, постановление же его записывается, написанное же оглашается, судящиеся же прекращают суд и всякую распрю, и затем да торжествует мир». Итак, недостойно

без выяснения и без проверки выносить приговор или помилование, и с опрометчивостью выносить осуждение оклеветанным, но со многим испытанием и с расследованием тщательным, как в «Постановлениях Апостольских» истинных говорит слово: «Да будет судья нелицемерен, ни богата стыдяся, ни утешая паче достойно, ни нищаго жалуя. Ни принимай лица силнаго, рече, нищаго не милуеши на суде, яко Господень суд. И правда праведнаго поженет, и не угонит праведнаго неправда». Поэтому не стоит клеветать, как и без оглядки верить клеветущим без рассмотрения и без проверки. Ибо некоторые из-за зависти на какогонибудь брата возводят клевету, как два старца на Сусанну и египтянка на Иосифа. Так что если ты божий человек, не сразу такое принимай, да не поразишь неповинного. «Ни убиеши праведнаго неповиннаго», сказано, «и оправданаго не убиеши, ни примеши дар души поразити, ибо дар ослепляет очи премудрым, и погибают глаголи праведнии». Если же нелицемерно судите, распознайте клеветущего на ближнего своего, и его лжесвидетельства, и объявите, что он клеветник и лгун, и «создайте ему, якоже он лукавстова на искренняго своего, иждените от себе сами лукавое» по божественному Закону Господню, поскольку об этом сказано: «убив брата, вараваився к ушима судии». Написано также: «Проливаяй кровь человеческу, за кровь оного прольется кровь его, отринеси неповинную от себе». Итак с великой тщательностью проверяйте обвиняемых, но прежде проверь обвиняющего, какова жизнь его. Если же узнаете, что благая, и окажется совестливым, то и тогда не верь ему — не служит это доказательством. Но «да имете иных свидетеля, и пострамныя злонравныя, да пред двема или пред трема свидетели праведными уставится всяк глагол». И предупреждает Соломон, говоря: «Послушайте и внушите вси, владеющей множеством людей, яко от Господа дасться вам власть, и сила — от Вышняго, Иже истязает ваша дела, и совет испытует. Яко служителе Его Царствия есте, и не судили есте право, не сохранисте закона, ни по воли Божии пребысте, страшно бо и скоро приидет на вы испытание, яко суд немилостив на владующая бывает. Ибо меншии приматели милостьнее есте, силнии же сильнее испытуются». И Господь сказал: «Овому мало дасться, мало же и истязут от него». Ибо великий Сидор сказал: «Подобает в делах судьям быть зоркими и очень внимательно с умом все исследовать, судить беспристрастно и без лицемерия, ибо — Господень суд. И обвиняющих и защитников выслушав слова, в их глубину разумом насколько возможно вникнув, и потом, много раз проверяя и сопоставляя, не слишком медленно, но и не торопясь, с долготерпением и беззлобием рассудив, установить истину». Великий же Афонасий не только царем Константином был изгнан из-за коварства ариан, но и сыном его Константином, отцовский престол получившим. Рассказывают же, что святой Афонасий,

узнав, что царь Константин арианской веры придерживаться намерен, и что ариане со злым умыслом несправедливо на него клеветают несправедливым судом.

Никому не сказав, внезапно в полночь, разыскиваемый, прибежал к некоторой благочестивой девице. Она же удивилась и недоумевала о приходе его. Блаженный же патриарх сказал ей: «Ищут меня ученики Ария, и неподобное клеветают на меня. И чтобы избежать нелепой молвы и в грех не ввести тех, кто собирается меня мучить, надумал я бежать. И направил меня Бог в эту ночь, говоря: «Нигде же не сможешь спастись, только у этой девы». Ибо предвидел и прежде откровением Божиим готовящееся на него злоумышление божий этот богоносец и сбежал, так как злодеем и отравителем объявили его враги истины. Дева же та все сомнения отбросив, сказала так: «Богом послан святой» и укрывала его в течение 6-ти лет.

Они же не знали, где находится патриарх. Вернувшись к пастве после смерти Констанция, Афанасий был вынужден оставить престол и при гонениях на христиан императора Юлиана Отступника. Близкие же друзья спросили его: «Куда опять уходишь, пастырь добрый, на кого оставляешь нас, как овец, не имеющих пастуха?». К ним же отвечал добрый пастырь: «Не плачьте, дети, и не рыдайте. Облачко, тающее от жары — этот мятеж малый, который видим; быстро же рассеется. Не унывайте, дети, скоро возвращусь по воле Бога». Так и случилось.

Прошло немного времени, и эллины, увидев воронов, летающих над капищем Серапиона в Александрии и сильно каркающих, спросили у святого, насмехаясь: «Скажи нам, злой старец, о чем каркают вороны?». Святой же им ответил: «Вороны говорят: «кра», а «кра» ассирийским языком означает «утро». Так что завтра увидите Божию помощь и нашу славу».

И наутро узнали о смерти Юлиана Преступника; привезли же его из Персии мертвого и смердящего.

Об Антонии Великом

В те же годы жил и святой Антоний, многими великими добродетелями украшенный. Услышав же о нем, царь написал к нему просительную епистолию, умоляя потрудиться прийти к нему в Константин-град чтобы насладиться его молитвами и беседами.

Блаженный же пребывал во многой печали, говоря к ученику своему Павлу: «Что скажешь, чадо, идти ли к царю по просьбе его?». Тот же в ответ сказал: «Если пойдешь, то — Антоний, если не пойдешь, то — монах Антоний». И святой сказал: «Если же славы ради такой не буду зваться монахом, воистину не пойду». Услышав о кротости и о нелюб-

ви к славе святого старца, смиренный царь получил для себя большую пользу. О нем же и Великий Афонасий рассказывал: «Дошло же и до царя добродетельное житие Антониево.

Ибо услышавшие про житие Антониево Константин Великий и сыновья царя — Константи́й и Конста, писали ему, как к отцу, умоляя прислать ответное послание, но ни грамоты не принимал, ни слова не давал в ответ, как поступили бы многие, гордящиеся еписистолиями. Когда же приносили от царя грамоты, созывал монахов, говоря им: «Не удивляйтесь тому, что царь пишет к нам, ведь человек тоже он; но удивляйтесь тому, что Бог Закон написал и Своим Присным Сыном говорил к нам», не хотелось ибо ему принимать еписистолии.

Но не давали ему монахи говорить так, убеждая, что: «Христианами являются цари, и как бы, недоумевая, они не обиделись». Согласившись же с ними, что подобает прочесть послания и также написать в ответ, поскольку Христу поклоняются, стал учить царей о спасении и не настоящее за великое принимать, но помнить всегда о смерти, и о будущем Суде, и о воздаянии, и исповедовать Единого Бога, Царя истинного и вечного. Человеколюбивыми быть умолял их также и о правде заботиться, и о нищих, и что за власть свою, которую пожелали, перед Богом придется ответить. Получившие же эти слова цари очень обрадовались поучению праведного.

Такими вот делами блаженный и славный святой царь Константин Великий царство свое прекрасно устроил, сирым и нищим быв заступником. Сначала же в Риме царствовал 12 лет, затем в Константине-граде царствовал после собора 20 лет, всех лет царствовал 33 года. И держал скипетр Римского царства, его благоустроив.

Поскольку же персы объявили римлянам войну, прося отмены дани, Константин, придя к Никомидийскому городу, на персов ополчился.

Малое же время поболел в некоем селе царском в Никомидии и готовясь к смерти, оставил своих трех сынов наместниками своего царства, Римского и Греческого.

Первому же сыну Константину — горную Галлию всю до Альп, Вре-танский же остров и даже до Вечерняго океана дан ему был жребий.

Второму же сыну Константию Восточную область и Византий, переименованный в Константин-град и прозванный Новый Рим, а также земли от Илирика вплоть до Пронтиды, Сирию и Палестину, то есть Иерусалим, и Межуречие, Египет и острова все.

Младшему же сыну Константу равнинную Галлию, называемую Италией, и самый Рим оставил, также и дочь свою единственную, именем

Елену, которую имел от Фаусты, дочери Еркулия Максимияна, которая потом была жена Иулияна Преступника.

О преставлении

Завещав же это, святой царь Константин в нестарееющее и бесконечное царство преставившись, вознесся от тела к небу, восприняв с миром конец сего жития месяца мая в 21 день, прожив всей жизни своей 65 лет. А некоторые говорят, что Далматием Анавалияном, братом его от Феодоры, дочери Еркулия, убит был Константин из-за коварства его — отраву ему колдовскую подливавший, чтобы отобрать у него царство. Но обманулся в своей надежде и желаемого не получил.

Тогда воеводы, епархи и прочие все местные князья, положив царя в раку золотую, в Константин-град внесли, а все войско его шло впереди и вослед ему, горько плача о потере; и как отца кроткого, принявшего свое испытание, все оплакивали его. Такие же великие почести тело его получило, насколько давно и царем был, когда бывшие еще детьми князья из Рима ждали его возвращения. Излишне, думаю, писать то, что уже писал о нем, как я думаю. На его же примере легко можно увидеть и научиться, как всех благ Податель славит любящих Его. Если же кто этому верит, также ныне пусть имеет веру написанному о честной раке Константина, от которой всякого рода бывали видимые исцеления по сказанному моим Владыкой: «Славящая Мя прославию, уничижающая Мя уничижен будет». Бог же, великие творя чудеса, прославил святых своих рабов Константина царя и мать его Елену праведности ради и великой добродетели. Тех же преемников царствующих, которые в Тебя истинно верят, сподобь подражать их вере и добродетели до скончания греческого владычества, и пусть люди в тишине и в веселье живут и в радости пребывают.

Рим. Византия (345–463 гг. от В.Х.).

Книга 2

Константин же, сын старший Великого Константина, восстал на младшего брата Константа, который был в Риме; и была война между братьями; и убит был старший брат Константин; так что тот, кто чужих владений пожелал, и своих лишился.

И область, которой владел Константин, присоединил к своим владениям Констант, и стал Констант царем всех западных земель, и царствовал 16 лет один. При Великом же царе Константине Шапур, царь Персидский, замучил за исповедание веры Христовой Акиндина, и Пигасия, и Анемподиста, и Аффония, и вельможу своего Елпидифора, и с ним семь тысяч вельмож, и еще 22, а также мать свою. Потом же Шапур замучил за Христа и сына своего Гаведдая, и дочь свою Каздою.

При Константине же принесены были из Иерусалима в Константинополь мощи первомученика Стефана. При Константине же Великом по откровению обрел Антоний Великий в пустыне Павла Фивейского, который ушел в пустыню в царствование Деция и Валериана.

Великий же Антоний ушел в пустыню в царствование Диоклетиана и пребывал там до Великого Константина, а в царствование сыновей его преставился.

В царствование же Константина Пафнутий Исповедник обрел Ануфрия в пустыне. В те же годы подвизались и Аммон Нитрийский, и Паламон, к которому пришел Пахомий Великий. Тогда же подвизался и Марк, которого прозвали Безсмертным из-за того, что 60 лет он от воскресенья до воскресенья причащался Святых Даров, и хлеба не ел, и на землю не плевал.

Царствование 2-е, Констанция, сына Константина, который царствовал в Константинополе

После Константина же царствовал Констанций, сын его, 11 лет. После смерти отца Констанций в арианство впал и принуждал Александра, епископа Константинополя, принять Ария в церковное общение. Алек-

сандр же никак не хотел принимать Ария и сказал царю: «Того, которого 318 отцов Церкви осудили и проклинали, не могу принять». И сказал царь: «Смотри же, о, епископ, как бы неволею не принять тебе Ария, ибо я повелю быть собору для обсуждения вас обоих».

Святой же епископ Александр двинулся скоро и ушел с глаз царевых, сказав: «Воля Господня да будет». И вошел епископ в церковь, и молился всю ночь перед Святым Жертвенником, и со слезами говорил: «Господи Боже, не дай бесстыдному волку и хищнику войти в Святую Церковь Твою, но осуди по справедливости неправедного скоро».

О разорвавшемся чреве Ария

На следующий же день сошлись все на собор в церковь. Арий же, идя с единомышленниками своими на собор, зашел к одному человеку в дом, расположенный у нижней части площади, где торговали одеждой, и внезапно разорвалось у Ария чрево и вышли внутренности его. Тогда разошлись все единомышленники Ария, посрамленные. Пастырь же добрый, епископ Александр, в церкви радостно святую службу совершил.

После же преставления Александра поставили благочестивые христиане патриархом Павла священника. Затем же восстал в Риме на Константа Магненций и убил его.

Тогда Констанций один остался царствовать во всей области Римской, и ариане при нем осмелели, и по их совету Констанций прогнал с престола епископского Великого Афанасия Александрийского.

И Павла из Царьграда прогнал Констанций, и сослал его в селение Кукуз в Армении, и затворил в темницу. И там, во время службы Божественной, удавили Павла ариане омофором, в котором он служил.

И поставил Констанций патриархом в Царьграде Македония духовборца. Этот же нечестивый многих благочестивых замучил различными муками во многих странах.

Констанций же испугался обширности владений и поставил Галла цезарем, племянника отца своего Константина, брата же Юлиана. Стал же Галл на Констанция восставать, и схватили его, и потом убит был Галл по повелению Констанция.

О Юлиане Отступнике

Юлиан же, брат Галла, чтецом был в Антиохийской церкви, и захотел он церковь построить Маманту мученику. И когда закладывали основание церкви, земля не принимала его, но на следующий день все основание оказывалось изверженным из земли, что предвещало будущее отступничество Юлиана, обличало его скверный ум и окаянную душу.

Этот Юлиан волосы постриг по-монашески и пошел в Афины. Царствовать желал он весьма и в Элладе волхва искал, который предсказал бы ему, что получит он царствование, которого Юлиан так желал. И вот подошел к Юлиану человек нечестивый, волхв, и сказал: «Сбудется твое желание».

И взял волхв Юлиана, и в капище идольское, в темное место отвел его, и призвал обольстительных бесов. Юлиан же множества призраков испугался и наложил на чело крестное знамение. Бесы же увидели это и исчезли. Уразумел же чародей, что сделал Юлиан, и разгневался на него, и сказал: «Не потому убежали бесы, что испугались крестного знамения, как ты думаешь, но убежали они, мерзость и неправду твою увидев». И так окончательно прельстил окаянного Юлиана чародей, и Божественное крещение кровью жертв идольских смыл с него, и так благочестия лишился Юлиан.

Констанций же снова побоялся один владениями столь обширными править, и посчитал он, что родственники надежнее будут чужих, и призвал Юлиана, брата Галла, и для укрепления союза с ним отдал за него сестру свою Елену, и назначил Констанций Юлиана цезарем.

И с Юлианом Констанций пошел войной на персов. Когда же возвратился Констанций из Персии, то назначил Юлиана самодержцем. Сам же Констанций умер в Киликии.

При этом Констанции царе знамение явилось на небе в полдень — образ Честного Креста ярче солнца сиял от Голгофы до Елеонской горы; было это при Кирилле патриархе.

При Констанции, в 25-й год царствования его, Василий Великий стал митрополитом в Кесарии, тогда было ему 37 лет, и занимал он епископский престол 8 лет. А Григорий Богослов в Назианзе был епископом. При Констанции подвизались и Антония ученики: Великий же Илларион и Макарий Египетский; при нем же подвизались и Макарий Александрийский, и Памва, и Феодор Освященный, при этом же самодержце подвизался и Ефрем Сирин, весьма знаменитый.

Этот Ефрем Сирин много писаний оставил, в них же тридцать тысяч стихов, которые поют сирийцы, и из-за сладкого этого пения так называемые вардисiane, еретики, от прелести своей избавились. При Констанции же Флавиан Антиохийский прежде всех в церкви на два хора петь повелел, и такое обыкновение распространилось во все концы вселенной.

О мессалианах. При Констанции же этот архиепископ Флавиан, видя, что отказываются мессалиане от своей ереси, но тайно прельщают ею, призвал из них одного старца, других же монахов оставил сна-

ружи. И сказал Флавиан этому старцу наедине: «Мы, о, старец, долгую жизнь прожили и опытни в духовных вещах, и можем понимать их и хранить их. Эти же монахи еще молоды и о духовных вещах ничего не знают, и духовным речам внимать не желают. Поведай же мне, как противный дух отходит, а Пресвятого Духа благодать находит вашими молитвами?» Старец же этими словами вдохновился, думая, что воистину хочет услышать от него об этом Флавиан, и изbleвал старец яд своей ереси. Божественный же Флавиан сказал ему: «Состарился ты во зле, обличили тебя скверные уста твои, а не я». И тогда всех мессалиан Флавиан изгнал из Сирии, и пришли они в Памфилию, и наполнили эту землю скверной своей ересью.

Царствование 3-е, Юлиана Отступника, который царствовал в Константинополе

После же Констанция царствовал Юлиан Отступник два года с половиной. Этот же Юлиан, родственник того Констанция, был прежде цезарем. Воцарился Юлиан при консулах Мамертине и Невитте. Был же Юлиан низкорослый, широкоплечий, с красивым носом и глазами, являлся же другом и сверстником Ливания, известного мудреца антиохийского. И пошел Юлиан с воинами своими на персов, и с войском большим, и спустился, и пришел к Антиохии, и взошел на гору, называемую Касион, которая от Антиохии в шести поприщах находится, и принес Юлиан на горе тысячи жертв богу Зевсу Касийскому.

И оттуда пришел Юлиан в Дафну, предместье Антиохии, и принес жертву Аполлону, и там прилег, и видел во сне отрока русого, который сказал ему: «В Азии умереть тебе».

Когда же пришел Юлиан из Дафны в Антиохию, то встретили его там вельможи и жители Антиохии, и кричали на него, и хулили, и криками своими заклинали его оставить их город. И разгневался Юлиан на антиохийцев, и пригрозил им, и сказал: «Вернувшись, расскажу об антиохийцах, что мятежники они». И написал Юлиан об антиохийцах сочинение, чтобы узнали все, в чем он укорял их.

И из города Антиохии вышел Юлиан, и пошел он войной на персов, и проходил мимо города Кира, и увидел, что у пещеры святого Дометия стоит народ, ради исцеления собравшийся. И спросил Юлиан: «Кто это?» И узнал он, что это черноризец, и что к нему собирается людей много, которые стоят, желая получить исцеление и благословение от него.

Послал же к святому Дометию Юлиан и, издеваясь над христианами, сказал: «Если из желания угодить Богу своему в пещеру вошел, то не угождай и людям, но один оставайся».

И послал ему ответ святой Дометий: «В руки Божии душу свою отдал, тело же на много лет в пещере этой затворил; идущего же ко мне с верою народа не могу отогнать».

И повелел Юлиан загородить выход праведнику из пещеры, и так скончался святой Дометий. И ополчился Юлиан на персов, и одолел их, и захотел идти до Вавилона.

Царь же Персидский Слунарсакый испугался и бежал в Персармянскую землю, и, чтобы обмануть римлян, послал к ним двух вельмож своих, и повелел им носы отрезать, и так послал к Юлиану, чтобы обмануть его, и чтобы не гнался он за персами.

Эти же два перса, с отрезанными носами, пришли, как будто сбегали от царя Персидского, якобы наказавшего их, и обманут был ими Юлиан.

Клялись же эти два перса, что говорят правду, и послушал их Юлиан, и пошел вслед за ними с воинами своими. И увели персы римлян в пустыню безводную на 150 поприщ, заманив их. В 25-й день дасия, то есть июля месяца, обрели там римляне развалины старых стен города, называемого Вувим, и другое село с находившимися в нем домами, также опустевшими, и называлось же село Азия.

Там же царь Юлиан и воины его устроили стан. Находясь же еще в Персии, послал Юлиан беса на запад, чтобы принес он ему весть скоро. И на пути удержан был бес, и не мог он дальше двинуться, ибо некоторые монахи стояли, руки воздев к Небу, и молились Богу 10 дней. Так и не смог бес дальше пройти и снова к Юлиану возвратился. Юлиан же спросил беса: «Из-за чего ты задержался?» И ответил ему бес: «Задержался я и не выполнил дела, порученного тобой, и вернулся из-за того, что на пути был остановлен Поплием монахом, ибо ждал я, когда перестанет он молиться, и, не переставая, он молился 10 дней и не дал мне исполнить волю твою».

И услышал это Юлиан, и разгневался весьма, и стал угрожать, и сказал: «Когда возвращусь, погублю монахов всех». Узнав об этом, один из вельмож Юлиана поразился и возвратился назад, и все свое имущество раздал нищим.

В тех же местах, куда пришли воины, не было им еды, и коням не было ни травы, ни воды, ибо была это пустыня. Поняли же все воины римские, что обманулся царь и завел их в пустыню, и в большом смятении пребывали.

На следующий же день, — было это месяца дасия, то есть июля, в 26-й день, — привели к Юлиану двух персов, обманувших его, и расспросил он их, и сознались они ему во всем, и сказали: «Ради отчизны и

царя своего, чтобы спастись ему, сами пошли мы на смерть и обманули вас. И вот, в твоей мы власти и готовы умереть».

И тогда Юлиан слово дал этим двум персам, что не убьет их, если выведут воинов римских из пустыни. Во 2-й же час того же дня посреди воинов ходил Юлиан и увещевал их, чтобы они прекратили смуту, и ранен был внезапно, и вошел в шатер свой, и той же ночью умер, как написал Марцеллин.

И обнаружили Юлиана лежащим ниц. Внезапно пущено было копье в него по молитвам Великого Василия Кесарийского. Меркурий мученик убил Юлиана, поскольку злые слова говорил тот о Пречистой Богородице. И проколота была у Юлиана мышца, и вошло же копье ему в ребра, и не знал он, кто убил его. И никто не знает до настоящего дня, человек или ангел это сделал, Божьей воли служителем став.

Этот же Юлиан дерзнул идольские капища открыть; и скверные службы в них стали совершать; Божьи же церкви разрушали до основания и христиан жестоко мучили. В городах же Аскалоне и Газе были мужи и жены святые, при жизни своей целомудрие сохранившие; и разрезали утробы их, и насыпали ячменя, и давали на съедение свиньям, и их внутренности и кровь вкушали нечистые. В Севастии же городе ковчег святого Предтечи открыли и огню предали, мощи же и прах святого рассыпали.

Юлиан же ополчился на христиан: внутри и около городов водные источники осквернял, окропляя их кровью жертв идольских. Также и на торгу продаваемое осквернял, окропляя идоложертвенной кровью и хлеб, и мясо, и овощи, и злаки, и прочее съестное. Это же видели христиане и стонали, и плакали. При Юлиане замучены были Порфирий лицедей, и Иувентин, и Максим, и Поплия, церковнослужительница из Антиохии, и Артемий Чудотворец, и Кириак, явивший Честной Крест царице Елене, а также Елпидий, Евстохий, Маркелл, Гемелл Пафлагонский, Матрена из страны Пафлагонской, Агафия из города Панорма, Евстафий, епископ Вифинский, Марк, епископ Арефусийский, Кирилл дьякон, и с ним Тимофей, епископ города Пруссы в Вифинии, а также Патермуфий, Коприй и Александр из Египта, Емилиан из города Доростола, Иоанн Воин, Евгений Антиохийский.

Царь же Юлиан, сев на престоле царском, внес такое изменение в обычай царский: капище наполнил углями и ладан поместил на жертвеннике перед лицом своим, и повелел каждому, кто хотел золото взять у него, прежде бросить ладан на угли жертвенные, и тогда только золото взять из рук его. И повелел нечестивый свое изображение подписать на монете: «Зевс» и «Арес».

И повелел Юлиан жидам построить храм в Иерусалиме, и, когда жиды собрались, Юлиан послал с ними князя, и много прислуги, и строителя; и круглые светильники и цепи серебряные велел он выкопать и послать.

Пришли же они на место и стали копать и землю насыпать, и было их много десятков тысяч, и ветры сильные и вихри поднялись на собравшихся, и разогнаны они были ветрами и вихрями в разные стороны.

И когда снова работать стали, огонь из основания выкопанного вышел и пожег очень многих.

В ту же ночь явился на небе образ Креста, светлообразно озаряя землю ту всю. Этот же образ увидев, жиды уразумели, что Бог гневается на них, и убежали, посрамленные, восвояси.

Когда Юлиан жестокосердный об этом узнал, то ожесточился он сердцем, как фараон. Евтихий же, летописец каппадокийский, военачальником был и наместником в своей области, над армянами; был же тогда и он в войске Юлиана и написал следующее. Пришел Юлиан на 15-й день в Персидскую землю, и через Евфрат он перешел, и одолел персов, и все захватил до города, называемого Ктесифон, где царь Персидский сидел.

И бежал царь в землю Персармянскую; и замыслил Юлиан с воинами своими идти на Вавилон, и на следующий день пошли они захватить его.

И когда спал Юлиан ночью, увидел он во сне, как муж некий, облаченный в ризы светлые, вошел к нему в шатер, в котором тот расположился возле Ктесифона, и ударил Юлиана копьем. И вскрикнул Юлиан, и ужаснулся, и пробудился. И вскочили спальничий Юлиана, и евнухи, и придворные меченосцы, и все воины, которые стерегли шатер, и вошли к Юлиану со свечами царскими, и увидели рану от копья ниже груди. И спросил Юлиан: «Как же называется село это, где стоит шатер мой?» И сказали ему: «Азия».

И тогда возопил он: «О, солнце, погубившее Юлиана!» И пролившуюся кровь свою зачерпнул Юлиан руками, и бросил он ее в воздух, и сказал: «Победил ты, Галилеянин, победил». И после этих слов вышла из тела скверная душа Юлиана, в 5-й час ночи.

И тогда воины Юлиана сказали: «Да не узнают персидские ратники о смерти императора». И пошли они в шатер Иовиана, главы придворных стражников, военачальника саном, который не знал о случившемся. И пришли за ним, и повели его в царский шатер, сказав: «Царь Юлиан зовет тебя».

И когда вошел Иовиан в царский шатер, то взяли его воины и поставили царем, в 27-й день дасия, то есть июля месяца, даже не дожидаясь

рассвета. Множество же людей, которые были в Ктесифоне, и те, которые вдалеке стояли станом, не знали о случившемся до восхода солнца. Умер же этот Юлиан 36-ти лет.

В ту же ночь видел в видении Великий Василий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, Небеса отверстые и Спаса Христа, на престоле сидящего, окруженного ангелами, и святого мученика Меркурия, стоящего перед ним, облаченного в доспехи железные светящиеся. И сказал ему Господь: «Иди и убей Юлиана царя, который восстал на рабов Моих христиан». И тотчас невидим стал Меркурий.

И снова появился Меркурий, и встал перед престолом Христовым, и воскликнул: «Юлиан заколот и умер, как повелел Господь!» И ужаснулся от этого крика Василий епископ, и вскочил, трепеща. Почитал же Василия Юлиан царь за его мудрость и, так как привык к нему, писал ему часто.

И вошел Василий в церковь на заутреню, и созвал всех церковнослужителей, и поведал им о таинственном видении, как заколот был Юлиан царь и умер этой ночью. И все умоляли Василия молчать и не говорить ничего такого. Затем же привезли тело Юлиана скверное в киликийский город Тарс и погребли его.

И возмутилась земля, и извержен был Юлиан. Евтропий же летописец несогласное с другими говорил об этих событиях в своем писании.

Царство 4-е, Иовиана, который царствовал в Константинополе

После же Юлиана Отступника царствовал этот Иовиан, сын Варрониана, семь месяцев, поставленный воинами там, в Персидских землях; было это при консуле Саллюстии. Был же Иовиан низкорослый, белый, с проседью. Был он христианин. Сразу же, как стал царем, сказал Иовин всем воинам, бывшим с ним, и боярам своим, и голосом громким воскликнул: «Если хотите, чтобы я был вам царем, то будьте все христианами». И восславили Иовиана воины все, и бояре, и военачальники. И тогда пошел этот Иовиан с воинами своими из пустыни в степь Персидскую, и размышлял он, как выйти из Персидских земель.

Царь Персидский Слунарсакый, не зная, что Юлиан убит, был страхом великим одержим и из Персармянской земли послал он к Юлиану посла, и умолял его, и о мире просил.

И согласился этот Иовиан, и установил дань, и заключил мир, ходатайством военачальника своего Аринфея, которого послал к царю Персидскому царь этот Иовиан.

И когда пришел Иовиан в Месопотамию, то всячески христианство укреплял, и поставил христиан князьями и воеводами по всему Восто-

ку, и повелел церкви христианские обновлять, и епископов и всех христиан из заточения выпустил.

И писал же Иовиан к Великому Афанасию, чтобы тот написал ему о правой вере, и сделал это Афанасий и написанное отослал Иовиану.

Спустя же немного времени повернул Иовиан к Константинополю с воинами скоро из-за зимы, ибо была она суровой. И когда подошел он к Галатской земле, то умер Иовиан своей смертью в селении, называемом Дадастана, в Киликии, и большой плач оставил по себе людям на шесть лет.

Царствование 5-е, Валентиниана и Валента

После же Иовиана царствовал Валентиниан Великий 12 лет, провозглашенный царем воинами в Никее. Он был изгнан Юлианом из войска, так как исповедовал благочестивую веру. Бог же воздал ему уже при жизни сторицей — вместо войска царство даровал.

Этот Валентиниан призвал брата своего Валента из паннонского города и поставил его царем в Царьграде и над всем Востоком, себе же взял Западные земли: Рим, Британию и прочие.

И ушел тогда Валентиниан благочестивый в старый Рим, Валент же собрал всех ариан и еретиком по пути отцов своих шествовал, а епископов в заточение послал.

И священников, и дьяконов, и монахов повелел высылать Валент из их городов, и из Александрии, которой Татиан тогда владел. Даже и на муки привел Валент некоторых православных и огню предал. При Валенте замучены были Никита, Амфилохий, епископ Иконийский, и священника два: Вафусий и Верк, и с двумя дочерьми, и с двумя сыновьями, и Арпила монах, и из простых мужей 12: Авив, Констанс, Агн, Реас, Игафракс, Иской, Сила, Сигиц, Сонирил, Суимвл, Ферм, Филл, а жен 7: Анна, Алла, Лариса, Моико, Мамика, Уирко, Анимаида; еще мучены были при Валенте: Савва Готфский, Исаакий священник, Урван, и с ним 80 священников.

Преставился же Василий Кесарийский в 5-й год царствования Валента. И Валент много скверного и жестокого, и хульного на Божию церковь творил, и это все после смерти Афанасия делал. А до этого, как некой добродетелью сдерживаемый, хотя еще прочим и угрожал, но никаким злодеянием против Афанасия не дерзнул согрешить.

Бывшие же в Константинополе правоверные христиане думали милость принять от Валента и дружелюбно послали к нему послов, когда он находился в Никомидии. Послали же 80 мужей духовного чина, из которых сообщаются имена троих: Феодора, Урвана и Медимна.

И всех же их, бывших в корабле, Валент сжечь повелел, и все сгорели в корабле, и даже и до селения Дакизис корабль целым доплыл и там уже разрушился.

Валент же всячески Церковь разорял и пошел в Кесарию, замышляя недоброе против Великого Василия. Василий же посрамил Валента премудрыми словами и умершего сына его воскресил, как сообщает Григорий Богослов.

Демосфен же, один из сообщников Валента, для беседы встретился с Василием и говорил, как варвар; и улыбнулся слегка святитель, и сказал: «Вот увидели мы Демосфена безграмотного». Готфы же сильно восставали на Валента, Валент же попросил Божественного Валентиниана, брата своего, чтобы послал он ему воинов в помощь. Тот же не дал ему воинов, но поносил его как еретика злокозненного, и сказал Валентиниан Валенту: «Не подобает человеку мятеж поднимать на Бога».

Об убиении монахов

В то же время, когда минуло 46 лет святительства Афанасия, многие подвиги совершив и многих венцов воздержания достигнув, он умолк, и принял престол его Петр, который, как прежде говорилось, разделял с Афанасием скорби.

Лука же епископ, приверженец ереси Ария, с рвением, как волк на овец, устремился. Петр же в Рим убежал, Лука же этот по человеческой крови шествовал, так что казалось, что и видимости службы не сохранится. В начале же вступления его на престол такое большое осквернение было девицам церковным, в воздержании бывшим, какого и в гонение эллинское не припомнить, чтобы было.

Не только же это делалось, но и пустыни разорялись. Гонения на преподобных и молчальников устроил Лука, 3000 человек собрал воедино и в пустыню послал с монахами воевать. И монахи мирских воинов увидели, и присланные противники же шеи монашеские склоненные рубили, и иного же не было слышно от монахов, но только: «О, друже, держай и делай то, ради чего пришел».

Чудо о хромом

В то же время подвизались монахи отцы, по житию и по чину старейшины, Макарий, Исидор, и другой Макарий, и Аммон, и Ираклий, и Антония ученики в Египте, больше же всего в пустынных местах Нитрийских. И были мужи, которые причащались, и жизнью и делами не с другими людьми, но с небесными ангелами пребывали. Я же их видел и об их деяниях рассказываю, и к страданиям их приобщиться сподобился. Эти мужи у своих жилищ лежали и с молитвами ожидали своих

убийц. Принесен же был к ним человек, расслабленный членами телесными, и ноги у него отсохли. И елеем помазали его и сказали: «Во имя Иисуса Христа, которого гонит Лука, восстань и ходи своими ногами». Тот же сразу встал, и вскочил, и благодарность воздал Богу, и пошел в дом свой к своим домочадцам.

Чудо о слепом

Незадолго до этого слепой один приведен был в хижину к Макарию, который находился в пустыне за три поприща. И пришел туда слепой, и с большим трудом привели его, и не застали Макария в доме, и в большом унынии пребывали. Тогда с большой верой сказал слепой поводырям своим: «Молю вас, подведите меня к той стороне стены, где старец почивал».

Когда же подошли они, слепой немного сухой глины взял, которой стена обмазана была, и на руки себе положил, и попросил, чтобы почерпнули воду ему из колодца, из которого пил старец. И тогда слепой глину с водою смешал и помазал ею глаза, и умыл свои глаза почерпнутой водой, и внезапно зрение получил такое, что не потребовалось провожатых, и исцеленный сам домой пришел. Потом же этот человек со всеми домашними своими пришел к старцу и Богу благодарность воздал, и рассказал, как он исцелился.

Чудо о гиене, дети которой прозрели. Пещера же была близ дома Макария, и гиена дала приплод в ней. В один из дней, поскольку щенята гиены слепыми оставались, вынес их зверь к Макарию и у ног его положил их. Понял же Макарий, что о слепоте щенят зверь просит, и помолился Богу, чтобы прозрение даровал Он им. И Бог дал щенятам видеть, и пошли они к пещере вслед за матерью своей. И потом вскоре со щенятами своими возвратился зверь, неся шкуру барана, и еще была шерсть на ней, как дар, в благодарность. Зверь к старцу в зубах шкуру принес, и положил он ее у двери, и ушел.

Этих Божественных отцов Лука на острова Египетских озер изгнал, на которых ни одного христианина не жило. И корабль с монахами к острову приблизился. **О девице исцелившейся.** Дочь же идольского жреца страны той была гонима бесом и потеряла разум, и пришла к кораблю, в котором находились святые старцы, и кричала воплями нечестивыми, и так бесновалась. И повелели же старцы выйти духу нечистому и отроковицу родителям отдали.

Пока же старцы жили на том острове, то в христианство православное обратили вскоре его жителей. Узнав об этом, Лука испугался, что всех старцы в христианство обратят, и тайно в свои жилища в пустыню повелел им идти.

О Моисее

Жена же одна, по имени Моавия, Сарацинская царица, христианкой была, происходила же из рода греческого. Захвачена она была пленницей, из-за красоты же возлюбил ее царь Сарацинский. И много лет в царствовании провела, и много зла грекам причинила, так что и воинов греческих погубила великими воинами своими, и города многие в Палестине и в Аравии захватила.

Умоляли же ее греки, чтобы мир она заключила. Она же, отвечая, сказала: «Только тогда будет вам мир, когда епископом монаха по имени Моисей поставите в стране моей». Тот же монах в пустыне с христианами пребывал и добродетелями и чудесами блистал.

Просьба царицы передана была царю Греческому. Царь же повелел военачальникам как можно скорее эту просьбу исполнить. И привели Моисея в Александрию, чтобы Лука поставил его епископом.

Моисей же отказался, и сказал: «Лука рук своих не возложит на меня, ибо вымазаны они были кровью святых». Осрамлен же был Лука и, народной нужде внимая, должен был умолкнуть и позволить, чтобы от епископов, изгнанных им, Моисей принял рукоположение, как и произошло.

И, когда поставлен был Моисей епископом, дали его Моавии царице, и многих из сарацинского племени христианами он сделал. Рассказывают же много об этом народе, откуда берет он свое начало и откуда получил имя, и что они в 13 лет обрезаются. В Эдессу же город, находящийся между реками, где учил Фома апостол, пришел Валент и увидел множество людей правоверных, из церкви изгнанных и на поле совершающих службу. И настолько разжегся гневом Валент, что своими руками бил по лицу управителя, поскольку не изгнан был оттуда народ христианский, как повелел им царь.

Управителю же досаждали эллины и царь, и побуждали они его казнить христиан. Управитель же, из-за человеколюбия, перед тем днем, когда он собирался выйти на погубление людей, явным это сотворил для горожан, ибо тайно весть послал им, чтобы береглись они и не шли на соборную службу.

Когда же пришел на следующий день управитель с великим военачальником, то, изменяя своему обычаю, устрашал людей и все делал, чтобы ни одного не погубить из людей. Однако увидел он, что еще больше народа на месте том сошлось, и люди все прибывали. И многие пораньше старались прийти, как будто боялись того, что кто-то не будет погублен смертью. Среди тех мужей жену идущую увидел управитель, которая, уходя, так спешила, что двери дома не затворила, и не

задержалась даже, чтобы прихорошиться по женскому обыкновению, как подобает, старательно. Несла же с собой жена младенца малого, и скоро бежала она, и воинов управителя старалась обогнать. Он же не мог сдержаться, и сказал: «Возьмите жену эту и приведите ее ко мне сюда». И сказал ей: «Убогая жена, куда столь рано торопишься?» Она же сказала: «На поле, где православный народ собирается». Он же ответил: «Разве не слышала ты, что управитель туда идет, чтобы всех, кого найдет, убить?» Она же сказала: «Слышала, потому и спешу оказаться там». Он же сказал: «Зачем же младенца тащишь?» Она же ответила: «Чтобы и сей младенец мучению за Христа сподобился».

Это услышав, управитель повелел подчиненным своим возвратиться и повозку царскую во дворец возвратить повелел.

Вошел же управитель к царю и сказал: «Если повелишь мне умереть, то готов я; дела же, которое ты мне поручил, совершить не могу». И все рассказал о жене и сдержал царский гнев.

В то же время из-за гонений нечестивого царя Валента, которые он на церкви Божии обрушил, с неприятелями войны опять начались. Готфы же, которые из своей страны шли плотно, теперь по всей стране Фракийской рассеялись и оружием города и села разорять стали с жестокостью. Тогда Валента, из-за жестоких напастей, стали хулить жители Константинополя и говорили они ему: «Почему не идешь на войну?»

Об Исаакии монахе

Когда же вышел Валент на войну, встретил его Исаакий монах.

И взял Исаакий за узду коня Валента и сказал: «Куда шествуешь, царь, на Бога вооружившийся? Открой церкви христианские и с победой возвратишься». Сказал же ему царь: «Если не открою, что будет?» И сказал Исаакий: «Не сможешь противостоять врагам твоим, но побежишь от лица их, и укроешься на сеновале, и заживо огнем сгоришь». На Исаакия же разгневался Валент и повелел его бросить в темницу, и пригрозил ему смертью, и сказал: «Когда возвращусь с победой, тогда казню его». Но не возвратился он, как Ахав при Михее пророке. Святой же Исаакий такого же пророчества благодатью исполнился, подобно ему и смерть царю перед всеми людьми предсказал.

Затем битва была с противником у Адрианополя, и побежден был Валент готфами полностью.

И бежал Валент с малой дружиной, и скрылся на сеновале с военачальником. Противники же, гнавшие его, зажгли сеновал, и так сгорел окаянный по пророчеству Исаакия. Царствовал же нечестивый Валент 3 года.

Валентиниан же Великий, верой и благочестием совершенный и целомудренный, в старом Римском царстве господствовал и жизнью страны управлял хорошо. Собору же в Иллирике повелел быть, который весьма Никейскую веру укрепил, и устав написал, и епископам, находящимся в Азии, и во Фригии, и в Кесарии, велел соблюдать устав; и соблюдали все. Валентиниан по уставу принимал в соправители брата своего Валента и Грациана, сына своего.

Написали же подобное в Иллирике сошедшиеся епископы. Когда же умер в Медиолане епископ, между правоверными и еретиками великий раздор был. Обе стороны с усердием великим к разному стремились, и было между ними великое разногласие, и обе стороны погибель бы в свой город принесли, если бы царская не удерживала их воля. И все еще продолжалось противостояние их.

Тогда же областью той Амвросий некий обладал. Скоро вошел он в церковь и остановить хотел раздор. Народ же вдруг оставил перепалку гневную и в один голос стал просить Амвросия в епископы, — был же он оглашенным, — и много говорили: «Объединимся, одна вера двум сторонам будет, если Амвросия епископом поставят нам».

Узнав же об этом, благочестивый царь Валентиниан повелел Амвросию креститься и епископом стать, о многих добродетелях его узнав.

И когда стал Амвросий епископом, такую песнь царь Богу вознес, и сказал: «Благодарю тя, Владыко Вседержителю Спасе наш, яко сему мужеву аз телеса, Ты же душа рукоположил еси, моя наречения права сотворил еси». И еще же то сказал, что князей неправедных Амвросий с яростью перед царем обличал.

Между тем на войну ушел Великий Валентиниан с савроматами, и из области Галльской в Иллирийскую он пришел, и стал ополчаться.

Послов же савроматы послали и мира просили. Их же Валентиниан увидел и спросил их: «Неужели все савроматы таковы телами?» Они же отвечали: «Поистине таковы те, кто среди них лучшие». И воскликнул громко Валентиниан, и сказал: «Тяжело Греческому царству придется, если эти савроматы лучшие так дерзают с греками воевать».

Кровеносные же сосуды разорвались в ноздрях Валентиниана, и много крови вытекло, и в крепости одной Галльской преставился он, болезнью охваченный, и внезапно умер.

Наследником же Валентиниан оставил царствию своему Грациана, сына своего, который августом был. Другой же сын Валентиниана, также Валентиниан, юным еще был и не сподобился царского рассуждения. Грациана же нужда заставила престол занять. Ведь начинали пытаться уже место царственное похитить, пока никто не пребывал на нем. Брат

же Грациана, Валентиниан, не мог еще в багряницу царскую облечься, но Проб, весьма верный, при Валентиниане все дела вел.

Царствование 6-е, Грациана, сына Валентиниана, который царствовал в Константинополе

После Валентиниана же царствовал сын его Грациан один год. Во времена же те землетрясение великое и страшное было, так что в Александрии отбежало море далеко, корабли же оказались на суше лежащими.

Множество же людей сошло на преславное зрелище; вода же опять возвратилась и вышла дальше обычного своего места, и утонуло 5000 человек. И в Александрию шествующих людей в кораблях покрыла вода.

И те корабли, что находились в реке Нил, выбросила на сушу река с большой быстротой на 180 стадий.

И еще же и Критские, и Ахайские, и Беотийские, и Эпирские, и Сицилийские очень многие земли пострадали, когда море вышло. И многие корабли на горы подняты были, на 100 стадий, когда уровень воды повысился.

Британские же острова и Африканские также и еще хуже пострадали. И стремительно терпела бедствия вся вселенная: одни земли от мора, другие от знаменья, третьи же морем потоплены были.

И еще же Адриатическое море и Ливийское далеко разошлись, и стеной вода стояла, и явилась суша. И тогда многие корабли, находившиеся в плавании, на дно бездны опустились и встали, и затем поднялись, когда вода вернулась.

Захваченный же землетрясением, город некий в Вифинии весь разрушен был, и вокруг него села, и труда много пропало. Также и город, называемый Герм, в Геллеспонте, весь до основания разрушен был.

Также пропастей много по местам различным появилось, так что из-за опасения в горах люди пребывали. И от бездождия же долгого люди и скотина погибали.

Царство 7-е, Феодосия Великого, который царствовал в Константинополе

После же Грациана царствовал Феодосий Великий и жена его Платидия 17 лет.

Тогда отец Феодосия, также по имени Феодосий, огромные полки из варварских воинов, ополчившись, победил, и усердно прошел греческие пределы, и поспешно устроил их.

Также и сын Феодосия надежды большие подавал, годами же был мал. Когда же в возраст юношеский вступил, то отец боярину одному,

по имени Амаксовий, верному и разумному, и уважаемому, отдал его в наставление. Этот же Амаксовий, получив на воспитание юношу, кротким учением и теплым утешением светлое молчание в жизни его утвердил.

Когда там еще пребывал Феодосий, то видел себя во сне, говорят, царским венцом украшенного и багряницею. Когда же Валентиниан старший умер, Максим гонитель в стране Галльской бесовство устроил и, какую-то причину выдумав, послал к Феодосию, старцу, победами исполненному, и повелел его казнить.

Феодосий же перед казнью принял святое крещение и, в бессмертие облекшись, преставился.

В то же время юный Феодосий, бывший саном дука, был поражен той же стрелой завистной, которой и отца его поразила Максим, и был он также несправедливо изгнан, но ему была сохранена жизнь, и сана же у него не отняли, и богатое имение собственное дано ему было в Испании, в отеческой земле, где он родился; и, поставленный повелением царским, там юный Феодосий в молчании и кротком житии пребывал.

Плацилла же тогда была царицей, и взял Феодосий ее себе в жены, и тогда от нее царей сотворил. Та же Плацилла «естественным промыслом славу похвальным доверяше».

Между тем Валент грамоту к царю Грациану послал, в которой повелел Феодосия прислать к нему.

Когда же шествовал Феодосий, то на пути своем узнал о смерти Валента, и вошел в город, называемый Сирмия.

Готфы же все страны и города без милости губили, греческие же воины бежали от них.

А Феодосий тогда пребывал в Сирмии, Грациан же призвал его. По совету бояр греческих, завидовавших Феодосию, Грациан послал его с малым войском противостоятъ стольким воинам диким. Хотели бояре привести Феодосия к гибели, принуждая царя почтить его саном воеводы. Царь же о злом умысле и о зависти совсем ничего не знал. Феодосий же считавшихся непобедимыми готфов полностью победил.

Вскоре же Феодосий перед царем предстал с великой победой и, по Божьему слову, царским венцом был увенчан, Грациан же венчал его на царство. И облекли в багряницу нового дивного великого царя. Поскольку же плечи его шире были, чем у всех людей, то различных царей ризы не подходили ему. Всех людей больше высотой был Феодосий, и всякая одежда царская мала ему была. Под конец же, Константина, благочестивого царя, багряницею его украсили, и со всех сторон подошла она ему.

Грациан же западные области себе и брату оставил, Феодосию же о восточных повелел заботиться. Много же благочестивый и доблестный Грациан управил. Максим же мучитель из Британии пришел на Грациана, ибо храбрым дукой был. В Лугдунуме же Грациан убит был, своими преданный скорее, нежели силою противников схваченный. Валентиниан же, брат Грациана, в Италии пребывал, из-за убийства же брата испугался и воевать с Максимом побоялся. И мир ему Максим предложил, которого и сам Валентиниан хотел, а потому с радостью принял.

Юстина же тогда, мать Валентиниана, арианской ересью была отравлена, к которой склонялась еще при жизни мужа ее. Красноречием же своим прельстила она сына, и с радостью открылась ему в своей ереси, и побуждала Валентиниана воинской рукой изгнать Амвросия Медиоланского, противящегося арианству делом и словом, и в ссылку послать его, и в церковь ввести раздор, и в разладе быть со святыми.

Человек же по имени Венивол, имевший высокий сан, словами царицы пренебрег и поясу воинскому и сану предпочел православную веру, пояс же к царским ногам поверг.

Максим же мучитель желал от оскорбительного имени «мучитель» избавиться и законным явить себя царем, и грамоту он послал, что Юстина, нечестивая и скверная, восстает на веру Божию и установления соборной церкви отвергает, и с этими словами начал Максим приближаться к Италии.

Узнав же об этом, Юстина из-за угрожавшей ей войны и, вместе с тем, из-за совести своей нечистой, обличавшей ее, в бегство обратилась и сама первая отправилась в изгнание, которое иереям готовила. Также, из-за скверной матери своей, бежал Валентиниан, и Италии лишился он, и из царствия своего был изгнан.

Пришел же Валентиниан на восток, и принят был благочестивым царем Феодосием, так что казалось, что он в странах тех царствует, а не в изгнании пребывает. Сразу же был Валентиниан Феодосием очищен от мерзкой ереси Ария, и излил Валентиниан яд нечестия, которым неразумная мать его напитала, и Христа принял, следуя верному наставлению Феодосия, и в уповании на веру был Валентиниан наставлен.

Учил же Феодосий Валентиниана, что войско не оружием устоит, а благими помыслами. Таково было слово Феодосия: «Знай, Валентиниан, многие же из благочестивых царей молились, и по этим молитвам воины победу принимали, противники же повиновались, чтобы делами своими не навлек беду на себя. Так, Божественный Константин с помощью Божией был возведен на престол и Лициния, Божьего гонителя, сам гонению подверг и погубил. Так и славный Валентиниан, твой отец,

благополучно царствием своим и невредимо от противников управлял, Бог же за Валентиниана, твоего отца, заступался в столкновениях бесчисленных и победы на неверных ему подавал, и тот Валентиниан множество варваров различных погубил. Валент же, твой дядя, так как Бога прогневал и осквернил церковь скверными убийствами святых и изгнаниями святителей и священников, то по воле Божией готфами побежден был и сгорел. Ты же еретическим именем гордился, идя на войну. Праведно во Христа верует Максим, но неправедно из царствия твоего изгнал тебя. А неверностью своей ты дал удобный повод Максиму напасть на тебя, ведь он только царя гонитель, ты же восставать стал на Бога, и мать твоя. Я подам тебе помощь. Но если Христа разгневаем, кому помолимся о победе в войне?» Так, и еще больше этого, наставлял Феодосий Валентиниана и в правоверную веру его привел.

Между тем мать Валентиниана умерла. Феодосий же, верности ради царской, и благодеяния Грациана помня, на помощь западу восточные войска поднял против Максима и отомстил за кровь праведного.

Валентиниана же Феодосий посадил на престоле царском в Риме, прекратив власть мучителя Максима. И сам Феодосий вошел в Рим, и отпраздновал победу, и в свое царство ушел.

В те же дни, в которые благой Бог возвел Феодосия, великого царя, и дал ему престол Греческого царства, взял же Феодосий себе в жены дочь царя Валентиниана, перед ним царствовавшего, Галлу Плацидию, вдову.

И родила Галла Плацидия Феодосию двух сыновей, Аркадия и Гонория. Когда же возросли отроки, подошло им время научиться святым книгам.

Житие святого отца Арсения

Послал царь Феодосий по всем областям своего царствия искать мужа разумного, и постника, и украшенного поистине страхом Божиим и богопознанием великим, и хотел ему передать своих сыновей Аркадия и Гонория, чтобы научил он их Божественному и человеческому писанию. Не хотел Феодосий сыновей своих отдавать туда, где и иные дети учатся, чтобы не научились его сыновья от других детей тому, чего Бог не любит, и не привыкали бы к словам бесполезным и вредным для ума. И так царь размышлял, и, как сказано было, старание приложил, чтобы обрести ему мужа такого. И повеление его разослано было по всей области его. И не смог Феодосий обрести никого же для своего замысла: то обретал мужа философа, но не боголюбца, то, наоборот, обретал мужа боголюбца, но не философа. Подросли же отроки, но и не думал Феодо-

сий об училище, но хотел к учителю послать сыновей, и был одержим стремлением, о котором раньше говорили, и не находил того, кого искал.

Послал же Феодосий в Рим к царствующему в Риме и просил у него найти такого мужа, и написал ему: «Великий мне дар будет от тебя, если ты это сделаешь».

Царь же Римский показал папе грамоту царя Феодосия и сказал: «Нехорошо нам не исполнить просьбы этой того, кто царствует с нами наравне. Срам будет нам и нашей области, если не обречем в великом Риме человека такого». И расспрашивали же, и разыскивали, и не обретали. Много же размышляли они об этом и не знали покоя из-за этого.

И сказал папа царю: «Есть у нас дьякон один, юноша, живет со своею сестрою, девою, имя ему Арсений, подобен тому, которого ищут. Его и пошли к царю Феодосию, о таком желает царь, да наставит чад его всякому разумению Божественного и человеческого. Но не знаю, захочет ли Арсений этого: уже нет у него времени, поскольку отказался он от учительского наставления и всех книг. Но если повелишь ты, то твоей властью призовем его и направим его на это».

Узнав об этом, царь рад был очень, и послал за Арсением, и призвал его к себе. Когда же тот пришел, сказал ему царь: «Узнали мы о жизни твоей в Боге и о добродетельном твоём житии, и постоянно слышим подтверждения весьма основательные об этом. Царствует же с нами Феодосий, и послал он к нам мольбу, прося прислать к нему человека такого, который сможет наставить чад его со всяким благочестием и мудростью. Из-за этого и призвали мы тебя, так как от Бога ты, и можешь ты наставить царских детей. Не изволили же мы иному об этих вещах говорить, но только тебе с твоими добродетелями». Арсений же отвечал царю, и сказал: «А не знает разве пресвятой отец наш, о благочестивый царь, наше уничижение, что нет у меня времени, и не прошел я внешнюю премудрость внимательно, и недостойно рукоположение это принял, и книги не раскрывал о таких науках».

Начал же Арсению папа говорить: «Истинные слова сказаны тобой христоролюбивому нашему царю, и знаем мы о них, что так оно и есть. Весьма же похвалили добродетельное твоё житие поистине. Но так как Божественное есть царское повеление, и Богу любезно то, что он ищет, умоляем тебя, чтобы пошел к нему для такого благого научения. Можешь же благодатью Божию, данной тебе, благочестиво и с любовью к благу наставить этих отроков, и не только в премудрости. Многому научишь их, обличая жертвы и скверность нечестивых идолов, которых богами называют чуждые нам эллины, чтобы не верили отроки

эллиническим басням, но бесами называли их и обличали их скверные мечтания».

Такими словами наставив Арсения, послали его папа и царь со многой славой и честью к благочестивому царю Феодосию. И написали Феодосию царь и папа же: «По повелению вашему послали человека, который может Божию благодатию научить возлюбленных чад ваших кротости, и всякой премудрости, и добродетели».

Арсений же, отдав свою сестру в девичий монастырь, отплыл в корабле в Константинополь.

И принял царь Феодосий грамоты и прочитал их, и призвал же Арсения. Разум же и обычай воздержания виден был в нем, красивый у Арсения был облик, покорный был у него взор и смиренный ум, в Божественном и в человеческом умудренный, и, попросту говоря, всякой добродетелью был Арсений украшен. И возрадовался царь радостью великою и сказал ему: «Являет же присущий тебе разум, и поведение, и речь, что переполняют добродетели тебя и благочестив ты, как и написали нам об этом царь Римский и пресвятой папа же. Так и видим: истину написали они. Ныне же хорошо знаешь, по какой причине послали тебя к нам, но и наша держава самолично скажет тебе, что прислали тебя к нам наших чад ради, да всякому благочестию и Божьему страху наставишь их, и еще же и мудрости всей в совершенстве их научишь. Не стесняйся же, и не сомневайся, и не смотри на то, что это чада наши, и далее не с царскими почестями к ним относись, но как к чадам своим и ученикам, и, если согрешат, побивай их».

И, это сказав, царь Феодосий привел Аркадия и Гонория и передал их в руки Арсению, и сказал: «Вот с нынешнего дня мой и ваш отец и учитель, повинуйтесь ему во всем, как отцу, и не ослушайтесь его, ибо сказал я ему, что, если отступите от его наставлений, или согрешит из вас кто перед ним, то чтобы бил такого, как ученика». И, это сказав, дал им Феодосий в царских покоях внутренних триклин, то есть большое помещение, и там пребывать им повелел. Это же задумал для них, чтобы часто посещать их. И великим почтением окружил Феодосий Арсения, и сделал его главным во дворце, так что никого же не было во дворце, кто бы в более красивых, чем Арсений, ризах ходил, и, проще говоря, стал Арсений отцом царю и домашним его.

Арсений же принял Аркадия и Гонория и воспитывал их благочестно, уча их всякой премудрости Божественной же и человеческой. Смиренный же был во святых Арсений, и не относился к царевичам, как к ученикам, но как к царям, усаживал их на украшенные престолы, а сам, стоя перед ними, учил их.

В один же из дней вошел царь внезапно к Арсению и увидел его стоящим, чад же своих сидящими, и вознегодовал Феодосий весьма на Арсения и сказал ему: «Не говорил ли я тебе, чтобы во всем не как к царям, но как к ученикам относился к отрокам? И что же ты делаешь? Весьма опечалил ты нашу державу этим».

Арсений же царю сказал: «Не изволил я так сделать, о, царь, ибо нехорошо так и Богом не утверждено, чтобы мне сидеть, царям же передо мной стоять». Царь же разгневался на слова эти и отвечал, повысив голос, Арсению, и сказал: «Ты ли их поставил царями? Разве не как детей и рабов передал я тебе их? И как же ты так отвечаешь?» И, сказав это, царь тотчас снял с сыновей своих венцы, которые были на головах их, и поверг венцы на землю, и заставил сыновей подойти и поклониться Арсению.

И посадил Феодосий Арсения на престоле, Аркадию же и Гонорию перед ним стоять повелел, и сказал: «Если будут бояться Бога и в законе Его шествовать станут, и хранить заповеди Его, то силен превечный Царь, если на то воля Его будет, дать им сан сей. Если же не будут иметь страха Его, то помолюсь Богу, да искоренит их сразу, измлада, ибо лучше умереть в благочестии, нежели царствовать в нечестии».

И, сказав это, царь ушел в покои свои. С того же времени Арсений, боясь царя, больше не велел отрокам сидеть, но только стоять перед ним и так учиться. В таких условиях пребывая, святой Арсений печалился и скорбел, ибо был он ненавистник славы и боголюбец, и желал больше всего монашеского постнического жития. Так что молился Арсений Богу часто со слезами, чтобы устроил ему каким-либо образом уйти из мира.

В один же из дней святой Арсений обнаружил Аркадия, впавшего в некоторое согрешение, как и всякое дитя. И, приведя его, он запретил ему это делать и рану лютую рукой нанес ему, так что и до смерти след от этой раны оставался на теле его. Аркадий же с того дня, в который был побит, пребывал в великой злобе на Арсения, и призвал он меченосца своего, и, приказывая, сказал ему наедине:

«Каким-либо способом, каким хочешь, погуби Арсения, чтобы не узнал никто же».

Меченосец же, выслушав Аркадия, согласился и, страх Божий в сердце своем имея, поведал Арсению об убийстве, которое Аркадий совершить повелел. Арсений же, скорбью одержимый, молился Богу, говоря: «Господи, наставь меня, как спастись». И каялся Арсений о ране, которую нанес Аркадию. Мало же дней минуло, и меченосец донимать стал Арсения, говоря: «Иди и каким-либо образом спаси себя».

Арсений же беспрестанно Богу молился, и был ему Голос, сказавший: «Арсений, беги от людей и спасен будешь». Арсений же, услышав этот Голос, никому же ничего не сказал, но в одежду худую облекся, и спустился к пристани, и, по Божьему усмотрению, обрел корабль, и вошел в него, и прибыл в Александрию.

И постригся Арсений в монахи, и пошел в пустыню скитскую, и стал там жить, и там пребывал в различных подвигах.

И пришел Арсений к Иоанну Колову. Старец же хотел испытать его и, когда вкушал пищу с другим братом, Арсения оставил стоять, и поверг ему ломоть хлеба. Арсений же подошел на четвереньках и, взяв хлеб, съел, как пес; и спросили его об этом, он же сказал: «Уразумел старец, что пес я, и из-за этого поверг мне ломоть, как псу, и я, как пес, взял и съел его». Увидев же это, старец сказал: «Этот совершенным иноком хочет быти».

И когда в ските был, то снова помолился Арсений: «Господи, наставь меня, как мне спастись». И услышал Голос, говорящий ему: «Арсений, беги, молчи, безмолвствуй, ибо это есть корень безгрешия». Уразумел же блаженный, что не только от мира, но и от иноков требуется ему бежать и пребывать в безмолвствии, и с этого часа никого не оставил беседовать с собой.

Царь же Феодосий весьма опечален был об отшествии Арсения, и написал же указ повсюду, здесь и там, искать его, и не смог найти его даже и до смерти своей.

Когда же царствовали Аркадий и Гонорий, то поведали им, что Арсений находится в Египте, живет монашеской жизнью и в добродетели пребывает. И написали цари к нему многие послания, умоляя его, чтобы помолился о своих чадах и учениках.

Написал же Аркадий еще, умоляя Арсения, дабы простил прегрешения его, которыми согрешил Аркадий перед Арсением, замышляя убить его. Желал же Аркадий увериться, что простит его Арсений, и написал Арсению письмо, в котором поклялся взять у правителя Александрийского, по имени Августалий, дани египетские и раздать их, кому повелит Арсений, чтобы только простил он Аркадия и помолился о царствии его и Гонория, брата его, и чтобы в ответ написал ему хоть одно слово.

Во святых же отец наш Арсений написать царям не захотел, слово же им такое послал: «Бог, чада, всех вас да простит и даст вам творить Божественную Его волю. А что написали мне о золоте, то ведь я для мира умер, так что пусть не считает меня никто же, что я еще в житии сем нахожусь».

О святом вселенском втором соборе; от первого собора до второго прошло 60 лет

Святой второй собор вселенский был в Константинополе при царе Феодосии, было на нем святых отцов 150.

Григорий же Богослов епископом был тогда в Константинополе. Не хотел же он этого, но на престоле епископском посадили его, и принудили его. И от прелести еретической город тогда освободился. Немногие же люди в Египте были недовольны,

узнав об этом. Слово же Божественный Григорий составил и, сказав его, по своей воле из епископского служения ушел. Когда же Григорий от епископства в Константинополе отрекся, Нектария же епископом царь и собор нарекли. Из Тарса был Нектарий родом, и был высоким сановником, и обладал властью. Был же он даже не крещен до того времени, честен же был и благообразен, и житие его было удивительным.

Великий же Григорий ушел в Арианз, село каппадокийское, которое получил в наследство от отца, и там поселился, и в молчании пребывал некоторое время и в премудрости высшей, и в мир иной перешел старцем, исполненным дней. Всякой же добродетели Григорий преисполнен был.

Второй же собор был в Константинополе, 150-ти святых отец, и было это в царствование Великого Феодосия, при Дамасии, папе же Римском. На соборе же говорили старейшины: Нектарий из Константинополя, Тимофей Александрийский, Мелетий Антиохийский, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. Выступали они против Македония духоборца, бывшего епископа Константинополя. Этот Македоний, еще когда был с Арием, богохульствовал, также и Духа хулил, говоря о Нем: «Несть Бог истинен, но тварь». Это выслушали на том соборе собравшиеся и поставили в Константинополе епископа, а Македония прокляли, и с ним и Савеллия Ливийца, который едино Лицо славил во Святой Троице. И еще же прокляли на соборе Аполлинария Лаодикийского, который говорил: «Вочеловечшуся Слову неразумну существу, в разума же место Слово в души родися». Собор же постановил: «Дух Святой Бог есть Животворяй, Единосущну Отцу и Сыну». И прибавили это на соборе, и к изложенному бывшими в Никее отцами святыми приложили о Святом Духе: «и Святое, и Животворяй» и прочее.

О Амфилохии епископе

Тогда великий Амфилохий, епископ Иконийский, умолял царя Феодосия, чтобы начальников еретиков послал он во изгнание, а ариан из всего царства своего выгнал бы и собрания их разогнать повелел. Царь

же сказал, что немилосердно и жестоко это прошение, и не послушал его.

Премудрый же Амфилохий тогда промолчал; вскоре же пришел к царю, сидевшему с сыном своим Аркадием на престолах, и, войдя, Амфилохий сказал: «Радуйся, царь», и поприветствовал его, и не добавил: «Радость сыну твоему», презрел же сына и не поприветствовал его. Тогда царь вознегодовал и сказал: «Разве и он, как и я, не царь?» И обиду сыновнюю как свою Феодосий воспринял. «Запомни же притчу сию, — Амфилохий сказал царю. — Видишь, царь, как ты не стерпел сыновнего бесчестия. Поверь же мне, что так и Богу мерзки и нестерпимы те, кто на Сына Его хулу говорят».

Сие царь уразумел и повелел всех еретиков изгнать с угрозами, и собрания их разогнать, а Македония, Савеллия и Аполлинария на неоседланых верблюдах посадил и с бесчестием в заточение послал. Народ же вопиял: «Сожжем беззаконников огнем», и не дали им сего сделать, но в различные области послали начальников еретиков в заточение.

О Амвросии епископе и о Феодосии царе

Позавидовал же ненавистник добра сатана добродетели и благочестию великого царя Феодосия и вверг его в жестокое и бесчеловечное кровопролитие. Шествовал же царь Феодосий от Царьграда в Рим.

И в город Солунь вошел Феодосий, через который лежал его путь. Воины же царские возмутили город из-за обитателей, в которых они хотели почивать.

Солуняне же воздвигли мятеж из-за этого и царю досадили, хуля его, а некоторых из бояр камнями побии.

Царь же, узнав об этом, весьма разъярился и правителя города того повелел казнить, поскольку, такой властью облеченный, не смог остановить он бесчинства народа.

Царь же, яростию движимый, неправедно оружие обнажил и без всякого расследования 7000 убил — неповинных с повинными. Такое злодеяние совершив, пошел Феодосий в Италию, то есть в Рим.

И пришел Феодосий в город Медиоланский. Узнал же об этом злодеянии Амвросий, епископ Медиоланский.

Когда же хотел царь по обычаю в церковь войти, встретил перед дверьми его Амвросий с дерзновением и не дал ему войти, и сказал: «Не разумеешь ли, о, царь, что сотворил ты такое убийство великое! Не дает тебе тленного царствия власть уразуметь всю величину твоего греха! Разумей же, что кратковременно твое царство, о котором же вскоре ответ дашь Царю царствующих. Которыми очами узришь всеоб-

щего Владыки церковь? Которыми ногами вступишь на святой помост? Как руки поднимешь, с которых капает еще кровь без вины убитых? Как же такими руками примешь ты Тело Владычне? Как же и устами своими примешь ты Честную Кровь? Ведь из-за одного слова из этих уст, сказанного в незаконной ярости, столько крови пролилось. Так что отойди и не пытайся вторым первое умножить беззаконие, и не приходи ко Причастию, и прими сии узы духовные, и Бог Всевышний да будет свидетель этому».

Сие услышав, царь, плача и рыдая, отошел в царские палаты, бывшие в Медиолане, и пробыл 8 месяцев в них, каясь весьма и плача.

На праздник же Христова Рождества увидел Руфин магистр, что по обычаю проелевсис, то есть шествие, не хочет совершить царь, и сказал ему: «Пойду, владыка, к иерею и помолюсь ему, да разрешит тебя от уз сих, если повелишь». Феодосий же сказал: «Я ведаю Амвросиеву строгость, так что не послушает он тебя». Много же говорил и убеждал царя Руфин, и сказал: «Умолю я Амвросия». И повелел Руфину царь идти к нему.

Надежда же и у Феодосия появилась, и недолго он сдерживал себя, и последовал за Руфином. Увидел же Амвросий Руфина и сказал: «Песьему бесстыдству подражаешь, о, Руфин, к столь великому убийству делаясь причастным! Но я, как и прежде, скажу, что снова не дам Феодосию войти даже в преддверие Святыни».

И, это услышав, Руфин с вестью сей послал скоро посланца к царю. Царь же шел и был на пути к церкви и, это услышав, сказал: «Пойду к церкви и достойные сразу прииму муки».

И пришел Феодосий к церкви, и молил архиерея разрешить его от уз. Архиерей же сказал: «Силой власти своей сие творишь и на Бога войной восстаешь». Царь же сказал сокрушенным голосом и со многими слезами: «Не с яростью пришел на святой праздник, но умолять пришел, чтобы ты разрешил меня от уз». Сказал же Амвросий: «Какое же покаяние показал ты после стольких беззаконий? Какими лекарствами исцелил неисцелимые струпья?» Царь же сказал: «Твое это дело, чтобы приготовить потребное врачевание, мое же — принять его горечь».

Тогда сказал Амвросий: «Поскольку, яростию побежденный, скоро, без расследования, сотворил ты таковое кровопролитие, напиши закон, чтобы яростию и без расследования ничего не совершалось, но всякие людские дела о мятежах и убийствах до тридцати дней расследовались бы справедливо». Царь же повелел написать такой закон и перстнем своим запечатлел.

Тогда Амвросий разрешил Феодосия от уз и в церковь позволил войти и молиться не стоя, и не преклонив колени, но ниц на земле лежа,

и с воплем повелел взывать: «Прильпе земли душа моя, Господи, живи мя по словеси Твоему». И руками терзал Феодосий волосы и бороду, и, головой ударяясь, слезами смачивал землю до времени Причащения. Бояре же и весь народ пользу душам своим от этого получали и с Феодосием рыдали и плакали.

Когда же царь, желая приступить ко Святым Тайнам, встал близ святых дверей алтаря, собираясь войти, Амвросий же послал к нему, и сказал: «Ведай, царь, что одним иереям можно входить во внутреннюю часть храма, для прочих же она неприкосновенна и недоступна. Царям же царское, а не иерейское делать подобает, так что вне алтаря оставайся и со всеми равно причащайся».

Феодосий же и это принял с радостью и Амвросию отвечал: «Я не сам по себе сие сделал, но в Константинополе научен был, ибо такой там обычай есть. С благодарностью же я принимаю и это врачевание». Блистали же добродетелями архиерей же и царь.

Когда же вошел царь в Константинополь, и празднество было в нем, то в алтарь не вошел он. И Нектарий патриарх послал к Феодосию и узнать хотел причину, и ответил царь: «Едва между царем и иереем разнице научились мы; Амвросий поведал, единственный, кто епископом по достоинству называется».

О кумирах Антиохийских

Беззаконные некоторые мужи во Антиохии царские кумиры сокрушили и в великую ярость привели царя.

И, разгневавшись, царь, послал бояр, чтобы умучили они живущих в городе. О пришествии этих бояр узнав, горожане убежали.

Сошли же с горы монахи и гнев царя на милость переменили. Об этом же Златоуст следующее говорит: «Когда некоторые, скверные и прескверные, законы попрали и сняли царские кумиры, то на остальных всех навлекли беду. И когда бояре, посланные царем для расследования случившегося, на страшное то собрались судилище, и всех дерзновенных виновников призвали к ответу, то смерть различную ожидали все».

Тогда на горах пребывавшие монахи явили премудрость свою. Столько лет в своих куцах и в вертепах пробыли они, и никто же не просил их, и не сговаривались они, но сами, поскольку увидели, что таким облаком город обложен, оставили свои кущи и вертепы, и отовсюду сошлись, как будто с неба кто-то сошел. Тогда всюду святые эти являлись и уже лицами своими укрепляли бедствующих, умолявших их о помощи, и всякими способами напасть отводили. Увидев их, всякий бы тотчас перестал бояться смерти и за жизнь свою опасаться. С князьями

эти монахи с дерзновением беседовали о повинных, и свою кровь были готовы за всех пролить, чтобы бедствующих избавить от ожидающих их казней. Так и случилось.

Где ныне во искусства облачившиеся, и глубокий мрак показавшие, и палки в десницах держащие, ложные философы, песье отребье, которые под столом псов хуже и ради чрева все делают? Ибо жившие в городе в пустыню все убежали и скрылись, и от своего имущества отреклись; сии же монахи одни делами своими истинную премудрость явили и, когда все сошлись, посреди они встали, и зло разрушили. И не много дней собирались, но в один день сошлись, и беседовали, и, напасть разрушив, обратно ушли они в жилища свои. Такая от Христа дается премудрость людям».

О главе Иоанна Крестителя

При Феодосии же честная глава Крестителя Иоанна в Константинополь принесена была; обретаема же она была сначала у двух монахов, бывших в ереси Македониевой, которые из Иерусалима пришли и в Киликии пребывали.

Когда же Мардоний скопец об этом узнал, то послал весть к Валенту царю, и стали переносить честную главу, по повелению царскому, в Константинополь; послали же ее, возложив на колесницу.

И дошли посланные до гостиницы. На следующий же день хотели они продолжить путь, но далее не трогались с места того мулы. Тогда положена же была святая глава в Косилайской деревне, так как не позволил Бог, чтобы такового дара сподобился Валент.

Феодосию же, благочестивому царю, Бог, воздавая по заслугам, позволил принести честную главу в Константинополь. Повелел же ее царь в одном месте положить, где и церковь прекрасную и большую построил. При Феодосии замучен был Капитон, епископ Корсунский. Также тогда подвизался Кириак Отшельник из города Коринфа, сын Иоанна пресвитера и матери Евдоксии.

О капище Александрийском

Во Александрии же было капище эллинское; Феофил же архиепископ просил разрешения у Феодосия очистить это капище и в церковь превратить. Перед народом же обличил Феофил эллинские любоддеяния, и лукавство, и безумие их, и скверность.

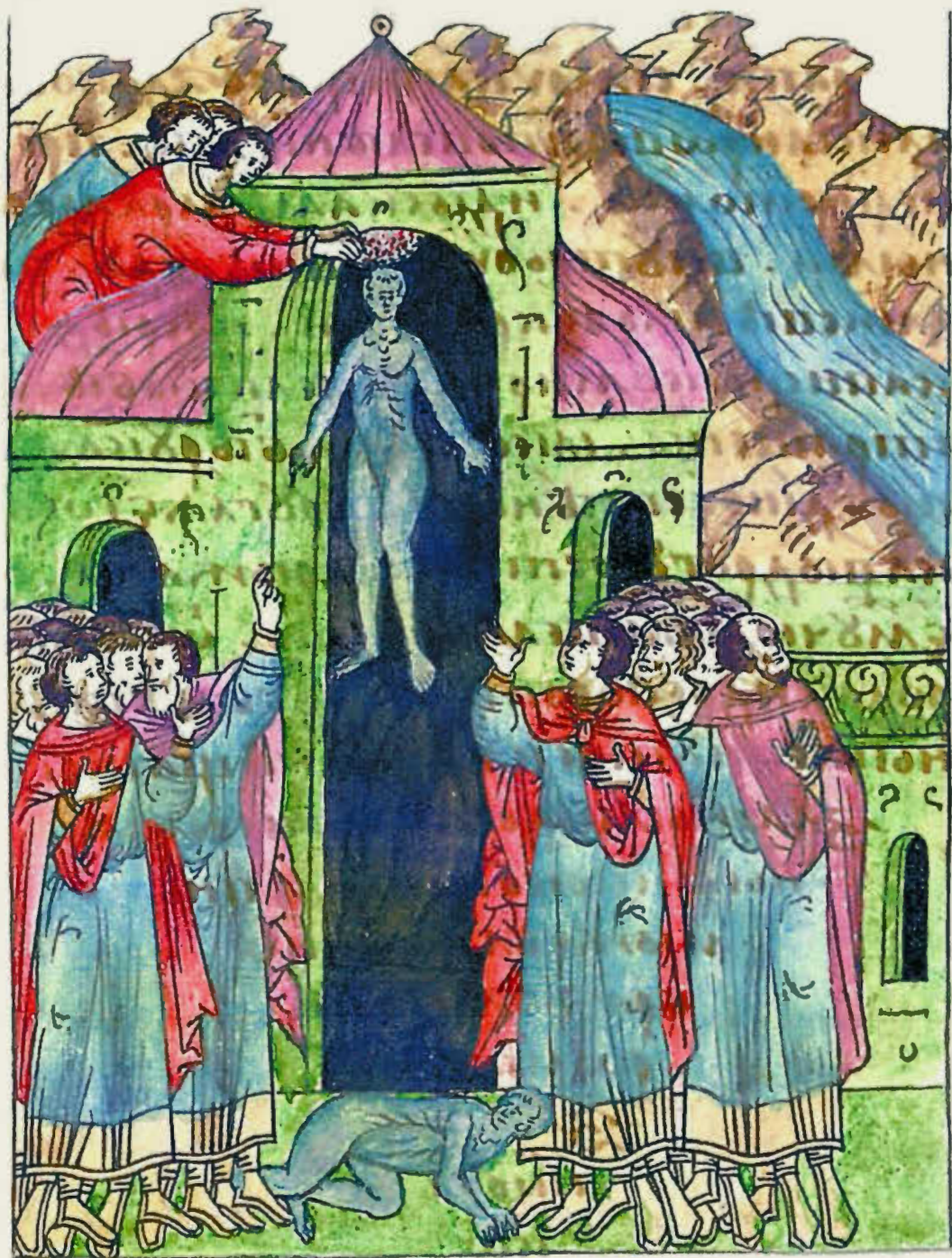
Этому подивился народ эллинский, и возмущился, и много убийств совершил. О бывших же убийствах узнал Феодосий и убитых христиан прославил как правоверия ради убиенных.

Эллинов же изгнать повелел Феодосий или простить, если в христианство перейдут; утварь же эллинских капищ очистить повелел и для пропитания раздать убогим всем.

Когда же капище Сераписа разрушали, то иероглифические надписи обрели, христианский имеющие образ. Их же увидели христиане, перешедшие из эллинизма. И, видя образ, приступили эти христиане и говорили: «Это знамение Креста для знающих грамоту иероглифическую говорит: "Жизнь приходит"». В капище Сераписа, которое разрушил архиепископ Феофил, был разрушен и кумир Сераписа. О нем одни говорили, что это Зевс, иные же — Нил, поскольку сосуд на голове его был; и за нашего Иосифа принимали его некоторые, и за Аписа некоего, бывшего богатым человеком, как рассказывали, в Мемфисе городе, или царем в Египетской стране. Когда же голод был среди горожан Александрийских, тот Апис из своих запасов пищу раздавал. И когда же умер он, капище создали, где питался вол пахаря, имевший знак на шерсти особенный. Тот же вол также именем этого человека и сам назывался — Аписом. Гроб же этого Аписа, в котором тело его лежало, в Александрию принесли, и слова «гроб» (по-гречески — «сорос») и «Апис» сложили и имя составили и называли гроб с телом Сераписом.

После же тех жившие люди стали называть бога Сераписом. Ему капище построено было Александровым повелением, с превеликими столпами и плитами мраморными, изнутри и снаружи великолепно украшенное. Посреди же капища кумир Сераписа огромный был и страшный, так что правая его рука за одну стену, а другая его рука за другую стену держались. Этот кумир из чудесных веществ всякого рода и дерева сотворен был. Стены же внутренние капища того золотыми щитами и серебряными были окованы. В этом же капище обман образом некоторым был устроен, и был этот злодейский обман таковым: камень некоторый есть, магнит называемый, который имеет естественную способность привлекать к себе железо. Кумир сделали огромный из меди, и в голову его железо изнутри прибили, камень же сверху в свод высокий вложили, и измерили так, чтобы естественной силой кумир привлекался камнем к себе, ибо вверху висел камень, и кумир, большой силой и художеством удерживаемый, был над землей в капище том, и удивлялись ему весьма, что не падал он. Когда же тот кумир разрушили и сбили, а Нил же река не разлилась, как обычно, то радовались эллины, говоря: «По этой причине не разлилась река».

Об этом узнав, царь Феодосий благочестно отвечал: «Так, река и капище, бесовским жертвам радуясь, на землю раньше воду изводили». Бог же его веру принял и больше требуемого повелел умножаться воде. Вода же в страх и отчаяние привела Египет; боялись, как бы и Алек-

сандрию саму не потопила вода. Это же и про Артемиду говорил некоему Великий Исидор: «Итак, восхотел ты узнать о словах: "Кто не ведает Эфесского града кумирожертвен быв великия богиня Артемиды и Диопетуя". Разумей, что не из Писания эти слова, но книжника Эфесского, а потому излишне, думаю, это словотворчество обманщика толковать. О ком-то из таких, думаю, Псалмопевец сказал: "Исповедаша беззаконницы блядство, но не яко Закон Твой, Господи". Если же любезно учение тебе, и хочешь многознающим быть, то и об этом тебе расскажу.

О кумирах эллинских

У эллинов люди делали кумиры и, страх нагнать желая на тех, кто видел эти кумиры, говорили, что кумир с небес Зевсом послан был и слетел, и лучше он всякого изделия, созданного человеческой рукой, и не погибнет он, а потому и "диопетом", то есть "упавшим с неба", и "небесным истуканом" его именовали; истуканом же (по-гречески "вретас") именовали, поскольку о человеке (по-гречески "вротос") ему было ведомо, что на самом деле было не так. Такая о кумирах суетная и обманчивая слава шла, а кумиротворцев или губили, или убегали они в иные страны, чтобы никто же не сказал, что рукотворен кумир, но все верили, что он нерукотворен, и эту молву лживую обманщики в уши людям вкладывали. Этой-то ложью Эфесский город и прельщался. О том же, что воистину убивали кумиротворцев, свидетельствует то, что совсем недавно было в Александрии.

О кумирах Египетских

Когда в Египте был Птолемей, то собрал художников, чтобы сделали ему кумир Артемиды. После же окончания работы, яму большую ископав и обман скрывая, повелел Птолемей художникам в ней вечерять. Когда же они там вечеряли, то засыпаны были и умерли, и достойную мзду за деяние свое прияли. Птолемей же не хотел явить тех художников, потому что не хотел, чтобы все считали рукотворным этого мнимого бога, которого нерукотворным он нарек. И так сотворил Птолемей. И вот, наш Владыка и Бог вскоре явил прескверное его убийство, и землетрясение великое было, и капище пало, вместе с тем и яма исторглась, и явлены были орудия прельщения. А из всех городов Египта в городе Канопе самое большое идолослужение было. И говорят, что было там чудо некоторое. Некие были раньше халдеи, которые своим богом призывали огонь, и почитали его, и всюду разносили весть о нем, что, если богов всех стран собрать, то одолеет их огонь, а потому всеми да почитается огонь богом. Иных же стран боги или из меди, или из золота, или

из серебра, или из дерева, или из камня, или из иного вещества сотворены; все же это, как ведомо везде, легко сгорает или плавится или раскаляется в огне, так что всюду действительно одолевал огонь.

Это же узнал жрец города Канопы и злокозненную такую вещь некую замыслил. Сосуды глиняные в стране Египетской придумали делать с частыми отверстиями узкими, через которые мутная вода процеживалась и становилась чистой. И из тех сосудов глиняных один сосуд взял жрец канопский и отверстия те залепил воском, и различными красками украсил, и наполнил водой, и поставил как бога. И отсек у старого кумира голову — говорили, что это был кумир бывшего у Менелая некоторого кормчего, — и тщательно приложил, и приделал ее к сосуду. Пришли же затем халдеи и зажгли огонь перед сосудом тем, и воск, которым были отверстия залеплены, растаял, когда сосуд стал горячим. Тогда вода из отверстий полилась и погасила огонь. Такими кознями злыми жреческими богу халдейскому победитель явился, и с тех пор Каноп почитаться стал».

Ныне же, когда пришел Феофил, архиерей Божий, ни единая же капля на пользу не была жрецам, ни злокозненные их ухищрения, но все их кумиры сгорели и на земле развалились.

Когда же так все это устроилось, и весть дошла правоверному царю, что идолы египетские разрушены и на их месте церкви созданы были, царь же воздвиг руки к Небу и сказал с великою радостью: «Благодарствую Тя, Владыко Христе Боже наш! Без погибели города этого великого так погашено было идолослужение». Между тем Валентиниан царь, в западных странах в царствовании пребывая, душой в силу возраста своего горячий, жизнью пренебрег и удавился, и окончил житие свое. Причину же этого даже и донныне не ведаем. Некоторые же говорили, что это было умышленное отравление военачальником Валентиниана Арбогастом, и так говорили все. Некоторые же говорили: «Не виноват военачальник в сем ненавистном деле», а вину же в сем преступлении возлагали на юношу разгневавшегося, поскольку не давали ему царствием владеть из-за того, что юным он был и еще не был готов самостоятельно над всеми царствовать.

О Иоанне Постнике

Феодосий же весьма этой бедою разжегся, и оружие взял против Евгения, на место Валентинианово вступившего, и за меч взялся по Божьей воле, которую уведал царь от Иоанна, монаха и постника, египтянина. Сей Божественный муж в возрасте девяноста лет тогда был, в вертепе пребывал, он ни сам не исходил из келии своей, ни иного принимал внутрь, благословлял же только и через дверцы приветствие по-

давал к нему приходящим, и то не всегда, но два раза в неделю, в субботу и в воскресенье.

А в прочие же дни не видим был Иоанн никем же из людей, но только посту, и бдению, и молитвам прилежал он. И видеть можно было, что у блаженного сего все тело его иссохло от крайне суровой жизни, ибо он не ел иного ничего же, но только немного злаков и овощей после захода солнца. О хлебе же, и о вине, и о масле, и о том, что на огне нужно готовить, излишне и говорить — ничего такого он не ел. В таких-то свершениях ночевал и дневал преподобный, и ведомо всем стало, что пророческой благодати он исполнен. Пророчествовал он о будущем и о том, о чем люди тайно размышляли, и еще же и о Ниле реке, какое лето урожайное, а какое неурожайное, и о гневе или напасти, приходящих от Бога, проповедовал, и согрешающих с дерзновением обличал. Что же много говорить? Невозможно устам и разуму человеческим исчислить чудеса Иоанна и бездну его добродетелей.

К сему богоносцу послал царь Феодосий, и звал его потрудиться, и умолял даже его, чтобы, с его молитвами шествуя, против неприятелей начать войну. Иоанн же от шествования к Феодосию воздержания ради отрекся, молитву же сотворил на жезле, на который же опирался, и мантию свою дал вместо шелома, чтобы возложил на голову себе Феодосий, а жезл же вместо копия да воспринял в правую руку и первым впереди войск своих пошел.

Царь же Феодосий с верой и честью приял святым посланное и к войне приготовился, и не столько оружием и стрелами войска многочисленного, сколько же пощением и молитвами, и на святого помощь упова. Так ведь и ныне сказал он: «Когда друг с другом войска сойдутся, победа без крови будет, даже если с обеих сторон крови много готовы будут пролить».

Шествовал же Феодосий с епископами и с народом по всем молитвенным местам и поверг себя перед дверьми святых мучеников и апостолов, и на власянице распростерся, и молился святым, и верной себе от Бога помощи просил.

Эллины же в Риме жертвы богам начали творить, и всякий скот закалывали в жертву, и победу бесхлопотную Евгению предвозвещали. Флавиан же тогда градоначальником Рима был и прилежнее иных сие творил, и всем говорил: «Евгению победа явилась», и много имел он от мудрости своей помощи.

Когда же Феодосий, истово на помощь благоверия уповая, уста апостольские воспринял и заговорил, то первыми сами бесы с мерзкою совестью своей в бегство устремились в ужасе. Встал же на высокой скале Феодосий и с нее взирал, и видны были ему оба войска, и по обычаю

обратился он за помощью к Богу, и прямо встал перед войсками, и помолился: «Боже Вседержителю, призри. Ты веси, яко по имени Христа, Сына Твоего, мести ради за праведнаго, войну сию восприях. Аще лжу, потому мя, аще, по правде на Тя уповая, приидох семо, простри десницу своим рабом, да некогда ркут языцы: "Где есть Бог их?"» И уверились воеводы Феодосия в помощи Божией им.

Изрядный же муж был, по имени Бакурий, верою и благочестием, и добродетелями душевными, и телом славный; и когда все вокруг него ополчились, одного же копием, другого же стрелами уязвлял и мечом сек, и падали им сраженные. И отряды противников сплоченные разрушил сей Бакурий, и посреди множества павших оборону прорвал, и по телам мертвых прошел, и шествовал к самому мучителю.

И ветер весьма сильный был, когда Евгений к ногам царя приведен был со связанными сзади руками, и на том месте и жизни его, и войне конец настал.

Тогда же, о будущем заботясь, Феодосий в восточные страны сразу же послал, где своих чад охранял крепко, в то время как сам на войну ходил.

На Востоке же царю Аркадию повелел ранее данное ему царствие хранить и Руфина перевозмогать.

Гонория же таким же почтил саном, и в Западное царство скоро прийти повелел. Когда же Гонорий пришел к отцу, приял его Феодосий, и поцеловал его, и передал ему скипетр Западного царства.

Сам же Феодосий 17 лет царствие свое соблюдал, и праведным царем был, и восприял честь в старости, и отошел от жития, хорошо царство управив.

Царство 8-е Аркадия, сына Феодосия, который царствовал в Константинополе

После Феодосия же царствовал Аркадий, сын его, 30 лет. Он поставил столп на Ксиролофе, иначе говоря, на Сухом холме, и на этом столбе свой кумир утвердил.

И город во Фракии создал, и нарек его Аркадиев град. При Аркадии же землетрясение было великое по всей земле, во время которого воздвигалась сильно земля 7 дней.

О поставлении Иоанна Златоуста патриархом

Когда же Нектарий архиепископ преставился, то, по общему решению, Аркадий же Иоанна Златоустого привел из Антиохийского города, чтобы поставить его епископом в Константинополе.

И приготовился Аркадий к этому. Случилось же прийти в Константинополь и Феофилу Александрийскому, который глубокомыслием своим выделялся из всех мужей и мог по выражению лица скрытые узнать помыслы. Этот Феофил больше всех рукоположению Иоанна препятствовал, и пытался некоторого же мужа, Исидора именем, пресвитера своего, и странноприимца, и питателя странников, поставить на патриаршество. Об Исидоре же говорю не о постнике Пелусиотском, бывшем сначала учеником Златоуста, как некоторые считают, но о прежде упомянутом странноприимце.

Иоанн же был из хорошего рода из Антиохии, был он сыном Секунда воеводы, а матери его имя было Анфуса. Умен же был Иоанн весьма и красноречив. О нем же и Ливаний, премудрый учитель его, свидетельствовал, когда спросили пришедшие к нему: «Кого вместо себя поставишь учителем?» И ответил им: «Иоанна, если его у нас христиане не отнимут».

Был же Иоанн в возрасте 18-ти лет, и отступил от Ливания и Мелетием, архиепископом Антиохийским, крещен был, и поставлен чтецом, и пробыл в церкви три года.

И ушел Иоанн к игумену, монаху по имени Картерий, и обитал у него 4 года. И сделал Картерий Иоанна монахом, и в Божественном Писании его наставил, и в монашеском житии истовом.

И отошел Иоанн в вертеп, и пребывал в уединении два года; любил он молчание и не ложился же в два те года ни в ночь, ни в день. И омертвело у него во чреве, и болезнь он получил от холода в пояснице, и не мог же исцелиться, и снова пришел в церковь, и стал Божественным приобретением, на спасение многим. Потом же поставлен был Иоанн в дьяконы Мелетием и служил в алтаре два года, или три.

Когда же учительские его добродетели заблистали, во пресвитеры Иоанн поставлен был Флавианом епископом, и был украшением Антиохийской церкви; и было так три раза по четыре года. Почтен же там был Иоанн честью святительства и славился житием истовым. Был же он постник истовый и много бодрствовал, и молчание любил весьма. Из-за рвения же целомудренного был дерзновенен Иоанн, и крайне гневлив, и яростен больше, чем подобало, и дерзок с беседующими, и устами свободен безгранично, был он таким для поучения же и для пользы собеседников, но выглядело это, как будто гордецом был он неким, и заносчивым считали его знающие его.

Иоанн же, когда ко епископам причтен был, с еще большей гордостью к слушающим обращался, для исправления каждого из них и для спасения их, и побуждал Иоанн тех, кто его слушал, в делах своих и в словах меняться. Не был же Иоанн льстецом, из-за этого гордым его и считали.

Но ведь если кто льстец, и не величается, и не гордится, то это еще не значит, что он смиренномудрый. Тем же, кто глубоко свободен, надо подobaюще себя и вести и так себя и хранить, и быть великодушным, но не гордым; крепким, но не гневливым; милостивым, но не раболепным; смиренномудрым, но не боязливым; свободным, а не рабом. Подобное же и сам Златоуст говорит: «Итак, подobaет пастырю и учителю быть разным. "Быть разным" означает быть и не льстивым, и не мучителем, но, большой свободы и дерзновения исполнившись, различать, когда снизойти подobaет, если того требуют обстоятельства и от этого благо будет, равно же и когда следует быть яростным. Ибо не один образ действий подobaет иметь властвующим, также как и врачебные служители не одной какой-то травой всем страждущим приносят благо, и кормчие не один путь ведают в борьбе с ветрами. Посему уразумей, каковым подobaет быть тому, кто собирается трудностей столько перенести, и такую бурю, и такие ветра, и такие волны. Пастырю следует быть всем, дабы всех приобрести себе. Ибо и в почете подobaет быть, и негордым; и грозным, и наставником; и самовластным, и общительным; и неподкупным, и угождать. Сие, братья, да возможете. Никак же нельзя добродетельному и мудрость имеющему, избегая утешения, не утешить иного. Надо быть негордым, но и не льстецом; не томить, но и не томиться; кротким быть, но и свободным; ни к гордыне не склоняться, ни раболепству не повиноваться. Так что с благими смиренным быть подobaет, а с ярыми же высокомерным больше, ибо одни считают добродетелью кротость, иные же за силу почитают ярость, а потому с первыми смирение подobaет проявить, а со вторыми — храбрость, угашая их гордость и тщеславие, таким на пользу это пойдет, другим же полезно будет милосердие». Также и Великий Василий, вещая, сказал: «Премудрый Соломон сказал: "Время всякой вещи". Подobaет ведать, что и смирению, и властности; и обличению, и утешению; и пощаде, и дерзновению; и благостности, и вспыльчивости, и одинаково, что ни сказать, всякой вещи время есть, каждой свое. Иногда надо смирение показать и уподобляться смирением детям, по Слову Господню, иногда же — власть проявить, которую Господь "дать на создание, а не на разрушение", когда это требуется. Во время утешения надо благостность показать, а во время же гнева рвение явить, и в каждом из иных подобных случаев лучший и праведный образ мыслей принимать, ибо "домысли праведных испытаний"». Еще же и Богоносец Исидор, который блаженного Златоуста ученик был раньше, сказал: «Властителю подobaет и благостным быть, и грозным, чтобы благостно живущие дерзали, а согрешающие же медлили; а если каким-то одним быть, то это безначалие, а не власть. Ведь если бы все были послушливыми и любили добродетель, тогда только благочестиво подобало бы править, а если бы все любили грех, тогда

одним страхом пришлось бы действовать. Поскольку же есть и благие, и лукавые среди подданных, то нужно двояким быть князю, чтобы, правя благостно, утвердить благих и премудрых, страхом же удалять злых от прегрешения». И эти же и им подобные изречения не разумели и плохо о них были осведомлены, и не узнавали о них, и не могли судить о них враги боголепного Иоанна, а потому неправо и неразумно завидовали ему и клеветали, что он велеречив и гневлив. Так, некоторой жене Иоанн слово в церкви явил; лукавые же это слово Иоанново на царицу Евдоксию перевели, и слово то разослали, и к Евдоксии это слово донесли.

Она же мужу своему, царю Аркадию, со злобой об этом рассказала, и, когда на Иоанна разгневался он, Евдоксия уговорила Аркадия призвать Феофила, поскольку явно давним врагом Иоанна был этот Феофил.

Феофил же пришел к Дубу, ныне это место называется Руфинианами, и против Иоанна злой заговор сотворил. Сие же уведав, люди мольбу великую сотворили, чтобы не дать Феофилу изгнать Иоанна из города. Умолена же была Евдоксия слезами людскими.

И попросила Евдоксия Аркадия о Иоанне, и Аркадий послал Брисона скопца и из Пренета Иоанна ввел в Константинополь, так что Феофил и бывшие с ним убоялись и в бегстве спасение обрели.

Шестьдесят же епископов обрелось, и вошли они со Иоанном, и все, бывшее у Дуба, неистинным нарекли, и Иоанну епископство воистину справедливо отдали.

Было же вскоре, — на этот раз из-за серебряного кумира Евдоксии и из-за виноградника вдовы, — снова зависть, и снова гнев, и снова вражда. И слово явлено было Иоанном, которого начало было: «Опять беснуется Иродиада».

Поэтому епископы, бывшие на стороне Иоанна, видя, что изгнание ему готовится, собрались и Иоанну со многими слезами говорили: «Не по своей воле, о, владыка, подписываемся мы под твоим изгнанием, но одержимые нуждою к церкви приобщиться». И ответил же блаженный им: «Приобщайтесь, чтобы не разодрать церковь, только не приписывайте ничего же от себя, достойного осуждения».

Были же учениками Иоанна епископы: Прокл, и Палладий, и Брисон, и Феодорит, из постников же Марк, и Нил, и Исидор Пелусиотский. Великий же Епифаний Кипрский в Едом пришел, и рукополагал, и службы сотворил без Иоаннова позволения.

Иоанн же, уступить Епифанию желая, позволил ему с собой пребывать в епископской обители. Не захотел же сего сотворить Епифаний, ибо Феофилом прежде настроен был против Иоанна. Когда же Иоанн Златоуст епископствовал, муж некий, в Македониевом еретичестве быв-

ший, имел жену, в том же еретичестве пребывавшую. Муж же сей послушал Иоанново учение и в соборную церковь вошел помолиться и приобщился, также и жене приобщиться наказал.

Она же усомнилась и, якобы слушаясь мужа своего, пришла в церковь; рабыня же ее, искренне ей преданная, принесла ей причастие от Македониева еретичества и дала ей.

И взяла жена эта Иоанном данное причастие, и снова усомнилась, и поклонилась, и приняла то причастие, которое ей дала рабыня, а то причастие, которое дал Иоанн, жена та отдала рабыне. И положила жена себе во уста Македониево причастие, и обнаружила, что во устах оно в камень претворилось. И когда сие явлено было, с трепетом подошла жена и припала к ногам Иоанновым, и исповедала дерзновение свое, и в Церковь вошла поистине. Камень же тот дан был в хранилище утвари на сохранение.

Честной же Иоанн епископствовал 5 лет с половиной и изгнан был в Кукуз, в Армении; оттуда же, через три года и месяца два, перевели его в Пйтиунд.

И когда проходил мимо Коман, преставился там, многою печалию мучимый, было ему 50 и два года.

О преставлении Иоанна Златоустого

Великий же Иннокентий, папа Римский, узнал об изгнании и успешии Иоанна и написал Аркадию, и так сказал: «Кровь брата моего Иоанна вопиет к Богу на тебя, о, царь, как раньше кровь Авеля праведного вопияла к Богу на братоубийцу Каина, и сполна отомщена будет кровь Иоанна каким-либо образом, так как произойти гонению несправедному на Церковь Божию и на святых ее позволил ты, изгнав великое всей вселенной светило, даже и учителя, от престола епископства его, и незаконно, и не проверив. Изгнал же ты с Иоанном и Христа. Новая же Далида, Евдоксия, быстро бритвой обмана обрила тебя, и проклятие себе изыскала и ненависть праведную, и неочистимое связала бремя грехов, и неподъемное, и приложила их к прежним своим грехам многим».

Великий же Исидор некоему написал, и так сказал: «Желаешь ты, чтобы я рассказал о благолепном Иоанне, но как говорить, я недоумеваю, ибо одолевает ум закостенелость вещей. Немного же узнай о том, чего Египет, как обычно, не уразумел, Моисеем пренебрегая. Фараон же свое творил, смиренных ранил, и трудящимся скорбь творил, труды давал и делателей платы лишал. Даже и доньше в этом поучаются и Феофила, беснующегося из-за камней дорогих и раба золота, приняли, с помощниками четырьмя и отступниками, и отвергли истинно Богом возлюбленного Богословца, и враждовали с ним. На моем тезке злобой

укрепились, и для нечестия своего, и для нападков на Иоанна жестокость обрели. Но "дом Давидов крепится и вышествует, дом же Саулов изнемогает и осрамляется". Как ты видишь, даже если препоны творят человеку Божьему, из бури выйдет он, венценосец и победоносец, и к Вышней тишине перейдет».

Когда же возвращался Епифаний в Кипр, то о приближении своей кончины от Бога узнал, и, говорят, так сказал сопровождающим его: «Поспешите, и я поспешу. Оставляю вам царствие, и град, и прощение. Передаю же и Иоанну прощение и предсказываю ему преставление и победу, которая будет в видимом изгнании». Также и Иоанн Епифанию предсказал в корабле успение его. Божьим Духом о сем уведали блаженные, чтобы никто не думал, что вражду имели они между собою. Разве, вражду имея, преставились бы сии богословцы и боголюбцы, и учителя, и миротворцы? Были они верные ученики Христа, сказавшего: «От сего разумеют вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате в себе». И чтобы они, вражду и злобу имея, преставились? Даже не думай. Если и было между ними, о чем ранее говорилось, небольшое разногласие человеческую немощь обличающее отчасти, то вскоре к любви они взошли и добродетелей достигли вершины, о которой говорит апостол Павел: «Любы много терпит, блажит, не гневается, не помнит злаго», также и Иоанн Богослов: «Бог любви есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает».

После же смерти Иоанна один человек по имени Адельфий, святой епископ, рассказывал: «Печаль имел я превеликую, что таковой муж, вселенной учитель, словом своим возвеселивший Церковь Божию, вдали от престола своего умер. Молился же я Богу со многими слезами, да явит Он мне, в котором естестве находится Иоанн, и к патриархам прирчен ли он был.

После того, как много времени молился я, однажды внезапно охватил меня ужас, и увидел я мужа прекрасного, который взял меня за правую руку и привел меня в место светлое и преславное, и показал мне всех церковных учителей. Я же присматривался, чтобы увидеть того, кого желал, великого Иоанна, возлюбленного своего. И когда показал мне муж всех и каждого из них имя мне поведал, то взял меня за руку и извел вон. Я же опечаленный последовал за ним, не увидев своего отца во святых Иоанна. И когда уже исходил я, стоя у дверей, то муж взял меня за руку и сказал мне: "Что с тобой, и почему печален ты?" Я же ответа не дал. И сказал он снова мне: "Никто же из тех, кто сюда входит, отсюда печальным не исходит". Тогда сказал я ему: "Как мне не быть печальным, если я моего возлюбленного епископа Иоанна не узрел здесь с иными церковными учителями?" Он же снова сказал мне: "Об Иоанне

ли говоришь, который о покаянии наставлял?" Я же сказал: "Да". Он же отвечал, и сказал мне: «Человек, во плоти сущий, его видеть не может, ибо там Иоанн всегда предстоит, где есть Престол Владыки»»

Аркадий же царь, собираясь преставиться, передал царство сыну своему Феодосию, который юным был.

Евдоксия же, царица, от многих болезней томилась и умерла, и гроб ее сотрясался колебанием сильным 33 года, что обличало несправедливость изгнания Златоуста.

И так продолжалось, пока не принесено было тело Златоуста из Коман в Константинополь. И помолился Феодосий, сын Евдоксии, и перестал гроб ее колебаться и трястись.

Епископы же и прочие, кто восставал на Иоанна, все, недугами тяжкими удрученные, месть прияли.

О Гонории царе

Гонорий же был поставлен царем в Риме 10-ти лет, отцом своим Феодосием. И приставил отец к нему управителя первого, человека славного по имени Стилихон. У Стилихона же взял дочь Гонорий в жены себе. Когда же умерла она, взял Гонорий сестру ее, и умерла же и сия вскоре.

Гонорий же несмысленный был и неисправный во всем, и возненавидели его римляне. Он же убоился и переселился в город, называемый Равенна.

И призвал на помощь Гонорий начальника готфского Алариха, и не добился ничего же.

Потом же пришел Аларих и приял его Рим. Пришел же некто и поведал Гонорию: «Ведай, царь Гонорий, что народ Алариха приял Рим». Он же начал бить голени свои и говорить: «Я очами моими доньше все еще зрел Рому! И кто же похитил мою курицу?» Посланник же, пришедший из Рима, заплакав, сказал: «Гонорий царь, не о курице говорю тебе, но о Риме, городе великом». Имел же Гонорий курицу и любил ее очень, и называл ее Рома, и подумал Гонорий, что курицу его кто-то убил, поскольку любил ее.

Потом же умер Гонорий, прожив 40 лет, царствовал же 30 лет. При нем был в Риме Алексий Божий человек, и преподобная Мелания, и Домника из Карфагена, и Порфирий, епископ Газский.

Царствование 9-е, Феодосия Малого

После же Аркадия посажен был на престоле царствия в Царьграде сын его Феодосий, который еще юн был. Царствовал он 33 года. При-

ставил же к нему отец его блюстителем царствия из советников первого и мудрейшего Йездигерда, князя Персидского.

Когда же узнал тиран Йездигерд о заговоре, готовящемся против Феодосия, то собрался идти на заговорщиков с большим войском. Они же убоялись опасности вторжения варваров, и перестали заговор готовить против юного царя.

Была же сестра у сего Феодосия, чиста образом и чиста житием, по имени Пульхерия. Сия девица чистоты некрадомое сокровище соблюсти изволила, и отреклась от всяческого общения с мужчинами, и теплоту душевную являла на всякое благое дело. Не только же сама, но и брата своего наставляла на всякое благо.

О Евдокии царице

Был же в Афинах муж по имени Леонтий, в конце жизни достигший всякой мудрости. Имел же он двух сыновей от одной жены и дочь по имени Афинаида; дочь же была красива и весела.

И когда уже приготовился сей муж оставить житие, то сыновьям оставил богатство все, ибо был он очень богат. Дочери же только 100 золотников повелел дать, и сказал: «Довольно ей в наследство и красоты ее, которая принесет ей превосходную женскую славу».

И сие завещав, умер Леонтий. Братья же Афинаиды злонравные были и вообще без наследства оставили девушку. Она же, раненная в сердце, к сестре матери своей пришла, сия отроковица Афинаида, и раскрыла ей печаль свою и страдание.

Тетка же ее щедро одарила отроковицу и ушла с ней в царствующий град, и к Пульхерии царице пришла, добродетелями украшенной, помощи у нее прося для отроковицы, братьями своими оскорбленной. Удивилась же царица Пульхерия красоте отроковицы и ясности лица ее, и благоразумию, и мудрости ее, и, расспросив, уведала, что неоскверненной сохранила красоту свою в чистоте отроковица.

И сразу же Банею, то есть Святым Крещением, очистила Пульхерия отроковицу и нарекла Евдокией.

И выдала же Пульхерия отроковицу за брата своего Феодосия царя; способствовал сему и Павлин, который был первым другом царевым.

Сия же Евдокия Феодосию родила Евдоксию, которую он выдал за Валентиниана. Валентиниан же скипетр царствия Римского держал после Гонория, дяди своего, рожден же был Пладиией, дочерью Феодосия Великого.

Тот же Феодосий царь церковь создал Святой Богородицы, находящуюся в Халкопатии, в Константинополе, а раньше была церковь

собранием жидовским. И стену городскую разрушил Феодосий, стоявшую на суше, а не возле моря, и прибавил еще две стадии, и создал еще одну стену за 7 дней.

О воскресении семи отроков, которые были в Эфесе

При сем царе Феодосии Юном ересь была, что не будет Воскресения мертвых. Царь же, видя, что смущается церковь, сидел на власянице и молил Бога.

Бог же желал показать Воскресение не ведущим о нем, и воскресли 7 отроков, которые были в Эфесе: Максимилиан, Константин, Иамвлих, Мартиниан, Антонин, Дионисий, Иоанн. Они как от сна долголетнего пробудились, крепость проявившие в мучениях юноши; минуло же 300 лет и 72 года с тех пор, когда отроки сии от беснования бежали злочестивого Деция царя, и в вертеп вошли, и оказались запертыми, ибо, по повелению Деция, устье вертепа заградили.

При Феодосии же царе отроки восстали, августа в 4-й день, и прожили до 22-го октября, и почтены были царем и всеми верующими, и снова долгим сном уснули и совершенным.

О землетрясении

При сем царе Феодосии было землетрясение большое в Константинополе, так что и стены упали городские, и многие из горожан разбежались в различные места, и держалось землетрясение три месяца.

Царь же, и патриарх Прокл, и весь народ с честными крестами обходили город и мольбы творили много дней. В то же время верные, по научению вражю, приложили к Трисвятой песни: «Святой Безсмертный, распныйся Боже, помилуй нас».

Когда же ходили они и молились, внезапно восхищено было из среды народа дитя на воздух и, спустя много времени, снова на землю снежено было.

И сказало дитя: «Ангелы, которые на Небесах, без всякого приложения поют Трисвятую песнь: "Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас"». И сие воспев, предало дитя душу Богу. И землетрясения толчки прекратились.

При сем царе Феодосии был Савва Пустынный из страны Каппадокийской, сын Иоанна и матери Софии, и Аустоклей, и Савда; Атик же, епископ Константинополя, жидовина одного научил и здравым преславно из купели извел.

О святом третьем вселенском соборе. От второго собора до третьего 50 лет

Святой вселенский третий собор был в Эфесе в 25-й год царствования Феодосия Юного; собралось 200 святых отцов.

Когда же царствовал Феодосий Малый, сын Аркадиев, как уже было сказано, сошлись Кирилл Александрийский, и представитель в стране той Целестина Римского, и Иувеналий Иерусалимский, и Авксентий монах; и сошлись против Нестория, епископа Константинополя. Пришел же тот Несторий в Эфес, и говорил он, что Святая Мария не Богородица, но Христородица, и басни рассказывал о двух сыновьях в едином Христе Боге, и двух сущностях, одна из которых — Бог Слово, от Отца рожденный, другая же — от Марии рожденный человек, некой связью соединенный с Богом Словом и тем же именем Сына называемый.

И поскольку сей Несторий призван был на собор, и не смог он прийти и возразить собору, то низложили его, так как не хотел он к прежним правым повелениям приложиться. И заблудился Несторий в суетных своих словах, и не помыслил сам в себе, что «не успе свет во чреве матерне без плоти, ни излезе плоть из ложесн бесплотнаго существа, и душа». И заткнул Несторий уши и ум свой, чтобы не услышать слова Господа, сказавшего: «Услышат сущии во гробех глас Сына Божия и живи будут». И еще есть слова: «Мнози от спящих от персти земныя востанут». И еще написано: «Се аз отверзу гробы ваша и изведу вы от гроб ваших». Еретики же сбились с пути жизни и превратили сладость веры в горесть своим душам, и чистоту веры и ум верный возмутили и оскорбили.

Царь же Феодосий весьма скорбел и сетовал, и сидел на власянице и на пепле в спальне своей. Милостивый же Бог не хочет, чтобы погиб кто-нибудь из тех, кто в вере тверд, и хочет Бог утешение подать. И проклял Нестория собор. Единого же Христа Бога нашего особую ипостась и два естества явно узаконил собор, исповедавав, что Христос — Бог и человек, а Святая Мария истинная и неложная Богородица.

Иоанн же, Антиохийский епископ, пришел после Несториева низложения и печален был, так как без него низложен был Несторий, и собрал с ним пришедших епископов, среди которых был и Феодорит, Кирский епископ, и Ива, Эдесский епископ, и низложение они провозгласили святого Кирилла и Мемнона, Эдесского епископа, поскольку не по правилу церковному сотворили они собор, и тех, кто был с Кириллом хулили за то, что от зависти происходило и незаконно было то, что они сотворили.

И так разошлись из Эфеса и между собой разделились восточные епископы и египетские.

Потом же, старанием царевым, объединились, и вместе стали мыслить, и восточные согласились с изложением православной веры, данном в Эфесе, и с Нестория низложением. И письменное послание послали бывшим в Александрии с Павлом, епископом Эмесским. Несторий же был изгнан в один из оазисов Египта.

О войне с персами

Власий же, племени персидского властитель, пришел с войной на Феодосия царя. Феодосий же послал на него вельможу своего, бывшего в сане патрикия, и воинов, готовых к бою и вооруженных.

Когда сей патрикий приготовился к сражению, то послал к нему Власий князь послов со словами: «Если имеешь ты одного храброго воина в войске своем, готового в одиночку на сечу выйти против одного ратника персянина, то поставь его на бой, и, если победит ваш боец моего воина, то сразу же сотворю мир с вами на 50 лет, с уплатой дани. Если же побежден будет ваш, то возьму с вас 50 кентинариев золота».

Тогда вывел Власий персянина, закованного в броню, а патрикий же вывел готфина, вельможу царского в сане комита; и вооруженные же встали они между полками на сечу.

Первым персянин устремился на сечу за щитом, готфин же уклонился и, по готфскому обычаю, пронзил его, и с коня сверг, и тотчас убил его. И когда сие случилось, был посрамлен персидский царь. И сотворил властитель персидского племени мир с Феодосием, с уплатой дани, по слову своему.

Как Феодосий царь обедал у монаха

Некогда царь Феодосий на охоту вышел, дружина же была около него, и утаился царь от дружины, и дальним путем пришел к одному монаху, сидевшему в келье, в стороне от селений живя, около Константинополя. Феодосия же увидев, старец не узнал его, прияв его за одного из воинов.

Царь же от зноя и от пути изнемог и сел. Намочил же старец ковриги, то есть сухие лепешки, и, полив уксусом и растительным маслом, дал царю. Царь же ел и пил воду.

И сказал царь: «Ведаешь ли, отче, кто я?» Монах же сказал: «Бог тебя ведает». И сказал царь: «Я — Феодосий царь». И, встав, царю поклонился монах. И сказал царь: «Блаженны воистину вы, монахи, и пребываете вдали от печали сего мира. Воистину же говорю, отче, что в палатах царских родился я, но никогда не пробовал таковой еды и пи-

тия, как сегодня». Сей же Феодосий был телом средний, и чист лицом, и красив.

О девице, которая уморила Аттилу

В царствование же Феодосия и Валентиниана обратился на Рим и на Константинополь Аттила; из племени был он гуннского, имел он множество воинов, десятки тысяч.

И отправил Аттила посла готфина к Валентиниану царю в Рим с такими словами: «Велит владыка мой и владыка твой Аттила, да уготоваешь ты ему палаты свои царские».

Также и к Феодосию царю в Константинополь отправил Аттила одного из готфов послом. Услышал же первый советник Валентиниана в Риме слова Аттилы, полные безмерной дерзости, и боялся отвечать Аттиле, и пошел к Алариху в Галлию, воинами окруженному из-за Гонория, и убедил Алариха советник Римский, и привел его на Аттилу, так как тот погубил города Римские. И сразу же Аларих внезапно напал на Аттилу, который близ Дуная станом стоял, и посекал у него многие тысячи воинов. В схватке же и рану принял Аларих от стрелы и умер. Как в ином месте в писаниях рассказывают, тот Аттила король пришел из Северных стран с войском огромным и занял города Римские.

И обступил Аттила город Рим со множеством тысяч воинов, много раз взять желая город Рим. И была тогда княжна, девица прекрасная, в пристройке к башне жила она, 30 лет ей было. Тогда король Аттила, узнав о ней, что очень она была красива, попросил ее себе, и сказал: «Если мне ее не дадите, то разрушу город ваш Рим».

Тогда пошли все старейшины и наместники римские к девице и умоляли ее, и говорили: «Выйди скоро к королю Аттиле, чтобы жестоко не погубил город наш Рим, и чтобы не погиб город наш».

Девица же, поскольку упросили ее, пошла к Аттиле. Когда же сидела она у ног его, а он возлежал, пошла у него кровь из носа, и оттого умер. Девица же взяла плащ Аттилы и пошла, и поведала горожанам, что умер король Аттила.

Воины же Аттилы взяли тело его и пронесли через земли немцев и волохов и положили в земле Угорской. И о той девице помыслили, что уморила Аттилу она. О той девице рассказ записал премудрый Приск Фракиец. Другие же говорили, что Аэций, вельможа римский, бывший в сане патрикия, подговорил меченосца Аттилы, и тот заколол его, и Аэций возвратился в Рим, одолев Аттилу.

Сей же Феодосий царь создал в Александрии церковь большую, протяженностью в поприще, которая и доныне называется Феодо-

сиева. И любил же Феодосий Кирилла, архиепископа Александрийского. И, прияв дерзновение от дерзновения, от епископа Александрийского, горожане сожгли на костре, взяв власть в царство Феодосия, Ипатию, женщину, прославившуюся как философ, о которой же говорили, что она великая, была же старой жена та.

В царствие же Феодосия казнь приял от Божьего гнева Крит, остров великий, который находится посреди моря, имеет же 100 городов, как о нем написал Еврипид.

Пострадали же и все окрестности Крита. Пала же и его общественная баня в столице Крита, Гортине городе; баню ту создал Цезарь Юлий. Были же верхи по числу 12-ти месяцев, и на каждый месяц от верха давали дань. Кроме одной каменной кладки все 12 верхов сожжены были, и можно было видеть их в таком странном виде.

Создал же и иное многое Феодосий, Золотые ворота, что в Константинополе, которые позолотил Нимфиан, управитель Валентиниана, царя Римского, которого убил Максим боярин и приял царство в Риме.

Сей же царь Феодосий обидел Антиоха, вельможу в сане препозита, то есть спальничего, и патрикия, влиятельного во дворце и управлявшего дворцом, был же он воспитателем Феодосия при живом отце его и, как главный спальничий, управлял при отце его всем городом Римским.

И продолжал сей Антиох, по кончине отца Феодосия, как патрикий, господствовать над Феодосием. И разгневался на него царь, и вывел перед народом, и остриг его, и сотворил попом у Великой церкви Константинополя, и повелел, чтобы не вступали в сан патрикиев внухи.

Спальничии оказались лишенными чина их, то есть препозитета дворцового. И умер сей Антиох, пресвитером быв. Феодосий же поставил управителем патрикия Кира, философа, мужа мудрого во всем, и держал этот Кир оба сана 14 лет.

Входил этот Кир управитель то в колесницу, то снова, с помощниками, в палаты царские. И отъезжал на колеснице управителя городского, и пекся о всяком деле, и обновил весь Константинополь.

Был же этот Кир во всем чист, о нем же восклицали горожане, когда на конеристалище зрел Феодосий, так: «Константин же создал, Кир же обновил, тот же он август». И разгневался царь, что восклицал так народ и о Кире говорил, что после Константина обновил город, и был царь на Кира в гневе. И оклеветали его, что один патрикий Кир правит, и извержен он был из сана.

И побежал Кир и остригся попом, и послали его в Азию, и епископом поставили в городе Смирне.

Были же теми горожанами убиты 4 епископа. Смирна же город находится в Лидийской епархии в подчинении правителя Азийского. И пришел в Смирну епископ сей Кир перед Святым Рождеством.

Уведали же горожане и церковнослужители, что эллина поставил епископом царь, и хотели, чтобы умер он на Святое Рождество внезапно в церкви, и возопили к нему, чтобы он говорил, и вынужденно взошел он для беседы, и сказал так: «Братья, Рождество Бога Спаса нашего Иисуса Христа молчанием пусть почитается, так как Господь наш родился от Святой Девицы, Слово Божие, Тому слава во веки. Аминь».

И с похвалами сошел Кир, и пребывал там до смерти своей.

И поставили в Антиохии Великой управителем Хрисафия, который построил в Великой Антиохии золотое конеристалище и для иных игр сроки установил.

И после сего поставлен был управителем Руфин, родственник царя, и убит был, так как против царя замышлял.

Сей же Феодосий любил Хрисафия, спальничего, называемого Цюмва, так как тот очень красив был, и давал ему все, что тот просил у царя. Был же Хрисафий могуществен, дерзновение имея от власти, которую имел над Феодосием, и управлял в палатах царских всем, требуя все у всех и грабя. Был же он помощником и заступником партии прасинов во всем.

В царствование же этого Феодосия прияла казнь от Божия гнева Никомидия, столица Вифинская, пятая часть которой прияла то зло и погибла, в землю и в море погрузившись.

И многие там построил Феодосий общественные дома, и дороги, и гавань, и здание для зрелищ, и церковь Святого Анфима, и все церкви города.

В царствование же Феодосия заняли исавры разбойнически Селевкию Сирийскую, то есть Пиерию, в перитии месяце, то есть феврале, при консулах Феодосии и Румориде. Взяли же исавры пленных и повернули в сторону, перейдя реку Оронт, к так называемой Апамее, и, все захватив, вернулись в Исаврию.

В царствование же Феодосия приял казнь Константинополь из-за Божия гнева, землетрясение было, месяца января в 26-й день ночью, от так называемой Троядской трибуны до медной триумфальной арки. И царь ходил и молился с боярами и с церковнослужителями всеми много дней. Сей же царь сотворил епархию, отделив от Ликаонии, и прозвал епархию Ликией, и дал праведный устав той митрополии и князя дал городу, называемому Миры Ликийские, где есть чудо Божие, гора, рождающая огонь и воду, очами видимые.

Феодосий же отделил от первой вторую Сирию и сотворил епархию и князя поставил в ней, и устав дал митрополический городу Апамее.

И Киликию вторую отделил Феодосий от первой и Назарву городу дал праведный устав митрополический, и князя поставил в этой епархии.

Сотворил же Феодосий царь и другую епархию, отлучив от Вифинии, которую назвал Гонориада по имени своего дяди. И устав дал митрополический и князя поставил в Ираклию, город у Понта.

О вражде на царицу Евдокию

Царица же Евдокия спокойно плавала в море житейском, ясными и тихими ветрами носима, но внезапно дохнула, как буря, вражда, и сотрясла ладью, как лист. Что же было напастью на нее, о том слово сие расскажет. Когда Феодосий царь жил с ней, яблоко красивое и превеликое принес некто. Феодосий же благовидности удивился плода, и красоте, и величеству поразился, и даровал убогому, принесшему яблоко, 150 золотых монет.

Яблоко же послал Феодосий, как новый дар, жене своей, царице Евдокии, и яблоко сие стало началом великим злобам.

Удивилась же царица виду плода и послала его к прекрасному Павлину, другу цареву, любочествуещи его, поскольку помогал он ей взойти на высоту царствования. И яблоком сим, горе приносящим, которое получила Евдокия от мужа, почтила она Павлина.

Павлин же снова яблоко к царю послал, не ведая, что от царя к царице оно пришло, ибо не случилось быть ему тогда с царем. Царь же взял яблоко и скрыл его.

И спросил Феодосий царицу: «Где яблоко?» Она же сказала: «Я съела его», и клятвами поклялась. Царь же показал ей яблоко и оттого в помыслы недобрые впал, так что внимательнее к Павлину обратился, и вскоре Павлин смерть приял оттого и мечем убит был.

Царица же, о ненависти уздав царевой, отпросилась у царя и отошла во Иерусалим с большим богатством.

И со многими отцами беседовала Евдокия, и с великим Евфимием, и многие монастыри и церкви обновила, и святой город Иерусалим, и, радуясь, говорила: «Во мне сбылось сказанное Давидом: "Ублажи, Господь, евдокиєю своею Сиона", то есть "благоволением Своим"».

И, много доброго сотворив святым церквам, преставилась там Евдокия, и с клятвами оповестила там о Павлине, что без вины убит он был.

Сей же Феодосий в другом был благоразумен, радостен, очень даровит, в книгах постоянно упражнялся. Имелась же у него одна дурная

черта, и вот какая: если кто приносил царю хартию, чтобы он подписал ее, то он, не глядя, что написано в ней, красными чернилами сию под-писывал, и от этого людям было много беды.

Божественная же Пульхерия, Феодосия сестра, много наставляла его и избавить его хотела от этого прегрешения, но не имела никакого успеха, и тогда решила уловить брата своею премудростию; написала же она писание от имени самого царя, что в рабыни дарует он сестре Пульхерии свою царицу.

И отдала сие писание Пульхерия царю Феодосию, брату своему, чтобы подписал он своей царской подписью красной. Царь же подписал сие. Пульхерия же смеялась над царем, что его царицу рабыней имеет, за серебро купленной, и в услужение себе хочет взять ее. Феодосий же насмешками сестры оскорбился и негодовал на нее. Тогда Пульхерия вынесла царское писание, и царь устыдился, и оставил таковое безумие.

О Нестории еретике

В царство же Феодосия был еще и Несторий, который епископом был в Константинополе. И мятеж был, когда Несторий начал проповедовать. И вынужден был сей Феодосий царь созвать на собор 240 епископов в Эфес против Нестория и извергнуть его из епископства.

О Валентиниане царе и о взятии Рима Гейзерихом

Был же Валентиниан юн, и сластолюбие его и безудержное угождение плоти жизни лишили его и царства, и к блуду причастность низвела его к поруганию и к душевной и телесной смерти таковым образом.

Максим некто был правителем и в Риме первым был. Он имел жену красивую и украшенную целомудрием еще больше. Ее же увидев, царь восхитился красотой ее и на всякие козни подвигся, чтобы получить желаемое.

И взял Валентиниан царь у Максима, мужа красавицы, перстень золотой, якобы для некой потребности, а сам послал перстень к жене Максима в знак того, что муж ее повелевает ей прийти к царице.

Веровала же сему жена, узнав знак мужа на перстне, и пришла в царские покои, и тогда взял ее царь и осрамил силой.

Уведав же сие, Максим был уязвлен в сердце и на бой вооружился, и, в конце концов, умертвил мечом царя, осрамил же Максим и жену его Евдоксию, дочь Феодосия Юного.

Царица же очень печалилась о сраме, ей сотворенном, и была оскорблена, и послала к Гейзериху, вандальскому королю, и на Рим приход его устроила.

Пришел же Гейзерих и приял Рим, и поработил горько. Поработил же и самую царицу, и ее дочь Пладию деву, и в плен отвел в Карфаген, город африканский.

Гейзерих же дал своему сыну Гунериху дочь Евдоксии царицы меньшую, девицу, и держал ее у себя в чести великой.

Убил же Гейзерих и Максима, убившего Валентиниана и воцарившегося в Риме, и всех бояр попленил, и жен их. И так Рим власти царской до конца лишился и варварским королям стал повиноваться.

После Максима правили Антемий, и Олибрий Великий, после Олибрия правил Майориан, а потом Глицерий, а потом Непот, также и Орест, а после Ореста власти причастился сын его Ромул, последний сей был из царей Римских. И город, великий в городах, Рим, Ромула имея в начале, первого царя, снова возложил власть на Ромула, последнего же царя. И с тех пор не управлялись царями короли, и стали князьями себе стран римских властители и сатрапы. Сие приключилось со старым Римом. Наш же новый Рим, Царьград, стоит, и растет, и крепнет, и молодеет. Расти же и до Конца, о, царь, над всеми царствующий.

Царь же Феодосий уведал, что по желанию Евдоксии, дочери его, предан был Рим, и печален был о ней, и оставил ее в Африке у Гейзериха, и не стал посылать к ней, но сотворил исход и вышел из Константинополя в Эфес, город Азийский, и поклонился у святого Иоанна Богослова, вопрошая его, кому после него царствовать.

И во сне увидел Феодосий Маркиана, зятя своего, и пришел из Эфеса в Константинополь.

Прошло немного времени, и вышел Феодосий на охоту и на охоте упал с коня. И вошел Феодосий в город, и призвал сестру свою Пульхерию, и сказал ей о Маркиане: «Сему после меня царствовать». И привела она Маркиана, и сказал ему Феодосий перед всеми боярами: «Тебе после меня царствовать». И через два дня умер Феодосий, было ему 51 год.

Царствование 10-е, Маркиана, который царствовал в Константинополе

Сей Маркиан не из благородных был, но имел воинский чин, и, когда было сражение, пленен был Маркиан Гейзерихом, князем вандальским.

Захотел же Гейзерих видеть пленных и увидел Маркиана спящим, и орлы крыльями тень сотворили над ним от солнечного жара. И оттого же уразумел Гейзерих, что Маркиан — муж Божественный и достоин чести Греческого царства, и не повелел его убить, но договорился иметь мир с ним и отпустил его. Так, Божьими крепкими руками оберегаемо-

го, никто не мог из человек Маркиана убить до предначертанного времени. Был же Маркиан высоким, с прямыми волосами.

Сего Маркиана поставила царем сестра Феодосия, Пульхерия царица, с боярами и царем. И, наказывая Маркиану, сказала Пульхерия: «Сохранишь ли девство мое до смерти моей?» Он же тогда обещался ей.

И когда воцарился Маркиан, то взял за себя сестру Феодосиеву Пульхерию владычицу, девою была она 54 года.

О казни

В царствование же Маркиана приял казнь от Божия гнева город, называемый Триполис, что на Финикийском побережье, месяца гарпея, то есть сентября, ночью. И воздвиг Маркиан общественную баню, упавшую в жару. Были же в ней медные творения два, и были они чудные, одно изображало Икара и Дедала, а другое — Беллерофонта и коня Пегаса. И обновил Маркиан водопровод.

О святом четвертом соборе, от третьего собора до четвертого десять лет

При сем боговенчанном царе Маркиане и при блаженной Пульхерии царице был святой вселенский четвертый собор в Халкидоне, на который собрались 600 и 30 святых отцов. Среди них же были старейшины: Лев, папа Римский, Анатолий, патриарх Константинополя, Максим Антиохийский, Ювеналий Иерусалимский. В Александрии же был вопреки дикий, Диоскор. Против него же святые отцы благодатию Святого Духа собрались и низложили нечестивого Диоскора и его архимандрита Евтихия, и иных единомышленников его, говорящих, что «привидением восприят плоть Господь наш Иисус Христос». Сии окаянные избегали разделения Нестория, говорившего, что два Сына было, но в иное зло впали и говорили, что якобы два естества, Божественное же и человеческое, после соединения воедино смешались, и образовали совершенное естество, и из-за этого они и к Божеству страдания прилагали. Но и плоть, говорили, не единосущную нам дал Господь, и не от человеческих кровей составившуюся, но неизреченно как-то и Божественное воплотилось в Нем, говорили. И иное многое баснословили. Святые же отцы сих всех проклинали, с ними же и Феодосия, от которого называются феодосиане, и Иакова, и Севира, от которых же яковитами и севирианами еретики называются.

Также, подобно прежним, и те еретики скверными были, и тех же и иных еретиков святые отцы исторгли, как плевелы, из поля православия, и веру утвердили, Господа же нашего, Иисуса Христа, исповедали совершенным Богом и совершенным Человеком в двух естествах, не-

слиянню и нераздельно, во едином же составе, и так веровать и поклоняться заповедали.

О свитке православных, и еретическом

Святых же отцов 630 для большей точности сотворили свиток православной веры, также и ересеначальников переписали и сотворили другой свиток, и положили в раку оба свитка, на мощи святой и прехвальной мученицы Евфимии, и, запечатав, молились три дня. И после трех дней отверзли раку и обрели свиток православных в руке святой, еретический же под ногами ее. И прославили Бога православные, еретики же еще больше посрамились.

О свитке. Потом же Лев, папа Римский, умоленный собором, изложил на свиток исповедание о Христе, Боге нашем, и положил во гробе святых апостолов Петра и Павла. И много времени молился с постом о том, чтобы исправить его. И явились ему святые апостолы и сказали о того свитка исправлении.

Сей же свиток Лев с радостью послал к Флавиану, патриарху Антиохийскому, и к прочим патриархам, и, приняв, нарекли его Столп Православия.

При сем царе Маркиане Симеон Столпник из Антиохии Сирийской взшел на столп. Собор же святых отцов похулил его, так как замыслил стояние первым, не велели же ему отцы. Затем же уведали отцы житие его и тогда ему позволили стояние, и мать его Марфу почтили. Тогда же подвизались и Савва Освященный, и Феодосий, общему житию начальник, и Кириак Отшельник, и Иоанн Безмолвник.

И в царствование сего Маркиана возвращены были владычицы Евдоксия и Плацидия от короля вандальского Гейзериха, и пришли в Константинополь.

И приял Олибрий жену свою Плацидию и дочь Юлиану в Византии. Сей же царь Маркиан Хрисафия Цюмву, спальнического любимого царя Феодосия, казнил, так как многих оклеветал и помощником и заступником был прасинам.

Царь же Маркиан выдал дочь свою, которая была у него от первой жены, за Антемия, и поставил его царем в Риме.

От дочери же Маркиана прижил Антемий дочь, которую выдал за воеводу Рицимера.

Сей же царь Маркиан любил партию венетов, которые устав установили, когда мятеж подняла прасинская сторона, не входить в город три года. И разгневался Маркиан о бывшем мятеже, и от этого в болезнь впал, и болел 5 месяцев, и, сгнив, умер; было ему 65 лет. При сем царе

Маркиане три камня упали с неба в Африке, огромные весьма. При сем же царе подвизались Евфимий Великий и Герасим, который на Иордане был, старцы.

Пульхерия же Божественная многое расположение показала к церквам, и к монастырям и к нищим, и преставилась девою перед Маркианом за два года.

Византия (463–586 гг. от В.Х.).

Книга 1

Царствование 11-е, Льва Великого, который царствовал в Константиновом граде

После Маркиана же царствовал Лев Великий, 18 лет и 11 месяцев. Поставили его бояре. Был же он красив. В царствование же его царствовал Антемий в Риме, Маркианом поставленный.

О казни

В царствование же Льва Великого прияла казнь Антиохия Сирийская. Это была 4-я казнь. Месяца гарпея, то есть сентября, в 20-й день, светло стало, в день недельный, ночью. Год, по-антиохийскому, был 6-й и пятисотый, в консульство Патриция. И дал антиохийцам Патриций на многие дела и золота много.

При сем царе Льве знамение явилось на небе — облако трубообразное держалось 40 дней. Когда же иконник один написать Христа по образу Зевсову дерзнул, то сразу рука его усохла, и исцелил его Геннадий патриарх. При сего Льва царствовании были Матрона из Пергии Памфилийской, и Даниил Столпник из Междуречья Сирийского, и Василий и Прокопий монахи.

В царствование же Льва Великого обвинен был как язычник Исокасий квестор, который был родом из Эг Киликийских. Был же он властителем во Антиохии Великой и много в сане своем пребывал со славою, ибо был очень мудр. И взят был Исокасий повелением царевым, когда был он в Константинополе, и снят был с него пояс сановника, и послан был Исокасий в Халкидон, город с той стороны Босфора, напротив Константинова града, к князю Вифинскому Феофилу, которому же и повелено было вопрошать Исокасия.

Был же некий Иаков, врач киликийский, которого любили все бояре и город весь как искусного врача и философа, ему же и образ поставили у бань Зевксиппа. Сей-то Иаков умолил царя, прося у него, да вопро-

шают в Константиновом граде Исокасия бояре и епарх, а не князь местный, так как квесторский сан Исокасий имеет. И послушал Иакова царь, и повелел привести Исокасия из Халкидона. И приведен был Исокасий в бани Зевксиппа, и предстал он пред епархом Пузеем. И начал говорить Пузей ко Исокасию, стоящему перед ним со связанными за спиной руками: «Видишь ли себя, о, Исокасий, в каком состоянии ты пришел?» В ответ Исокасий сказал: «Вижу и не удивляюсь, человек я и в человеческие впал напасти, но судом суди меня теперь, как ты судил и раньше, со мною». И слушал речь Исокасия народ византийский, и стоял, и смотрел. И прославили люди царя Льва много, исторгшего Исокасия же, и отвели Исокасия из Зевксиппа в Великую церковь, где и нарекли его именем, и оглашен он был, и просвещен был Крещением, и послан был в свое место.

Сей же царь Лев повелел: в день недельный да не будет дело. И выпустил он о сем Божественный устав: даже на свирелях пусть не играют в день недельный, но все да будет праздну. И на сие люди гневались.

В царствование же Льва Великого помыслил о мятеже Аспар патриций, был же он старейшим из бояр. И отсекли голову ему в палатах царских. И Ардавуру и Патрикию, сыновьям Аспара, также боярами бывшим, рассекли тела.

И был в Константиновом граде мятеж, ибо имелось множество готфов среди комитов и среди иных воинов. И пребывал среди них муж один, знатный готфин, служивший у Аспара, по имени Острис, комит. Вошел он в палаты царские, стреляя, и со иными готфами, и схватка была между экскувиторами, — так назывались царские ближние воины, — и тем Острисом комитом, и многие иссечены были. И увидел Острис, что одолевают его, и побежал он, взяв же наложницу Аспарову, отроковицу красивую и богатую, готфыню, которая на коне с ним выехала во Фракию, где готфы разорили все. Сего Остриса воспели византийцы, оставив поговорку: «Мертвому готфину друг никто же, только один Острис».

Сей же царь Лев гонение сотворил большое на тех, кто держался веры арианской, то есть эзаксионитской, из-за ариан Аспара и Ардавурра. И повеление всюду послал царь Лев: не иметь арианам нигде же соборища.

При сем же царе знамение явилось на небе: облака темные весьма, потом же будто огненные, держались 40 дней. И все думали, что огнем попалена будет вся земля. Царь же, и патриарх Геннадий, и весь народ всякий день ходили с крестами, и со слезами Бога молили много дней, чтобы отвратил Он от них гнев Свой.

Господь же Человеколюбец сменил гнев на милость и повелел из облаков идти дождю необычному. Сходил же как бы печной прах, то есть пепел, и падал на землю и на кровли жилищ, и нападало больше пяди толщиной, и пожгло все прораставшее из земли. И после этого дождем едва отмылся от земли таковой прах.

При сем царе Льве Риза Богородицы принесена была Гальбием и Кандидом из Иерусалима в Константинов град. При сем же царе и Даниил Столпник подвизался.

Было в царствование Льва великого возгорание большое в Константинополе, какого никогда же не было, и изгорел город от моря и до моря.

Убоялся же царь оставаться в палатах своих в городе, и пришел к монастырю святого Мамы, и затворился там, и пребывал 46 дней, и создал там пристань и портик, который называется в честь Льва и ныне.

Воевал же сей Лев в годы царствования своего с Гейзерихом вандалом, царем Африканским, и было корабельное воевание страшное, и послал Лев на Гейзериха кораблей много, и послал Василиска, брата Верины царицы, того самого Льва жены.

Тот же Василиск, взяв золото у Гейзериха, царя Африканского, предал корабли свои, и князей, и воинов всех, и сам только в своем корабле убежал и спасся. Корабельники же все и воины его погибли и потонули в море.

Среди воинов же Василиска был Кадимонеск, из дук он был, воевода из города Антиохии Великой. Сей укрепился и один в войско Гейзериха вошел, и взят был, и ввержен в воинском снаряжении в море. И возвратился Василиск в Константинов град, побежденный.

В царствование же Льва убиен был царь Антемий в Риме. Распрю же Антемий имел с зятем своим, с Рицимером воеводой, боясь его как готфина, и пошел сам Антемий, и в церковь Святого Петра прибежал он богомолья своего ради.

И сие уведал царь Лев в Константиновом граде и послал в Рим патриция Олибрия эфиопа, в консульство его, которое же ему поручил с Рустицием, и для того послал, чтобы примирить царя Антемия с зятем его Рицимером.

Был же Олибрий из бояр римских, и повелел ему Лев, и сказал: «Как помирятся царь Антемий с Рицимером, иди к Гейзериху вандалу, королю Африканскому, как имеющий дружбу с ним, поскольку Евдокию, сестру жены твоей Плацидии, имеет Гейзерих невестой сыну своему, и убеди его, да мне будет другом».

Думал же сей Лев царь, что сей Олибрий за Гейзериха и на его стороне он, и опасался Лев, как бы не воздвиг Олибрий мятеж на него и не

предал Константинополь Гейзериху; и, когда пришел Олибрий в Рим, оставив жену свою Пладию и дочь в Константинополе, написал Лев через магистра к Антемию, царю Римскому: «Я убил Аспара и Ардавра, чтобы никто же моим не противился повелениям. Также и ты убей зятя своего Рицимера, чтобы тобой он не повелевал. Также послал к тебе и Олибрия патриция, убей и его. И царствуй, повелевая, а не повелеваем».

Распределил же Рицимер воинов своих и поставил их во всех воротах Рима и у отишия, то есть у пристанища, для того, чтобы приходящих в Рим обыскивать, что несут. Когда же пришел Олибрий славный ото Льва к Антемию, и обыскали того магистра, то обрели послание Льво, которое к Антемию было послано.

И внесено было к Рицимеру послание царя Льва, и показал он его Олибрию. И сразу же послал Рицимер к Гундобаду, сыну сестры своей, и пришел тот из Галлии, ибо там он был воеводой у галлов.

Сей Гундобад пришел на Антемия царя и убил его, когда был тот во святой церкви Святого Петра; и сразу же ушел обратно Гундобад.

И поставил Рицимер царем Олибрия, посовещавшись с боярами, и воцарился Олибрий в Риме.

После смерти Олибрия поставил затем Рицимер иного царя из бояр римских, именем Майориана, убил же и того. Сдружился же Рицимер с Гейзерихом, королем Африканским.

И поставили снова, вместо прежнего, иного царя, по имени Непот, из бояр; и умер Рицимер.

У Льва же было два зятя через двух дочерей его: у Леонтии, старшей, мужем был Маркиан патриций, сын Антемия, бывшего царя Римского; у Ариадны мужем был Зенон, исаврин. И поставил Лев их обоих воеводами и патрициями.

Родила же почтенная Ариадна первенца мужского пола, которому же нарекла имя — Лев. Леонтия же только женского пола детей имела.

Царь же Лев венец наложил в Константиновом граде на Льва, сына Зенона и Ариадны, когда тот маленьким был, сотворив его царем с собою, и, спустя некоторое время, заболел Лев Великий чревом и умер в 73 года.

Царствование 12-ое, Льва Юного, сына Зенона, который царствовал в Константиновом граде

После же Льва Великого царствовал Лев Юный, сын Зенонов, 2 года и 23 дня. Был же он мал, телом крепок. В царствование же его так устрое-

но было его матерью Ариадной, что поклонялись как царю и отцу Льва, Зенону, воеводе и патрицию. И наложил венец царский на голову свою Зенон и царствовал со Львом, сыном своим, малое время.

И был консулом Малый Лев. В 11-й месяц консульства своего болеть начал Лев Малый, месяца диоса, то есть ноября, индикта 13-го. Год же был, по-антиохийски, 23-й, 17 лет с половиной, как Несториан Премудрый, летописец, до Льва Малого написал.

Царствование 13-ое, Зенона, который царствовал в Константиновом граде

После Льва Юного царствовал Зенон, отец его, 2 года и 3 месяца. Был же телом средний. При сем царе Мартирий епископство оставил Зенонова ради развращения и посреди церкви сказал: «Духовенство не повинуется мне, и люди не слушаются, и церкви осквернены, потому отрекаюсь, чтобы сохранить в себе святительское достоинство». Когда же сей отступил, во второе же лето и в 8-й месяц Зенонова царствования поставили патриархом во Антиохии Великой Петра, пономаря церкви Святой Евфимии, что в Халкидоне, по прозвищу Белильник, и послали его во Антиохию.

Сей же Петр первым замыслил миро перед всеми людьми освящать в церкви, и на Богоявление же освящению вод вечером быть, и на каждой молитве Богородицу именовать, и во всякую службу Божию Символ веры петь, то есть: «Верую в Единого Бога»; раньше же не произносили сего, кроме как один раз в год, в Великую пятницу.

Сей же Зенон печален был из-за Ардавура, когда тот был жив, ибо просил он у Льва Великого дочери его Ариадны; Лев же отдал ее за Зенона.

Замыслила же недоброе против Зенона владычица Верина, теща его. И убоился Зенон, чтобы его не убил кто-нибудь из живших у него в палатах царских, по приказу тещи его Верины, и ушел Зенон в Халкидон, и отрекся, и бежал оттуда, и пришел в Исаврию, и там царем был. К нему пришла, бежав от матери своей тайком, царица Ариадна в Исаврию, и жила там с мужем своим.

И после бегства Зенона царя и Ариадны сразу же поставила сия владычица Верина царем и венчала на царствие Василиска, брата своего. И царствовал Василиск, брат Верины, тещи Зеноновой, два года. Был же Василиск средний телом. Сия же Верина царя, которого поставила, нарекла консулом.

Сей же Василиск начал царствовать и поставил сына своего, по имени Марк, царем, и воцарились они оба.

В царствование же Василиска и Марка, сына его, приял казнь от Божия гнева город первый сирийский, именем Халеб, и на поновление его дал царь 50 литр золота.

И пришел Зенон царь из Исаврии со множеством многим воинов к Константинову граду, послал же ко Антиохии Великой стражу из исавров во главе с воеводой Трокундом. Узнал же Зенон, что Петр патриарх, который был поставлен им, на сторону Василиска встал.

Василиск же, уведав о Зеноновом приходе, послал Армата воеводу, и, сколько же имел во Фракии и в Константиновом граде воинов, всех их послал на Зенона, и заклинал Василиск Армата во имя святого Крещения не предать воинов.

И, взяв бесчисленное множество воинов, Армат пришел, и о сем прежде уведал Зенон царь и послал к Армату, обещая сделать его большим воеводою пожизненно, а сына Армата цезарем поставить.

Услышав же сие от Зенона, Армат присоединился к Зенону и, когда подошел к нему, то не встретил тогда Зенона грядущего, но сделал вид, что он иным путем идет.

Царь же Зенон с воинами своими из Исаврии устремился, и перешел море, и через ворота вошел в Константинов град, и в палаты свои царские вошел с воинами своими. И прияли Зенона воины и бояре, рады же были, и прасинская сторона любила его.

Узнал же внезапно Василиск, что Зенон в палаты царские входит, и что все горожане прияли его, как и царица Верина, теща Зенона, и взял Василиск жену свою и детей, и бежал в Великую церковь Константинова града, в Великое крестилище, и предан был Арматом и будущим консулом Теодорихом.

Зенон же открыл завесу здания для конских зрелищ, и сразу же вошел, и показался, и прияли его горожане, и послал он их в Великую церковь, и взял у Василиска, и у жены его, и у сына его царское все.

И вывел Зенон Василиска с женою и с чадами, дав им слово, что не отрубит им головы, и отправил их в Лимны, крепость каппадокийскую, и ввержены они были в одну из башен крепостных и там заделаны.

Стерegli же Василиска с семьей исаврийские воины, и от голода умерли заключенные, и души предали Богу. И погребли их в той же башне крепостной.

Снова царствование Зеноново

Царствовал же снова Зенон лет 16 и месяца два. Те же два года, что Василиск правил, в царствование же Зеноново включают. Сразу, как Зенон пришел, он изверг из сана Петра, Антиохийского патриарха, так

как другом был тот Василиску, и отправил его в Евхаит, город Понтийский.

И поставил Зенон Стефана патриархом Антиохийским вместо Петра. Дал же Зенон много даров всем и приял царство свое.

В царствование же Зенона убиен был поостренными тростями кем-то из церковнослужителей антиохийских епископ Стефан, поставленный Зеноном. Произошло сие, когда Стефан вышел вон из города с молебном в церковь Святых 40, в крестильнице, которая называлась в честь святого мученика Варлаама. Сей Стефан в несторианстве был обвинен, и ввержен был труп его в реку Оронт.

И, сие уведав, Зенон поставил патриарха иного, звали его Каландион. Изгнан же был и тот как несторианин.

И приведен был Зеноном Петр епископ из изгнания, так как народ антиохийский просил о нем, восклицая. И пришел Петр из Евхаита и снова стал патриархом, и умер на своем престоле, нося святительское облачение.

В царствование же Зенона поставили в сан Армата воеводу, и стал цезарем сын его. И сидели они с Зеноном на конеристалище, и следили за зрелищем, и воздавали честь всадникам, и царь, и цезарь.

Зенон же помыслил: «Попрал клятву Армат воевода, отец цезаря, ибо клялся святым Крещением Василиску царю, что не отвергнется от него, но из-за обещания моего предал Василиска Армат, и умер Василиск. Как же сей Армат будет моему царствованию верен? Немного же еще пройдет времени, и, когда возмужает сын его цезарь, всяко и от меня Армат отвергнется. Я же не отвергся от него, но и самого его поставил на место воеводы, и сына его сделал цезарем». И повелел Зенон убить Армата как клятвoprеступника. И убили его в царских палатах, когда по лестнице восходил он на конеристалище следить за зрелищем.

И после убиения Армата поставил Зенон сына его, цезаря, — был же он еще ребенком, — епископом в Кизике, столице Геллеспонта, так как он облачался в багряницу царскую как цезарь. Разделил же Зенон все имущество Армата.

В царствование же сего Зенона, время удобное улучив, люди из народа самарянского, в Палестине, отвратились от власти византийцев и венчали на царство старейшину разбойников, именем Юста, самарянина.

И вошел Юст сей в Кесарию Палестинскую, и пожег он церковь Святого Прокопия, при Тимофее, епископе Кесарийском. Пришел же и дукс, то есть военачальник, Палестинский Асклепиад, пришел с помощью своею и гонитель разбойников Регис, сановник кесарийский, с аркадия-

нами. И устремились они на Юста с воинами своими, и соступились с ним, и взяли Юста, и отрубили ему голову.

И послали голову Юста с венцом к царю Зенону. И тогда царь Зенон сотворил соборище самарян, которое было на Гризим горе, молитвенным домом Богородицы Марии. И поновил Зенон разрушенную самарянами церковь Святого Прокопия. И сотворил Зенон повеление, да не поставляют в воинство самарянина. И был страх и мир.

В царствование же Зенона Теодорих, изверженный из консульства, сын Теодемира, византийским военачальником был, и увидел он, что приял от Зенона Армат, и убоялся царя, и взял своих помощников, и вышел из града Константинова к реке Саламврии, и захватил там живущих. И после этого перешел Теодорих во Фракию и захватил ее всю. И пришел на Зенона, и подошел к предместью Смоковницам, и вне был он Константинова града, и пробыл там много дней, и не возмог повредить городу.

И отошел Теодорих от Константинова града, и устремился в Рим, который удерживал в своей власти Одоакр король, варвар. И бился Теодорих с Одоакром. Сговорились же и предали Одоакра все бояре римские, и приял их Теодорих без пленения, Одоакра же короля убил и приял Рим.

И стал Теодорих вместо Одоакра королем в Риме и царствовал 47 лет. Теодорих другом стал Зенону потом и все творил по воле его, и консулов признавал Константинова града, и епархов, и грамоты для великих своих князей от царя Зенона принимал, сообщавшие ему, кто приходит на поновление в сан, и тот посох консульский от царя сего принимал. Когда же был королем сей Теодорих в Риме, пришла к нему одна боярыня, именем Ювеналия, и поведала ему: «Три года длится мой спор с патрицием Формом, но избавь меня от сего». И привели судей с обеих сторон, и сказал им Теодорих: «Если не ответите об их деле и не рассудите до завтрашнего дня, и не решите их спор до 3-го дня, то отрублю вам головы». И ушли на два дня судии, и ответили Теодориху, и разрешили спор их.

И зажгла свечу Ювеналия, и пришла к Теодориху, благодаря, что избавилась от спора того. И разгневался король на судей, и сказал: «Как это они то, что за два дня сотворили, три года не могли сотворить?» И отсек головы Теодорих обоим судьям. И был страх большой. И сотворил Теодорих устройство всему закону.

И ушел Теодорих из города Рима, и жить начал в Равенне, городе приморском, и жил там до смерти своей.

И после смерти его был королем внук его в Риме Аталарих. Был же он арианин верою.

В царствование же сего Зенона казнь приял от Божия гнева, землетрясение, Константинов град, во 2-й день месяца сентября, до Тавра и Никомидии, столицы Вифинии; 6-я то была казнь.

Такая же казнь постигла и Еленополь. И много дал Зенон на поновление этим городам. В царствование же сего Зенона Мамиан патриций был в Антиохии Сирийской, из финикийского рода, сей строил в Дафне Сирийской много.

При том же Зеноне выступил против него патриций Илл Исаврин, друг того Зенона, оказавший ему помощь многую во второй его приход из Исаврии, куда Зенон бежал из Константинова града.

Сей же Илл пришел в Константинов град с царем Зеноном, как надежный приятель его. И уговорился Илл с царем Зеноном, что Зенон изгонит тещу свою из палат царских, чтобы та снова не умыслила на Зенона, как и прежде.

И послал Зенон Илла в Исаврию, да приведет он Логина, брата Зенонова. И пошел Илл, и медлить начал в Исаврии.

И писал Илл в письмах к Зенону, чтобы пришла Верина владычица, теща Зенонова, и дала слово Илли, что он будет жить, так как боялся Илл царя Зенона. И убедил Верину Зенон царь как зять ее и наказал ей, как и договаривался он с Иллом, да идет она и даст Илли слово, что он будет жить, чтобы не боялся Илл царя Зенона и привел брата Зенонова Логина.

И сошла сия владычица Верина в Исаврию, как и призывал ее Илл, и было у него людей много воинов, и затворил Илл Верину в крепости, и повелел ее стеречь в крепости исаврийским воинам.

И взял Илл Логина, и пришел в Константинов град, и стал Илл и боярином, и консулом, и магистром, и патрицием, и управлял всем городом. Также и Логин, брат Зенонов, стал военачальником великим и сразу же консулом.

Царица же Ариадна, Зенона царя жена, приняла послание от матери своей, Верины царицы.

И молила Ариадна царя, да отпустит из крепости владычицу Верину. И сказал царь: «Проси патриция Илла». Она же взывала со слезами к Илли ради матери своей, дабы ее отпустил. И не позволил Илл и сказал ей: «Та, за которую же ты просишь, сотворит ли иногo царя вместо мужа твоего?»

И после сего сказала Ариадна царица царю Зенону: «Или Илл останется в палатах царских, или я». И сказал ей царь: «Что можешь, то сделай; я хочу, чтобы ты осталась». Тогда Ариадна замыслила убить Илла, так как не позволил он прийти матери ее.

И сразу же повелела Ариадна спальничему Уврикию найти кого-нибудь, кто убьет Илла. И когда зрелище конское было, призвал царь Зенон патриция Илла, чтобы тот в палаты царские привел римских посллов.

И когда всходил Илл на лестницу, ударил его мечом один придворный в должности схолярия, по имени Спораксий, желая Илла напополам рассечь. И был меченосец сего Илла близко, и, воздев правую руку свою, отвел он удар, лишь конец меча пришелся так, что отсек Иллу правое ухо. И убиен был тот, кто напал на Илла.

Илла же воздвигли мужи его и слуги, и понесли, и отошел он в дом свой. Царь же Зенон, узнав о сем, клялся, что не ведал о том заговоре. И не веровал ему Илл, и во многой печали был.

Когда же Илл поправился, перешел он через море, размышляя, что сотворить. Исцеляясь от болей, производимых раной, нанесенной мечом, пребывал Илл, нося на голове клубок. И вошел Илл к Зенону, и просился пойти в восточные страны на малое время, чтобы сменить воздух на более благоприятный, ибо болел он от раны. Во времена же царя Анастасия правитель Константинова града Платон бежал и скрылся из-за людского волнения. Вопияли же люди, что иногo царя надо римлянам поставить.

И пришли горожане в палаты Марина Сирийца, который был на стороне бежавшего правителя города, и пожгли дом его, и разграбили все имущество его, самого же Марина не обрели, ибо он скрылся. Говорили же о нем: «Сей человек с Востока царя убедил говорить прибавление к Трисвятому». И народом всем серебро его секирами секли и делили.

И обрели же в дому Марина восставшие черноризца с Востока, и взяли его, и убили, и голову его на копии носили, и вопияли: «Сей есть злоумышленник против Троицы».

И пришел народ ко Юлиане, знатной патриции, и вопиял из-за мужа ее Ареобинда, царем называя его над римлянами; Ареобинд же бежал через море. Тогда же царь Анастасий взошел на сидение в конеристалище без венца царского.

И, сие уведав, народ пришел на конеристалище. И призывал их царь успокоиться, и увещевал он их. И множество горожан, собравшихся там, утихли, и убедили царя Анастасия возложить венец царский на себя, и разошлись. И многих после сего царь схватил и велел правителю городскому одних казнить, других же в море пометать.

После малого же времени видел царь Анастасий во сне, как встал пред ним некто муж в белых ризах, неся книги читать. И, отогнув лист книги пятой, обрел же сей муж царево имя, и сказал ему: «Смотри, вот

из-за жадности твоей заглажу имя твое». И перстом своим стал затирать имя Анастасия, сие говоря.

И, проснувшись, в смятении был царь и призвал к себе Амантия, главного спальничего. И сказал Амантий Анастасию: «Вовеки живи, царь». И сказал еще царю: «Видел же я в сию ночь, как великий пришел, и взял тебя за край багряницы, и потряс, и на землю поверг».

И призвал царь Прокла, азиатского философа и сновидца, и сказал ему о снах. И сказал царю сновидец: «В течение года умрете оба».

А при царе же Зеноне боярин его Илл, о котором прежде сказано, отойдя в восточные страны, позволил освободить царицу Верину, и взял с собою патриция Леонтия, да идет с ним, и да придет к ним мать царицы Ариадны, владычица Верина.

Пошел же сей Илл и иные с ним из бояр, и вошел он во Антиохию Великую, имея с собою множество воинов и прежде упомянутого Леонтия, патриция, который был из рода фракийского. И иные многие князья и воеводы были с Иллою.

И пребывал Илл во Антиохии два года, строя некие места города; и построил он много антиохиянам.

И ушел из Антиохии Илл в Исаврию, за Вериною владычицей, и вывел ее из крепости, и сказал ей, да поставит она царем в церкви Святого Петра, что у города Тарса Киликийского, патриция Леонтия.

И убедил Илл Верину на сего Леонтия венец возложить. Был же Леонтий красив, кучеряв, волосат, юн, чист, бел, с правильным носом, и с красивыми очами ясными.

И сотворила сия владычица Верина от себя письма ко антиохийским сирийцам, да примут они Леонтия царем, и не противятся ему.

И ко князьям, и к воинам восточных и египетских владений сотворила Верина письма. Те же письма прочтены были во Антиохии сначала перед воеводами, и имели они содержание такое: «Тихая Верина, бесменная августа, антиохиянам, гражданам нашим, сирянам! Ведаете вы, что царство нашим является, и что после смерти доброжизненного Льва поставили мы царем Трасколисса, нареченного Зеноном. И все воинские чины пожелали, да восстанет он на сем поприще. Видя же ныне город со всеми подданными нашими вспять грядущим, из-за жадности сего Зенона, хорошо мы помыслили поставить вам царем христианина благочестного и правдою украшенного, да римские города распространит, и войны все прекратит, покорным же все, что законом установлено, сохранит. И се поставили мы Леонтия благочестного царем римлянам, который всех вас заботы своей удостоит». И сразу же воскликнул весь народ единым голосом: «Бог и Господь через тебя доброе и полезное сотворил».

И пошел Леонтий из Тарса города, и пришел он, и вошел Леонтий, царь-отступник, один, без Илла, во Антиохию Великую, в консульство Теодориха.

И воцарился во Антиохии Леонтий, отступником являясь, и пребывал там 12 дней, и вошел во дворец того города, и поставил управителем язычника. И вышел Леонтий из Антиохии, и воевал у Халкидона города один месяц и половину.

И уведал о сем Зенон царь, и послал воинов многих и воеводу Иоанна Скифина.

И услышал о сем Илл Великий, живший в Киликии, и писал к Леонтию во Антиохию. И сразу же Леонтий вышел из Антиохии и бежал, и взошли оба, Леонтий с Илло, а также Пампрепий, сторонник Илла, в Папурий, крепость в Сирии.

Верина же умерла своею смертию. Пампрепий же, обвиненный в отступничестве, убиен был наверху, и повержен был труп его в ров.

Илл же и Леонтий долго осаждаемы и взяты были Иоанном Скифином. И головы Илла и Леонтия принесены были к царю Зенону, и зрителям на посмотрение на копыщах, то есть древках копий, и наткнуты были на тех копыщах много дней; и весь народ Константинова града вышел видеть их.

В царствование же сего Зенона царствовал у персов Пероз.

Горожане же с прасинской стороны на конеристалище, когда там зрелище было, биться начали с венетами камением. Был же зрителем и Фасий, князь и ипат; и ударили его в голову, и прогнали его с конеристалища.

И оглянулся же князь на ударившего его камнем, и узнал его, и послал за ним, и взял его, и привел в палаты свои, в баню, называемую Урвикия именем, и ипат же ударившего его камнем тогда начал бить.

И уведал о сем народ прасинской стороны, и устремились они во ипатские палаты на князя, и вложили туда огонь, и пожгли постройку, называемую ксист, и погорела до ипатских палат улица вся.

И отменены были местные Олимпийские игры. И бежал князь Валасиос во иной город, и жить начал в предместье Антиохии, называемом Гиппокефал, и лишился сана; и был вместо него Кондрат.

Мятеж же городской не переставал шесть месяцев, и снова пришли антиохияне, которые были на прасинской стороне, и распря была на конеристалище, и убили многих, и пожгли соборище так называемые савиниане. Иудеи же были на зрелище на венетской стороне. И разграбили прасины все, что было в соборище, и живущих там.

И узнал о сем Феодорит, комит Востока, и разгневался, и смирил обе стороны горожан Антиохии Великой. Заделал же черноризец один и загородил изнутри стену, и через оконце беседовал с приходящими к нему и благословляющими его.

И, прияв предлог сей, того города прасины, так как старейшие были, распространились из-за черноризца, вблизи быв городской стены, и соборище иудейское запалили, и выгребли кости умерших иудеев, и вдоль того соборища сухого хвороста много нанесли и зажгли, и высыпали кости на огонь. И погорели церкви и дома в огне в тех так называемых Дистадиях.

И донесли о сем царю Зенону иудеи, когда пришли и припали к его ногам. И разгневался Зенон на прасинов, и сказал: «Почто мертвцов иудейских одних сожгли, а живых всех с мертвыми не пометали в огонь и не сожгли?» И так закончилось дело сие во Антиохии.

При сем же Зеноне был Мавриан, премудрый комит, который много Зенону прорицал, ибо сей Мавриан и тайное нечто ведал. И того Мавриана спросил Зенон: «Кто будет после меня царствовать?» И уведал Зенон от Мавриана, что и жену его возьмет, и царствовать будет некто из чиновников силенциариев.

И, сие услышав, Зенон схватил патриция Пелагея, из силенциариев бывшего и в сан патриция вступившего, мужа мудрого, и обвинил его, и повелел стеречь его.

Сего же Пелагея патриция стерегли экскувиторы, ближние воины царские, и удавили его, по повелению цареву, и ночью тело его ввергли в море.

И услышав о сем, епарх Аркадий похулил царя Зенона, за патриция Пелагея, что убиен был. И услышав о сем, Зенон, повелел Аркадия, когда войдет он в палаты царские, убить.

Аркадий же, уведав о сем, что подослан был некто от царя, уклонился в Великую церковь, желая поклониться святыне. И слез с колесницы Аркадий, и вошел в Великую церковь, и пребывал там внутри, и так избежал горькой смерти.

Повелел же разграбить имение Аркадиево Зенон. Умер же Зенон, когда лет ему было 65 и месяцев 9. Есть же от Адама до смерти Зеноновой 6458 лет и месяцев 7.

О дочери вдовицы

Зенон царь отнял дочь у некой вдовицы силой. Вдовица же ходила в церковь и молилась святой Богородице со слезами, и говорила: «Отомсти за меня Зенону царю».

Сие же она творила многие дни, и явилась к ней Святая Богородица и сказала: «Верь мне, жена, что много раз хотела отомстить я за тебя Зенону, но рука его возбраняет мне, ибо он милостив очень. Никто же не возможет сотворить нечто против милостивых». При сем же царе Зеноне были преподобные Феодора и Василий.

Царствование 14-ое, Анастасия, который царствовал в Константиновом граде

После Зенона же царствовал Анастасий Дикорос, что значит разноокий, ибо одно око у него было черным, а другое белым. Был он из города Драча, или Диррахия, из Эпирской земли, из чиновников силенциариев. Воцарился Анастасий в консульство Олибрия, сына Ареобиндова. Царствовал же лет 27, и месяцев 9, и дней 9. Венчан был на царство в месяце ксантике, то есть апреле, во Святой четверг Великой недели.

И взял Анастасий за себя царицу Ариадну, жену Зенонову. Был же Анастасий высок очень. Услышал же он, что собираются исавры по всей земле, отвергнуться от его царства желая.

И послал Анастасий на исавров князей и воинов, и сокрушил их. В царствование же того Анастасия возник некто муж во Антиохии Великой из города Амиды, именем Иоанн, который хитрости умел делать, был же он горд и лукав, перекупал многих продавцов серебра, и изгнан был в город Петру. Упразднил же Анастасий взимание подати, называемой хрисаргир, по Божественному вразумлению; был же тот хрисаргир великим и страшным бедствием для торговцев и ремесленников.

В царствование же сего Анастасия взяты были город Амида, столица Месопотамии, и Феодосиев град Кавадом, царем Персидским. Пришел же Кавад на греков с силою великою, взял же оставшихся в тех городах греков и воеводу крепости Константины; иные же многие греки умерли в персидских странах.

И ополчился на персов Анастасий, и послал Ареобинда, Дагалайфова сына, воеводу Востока, мужа Юлианы владычицы. Также послал Анастасий и Патрикия воеводу. И сошлись греки с персами на сечь, и пали многие с обеих сторон, и после сего был мир.

Царь же Анастасий огородил всю Дару, селение в Месопотамии. Дарой же называлось селение от Александра Македонца. От того же копия (по-гречески «дори») имеет имя, которым же Дария царя ударил сам Александр тут. Ныне же Дара называется Анастасиевым градом.

В царствование же сего Анастасия почил великий Симеон Столпник, также и мать его Марфа. Когда сие было в то время, у Ардавура, сына Аспарова, воеводы Востока всего, возопив, антиохияне испросили тело праведника.

И послал сей Ардавур готфов в помощь, и принес тело Симеона в Антиохию Великую.

И создали Симеону Столпнику дом молитвенный большой, и поставили в нем ковчег с его мощами, в четвертое лето царствования Анастасия. Был же Симеон на столпе 40 лет. При сем же царе Анастасии был Иоанн Постник.

Сей же царь Анастасий изначально являлся благочестивым, вскоре же изверг злой яд, ибо имел он сокровенными в сердце своем злые семена ереси Евтихия окаянного. От сего было облако темное, и буря свирепая, и волны тяжкие корабль сотрясали православия.

От сего благочестивые архиереи от престолов своих отгонялись, как разбойники, зло творящие. Со иными на изгнание Анастасий осудил и Евфимия, патриарха Царьграда, и Флавиана, патриарха Антиохийского, и Илию, патриарха Иерусалимского, которые не повиновались Анастасию и отказывались отвергнуть Четвертый собор, и изгнаны сии были Анастасием как несториане в город Петру, что в так называемой Третьей Палестине.

Царь же Анастасий повиновался Диоскора злочестивой ереси и отменял Четвертый собор. И послал Анастасий в Иерусалим, и понуждал народ благочестивый к ереси, и поставил Севира пресвитера патриархом во Антиохии Великой; из черноризцев же сей Севир был.

Савва же и Феодосий с десятью тысячами черноризцев вошли в Великую церковь и, на амвон вступив, возопили: «Если кто не приемлет четырех соборов, как четырех евангелистов, да будет проклят». Царь же написал указ об изгнании их, но Богом не попушено было сие. Царь же повсюду притеснял благочестивый народ. И от сего были частые плачи и рыдания, всюду вопли и воздыхания, всюду в груди биения. Еще же Анастасий царь восхотел приложить к Трисвятой песни злочестия яд, то есть: «Святой Безсмертный, распныйся Боже, помилуй нас».

И послал Анастасий логофета, то есть дьяка, и епарха, и, когда они взошли в Великой церкви на амвон поведать людям царево повеление, множество благочестивых, увидев сие, устремились сразу же и камением епарха и логофета из церкви изгнали, и дома их огнем зажгли, и многие боярские дома зажгли, и бояр, обретавшихся в домах своих, порубили.

И пришли люди, и царь поруган был ими, и восставали они на царя. Царь убоялся устремления людского, и с боярами убежал, и скрылся. Так вот благочестивый не стыдится царя, но, когда благочестие в беде, тогда он нелицеприятно поступает и сильных мира сего не боится.

Потом же множество народа пришли близко к церкви Святого Мокия и обрели игумена монастыря святого Филиппа, которого любил царь,

и отсекли голову ему, и воткнули на копие, и сказали: «Сей есть враг святой Церкви».

Также и жену затворницу, которую царь слушался, там убили и привязали тело ее ко телу игумена, и сожгли огнем, надругавшись над ними.

О землетрясении

Когда же в Неокесарии огонь был, большая часть города пала, и человек некий слышал Голос, говоривший: «Сохраните дом Чудотворца Григория». И сохранена была церковь. Григорий же Чудотворец, память которого в 17-й день ноября, был в том городе епископом.

При сем же царе из медных изваяний, на путях поставленных, которые Константин царь за красоту их из иных городов принес на украшение городу своему, Иоанн сотворил изваяние большое Анастасию царю, и поставил его на большом столпе, который стоял праздным на площади Быка. На сем столпе прежде имелось изваяние Феодосия Великого, которое упало во время землетрясений. Анастасий так называемый фоллис ввел, то есть медную монету, и стала она ходить по всей Греческой земле с того времени.

В то же время заповедал царь и повеление издал, да никто же, не сотворив написания, не имеет ни сына, ни дочери, но сотворит написание и так да имеет сына либо дочь, и так причастником имуществу своему сотворит своего сына либо дочь.

О возбранении праведном взимания золота

Сей царь Анастасий, хотя и мерзок и злочестив был, однако искоренил злой сад по всей земле Греческой, которого плод горек, и смерть — корень его.

Так что если бы не имел Анастасий в себе темное облако ереси, которое все благое покрывает и безвестным сотворяет, одно сие благое дело, которое он сотворил, могло бы покрыть все злые его дела и струпы греховные исцелить. Что же было сим злом, которое было остановлено? Всякий муж, и жена, и дети, и девы, и раб, и свободный, и в повиновении, и не в повиновении, за проход гноя смрадного и водное снабжение, все один динар серебряный давали в сокровищницу цареву. Сия же и скотам надлежала тягота: волам, и мулам, и коням. За всякого пса и за осленка 6 фоллисов давал хозяин, за каждую животину.

Анастасий же умолен был мужами, иноческое проходившими житие, и таковую тяготу прогнал, и таковую мерзость искоренил, и исторг, и огню дал на истребление.

Во Антиохии же напал на людей злой недуг. И видел некий во сне и сказал, что из-за проклятия Четвертого собора страждут те, которых Анастасий принудил проклясть Четвертый собор. Из сего видно, что не только же не последует Божий суд клятвам нечестивых, но и муку на сие сотворивших наводит.

О турках и о начальнике их Аламундаре

Когда же турки пленили страну восточную, сотворил с ними Анастасий мир.

В царствование же сего Анастасия отвергся от него военачальник его Виталиан под предлогом того, что извержены были Анастасием православные епископы, и пришел Виталиан, разоряя всю Фракию и Европу.

И так дошел Виталиан до Смоковниц, предместья Константинова града, и до пристани, и замыслил Константинов град взять. И расположился у пристани в Сосфении, предместье Царьграда, у церкви Архангела Михаила.

Царь же Проклу афинянину сказал: «Что сотворю псу сему?» И повелел Прокл философ горячий камень принести и истолочь мелко.

И повелел Прокл, когда восходило солнце, высыпать этот измельченный горячий камень на корабли неприятелей, и сжег все корабли, и бежали неприятели, и одолел Спас Христос и царицы корабли. Ибо камень горячий от теплоты солнечной, если его мелко истолочь и сыпать на воздух, возгорается, и возможно сим либо корабль, либо дом зажечь.

В Анастасиево же царствование начальник турецкий Аламундар уверовал во Христа и крестился.

Тогда Севир еретик, по прежнему своему обыкновению, послал двух епископов, пребывавших в его ереси, к Аламундару, чтобы уговорить его отступить от веры. И пришли сии епископы, и учили сего Аламундара, и говорили: «Божество, смешавшись с плотию, единым естеством стало, и, поскольку пострадала плоть, пострадало и Божество».

Аламундар же, желая показать сим, что они лгут, устроил так, что один из его людей пришел и сказал Аламундару на ухо, тайно, перед епископами оными. И, услышав слова те тайные, явил Аламундар себя, что скорбит.

Те же епископы еретики спросили Аламундара: «Чего ради скорбишь? И что сказал тебе сей?» Отвечал Аламундар, и сказал: «Говорит мне человек сей, что Михаил архангел умер». И сказали они ему: «То, что ты слышишь — ложь, ибо невозможно сие, чтобы Михаил архангел умер». И, сие услышав, согласился Аламундар, и сказал им: «Если ангел не умирает, как же Божество пострадало, смешавшись с плотию?» И

дивились разуму его еретики, и не возмогли привести его в ересь свою, и отошли.

В царствование же сего Анастасия прекратилась всякая ересь, кроме экзакионитов так называемых, то есть ариан; и исторгли из Церкви Анастасия. Сей же Анастасий много строил в Константиновом граде, также и во многих городах, и отишия, то есть пристани, и бани и иное многое.

О смерти царя Анастасия

Когда сей Анастасий спал, приключилось ему увидеть во сне мужа страшного, который держал хартию в руке, и сию хартию разогнул, и Анастасиево имя обрел, и Анастасию сказал грозно: «Ибо видел Бог благочестие Иезекии, почтил Он его житием долгим и избавил от врагов. Твою же злобу, и ересь, и мерзкие дела возненавидел Бог, и отсекает от жития твоего 14 лет». И, сие сказав, стер сей муж страшный в хартии имя Анастасия.

И сразу же царь поражен был раной погибельной, и молнией свержен был, и побежал по палатам царским, и умер.

Во гробе же затворен был Анастасий, и через несколько дней вопль испустил из гроба и воздыхание горькое из скорбного сердца, и милости просил у стерегущих, и умолял их оттуда вывести его. Они же отвечали: «Другой царь теперь». Он же в ответ им сказал: «Ничего же я о сем не говорю. Только отверзите сей темный гроб, да увижу я сладкую зарю солнечную». Но не было никого же, кто бы помиловал или пощадил его, поскольку злым и при кончине сопротивляются все.

Случилось же вскоре гробу его отверстому быть, и мертвец окаянный всем открыт был. И можно было видеть печальное видение и достойное слез, ибо обрели его изъевшим снятые с ног сандалии свои, и мышцы его были как чужие. Некоторые же говорят, что и с Зеноном таковое же приключилось. Много раз недугом объят был он конечным, и думали, что он умирает, но снова живым являлся Зенон, и сего ради вскоре положили его во гроб, он же снова ожил. Жил сей Анастасий 80 лет, царствовал 27 лет и 4 месяца.

И когда умер Анастасий, послали друг ко другу послания патриархи Илия и Флавиан, которых сослал в заточение царь, и было написано в посланиях: «Анастасий царь умер. Пойдем и мы, да судимся с ним перед Богом». И через два дня преставились святые к Богу. Сие ведая, властители, не творите насилия маломощным, дабы не предали они вас Богу. Там жестоко наказаны будете. Ибо сказано: «Огнь их не угаснет и червь их не умрет», и сказано сие о неправедно судящих, и отымающих чужие имена, с великою гордостью возносящихся, не помнящих

дня Судного. Когда же придет час смертный, то хоть всего света богатства лишиться рад, только бы душа от тела не разлучена была, ибо смерть грешников люта. Восстав же с ложа того, опять на те же дела злые идете и еще на худшие. В дома богатых входите, обижаете, грабите, без правды судите, лицемерите, силой отнимаете, убогого не милуете, сироты не жалеете. Когда же придет смерть, то все сие пропадет у тех, кто имение собирает. И не помним, что Господня есть власть: кому же хочет, тому же и даст. При сем царе Анастасии преставился в 4-е лето царствования его Евфимий Великий. При сем же царе подвизались старцы Савва Освященный и Феодосий Киновиарх, и Иоанн Постник, и Кириак Отшельник.

Царствование 15-ое, Юстина, который царствовал в Константиновом граде

После Анастасия же Дикороса воцарился Юстин из селения Бедериана во Фракии, в консульство Магна, месяца панема, то есть июля, в 9-й день, индикта 11-го; год же был, по-антиохийски, или по-сирийски, 6-й и 60-й и 500-й. На сего же Юстина воины со всем народом возложили венец и поставили царем. Был же он комитом экскувиторов, то есть начальником ближних воинов царских. Царствовал же Юстин лет 9 и дней 22. Был же он телом средний, в войнах доблестный.

Как только Юстин стал царем, он убил Амантия, препозита, то есть начальника, придворных евнухов, и Андрея Лавсиака, кувикулария, то есть постельничего, и Феокрита, комита, того Амантия родственника. Того же Феокрита хотел поставить сей Амантий царем, и дал сему Юстину золото, чтобы он раздал народу, да поставят Феокрита царем, и Юстин раздал золото.

Воины же и народ, взяв золото, не возлюбили Феокрита, чтобы он был царем, но поставили Юстина. После воцарения же его как противников убил Юстин их обоих — Амантия и Феокрита — в палатах царских, внутри. И князей, которых изгнал до него Анастасий, Юстин обратнo привел.

В начале же царствования Юстина взошла вечером на востоке солнца страшная звезда-комета, которая простирала лучи долу. Сию звезду иные называли Погония, то есть Бородатая, и боялись ее. В первое же лето царствования Юстина бежал Севир, патриарх Антиохии Великой, в Египет, убоявшись Виталиана.

Стал же Павел патриархом во Антиохии, был он из странноприимцев Константинова града. Сей Павел 630 епископов собора Халкидонского повелел внести в книги церковные каждого города. Сего ради был раз-

дор великий, и не приобщались к Павлу многие, говоря: «В том соборе Несториево мудрствуют».

При сем Юстине появилась некая жена, из Киликийской страны, из великанского рода, с превеликим телом, высотой и широтою больше всякого человека на локоть один еще, которая ходила и просила вдоль по всей Греции. И пришла она в город Антиохию, и взимала с каждой лавки и мастерской того города по медной монете одной, и скопила, если же перевести в серебряные монеты, таких монет 40. Ей же антиохияне прозвище дали Фелера, и отошла она от того города.

В царствование же сего Юстина Цафий, царь лазов, в Персидской стране был. Тогда же царствовал в Персии Кавад и имел он у себя в подчинении Цафия. И бежал Цафий, царь лазов, от персидской, языческой веры, и взошел ко Юстину царю в Константинов град, прося, да поставит Юстин его царем над лазами, и да станет Цафий Христианином.

И взял Цафий себе жену грекиню, внучку Иоанна патриция, который был в придворной должности куропалата. И сию грекиню Валериану взял Цафий с собою в свою землю. Поставлен же и венчан был на царство Цафий царем Юстином. И стал носить Цафий венец римский царский; и окрил, то есть одеяние, белое все и шелковое имел, и вместо багряницы наушву, нашивку золотую плоскую, и на той были застежки малые с орлиным образом царя Юстина, сапоги же его были из своей страны, червленые, с жемчугом, по-персидски, также и пояс у него был с жемчугом.

Взял же у царя Юстина Цафий даров много, и так женой ему стала Валериана, которая была вынуждена выйти за Цафия во иное царство.

И, уздав сие, Кавад, царь Персидский, отправил царю Юстину такое послание: «Мир и любовь между нами. Зачем же ты вражеское творишь? Вот ведь подчиненного мне царя лазов ты поставил, который не был под римской властью».

И отправил Каваду ответ Юстин царь: «Мы никого же, под твоей царской властью находящегося, ни прияли, ни поставили. Но пришел некто, именем Цафий, в наше царство, и умолял, и припадал к нам, и желал избавиться от скверной языческой веры, и от нечистых жертв бесовских, и от прелести неправедной, и Христианином пожелал быть сей Цафий и сподобиться силе вечного Бога. И сего ради Христианином он стал и сподобился Небесных Таин, и во свою послали мы его страну». И был тогда гнев между римлянами и персами, и снова вскоре пришли они к любви, и установили дань, и был мир.

В тот же год умер Павел, патриарх Антиохийский, и стал Евфрасий патриархом, иерусалимлянин, который великое сотворил гонение на так называемых правверных, и многих убил.

Во 2-е же лето царствования Юстинова прияла старейшинство венетская сторона во всех городах, больше же всего во Антиохии Великой, и закалывали прасинов, встречая их, и, более того, ходили и скрывавшихся в домах убивали.

Сей же Юстин устроил так, чтобы игры Олимпийские не творили во Антиохии. И было возгораний много во Антиохии Великой.

И снова после сего начались возгорания по многим местам в том городе, и никто же не ведал, откуда огонь возгорается. От керамид, то есть глиняных плит, кровельных сначала возгорался огонь, так что думали князи, что из-за уособицы сие бывает.

По просьбе же Евфрасия патриарха послал царь погоревшим домам золота два кентинария.

О казнях Антиохии, пятое разрушение

Случилось же так в годы царствования Юстина, что пал от Божия гнева город Драч, то есть Диррахий, из которого же был Анастасий царь, который много там создал, также и здание для конских зрелищ.

Юстин же много послал золота на поновление города того. Сей же город прежде назывался Эпидамн. И Коринф же тогда пал, столица Эладская. И много туда Юстин послал золота на строительство.

И на другой год в царствование Юстина пал от Божия гнева город Аназарб, столица Второй Киликии, и воздвиг ее царь.

В том же году потоплена была от Божия гнева водами речными Эдесса, город большой, столица епархии Осроена. Вечером поздним река, называемая Скирт, которая там посреди города течет, и творит красоту, и дает все потребное городу, по Божиему гневу, наводнилась больше моря, и заполонила город и живущих в нем, и дома стоящие повергла. И кричали же живущие в них, чтобы спасли их, и не могли помочь себе, и в тех домах умирали бесчисленно. Молвили же другие, из того города бежавшие, что некогда также затопляла город сия река, но не так, чтобы потопить всех.

После того же, как перестал гнев Божий, и вода иссякла, и когда стали строить вблизи реки основания постройкам, то обрелась каменная плита большая, на которой же было изваяно писание такое: «Се Скирт река играет злые игры с горожанами».

Сия же Эдесса создана была Селевком Никатором. И прозвал сей Селевк город так, ибо в Македонии в древности город с таким названием был. И когда же прежде город пал, то прозван был город, как ныне зовется. Много же посылал Юстин золота в каждый город из выше названных, и посылал сей царь, и поновлял их, и еще лучше их сотворил.

И уцелевшим жителям этих городов много дал золота царь Юстин, и Эдессу прозвал Юстинов град.

В 7-е же лето и в 10-й месяц царствования Юстина, 4-го индикта, пала от Божия гнева Антиохия Великая, Сирийская. Пятое сие разрушение было месяца артемисия, то есть мая, в 29-й день, в 6-й час дня, когда консульствовал в Риме Олибрий. О сем же разрушении не поведать устами. Заваленные постройками люди, по повелению Божьему, исходящим из-под земли огнем сожжены были. Исходили же из воздуха искры огненные и зажигали, как молнии, то, что обретали, и кипела персть земная от жара, и углями делалась земля, и растрескались основания зданий, ослабляемые землетрясением и в огне горевшие. И бежавших встречал огонь, и кроющихся в домах теснил. Развевало же полевую персть по городу, и объял все сей огонь, как бы один раз от Бога повеление приял и во всяком же теле в одно время запален был.

И было видно вещь страшную и дивную — огонь, исходящий вместо дождя, и дождь, приносящий горячий пламень; огонь дождем разливался, и дождь был как пламень палящий и вопиющих на земле поедал. И христоролюбивая Антиохия истреблена была; не осталось же в таком славном городе ничего, разве только к горе прилежащие постройки по одному ряду.

От источника же, называемого Олимпиады, и до ворот можно было видеть явно стоявшие там рассыпанные стены, угрожавшие смертию. Многие же из сих стен пали и побили живущих там и прохожих. Ни одной же постройки, ни дома никакого же, ни обители городской не осталось, которые бы не были разрушены. Ни святой церкви, ни монастыря, ни места святого никакого же не осталось, но все было разрушено, и пало; из стоящих же построек иные рассыпались полностью, иные же большей своей частью. Из преисподних же глубин исходил как песок морской и сыпался поверх земли, мокроту имея воды морской и смрад. Великая же церковь, которую создал Константин царь, и которой не было подобной в Греции, когда Божий гнев был, и все пало, осталась сия стоять дней пять после казни, и внезапно и та от огня возгорелась и рассыпалась до земли. Также и церковь великая Архангела Михаила и церковь Святой Богородицы Марии распались до земли.

Зенон же создал церковь Архангела Михаила. Сии оба честные дома стояли невредимыми никак же от землетрясения, после гнева же Божия внезапно возгорелись от огня вместе. И Святых Пророков церковь и Святого Захарии потом рассыпались до земли. И другие же церкви, которые не пали от землетрясения, от огня рассыпались до основания.

Погибло же во Антиохии тогда горожан и чужестранцев, мужей, и жен, и детей, и старцев душ, как сведущие говорили, 200 тысяч и 50.

Был же праздник Спаса нашего и Бога Вознесения, и многое множество людей сошло извне в город, творя по обычаю честное собрание в церкви, называемой Кратеон. Само то землетрясение показало и гражданское множество, и великое, бывшее у них, имение и богатство, и городское величество в долготу и в широту многую. О благолепии же города и о красоте домов странники, прежде видевшие город и пришедшие после сего, говорили: «Весьма таковое от мира сего отишие и вселенной прибежище опустело. Где творений тех красота?» Многие же из засыпанных извлечены были живыми и умерли, другие же из уцелевших горожан из своего имущества, что могли, взяли и бежали, неся необходимое для оставшегося жития своего.

И встречали горожан разбойники, которые ходили странников грабить, и отымали у них то, что те несли. Ходили же они грабить и разбойничать, так что и многих убили, ибо люди противились отдать им свое, поскольку, кроме как на то имущество, не на что им было надеяться, что сохранят они жизни свои. И тогда взимали у них разбойники то, что они несли, когда убивали их. Входили же и в город и грабили засыпанное пришельцы, и обретали же ковчезцы серебряные, и серебро, и лежащие золотые монеты рассыпанные, и жен многих, украшенных золотом многим, и дорогим камением, и жемчугом. Показалась же на сих разбойниках и пришельцах Божия сила: сколько же уцелело тех, которые отымали что либо, те сразу же умерли все, и ни один из них не остался живым — одни же гнили, одни же раздробляемы были телом; делами рук своих являли они свои грехи и предавали свои души.

Среди них же грабил много с рабами своими Фома некто, силенциарий саном, называемый Ервеов, который вышел в землетрясение целым вон из города того на два или три поприща у ворот Святого Юлиана, и там жил, и отымал у мимоходящих и бежавших все без Божия страха, также и с разбойниками, грабившими засыпанное, взял он много золота. Сие же творил 4 дня и взял много золота, и серебра, и иного имения. Поскольку же губил он все, внезапно, здоровым будучи и в силе, распался он, и, не переписав число всему, что он пограбил, так неожиданно испустил дух. И все слышавшие о сем прославили праведного Судию Бога. Рассыпалось же все имение его, старейшинами его разграбленное, и погибло, так что не осталось у него ничего, разве только риза, которую же носил он, в которой же на том месте и засыпали его, страха ради говоривших на него горожан.

Показались же некие Божие тайны. После 20 дней и еще одного вышли разродившиеся жены из-под завалов здоровыми. Многие же породили, под перстию будучи на земле, и изошли с младенцами родившимися через несколько дней без вреда, и живыми были с родившимися от них.

Другие же дети, самые крепкие, живыми были и после 30 дней. А другие же сосали матерей своих умерших и лежали около них, и дети живые лежали у них и сосали от мертвых жен. И много еще более дивного, чем сие, было и невероятного, чего же язык человеческий сказать не может, но только один безсмертный Бог ведает Свои тайны.

В третий же день после падения города, то есть в день недельный, в час 8-й, явился Честный Крест на небе в облаке, обращенный к западной стороне города.

И все видели сие и пребывали в плаче, и молились, и час 1 полный также и пребывало видение. После падения же города было и иных землетрясений весьма много, можно сказать, всякий час они были. Смертный тот день долгое время пребывал, год один и с половиной. И ничто же не пало из оставшегося, ни дом, ни церковь, ни иное что. И больше не было падения ни в какой час, но, как кто-то сказал, как бы повелено было Человеколюбцем Богом так стоять им и не падать, и не пали сии постройки от землетрясений, бывших после сего.

Селевкия же и Дафна, и окрестности их на 20 поприщ в долготу и в широту погибали еще больше от падений при землетрясениях.

И много кентинариев золота послал сей Божественный царь Юстин, как никто же из царей, на воздвижение разрушенного. Как только же о случившемся стало слышно, сразу же царь снял венец свой и багряницу и жалел о сем долгое время и оплакивал, и ничего же не творил, ни зрелищ не устраивал в Константиновом граде, ибо Юстин знал тот город Антиохию, и почитал его, и любил.

Также и во Святой четверг Пасхи вошел Юстин в церковь Константинова града, и вышел из палат царских в собор без венца, в багрянице одной, и оплакивал случившееся перед боярами и перед горожанами. И все бояре в скорбные ризы облеклись и, зря на Юстина, также оплакивали разрушение Антиохии.

Послал же сей царь из Константинова града сперва Карина комита с пятью кентинариями золота на откапывание, если нечто уцелело из имения горожан, да соглядают тщательно разрушение, и придут, и скажут царю, что надо сотворить.

Затем же послал Юстин патриция Фоку, Кратерова сына, мужа богатого, отправил же с ним и патриция Астерия, и епарха городского, мужа мудрого, и сказал Юстин: «Позаботьтесь же и о других людях, что уцелели, также и о том, чтобы прочие здания города создать скоро». И дал им золота много, и сказал им о других местах в городе, и о соборных банях, и о водопроводе, и о местах города того, так как ведал Юстин сам тот город хорошо, ибо жил в нем долгое время, когда ходил с вое-

водами на персов и бился с ними. И всякий день писал Юстин к тем патрициям: «Пекитесь о городе моем и сколько кентинариев требуется, пишите, и то вам отправлю».

После восьми же лет и других месяцев 9-ти и дней 5-ти царствования Юстинова воцарился с ним Божественный Юстиниан, родственник его чудный, мирно, с царицею Феодорою. Поставлен и венчан был на царство сей Юстиниан Божественным Юстином, братом отца его, месяца ксантика, то есть апреля, в 4-й день, индикта 5-го. Год же 5-й и 70-й и 700-й был, по исчислению Антиохии Великой, при консуле Маворции, который в Риме консульствовал. Посылал же сей царь Юстин золото на строительство и создал многое.

Сии же цари сотворили гонение на врагов Божиих, на манихеев, и мучили многих. С ними же мучена была жена патриция Андроника и иные с нею.

И с тех пор прекратились зрелища. Выдано же было на поновление города кентинариев 30, на церковное поновление кентинариев 10.

В то же время случилось Божественному Юстину заболеть от трех ран, которые же получил он в ногу свою от стрелы на сече, и умер Юстин месяца лаоса, то есть августа, в 1-й день, в день недельный, в час 3-й, индикта 5-го. Когда же умер Юстин, было ему лет 76. Было же всех лет царствования его лет 9 и дней 22, а с сыном брата своего царствовал 4 месяца.

Есть же от начала царствования Августа Октавия, диктатора, до окончания второго консульства сего Юстиниана, когда 7-й индикт закончился, лет 6059. Так что было от первосотворенного Адама до царственного консула Божественного Юстина, до окончания срока его консульства, всех лет 6407, до окончания индикта. Года же в Антиохии, что на Оронте, Божиим городе сирийском, начинали же от Цезаря Юлия. По летоисчислению же, принятому в Александрии, что на Ниле, городе египетском, пятый год был, и 40-й, и 200-й, начиная же от Диоклетиана. По летоисчислению, принятому у так называемых же сирийских македонцев в Апамее, был год 40-й, начиная же от Селевка Никатора. Обрели же мы сие число лет в писаниях Тимофея и Феофила, премудрых летописцев, одинаково говоривших. В летописании же Евсевия Памфилийского обретаем число лет от Адама до консульства Юстиниана, 7-го индикта, кончающегося, лет 6032. Истинно, думаю, Феофиловы, и Тимофеевы, и Климентовы дети считают года, сложив каждый в своем писании. «1 шестую тысящу полагают лет, сложиша кождо в свое писание мимошедшую и седьмую тысящу, благо ко вне приити в мир от мног с настоящим благом седьмым индиктом». Есть же от Создания мира до второго консульства Божественного Юстиниана лет, как сказано выше,

6032. А от создания же пребогатого Константинова града, от месяца мая, то есть артемисия, 11-го дня, до прежде упомянутого консульства второго сего Божественного Юстиниана, до окончания седьмого индикта лет 199, ни менее, ни более. Древних же царей годы исчислять нельзя по прежде написанному числу лет царствований их, поскольку два царя совместно царствовали, также и чад своих еще в детстве венчали на царство отцы их, и со своими чадами царствовали. А другие же в Риме царствовали. Летописцу же нужно записывать все лета, сколько же их есть, какие царствовал царь, с того же времени, как он был наречен царем. Хорошо же есть читающему летописания количество смотреть мимотекущих лет, и не только от прежде описанных царствований.

О Юстиниане царе, как царствовал в Риме

После царствования же Юстина царствовал один Юстиниан в Риме. От того же времени наречен был царем. Было сие месяца ксантика, то есть апреля, в 4-й день, индикта 5-го. Год же был, по антиохийскому летоисчислению, 75-й, в консульство Маворция. Был же Юстиниан телом низок, «речью на римскую совращаяся, и пища несоблазненно». Дал же Юстиниан консульские игры, 6-го индикта, и столько сыпал золота и раздавал, сколько никто же из царей консульствовавших. В том же году персы бились с царем лазов Цафием, так как тот присоединился к грекам.

И просили о помощи лазы царя Юстиниана, и отправил он им многую помощь и воевод трех: Велисария, и Кирика, и Ириней; и многих из персов тогда погубили.

Сей же царь Юстиниан поновил город в Софаненской области, в Армени, именуемый Мартирополь, и сотворил городу стены новые вместо ветхих развалившихся.

В царствование же сего Юстиниана приложился к грекам царь герульский, Гретис именем, и пришел в Константинов град с воинами своими. И поклонился Гретис царю Юстиниану и просился стать Христианином, и на святое Богоявление крестился, и воздвиг его со креста, то есть восприял от купели, сам царь Юстиниан.

Крестились же с Гретисом и бояре его и два чада брата его. И многие дары дав царю герульскому, царь Юстиниан отпустил его.

Царь же Зенон доверял епарху Платону, и сан магистерский дал ему, и поставил его на Востоке воеводой, дав ему всякую власть творить то, что он хочет, и дукой его сделал.

В годы же те, когда царствовал над римлянами в Константиновом граде Юстиниан, над персами же царствовал Кавад Дарасфен, в Риме

же был королем Аталарих, из королевского дома Амалов, в Африке же был королем Хильдерих, во Внутренней Индии над аксумитами и химьяритами царствовал Калед, христианином быв, в Лазике же царствовал Замала. В прежде же упомянутый год царствования Юстиниана поставлен был им стратилат, то есть военачальник, в Армении, именем Цитт. Не имела же в прежние годы Армении стратилата, но только сатрапов, и дук, и комитов, и князей.

И дал же сей царь Юстиниан Цитту стратилату многочисленных воинов, из той земли происходивших, и поставил их в сан, и приял к себе воинов стратилатовых на службу. И было сие большой защитой и помощью грекам. Поставленный же стратилат Цитт был же доблестным мужем и храбрым, он же и сестру благочестного царя Юстиниана взял в жены, именем Комиту, и закон они исполнили в Антиохийских палатах, возле здания для зрелищ конских Константинова града.

В том же году заповедал устав сей царь Юстиниан о епископах, и о церковных служителях в должностях икономов, и спрокормцев, и нищекормцев. И повелел Юстиниан не причащаться им, если они что-либо приложат к прежде бывшему или к прежде сказанному имению, если они имели таковое, когда только поставлены были в должность. То есть следовало теперь хотящим быть в сих должностях писать о том, какое кто имеет имение, когда будут им поручены церковные поручения, и чтобы так было: либо состоящий в должности причастится, либо приложит нечто к своему имению. Сие сделано было, чтобы шло на церковь или в то место, которым управляет, все, что после своего вхождения в должность сей приобретет.

В то же лето поновил Юстиниан пригород, Смоковницы называемый, напротив Константинова града, и здание для зрелищ его, и стены дал ему, и водопровод; город же прозвал Юстинианов град.

В то же лето приложилась к грекам, то есть к сему царю Юстиниану, из гуннов, называемых савирами, жена некая, чужестранка, доблестная и мужеством, и мудростью, именем Воа, королева-вдовица; имела она двух сыновей малых; прияла же власть она в Гуннской стране после своего мужа Влаха умертвия и была союзницей Божественного Юстиниана. При помощи даров многих, жемчуга, и вещей золотых и серебряных, и иного золота поставил Кавад, царь персидский, из иного народа, из гуннов внутренних, королями двух сыновей, Стиракса и Глона, чтобы помогали они ему, идущему на римлян.

И схватила сих королев Воа королева, когда шли они в Персию через ее землю, к Каваду, царю Персидскому, было их 12 000, из них же множество посекала Воа королева со своими мужами.

Стиракса же короля одного, схватив, связанным послала Воа королева в Константинов град к Юстиниану. При сего Юстиниана царствования мучен был Немемпиан.

Царствование 16-ое, Юстиниана Великого, который царствовал в Константиновом граде

После Юстина же царствовал Юстиниан Великий, сын брата его, 39 лет. Он обновил великую церковь Святой Софии в 22-е лето царствования своего, дав ей новую красоту и величие. Сначала же создана была сия церковь Констанцием, сыном Великого Константина.

Сказание о создании великой Божией церкви Святой Софии, что в Константиновом граде, которую создал благоверный царь Юстиниан

Таково же есть создание в Константиновом граде Святой Божией великой церкви, называемой Святой Софией. Первым воздвиг ее великий царь Константин образом подобную церквям Святого Агафоника и Святого Акакия. И, скончав сие, поставил и иных много церквей до лет царствования Феодосия Великого.

И, когда проходил Второй вселенский собор в Константиновом граде, возмутились же ариане и попалили покров Святой Софии.

Нектарий же патриарх восседал в ветхой церкви Святой Ирины, которую же создал Константин царь. Минуло же два года, которые Святая София простояла непокровенной. Царь же Феодосий повелел Руфину магистру, да покроет ее мрамором.

Через 32 года после Феодосия царя и после Константина царя через 200 лет, и после того, как убиены были на конеристалище 1000 и 600 мужей, вдохнул Бог в ум благочестивому царю Юстиниану создать церковь Святой Софии, каковой же не бывало построено со времен Адама.

Царь же Юстиниан написал воеводам своим, и начальникам, и судиям по всем странам дани собирать в установленном размере, во всякой стране восточной и западной, и полуденной, и полуночной.

Собрав же дани, послали их к царю, со всех островов 50-ти. И было дани богатство великое, и было золота 600 кентинариев, а серебра 2000 кентинариев; а один кентинарий имеет 120 литр.

И повелел царь разузнать повсюду, где обретаются церковные столпы и подстолпия, и надстолпия же, и перегородки дверные, и апсиды, и мраморы, и прочее, что нужно для церкви. И все повеленное царем взяли от ветхих идольских церквей и от ветхих бань и домов.

И се некая жена именем Марция дала в дар для Святой Софии 8 столпов зеленых досточудных из римского храма, созданного самодержцем Аврелианом, о чем сообщил Плутарх, писец Юстинианов, и привезли столпы к церкви.

Те же 8 столпов зеленых чудных привез из Эфеса в Рим Константин воевода. И сделаны все они были равными в широту и равными в длину, и все были в одну меру.

Прочие же столпы некоторые из Кизика, некоторые же из Троады, иные же с Окружных, то есть Кикладских, островов цари и князи прислали.

Также и прочее все готовили, что подобало иметь церкви, и прочие все материалы, все же сие собрали за 7 лет, к 12-му году Юстинианова царствования.

Прежде упомянутую церковь, великим Константином созданную, Юстиниан до основания разобрал, и материалы ее рядом сложил, не имея потребности в них, поскольку же много и бесчисленно материалов приготовил, которые были тех изряднее.

Купля 1-я. Начал же Юстиниан выкупать дома, вблизи там бывшие. Первым же был дом вдовицы некоей, именем Анны. Дом сей оценен был в 200 и 80 литр золота. И посылал к ней царь вельмож своих, прося о доме ее, и никакого же не имел он успеха.

Тогда и сам царь пришел и спросил вдовицу о цене дома ее. Она же сказала царю: «Не хочу золота приять за дом свой, но в той, которую же хочешь создать, церкви Божией, да погребена я буду вблизи от дома моего и да поимею я мзду в день Судный». И обещался ей царь погребсти ее там и после строительства церкви поминать ее. На месте дома ее расположилась сосудохранильница вся, то есть хранилище церковной утвари.

Купля 2-я. Был некто Антиох в сане остиария, то есть привратника, скопец, и там тоже был дом его. И скорбел сей остиарий очень, и не хотел продать дома своего. Царь же был праведен и не хотел приобидеть никого же. И скорбел царь и печалился, размышляя о том, что сотворить. Воевода же магистр, царева имения хранитель, обещался царю устроить сие дело некоею хитростию.

Остиарий же сей любил конеристалища и конные соревнования от всего сердца; тогда магистр затворил его в темнице; когда же настал день соревнования конного, начал остиарий скопец звать в темнице и говорить: «Выведите меня, да увижу соревнование конное и сотворю волю цареву».

И извели остиария из темницы к месту престола царского, где же поклонялись царю, и там сотворили продание дома его за 38 литр золо-

та. На месте же дома его расположился алтарь весь, и место амвонное, и пространство до середины церкви, и в алтаре колодец святой, то есть Иордань. И записали там куплю чиновники: и квестор, и все советники, и еще до испытания коней.

Устав же был древний: когда исходил царь на престол свой, сразу же бежали кони с колесницами, которые в тот раз оставались праздными на время переговоров со скопцом. И до сего дня так исходят колесницы конские.

Купля 3-я. На месте же, где была создана правая сторона церкви, женская, до столпа святого Василия, жил некто Ксенофонт, мастеровой человек, который, желая продать дом свой, просил у царя не только золото за дом свой, но и чтобы на ближайшем конном соревновании почтен он был и поклоняем от 4 колесничных ездоков. Царь же повелел для смеха быть сему.

И в день следующего соревнования конного сидел Ксенофонт посреди перегородки на конеристалище, и поклонялись ездоки спине его для смеха прежде восхождения их на колесницы. И сие было до дней царя благочестивого Константина Багрянородного, который вместо того устроил так, чтобы поклоняться там честной иконе владыки Христа Бога нашего и родившей Его честной Богоматери, и святого Иоанна Пророка и Предтечи. Облачался же внизу тот Ксенофонт и так поклоняем был, облаченный по образу скопца в ризу белую тканую, и «князем преисподних» его для смеха называли. И записали куплю дома Ксенофонта.

Купля 4-я. На месте же, где была создана левая сторона церкви, от возвышения до столпа святого Василия, был дом Харитона скопца, также прозываемого Хинопол, то есть Гусей продающий, который продал дом свой с благодарением за 30 литр золота. И записали куплю дома его.

Купля 5-я. На месте же, где была создана нижняя часть церкви, и 4 притвора, и баня окрест их, там был дом Дамиана, патриция селевкийского. И продан был дом его за 90 литр золота. И, прияв золото за дом, со мною радостью Дамиан отдал его для постройки на его месте церкви. И записали куплю дома Дамиана. От алтаря же и нижних переходов заложил там Юстиниан по кругу основание великого верха, от переходов же и до западного притвора.

Прежде же основания Святой Софии иную церковь малую сотворил Юстиниан, прекрасную, округлую, золотом покровенную, во имя святого Иоанна Крестителя, называя ее Крещенской. Там же поставил вблизи часовни крестильницу. Пребывал же Юстиниан там неподалеку с боярами своими много же раз, и обедал там царь.

О закладке Святой Софии

Царь же Юстиниан, размерив место, обрел в основании вечный камень, от алтаря даже и до нижней стороны. **О создании Святой Софии.** Начал же царь создавать основание церкви. И призвал Юстиниан Евтихия патриарха с собором его. И все были в ризах, и сотворил патриарх молитву на основание церкви. По скончании же молитвы царь Юстиниан приял дело своими руками, и взял корец с глиной и известию и, воззрев на небо, возблагодарил Бога, говоря: «Призри, Господи, на храм сей, и сотвори в нем обителище Себе, и услыши в нем молитву раб Своих». И заложил Юстиниан основание первее всех, а народ стоял окрест, и после царя начали все делатели делать.

Тогда же и проход создал Юстиниан от палат царских до Святой Софии, чтобы приходить ему часто и невидимо ни для кого же. Было же искусных мастеров 100, имеющих наймитов по сто, так что было всех наймитов 10 000.

Был же первый зиждатель Миханик, второй — Игнатий, и было носящих камене 30 000. Начали же делать восточную сторону 5000 мужей, и западную сторону 5000 мужей, и полуденную, то есть южную, сторону 5000 мужей, и полуночную, то есть северную, сторону 5000 мужей, поскольку со многой спешностью дело творили.

Ангел же Господень во сне показал царю, какова будет церковь. В котлах же варили ячмень с водою и подмешивали в известь и в глину вместо воды, и становилась известь та клейкая. И от дерева, называемого вербой, отсекали, и отсеченное метали в котлы, и варили с ячменем. И творили корыта на 4 угла, имеющие по 8 локтей в ширину, и в длину 8 локтей.

И было основание церкви 20 локтей в толщину, а в длину стены были 100 сажен, кроме алтаря и притворов, а с 4-мя притворами 170, а ширина такая же. И можно было видеть тогда основание, что оно, как железом, держалось, и сделали стены над основанием в 2 локтя. И дано было золота 355 кентинариев. Сим же ведал созданием и записывал магистр некий, царева имения хранитель.

Сребреники же, то есть серебряные монеты, приносили из палат царских и полагали в часовне. Те, кто возносили камни на стену, за один камень принимали по сребренику. Царь же не велел ни единого же приобидеть. И се так было: один же из носивших похулил царя и, воздохнув, негодовал, и сразу же, пав на землю, повергся и умер.

Стены же все превозвышались, и большие столпы римские уже стояли, были они зеленые, мраморные, и иные все столпы подставили в церкви под верх и под переходы, столпов 8, кроме созданных, а дверей было по всей церкви 300 и 60.

Царь же подвизался от сердца к Богу, и в полдень же не спал, но много старание и прилежание имел о святой церкви, так что приходил он по многу раз, и смотрел за тем, как секли камень, и за древодельными работами. И всех, кто делал с постельничим Троилом, — было же их 300 человек, — видел царь, и многое старание о них имел, и все им необходимое давать повелевал, и кроме их мзды благодарил их и воздавал им. В каждый же день недельный один раз или дважды по золотнику, то есть по золотой монете, или более подавал им. Облачался же царь в тонкую и белую одежду, и убрус, то есть плат, темный имел на голове своей, и в руке своей имел жезл.

Возвел же Юстиниан переходы восточные, и западные, и северные, и южные, и сии покрыл, как и другие переходы. Возвел же стену в 15 сажень. И не было принесено сребреников из палат царских, в день субботний, в час 3-й. И повелел начальник делателям всем и мастерам идти к царю на обед. Пошел же и прежде упоминавшийся Игнатий, главный зиждитель надо всеми, на стене оставив сына своего Исаию, 15-ти лет, стеречь строительные орудия, там же, где строили, на правой стороне.

Чудо 1-е, о явлении ангела Господня. Когда же сидел отрок Исаия на стене, явился ему отрок кажник, в светлую одежду одет, прекрасный видом, и, как бы из царевых палат посланный, сказал Исаие тот отрок так: «Из-за чего не кончают дела Божиего зиждущии, но, оставив дело, отошли они обедать к царю?» И сказал ему Исаия: «Господа мои скоро приидут». И сказал скопец: «Нет, но лучше пойди и скажи им, что тороплю я их ко исполнению дела. Пусть они не медлят там». Отрок же сказал в ответ: «Не могу оставить орудий, да не исчезнет что-либо из них». И сказал ему скопец: «Иди скоро и скажи им, да приидут скорее, и я клянусь тебе, во имя Святой Софии, Премудрости Божиего Слова, в чье имя церковь сия зиждется, что и я буду стражем, приставленным к церкви сей, и не отойду отсюда, пока не возвратишься ты сюда, ибо здесь мне повелено пребывать и хранить славу Божию». Сие же слышав, отрок пошел скоро к отцу своему и к прочим делателям, оставив там ангела Господнего охраняющим строительство.

Поведал же отрок Исаия о случившемся отцу своему и всем прочим. И встал отец его и повел его к царю Юстиниану. Расспросил же царь отрока и призвал всех скопцов и отроков своих, и показал Исаие всех по одному, говоря: «Не сей ли? Может, сей?» И сказал отрок: «Ни один же из сих скопцов не подобен оному скопцу, который был в белых ризах, и от обличия его как бы огонь исходил». И уразумел царь, что то был ангел Божий, и прославил Бога, и радовался радости неизреченною тому, что благоволил Бог делу его, и еще больше тому, что уведал название церкви, то есть Святая София, Слово Божие, поскольку сначала

Юстиниан не имел названия церкви, и в затруднении он был и в печали о церковном названии. Царю же Юстиниану пришла в голову мысль, чтобы больше не возвращать Исаию на стройку, чтобы хранил церковь ангел Господень до Скончания сего мира, по клятве его, которую он сотворил.

Чудо 2-е, о недостававшем золоте. Было же сие на правой стороне церкви, где же ныне честная икона великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа утверждена, когда довершили зиждущие работу свою на верхней части стены, и поставили верхние столпы, и начали строить переходы, и покрыли их кругом, и был царь прискорбен из-за оскудения золота, поскольку не было еще завершено строительство. И было в субботний день, когда стоял царь высоко на постройке, и хотели воздвигнуть верх, в 4-й час дня явился к царю муж скопец в белых ризах, и сказал ему: «Что скорбишь, владыка?» И сказал царь: «Из-за строительства, что не могу завершить создание церкви». И сказал скопец: «Завтра скоро повели прийти ко мне вельможам своим, и дам тебе золота, сколько хочешь».

Назавтра же пришел скопец и сказал царю: «Кому повелеваешь воспринять золото?»

Царь же послал с ним Стратегия магистра и Василида управителя и Феодосия патриция, также называемого Колокинфом, то есть Тыковником, и с ними прочих слуг 50 с 20-ю мулами. И с их взял скопец и отошел от Золотых ворот. И когда пришли они на место Трибунал, явились там палаты новосозданные. И вошли они со скопцом в палаты, скопец же отверз им палату одну, и была она полна золота, так что едва отверзались двери; и насыпал каждый из них по мешку.

И прияли отправленные Юстинианом золото, и привезли к царю. Скопец же остался в палатах. Приял же царь золото и сосчитал его, и было золота 180 кентинариев. И удивился Юстиниан, и сказал им: «На каком месте сие было?» Они же возвестили ему бывшее. И пошел царь с привезшими золото на место Трибунал, и не обрел там ни единой палаты, ни дома. И уразумел царь, что то был ангел Божий, и се дар его, и прославил Юстиниан Бога.

Чудо 3-е, о трех оконцах. Когда же хотел совершить святой алтарь, помышлял царь о освещении его оконцами, и не мог решить, сколько оконцев будет, и иногда в один переход освещению быть велел, как же и в прочих частях церкви, иногда же двум оконцам повелевал быть. В один же из дней было, в день субботний, в 5-й час дня ангел Господень явился первому зиждителю во образе царя и сказал ему: «Сотвори оконца 3 пресветлых во имя Отца и Сына и Святого Духа, вместе со словом сим». И, сие сказав, отошел ангел к палате царской.

Первый же зиждитель не мог побеседовать с царем, поскольку скоро тот отошел от него. Пошел же первый зиждитель в палату к царю и сказал: «Ты, царь, слова твердого не имеешь, уже велишь три оконца сотворить — во имя Отца и Сына и Святого Духа». И сказал царь: «Не выходил я сегодня из палат царских». Мастер же поведал царю явившееся ему видение, что видел ангела во образе царя. И сказал царь: «Воистину се ангел Божий был. Как он тебе заповедал, так и сотвори».

Делание же церковное сделано было внутри и снаружи, и столпы и стены железными запорами были стянуты друг к другу, и были они недвижимы по всем стенам. И мешали же известь с ячменем и с глиной, и с растительным маслом делали.

Послал же царь на остров Цветный, то есть Родос, Василида, управителя своего, и Феодора епарха, и сделали они там керамиды, то есть глиняные плиты, равные по размеру и равные в долготу, большие, и надписаны они были так: «Бог посреде ея не подвижится, поможет ей Бог утро за утра». И считающих количество посылали же к церкви, и Троила, спальничего. Были же керамиды в долготу и в широту три локтя. Мерили же 12 керамид по 8 сажен. И создали теми керамидами и тою известью 4 перехода великие.

Когда же начали создавать верх, по 20 керамид кладку творили. Святители же о создании церковном молитву творили и так помогали зиждущим. И были созданы другие 12 рядов, и снова была молитва, и полагали священники на всех 12 рядах мощи святых. Также творили и до скончания церкви, и сотворили ее, и «юношески предстояли».

После сего сотворили предобрые, и дивные, и прямые мраморы напольные. И позолотил же Юстиниан сочленения мраморов, и главы столпов и перекладины переходов с двойным покровом. Толщина же позлащения была в половину перста. Покровы же все вторые и третьи, также как первые, и сторонние, и окрест 4 притворов, и все покровы позолотил Юстиниан, помосты же церковные украсил различными и многообразными мраморами. Окружное же все пространство церкви украсил царь белыми и великими и многоценными мраморами.

Святой же алтарь весь, и столпы все, и перегородки, и двери все из серебра чистого сделаны были. И бывшие во алтарях 4 жертвенника, и 7 ступеней священнических вместе со святительскими, и с многоценными престолами, и с четырьмя столпами теремца и сам теремец, то есть сень над престолом, и иные многие вещи сотворил Юстиниан из серебра чистого, с толстым слоем позолоты. Теремец же различным устройением украсил, сверху же его поставил яблоко все золотое, имеющее меру 18 кентинариев, и крин, то есть чашу золотую, имеющую

меру 6 кентинариев, и сверху сего крина крест золотой, имеющий меру 70 литр и украшенный камением дорогим.

О святом жертвеннике

Святой жертвенник же пречестной Юстиниан сотворил и честнейший, весь из золота, и серебра, и камня многоценного. Помыслил же Юстиниан такое помышление сотворить: совокупил все вещества земные: золото же, и серебро, и камень всякое, и жемчуг, медь же, и пруд, то есть янтарь, и олово, и железо, и от всех веществ земных взял, и вложил это все в горнило разожженное, и смешал, и, когда смешалось подобным образом, изливал получившееся в образ жертвенника. И когда же остыло, высечен был жертвенник и поставлен, и было сие немислимо и непохоже ни на что, ибо каждого из использованных веществ принимал сей жертвенник вид, и совершалось такое, чего не может ум человеческий разуместь, ни рассмотреть красоты той, поскольку иногда золотым жертвенник являлся смотрящим на него, иногда же серебряным, или каменным, иногда же медным, иногда же оловянным, и прудяным, то есть янтарным, или железным. И ноги, на которых же стоит святой жертвенник, и ступени около него сотворил же царь из золота чистого и из серебра чистого, так что дивились красоте жертвенника все видящие его.

Сотворил же Юстиниан двери три передние из серебра и из золота чистого и иные двери, одни же медные, и электровые, одни же из слоновой кости, позолоченные, так что было общим числом церковных дверей разноличных 365.

Помыслил же царь весь церковный испод, то есть пол каменный, сотворить серебряным, и отговорил его афинский звездочет Иерофей Всесветный, известил же ему, что в последние дни приидут люди из царствий темных и возьмут город сей. Царь же отступил от такового помышления. Пометал же всякий день сребреники, и обретали их зиждущии и выносили все, устремляясь к возношению. Церковь же создавали 10000 мужей, то есть тьма, как прежде сказано было. Создал же церковь Юстиниан за 16 лет и 4 месяца.

Амвон же сотворил Юстиниан из камня, которому же имя сардоникс. Вместо надстолпий столбцы же сотворил все золотые с яшмовым камением, и с хрусталем, и с сапфирами. Также и верх амвонный сотворил весь золотой, с жемчугом и со светлыми изумрудами. Сверху же его сотворил крест золотой, имеющий 100 литр и сверху того имеющий жемчуги великие. Вместо же надстолпия поставил золото. Устье же святого кладезя принесено было из Самарии, от того кладезя, у которого, как рассказывают, Господь наш Исус Христос с самаряныней беседовал.

И четыре трубы из Иерихона принесены были, которые были во образ тех труб, что держали ангелы тогда, когда пали стены Иерихона. И честной же крест стоит ныне в сосудохранильнице, то есть ризнице, который является мерой роста Господа нашего Иисуса Христа, как точно измерено было верными людьми в Иерусалиме. И сего ради обложил Юстиниан тот крест серебром чистым, и золотом, и камением многоценным. Тот же крест и до сегодняшнего дня недуги различные исцеляет и бесов от людей прогоняет.

Царь же Юстиниан во всяком столпе снизу и сверху честные мощи святых вложил. Сотворил же и утварь богослужебную по 12 праздникам со златосвященными и многообразными образами из Евангелия, и священные рукомои, то есть чаши для умывания рук, и гольцы, то есть рукомоиники, и комкальница, то есть чаша для Причастия, и блюда все золотые с камением дорогим и жемчугом, числом 1000, и индитии, то есть престольные одежды золотые с камением дорогим 300, венцов 100, чтобы был в каждый праздник различный венец. Сотворил же Юстиниан и платы для Причащения 1000, все золотые, с жемчугом и с камением многоценным, Евангелий 300, с золотом по два кентинария, кадильниц 36, все золотые, с камением по одному кентинарию, и светильников 300, каждый в 40 литр весом, и паникадил, то есть висячих подсвечников, амвонных, и алтарных, и для двух женских частей храма, и для притворов 6000. Установил же Юстиниан доход с 365 селений, из Египта же, и из Индии, и с Востока, и из Азии, и с Запада собирать на нужды церкви.

Также в праздник установил царь взимать масла растительного 1000 корчаг, и вина 300 корчаг, хлебов 1000. Поставил же церковнослужителей тысячу одну от священников до последних служек, певцов 100, разделяющихся и поющих по две недели.

Дал же Юстиниан церковнослужителям около церкви келии по чину их и певцам дома постоялые.

Сотворил же царь и кресты великие золотые со всяким камением, имеющие цену 50 кентинариев золота, и светильника два больших из стекла чистого, имеющих ноги все из золота в кентинарий один, и сверху поставил на них свечи две большие позлащенные с камением дорогим ценой в один кентинарий.

Сотворил же Юстиниан и иных светильников 50 превеликих из серебра чистого, и иных же светильников сотворил 200 в высоту с мужа одного, чтобы стояли сии светильники в алтаре. На амвон же один выделил царь дань, бывшую только в золоте, которую взимали с Египта, 365 кентинариев, и до 1000 кентинариев взимали.

Великий же Константин от Шапура, царя Персидского, и от иных многих первым же на нужды церкви устави́л принимать дань. Се же от

одного Египта имеется уведение о таковой дани церковной, кроме священных сосудов. Из сел приходит туда для всякой вещи церковной 2000 и 200 кентинариев золота.

Юстиниан же царь один начал и один совершил строительство Святой Софии. Удивление же охватывало тогда видящих таковую церковь, блещущую светом, была же она вся светла от золота же, и серебра, и жемчуга, и от прочего украшения всякого. Пол же немалое удивление вызывал у видящих его, ибо из-за различного мрамора виделось как бы море и как река, постоянно текущая, и как бы 4 реки было в церкви, названные по 4 рекам, исходящим из Рая. И положен был закон: да каждый, кто за грехи свои будет отлучен, встанет на сих реках.

Сотворил же Юстиниан крестилище около кладезя, и притвор, и львов каменных, износящих воду из уст своих на омовение простых людей, то есть мирян.

На правой же стороне от церкви сотворил Юстиниан один колодец морской воды, на пядь одну возвышавшийся, чтобы восходила вода. И лестницу одну для восхождения священников поставил же, чтобы вода подходила прямо к лицу того, кто принимал воду. И соделал 12 львов, 12 серн, орлов же, и зайцев, и тельцов, и ворон по 12 сотворил, и вода исходила из уст их на умовение священникам. Место же то нарек — Львово. Там же воздвиг Юстиниан дом позлащенный и хотел же он в церкви спать. О великолепии же, о котором мы прежде рассказали, и превеликой красоте таковой церкви кто сможет поведать? Великий же царь Юстиниан завершил создание Святой Софии со всеми священными сосудами ее месяца сентября в 26-й день.

Вышел же Юстиниан из палаты и пришел к воротам на площади Августеон и сел на четвероконные колесницы, и заклал волов 1000, и овец 6000, и оленей 600, и вепрей 1000, петухов и куриц 10 000, и приготовил пшеницы 20 000 и 300 спудов, то есть мер хлебных, и давал сие убогим в тот день до третьего часа.

Пришел же Юстиниан к Красным дверям с патриархом Евтихием, «и отторгну вся от патриархову руку», и пошел к амвону, и воздвиг руки к Небу и сказал: «Слава Сподобльшему таково дело свершители. Одолех ты, Соломоне, яко не уготовал еси таковыя красоты в дому Господни, во Святая Святых, якоже аз устроих».

После входа же в церковь Юстиниан раздал людям золота по 3 кентинария, начальник же магистр сие просыпал на землю.

На другой же день сотворил Юстиниан отвержение церкви, и больше прежнего заклал жертв, и до Святого Богоявления, 15 дней пир всем творил, и жаловал всех, и благодарил Бога. И так окончил Юстиниан дело свое, которого возжелал, и радовался в себе до скончания своего жития.

Благоверный же великий царь Юстиниан жил после создания Святой Софии 17 лет до преставления своего. Царь же великий и благородный Юстиниан передал тропарь церкви, чтобы пели. Сему же тропарю есть начало: «Единородный Сын, Слово Божие». При Юстиниане Антиохия Феополем, то есть Божиим градом называться начала. Ипопантию же, то есть Сретение, начали праздновать, и не было причтено Сретение к Господским праздникам. Ибо Божественный Златоустец говорит: «В 6 дней сотворил Бог дела свои все, как же и написано, в 7-й же день почил. Потому и в последние дни, когда Божие Слово изволило и взыскать и спасти погибшего, и воплотиться, тем же образом, по числу дней всего Миротворения, и праздники передал нам Господь Своего смотрения: первое же празднество — Христово Воплощение от Святой Девы Марии, после Зачатия же Рождество; 2-е — Просвещение, то есть Крещение; 3-е — Страсти спасительный день; 4-е — преславное Воскресение, в которое же и в преисподней побывал Спас наш Избавитель и воскресил с Собою праведных и веровавших; 5-е же — на Небеса Вознесение, произошедшее в день недели четверг; 6-е — Святого Духа Пришествие; 7-е — чаемое всех мертвых Воскресение, великий и славный день, когда празднество будет истинное со мною радостью и веселием для тех, кто будет наследовать то, чего "ухо не слыши, и око не виде, ни на сердце человеку не взыде, яже уготова Бог любящим Его"». О сих так рассказывает честной Златоустец.

После сих же событий в царствование того Юстиниана изошло море из пределов своих на 3 поприща в страны Африканские, и деревни многие и села погубило, и людей же многих потопило, и снова возвратилось в свои пределы.

И восстал народ, так называемые зеленые, то есть прасины, на синих, то есть венетов, и много непотребства, и хищений, и убийств, и зажжений в городе сотворили, и называли царем Ипатия. И на конеристалище многие же люди сошлись, и наполнилось конеристалище людьми, и повелел Юстиниан людям своим и воинам — одним же сверху, иным же снизу — в сидевших на конеристалище стрелять, и убито было 30 000 человек, среди них же и Ипатия убили, так как он царский венец возложил на себя.

От 4-го собора до 5-го лет 100. Собор 5-й

Пятый собор был святых отец 165-ти, в Царьграде, в лето 26-е царствования Великого Юстиниана, при Вигилии святом, папе же Римском. И грамота была послана царем, правую веру утверждавшая. На соборе были старейшины: Евтихий, Константинова града патриарх, Аполлинарий, патриарх Александрийский, Домнин, патриарх Антиохийский,

Стефан, епископ Рафийский, Георгий, епископ Тибериадского града, Дамиан, епископ Созопольский: местоблюстителями же были последние трое Евстохия, патриарха Иерусалимского.

О еретиках. Собрались сии на Оригена и на приявших его нечестивые предания Дидима Слепца и Евагрия Понтийского, которые в древности сделали свои изыскания и изложили их в главах. В частности пу-стословили они, что души существуют раньше тел, из языческих извоя сие учений, переселение душ признавали, и что конец будет адской муке, и что тела наши не воскреснут при всеобщем Воскресении, и что бесовские силы к прежнему приложатся образу. Отрицали же они, что Рай был, считая, что не было от Бога естественного Рая, ни во плоти созданного Адама. Сии учения до времени больше утаивались, и многие же их передавали, и много церковных погублены были ими, потом же явились они, и прокляли их. Еще же и Феодор Мопсуестийский, бывший дидаскалом, то есть учителем Нестория, со иудеями близко мысливший, проклят был, как и одно послание Ивы, епископа Эдесского, к Марию Персянину, и некоторое также писание Феодорита, епископа Кирского, написанное против 12-ти глав блаженного Кирилла Александрийского.

Ко святому же собору царь Юстиниан написал так: «О Оригене и едино мыслящих с ним. Стремление было у нас и есть, чтобы без мятежа Святая Божия Кафолическая Апостольская Церковь сохранялась, и чтобы ростки, противные православной вере, искоренены были и осуждены. Уведали же мы, что некие в Иерусалиме есть монахи, которые нечестивой прелести Пифагора, и Платона, и Оригена, — он же и Адамантий, — последствуют и учат. О правде же восхотели мы печься и разыскание сотворить о сих, чтобы до конца из-за языческой и манихейской прелести их многие не были погублены. Говорят же они, — из многого лишь малое упомянем, — что некие разумы были без всякого числа и без имени, и разумы сии были Единением силою Бога Слова; Единение же было разума. Когда же обильно сии разумы прияли Божией мудрости, перешли они к худшему, ибо склонны к сему все разумные. И все сии разумы — каждый по-своему — изменение претерпели, и в более тонкие или в более толстые тела облеклись, и имена унаследовали, отсюда же и Небесные и Служебные поставлены были силы. И еще в Иерусалиме монахи говорят, что солнце, и луна, и звезды из того же суть разумного Единения и через изменение к худшему стали такими, каковы они суть. Также говорят сии и дальше, что без Божественной любви воздуновения разумные душами наречены были и в тела более толстые, которые суть у нас, людей, были вложены. Те же разумы, что до края злобы дошли, к студеным и омраченным привязались телам,

и бесами стали, и нареклись ими. Говорят же сии еретики, что из ангельского душевное бывает состояние, из душевного же бесовское и человеческое. Говорят также, что один же Разум только из всего того Единения разумных непоколеблемо пребывал и неподвижимо в Божией Любви и Премудрости, так что Христом, и Царем, и человеком стал. Говорят также сии еретики, что совершенное будет тел уничтожение, и что сам Господь первым отложит свое тело, а затем и прочие все; так что вознесутся снова все в то Единение, и будут разумами, каковыми и в прежнем были бытии. Из сего можно уведать, что и сам диавол и прочие бесы, также и люди нечестивые и безбожные в то же Единение попадут и будут едины с Божественными и богоносными людьми и Небесными силами, и то же Единение примут к Богу, которое уже имеет Христос и в котором они прежде были, так что не будет никакой разницы между Христом и прочим разумным всем ни в существе, ни в разуме. Пифагор же считал, что начало всего — сие Единение. Также Пифагор и Платон говорили о множестве некоем душ бесплотных, и что некоторые из них за то, что в грехи впадают, на муку в тела посылаются. Поэтому Платон тело нарекает "демас", то есть "узы", а также "сима", то есть "гроб", поскольку в теле душа как бы связана и погребена. Также о будущем Суде и о воздаянии душам Платон так сказал: кто в задний проход блуд сотворил и во зле пожил, занимаясь премудростию, то есть философию, — того душа до 3-го прошествия тысячелетнего мучается, потом же, окрылатев, по прошествии 3-го тысячного года, изводится и отходит из тела. Прочие же из сего жития, когда скончаются, одни пойдут в место земное, где, тяжбу пройдя, суд примут, а также ответ воздадут, иные же на небе в некоем месте облегчения сподобятся, где после суда получают достойное, судя по тому, как кто пожил. Нелепость сего учения уведать подобает. Ибо кто Платона научил о прошествии тысяч лет, что когда тысяча лет пройдет, тогда каждая душа в свое место отходит? А то, что следует из сих слов, недостойно говорить даже тому, кто блуд сотворил, а тем более, таковому премудрому мужу, ибо он того, кто истовой премудрости исполнен, и того, кто блуд сотворил, обоих сих сопряг, сказав, что одно и то же надлежит приять им. Пифагор, и Платон, и Плотин, и те, кто пребывали в их безумии, то, что бессмертны души, все вместе исповедовали и говорили о том, что раньше тел сии души были, а также о том, что множество есть душ, из которых прегрешающие посылаются в тела, как я уже рассказывал: лютые же и лукавые — в змей, грабители — в волков, лъстивые же — в лисиц, женского же пола любители — в коней. Церковь же, Божиим Словам последуя, говорит, что душа совместно сотворена с телом, а не так, что нечто было раньше, а нечто позже, как следует из Оригенова вредоумия. Ради сих злых и погибельных учений, больше же суесловия, повелеваем

вашей святости, вместе собравшись, прилежно обсудить повелеваемое нами исправление, и каждую из тех глав осудить, и проклясть с нечестивым Оригеном всех таковое мысливших, или мыслящих, или имеющих мыслить, даже и до Конца времен». Сии же слова царя Юстиниана собор выслушал, и всех тех, о ком было сказано, посрамил. Божественные же отцы, возопив, сказали: «Проклинаем всех тех, о которых сказано, со всеми, таковое говорившими и мыслившими, или мыслящими, или имеющими мыслить, даже и до Конца времен». Также и о Феодоре Мопсуестийском и прочих так тогда говорилось в царском написании: «Заботой было православных и благочестивых прежде царствовавших наших предков, чтобы во все времена ростки еретические соборами преподобных отцов отсекались, и правая вера чисто проповедовалась в мире, и Святая Божия Церковь сохранялась».

О первом соборе. Так, Константин Великий был против Ария, богохульствовавшего и говорившего: «Сын не единосущен Богу Отцу, но есть тварь, и из небытия сотворен был». И собрал Константин в Никее 318 святых отцов, и сам тогда пришел, и, когда Арий проклят был, постарался православную веру утвердить. Сего ради исповедали Божественные отцы: «Единосущен сый Сын Богу Отцу». Даже и донныне так поем и веруем.

О втором соборе. При Феодосии же Старшем Македоний отметал Божественность Святого Духа, а Аполлинарий и ученик его богохульствовали на смотрение Бога Слова и говорили: «Разума человеческого не прияло Божие Слово, но с плотию соединилось, душу неразумную имеюще». И собрал Феодосий в Константинов град 150 святых отцов, и сам приял участие в соборе, и указанных еретиков проклял, и истребил нечестивое учение их и едино с ними мыслящих, и устроил православной веры проповедание.

О третьем соборе. А при Феодосии Младшем Несторий нечестивый говорил, что Бог Слово — это одно, а Христос — это другое; и выводил он, что Бог Слово является Сыном Бога Отца по естеству, а Христос является Сыном Божиим по благодати; и то, что Святая Мария является Богородицей, отметал сей Несторий. И собрал Феодосий на собор во Эфесе 200 святых отцов, и послал за боярами, которые желали пребывать на соборе, и повелел и Несторию прийти, а святым отцам расследование о нем сотворить. И было истовое расследование, и осудили Нестория, и прокляли едино мыслящих с ним.

О правоверных. После же сего события восстали на Кирилла преподобного те, кто были из отвергнутых несториан, и постарались они то, что было в их силах, сделать, чтобы пересмотреть бывшее осуждение

несториян и злого Несториева учения. Но Феодосий царь, послушный имевшимся правым суждениям о Нестории, устроил так, чтобы всем придерживаться истово того осуждения, которое было воздвигнуто на сего еретика. Поскольку же тогда и иные некие на Божественного Кирилла наговаривали царю, то написал Феодосию Кирилл так: «Слышал я, благочестивый царь, что хулолюбцы восстали некие, как дикие, и к свершениям тебя подстрекали, и сокрушительные изрыгали против меня слова, якобы я говорил, что с Небес сошло, а не от Святой Девы Божественное тело Христово, и еще же двух Сынов вслед за Несторием исповедовал, — так на меня сии наговорили, праведно размышлять восхотев мало о сем. К ним же я сказал так: "О, неразумные, только и ведаете, что клеветать. Как в сию пришли волю и в такое изнемогли безумие?" "Подобаше бо яве разумети, яко вскоре весь наш подвиг веры ради собрася истовствующа, святая есть Мария. Но зане с Небесе, а не от Нея бысть тело Господне, глаголем, яко вещает, како убо да разумеется Богородица? Кого бо весьма роди по плоти Еммануиля?" Да осмеяны же будут те, кто таковое пустословят, ибо не лжет Боголепный Исаия, когда говорит: "Се Дева во чреве зачнет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказано: С нами Бог". Весьма же истовствует, то есть свидетельствует, о сем и архангел Гавриил, Деве сказавший: "Не убойся, Марие, обрете бо благодать пред Богом, и заченши во чреве, и родиши Сын, и наречеши имя Ему Исус, Той бо спасет люди Своя от грех их". "И егда же глаголем свыше и с Небес несема святая плоть с глаголем". Но последуем святому Павлу, говорившему: "Первый человек — от земля, перстен, и второй человек — Господь с Небесе". Вспомним же, как и сам говорит Господь: "Никто же взыде на Небо, токмо сшедый с Небесе Сын человеческий". Еже родися по плоти, яко наречено бысть, от Святыя Девы. Зане же свыше небесе родися Бог Слово "излия Себе и образ рабии приим", и бысть Сын человек, по пребывании же бысть, иже есть сказано Бог — непреложно бо и неизследованно по естестве есть — иже един ведати, и разумеваем по своей плоти: с Небесе глаголется снити ему. И нарече иже "человек с Небесе", свершен сии Божеством и едином лицом разумеваемыи. И един бо Господь Исус Христос, аще обою естеству разнства, да не разумеается, о нихже неизреченно и единение, вещаемо бывшее. И еще же исповедаем Единочадаго Сына Божия Слова, Бога свершена и человека свершена, от душе словесныи и тела прежде век от Отца рождена Божеством, в последняя же дни тому же нас ради, нашего ради спасения от Мария девица по человечеству единосущна Отцу, тому же и о Божестве и единосущна нам по человечеству. Двою бо естеству единение бысть, тем единого Христа, единого Сына и единого Господа исповедаем. Святую Деву, истинную Богородицу, зане Бога Слова воплотитися и вчеловечитися и от Нея зачинание со-

вокупитися ему и от Нея заченшися Церковь. Да, аще чаем, и примем подобие, иже от нас сложение Его, отнелиже есмы человецы. Сложени бо есмы душею и телом, и видим две естестве: етеру убо телесную, и етеру действуюю, но един от сочтания, от единения же человек. А не еже от двою естеству сложити два человека, едина ведати пристрает, но единаго от сложения, яко рече, еже от душа и от тела. Аще бо извещаем, яко от двою и различных роди, и един точию Христос неразлучен сы по единению. И ркут причащеса: "Едино естество все, како вочеловечитися, или кую свою сотворити плоть?" Глаголющим же, яко нравом, или слиянием, или смешением Божию слову к плоти. Да сподобится твое благочестие открыто заткнуть уста им». **О еретиках.** После же сего, когда Кирилл умер, возник монах некий, архимандрит, Евтихием именуемый. Сей отторгнул и повел следом за собой часть немалую из людей Кирилловых, и Несториево учение злое проповедовал, и говорил: «Тело Господне нам не единосущно». И еще же тогда вскоре, — и царская рука помогла сему, — один собор некий во Эфесе, разбойнический, а не святой был. И прислан же был туда и Флавиан из Константинова града, всю же власть Диоскор Александрийский имел. Убиен же был Флавиан Божественный, поборник правоверной веры. И осудили на том разбойническом соборе во Эфесе бывший раньше собор. И подписали сие осуждение под страхом смерти некоторые епископы, среди них же был и Василий Селевкийский. И тогда Несториево и Диоскорово проповедали и Евтихиево злое учение. И много мятежа и молвы было снова же на Востоке, и убиен был Протерий, великий иерей, и иные многие.

О 4-м соборе. После же сего восстал от Бога Маркиан царь и собрал в Халкидоне собор 630-ти отец. Пришли же Диоскор и Евтихий, с ними же и сам царь шествовал. **О еретиках.** И осудили Диоскора, и Евтихия, и Нестория, и снова прокляты были сии. Феодорита же Кирского, и Иву Эдесского, и Василия Селевкийского прияли только тогда, когда они поставили свои подписи и раскаялись в содеянном. И разбойнический собор осужден был тогда и проклят, и в едино соглашение приведены были Божественные отцы, и сии же четыре собора так прошли, и оправдали тех, кто держался Божией церкви. Несториева же учения последователи старались и дальше еретичества держаться через Феодора же Мопсуестийского, который повинен во многих, еще больших, чем ученик его, Несторий, богохульствах. Посему и мы, следуя поучению предков своих и желая без порока правую веру хранить, повелеваем и сего Феодора хульствие расследовать и о нем, совместно размыслив, ответ дать. Среди прочих его злых хул, бывших на Христа Бога, говорил сей Феодор: «Бог Слово это одно, а Христос это другое. Христос же, — по словам Феодора, — от душевных грехов и от плотского желания страдал, и от худого помалу отступал, и при помощи добрых дел

пришествовал Он к доброму житию, и стал без порока, и был как невысокий, то есть простой человек, и во имя Отца и Сына и Святого Духа приял Усыновление, и сподобился сему, и подобно царскому образу в Лице Божия Слова Христа поклоняем будет; после же Воскресения Он непреложный разум приял и безгрешным стал». И к сему Феодор добавлял: «Такое было единение Бога Слова со Христом, как же апостол сказал о муже и о жене: "Да будета оба в едину плоть"». Еще же повелеваем вам расследовать же злые написания Феодорита и Ивы, к первому собору святому, во Эфесе бывшему; также о них ответ дайте. И тогда также Божественные отцы после большого расследования сего вопроса отвечали же: «В Халкидоне те, кто были на Божественном соборе, против Ивы и против Феодорита помногу восклицали, и не иначе их прияли, как при условии, что они прежде проклянут злые свои написания в поддержку Феодора и Нестория. Мы же осуждаем и проклинаем, как и прочих всех еретиков, проклятых и отреченных святым 4-м собором, и Феодора, бывшего епископом Мопсуестийским, и нечестивые написания его; также и те написания, что незаконно Феодоритом написаны против 12-ти глав святого Кирилла в защиту правой веры, когда в Эфесе был святой собор первый, и проклинаем то, что согласное с Феодором и Несторием Феодорит написал. И еще же с теми проклинаем нечестивое послание, которое, как говорят, Ивой Эдесским написано было к Марию Персянину, и в котором отмечается то, что Божие Слово, от Святой Богородицы Марии воплощенное, человеком было. И боголепный Кирилл еретиком наречен в том же послании, и хулится в нем же тот, что в Эфесе был, первый святых отец собор, за то, что без расследования низвели на нем Нестория и Феодора; и защищаются в том послании нечестивые их писания и учения. Тех еретиков всех безверны были уста и язык, и нечестивы списания, сами же еретики даже и до конца пребывали в своем злославии и скверности и к отцу лжи и лживому сочинителю диаволу сопричлись. И мы им говорим: "Идите во свет огня вашего и в пламень, который разожгли"».

В то время мертвие человеком было в Константиновом граде, и на отиши, то есть на пристани, также было, так что пребывали непогребенными умирающие до трех дней, поскольку не доставало одров в церквях и домах для изношения умирающих.

Посему царь повелел сотворить одров 1000, и тех недовольно было. И повелел царь повозок много устроить и скотину, и, воскладая на них, мертвецов износили. Когда же умножилось мертвие, метать стали еще больше мертвецов на берегу, и пребывали они там не погребенные до 6 дней, поскольку же в ладьях везли и не успевали погребать.

Не только же там, но и в домах, и в клетях покровенных, и в церквах были непогребенные мертвецы. Многие же безвестно умирали на улицах чужих, к своим идя, поскольку же все внезапно умирали родственники близкие. Продолжался же мор тот два месяца: июль и август.

Были же громы великие очень и молнии страшные, так что почивавшие люди молниями пожигаемы были. Еще же и землетрясение было великое по всему миру, так что вся вселенная внезапно пала, и море вышло из берегов на два поприща, так что кораблей пльвших погибло от водного движения премного, без числа.

В Аравии же, и в Палестине, и в Междуречии, и в Антиохии пали города многие, и людей погибло много, и скота.

А в Константиновом же граде тогда церкви многие пали, и многие дома, и городские стены, и в том обрушении померло человек многое множество; и то землетрясение пребывало 40 дней и 40 ночей.

И огонь явился с неба, в образе копья, от востока и до запада протянувшегося. И снова землетрясение было, так что разрушились две стены Константинова града, с восточной стороны и с западной, и многие церкви и дома пали и даже и до земли разрушились, и многие земли опустошены были, так что нелегко было узнать их; и земля тряслась беспрестанно 10 дней и ночей.

О том печалясь, царь на Рождество и Богоявление без венца пришел в церковь, и обычного обеда и ужина не творил 12 дней, но всю еду, и вино, и серебро нищим раздавал.

Вскоре был еще мор от недуга, называемого вувон, или мозоль, и был сей мор не меньше прежнего, и месяца 4 от мора сего умирали люди по всему городу и окрест его.

Во Антиохии было землетрясение великое, длившееся час, слышен же был скрежет с неба страшный, и здания друг на друга падали, и умерло 30 000 человек.

Патриарх же и все люди ходили с крестами и молились. И явилось некоему человеку во сне, чтобы написали все люди на воротах и на дверях домов своих: «Христос с нами, остановитесь». И когда сие сделано было, тотчас земли колебание прекратилось.

И явилась звезда великая светлая на западной стороне, вверх испуская лучи, ее же именовали Лампадия, то есть Блистальница, и пребывала 20 дней и ночей, сияя. Также было по всему миру народовластие и убийства много. Спустя же некоторое время было звездам течение с вечера даже и до утра, так что все очень дивились и говорили, что звезды падают. И через малое время снова солнце без лучей светилось, как луна. И раздоры же, и недуги, и умертвия людям были и не прекращались.

И пришел же с запада кузнец в Константинов град, имея пса полового, то есть изжелта белого, слепого, и взимал кузнец у людей перстни золотые и златицы, то есть золотые монеты, и погребал в земле, и повелевал псу откапывать перстни и златицы, и взимать устами своими, и давать каждому из людей его вещь. И блудных и прелюбодееющих, милостивых и немилостивых, злых же и благих — всех угадывал сей пес и показывал, кто каков есть. И говорили о сем псе, что он дух чародейства и волхвования имел.

И было изменение относительно Пасхи. Многие же из людей сотворили мясопуст, то есть перестали есть мясо Великим постом, прежде царя. Царь же еще одну неделю повелел продавать мясо. Продавцы же заклали скот и продавали мясо, и никто же не купил, ибо не ели уже люди мясо. Пасха же была, когда же царь повелел. И получилось, что люди постились неделю лишнюю.

О содомском блуде. Тогда схвачены были некие, блуд творящие с мужеским полом. Царь же повеление изложил, чтобы всем, обретшимся в таковой вине, иным конечный член урезать, то есть тайный, иным же, трости поострив, в тайный член вонзить, в срамище их, также и на площади нагим на посмешище быть им. Тогда из вельмож многие обрелись в той вине, и из архиереев немало их было. И так водили их, и жестоко они умерли. И был страх великий. И прочие умудрены были тем, что произошло. «Ибо плачет кипарис, когда падает кедр». Сие значит: падение сильных и великих служит назиданием слабым и простым. Также сие премудрый говорит: «Если нечестивых губить, то праведные устрашаемы будут», «если с негодьями бороться, то не имеющие ума научены будут». Скверный же бесовский тот противоестественный грех раньше содомляне творили, так что некий глас был великий на нечестивых и вопль сей восходил во уши Господа Саваофа, и говорили много перед тем, и терпел Бог до последнего, но за непокаяние их неотвратимое и за неразумную волю их неутомленную, наконец, навел на них Бог по справедливости муку. И сказал Господь: «Вопль содомск и гоморреск умножися предо Мною и греси их велицы зело». И в Писании говорится: «И наджди Господь огонь от небесе, иже посла к Содому и Гоморру, и испроверже град той, и вся около его, и на вся живущая во градах». Если же кто, земли той не виде, не имеет веры, что сие было, тот да послушает Божественное Писание, которое сообщает и говорит: «Когда в той земле погибали нечестивые, праведный избежал огня, который сошел на Пятиградие. От Пятиградия же, во свидетельство бесчестия жителей его, осталась лишь дымящаяся пустыня, несовершенные по временам плоды износящая». Иудеям Бог как бы говорил, что огонь, сошедший на Содом и Гоморру и на бывшие около них города, в

которых подобным же образом блуд творили, и на города иные, шедшие плоти вослед, был указанием на огонь вечный. Говорит же Божественный Златоустец: «Если кто не верит в геенну, пусть о Содоме и Гоморре помыслит и поразумеет о бывшей в сих городах муке, которая еще и сейчас есть. Сие муки вечной явное подобие показывает. Ибо там не только земля, но и самый воздух, и вода прияли казнь. Как у тела опаленного образ пребывает, и образ при наличии огня и просматривается, и сохраняет свои размеры, а силы жизненной нет в нем, также и там землю можно видеть, однако ничего же не имеет она земного, но все там прах и пепел, и деревья, и плоды все; можно также видеть воздух и воду, но ничего же нет там ни воздушного, ни водного, поскольку же все прахом там стало, так что иного нет ничего же; только воздух, как в печи, и вода вся неплодная и не рождающая. И все там терпит муку от гнева, принятого прежде, что является образом будущей муки. Разумей же, насколько велик был грех, что была вынуждена прежде времени геенна явиться. И предивен и неестественен был дождь тот, поскольку противоестественное и незаконное было то смешение греховное; покрыл Господь землю сим дождем, поскольку покрыло те души дикое и проклятое желание. Но еще более дика была поврежденность ума сие творящих, ибо и скотов они неразумнее и псов бесстыднее. Ведь нет такого свершения у животных, но ведают они своего естества уставы. Говорю же, что сие творящие человекоубийц хуже, и, какой ни назовешь грех, равного не назовешь незаконию сему. Ибо человекоубийца душу с телом разлучает, сей же душу с телом погубляет. Откуда родилось велие сие зло? От пищи обильной, и потому что не боялись они Бога и будущего Суда. Когда изнесут некие из сердца своего страх Божий и забудутся вконец, тогда и входят в них желания неразумные, и вредоумие, и грехи презренные. Зачастую многие, к питанию обычному желание оставив, землю питаются и камнями малыми, а некоторые же, жаждою водною велиею одержимые, тины грязной зачастую желают; также и те естественное оставили, по прежде указанным причинам, и ко скверному разожглись желанию. Если же не чувствуют они себя несчастными, но наслаждаются, не дивись сему. Ведь и одержимые недугом вредоумия, когда беснуются, много скорби себе доставляют и несчастными себя творят, — так что некоторые же, на них взирая, льют слезы, — сами же сии недужные смеются и тем, что творят, упиваются. И какой же геенны таковым довольно будет, каких же мук? Если насмехаешься и, о геенне слушая, не имеешь веры тому огню, воспомянай снова бывший в Содоме Божественный огонь, страшный тот пламень. Если же таковое творишь и ты, а суда избегаешь, не дивись. Ибо бывшие в Содоме, геенны не ведая, мучены были всячески, ты же, сколько ни согрешишь, ни

единого осуждения не дастся тебе здесь, но за все воздашь и мучен будешь там. Чего ради? Поскольку больше мы прияли благодати. Когда же тяжелее и чаще согрешаем, чем те, — каковое получим прощение, мы, от праотцов спасительное приявшие учение, которое те вовсе не слышали, ни научались ему? Того ради мучены будем еще больше там и либо малое осуждение получим здесь, либо вовсе не получим. Никак же никто, видя скверных хорошо живущими, молву да не творит и не смущается. Ибо нет воздаяния здесь ни добротворению, ни злотворению. Если же будет где добродетели и лихотворению воздаяние, то сие не то, как должно быть, но есть как бы предвкушение Суда, чтобы те, кто Воскресению не имеют веры, здесь доброумудрились бы и образумились. Когда же в благополучии пребывает скверный, то сие значит, что, на зло своей голове, он за то благое, что сотворил, — ведь и скверные творят не только скверное, но и благое, — воздаяние здесь принимает соответственное, — но тем сильнее мучен он будет там за то скверное, что сотворил. Когда же страдает благой, то воистину блажен есть сей, ибо он терпит за малые грехи свои, — ведь и благие согрешают, — и тем самым отвергается от сих грехов, и благополучным, чистым, невиноватым идет Туда. Ибо только там совершатся венцы благих, и только там исполнятся бесконечные муки скверных. Ведь и тот, кто рану гниющую имеет, если не отрезано будет гниющее, не выздоровеет. Но в еще большей он будет беде, если не отрезать гниющее, хотя сие и принесет муку. Так и с греховным — кто грешит и не терпит за сие муку еще здесь, тот всех несчастнее. Также утробу и чрево больное имеющие — те из них, кто наслаждаются трапезой обильной, и студеным питием, и различными яствами, и пьянством, те еще хуже себе делают, пищу недуг свой взращивая; те же, кто моят себя голодом и жаждою и по указанию врача терпят сию муку, те надежду некую на выздоровление имеют. Так и живущие в скверне — если мучатся, то благие имеют надежды, если же, в скверне пребывая, принимают наслаждения безбоязненно, то хуже таковым весьма будет, чем тем, у кого чрево пухнет, и тем хуже будет им, чем душа больше и лучше тела. Если же те содомляне, никакого закона не имевшие, удерживающего их от злого дела, ни пророков не видевшие, ни одного отпущения не получившие, огню и жупелу, то есть сере, снedyю стали, то сколь больше мы достойны муки и сколь более строгому суду повинны, мы, которые и Закон, и пророков, и евангелистов, и учителей читали, но еще пуще грехи сотворяли? Чего же ради, когда творим так мы, не наводит на нас Бог таковых мук? Потому что иная мука, более лютая, бесконечная, и иной огонь, неугасимый, нас ждет, еще более лютый и страшный. Ибо сказано: "Червь их не умрет и огонь их не угаснет"». Сего ради о сем и Ветхий Божественный Завет, отмеча-

ясь сквернодеяния сего погибельного, сказал: «Не ляжеси с мужеским полом, яко со женою, мерзость бо есть, да умертвитася оба, проклят бо таковой, и камением побиют оба». Тех же, кто неутомленною волею и деяниями беспрестанно труждается хранить таковой обычай, много же обличал Великий Кирилл, и так говорил: «Не томления бо ради оканнеи сии творят, яко же жены творят, мужи суть, мними. Ничтоже бо лучшаго ради естества преложивше, но блудства ради богозданную и мужетленного образа тля глит многожды волею, или инеми нудими терпят се, но яко убилицы естеству и роду крамолницы и скверни житию и жизни досадители бывают. Яко блудны жены творят любы без числа, в скверных веселятся гресех, скверное житие истленное, оканное житие смесивше, двоверна и ненавидима или имуща списание родом беззаконным. От святых двор далече отстоят и от святых собор, яко мерзкыи суд и богостудныи, да ся отгонят. Занеже бо нелепою и злою волею добро и божественное дело на злое преложено учение пременивше и преложивше духовное кажение, отреченное деяние, служити нудими, и не точию достоини суть по законному глаголу прияти муку, но по Евангельскому и апостольскому ответу в глаголемую кромешную тму напрасно изгоними будут. О таковых бо веща Моиси: «Кажнику бо отсековену весма не входити в церковь Господню». Есть бо видит исполненом домом велмож их таковых дивнообразных лиц, золотая ожерелия на выи носяще, родом бо мужьскаго полу, женьскаго же полу образ лица имуща и ломиное шествование. Яко блудныя жены, семо и овамо главою кивающе, смеются невоздержанно, на любодееяние гнание прообразующе являют. Тем в мужех, яко жены суть, и мякко спящим и жмоми тлятся, со женами яко хранители купно целомудры, рекше комумеры, сидяще, безстудно зарыдающеся скверно творят. Си же, от мужь скверных и неподобных тляеми, и жмоми, оскверняются охода ради неподобно деяние и поругание, ти же, яко речено есть, жены оканныя грехми оскверняют и врежают, яко бесовнии пси, и еще же и лютеише и злеише, — тем виновати бывают, причястни бесконечней муце, тляще тляеме. О, безумии, о прелести, о притокновение! Сих же человецы же паки владуще, яко целомудрыя приимающе, веру им имут и вводят восвоиси, та же вводими бывше и дерзновение получивше, сущим по правде на добродетелие прилежащим, целомудрых муж помалу уловивше, в содомскыи ров скверныи зле ввергошася, огневи предашася. Тем подобает весма тья законы и слово евангельское и изящно житие и благочестивая жизнь весма насмисается, яко Богом ненавидими и нечисты. Си бо такову жизнь изволиша и возлюбиша, елико прииде на ня, грады бо погубиша, семенным естественным словом притлевше и тляем, добромудрствующа же силу мужа и возраста и мужескаго полу и лепоту добрую и крепость

зле погубиша и, спроста реши, крепкую и сильную нужду уности погубиша яве, оканная и посмесаны сотвориша скачущия. От нихже бежати повелевает, отвращатися, поистинне яко душегубца и телотленники скверная суца, и естествопретворники. Ничтоже бо поистинне сквернее или нечистейше тако шествующим и любоддеяние творящим.

Изволиша бо, по правде истинно уведахом, не точию хвалящися и смеха скверно деяние, много имущи блуд сотворити бещисла и похоть творити несытно, но весма осечени обрезаны. Якоже бо и родом лишени — ти бегаи последняго измезья и вредоумия! — и рукою и прьстом тлят оканная жены неподобно деяние: тако бесующися и непреподобнии творят. И се нарича, премудрыи являя, рече: «Блаженный кажник, не творя в руце безакония, и девица, яже не уведа ложа прегрешнаго». Составити убо безмужьи, безженницы, мужеженци, железоосудницы и женобесовницы наркошася. Да слышит убо чистыи и кроткыи сия убо наричюще в пустошь, да не имут веры лже, воображении чистоте и кротости. «От нечистаго что есть чисто, а от лжи что есть истинно?»

О войне с вандалами и с Римским королем Гелимером

После убиения же царя Римского Валентиниана Нового, приавшего царство Римское после Гонория, сына Феодосия, с того времени подчинен был Рим варварским королям даже и до Юстиниана Великого. Ныне же, при Юстиниане, снова соединился Рим с греческой державой образом таковым.

Сей Юстиниан Великий был в дружеских отношениях с Хильдерихом, вандалским королем, в начале царствования своего. И от сего Хильдериха приял письмо Юстиниан, что лукавый Гелимер, Римский король, восстал на него и отъял всю область Хильдерихову, и затворил его самого, и жену, и детей.

Сие уведав, царь Юстиниан был уязвлен сердцем и очень болел за страждущего жестоко Хильдериха, и войско из множества мужей против Гелимера, Римского короля, составил. Войску же начальником и воеводой в войне поставил Юстиниан великого Велисария, греческую славу, который всех воевод и полководцев превзошел твердостью ума и мудрым рассуждением.

Собрал же военачальник Велисарий множество воинов на суше и на море, пеших и конников, копейников и стрельцов, и победил, и всю завоевал Ливийскую область, и шею непреклонную преклонил вандалскую. Сами же к сему стремились лютые ливийцы и сами изволили, чтобы обладал ими Велисарий, ибо было правым деяние его.

Восхитил же у живших там людей некто из воинов Велисария курицу, там сидевшую, и сим мятеж воздвиг. Сие уведав, Велисарий про-

гневался на похитителя и повелел бить окаянного; от сего же на воинов Велисария нашел страх, а у ливийцев же еще больше стало любви к Велисарии, и сами города ливийские перед ним отверзались. И прекрасный город Карфаген ворота отверз, и все горожане усердно принимали Велисария, как отца чада.

Обрел же Велисарий в том городе множество сокровищ Гелимера, Римского короля, и богатства моря и рек, и имущества много почерпал, и воинам же раздал добычу доброчестно.

С самим же Гелимером королем Велисарий сражение составил и кровию наполнил ливийские поля, и варварскими мертвецами землю покрыл, и самого Гелимера короля с женою и детьми в плачевном образе приял и пленил.

И оттуда многопобедный возвратился воевода Велисарий, и Гелимера, короля Римского, оковами железными связанного, царю Юстиниану представил, и Рим, старый город, который же некогда взяли готфы, под державу Юстиниана грекам снова возвратил.

Царь же храброго Велисария великолепно сего ради почтил из своего имени, и воинов золотом и серебром отметил.

И сего ради сотворил Юстиниан бега конские, на которых же проведен был перед Велисарием Гелимер король, и всем показался сам Велисарий, воевода добropобедный, воинскими успехами многими сияя. И устрасился копия Велисариева Хосров, персидский царь, и вместо войны мир составил.

И, когда у самого царя Юстиниана хотели жизнь и власть отобрать окаянные, Велисарий избавил его из рук злого народа. Во время же бегов конских все множество злого народа многими хулами царя обложили и поставляли иного царя и самодержца, указывая на патриция Ипатия, сродника Анастасия, прежде царствовавшего.

О сем Велисарий уязвился сердцем и вооружился крепко со многими воинами, и безумный народ был изрублен войском, и обратилось их веселие в плач, обрелось же среди народа убиенных 35 хилиад, то есть тысяч.

И самого Ипатия Велисарий схватил и царю представил Юстиниану; царь же повелел отрубить голову Ипатию, так как он венец царский дерзнул на себя возложить.

И сему в победах великому Велисарии зависть позавидовала. Тот же, кто Хосрова, царя персов, устрасил, тот же, кто в битвах льва был яростнее, завистию побежден был, лютым зверем, без воинов и оруженосцев. Испил Велисарий, увы, сию злочастную чашу, ограблен был своими, как бежавший раб содержался. О, страдание ожидать, когда

меч шею твою рассечет! О, зависть, зверь лютый, разбойник, гонитель, скорпион многожальный, тигр людоед, трава смертная! Доколе, зависть, злодейка, житие смущать будешь? Ведь и я, непотребный, в твои попал длани, и, испробовав твоих стрел, лежал и еле дышал. Превозмогает меня страдание, и смущает меня плач, и льются слезы из моих очей. Сие же сказано было нами, ибо горесть душевная говорить принуждает.

О ереси автардокетской. Царь же Юстиниан ревнитель был благоверия и борьбу великую воздвиг против зловерных, больше же всего против язычников.

Хотя затем и Юстиниан прельщен был некими скверными и приял злую веру автардокетскую, то есть нетленномнимую, согласно которой Христова плоть, зачещаяся от Пречистой Девы, нетленной была до страдания. Когда же патриарх Евтихий обличал сию злую ересь, царь Юстиниан с престола патриаршего его свел и в заточение послал. И царствовал Юстиниан Великий после 5-го собора 13 лет.

Царствование 17-е, Юстина, сына Юстиниана, который царствовал в Константиновом граде

После Юстиниана же Великого царствовал Юстин, сын его, 20 лет. Тот создал палаты царские вне города и пристань около города, и нарек пристань Софиниас, палаты же нарек Софией, во имя жены своей Софии.

При сем Юстине пал верх Святой Софии. Было же во 2-е лето царствования Юстинова: в четверг, в 6-й час дня, впал преславный церковный верх, то есть купол, и сокрушился тогда преславный и чудный амвон, и погублены были все украшения его: сардониксы же, и сапфиры же, и жемчуг, и чистое стекло, и золотые надстолпия, и столпы, и иные многие украшения. Прочие же части верха остались недвижимы.

Царь же Юстин призвал прежде строившего мастера зодчего и воспросил его о причине такового впадения верха. Он же сказал ему: «Отец твой с большой поспешностью строил сию церковь; сего ради быстро совершил ее, и торопился, и отъял скоро помосты, и скоро украсил ее мозаикой. Высокую же сотворил церковь, да отовсюду видят ее. И когда отсекали помосты мастера и метали их вниз, то от метания того растрескались основания церкви, и не удержался верх, и оттого такое падение было верха».

Послал же царь Юстин на остров Цветный, то есть Родос, как и отец его, и сотворил керамиды, то есть обожженные глиняные плиты, как и прежде, и отсек от высоты церкви 15 сажен, боясь, чтобы не пала, как и прежде.

Поставил же Юстин деревянные подпорки на один год, пока не уразумел, что утвердилось построенное. Амвона же не возмог сотворить

такого же, как и первый, сотворил же его из камня и со столпами серебряными.

Подобных же прежним столпов не возмог Юстин сотворить, но послал Приска к Манасию патрицию на остров, и истер там мраморы, чтобы имели они образ земли, синие же мраморы — образ рек, сходящих к морю.

Когда же отсекали помосты верхние и хотели снести деревянные подпорки, то наполнили церковь водой на 5 локтей в высоту, и тогда метали доски в воду, и не растрескались основания церковные.

И после сего Юстин мозаикою украсил церковь. Сего ради некие говорят, что Юстин создал Святую Софию. Таково же есть истинное сказание о Божией церкви Святой Софии, которая же находится в Царьграде.

О сыне жидовина. В царствование того Юстина жидовин некий в Константиновом граде стекольный промысел имел. И детище имел он единокровное, и отдал его грамоте учить при Великой церкви.

Судохранильщик же, служитель церковный, имея дары со святого Жертвенника, во множестве собранные, призвал отроков, да съедят их. С ними же вошел и жидовский отрок. Когда же отпустили их, пришли они к родителям своим.

Пришел же и отрок жидовский к отцу своему, и сказал ему отец: «Почто умедлил, чадо?» Отрок же в ответ сказал: «С детьми христианскими ходил в церковь, ел и я, отче, и сего ради умедлил». Злой же тот жидовин, как зверь, взбесился, услышав слово то у себя, и после обеда взял сына своего и в делательницу, то есть в мастерскую, вошел, и вверг его в печь стекольную, и, затворив двери, ушел.

Жена же, ведая мужнино беснование на отрока, в делательницу с поспешностью пришла и, приклонившись к скважине дверной, услышала голос отрока внутри печи, и двери разбила, и вошла, и вывела сына своего из печи неопаленным. Сказала же она: «Кто тебя в печь вложил? И как ты не сгорел?» И сказал отрок: «Отец мой вложил меня. Жена же некая, в багряницу облаченная, пришла и погасила пламень, говоря: "Не бойся, отрок"».

И услышала мать же сего отрока, и уведала сие, и, услышав, удивилась, и взяла сына, и пошла к патриарху Мине, и поведала ему все, и просила, да христианами будут они с детищем ее.

Патриарх же обоих поставил перед царем, поставил же отца и отрока. После же расследования царь много поучил жидовина в вере Христовой и просил его, да христианин будет, но не смог его обратить ко Христу. Тогда повелел царь отрубить жидовину голову, так как убийцей своего чада тот был.

Жену же и отрока патриарх крестил и сотворил жену певицей в церкви, а отрока же — певцом и чтецом.

Был же благ и праведен Новый Юстин, неправду ненавидел и злонаравие, был добролюбив, светлодушен, благообразен, о богатстве не радел, ненавидел празнословие, был кроток, ненавидел лукавство, правду очень любил. Но болезненное житие его отсекало его волю к правдодействию, и пребывал тот Юстин на одре в палатах своих как недужный. Был Юстин как некое древо добродородное, обильное плодами прекрасными, и всем готовое приносить богатую пищу, но от недуга же, как от зимы, померзшее. Сие было препоной, не позволявшей узреть и в дело произвести благодарование Юстина ко всем, то есть не давало сие Юстину судить и управлять всем народом.

От сего неправда весьма умножилась, и хищение, и притеснение, и воровство, и разбой; от сего в городе и в деревнях были слезы и рыдание, вопль и стенание, и убийства много. Сие самодержец слышал и душою уязвлялся, и не мог же ничего сотворить из-за охватившего его недуга. Как же звериная мать несчастная, видя детей, люто восхищаемых, никак же иначе не может им помочь, кроме как вопль страшный испускает из среды сердечной, так и сей царь не мог принести пользы никакой же своим подданным притесняемым, и сего ради очень печалился и воздыхал.

О судии праведном. И вот однажды некто из властителей, в среду, пришел и с дерзновением воскликнул: «О, царь, если хочешь из рук таковой злобы избавить своих людей, мне отмщения вручи меч; и, если отсеку главу лихоимства и исторгну корение неправды, похвала мне надлежит от тебя и от прочих; если же нет, то голову мою да отсечешь». Сие услышав, царь весьма возлюбил слова его, и епархом поставил его могущественным, и вручил ему меч отмщения, и наказал ему, чтобы пекся он о правде. И прилежал же сей властитель хорошо таковым вещам.

Случилось же вскоре следующее. Приступила к судии жена, вдовица убогая, и вопияла на некоего знатного сродника царева, саном магистра, на неправедные его дела вопияла, что сей имение ее и достояние все восхитил. Милостиво же выслушал ее праведный судия, и послал, призывая магистра на суд; тот же презрел сие призывание и поругался судии, и отошел на царскую вечерю.

Разгневался же судия, и пошел он в царские палаты, и увидел толсто-трапезную гостьбу, и увидел там того мужа, онеправдовавшего вдовицу, и с дерзновением сказал судия царю Юстину: «Если еще в раскаяние ты не пришел, что дал мне епаршескую власть, чтобы отомстить за обидимых, то вот сей пред тобою сидит, которого схватить подобает. Я же не повинен перед тобой, но ты сам сотворил гостями лукавых, и свирепых,

и немилостивых, и в сопирники и сообедники приял людей лукавых и злонравных». В ответ же на сие прекроткий царь Юстин, страдальчески как-то и тяжело из глубины души вздохнув, сказал: «Если и сам я неправедное что содеял, ныне же меня сметни с царского престола; если же кто из сообедников моих — твори, что хочешь, как и прежде». О, сколь велика тихость твоя и благодать, самодержец прекрасный, правдохранитель кроткий! Сказал же сие царь, и магистр восхищен был судиею из среды пирующих, и уволокли его силой с вечери многоценной и от сообедников, и предстал же он судищу, трепеща от страха. Тот, который прежде превозносился, гордый и лютый, который раньше «вола на языке имел», ныне не мог отвечать, обличаемый женой в расхищении. Расследовал же тщательно судия правдохранитель, что тяжкие прияла беды от него жена, и сырыми жилами говяжьими повелел боярина оного бить, также и волосы и бороду его до самой кожи остриг, и лицо его осрамил, и на худую, едва ступающую, усадил его скотину, и вывел на показ злодея посреди торговой площади всем на поругание, и имение его все обиженной им вдовице отдал. Так что нет ничего же равного свободному разуму и душе, не осквернившейся любостыжанием и мшелоимством. Не убоится царей, не усомнится собора, не устрашится властителей и великосильных благодерзновенный сей муж, ни единого же не устыдится, как птенец орлиный, доброкрылый и высоко парящий, ни единой не сдерживается из земных вещей. Но на подлежащее возвратимся.

Сие неумолимое стремление судий в судах многих устрашило и от лихоимства и неправды, и татьбы, и разбоя отвратило. И отишие и праводеяние вместо бури неправды и лютых волн простерлось, и пучина жития без смущения пребывала. Дух Божий сладкодыханный прямо дышал и утолял лютую и многомятежную бурю лихоимства и неправды.

О Софии царице и о снятии долга с народа

У сего же была царя Юстина супруга именем София, умом мужу равная, великодушная, великодаровитая, которая, уведав, что народ скорбит и печалится, сильно долгами отягченный, как узами неразрешимыми, собрала долговые все записи и огню предала, а заимодавцам отдала долги из богатств своих. Какими же иными всякими добрыми делами царь и царица наполнили город, явно можно уведать из сего малого, ибо и малой закваски на всю бочку довольно, и одежду добротканную воскрылие, то есть пола, показывает, и лев великодушный явен по когтям. Поскольку же не было у Юстина и Софии ни сына, ни дочери, царь Юстин избрал Тиберия и на усыновление его приял, рьяного в воинстве, и сначала царским украсил его венцом, потом же, собрав старейшин, и пат-

риарха, и весь народ и поучив их довольно, скипетродержание и самодержавство свое передал Тиберию Юстин, еще живым будучи.

И, еще немного пожив, усоп Юстин сном непробудным и общим. О, смерть, никого не щадящая, как камень, прикрыла ты такового мужа. О, бездна, и доброго естества ты не милуешь, но вместе всех полагаешь, во гробах погребенных.

Византия (586–805 гг. от В.Х.).

Книга 2

Царствование 18-е, Тиберия, который царствовал в Константиновом граде

После Юстина же царствовал Тиберий, родом фракиянин, 4 года. Тот царь был телом совершенный. Когда же он был на конеристалище, вскричали обе стороны народа, и прасины, и венеты: «Да увидим августу Ромейскую, то есть царицу Византийскую». Тиберий же объявил: «Напротив общественной бани Дагистеевой церковь есть, тезоименитая августе». Тогда прославили люди царицу, восклицая: «Анастасии царице многая лета».

У Софии же, Юстина жены, сердце невеселием уязвилось, ибо не ведала она, что Тиберий имеет жену, сего ради и сдружилась с ним, и хорошими о нем словами убедила мужа своего, да наречет Тиберия царем, так как умным и верным царю сей Тиберий был. Сие же сотворила София, желая за Тиберия выйти замуж, чтобы снова быть царицею. Тиберий же больше Бога и Закона убоился и сию Софию отвел в палаты, в ее честь созданные, у пристанища Юлиана, и повелел бывшим в сане кувикюлариев, то есть постельничих, и иным многим работать и служить Софии, как ей любо, и стеречь ее твердо и строго. И чтил Тиберий Софию наравне с матерью, во всем угождая и совершив все по желанию ее.

И конеристание было, и люди с обеих сторон носили свиты, одежды особые, расточительные из годовапленной, то есть шелковой ткани, называемой оксиею. Чтобы не теряли люди имения своего на нелепые потребности, оттоле не дал им Тиберий так носить, повелев отоки, то есть края, перста шире, делать в свитах и так носить красоты ради.

Тот же Тиберий так называемый триклин золотой, то есть палату трапезную, чтобы почтенным располагаться, украсил и пресветлой сотворил, как раньше Юстином от основания было создано, и баню общественную во Влахерне создал, и украсил ее, и многие церкви и странноприимные обители обновил, и многое имение дал.

Тот же Тиберий воевод Маврикия и Нарсеса на персов с воинами послал. Возвратились же они с победою великою и с полонем многим. Приял же царь с честью и великолепом Маврикия же, и зятем своим сотворил его, женив его на своей дочери, имя у нее было Константина; также и Германа, патриция саном, в Африке воеводой бывшего, женил Тиберий на другой своей дочери, имя у нее было Харита; и обоих зятьев кесарями сотворил.

Тот же Тиберий от сикоморы, то есть смоковницы, ранней, достодивной, принесенный ему плод съел, который отравлен был. Умирая же, Тиберий воеводу своего Маврикия вместо себя царем нарек. При сем Тиберии был Иоанн Постник, Флор, сын отца Флора и матери Евфимии, Григорий, папа Римский, Евтихий архиепископ.

Царствование 19-е, Маврикия, который царствовал в Константиновом граде

После Тиберия же царствовал Маврикий, зять его, который из Каппадокийской страны пришел; и царствовал 20 лет сей. Тот Маврикий создал церковь 40 Мучеников в Константиновом граде.

При том же царе жена детище родила в Константиновом граде без очей и без рук; у чресел, то есть бедер, был у него рыбий хвост, приросший по образу черепокожной рыбы. Также пес родился о шести ногах, голову имея по образу льва, и был превеликий весьма.

Также и во Фракии детища два родилось: одно о 4-х ногах, а другое о двух головах. Говорят же некие из изобразителей событий, что не знаменует сие благого тем городам, в которых вдруг такое родится.

Явились же в реке Ниле, когда солнце вышло, человекообразные две животины, муж и жена, которые же и сирины нарекаются, то есть вилы, или русалки, сладкогласные, всех умерщвляющие. Образ же имели: от головы и до пупа — человек, прочее же — птицино. Муж — красноперсец дивный, у жены же лицо и волосы чермные, то есть русые, подобно же и у мужа; сосцы же были без волос, волосы же еще более чермные. Люди же с епархом чудились, и заклятя прилагали к тем супругам, чтобы не ушли они из вида, пока все не увидят предивное то зрелище. И до 9-го часа все люди дивились, видя животных тех, пока же снова они в реку не вошли. Когда же сии погрузились, крокодил, всплыв и выскочив, много человек поел. Крокодил же есть зверь великий, вместе же с тем, и рыба от головы даже и до хвоста, и образом хребет его — как черный камень, чрево же его белое, ног у него 4, хвост у него великий, острый. Хребет же его — одна кость до конца, изостренная, как терние, как пилозубные концы, и бьет тех, на кого гневается, многие творя язвы и нанося раны. Голова же у него от рамен, то есть плеч, исходит: пока не

разинет пасть — звериная голова есть; когда же разинет — вся голова устами становится, ибо, до рамен разевая пасть, зевание творит.

Убивает же сего крокодила зачастую так называемая идрия, в той же реке живущая и образ имеющая песий, таковая же видом и повадками, ибо уста свои крокодил отверзает, почивая, идрия же, обвалявшись в кале, то есть в грязи, через уста его во чрево входит, и расторгает задний проход его, и скоро исходит, мертвым крокодила оставляя. К тому же, о чем доселе говорилось, вернемся и далее будем шествовать.

Когда же Хосров, Персидский царь, изгнан был от царствования, Маврикий же послал Нарсеса воеводу, чтобы поставил тот снова Хосрова царствовать. Тот же Нарсес пошел и победил Бахрама, противника Хосрова, и многих из персов убил, и живыми взял шесть тысяч, и привел сих к Маврикию. **О турках.** И которые турки обретались у них, имели кресты, начертанные на челах своих. И вопрошали сих: «Что есть знамение сие на вас?» Они же говорили: «Когда были мы в жилищах наших, приключился у нас недуг смертоносный великий. Бывшие же у нас христиане сотворили сии знамения, и сразу же перестал мор». Хосров же снова приял царствование в Персии. Тогда патриарх Иоанн Постник преставился и стал Кириак патриархом вместо него.

Маврикий же царь сотворил зятем себе, женив его на сестре своей, Филиппика, мужа доблестного, и благодерзостного, и храброго, и богатого, кипящего разумом и победами сияющего, «внове оставльшия старый Рим».

Когда же в Константинов град пришел, уничтожив шатание в Персии, на сего Филиппика подумал Маврикий, что восхитить он собирается у него царствование, ибо услышал Маврикий от каких-то прорицающих беззаконников вздор некий бабский, что житие и власть отъяты будут у него кем-то, имеющим в имени букву ферт.

Тогда же каган приложился к стражам греческих пределов; был же каган царь скифам полуденным, то есть южным.

И города каган приял укрепленные и разорил окрестности Истра, то есть Дуная, и показал с кровию смешанные речные струи.

Маврикий же царь воеводе повелел своих воинов отдать врагам, из-за противления их и непокорства, и похватили варвары из воинов Маврикия 12 тысяч.

Бояре же попросили у царя дозволения выкупить их, и, послушав же их, царь послал послов ко князю варварскому, чтобы тот, сколько воинов Маврикия схватил, отпустил бы их.

Каган же послал к Маврикию и предложил, чтобы выкупил он плененных по одной златице, то есть золотой монете, за человека. Но не

восхотел сего Маврикий, побеждаемый сребролюбием и ненавистью к своим воинам непокорным; жестокоумие же Маврикия не склонили ни скифская дикость, ни дивное стремление кагана варвара, ни рыдание и слезы плененных.

Посылал же каган и повторно к Маврикию, но тот не преклонился на милость, и о сем разъярился каган, как барс и тигр. О, горе! Обрек сим отказом Маврикий на горькую смерть толикое множество людское, и пожал, — увы и мне! — меч толикое множество, и покрыл лице земное трупием, и поля кровию очервлены были, в снедь птицам парящим и зверям. О, злато, гонитель и мучитель прегордый, городам разоритель! О, злато, умягчаешь жестокого, а мягкого ужесточаешь; язык же отверзаешь безгласному, а благоглаголивому затыкаешь уста; блещанием своим в желание уловляешь сердца. Если ты и камень мягким творишь, то кто пресильной твоей крепости может избежать?

После же сих, уздав о убиении из-за царя Маврикия стольких мужей, возненавидели его все люди, и укоряли его в жестосердии, и начали его все поносить и ругать.

Тогда же раскаялся Маврикий, и в себя пришел, и, о будущем Судитище размыслив, избрал лучше за грехи здесь приять воздаяние, нежели там, на страшном Судитище.

И сотворил Маврикий просительное послание, и разослал его ко всем патриаршеским престолом, и сущим в Иерусалиме постникам, и монастырям, и послал много золота, и ладана, и свечей, и просил молиться за него, чтобы здесь за грех свой приять ему воздаяние.

Когда же Маврикий Богу молился о грехе убиения, видел он сон такой: как будто людей много, предстоя иконе Христовой, что над Медными вратами, стояли в палатах царских, и Глас раздался от иконы, сказавший: «Дадите Маврикия». Его же взяли и поставили пред иконою.

И вещал Божественный глас: «И где хощеши, Маврикие, да воздам ти: zde ли, или в будущий век?» Маврикий же, услышав, затрепетал и в ответ сказал: «О, человеколюбче Господи, zde, а не тамо». Тотчас же повелел Господь предать его самого, и жену его, и чад его, и всех клеветов его, то есть весь дом его, Фоке воеводе.

И пробудился же царь, и послал скоро за паракимоменом, то есть главным спальничим, своим, сановником, предстоящим у него день и ночь, и велел ему привести Филиппика, зятя своего, срочно.

Тот же Филиппик, видя паракимомена, в таковой час пришедшего, со своим житием простился, и попросил приобщиться. От сего светлый и великий во бранях объят был, — о, горе! — враждебною мрежею, то есть сетию, и вместо светлой во иноческую черную облачился одежду.

Ибо ложным было тех обманное волхвование, и хорошо из того, что будет сказано, виден будет тех обман.

Так пошел Филиппик к царю, оставив свою жену на власянице и на пепле сидящей и плачущей.

Затем вошел Филиппик в царскую палату и поверг себя при ногах царевых. Царь же повелел всем своим изойти вон и тогда встав с престола и пал при ногах Филиппиковых, говоря: «Прости меня, брат, Бога ради, так как согрешил я пред тобою, ибо доселе думал я, что замышляешь ты против меня, но ныне уведал, что неповинен ты был в таком помысле. Прошу же тебя, брат, сказать мне, не ведаешь ли ты в наших странах и чинах сущего некоего Фоку воеводу?»

Филиппик же в ответ сказал: «Ведаю, царь, Фоку воеводу; он был послан от воинов, противящихся державе твоей». Царь же спросил: «Как он?» Филиппик же сказал: «Юн, страшлив, то есть боязлив, и сварлив». И царь отвечал: «Если страшлив — значит, убийца». И поведал Маврикий Филиппику свой сон.

В ту же ночь явилась звезда велия светлая, а на следующий день пришел посланный Магистриан и принес ответ таковой от патриаршеских престолов, и от монастырей, и от постников, в котором говорилось: «Уведай же, о, царь, что приял Бог покаяние твое, и душу твою спасет, и ко святым тебя причтет; от царствования же своего и от сего мира со мною скорбию и с бедою мною отойдешь». Сие же услышав, Маврикий повелику прославил Бога.

Когда же осенняя година настала, царь повелел Петру воеводе в славянской стране с воинами перезимовать; противились же воины, не приемля слова того.

Когда же знатные из бояр убежали, и когда множество людей собралось, провозгласили все, да царствует над ними Фока воевода.

Петр же и прочие князья в Константинов град пришли. Маврикия же поносили с ненавистью воеводы и горожане.

Когда же полночь настала, совлек с себя Маврикий царскую одежду и, в простую одежду одевшись, вышел вон из города, и вошел в корабль с женою и с чадами своими, убегая от восстаний людских, ибо весь город бесчинствовал всю ночь, оскорбляя его и угрожая.

Ветер же великий подул, и бедственно весьма, едва-едва доплыл Маврикий до пристани у церкви Священномученика Автонома, и спасен же был Божиюю благодатию. Тогда же напали на Маврикия страдания великие и боли в суставах, которые «ногоболезница» и «рукострогание» называют.

Царствование 20-е, Фоки, мучителя, то есть тирана, который царствовал в Константиновом граде

После Маврикия же царствовал Фока, родом каппадокиянин, и был он мучитель, царствовал же 8 лет. Пришли же воины, едино мыслящие с ним, и константиноградцы там же собрались все, и нарекли Фоку царем в церкви Святого Иоанна Предтечи. Так вошло зло сие в царские палаты.

О смерти Маврикиевой

После же того восстали народные стороны, прасины и венеты, крича: «Маврикий не умер, но в благополучии пребывает!»

И тогда на убийство Маврикия подвигся Фока, и искать его повелел он, и тогда приведен был Маврикий связанный во Евтропиево пристанище. Прежде мучая его видением убийств, Фока повелел отрубить пред Маврикием головы пяти сынов его. О видении сем мудрствуя, бедную сию участь принимая, вещал тогда Маврикий: «Праведен еси, Господи, праведен суд Твой».

Доильница же, то есть кормилица, украла из 5 сынов царевых одного, а свое чадо дала на убийство. Маврикий же не заботился о том, но свое испросил чадо, да приидет, чтобы и того посекали, ибо так «законно естеством, и образом лучшим и кровным». Ибо всем желал покаяние свое истинное Маврикий показать, переменяя сам свое житие. Потом же, со многим терпением и благодарением, и сам Маврикий казнен был, и так наследником стал вечных благ.

Окаянный же Фока повелел повергнуть тела убиенных на поле Трибунальском, чтобы, исходя из города, зрели на них, по его слову, пока тела не восмердят; после же сего позволил любящим взять тела казненных.

Те же взяли и погребли Маврикия с сыновьями на хорошем месте. А Маврикиеву жену с ее тремя дочерьми затворили в монастыре. Доброписец же некий благочестивый во Александрии, с панихиды шествуя, когда было преполовение ночи, в которую убиен был Маврикий, видел кумиры, из капища излезшие и вопиющие, что убиен был Маврикий и чада его. Доброписец отметил сие и записал.

Когда же десять дней минуло, пришел человек в Александрию и поведал о Маврикиевой кончине. Злодей же Фока по малом времени и жену Маврикиеву погубил, и с дочерьми ее, у холма Евтропиева. Не только же сих, но и родственников Маврикиевых убил незаконный, и на большую пагубу многих обрек. И с того же времени в Греческом царствии беды различные не переставали, но одна беда шла за другой.

Хосров же, Персидский царь, мир нарушил, и обры Фракию разорили, и оба войска греческих погублены были и истреблены, поскольку нечестивый и скверный себя честнейшим сотворил законного и благочестивого.

К сему же и мор людям же и скотам, и неплодствие земле многое было, и зима тяжкая, так что померзло море и много рыбы умерло.

Сей же злой Фока, после всех его бесчисленных грехов злых, и сие приложил конечное: сотворил конское ристание. Прасины же не стерпели досады, сказав ему: «Снова чашу испил ты». На них же разгневался богокрамольник, и многих окорнил, то есть урезал носы, и над многими поругался и изуродовал, и конечности их на столпах повесил, многим же отрубил головы, а других, в мешки зашив, в море вверх.

Прочих же многих людей епарху повелел Фока затворить в темнице, чтобы за несколько дней предать их смерти.

Народ же прасинской стороны собрался и огонь приложил к темнице, и вышли узники все и разбежались.

Потом же постиг гнев главу нечестивого Фоки, поскольку же сотворил он бесчисленное зло. Ираклий, воевода Африканский, кораблей много приготовил, из Африки и из Мавритании собрав, и в Константинов град пришел, нося с собою Нерукотворенную икону Господню, как же вещает Георгий Писидийский. И бились войска оба, и победил Ираклий благодатью Христовою злодея Фоку. Когда же тот побежден был, Фотин, некий из вельмож, еще раньше замышлявший свергнуть Фоку во время конных ристаний, сей вошел внезапно со множеством воинов в палату окаянного Фоки и без чести с престола сверг его, царскую одежду совлек и в черную свиту облачил его, и вериги, то есть цепи, на шею его возложил, и, как проходимца, без чести окаянного ко Ираклию привел.

Увидел же Ираклий Фоку и сказал к нему: «Так ли, окаянный, житием страны управлял ты?» Сперва же повелел Ираклий руки и ноги Фоке усекнуть, потом же ремение с плеч кроить, и срамища же его отрезать и на жерди повесить, бесчисленных его ради обид, которые он сотворил.

Напоследок же и голову его усекнули мечом. Остальное же тело злоименитого приволокли на Воловий торг, то есть на площадь Быка, и огню предали, и сожгли.

Слово о черноризце. Черноризец некий в Константиновом граде был, муж святой и многое дерзновение имевший к Богу, роптал он на Бога и так говорил о Фоке: «Господи, почто такового властелина поставил нам злого?» И поскольку много раз так говорил сей черноризец, пришел к нему от Бога Глас, говоривший: «Имже не обретох иного, горша того».

И иной же город был в Вифинии, беззаконный и много нечистоты имеющий; и беззаконное же в нем творилось; в нем же был дьяк некто, пагубник жестокий, который смирение, то есть священство, приял, и пошел постригся, и облекся в черные ризы, и стал мнихом, то есть черноризцем; однако же блудных дел своих не оставил злых.

Случилось же епископу города того умереть, и явился некоему мужу святому ангел Господень, и сказал: «Иди и убеди людей в городе, да поставят епископом дьяка одного из народа». Тот же муж пошел и сотворил повеленное ему.

И, когда поставлен был во епископы дьяк тот, избранный Богом, начал он во уме своем выситься и величаться. И приступил к нему ангел Господень и сказал: «Думаешь ли, окаянный, что поистине достоин был святительства и епископства? Нет, но избран был ты, поскольку же град сей такового худого епископа достоин был». Посему же, когда видишь недостойного кого-то: или злого царя, или князя, или епископа, тому не чудись, ни Божия Промысла не искушай, но разумей и веруй, что соответственно беззакониям нашим таким мучителям предаемся; но и тогда от зла своего не отказываемся.

Царствование 21-е, Ираклия, который царствовал в Константиновом граде

После Фоки же царствовал Ираклий 30 лет. Сего Сергей патриарх и бояре со всеми людьми нарекли царем в Великой церкви. Из церкви же прияли Ираклия, и восхваляли, и рукоплескали, и прославляли, и в царские палаты привели его. Повелевал же сей людьми, и с собой избрал также Криспа епарха, зятя Фокина.

Когда же некоторое время минуло, воеводой Криспа сотворил царь и послал его в Каппадокию. Туда же пошел Крисп и клеветать и строить козни стал против Ираклия.

Когда же много времени минуло, и в Константинов град пришел Крисп, то сказал к нему царь пред боярами своими: «Не сей ли зять Фоке был? Окаянный, как же другом мне собираешься быть?»

И тогда Ираклий клириком, то есть священником, Криспа поставил в один из монастырей страны той, и в нем царь повелел Криспу жить, и тот скоро тогда конец жития приял.

Потом же Хосров, Персидский царь, послал на греков воеводу, Саитом прозываемого, со многою силою, то есть войском, и всю Восточную страну истребил. Пришел же Саит к Константинову граду, и пребывал многое время в Халкидоне. И тот Ираклий с намерением мирным призвал Саита и о мире беседовал с ним.

Обманным же злым словесам Саита веру возымев, царь с нечестивым тем послал к Хосрову мира просить послов 70 из вельмож; их же Саит тот взял из Халкидона, и Греческую область прошел, и без чести, более того, связниками, то есть узниками, вел их.

Хосров же с Саита содрать кожу повелел за то, что тот Ираклия видел, но не взял его; послов же Хосров в темницу вверх и на мучительные казни осудил их. Царь же Ираклий скорбел очень послов ради, как и весь Константинов град.

Был же голод сильный и мор великий, и солнце омрачилось, и шел дождь пепельный. Тогда и обры, то есть авары, к царю пришли с лестию. Их же прияв, предуготовление и дары им Ираклий сотворил, и вышел из города к ним, и послов там упокоил.

Сии же послы аварские, зло в сердце своем имея, к своим соплеменникам послали весть: «О, скоро, — говорили они, — грядите, ибо вот царь Ираклий с многим богатством у нас есть».

Они же свирепообразно, как зверие, наскочили на землю ту. Царь же Ираклий, увидев сие, побежал и при помощи человеколюбивого Бога, спасающего правых сердцем, едва убежал в царствующий град.

Обры же гнались за ним и не настигли, все же богатство его взяли и, во Фракию погнав, пленили мужей и жен 70 000, и так возвратились восвояси.

О пришествии персян на Иерусалим и на Царьград

После же сего нечестивый и прегордый Хосров, Персидский царь, посылает воеводу своего именем Шахрбараза, со мною силою, и всю попленил Восточную страну, и Иерусалим копием пленил, взял и пленил его весь, также и множество людское пленил, Честной и Животворящий Крест с патриархом Захарием взял, и людей без числа из Иерусалима пленил и в Персиду отослал, а иным отсек головы.

Потом же пришел на Греческую землю также и сам пренечестивый царь Хосров, собрав премногое и гордоумное воинство из мидян, и из ассириян, и из халдеян; и из персян набрал паличников, то есть вооруженных палицами, и из парфян — златом испещренных, гордых всех тулоносцев; и попленил Хосров всю Азию.

Даже и до самой пришел славной Византии тот Хосров, и ярился на царствующий град, понося и угрожая осадить город, и щитами, и луками, и сулицами, то есть короткими копьями, хвалился Хосров своими. Видел же царь Ираклий, что нет мочи у него бороться с воинами Хосрова, ибо больше песка их было, и задумал он нечто, исполненное премудрости. Отпраздновав же тридневного Воскресения светлый праздник,

патриарху Сергию Ираклий сказал: «Се предаю град Деве и Богоматери, и сына своего, и всех вас». И, взяв Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа, исполчился Ираклий на персов.

Еще же призвал Ираклий обров и князя их на помощь, и отовсюду собрав многое воинство пеших и конников, по морю Эвксинопонту в Персидские страны отошел, очень премудро умыслив, что победит сим персидские силы, ибо они, услышав о пленении своей земли, из Царьграда возвратятся.

Обры же нарушили клятвенное соглашение, то есть мир, который же Ираклий дарами у них приобрел, и к стене Византийского града приступили, тогда же и все села зажигали. Так, разделившись, персяне же на Азиатскую землю напали, обры же Фракийскую землю истребили.

Тем же удручены были константиноградцы и на обров на воинов собрались, и бились с ними, и много тысяч из них убили, и в свою землю отогнали их.

Персидский же воевода Шахрбараз со многою силою к царствующему граду спереди приступал, и даже до Халкидона простерлись тех персов силы, разеая пасти, как зверие, и хотели поглотить град преславный.

Также и скифский каган со множеством воинов к стенам Константинова града приступил, к сим же и таврских скифов с полкочальниками свирепосердыми множество бесчисленное в кораблях пришло, прикрывая море, и на деревяных лодиях к городу с бранию, то есть боем, приступая. Так, язвы и раны многие отовсюду наносились византийцам, и отовсюду было имения скудость, и голод велий в царствующем граде, и было немислимо, чтобы откуда-нибудь пришла помощь от человек; тогда Сама защитила его великомощная Мышца, и Того рождшая Богоотроковица. И дохнул же ветер свиреподыханный, и буря воздвигла превращения воды многомутные, и все корабли погрязли, как олово, или как свинец, в воде морской. И от сего пробудились сперва уstraшенные греки, и прибывавших к стенам скифов всех убивали, и победную песнь воспевали Избавльшему их и Того Рождшей.

О победе над Хосровом

Царь же Ираклий со многою силою приступил к персидским городам крепкостолпным и твердостенным, и погубил и разорил все земли, бывшие под властью персов.

Хосров же, услышав сие, возвратился из Византии, и послал впереди себя на Ираклия воеводу и с ним 30 000 вооруженных воинов. Шел же впереди Ираклий царь посреди Персиды, а персидский воевода шел

вослед за ним. Отошел же и Персидский царь Хосров из Византии, и вослед своих воинов пошел со иными оставшимися персами.

Пришел же Ираклий на персидского воеводу; и сошлись страшно друг со другом рати, смешались, и мертвецов же с обеих сторон было много; но превыше были греческие полки, и убили они всех персов.

Видела же тогда и Персида от Византии меч и жательный всережущий серп стираемый, грады губящий и села разоряющий. И городов персидских обиралась красота, омывались же мечи греческие, и мужи персидские пожинались, как колосья, и жены доброкосые, и отроковицы, и старицы, и отрочища, что при персях матерей были, и млекососущие младенцы.

И тогда другое ухищрение царь Ираклий замыслил, ибо был он искусен в брани и доброумудренный военачальник. И, немного постояв, уклонился Ираклий с пути, дав путь персидским войскам, оставшимся с Хосровом, чтобы они мимо прошли греческих воинов. Ираклий же, когда пробежали персы, погнался вослед за ними, и много раз сошелся с ними, с обращающимися на него ратями, и варваров, не предстоящих перед ним, погонял и давил.

Наконец, и сами сродники Хосрова, и большие люди среди персов, и все племя его, и все полкочальники, и сын его первовозрастный Широ, мерзкого и гнусного Хосрова возненавидев, узами крепкими стянули его, как кита многозяющего, и как льва тяжкосердого, и как барса дикого, и затворили его в одном из царских домов.

И положили пред Хосровом золото и серебро, и камене драгоценное, и жемчуг, говоря ему: «Насыться тем, ради чего греков на нас привел». И так, голодом и жаждою водною мучив, жестоко его погубили.

Ираклий же царь истреблял города, и жертвенники испровергал, в которых же обретался Хосровов скверный образ, на крове дома вверху, как на Небе, сидящий.

Себя же окаянный тот Хосров богом сотворил, и так расписал в дому звезды, и солнце, и луну, расположил на росписи ангелов же, предстоящих ему, и себя с хоругвью в руке, и гром некоторою хитростию имелся, и дождь шел, когда хотелось Хосрову. Царь же Ираклий, увидев сей Хосровов скверный образ, испроверг его и сотворил его прахом.

Шахрбараз же возвратился из Царьграда, с очень немногими персами, оставшимися с ним, и, услышав сие все, написал он ко Ираклию о смирении, что не своею волею, но по повелению Хосрова воевал и все то против греков творил. Ираклий же повелел Шахрбаразу прийти к нему. Взыскал же Ираклий 70 послов своих и уведал, что убиты они жестоко Хосровом, и разъярился Ираклий о сем, и неудержимо отсекал

головы всем людям персидским, и города, и здания огню снедью сотворял, и за шесть лет всю испроверг Персиду.

Когда же настало седьмое лето войны, животворящее древо Честного Креста взял Ираклий и в Иерусалим пришел со мноюю славою. И тогда же царь сходил с горы Елеонской теми вратами, которыми же Господь, на страсть вольную грядущий, входил. Ираклий же восседал на коне и одеяньями царскими украшен был. И, когда уже хотел он войти во врата, явился ангел Господень над вратами, и рек ему: «Царь Небесный и Господь всего мира, живых и мертвых, со многим смирением на страсть вольную сими вратами входил, и не багряницею себя украсил, ни годоваллем, то есть шелком, красовался издали, ни коня сильного на восседание взыскал, но смиренно на жребянтином хребте сидел и слугам своим оставил образ. Как же ты с толикою гордынею на пенящихся конях и в убранстве царском грядешь?» Когда же сии словеса были изглаголены ангелом, тотчас взошел он на Небо.

Ираклий же, услышав сии словеса, ссел с коня, также и все, бывшие с ним, сложил же царь и венец царский, и сапоги отложил, и в одной ризе, льняным поясом опоясавшись, взял Честный Крест, пешим, и со слезами пошел, также и все бывшие с ним. И поставил Ираклий Честный Крест на месте своем. И в тот час расслабленные исцелели 4 человека, прокаженные 10 очистились, слепые пятнадцать прозрели, и многие же другие от бесов и от различных недугов избавились, и все прославили Креста силу.

Царь же Ираклий обновил в Иерусалиме церкви запустевшие, и пленников вернул на свободу, и все добром управил, и ото всех весьма был почтен. И с радостию мирною мноюю в Константинов град Ираклий отплыл и, как тайну некоторую, премудрость сим скончал. Как же в 6 дней всю ту тварь Бог сотворил, а 7-й день покоем нарек, также и сей Ираклий за 6 лет многие войны сотворил и потрудился, в 7-е же лето почил.

Горожане же, уведав о пришествии Ираклиевом с неудержимою любовию все в Иерию к палатам царским изошли, и с патриархом, и с Константином царем, сыном Ираклия, и несли вайи, то есть ветви, масляные и свечи, восхваляя Ираклия со многим богомудрием. Сын же пришел и пал в ноги отцу, отец же целовал сына своего со многими слезами. Сие видев, людие благодарственную песнь со слезами Богу воздавали и так воспевали царя, радуясь, и рукоплеская, и восхваляя, и вошли в палату цареву, и провожали царя все, и царь всех почтил и отпустил.

О смерти Ираклиевой

Ираклий же царь Афанасием, патриархом яковитов, то есть сирийских монофизитов, и Сергием, патриархом Царьграда, прельщен был

и приял ересь единовольную, то есть монофелитскую. Потом же, не только из-за таковой ереси, но и из-за согрешения против закона Божия, — ибо взял он в жены сестричну свою, то есть племянницу, дочь сестры, — Ираклий в недуг злой водотрудный впал. Чем же кто согрешит пред Богом, не устыдясь лица Божия, тем и казнь приемлет. Лице же Ираклия осквернялось скверною, исходящею водяным проходом. Чем же кто против естества согрешит, тем и казнь приемлет. Когда же хотел царь воду ниспустить, доску полагал на чреве, поскольку же вода не исходила, от сего обращался у него срамный член и воду на лице его испускал. И тянулась болезнь его очень мучительно, в ней же он и умер.

Царствование Константина, сына Ираклиева

После же Ираклия царствовал сын его Константин 4 года, который мало в чем показал себя единовластным самодержцем, и скрылся вскоре, и исчез прежде времени, ничего же памяти достойного не изрек и не сотворил, быв юным телом. Как говорят, Пирр подмешал Константину отраву смертоносную по научению Мартины, мачехи его, и Ираклона, сына ее. Пирр же сей был патриарх Константинова града, губитель, муж злочестивый, отравник, чародей, который же после Сергия еретика приял патриарший престол.

О некоем богаче, который сотворил милостыню, а потом, раскаявшись в содеянном, взял золото обратно и умер

При том царе Ираклии богатый некто в Константиновом граде разболелся и, смерти убоявшись, раздал нищим 30 литр золота.

И после случая того снова здоров стал богач и, слушаясь диавольского прельщения, раскаялся в том, что раздал золото, и поведал о сем другу своему ближнему, также богачу. Тот же сказал ему: «Никак же, о, человече, не приемли помышления сего злого, дабы не прогневать Бога, укрепившего тебя и исцелившего милостыни ради твоей. Если же примешь помышление сие злое и прогневаешь Бога, то смерть внезапную наведет Он на тебя, и отыдешь из мира сего без покаяния».

Богач же, раздавший милостыню, не послушал сего совета, но собиравшись с гневом отбежать от друга. И рек ему друг: «Поскольку не слушаешь сказанное мной для спасения твоего, то я тебе скажу другой совет». Он же спросил: «Который еще?» И так истинный милостивец отвечал: «Гряди со мною в церковь и скажи: "Не я, Господи, милостыню сию сотворил, но сего есть", и отдам я тебе 30 литр золота». И тогда тот окаянный человек согласился на сие, и пришел в церковь, золото же в руки приял, поскольку он все сказал, как просил его друг, но, когда же исходил он из дверей церковных, то упал замертво. И все же люди, ко-

торые обретались там, страхом и трепетом одержимы были и праведному судии Богу, песнь воздали.

Когда же клирики, то есть священники, повелевали господину золота того взять свое, то отвергся он и рек: «Да не будет мне сего даже в помышление приять, ибо то, что передано в дар Господу Богу, то уже Богово, и в вышнее сокровище записано, и сим больше не владею. Ведь и Анания с Сапфиною, что жили при Петре апостоле, не ведая, отданное Богу обратно прияли и своим сотворили, и внезапно смерть прияли; также и сей приял, ибо Бог не уничтожится».

Выслушав же сие, люди великую пользу своим душам получили, и уразумели мужа того истовое и крепкое слово, и изволили раздать нищим те 30 литр золота. Доброизвестно же, что говорил Великий Афанасий: «То, что обещали дать Богу, то уже не наше, но Божие». Сего ради, если обещанное Богу снова привлечем к себе, то не как свое приимем, но как Божие освященное украдем, и судимы будем. Ведь и за малое некое прегрешение и преступление суд бывает. Так и праотцы за вкушение от древа осуждены были на смерть и тление; и камением побиев был собирающий дрова. Все же, обетованное Ему, взывает Господь; и не только из имения Ему отданное, но и на словах или даже только в изволении мысленном Ему обещанное спросит с нас Господь. Если же кто нищ, то изволения мысленного не лишен и также должен радеть о Божественном, и великом, и тайном, и воздавать Богу, если не имением, то верою в Него, и словом, и изволением совершенным. Ибо в Бога верить все обещали и все обетованию подлежим, и все должны воздавать Богу: девицы же девство, если же обещали, воздержальники же — воздержание, сущие же во браке — целомудрие, и между собою почтение и любовь; наконец же, все должны воздавать Богу веру, и страх, и крепость, и правду.

О Евагрии Философе, которого же крестил Синезий епископ и дал ему рукописание

Было же у Александрии, в городе Кирене, нечто таковое: был один епископ почтенный, именем Синезий, который, когда пришел в Кирену, обрел там и приблизил к себе некоего философа, именем Евагрия, бывшего искусным в учении. Другом же близким Синезию стал сей Евагрий, и язычник же был верою, и к идолослужению прилежал; его же епископ обратить ко Христу хотел.

Учил же Синезий Евагрия оставить дело бесовское, и не только учил, но и со старанием многим и с сокрушением пекся о обращении его. Сей же Евагрий не хотел приять поучений Синезия. Епископ же многой ради любви к другу своему не унывал, и не оставлял начатого, но

всякий день учил, и умолял Евагрия, и к вере Христовой прилежно его призывал, дабы во Христа Евагрий уверовал и принял о Христе разум. Оный же философ не только не слушал Синезия, но и весьма возражал ему.

И пришел побеседовать однажды к епископу философ, и сказал: «Воистину, о, господин епископ, больше всего не верится мне в то, что, как говорят христиане, Кончина всему миру будет, и телам Воскресение, и воздаяние жившим, и что тогда все бывшие от века люди восстанут, и плоть нетленную примут, и без смерти во веки будут жить. Говорят же, что милующий нищих Богу дает взаймы, и сокровище себе на Небесах скрывает, и сторицею в Житии вечном примет от Бога. Думаю же, что вздором, и баснями, и обманом сии рассказы являются». Епископ же вещал и свидетельствовал философу, что христианская тайна никакой лжи, ни насмешки в себе не имеет, и многими указаниями подтвердил сие ему. И отошел Евагрий, многое размышление имея в себе.

После многих же лет, с Божьим поспешением, убедил епископ философа быть христианином, и тот, наученный епископом, уверовал во Христа, и крестился философ, и чада его, и все, кто жил в доме его.

И тогда дал Евагрий епископу 300 литр золота, ибо был богат весьма, и сказал: «Приими сие, епископ, и раздай нищим, и напиши мне сам рукописание, то есть расписку, что приму я от Бога и что за сие золото воздаст мне Христос сторицею в будущем Веке». Епископ же Синезий взял с радостью золото и написал Евагрию грамоту, как тот восхотел. И раздал епископ все золото нищим. Пожил же Евагрий несколько лет в благочестии и добродетели.

После же нескольких лет разболелся философ болезнью смертною, и сказал чадам своим, умирая: «Погребая меня, и сию хартию вложите в руки мои, и так меня погребите». Когда же умер он, погребли его с радостью.

И в третий день после смерти своей явился философ епископу во сне и сказал: «Прииди ко гробу моему, епископ, и возьми рукописание свое, ибо я восприял долг, который мне отдал Христос сторицею, и никакого упрека не имею к тебе за прежнее свершение, и, чтобы о сем тебе возвестить, своею рукою я написал хартию». Епископ же не ведал, что погребена была с философом хартия рукописная.

Когда же утро настало, призвал епископ сыновей философских и сказал им: «Положили ли вы что-нибудь с философом во гроб?» Они же думали, что о имени вопрошает их, и сказали: «Ничего же, владыка, кроме особых умиральных риз». Он же сказал: «А хартии не положили ли с ним?» И сказали сыновья: «Да, владыка, хартию сам нам дал,

умирая, и сказал: "Погребая меня, и сию хартию вложите мне в руки)". Тогда и епископ поведал им сон, который же в ту ночь видел.

И, уздав о сем, Синезий пошел на гроб философа, взяв с собою клириков, то есть священников, города того. И, открыв гроб, — о, чудо! — обрели они философа сидящим и руку с грамотою простершим. Когда же клирики хотели грамоту взять, то ни один же не мог исторгнуть ее из рук его, пока не пришел епископ и не взял своею рукою рукописание. Тогда, отдав хартию, Евагрий философ возлег снова. Хартию же разогнул епископ пред всеми, и обрели в ней новое написание рукою философа такое: «Я, Евагрий философ, тебя, преподобного господина и учителя моего, Синезия епископа, с радостью приветствую. Ведай, отче, что я приял долг, который же в моем свитке записан, и окупился он мне сторицею, и ни какого же упрека не имею к тебе за то золото, которое же я дал тебе, а через тебя Христу Богу Спасу нашему». Когда же сие было, то все слышащие читаемую грамоту, дивились о сем и славили Бога, три часа взывая: «Господи, помилуй».

Рукописание же то, которое же написал философ Евагрий, повелел епископ Синезий в сосудохранильнице хранить, и донныне лежит оно в Кирене городе в церкви, и на Господские праздники выкладывают его и читают пред людьми на слышание всем. Будем же со вниманием относиться к житию нашему, и уразумеем все бывшее с Божественным Евагрием, и о грехах своих попечемся, и милостынею искупимся от уз греховных, ибо тот, кто дает прежде смерти своей в руки нищих, самому Христу дает и по смерти своей сторицею обрящет вечные блага.

О тязиоте, то есть воине, воскресшем из мертвых

Не умолчу же о бывшем по Божией благодати на роде человеческом, ибо неложно есть сказанное: «Не хочу смерти грешником, но обратити, и живу быти». В Карфагене, городе африканском, был некий муж блудник; был же он тязиот, то есть воин; и во многих грехах сей пребывал. И смертей много было в Карфагене, и гибли же люди от смертельной болезни — чермной нежитовицы.

Воин же опомнился и в покаяние пришел, и оставил город, и обособленно жил с женою своею. И так тот воин в поместье некоем пребывал в молчании. Завидуя же человеческому роду, диавол вверг там воина в прелюбодеяние с женою его ратая, то есть пахаря, живущего с ним в поместье.

И после согрешения того случилось воину тому умереть от укуса змеиною. Монастырь же был там на расстоянии более поприща одного. И пошла жена воина в монастырь и умолила чернецов монастыря того; и пришли они, и взяли воина, и погребли его в церкви.

Был же час 3-й, когда погребли воина, а когда пели они 9-й час, то услышали вопль от гроба, говорящий: «Помилуйте меня, рабы Божии». И, придя к гробу, обрели чернецы, что то был человек тот умерший, и скоро же отгребли гроб и обрели там воина сидящим и зовущим, и скоро извлекли его из гроба и узы разрешили, и вопрошали его о причине такового чуда, желая уведать бывшее, случившееся с ним там. Он же не мог поведать о сем, так как многими слезами захлебывался, просил же их, чтобы привели его к рабу Божию Геласию епископу.

Когда же поставили воина пред ним, то попросил его епископ, говоря: «Поведай мне все, дабы и я прославил Бога Святого». И понуждал три дня епископ воина рассказать ему все, что там видел, и едва в 4-й день исповедал ему воин все со многими слезами, и сказал так: «Я, отцы и братие, униженный, окаянный, когда умирал и преставлялся во грехах, видел некоторых муринов, то есть эфиопов, пришедших и предстоявших мне, их же вид был очень страшен, всех же мук страшнее. Их же видя, грешная душа моя в смятение большое пришла внутреннее от страха. Когда же предстояли мне таковые страшные эфиопы, возрел я и увидел двух юношей в белых ризах весьма прекрасных, и вскочила душа моя в руки к ним.

И те юноши душу мою взяли сразу же как бы от земли на небо, и скоро возлетая, восходили мы с ними и, переходя по воздуху, обретали мытарства, то есть места для сбора податей, которые стерегли вход на Небо и со многим испытанием и расследованием восхождению препятствовали, и восходящие души останавливали, испытывая всякого человека, и укоряли каждого по делам его, каждое мытарство за свой грех, одно — за ложь, иное — за зависть и клеветание, другое — за величание. Попросту говоря, так, один за другим, по каждому греху в тех мытарствах задерживают и свое испытание имеют. По воздуху вели меня те юноши и несли ковчежец с некими добрыми моими деяниями, и видел я в нем все дела мои благие, которые же имели ангелы, и, из тех дел взимая, воздавали за злые дела мои, и так мы мытарства миновали.

Недостало же всех благих дел моих, и пришли мы к дверям Небесным, где же за блуд проходили мытарства, и взят я был мрачными теми эфиопами, и изнесли они и представили все плотские и блудные грехи мои, которые сотворил от двух лет возраста моего и доселе я окаянный. И сказали ведущие меня ангелы: "Все, что же сотворил сей из телесных грехов во граде, простил ему Бог, ибо покаялся в них и исшел из города". Говорили же злые соперники: "Но после исшествия из города снова впал в прелюбодеяние в поместье своем — соблудил с женою ратая своего, и сразу умер, и не покаялся в сем". И, сие услышав, ангелы уны-

лыми стали, и не имели благого дела моего, которым можно было бы воздать за сие, и оставили меня, и не ответили, и отошли.

И восхитили меня эфиопы те, то есть бесы, и били меня много, и свели меня на землю. И тут земля разверзлась, и сошли мы в некое место узкое и темное, смердящее и весьма скверное, и сошли даже и до преисподней, в темницы адовы, где же затворены души грешных, в земли тьмы вечной, где же нет света, ни жизни человекам, как написано, но болезнь вечная и печаль без конца, плач неутешимый, воздыхание немолчное, скрежет зубов. Там всегда "о, горе!" говорят, ибо каждый из сущих там, вспоминая о плохих своих делах, помышлял, как отвечать неподкупному Судии и как бесконечную муку стерпеть, и жестоко совестию мучился. И еще все там, размышляя, что от Бога отлучены, и от славы святых Его, и с диаволом осуждены, и с бесами его, непрестанно и неутешно печалуются и воздыхают. И нельзя исповедать беды той, которая же там есть, ни высказать языком той болезни. И стенают там всем сердцем, но нет того, кто бы помиловал их, и плачут, и нет того, кто бы избавил их, молятся, и нет помогающего им. С ними же и я затворен был и в темных и в тесных местах посажен был.

И пребывал я там, плача, от 3-го часа и до 9-го, и узрел двух ангелов, пришедших туда снова, и начал умолять их, да изведут меня из страшной той темницы и беды той, чтобы мне покаяться Богу. Говорили же они мне: "Напрасно нас призываешь и напрасно молишься, ибо никто же из сюда пришедших не исходит и не отпускается, до тех пор, когда Воскресение всему миру будет". Прилежно же я умолял и говорил: "Помилуйте меня, святые, так как я не ведал, что мне сие будет, сего ради отседе покаюсь и буду на пользу многим, если в земную жизнь взойду". Сказал же ангел к другу своему: "Поручишься ли за него?" И сказал другой ангел: "Поручусь". И видел я, как от всего сердца поручился ангел-поручник.

И тогда взяли меня ангелы и извели меня во гроб мой к телу моему, и сказали мне: "Войди туда, откуда же отлучился". И увидел я свое естество душевное, как жемчуг светящееся, мертвенное же тело, как тина смердящая черная. Потому воспротивился я и говорил: "Да не войду в тело из-за мрачности его". Убеждали же меня ангелы и говорили: "Невозможно тебе покаяться, если не в теле, в котором же согрешил". Я же умолял, чтобы мне не входить в тело. Тогда ангелы сказали мне: "Войди. Если же не войдешь, обратим тебя к темнице, откуда же извели. Войди же, да и сам спасен будешь, и прочим на пользу будешь". Тогда же увидел я, как вошел я через уста мои и тело воскресил, и начал вопить: "Помилуйте меня"». Все же очень большую пользу получили и убоялись страшного сего исповедания, и каждый свое оплакивал прегрешение.

Человека же видели все уничиженного и голодом уморенного, и много слез пролили, и извели его вон из гроба. Сказал же ему великий епископ Геласий, чтобы вкусил еды. Он же тогда не восхотел, но, поблагодарив их, отказался есть.

И шествовал сей воин от церкви к церкви и, падая на лице свое на землю, исповедался Богу, вопия с криком великим, с воздыханием и со слезами: «Увы, увы согрешающим и не покаившимся, ибо, когда время минет, какая страшная мука ждет их! Горе оскверняющим тело свое!»

И пожил сей воин 40 дней, поя молитвы, и бодрствуя, и проповедавая многим, и обращая к покаянию, и преставился о Господе, и отошел чистым к Богу, уведав за 3 дня о своей кончине. Видев же сие, достоверные отцы поведали о сем нам ради нашей пользы.

Слово Иоанна Златоустого о умерших. Согласно же с чудом сим, — говорю же о душах человеческих, отлучающихся отсюда, и о восхождении их на Небо, — и богоучитель Златоуст. Говорит же сей о исходе душ усопших так: «Сие неизреченнейшее зрелище прежде многие видели, как, умирая, одни на одрах мечутся, убежать желая, иные же ланиты, то есть щеки, свои секут и царапают, некоторые же дико вращают очами, руки же их опускаются, помалу сила ослабеваает, язык же их жестоко горит. Видят же тогда Божиих ангелов, страшно и внезапно душу взимающих, злые же бесы предстоят и спорят усердно, и восхитить к себе душу хотят; и тогда, испытав, внезапно подходят к душе, от тела отторгшейся, и шествует она со уныльствием многим в места страшные и совершенно неведомые. Много же нам, братие, нужно к Богу молитв, много же помощников и много же благих дел; многая же нам благопотребна ангельская помощь, многое нам для того по воздуху восхождения нужно руководство и сопровождение. Если в чужеземный город далече шествуем, то просим себе руководящих и направляющих нас. Насколько же нужнее нам здесь помощники и руководители, чтобы спасти нас, чтобы нам пройти начала, и власти, и пути, минуя предстоящих воздушных соперников, которых же мытарями и востяжниками, то есть сборщиками податей, Божие Писание нарекло. Сего ради станем готовиться к встрече, чтобы прежде встречены мы были ангелами, двинемся, чтобы не схватили нас бесы. Ибо житие кратко, суд же долг, конец близок и страх мног, и никто же не избавит от него. Уразумей, каково же во аде душам тех, кто пренебрегал страхом и заповедями Божьими, — малый покой умоляют они им дать и не получают, но в преисподних земли рыдают и оплакивают леность, и наслаждения, и блудства свои и прочие злотворения, и непрестанно каются о том, что злого сотворили, и плачут без утехи. Сего ради ублажаем праведных и младенцев умирающих, поскольку же для нас чаша смертная бедой является, для тех

же — спасением; всем страшно сие, для них же — славно; то, в чем же мы имеем там начало мучения, для них же есть начало спасения. Попросту говорю вам, что нас святые ангелы с миром могут отлучить от тел, и мы без скорби и беспрепятственно можем пройти начала и власти воздушные, если благих наставников будем иметь, и если не обретут бесы в нас то, что же ищут: увидят нескверное тело — и посрамятся; увидят нетленную и чистую душу, и светлую — и устыдятся; увидят язык без порока и невиноватый — и умолкнут. И мимо них пройдем, и поборем их, говоря: "Благословен Господь, иже не даст нас в ловитву зубом их. Сеть расторглась, и мы избавлены". Тогда, встречая нас, ангелы радовались бы, праведники радовались и лобызали, преподобные веселились, говоря: "Добре пришли, друзи Христови, и вечных благ наследницы"».

Святого Григория Богослова о усопших слово. И еще же богословию тезоименитый Григорий на погребании брата своего Кесария вещал: «Повинуюсь словесам премудрым, что всякая душа добрая же и боголюбивая, когда от привязанного к ней отрешится тела и сменит сей мир на вечность, сразу же получает чувство и видение того блага, которое с ней будет. И даже еще когда омрачающее ее будет истребляться, или отлагаться, или — не ведаю, как говорить о сем подобает, тогда уже сия душа добрая же и боголюбивая дивной некоторой сладостью наслаждается, и радуется, и с веселием ожидает вхождения к своему Владыке, ибо она как из некоей лютой темницы из сего жития убежала и облегающие ее узы отвергла, из которых же помышления крыло извлекается, так что душа добрая сразу же по исходе из тела сладость в воображении получает облегающего ее блаженства».

Святого Афанасия о усопших слово. Подобно же и Афанасий в житии святого Антония говорит: «Некогда же богоносный Антоний встал на молитву, в час 9-й, и осознал, что он восхищен умом, и, не переставая стоять, увидел себя, как если бы он вне себя был, и по воздуху его повели некие. Также лютые же и злые некие, стоящие на воздухе, хотели не дать Антонию пройти мимо их. Те же, кто вел Антония противились и боролись за него. И потребовали те лютые и злые разбирательства о том, не является ли Антоний повинным в чем-то, и хотели же вести разбирательство от самого рождества Антония. Возбранили же им те, кто вели Антония, сказав: "То, что было от рождества его, Господь отверг. Лишь с того времени, как Антоний монахом стал и Богу обещался, сотворить разбирательство возможно". И тогда сотворили сие разбирательство жизни Антония и не могли обличить его, и свободен ему стал путь и невозбранен.

Затем увидел Антоний себя как бы входящим в себя, и о еде же забыл, и пребывал же оставшийся день тот и всю ночь в молитве и воз-

дыхании, ибо дивился он, размышляя о тех, с которыми нам предстоит брань, и о том, с каким трудом придется нам идти по воздуху. И вспомнил тогда Антоний, что о сем говорит апостол Павел: "На князя и власти воздушныя". Ибо имеет враг власть преследование творить, и искушать, и возбранять хотящим пройти. Потому, наставляя, говорит апостол: "Восприимете все оружие, да возможете противитися в день лют", и еще: "яко никтоже имат враг глоголать о нас скверно, да посрамится". Сего ради беспрестанное приложим пощение, ведая, что если на один день расслабимся, и мимо пройдет время, то Бог нас не простит, но ослабления ради на нас прогневается больше. Так мы у Иезекииля слышим. Иуда, много лет трудившись, в одну ночь все погубил. Ибо враг наш не ослабеваает, и печется о нашей гибели всегда, и, если расслабленными нас обретет, то сильно на нас нападет. А чтобы не лениться нам, хорошо апостольскому всегда поучаться изречению: "На вся бо дни умирающе". Если и мы так проживем, то не согрешим. Означает же изречение таковое, что мы всякий день, вставая, должны помышлять, что не достигнем вечера, также и, спать собираясь, должны помышлять, что не встанем больше.

После же сего вопрошение Антоний сотворил однажды к неким о том, как и в каком месте пребывает душа, когда от сего мира отлучается. В другую же ночь вызвал его некто свыше, говоря: "Встань и пойди, Антоний, и виждь". И вот вышел Антоний и узрел, что некто высокий и страшный образом стоит и докасается облаков; и что восходят же некие, как бы крылатые; тот же великан простирает руки и одним возбраняет восходить, другие же перелетают через него и тогда без печали восходят; и о сих же скрежещет зубами тот высокий, а о тех, что отпадают же и не восходят, радуется. И был Голос, говорящий: "Уразумей видимое, Антоний!" И отверзся разум Антония, и уразумел он, что сие есть душ прохождение, а стоящий великан есть диавол, враг рода нашего, и виноватых он удерживает и возбраняет их прохождению, и хватает их, не виноватых же не может он схватить». Сих ради великих обстоятельств и многострадальный Евстратий, когда был близок к своей кончине мученической, помолился так: «Возвеличав, возвеличаю тя, Господи, яко призре на смирение мое и неси мене затворил в руках вражиих, и спасл еси от бед душу мою. И ныне да покрывает мя рука Твоя и да приидет на мя милость Твоя, яко возмятеса душа моя, и стужающи ми есть, внегда исходит тай из тела сего. Да некогда неприязненный совет противника срящет ю и обратит ю во тьму неведомых ради в житии сем бывших грехов. Милостив ми буди, Владыко, да не видит душа моя омраченных лиц неприязнивых бес, но да примут ю ангели светлии Твои и пресветлии. Дай же славу имени Твоему, Святой, и Своею силою возведи мя к Божественному престолу, егда судити ми ся, да не приидет на мя

рука князя мира сего, да не ввержет мене, грешного, в глубину адову». В кафоликийской же епистолии, то есть в соборном послании, святой апостол Иуда, сие являя, сказал же: «Архангел Михаил, егда с диаволом разделяя, приглашаше, глаголя и о Моисеине телеси, не дерзну суд навести хульственный, но рече: "Заклинает тя Господь"». «Хотя вперед поставить, еже о ищезновении диавола о человеческих душ, иже имеяше томительство от преступления тела Адамова, прости его о погребении Адамова и о погребении тела Моисеева противитися, да уведеам, яко к местом почиванию диаволом и сущим с ним злым и отступным силам его, празден баше шествовать к душам шествование, тем и ангели приимше, исходяще от тела».

Мартирия Антиохийского о умерших слово. Также и Мартирий Антиохийский о том же в послании неком вещает: «Когда же душа с телом разлучается, сразу после оставления ею сего света встречают ее ангелов силы благие и бесов толпы лукавые и, смотря по делам сотворенным, злым же и благим, в достойное место или те, или другие душу доносят и там содержат до последнего Дня, в который же на Суд предстанем все и либо в вечную жизнь и покой, либо в бесконечный пламень огненный введены будем. Сие же показать желая некоторым свидетельством, то есть образом телесным, устроил Бог при Моисеевом преставлении так, чтобы явился архангел Михаил испросить тело Моисеево; неприязнивый же бес возражал и противостоял Михаилу; благой же архангел спорил с ним, и преодолел, и отринул, и не со властью запретил ему Михаил, но Господь всех ослабил на Моисее суд. Сего ради научимся, что некий подвиг душам предстоит по преставлении, так что подобает нам благими делами приготовиться, да ангельскую получим помощь, когда бесы на нас скрежетать будут, завистливо придираясь ко всему».

Максима Исповедника о усопших слово. Говорил же и великий Исповедник Максим к Иоанну, саном кувикulario, то есть постельничему: «Кто же, возлюбленный, из тех возлюбленных, кто, как я, грехами и сквернами одержим, не убоится святых ангелов посещения? Ведь сим же Божественным посещением ангелов грешник настоящей жизни конец принимает и вынужден из тела исходить, не желая сего, оскверненную свою ведая совесть. Кто же не устрашится варварообразной встречи свирепых злых бесов? Ведь каждый из них по воздуху немилостиво окаянную душу, по исхождении ее из тела, к себе будет влечь, и обличением сотворенного ею срамить ее, чтобы не имела она никакой надежды на будущие блага. Окайные же души по воздуху духами неприязненными во ад ввергнуты будут и вселятся в место, в котором же только тьма и тяжкое молчание; и пищей им будет там образ жестоких стеной осужденных душ и горьких их слез; и будут они в скорби ожидать всегда ничто же иное, только одно правое осуждение, которое же будет

достойным воздаянием за грехи. Сие же приносит им беспрестанную скорбь и печаль и лишение надежды на воскресение в страшный день Пришествия Христова и ужасного предстояния перед ним и ответа за все сотворенное в житии, когда одни одесную, то есть справа, от Судии встанут и примут обетование вечных благ, а те же, что ошуюю, то есть слева, встанут, тех ждет огонь вечный и кромешная тьма, и неусыпающий червь, и скрежет зубов, и всегда слезы, и бесконечный смрад, и мука». Те же, кто о сих прежде внимают и размышляют, всегда плачутся и рыдают. «Яко осуждению без ответа, и ничтоже премудрого учителя послушавше, глаголюща: "Вся, елико обрящет рука твоя, творити, яко несть деяние помысл, и разум и премудрость во аде, идеже идиши тамо", занеже несть в смерти поминай тебе, ибо несть поминай Бога и глаголя с веселием: "Помянух Бога и возвеселихся", исповедавая и спасая, Имже покрывает, о Немже все исповедание и исправление». Потому же блаженный Нил умоляет и говорит: «Помяни же тех, кто во аде, состояние и размышляй, как же пребывает там во аде душа, в каком же горьком молчании, в какой же беспрестанной скорби живет, и душевную имеет бесконечную слезу».

Святого Григория, папы же Римского, о умерших слово. И еще же Григорий, славный папа же Римский, также Петру слово сказал: «В то, что святых же души на Небесах пребывают, веруем всецело, и то, что грешных во аде души, неотступно исповедаем. И как же святых блаженство на Небесах веселит и благоухание исполняет всегда, так же веровать подобает, что и сущих во аде печаль, и тесное жилище, и скорбь одержит всегда и что печной пламень их души опалает и печет, как же при Лазаре было с богатым оным. И еще же каждый чувство некоторой уверенности имеет в отношении Суда, ведая, что с ним будет, за то, что он сотворил».

Царство 23-е Ираклона, который же царствовал в Константиновом граде

После Константина же, сына Ираклиева, царствовал Ираклон с матерью, именем Мартина, месяца 4.

И сей Ираклон принес в Святую Софию венец царский, который же взял из гроба отца своего. Дал же Ираклон воинам каждому дар золотой, по три златника, Константина ради, брата своего.

Боляре же отринули сего Ираклона, урезав ему нос. Также и Мартине, матери его, язык урезали, и обоих оземствовали, то есть изгнали.

Возвели же на царство Константа, сына Константина, внука Ираклиева. Тот же Ираклон не погребен был как царь, но изгнан был из царствия.

И, уединившись, когда умер, погребен был в монастыре Господском с матерью своею с Мартиною. Святительский же престол держал Павел, прияв его у Пирра.

Царствование 24-е, Константа, сына Константинова, который же царствовал в Константиновом граде

После Ираклона же царствовал Констант, сын Константинов, лет 27. При сем царе Константе велий ветр яро дунул и много дерев велиих из корения исторгнул, многие же столпы столпников испроверг.

О Бохмите еретике. Некоторый сарацинский начальник злой, пророк Бохмит лживый, из одного колена родом был Измаила, сына Авраамова, родившегося от рабыни. Измаиловыми они были детьми, Измаил же отцом им наречен был всем. Сей же родил двух сыновей: Мударя и Равия. Мударь же родил Кусаря, и Канитона, и Афимимиана, и Асадона, и иных некоторых, имена которых неизвестны. Сии Маданскую пустыню унаследовали, и скотом питались, и в кущах, то есть в шатрах, жили. Были же и внутренние племена у сих, то есть дальние, были они не от колена сих, но от колена Нектанова, сии назывались омиритьяне. Нищим же был прежденазванный Бохмит, и приключилось наняться ему к жене богатой, сроднице его, называемой Дигана, чтобы на верблюдах куплю деять, то есть торговать, со единоплеменниками своими в Египте и в Палестине. Затем, понемногу осмелев, прельстил жену сей Бохмит, ибо вдовою была она, и взял ее женою себе. Пребывая же в Палестине, Бохмит пожил с иудеями и с христианами, вылавливая из писаний их некоторые учения. Имел же он болезнь — в обмороки падал. Удручен же был Бохмит, ибо жена его печалилась сего ради, так как из великого рода она была и богата, и с таковым же мужем сочеталась, не только нищим, но и в обмороки падающим. Измыслив же, Бохмит так сказал ей: «Страшное видение вижу — архангела именем Гавриила, и не могу стерпеть его видения, изнемогаю и мучаюсь». Веру же возимела к нему жена, когда лжесвидетельствовал же о Бохмите Арий некий, монахом лжеименуясь ради лихого притяжания, то есть худой наживы. Сие же совершенно прельстило ее, и так жена Бохмита прельщена была и ко иным женам беседовала, единоплеменницам своим, и проповедовала им, что пророком Бохмит является сущим. Прельщал же сей Бохмит, и с ложью сей дошел до мужа, князя колена того, именем Вувахара. Жена же умерла, Бохмита же восприятелем и наследником оставила имению и богатству своему, и с того времени же славен Бохмит стал и богат. И распространилась злая прелесть еретичества его в странах Ефривовских. Сей же ненавистник был и убийца, и беседовал с евреями и с христианами, то есть с арианами и с несторианами, и от всех тех много приял: от иудеев веру в единоначальствие, от ариан же — в Сло-

во и Дух сотворенный, от Нестория же — в человекослужение, и свою собственную веру сотворил, и развратил весь народ тот, и научил их обрезать, и мужам и женам, и единому только поклоняться Богу, Христа же чтить как Слово Божие, не как Сына же, но как от Духа Свята рожденна. Слово же и Дух Свят, изрекаемый и на воздух изливаемый, учил Бохмит разуметь ни единоипостасно, ни Родителю не единосущна. Святую же Марию Девицу учил не называть Богородицей, но считать ее Аароновой и Моисеевой сестрой. Учил их Бохмит, что не надо ни креститься, ни субботу праздновать, ни законным же Евангельским обычаям последовать, учил же отвращаться от Креста и призраком распятого Христа исповедать. Научил же всячески закон отвергать. Не принимали они свиное мясо, вина же совсем не принимали. Таким злословием изобразил Бохмит собственную истину и о себе сказал, что он ключарем пребывает Рая и сего ради в день Судный, после предстания Моисея, израильтяне как преступники закона муке и огню преданы будут, затем же Иисус будет предстоять, и отвергнется пред Богом, что называл себя сущим Сыном Божиим, и христиане же, поскольку такое дерзнули присоединить к Христову имени — Бога и Сына Божия и Слова воплощенна и распята, и так богословили, огню геенскому преданы будут. Затем о себе Бохмит сказал, что он от Бога и наречен очень благочестно, «и всех их язык виноват, богочестив его суца похвалена», и сего ради ключарем райским является. По отвержении же Рая им, войдут с ним туда всего 70000, могущих же устремиться на то, прочие же будут осуждены, праведные же поистине беспрестанное блаженство смогут приять, а обретшиеся грешники харатейцы написанные, на вые, то есть шее, навязанные, должны иметь, и тогда в Рай им можно будет войти, и сим называться учил «прощенниками» Божиими и бохмитцами. Также говорил Бохмит, что суть же три реки в Рае: одна — медвяная, 2-я — молочная, 3-я — винная, и власть будет иметь каждый из попавших в Рай, из которой же хочет реки, принимать и насыщаться. Учил, что жены же с ними будут в Раю, и будут причесывать волосы они, и всяко угождать им будут, будут же сластолюбезные телеса у них и плоть похотная, и в сластях будут пребывать рабами греха. Иудеи же и христиане дровами огню будут и останутся же, самаритяне же, говорил Бохмит, «от прохода гноя их» из Рая исходят, чтобы не смердел Рай. Каждый же, кто здесь поживет, или в богатстве, или в нищете, и без славы, таким же образом и там пребывает. Сей же помраченный и богопротивный Бохмит ко всем сим учил, что благому и злому Бог виновником является. Чудо сотворил же сей разбойник и отравник, «елико убо отречена суть, яти деянием избиеном ведати, тако и написав и преже рече сему быти, и тако умрети им восхоте». Дивиться же весьма всякому подобает поистине, что такое составление, богохульное, и пустош-

ное, и надуманное, доходящее же до последнего безумия и скотинообразности, и донныне к себе прельщает работников, которые за твердую веру и Божественную сие безумно принимают. И ко истинной святой и Богоданной вере сии весьма ослепляемы бывают, и омраченны, и неразумны, лжеименитой службе и «сотворимословию» прельстивному внимают, окаянны, и к тяжкосердию, к обману же и невоздержанности, и к скверному тщеславию еретичеством злым влекутся, и, как удаленные от блага, к спасительным словам слуха не прикладывают и вовсе не внимают, ибо от истинного сущего Бога, законом и пророками явно проповеданного, отверглись и почитают против Божества бесующегося и явно бесами одержимого, и сказанное им, весьма надуманное и бесовское, весьма любезно принимают. Которое же боговдохновенное списание о нечестивом и отраву творящем предсказало Бохмите? Или какой боголепный пророк ему учителем благочестия быть предсказал? Отрекаются же несчастные сии от всякого святого вдохновения и учения, в которых же люди, бывшие от Адама до Христова пришествия, пророкам с радостью внимали и принимали, и тем явно провозглашали Христа. А сии несчастные Бога отметаю и злого же грешника, о котором же вовсе нет свидетельств или предзнаменований, как богоучителю последуют, и истинной веры учителем принимают, и, как благодателя, богом творят, о, непреподобные и злоименитые. Пусть же исследуют немилостивные и бесные те же пустые слова, сим Бохмитом нечестиво и бесовно изреченные. Какое провозглашение они возымеют, какие Богом наставленные словеса? Ведь Божественное Слово явно учит и светло прорицает, что поистине Бог сущий — не виновник всему злу, и человек самоволен в своем спасении и погибели. Треокаянный же и треклятый, и Богу и человеком свирепый враг злообразный, по прилежанию и злоторению людеобманного беса, еще же неутомленного языка волей и неразумным вещанием всему благому и злему Бога виновником дерзновенно знаменует. И все, что от падения человека или от искушения неприязненного, или от своей лености, или от неопытности — все сие от Божественного прилежания получается: так сей грешник и пустошник извещает. Также Бохмит учит, что тот, кто не заботится о богатстве, и смиренномыслит, и не воздаст зла за зло, тот сладкого жития отвергнется. А тот же, кто в богатстве, и высокомыслит, и всю сладость от богатства любит, и нападает весьма против нападающих, тому будет душевное спасение и Раю причастие. О безумие, и вредоумие, и уничтожение, и смех, и отравы, и убийство, и гибель от него злоуловленным, даже и донныне прельщаемым! Ибо не разумеют великогрешные и злообразные, и весьма неразумные, в каковое зло и темную пропасть, и в сатанинскую гибель винулись и совершенно впали, и в каковые неизбежные и неисходные жилища, ложественными путями душетленными прель-

стившись и в окаянстве извалявшись, взяты будут и погибнут вконец. Сего ради дивоваться весьма надо явному такому безумию и нечувствию их. Живут скоро и себя творят разумными, но к каковой же неразумнейшей себя торопят прелести, и скольжению, и падению. Ибо подобает бессмысленным и скотинообразным разуметь о воскресении их учение, и скверную сию удавку проявлять, так как пищи ради и питания, видимых и истлеваемых, принимают столько в житии сем и вынуждены снова тлению работать и умирать, следуя их учению. Ибо невозможно настоящей пище и питию без изменения быть и неистленными вовек, и в безсмертии пребывать. И где тогда надежда жизни вечной и неистленной верным Божественному Писанию? И к сему да разумеют неразумные и окаянные, что до нынешнего дня от древних своих в безбожном соблазне неизменно пребывают, но думают, что образом благочестивым идолам работают и, так пребывая, подложность веры своего льстивого, искони злобного беса никак же неразумные и поврежденные не уразумеют. Также идолам работают, и среди язычников, Афродите так называемой, что значит «сладость», кланяются звезде, ибо та есть денница, то есть утренняя звезда, и так баснословят, ее же «искувар» своим злоглагольным языком нарекли, что значит «велия, великая», и так пребывали даже и доселе, и Афродитою богиню нарекли. И да не мнят некие, ложь говорящие, что извещают они великую тайну, ибо тьма сие скверное слово и молитва их мерзкая такая: «аллауякувар», толкуется же: «Боже, Боже», «ау» же толкуется «вящий, высший», «куар» же «велий, великий, то есть луна и Афродитий Боже», получается так: «Боже, Боже, вящий, велий, то есть, луна и Афродитий Боже». И сие извещает наваждение их конечное и «алла» подложно и несведуще своим языком говорят, что безумие являет перед разумными людьми, имеющими смысл. Явили же мы сие ради сведения о свинообразных сих и ничего же иного, только сладость и уныние, ведающих. От приведенного же слова о бесчувственно и беспрестанно болящих к оставленному рассказу обратимся.

После смерти же богоненавистного Бохмита явилась на полудне, то есть на юге, звезда, называемая «докит», то есть «копие», проповедавая аравитян сих власть, пребывала же 30 дней, простираясь от полудня даже и до севера копейным образом. В то же лето воевали аравитяне сии, раньше называемые сарацинами, и, Аравию оставив, пришло их в страну Дамаскову множество многое.

Сие же уведали Ваанис и Василиск, бывшие воеводами на Востоке, и устремились на них. Когда же бились полки, то побеждены были христиане полностью. И по Божию попущению ветер велий дунул на греков, и не могли они видеть противника праха ради велия. И сего ради побеждены были совершенно греческие полки.

И так, победив, сарацины с подвластными и в силе тяжце, то есть с войском большим, к Дамаску пришли, и копием пленили его.

Также и страны все финикийские попленили сарацины и вселились в тех, скверные и мерзкие, Божиим попусшением, грех ради наших.

Прияли же сарацины и святой град Иерусалим и всю землю обетованную, землю, источающую мед и млеко. О сей земле святой говорил Моисей к Израилю: «Се Господь Бог твой введет тебя в землю благу и многу; в ней же потоки водные и источники из бездны истекают по пажитям и по горам; земля та пшеничная и ячная, виноград и смоковницы, и родии, то есть гранатовые деревья, в ней есть, и финики; земля та масличная, источающая елей и мед; земля, на ней же не съешь хлеба в нищете и не возжелаешь на ней ничто же; земля, на ней же и каменье есть железное, и из горы ее изыдет золото; земля, источающая млеко и мед; земля та лучше есть и больше всей вселенной; земля, Господь Бог твой посещает ее, очи Его на ней изначала от года до года». И поистине благословенна есть та земля, плодovита всем, больше всех земель, и с Раем Божиим сравнима. «Возвел же Лот очи свои и увидел всю страну окрест Иордана, что вся она напоема есть, как Рай Господень есть, как земля Египетская», и избрана сия земля была Лотом. И предсвидетельствует же о сем премудрый Аристотель, говоря: «Многолюдна же есть земля обетованная; и густа древом; и всяким овощием плодovита; виноградами же и древами плодovита добрыми; и фиников множество творят елей непрестанно; и скотины премного различной; и обильными пастбища их из года в год бывают многого ради благорастворения земного; насыщения же многое множество там; и ароматы, то есть благовония, и камни различные, и золото приносят аравитяне в ту землю». Также Иосиф говорит: «Преплодovита та земля благорастворения ради дождевного и многой влаги ради; в зимнюю годину износит она орехи, а в зной — финики; много сотворяет елея, то есть масличного масла, и вина же; и смоквы 10 месяцев в году изобилуют, там растущие. Прочие же плоды двоекратно от года до года обирают же». О величествии же гроздей виноградных в той земле явствует из Писания, в котором рассказывается о зрителях, то есть посланцах, их же послал Моисей, и, когда пришли даже и до долины Виноградной и урезали там лозу, и винограда гроздь одну взяли, то на плечах мужа два несли ее. Всем известна была земля та святая доброплодствием своим. По ней же Александр Великий шествовал и древа плодovитые видел, среди них же и пиган, то есть руту, видел, в высоту и толщину равную со смоковницею, и чудился очень земли той доброплодствию же и изобилию.

И еще же в Палестине источник есть, исцеления подающий всем людям и скоту, в нем же, как говорят, Господь, путешествуя, ноги омыл. И

древо стоит, от него же недугам врачевание, в месте, в котором же, как говорят, Иосиф, когда Христа взял с Пресвятою Богородицею Мариною и в Египет творил шествование, на землю преклонился, и поклонилось древо. Тем же образом и донныне сохраняется склоненным то древо. В северных же пределах той земли корень бывает пламеннообразный, называемый ватгарит, от него же к вечеру сияет свет, и никакой же человек выкопать его не может, поскольку вскоре корень сей уморит копателя, если только он прикоснется к корню рукою. Если же вокруг окопать корень тот и к псу привязать, то выторгнет пес корень тот, идя следом за человеком отходящим, и сразу же умрет пес. Когда же к корню тому прикасаются беснующиеся, то отпускаются от беса, ибо бес корнем тем изгоняется. Иной же некий есть град Галилейский, от моря на два поприща отстоящий, имеющий реки и острова. Там место в нем есть, локтей имеющее 100 от края до края, в нем же бывает природная вещь, которой дивоваться подобает, ибо, когда ветры вне реки находящийся песок в реку же увлекают, тотчас на том месте песок тот в стекло превращается. И многие же люди пристают и стеклянный тот песок извлекают, и снова ветер, дохнув, наполняет место то. И еще же и оповалсама, то есть сока бальзамического дерева, плодит премного та земля, и иного некого плодит премного людям потребного. И трудно уходить оттуда же, так как изряднее всех та земля. Поистине дал ее Бог возлюбленному Своему Израилю в насыщение. «Введе я Бог в гору святыня своя, в гору сию, юже стяжа десница Твоя». Ублажая ее, во святой доброй земле обетованной многообразно и многообразно издревле Бог Слово пророкам являлся на херувимами подъятом престоле, и говорил, и еще же и различно и боголепно богоявление сотворил, как же Он и сказал о сем: «Аз видение умножих и руки пророческих сподобихся». Впоследствии же Господь также в той святой земле явился плотию и с человеками пожил, по Божественному прорицанию все исполнив, как же и говорит: «Мати Сиона, цветуща человека, и человек родился в ней, и тот основа ю Вышний». В той же земле Господь и спасительную страсть претерпел, всему миру содеяв спасение посреди нее, так что некие свидетели пупом земли нарекли ее. И Христос сам сердцем нарек ее, говоря: «Якоже Иона, бысть в чреве китове 3 дни и 3 нощи».

Также и Божественный Златоуст о сем же говорит явно: «"От Сиона красота лепоты его". И в Палее, то есть и в Ветхом завете, оттуда же Божия была лепота, то есть и жертвенник, и Святая святых, и жертвоприношения все, и жития палейского, то есть ветхозаветного, законодательство, и иереев множество, и жертвы, и олокавомата, то есть всесожжения, и хвалебные святые песни, и все бывшее было оттуда, и будущее оттуда же прежде написано было. Когда же Истина пришла, оттуда же начальствие прияла, оттуда Крест воссиял, оттуда премно-

гие деяния. Сего ради о Христовом втором законодательстве великий Исаия вешал: "От Сиона изыдет закон, и слово Господне из Иерусалима, и судит между языки". Сионом же здесь называет Исаия землю и расположенную в ней митрополию, то есть столицу, иудейскую. Оттуда же, как из ограждения некоего борзые кони украшенные, апостолы посланы были во всю вселенную. Оттуда знамения начали творить. Там была спасительная Страсть Христова, и Воскресение, и Вознесение, и начало нашему спасению. Там неизреченное Богословие проповедаться начало. Там прежде явился Отец, и познан был Единочадый Сын, и дана была великая благодать Духа. И бесплотные вещи там стали славить, и дарования, и силы, и будущих благ обетования. И все это "красотой Его" называет Писание, ибо благолепие Божие и красота это Его благостыня, и человеколюбие, и иные все добротворения». Там же и грех прегрешения Адамова исцелил Господь, там же было и скорое, как бы крылатое, собрание святых, «устрещение во второе пришествие», его же прежде являя, говорил: «Идеже есть труп, ту орли собираются». «Вместити же ни Ноева гроба не неведати начальника всех человек, яко по потопе предана бысть слава от него». Сего ради Господь, о начале человеческой смерти узнав, на так называемом Лобном месте страсть приял, на том же месте человекам вся тля начало прияла, оттуда же прияло начало проповедание Царствия Небесного. Также и богогласный Афанасий к Страсти Христовой говорит: «Сего ради не где-то еще страсть претерпел Христос, и ни на ином же месте, а на том, на котором же, как евреи учителя говорят, Адамов находился гроб. "Ту бо и по клятве погребеша, истовствую. Сего ради чуждуся местному собству". Подобало Богу обновить первого человека, и на том же месте страсть претерпеть. И поскольку слышал Адам: "Земля еси, и в землю поидеши", подобно снова там положен был: на котором же месте клятву приял, там и разрешение примет». И еще же и Великий Ефрем о Каине сказал: «И Каин, стена и трепеща, был осужден, совестию одержимый, потерпит же и в муке вечной, ибо "стения и трясыйся да будеши на земли", и всем являет на земле той место осуждения и юдоль плачевную, как и Святое Писание говорит». Не земля же суда ради, ни суд земли ради, ибо не земля согрешила, но человек. Земля Божия суда бывает казнию, как и судиям — престолом, и казнителям — оружием; и может, сказано, и во временных вещах может быть суд. И плоть человеческая ныне смертна бывает, но тогда будет бессмертна. И Рай чувственным разумом и вечное имеет восприятие. Не притчею сказано о Рае, не образом насажден был, вечным являясь. По 5000 лет Павел его видел, туда дошел, и услышал же Царские тайны, и взошел же и до третьего Неба, и услышал будущего близкого описание, и Бог землю ту благодатью облек, и «Рая в присных обеты состави». Тебе же, неверному, мнится чувственно и

временно, мне же, верному, временно и вечно. Не разумеешь благодати, не вместишь Божией воли. И узнаешь же слово, как временное есть и вечное. Узнай, чего ради Павел сказал, что есть «извещение, ихже не достоин человеку глаголати». Если же слово невозможно, но весьма Божия сила неисповедима. И Рай же чувственный, но не временный, и сущее и вечное имеет восприятие. Не притчею сказано о Рае, не образом насажден был, вечным являясь. По 5000 Павел его видел, туда дошел. И Рай же чувственный, но не временный, и сущее в нем обетование на древах, но не временна. «И еще же митрополия Иерусалим, временно ныне истляющая, но в жилища избрана нетлеющему естеству и вечному Богу, и бошью мало послеже нетленен Бог светлостный и паки в бытии, будет праведное жилище, по Громова, рекше, Сына проповедница». В откровении Иоанновом Иерусалим — богосозданный, и богохранимый, и богоукрашенный, и боголюбимый. Давид же говорит: «Возлюби бо Господь врата Сиона больше всех сел Иаковль». Иерусалим же Давид как преславный Божий град величает, говоря: «Преславная возглашася о тебе, граде Божий» и еще: «Якоже слышахом во граде Господа сил, во граде Бога нашего: Бог основа и вовеки». Сею же святою и желанною тайною землею, и преславною, и прехвальною, из нее же первый человек был, пророки и апостолы все прозябли, то есть родились, и еще же сущих всех небесных и земных тварей высшая Божия Мать прозябла, то есть родилась, и Владыку родила и Творца всех и Господа, и спасению причастница была; сей-то Святою землею, и Божественною горою преславною Сионскою, и святою митрополиею, то есть столицею, Царя великого и Спаса нашего, Иерусалимом овладели лукавые весьма и нечестивые сарацины. Когда же овладели Святою землею оною, то очень умножились и усилились.

И приготовил лодьи многие князь сарацинский, именем Муавия, и приплыл он к селению, называемому Финики, что в Ликий, где же Константин был с греческими воинами.

Собирался же царь наутро в лодях биться и ночью перед сим увидел во сне себя в Фессалониках, то есть в Солуни. О сем же царь скоро поведал некоему человеку разумному, и сказал тот ему: «О, царь, плохой сон, ибо твое пребывание в Фессалониках прообразует то, что положена иному победа, значит сие, что тебе побежденным быть, и победа врагам дана будет».

День же настал, и воины исполчились, и побежден был царь Константин. Море же смешалось с кровию греческою.

Заговор же был против царя, и поведали ему о сем доброжелатели. О сем же поведал царь ближнему своему некоему другу, его же в свою одежду одел, и сговорился с другом своим, и в худую лодью вошел царь,

и с малою дружиною вошел, и ночью отплыл, и в Константинов град пришел.

Наутро же в царскую одежду одетый вступил в царскую олядь, то есть лодию, и сошелся в бою с противником; те же, окружив его лодиями, крепко бились, думая, что он царь. Он же храбр был и многих убил, и сам от них уязвлен был, то есть ранен, и умер, исполнив написанное: «Больше сея любви ничтоже есть, аще кто положит душу свою за друга своего».

Констант же царь, внук Ираклиев, корение хранил лукавое изначально злочестивой ереси тех, кто учил говорить, что во Христе единая воля; и изнес же тогда царь плоды горькие, от которых же многие ели, и от сих и мы уведали, каковую терпкость и горечь плоды те имеют. Максим же добropобедный, — труба златокованная, Нил златоструйный православия, обличитель таковой лукавой ереси, — до последней сытости причастился сей горечи. Рука же десная его повелением злочестивого Константа отъята была мечом и язык медоточный, — увя мне! — урезан был: те места, что источали Божественного потоки, ибо много писал и говорил Максим в защиту православия. И снова Бог руку и язык к нему приставил. То же сотворил Констант и с двумя Анастасиями, учениками сего Максима. Также и великого Мартина, епископа старого Рима, папой же сего называл весь греческий народ, осудил Констант на изгнание в Корсунь.

Еще же Констант и Каину уподобился братоубийством, убив Феодосия, брата своего, который же от единых нивы и семени с ним прозяб, то есть произрос. Не хотевших же приять его ересь единовольную царь многих из православных повелел ранить и бить, и водить нагими посреди града, и поругать, и на заточение осудил их. Сам же царь, столько злого сотворив, на Сицилию отплыл, у многодаровитого града царского отъять желая красоту и царство даровать старому Риму, как если бы кто с украшенной пресветло невесты снял наряд и старицу некую престарую украсил. Но замышления суетны человеческие, если не поспешествует, то есть не помогает, Бог.

Послал же Констант и за тремя сыновьями своими: Константином, Ираклием и Тиберием в Константинов град; горожане же не отдали ему их. Пребывал же в Сицилии Констант 6 лет, и лютую там по заслугам испил чашу смерти. Когда мылся он теплыми водами, один из прислуживавших ему ударил его кадию в голову, и так умер Констант.

И Мизизий царем нарекся, муж из Сицилии, разноокий и с красивым лицом. Но однако недолго наслаждался он властью, но увял вскоре и без явления скрылся, — также шипок, то есть роза, когда появляется, вскоре опадает.

Царствование 25-ое, Константина Бородатого, сына Константова

После Константа же, внука Ираклиева, царствовал сын его Константин Бородатый 17 лет.

Сей с ратию тяжкою, то есть великою, Сицилийского достиг острова, и всех убийц и наветников царя и отца своего Константа, внука Ираклиева, заколол, и с ними и Мизизия, мучительствовавшего, то есть захватившего власть.

Сего самодержца народ нарек Погонатом, то есть Бородатым, того ради, что, отходя на брань с Мизизием, юношей был благообразным и без бороды отошел, оттуда же возвратился мужем зрелым с бородою. И пришел Константин в Константинов град, и прият же был всеми, и хвалим, и славим.

В годы же царствования сего Константина старейшина павликиан явился, Константин именем, который же Сильваном себя наименовал. Еретичество же сие таковое. Павликиане, они же манихейяне, нареклись вместо манихейян павликианами от Павла некоего из Самосаты, сына жены манихейяныни, именем Каллиники, которая же двух сыновей имела — сего Павла и Иоанна. Сия же Каллиника манихейскому еретичеству научила сыновей своих и из Самосаты в Армянскую страну проповедниками сего еретичества послала. Сии же Павел и Иоанн пришли в некую весь, то есть селение, чтобы свое еретичество всеять; и с того времени же селения того изменено было имя, и нарекли его Эписпорис, то есть Всеянное; ученики же их павликианами нареклись. Сии же павликиане во учении сего Павла пребывали лет несколько, и иного возымели учителя, Константином называемого. И тот Константин Сильваном себя нарек, именем ученика апостола Павла. Сего же Константина павликиане имеют старейшиной и учителем себе, а не того Павла из Самосаты. Сей же Константин передал павликианам учительство свое, используя проповедание Евангельское и Апостольское, написанное же без изменений в сравнении с написанием и словами, каковы же и у нас, но преподнес им сие Константин, обратив же каждую главу Евангелия и Апостола на пользу своему еретичеству, и закон дал им, никогда же иных книг не читать, только Евангелие и Апостол. **Еретики.** После Константина же, нареченного Сильваном, второго имели учителя павликиане, Симеона именем, который же нарекся Титом, также, как и Константин, и последующие, именем ученика апостола Павла. Третий, армянин родом, Гегнесий же называемый, изменил свое имя на Тимофей. 4-й же, Иосиф, изменил себе имя на Епафродит, и по сем был 5-й же, Захария. Но сего наемником, а не истинным пастырем считают некие из павликиан и отвергают его. 6-го же учителя павликиане имели Ваана скверного; сего же имели Сергия, который же изменил себе имя на Тихик. Манеса

же, то есть Мани, и Павла Самосатского, и иных ересиархов павликиане проклинают, поскольку не от них научились. Константина же, который Сильваном был наречен, и Симеона, он же Тит, и Гегнесия, он же Тимофей, и Иосифа, он же Епафродит, и Ваана скверного, и Сергия, он же Тихик, как учителей своих почитают, и вовсе не проклинают, но имеют их как апостолов Христовых. Говорят же павликиане во исповеданиях своих и о 6 церквях своих, то есть о 6 соборищах. Македонией называют церковь в городе Кибоссе у Колонии, которую же основал и учительствовал в ней Константин, он же Сильван, также и Симеон, он же Тит там учил; Ахайей называют церковь в селе самосатском Мананалис, в которой же учил Гегнесий, он же Тимофей; филиппийцами назвалась церковь, где учил, как говорят, Иосиф, он же Епафродит, и Захария, который наемником и неистинным пастырем у павликиан некими называется. Лаодикийской называют же церковь в селении Аргаус, Эфесской — церковь, находящуюся в Мопсуестии, и колоссянами называют церковь в селении Кинохорит, что значит Собачье место — сии три церкви, как говорят, Сергий, он же Тихик, основал и учительствовал в них. Сии же павликиане имеют семь сих учителей и 6 церквей, их же и чтят. Прочих же всех, если кто скажет им: «Прокляните их», то проклинают и отметаются. Имеют же павликиане прежнее еретичество манихейское, два начальствия исповедуя — доброе и злое, — как и те манихеи. Говорят же сии павликиане: «Одно есть, прежде всего, что отлучает нас от ромеян, — то, что мы об одном Боге говорим как о сущем Небесном Отце, который имеет власть не в сем мире, но в будущем, а о другом же Боге мы говорим как о всего мира Творце, который же имеет, тут пребывая, над сим миром власть; ромеяне же одним и тем же Богом исповедают и Отца того же Небесного, и всему миру Творца». Называют же павликиане себя христианами, нас же — ромеянами. Говорят же павликиане к не знающим веры: «Прилежно веруем во Отца, и Сына, и Святого Духа, Небесного Отца, и прокляты, говорят, не так верующие». Научены же весьма они свое зломыслие прилагать и никогда не говорят: «Веруем в Отца Небесного как в единого истинного Творца Неба и земли и всех сущих в них». Подобаает же правоверному, говорящему с манихейянином, чтобы узнать его, попросить, чтобы сказал тот Божественное учение веры, которое же есть: «Верую в единого Бога Отца Вседержителя, Творца Небу и земли, видимым же всем и невидимым», и прочее. Далее же хульствуют павликиане на Святую Богородицу бесчисленно. Если понуждаемы будут нами исповедовать, то, страшась, говорят: «Веруем во Святую Богородицу, в которую же вошел и изошел Господь», но, говоря так, имеют в виду же горний Иерусалим, в который же предтечей нас ради вошел Христос, и который же называет апостол Павел матерью всем нам, так что не говорят сии павликиане поистине о Святой Марии Богородице и

о том, что из Нее воплотился Господь. Хульствуют же павликиане и на Божественное святое Приобщение Честного Тела и Божественной Крови Господа нашего Иисуса Христа, говоря, что гласы свои, то есть изречения, подавал апостолам Господь, когда говорил: «Приидите, и ядите, и пейте», а не хлеб и вино. Хульствуют же и на Честный Крест, говоря, что Крест есть Христос, и не подобает же кланяться Кресту, ибо то проклятый ерсан, то есть тварь. Пророков же и прочих святых отметають, и еще святого Петра, великого и первого апостола, и на тех весьма хульствуют, и отвращаются их, и говорят, что из них же ни единого среди спасенных нет. Кафолическую же, то есть соборную, церковь, из страха своего к нам скажут, что признают, но, говоря так, свои собрания имеют в виду. Крещением же считают слушание слова Евангельского, ибо вещал Господь: «Аз есмь вода животная». Сие все и большее сих говорят, когда обретены и схвачены будут, и изнемогают. Но подобает с разумом и по одному обо всех сих вопросах с ними разбираться, ибо ложь на языке они носят, по обычаю своему, всегда же, особенно же когда принуждаемы будут, прилигают и говорят, что повелено им будет или сказано им будет, и не виноватыми остаются перед собой и своей верой, ибо так их Мани научил говорить. «Ибо не являюсь я немилосердным, — говорил Мани, — как Христос, сказавший: "Иже отвержется Мене пред человеки, и Аз отвергуся его". Я же говорю: "Отвергшихся от меня пред человеки и ложью себе спасение ищущих, как не отметающихся от меня, с радостью принимаю, ибо передо мной исповеданием не виноваты"». Также и пресвитеров и прочих иереями сущих отметаються павликиане. Есть же у них иереи свои, и в единстве же сии иереи со всеми остальными находятся, называют же их писцами, и не отличаются они от всех ни нравами, ни запросами, ни всем прочим житейским устройением. Все же, сущее в Евангелии и во Апостоле, толкуют они извращенно, не так, как у нас; Евангелие и Апостол у них же прилажены, то есть приспособлены, к их еретичеству. Как же было сказано, написание и слова — такие же суть, как же и у нас, неизменны, смысл же извращают. Кланяются же Евангелию у нас, когда придется, не на Крест же, но на книги, говоря: «Словеса Христовы суть, и сего ради кланяемся». Когда же впадет кто из них в недуг и в болезнь, то возлагают книгу на него, и здравие получают, «и паки сломивше и в огонь ввергше, да сожгут, или расперут и». Некоторые же из павликиан и детищ своих крестят у наших пресвитеров, когда те пленены павликианами и находятся у них. Другие же из них входят в церковь нашу и правоверных, пришествовавших к Божественным тайнам, перенимають, и еще больше прельщают неопытных таковою кознию и лестью, принимая их со всяким неутомлением, и скверное против человеческого естества беспрестанно без стыда творят. «Инии же от них к родителем точию неходимы, глаголют».

Сей царь Константин, собрав собор мужей богоносных, отчее зловерие из корня исторг и насадителями благочестивых велений наставлен был, то есть святыми отцами.

О святом вселенском шестом соборе. От пятого собора до шестого лет 130

Святой великий вселенский шестой собор был при Константине Бородатом, в 13-е лето царствования его и при сыне его Юстиниане. Собралось 170 святых отцов, среди них же верховным был Агафон, папа Римский, а патриархи — Георгий Константиноградский; Феофан Антиохийский, тем же собором поставленный, когда Макарий извержен был; от Александрии был Петр мних, так как не было там тогда патриарха; вместо Иерусалимского Феодора послан был от него Андрей, который же впоследствии стал архиепископом Критским, тогда же был он диаконом и сиропитателем. Всех святых отцов было 170; собрались они против воздвигших хуление на святую великую и соборную апостольскую Церковь, которые же то, что единую волю и единое действие имеет Господь наш Иисус Христос, зловерно суесловили. Еретиков же начальники были сии — Сергий, и Пирр, и Павел, и Петр — патриархи Константинова града, и Кир Александрийский, и Феодор Фаранский, худоумный епископ, и Макарий, нареченный епископом Антиохийским и потом изверженный, и Стефан, ученик его, и Полихроний, безумный старец, который же и мертвого воскресить пытался, в таковой прелести упираясь. Сих всех святые отцы, как богоборцев, проклятию предали. Господа же нашего Иисуса Христа проповедали во едином составе, в двух же естествах — в Божестве и человечестве. Обрели же на том соборе, что на некоторых иконах и утвари священной Господь наш Иисус Христос изображен в образе агнца, на которого Предтеча перстом указывал, по образу древнего агнца, законом и пророками проповеданного нам, проявляя Агнца Христа, Бога нашего.

И от того времени святые отцы повелели изображать Господа нашего Иисуса Христа не во образе агнца, но во образе человеческом, грядущим к Предтече, который указывал на Него перстом и говорил: «Се Агнец Божий». Которому же и поклоняться святые отцы заповедали, имея в памяти плотскую Его жизнь, страсть же и смерть, во избавление бывшую всего мира.

В лета же сего Константина пришли же сарацины большими войсками на Константинов град и пристали на море у Евдома, предместья Константиноградского, называемого седьмым, и против них исполчился Константин.

При сем же столкновения в лодиях всякий день были от весенней години даже и до осени. Когда же зима настала, отплыли сарацинские воины и перезимовали в Кизике. И снова, весною из Кизика выступив, также морем пришли сарацинские войска и стали воевать, и 7 же лет воевали они, и ничего же совершенно не возмогли сотворить.

И, бесчисленно много мужей своих погубив, возвратились сарацинские войска восвояси.

Когда же в странах Силейских были сарацинские корабли, и великие там ярые ветры были и буря, то в море утопли они и совершенно были уничтожены.

Потом же на Востоке сущие воины византийские в Хрисополис предместье Константинова града, пришли, и призывали, и говорили: «Троице Богу веруем, и трех братьев наречем царями и венчаем на царство». На них же разгневался царь Константин, поскольку сам один был венчан, два же брата его ни одного сана не имели. Послал же царь к ним патриция и сказал: «Люба мне речь сия», и призвал же старейшин их на совещание о сем с болярами. Когда же старейшины вошли во град, то убиты были Константином; братьям же своим он носы урезал.

В лета же Константина болгарский народ из северных стран Эвксинского Понта, от так называемого Меотийского озера, на Фракию напал, жили они во многой нищете и убожестве.

О сем же уздав, Константин удручен был очень, и устремился на болгар в лодиях многих с воинами, и пехоту посуху же пустил, по Дунаю же пехотинцев ополчил, вблизи же на отмелях лодии поставил. Болгары же, увидев сие, убоялись и в твердынях своих укрепились, которые же трудно было взять.

Царь же страдал болезнью ног, и разболелся, и вынужден же был в Месемврию, город фракийский, отойти лечебных бань ради в пяти кораблях, и сказал: «Излечусь, и снова возвращусь». Оставил же воинов своих Константин и стратигов, то есть воевод, повелев им осаждать и побивать же болгар.

Воины же византийские подумали, что царь бежал, и в бегство устремились, никем же не гонимы. Болгары же увидев сие, из твердынь своих вышли, и гнались за воинами византийскими, и многих убили и захватили в плен, и ту землю за собой удержали и обладали христианскою землею.

Потому поневоле царь мир сотворил с болгарам, дав им дань к стыду греков, поскольку нападали сии болгары и опустошали Фракию и земли, сущие окрест ее. Царь же Константин умер от прелога, то есть поноса.

Царствование 26-ое, Юстиниана, который же царствовал в Константиновом граде

После Константина же Бородатого царствовал Юстиниан 16 лет. Сей же царь, когда воевал в западных странах, многое множество славян пленил: некоторых завоевал, иных же словом преклонил под свою власть.

И возвратился Юстиниан восвояси; из сих же славян избрал воинов 30 000, которых же нарек изрядным, то есть чрезвычайным, войском, их же вооружив, «известы сотвори в них».

И, уповая на поборие, то есть помощь, сих храбрых воинов, написал Юстиниан сарацинам, что больше не будет мира, который подписанием был сотворен между греками и сарацинами.

И взял Юстиниан изрядных оных воинов и еще больше неизрядных, и прочих воинов взял, и к Севасту граду пошел. К нему же сарацины пришли, и свидетельствовали ему о прежде сотворенном с клятвою мире и призывали Юстиниана, чтобы от уговора он не отвратился, а не то Судией или Мстителем ему Бог будет. Не приял же царь Юстиниан совсем слов о мире, но на войну исполчился, и тогда там же разодрали сарацины хартию мирную написанную, и на копие воткнули, и устремились на греков.

Когда же полки сошлись, приложилось из славян 20 000 к сарацинам. И так греки были жестоко побеждены и бесчисленно много их было убито — истинный Суд победу врагам присудил, уча никогда же не преступать Божественной клятвы, даже и противникам и неверным данной.

Бежал же царь Юстиниан к месту приморскому Левкате с позором многим и поражением. Когда же пришел, убил оставшихся с ним славян 10 000 с женами и с детьми.

От этого еще больше взъярились сарацины, и дальше разоряли Греческую землю, имея с собою 20 000 перешедших на их сторону славян. Царь же вошел в Константинов град, и не печалился ни о чем же.

О втором собрании святого собора шестого. При сем царе Юстиниане после шестого собора подвиглись некие снова поновить ересь Сергия, Пирра и Павла.

Царь же Юстиниан снова повелел собраться собору святых отцов. Римский папа был болен и вместо себя послал двух епископов. И пришли все патриархи. Тогда же пришел от Иерусалима святой Григорий, тогда бывший диаконом, потом же стал он епископом Акрагантским и чудотворцем, и дали ему место епископа, который же был болен.

И заседали святые отцы в церкви Святой Ирины и еретиков осудили; с ними же и святой Григорий письменным заявлением обличил ерети-

ков; и проклятию их предали. И утвердили шести соборам, поименовав их, также и поместным непоколебимыми быть, и правила святых апостолов, и пяти соборов, также и поместных, заповедали неподвижимо блюсти.

И свои правила изложили святые отцы шестого собора, подтверждая апостольские правила, и святых соборов, некоторое исправляя. Обрели же Спаса написанным в образе агнца, к Предтече грядущего, и повелели отцы в образе человеческом с того времени писать Спаса.

И обычай некий еще имелся — в Великий четверток после вечери службу совершать и причащаться. Они же повелели натошак святую службу совершать. И иное многое подтвердили и узаконили, и недоконченное довершили, и нарекли свои правила — Правила Шестого вселенского собора.

Когда те же святые отцы незадолго до сего собирались, тогда из-за некоего неудобства не писали. И они повторно собрались и изложили все очень чудно.

Царь же Юстиниан понуждал патриарха Константиноградского Каллиника сотворить молитву на разорение церкви Святой Богородицы, прозываемой Митрополитской, бывшей близ палат его; хотел же Юстиниан сотворить на месте том фиали, или лохани, то есть чаши, мраморные, и постройку создать венетам, для того, чтобы им там с царем встречаться. Патриарх же, принуждаемый весьма, сказал: «Не прияли мы молитву на разрушение храма, но на создание». И, много понуждаемый, сказал патриарх: «Слава державному Богу, терпящему всегда, и присно, во веки веком, аминь».

Сие же уведал царь, и собрался народ, и возопили: «Аминь». И тогда церковь разрушили, и фиали поставили, а церковь во ином месте создали и нарекли ее Митрополичьей.

В те же лета восстал Леонтий патриций и ночью наречен был царем народом же венетским. Когда же день настал, вывел Леонтий Юстиниана на конеристалище и урезал ему нос, и оземствовал, то есть изгнал, в Корсунь.

Царствование 27-ое, Леонтия, который же царствовал в Константиновом граде

После Юстиниана же царствовал Леонтий 3 года. Но не стерпело же правдивое Око и не только в равной мере, но и сугубо, то есть вдвойне, Леонтию воздало. Разбойники же захватывали Африканскую страну, аравитяне же были разбойниками из агарян, и все приморие захватили.

Сим же царь был обеспокоен, и рать большую составил на разбойников тех водоплавных, то есть корабельных. И бились с ними же корабельные силы греков, и оных разбойников, с яростию нападавших, в злобе как бы пену источающих, отогнали оттуда и целым же возвратили захваченное.

Но не остановились лютые звери и снова составили брань, стали воевать, и обратили в бегство греческих кораблей начальников, и славный город Карфаген прияли, и попленили всех ливиян, и «якоже золотые власы исторгоша».

Воины же корабельные и все военачальники не могли стерпеть срамоты поражения своего горького, и тогда взялись исцелить зло другим злом великим; к Криту же великому острову пристали, и друг со другом совещались, и «дерзости своя изригают тяготу».

Избрали восставшие себе соотступника одного, называемого двоименно Тиверий Апсимар, и с ним вместе обступили Константинов град.

И, предателей обрета, восставшие прияли царствующий град. Тогда же Леонтия царя вывели посреди всех и отрезали ему нос и в темнице затворили, неизбежной и горькой.

Царствование 28-е, Апсимара Тиверия, который же царствовал в Константиновом граде

После Леонтия же царствовал Апсимар Тиверий 7 лет. Был же он двоюименитец, то есть двойное имел имя, как Иаков, он же Израиль, как Иофор, он же Рагуил, как Симон, он же Петр, как Фома, он же Дидим, то есть Близнец, как Фаддей, он же Леввей. Когда же владел Апсимар Греческой областью, то ветры носились частые и тихо дышающие. Одно же только устрашало его, чтобы к Юстиниану снова не перешел скипетр царствования, и к венцу не возвратился тот, кто потерял его прежде, которому же и нос был отрезан. Как о звере земноводном помышлял Апсимар о Юстиниане и боялся мужа сего, и много истолкований и прорицаний ложных послушал звездочетствующих.

Уведал же Апсимар, что бежал из Херсона Юстиниан к хазарскому князю кагану и взял в супруги же себе сестру его Феодору. И тогда Апсимар стал строить козни против Юстиниана, и просьбу послал лютому варвару кагану, и имения множество обещал ему, если каган Юстиниана закованного, как раба, передаст ему, или голову его отсечет и пришлет к нему.

Услышав же сие, триварварный каган по скифскому обыкновению похотию имения разжег себе сердце, безчеловечный и зверовидный, и заговор составил против сродника своего, ничем же не обидевшего его,

и просящему Апсимару обещался увечного Юстиниана продать за золото. О злато, предерзкий предатель! О злато, другопродатель и родоубийца! Как совершаешь и несовершенное, и естество и сродство преобидеть заставляешь. Но то, что должно произойти Божиими Судьбами, по Промыслу Божию, ни стена удержит железная, ни огненная сила. Ибо Юстиниан обман и заговор кагана уведал, и оттуда убежал, и придружил к себе, то есть благорасположил, многими обещаниями Тервела, болгарского князя.

Пришел же Юстиниан в Византийскую страну к самому царствующему граду и многие легионы воинства Тервелия привел. С немногими же из них посоветовался Юстиниан, и доверие их получил, и с ними обрел сулинарь водоточный, то есть водопровод, чтобы проводимую в город воду отъять, ибо ведал сие с прежних времен Юстиниан. И жажды ради водной предан был город Юстиниану.

Царствование 29-ое, Юстиниана Корноносого, то есть с урезанным носом, который же царствовал в Константиновом граде

После Апсимара же во второй раз Юстиниан Корноносый приял царство, и пребывал так 7 лет, в которые же сотворил бед много, кои представит сие повествование. Болгарскому же князю Юстиниан, исполняя обещанное, дары воздал многобогатные.

В Константиновом же граде Юстиниан огню предал многие из боярских родов, и расхитил имения их и стада.

Из великих же мужей многих заколол Юстиниан; Леонтия же убил с Апсимаром, как разбойников и татей, то есть похитителей, своим тяжким скипетром. Так злые подлежат суду: если сперва и убежат муки, то в последствии же примут горшее мучение. Леонтий же и Апсимар сугубую, то есть двойную, прияли месть: не только сами пострадали, но и повинны были в несчастье иных многих. Не только же простых людей, но и бояр мучениями потряс меч отмстительный Юстиниана за то, что сам пострадал от них.

Каллиника, патриаршествовавшего в Царьграде, мучил Юстиниан и надругался над ним. И детям сотворил поругание неразумным и малым. Наконец же, угасил Юстиниан патриарху Каллинику телесные светила сердечные — очи, и в заточение послал в Рим.

А вместо того Каллиника Юстиниан поставил патриархом Кира Затворника, бывшего в монастыре Амастридском, поскольку предрек тот ему: «Повторно тебе царствовать».

Весьма же на всех разгневался Юстиниан, и как бы взбесился, и без числа людей из горожан и из войскового собрания убивал, одним же открыто отсекал головы, а других ночью, в мешки зашив, в море метал.

Иных же Юстиниан на обед и на вечерю, то есть ужин, звал, и отравой от настоящего жития отлучал, некоторых же, говоря, что они в оземствии, то есть в изгнании, находятся, на самом деле вешал. От сего такой страх овладел Константиновым градом, что некоторые бежали к варварам.

Также Юстиниан ярился, то есть гневался, на живущих в пределах Понтийского Херсона, ибо, когда жил он у них после изгнания своего из царствования, иногда же досаждали они ему, иногда же бесчествовали, и стрелами позорными уязвляли, и заговоры злокозненные составляли, чтобы утробу его мечом его проколоть, или в оковах послать его ко Апсимару. За сие же Юстиниан в помыслах огорчался на них, как на варварообразных, и сего ради послал воинов по морю на них, и повелел вкупе весь род заковать преоскорбивших его и не пощадить ни жен, ни детей, ни старых, ни юных, — так сильно он пылал на них гневом.

Достойно же плача херсонских жителей страдание, и подвигает оно на рыдание человеколюбивых, ибо превосходит вифлеемские многодыханные стенания, ибо там младенцы только убийственными закалывались дланями, здесь же старцы седые, и цветущие юноши, и жены чистообразные, и отроковицы, и младенцы вкупе раздоблялись. Рыдание же повсюду было и плач велегласен. И горы в ответ плачущим возгласали, берега же волнами шумели. Так же в скифское внезапно запустение Херсон многолюдный претворился и стал гробом всемертвенным, и смертными вратами, и многозияющей адовой утробой всеприемницей.

Услышал же свирепосердый царь, что милость была некоторая младенцам новородным, и разжегся еще большею яростию на пощадивших, и снова послал в кораблях воинство многочисленное, как на брань, и с ними Филиппика, которого же называли Варданом, воинства первоначальника, и повелел им Юстиниан, да избодут, то есть заколят, оружием младенцев новорожденных, также и сосущих млеко, и обратят в поле запустения когда-то цветущий град, и улицы его в нивы, кипящие колосьями. Таковая жестокость и свирепосердие причиной стали нового великого зла Юстиниану царю, и снова буря злых искушений воздвиглась на него, и еще больший отомстительный суд он приял.

Ибо воинская сила, посланная на херсонян, вздором посчитали повеленное им, и не восхотели воины оскверниться столь великим скверноубийством, и не сотворили повеленное им, но, более того, царя, за обычай его бесчеловечный, возненавидели, как тигра свирепогневного, как волка кровопийцу. С воинами же и оставшиеся херсоняне отвратились от Юстиниана. Царем же и владыкой Филиппика сотворили. При сем царе Юстиниане подвизался Григорий, епископ Акрагантский, сын Харитона и матери Феодотии.

Царствование 30-е, Филиппика, он же и Вардан, который же царствовал в Константиновом граде

После Юстиниана же царствовал Филиппик, он же и Вардан 2 года, поставленный воинами в Херсоне. Юстиниан же был в смятении из-за того, что медлят с возвращением из Херсона его воины.

Тогда сам Юстиниан пошел посуху до Синопа, и воинов повел с собою, и конных, и пеших многих. И увидел Юстиниан корабли и лодии ратные, скоро идущие, и подвигся умом, и душою уязвился, и вспять тогда обратился, и на коня борзого всел, летящего и борзоногого, и, если можно, и крылатым молил коня стать. Но добродыханный ветер скорее Юстиниана морские корабли к Константинову граду прийти сотворил.

Так Филиппик с воинами царствующий град, предварив Юстиниана, приял и вошел в царские права.

Безносый же царь укоснел, то есть опоздал, идя по путям непроходным, и ополчился с войском, и пришел к горам высоким Даматрийским. И тогда Филиппик посылает чиновачальников своих, чтобы биться с Юстинианом.

Военачальники же Филиппика бывшую с Юстинианом воинскую силу подукрали, то есть переманили ложными обещаньями, и схватили треокаянного Юстиниана, и заклали его, как вола безгласного при яслях, и, обступив его, с устремлением великим ярость свою изливали на нем, как лев голодный, когда вкусит жил оленьих.

Сына же Юстиниана Тиберия поймали прибежавшим к церкви Богоматери, и отторгли его от жертвенника, был же он еще мал, и — о, горе! — страдальца о порог ударили, точно щенка, и составы головные сломили, как пшеницу, и тек же мозг его на пол — сие имело устрашающий вид. Так что хорошо и разумно древними сказано: «Ничего же выше меры не твори». Юстиниан же на херсонян ярости печь разжег «седьм седмицею», а через сие и на себя ненависти возжег пламень в рабах своих. Сказано же в Писании: «Ненавидит Бог пребезмерных злых начинаний».

Филиппик же царь хранил в сердце своем нечестие и семена много-различной злобы, которая же не утаилась от Божиих всевидящих очей, потому же и очи выколоты были у Филиппика спящего, по повелению Феодора и Георгия, в сане патрициев бывших.

Царствование 31-е, Артемия, он же и Анастасий, который же царствовал в Константиновом граде

После Филиппика же царствовал Артемий, он же и Анастасий, лета два. Тот Артемий ослепивших Филиппика Феодора и Георгия ослепил и послал в заточение в Солунь.

Был же Артемий царь ярый и отважный, и в книгах воспитан. Был же он прежде царским советником, которого же называют асинкритом. Уведаль Артемий, что агаряне же разбойники плывут, и корабли ратные снарядил и лодии «первопловные», и послал их брань составить с агарянами.

Те же войска греческие даже до Геллеспонта доплыли, — скоро же шли, ибо были ветры «праводыхающие», — и там отметнулись от царя. И в городе Адрамитии, посовещавшись, поставили Феодосия царем, родом из Адрамития, который дотоле там был податей сборщиком.

Сие уведав, Артемий в Никейский град бежал. Феодосий же с воинами многими пришел к Царьграду, и, воспользовавшись предательством, Влахернскими воротами в город вошел.

Царствование 32-е, Феодосия Адрамита, который же царствовал в Константиновом граде

После Артемия же царствовал Феодосий Адрамит лета два. Тот Феодосий Артемия царя облек в схиму мнишескую и заточил в Солунь. Но и сей Феодосий, мало власти вкусив, славу царскую вскоре оставил, как впереди же сказано будет.

Когда же сей Феодосий правил греческими скипетрами, а Язид же князь в Аравийской области единовластвовал, два неких богоборных жида, выну, то есть всегда, воюя против Господа нашего Иисуса Христа, на Него бессмысленно восстали, чудесами «жертволовленными» и бесовским волхвованием соблазненные, и «звездославною некою кознию». И устремились они, и дошли до царского двора аравитян, и проповедали же прежде упомянутому Язиду князю, и властителю сему предсказывали много доброго в жизни и долгожительство, если он на христианскую веру восстанет, и возьмет Спаса нашего Иисуса Христа богомужный образ и образ Его рождшей Богоматери, и из церковных ограждений извергнет.

И сей жизнелюбец и «свиножитивый» человек послушал преступников тех двух, и все восточные церкви возмутил во всей своей области.

Но лживую надежду прельстили его, окаянного, и одного лета не прошло, как пожат был Язид Божиим судом. Сын же его, прияв власть, восхотел прелестников, то есть обманщиков, отца своего убить; они же бежали в Исаврийские страны.

Когда же у источника некоего почивали они где-то, се подошел юноша некий, именем Конон, благовидный, с красивым лицом, высокий ростом, был же он замочный кузнец ремеслом, и этим жил; и сметнул он с мула груз, и поставил здесь у студенца, то есть у источника; час же был шестой. Тогда утробоволшебники учителя сказали ему, что дер-

жать ему Греческого царствия скипетры, и вместо Конона Львом себя поименовать повелели. Конон же не верил и недоумевал, на свою великую нищету взирая, и с клятвою уверяли его те ненавистники Христа, что сему так быть. И се просили они у него клятвенных словес, чтобы он обещался им, что, когда сбудется сие, все, чего они ни попросят, безотлагательно им будет дано от него.

Было же сие близ церкви Святого Великого Мученика Феодора. Тогда же согласился на сие замочный ковач Конон и, войдя, взялся за святые ограды алтарные, и дал прелестникам ходатаем, то есть просителем, за себя святого мученика Феодора, иудеи же стояли во дворе церковном и принимали клятву от него. Затем же каждый из них восвояси пошел.

Был же в Восточной стране некий, власть воеводства имеющий, патриций саном, именем Сисиний, и шествовал он в той стране, воинов избирая, среди них же Лев, «пещем истовый хитрец» так называемый, снаряжен был в воины.

И, дерзосердие свое мало-помалу явив, Лев патрицием поставлен был и великим чиновачальником.

И послан был Лев в восточные страны царем Феодосием, так как в те годы воевал против греков Масальма, сарацинский князь, и в крепости Амории был, дошел же Масальма туда в лодиях, называемых дромона, было лодий 120.

Написал же Масальма ко Льву, восточному воеводе: «Знаю, что царем греческим хочешь быть», и послал к нему воевод, и сотворил с ним мир Масальма, и отошел восвояси.

Лев же не сохранил верность Феодосию, и тогда воинами наречен был царем, и пособника лукавому замыслу обрел — Артавазда, мужа из славных; ему же вознаграждение обещался сотворить Лев, и дочь свою на брак отдал ему.

Царь же Феодосий кроткий, Львовой дерзости и звероумного сердца убоялся и оставил добровольно захватчику престол, и, встретив Льва, снял с головы своей венец, и на голову Льву возложил, и по своей воле оставил скипетры без оружия и брани.

И в черную облачился одежду Феодосий, и с сыном своим, вместо багряницы царской, и клириком церковным стал, уста свои только медом власти помазал, а то, что выше над языком, не возмог усладить.

Царствование 33-е, Льва Исаврянина, который же царствовал в Константиновом граде

После Феодосия царствовал Лев, который же был из Исаврии, он же и Конон, и царствовал 25 лет. Когда же ко Льву злomu перешла Греческая

держава, — о, Божьи судьбы! —недерзновенно же он принужден был хранить благочестие даже до девятого лета царствования своего. После же сего, прияв время и дерзновение, изверг Лев лукавое порождение, и чрево разверзлось, и плод ехиднородный изошел оттуда.

Уведали же нечестивые жидаы о сего Льва власти и вот борзыми ногами приходят они к мучителю и требуют отдать долг за предсказание царствования Львова, и просят не злато, не камень честное. Царь же им в ответ: «Если что попросите, то вам будет дано». Отвечая же, сказали богохульники: «Сего просим у тебя, державный царь, чтобы ты образ Назарянина Христа и Матери Его Марии во всех церквях истребил. И, сие сотворив, будешь царствовать столетний срок, если же нет, вскоре разорена будет твоя держава». Услышав же таковое, скверножительная и жизнелюбная свинья, обещался им лукавый злодей, ехиднин сын, злодеям, аспидовым внучатам, сие сотворить. О, безумие, о, вредоумие! Христианский царь у евреев в подчинении явился, и держащий скипетр царской силы, Богом врученный, от богохульных мужей послушание приемлет.

О попании икон

О, Божьи судьбы! Оттоле надвинулась на церковь буря тяжкая, как от ветра свиреподыханного, и еще облако, скрежещущее губительной бедой, и еще облако темное, рождающее убийство людям и пагубу, вместо же дождей кровь землю напояла. И возбесовался же царь Лев на правую веру древнюю, и призывает он священнослужителя Германа патриарха, — был же сей тогда предстатель благочестию, — и изрыгает яд злой ереси, желая сообщника в патриархе стяжать, то есть приобрести, злочестивому своему повелению; и начал Лев приступать к Герману и наговаривать на царей, прежде Льва бывших, на патриархов и на всех христиан, якобы они кумирам служители являются, поскольку поклоняются святым иконам. Великий же Герман сказал: «О царь, послушай Господа Бога нашего Исуса Христа, который во плоти явился, и с людьми пожил, и все видели его. "Все же тогда убоятся Меня, вещал, от мала же и до велика их". Капищам поклоняемым истребление будет, всякий образ идольский исчезнет, как провозглашает пророк Захария, говоря: "И будет в день он, глаголет Господь Саваоф, потреблю имена идольская от земля, и ктому не будет им памяти"». Пришел же к нам Господь, и с людьми пожил, и учеников апостолов Своих оставил. До нынешнего же дня от вочеловечения Господня 700 и 36 лет прошло, и столько пожилы отцы и учителя церковные и правоверные, и никто же таковое на святые иконы не помыслил и не изглагодал. Ведь изначально, после Христова Вознесения на Небеса иконный вид изобразили.

И кровоточивой хананеяныней чудотворения ради, с ней бывшего, Христова икона в виде столпа, то есть кумира, сделана была. О иконе той так вешают: «Поскольку же в том граде Кесарии Филипповой, который же Панаеадом финикияне называют, живущие в том граде мужи сошлись для воспоминаний, и я, недостойный, не изволил мимо пройти повести сей, и расскажу ее сущим с нами и тем, кто за мной придет, ибо недостойно забыть о кровоточивой, которая же, как сказано в святом Евангелии, от святого Спаса нашего в болезни своей исцеление обрела. Научились же мы от того, что говорили бывшие при сем. Есть же в Панаеаде дом той кровоточивой, сказывали, которая от Спаса на себе добродееяние испытала, чудным образом бывшее. Стоит же на высоком камне пред воротами дома ее образ медный жены, на колени же припавшей, и простирающей руки вперед и молящейся, как подобает. И подобно сему же напротив той жены также медию сотворен образ мужеского пола, прямо стоящий, одеждою красивою облаченный и руку на жену простерший. При ногах же сего кумира дивным неким весьма образом прозябли, то есть проросли, там, где край полы медной одежды, всходы, от которых же врачевание некое, как говорят, большое от всякого недуга бывает. Сей же кумир образ Исусов имеет, как говорили. Пребывает же у нас, как узришь, придя во град. И приемлем сие, и дивного ничего же. Раньше же народы, добродетельствовавшие Спасу нашему, сотворили образы апостола Его Петра и самого Христа вапами, то есть красками, написанные, о чем и свидетельствуем».

Также еще богоносец Герман говорил царю, некроткому тому волку: «Есть же во граде Эдессе икона, образ нерукотворенный Христов, дивные творящий чудеса. Сам Господь на убрусе, то есть плате, своего образа вид отер, Фаддей же апостол сделал написание человеческого образа Его. И Авгарю земновластцу во град Эдессу послан был сей образ и недуг его исцелил.

Еще же и Божественный Лука и Евангелист образ Богоматери написал, и еще живой была она, и к ней принес. Она же сказала, что благодать ее будет с сим образом. Лука же послал его в Рим к Феофилу князю, с ним же и Евангелие и Деяния святых апостолов; тот же образ и донныне там пребывает и чудеса многие сотворяет.

Се же и отцы 6-го собора вселенского постановили поклоняться иконам и почитать. Но говорит древнее предание, что Конон некий будет, который же станет бесоваться на святые иконы». Царь же, восхитив слово сие, сказал: «Меня в юности так звали». Божественный же Герман сказал: «Нет, царь, не сотвори таковое лукавое веление при твоём царствовании, богопротивное и злое, ибо совершающему сие антихрист предстатель, который же пришествия Бога во плоти отвращается и сему

противится. Если же сотворишь сие, то я никак же не буду сообщником такому злочестию».

Богохульный же мучитель, сие услышав, рыкая борзо, вознегодовал и без чести праведного изгнал, идолослужителем называя, и своими руками бил святого, и из царских палат изгнал.

Говорят же некие верные люди, что в кистернии царской, то есть в водоточнице, находящейся близ Халкопратии, палата была малая, по обычаю первых всей вселенной учителей имевшая в себе некоторых учителей царских и советников мужей числом 12, всякие знания исследовавших, и царские повеления, и книги также имели они; с ними царь советовался и без них повеления и законы не издавал.

Сих же советников и знатоков свирепый зверь злоименный, «хитрец пещем», призвал и хотел, чтобы покорились они и приложились к безбожствию его. Те же о сем не заботились, но еще и обличили его нечестие.

Тогда повелел царь Лев волочь их без чести и в том месте затворить их, где же занимались учением.

Сие было ночью, и тогда послал некроткий змий еще неких подвластных ему крепких телом мужей и повелел собрать множество дров, и разжечь костер, и сжечь мужей тех с домом, и с книгами, и с прочим их именем. Сие было сделано, и все дотла сгорело. С той поры ученый разум у ромеев оскудел, и не стало препятствования разумного неразумию царствующих даже и до дней Михаила и Феодоры, благочестивых и верных царей.

Призвал царь Лев снова преподобного Германа, думая, что тот послушает его и подпишется против святых икон. Преподобный же не послушал увещания и угрозы горького беса, но, более того, сложил с себя омофор, и отказался от святительства, и так вышел из среды их.

О, горе! Изгнал пастыря волк, цербер бесный кроткого стадоначальника, и вместо него поставляет овцам пагубного волка, — Анатасия имею в виду, лукавого пресвитера из Великой церкви, покорившегося злочестивому велению Льва, — и с ним терзает люто стадо, и истребляет образы Девы Богоматери и всех святых, испровергает и сожигает, и отымает красоту у церквей и храмов, и мраком темнейшим сии покрывает, и учиняет темный день и мрачнейший.

Повелевает же прелютый зверь образ Христов, что на Медных вратах был, свергнуть и отодрать. И взошел мечник на лестницу и за дело взялся. Ревностью же Божественною разгоревшись, жены — Феодосия девица и Анастасия патриция, и иные с ними — опровергнув лестницу на землю, низревают окаянного и, волоча, смерти его предали.

И в церковь вошли сии жены и злочестивого патриарха камением побили, наемником его называя, а не пастырем; волком, а не паствителем.

Патриарх же возвещает о таком царю, который же повелел всех тех жен мечом убить. И многие из православных преданы были на смерть, иные же в пустынях скрывались.

И гонение великое воздвиг царь Лев, многих же иереев, и мнихов, и простецов, то есть мирян, многими же заточеньями и язвами умучил и смерти предал.

Сего ради и Великого Рима престолоначальник Григорий повиноваться царской власти сего Льва отказался и от нечестивого еретичества его отбежал, и, поклявшись соблюдать мир, под властью немецкою был принят со всею Италиею, и дани тогда не дал царю, Анастасия же, лжепатриарха Константинова града, и бывших с ним проклял. При сем царе Льве был Иоанн Дамаскин, Клавдиан, Феодор, Виктор, и святые жены: Фервуфа дева и сестра ее.

И апостольский первопрестольник Григорий папа двумя посланьями к царю утверждал иконное поклонение, и не возмог царя отвратить от его бесования, но еще более лютым царь становился, вторым являясь Валтасаром, как же являет писание древних людей: «Аз же избрав от всех сих гаврана, то есть ворона, чернейшего от черности покажу».

В те годы землетрясение было велие и страшное, пали церкви многие и дома Константинова града, распались и монастыри многие.

При сем царе во Фракии умерло людей бесчисленно много. И земля потрясалась два года, так что и море из своих пределов в некоторых местах выступило.

В то время прескверненный лютый зверь, как «пещный хитрец», а не как человек, Лев от прелоги, то есть поноса, умер, как один из князей.

Масальма же, о коем же выше сказано, к городу Авидосу пришел, разоряя много.

И к Константинову граду устремился Масальма, и написал к Сулейману первосоветнику своему, дабы пришел скорее в лодиях.

В 15-й день августа осадил Масальма Константинов град, сухопутную сторону города окружив, разорив перед тем весьма Фракийскую страну.

В первый же день сентября месяца пришел Сулейман, имея и лодьи превеликие, и войсковые лодьи с забралами, то есть укреплениями, и дромоны велии весьма, 1800 и 700.

Царь же Лев лодии с огнем послал на сарацин, и огнем пожег их, и погубил их страшные лодии.

Тогда же к городу, прилегающему к морю, горящие лодии привержены были, другие же, во глубину увлекаемы, с мужами утопли.

Некоторые же лодии до островов Оксия, то есть Острога, и Платия, то есть Плоского, доплыли горящие.

Потом же бывшие в Константиновом граде дерзновение прияли, противники же убоялись повелику, то есть весьма, и рассеялись.

Когда же весна настала, чермная нежитовица, смертельная болезнь, посетила сарацин вместе с голодом, и множество многое их погибло.

С теми же сарацинами, что остались, болгары во Фракии рать, то есть войну, сотворили, и убили сарацин 22 тысячи.

В 15-й же день августа месяца от Константинова града отступили сарацины, и ветер велий дунул, и одни у острова Проконис на мелях потопли и погибли, другие же отплыли от города Авидоса, и внезапно, с гневом пришло облако «на три грани», исполненное смерти и с велиим ветром, и потопило их.

Спасены же были дивно из 1800 и из 700 лодий только 500 лодий. Те восвоеси пришли и поведали о греческой победе и своем поражении.

О муже, который же милостыню творил, а блуда не оставлял. В те годы был в Константиновом граде человек, славный и блестящий, богатый весьма, и любил и питал нищих повелику, имел же и деяние блуда, неприязненный грех прелюбодеяния.

В старость же пришел, и премногие милостыни творить не переставал, но и от многого любодеяния не отступил, поскольку же устарелся и укоренился в нем злой обычай его, и потом умер же внезапно. Расследование же имели о нем патриарх Герман и прочие епископы; одни говорили, что спасен он по итогам сего расследования, избавление души своей богатством приобрел, ибо от своих праведных трудов, а не от чужих творил он милостыню; иные же не заботились о сем и в ответ говорили, что непорочным быть подобает рабу Божию и совершенным, ибо написано: «Аще весь закон исполнит, согрешит же едином — бысть всему повинен», «В немже тя обрящу, судити имам», — сказал Бог.

Проповедал же пост и молитву честный патриарх, заповедал всем монастырям и затворникам, чтобы помолились Богу, не явится ли им каковым-нибудь откровением о человеке том.

После же сего явился некий великий богоносец, узнавший, как и где пребывает человек тот. Тогда призвали патриарха, и исповедал ему сей человек со многими слезами пред всеми людьми, говоря так: «Видел в ночь сию, когда молился я, Божественное и ужасное. Место же было некое, одесную, то есть справа, имеющее Рай неизреченный и преблагой, а

ошуюю, то есть слева, прилежала печь, ее же пламень до облаков восходил. Умерший же сей богатый между Раем и печью тою страшную привязанный стоял и часто к Раю взирал. Когда же стенал он и рыдал, то увидел некоего светоносца, приступившего к нему и сказавшего: "Что всуе стенаешь, о, человече? Се милостыни ради твоей избавлен ты от муки, а за то, что не отступил ты от нечистого и скверного любодения, лишен ты Рая"».

И слышал патриарх и все сущие с ним епископы, и страхом велиим одержимы были, и друг ко другу говорили: «Поистине же и достойно апостол писал, говоря: "Бегайте любодения, яко всяк грех, иже человек сотворит, кроме тела есть, а любодение творяй в свое тело совершает, согрешая". Ибо сказал Бог: "Яко аз свят есмь", "Любы не сотвориши, ни прелюбы" и "Не будет любодения от дочерей Израилев, и не будет любви твоя от сынов Израилев". Где же находятся говорящие: "Если же и любодения творим, но и милостыню творим, спасены будем?" Если же милостив ты и праведен, то се подобает прежде помиловать и засвидетельствовать телесное исправление. "Сего бо кроме никто же не узрит Бога". Ибо никакой же пользы не приносит серебро, даваемое из руки нечистой и от души нераскаянной и скверной, растленной нечистыми делами».

О черноризце, которого же связал Григорий, папа Римский, и затем послал на гроб диакона, и разрешил его. Было же в Великом Риме таковое. Мних некий, изгнанный Григорием, папой же Римским, так как без повеления игумена своего и не по обычаю монастыря того сотворил он. Через несколько же дней умер сей брат.

Сие же услышав, папа же повелику печален был, что отошел брат внезапно и остался связанным от него. И написал папа на хартии молитву, разрешающую умершего от изгнания, и дал некоему диакону, и сказал: «Иди ко гробу брата того и прочти ее». И когда сие произошло, увидел игумен брата того во сне и сказал ему: «Печаль имею тебя ради, что связанным папою ты умер. Скажи-ка нам, как ты там пребываешь?» Он же, отвечав, сказал: «Воистину, отче, в темнице был даже и до вчерашнего дня. Днесь же Богом разрешен был». Сие же сказал игумен наедине папе же. И уведали все, что в который же час прочел диакон молитву над гробом, тогда же от уз брат тот разрешен был. И все слышавшие сие воздали славу Богу, давшему таковую власть рабам своим. Сего ради великий Златоуст сказал: «Мы же по церковному обычаю узы возлагаем. Если кто не беспокоится о сих узах, то найдет на него смертное и судное время и научит его, что не лживо слово Господне и закон Церкви Его. Однако тем я не виноват, ибо свое дело сотворил, он же Божественное иго отверг и святые узы сокрушил, и отвечать он будет

Тому, кто повелел мне связать. Ибо Царь восседает, и предстоятелям своим и оруженосцам некоторого, уклонившегося же от Него, повелел связать и узы на него возложить, он же не только отвергся от сих, но и узы сокрушил, не оруженосец же сей, ибо досаждение приял, и не повелевает. Но больше благоизвестно, что дидаскал, то есть учитель, происходящему способствует, всех же Царь и Господь Сам благочестивых и досадителей устрояет».

**Царство 34-ое, Константина Гноютезного,
то есть Навозусоименного, Львова сына,
который же царствовал в Константиновом граде**

После Льва же царствовал Константин по прозвищу Гноютезоименный, то есть Навозусоименный, по-гречески же — Копроним, сын того Льва, и царствовал 34 года. От отца сын был — как от злого льва различнообразный барс, и от семени змеи аспиды злая змея летящая, и от колена Данова антихрист. Сей же Константин нечестивец, царствие прияв, сразу же от Бога и Богоматери и от всех святых его отступил и оттого еще больше волхвованию, и блудству, и бесовному призыванию, и иным злым козням радовался и праздновал, и был он изрядным орудием и весьма удобным отца своего и учителя дьявола. Ибо до такого безумия и вредоумия дошел сей Константин, что и законом предписал людям всем, никому же не говорить совсем о святых учениках Господних, но и о мощах обретаемых не заботиться, ни молитв же у святых не просить. «Ничем же, — сказал, — не могут помочь».

И еще к сему приложил грешный и прескверный, и говорил, чтобы и Марию не призывали в мольбах, ибо не может помочь никому же, опять же и Богородицей называть ее не велел. И приял черепок в руки, золота полный, и показал его всем, и спросил их: «Чего достоин?» Те же сказали: «Многого достоин». И, высыпав золото, снова спросил о черепке: «Чего достоин?» И сказали ему: «Ничего». Царь же сказал: «Так и Мария». Безбожный не хотел Богородицею наречь ее, и сказал дальше: «Пока имела Христа в себе, почтенна была, родив же Его, ничего же большего, чем прочие жены, не имеет». Беги после такой дерзновенной хулы, сарациноверник и жидовскоумник! Не был он христианин, но павликианин или, истиннее сказать, скверне и идолам служитель, и бесам работник, и человекоубийца. Пречистой Богородицы и всех святых, скверный и безбожный, отвращался, а язычниками почитаемым Афродите и Дионису веровал, новый Юлиан, и людей закалывал, жертвы принося сим богам языческим. С той стороны города, где же была церковь святой мученицы Мавры, которую же сей святозавидец разорил, он убийственный дом сотворил, Маврой называя то место, в нем

же бесам праздник сотворил ночью, и дитя заклал. И свидетельствую о сем слове: Суфлаев отрок, его же бесовный тайно заклал наяву, богам многим сие сотворив в жертву и честь бесовскую.

Какое бы иными не изобретено было зло, то Константин тьмами возвращать начинал. Невесту, златоукрашенную и омлажаемую, святую Церковь, с которой же обручился Христос, чистый Жених, вдруг восхитил Константин от самых, — о, горе! — чертогов и вдовицей престарелой показал и сетующей. Лозу плодовитую, гроздь доброзерненную прелютый сей, как козел, откуда-то из луга вскочивший, долгозубый, с корнем вырвал. Разбил же красоту злобесный сей и отодрал от Церкви священные образы. Изобразил же на тех местах шарами, то есть красками, и псифиями, то есть мозаичными камешками, любезное ему конское ристание и образы львов и иных зверей, и нарек «небесником» то, что и земли недостойно.

Сарацины же в усобице и раздорах пребывали. Услышав о сем, царь Константин пошел с воинами в страны Сирийские.

Такого ради положения и тишины царь Константин приказом взял и сродников своих, армян и сириян, еретиков, к Византии приселил; из них же больше всего вселились во Фракию; и ныне же есть сии так называемые богострадальцы, или теопасхитами, последующие монофизитскому учению Петра Белильника окаянного.

О знаменях и о море. Тогда же нежданные и невиданные начались знаменья — на одеждах людей и на церковных святых облачениях кресты некие во множестве являлись. И затем настал гневом Божиим недуг мозольный, чермная нежитовица, болезнь смертельная, и не только сущие в городе, но и в окрестных городах истлевали.

Также бывали видения некие многим людям и части некоторой бывали ужасы: казалось им, что чужие некие, и страшные, и крепкие лица шествуют, и они встречают их, как друзей своих, и как-то называют их, и беседуют с ними. Се же зима была. Весной же еще больше распространилась болезнь, а в жатву же, то есть летом, так разожглась, что совершенно дома все затворились, так что от многой напасти на скотину и на повозки складывали умерших и вывозили.

Когда же наполнились гробницы, бывшие в городах и в селах, то еще же и в долинах, и внутри старого города находящихся вертоградах, то есть садах, копать повелено было для человеческого погребания. Со всем же сим настал гнев на несвященного патриарха — окаянная болезнь, называемая хордапс, или воспаление кишок, прекратила его житие.

Мучитель же царь Константинов град оставил и в Никомидию пошел, и там пребывал долгое время.

Войдя же снова в Константинов град, царь Константин собрал собор во Влахерне против почитания святых икон, где же много на Господа и на Христа его суетного говорилось. О, бесование тех! Благочестивого же Германа патриарха и всех поклоняющихся иконам проклятию там предали те, кто сами тысячи раз прокляты. Иереи беззаконные и скверные руки же на высоту воздвигли, и воскликнули, и извергли глас тот, и сказали: «Днесь спасение всему миру настало, так как ты, царь, избавил нас от идолов». О, крайнее дерзновение бессрамия! О, безумие, и хульствие восстающих на Христа и святыней торгующих, и неутомленный язык их, и разум неразумный! Нечестивый же первовластец тот себя повинным возомнил в идолов потреблении, как будто всеу было вочеловечение Христово, тщетным же апостольское учение. Возгорделся же Константин окаянный, таковое услышав, и душою возрадовался. Иоанн же Дамаскин, пребывая не под властью мучителя, но во граде Иерусалиме, во священного Саввы лавре, иноческое борение проходил и посланьями многими обличал злочестивого, епископов его епискотоми называя и рабами чрева.

После же сего Божиим гневом злою смертью умер Анастасий, который же душою уже мертвый был, любодейник, а не патриарх. Беззаконный же Константин Копроним, то есть Гноютезоименитый, вместо него поставил епископа некоего, именем Константина, единомысленного с ним, не избранием святительским, но сам рукоположил и, взойдя на амвон, возопил: «Константину, всей вселенной патриарху, многая лета». О, тех бесование! Тот же, кто оружие носит и убийствам радуется, и всякого нечестия, как Юлиан Отступник, исполнен, святителем рукополагает того, кого же недостойно нарекать святителем. И мерзость запустения стояла на месте святом. О сих же поистине говорит Иезекииль: «Бо тако глаголет Господь: иереи отвергоша закон Мой и оскверниша святая Моя. Промежи святому и скверному не глаголах, промежи нечистому и скверному не разсудих». Великий же Даниил еще тверже обличает, говоря: «Изыде беззаконие от старец судий, иже мняше люди управити». Ибо поистине сии зачали болезнь и родили беззаконие, поскольку святительственные и Божественные законы положенные, простецам даруя, повелевали творить. И не дивно же есть сие развращение святителей. Ибо те, кто Сына Божия попать хотели, досаждая святому образу Его, и причиняли страдания святым, как святительство Его могли бы пощадить? Кто не удивится и не утрашится, слушая и видя, как оружие носящий святительство воскладает и войнам и убийствам прилежащий святителя сотворяет? Но не по многом времени подобное таковому руковокладанию его и поставлению царь сотворил дело.

Уведал же мучитель, что патриарх, перед многими людьми клявшийся на честном кресте, говорил: «Так мне сказал царь: поскольку не

Бог Христос, сего ради и Марию не называю Богородицей». И сего ради царь разгневался на него, ибо неверствие его и хулу сей патриарх Константин обличил.

И повелел царь Константин Константина патриарха бить жилами и волочь, и поругаться, и оплевать на конеристалище.

Также, в некое место заперев патриарха, послал к нему царь некого, патриция саном, и сказал: «Что скажешь мне о вере нашей и о соборе, который же сотворили?» Тот же, обезумев, сказал снова, и увещал отвечать царю, и сказал: «Добре веруешь и добре собор сотворил». Те же, посмеявшись безумию его, сказали: «Мы сие только и хотели услышать из скверных уст твоих. Отныне же иди во тьму и в проклятие».

Тогда же извели его и отсекли голову. И на торжище же, то есть на площади, голову его повесили. Тело же его волокли и повергли в Пелагиинном месте, где же раньше была святого мученика Пелагия церковь, которую же богоненавистный сей царь разрушил, и гробницей сделал, и нарек Пелагиево место. Так царь почтил патриарха, избранного им и поставленного.

И вместо же патриарха Константина царь Константин поставил некоего раба Никиту каженика, то есть скопца, который того же бесования держался. Также царь Константин на иночествующих чин, светлый душою, как бесноватый пес, лаял, во тьму одетыми их называя, сам же кромешной тьмы сыном был и, как агнцев, заклал тех иноков.

Опустошались же обители черноризцев, и монастыри разрушались, как разбойнические логовища, наполнялись же темницы узниками.

В одном же так называемом преторском судилище Константин царь 300 и 45 затворил иноков: одним носы отрезал, иным уши, иным очи вывернул, иным бороды, смолою помазав, запалил. С ними же затворен был и священный Стефан, иночествующим венец. Был же он крепким поборником священных иноков, и зверя лютого прилежно стрелял, и влагал в сердце его стрелы обличения.

Не потерпел же сего мучитель и многими муками извел Стефана из жития его. И повелел волочь его и ввергнуть в Пелагиево место, ибо Стефан не только противился и хулил зловерие Константина, но многих приводил к монашескому житию и научал презирать и не повиноваться царскому сану и богатству.

И иных многих умучил царь Константин: Андрея, который же на Крите подвизался, и Петра затворника; и 36 иноков, то есть мнихов, которые же во Эфесе были, в храмине, то есть в дому, затворил и сжег. Многие же церкви Константин разорил и убийственными местами сотворил.

И тело добропобедной мученицы Евфимии с говяжьими костями и песьими скверный Константин смешать и пламени огненному предать «молнииину стрелу» повелел.

Услышав же о сем, некие из благочестивых тайно взяли, и вложили в раку оловянную, и, запечатав крепко, похоронили в море добропобедной мученицы Евфимии тело. А вместо тела Евфимии сии благочестивые христиане простой жены тело положили, которое же беззаконные слуги Константиновы, думая, что се святой мученицы тело, по повелению злочестивого царя, смешав с говяжьими и песьими костями, сожгли.

И можно было видеть по всем городам и странам рыдание на рыдание, и увы на увы среди благочестующих, от нечестующих же святыни погранные, и священные сосуды перекованные, и Божественные иконы растоптанные.

И многих бояр и воинов, затворенных, иконам поклонявшихся, различным мукам и лютым тот враг истины окаянный предал.

О войне Артавазда против Константина Копронима, то есть Гноеименитого

На таковые же события взирал и Артавазд, тот, о котором же мы в повествовании ранее сказали, что браком сочетался он с дочерью царя Льва, сестрой сего Константина Гноеименитого. Сей Артавазд возненавидел свирепое варварство злого мучителя и составил брань с ним, и показал его бежащим, то есть обратил в бегство.

И сам военачальник Артавазд оный владыкой явился Греческой земли и царем, который же и сотворил снова воссиять лучам благочестия, и снова заблестала заря благодатной светлости, ибо вообразились и воссияли честные образы Христовы, и Того Рождшей Матери, и святых мучеников.

Но, — о, горе! — потребовал опять лукавый нового Израиля избранного, как пшеницу, смолоть, будто недовольно еще мучеников было. И сего ради, Божиими судьбами, снова свирепосердому мучителю Константину воевать попущено было и мучить того Артавазда, как древнего Израиля мучил Хусарсафем сирийский, сатрапов начальник. То, что же ныне приключилось, — увы и мне! — грех ради наших, какое слово представит? Не стерпел отпадения от власти змий лютей Константин Копроним, и не уныл, и постарался, и присоединился к воеводам, и приступил к ним с лестию, и дал им надежду на великие дары, и разжег же их, и к себе привлек местных князей и чиновачальников.

И силу стяжал тяжкую, и воинственную рать составляет крепкую, и побеждает злой благих. Преодолеет же Константин Артавазда и победил,

и схватил его живым, и в порыве ярость и гневную лютость неудержанно проливает на нем, и очей его светоносные угасил свечи.

И опять богомерзкий Константин облекся в багряницу, и снова зверь скипетры приял, снова греками возобладал. И был он более лютым, чем Навуходоносор. Что же есть сие злочастное и непостоянное колесо жития? Шипок, то есть роза, едва процветает, вскоре же отпадает, терноносное же растение глог помногу имеет силу. Тит всеблагой видел только державы цветы и не причастился овощию, то есть плодам, и вскоре восхищен был. Сей же Константин Гноюименитый гнусный роду был долгоживотного и плоды власти пожал в сытость.

И на болгар пошел Константин с воинами, устроив изо всех стран людей 1000 и 600, и к Анхиалу городу их послал.

На мели же устремились они, когда восточный ветер дунул, и все корабли вборзе, то есть скоро, сокрушились, и утопло людей без числа.

Сие же уведав, болгаре в войну с Константином вступили и множество его войска жестоко посекали; и возвратился Константин с великим срамом и поражением. **О морозе.** В то же время была зима великая и лютая, так что с полуночной, то есть северной, стороны Эвксинского моря на 100 поприщ от берега пучина, как камень, промерзла на глубину в 30 локтей, а снег пал на нем в 20 локтей. И стало море вровень с землею, и люди, и скот ходили сверху него, и зверие с людьми ходили без вреда.

В феврале же месяце, Божиим повелением, таковой лед на многие кры, то есть куски льда, раскрушился, и сии кры, подобные горам, силою ветренною к Дафнусии и Иерии, предместью Константинова града, приплыли. Затем по Суду, то есть по заливу Золотой Рог, к Константинову граду сии кры, сии ледяные глыбы приплыли, а оттуда же до острова до Авидоса все море заволокли, имея животных различных, вмерзших в лед, кротких, то есть домашних, и диких, приплывших ко граду. До церкви Святого Мамонта от Хрисополиса, то есть с той стороны пролива Босфорского, как по суху все шествовали. Из великих же тех кор две кры отторглись, и ударились одна о пристань, то есть о пристань, Хрисопольскую, другая же о стену городскую, та же кра сокрушилась, а сия же сотрясла повелику, до основания городскую стену и возле нее находящиеся дома. Та кра, та глыба ледяная раскрошилась натрое и от Мангана даже и до Воловьего торгового городского пребывала, выше городской стены высотой.

Сие же видели сущие в Константиновом граде и, недоумевая, рыдали без утехи. В то же время соблазн был о Пасхе: отвратившиеся от правоверных раньше Пасху сотворили и потом, уведав свою блазнь, то есть заблуждение, усрамились.

Во дни апреля месяца течение было звезд на небе, и отторгались они на землю, так что видящие сие думали, что наступает уже Кончина мира. Тогда же воздух нагрелся повелику, и голод был великий, и иссушились источники и реки, и продавалась мера ячменя по 12 златников.

В Сирии же было землетрясение велие и многое разрушение, так что некоторые города пали совсем, другие же наполовину, некоторые же опустились с гор на предлежащие равнинные места, так что стены же городские с домами внезапно переступили без вреда примерно на два поприща.

В Междуречии же в земле образовалась в три поприща расселина, и некоторая вскипела и изошла оттуда белопесочная земля, и изошла из нее дивная мска, то есть мул некий, человеческим гласом глаголящий и проповедающий прихождение некоего языка, то есть народа, что и было вскоре.

Победы же, одержанные Копронимом, суть таковы: одну из них вспомянем. Поскольку приготовился на западе вселившийся там скифский народ напасть на Константина, собрал он всех бывших у него воинов и повел против язычников. Как войны сей конец достигнут был, свидетельствует являемое даже и до нынешнего дня около города, называемого Анхиалом: долина, и пажити, и поля, которые же убиенных приляли кости, истинно сие показывают, ибо работой для скифского меча скоро весь полк греческий стал. Если же нечто малое и совсем не достославное сотворил Константин, то о сем хвалился весьма. На востоке жили варвары, и услышал Константин от своих управителей, что восстать на него хотят они, но к междуособной брани обратились.

Тогда Копроним по-разбойнически, скорее, чем по-воински, как пленник, вошел в Армянскую страну, и из своих городов извел их, и сам признал в них живших, и во Фракию их привел. Таковые же были его храборствия, то есть подвиги, и над врагами одержанные победы.

И таковое же на истину и на благочестие было еще дерзновение. Бесстыдным же себя сотворил Копроним перед Богом, и возбесовался на святых мужей, дары приносящих Богу, и над ангельским сим, и апостольским, и мнишеским образом жития насмеялся, богоненавистный и скверне тезоименитый, для благочестивых беспамятное оставил он имя. Осмеяние же для грешника — благочестие, добродетель — нечестие для коварствующего; томительство томитель сотворит, на тех же нападая, кто же, как сказано, достойно исповедает. Те же, кто обещания Богу, исповедания и заветы отверг, вынуждены и святую схиму отвергнуть, и в простую одежду облечься и беззаконствовать. В утвержденном во славу Богу монастыре воинам жилище и коням стойло сотворил Константин,

и повелел гной, то есть навоз, кидать: гноеумный — гною тезоименитое сотворил.

Мучитель же нечестивый вышел снова на болгар, и сильно до колен зауглился, огнем сильным и разжжением одержим, и во Аркадиев град возвратился на одре, и дошел до Силиврии, и в лодье пришел даже и до Круглого городка, и умер душою и телом, и вопиял, говоря: «Живым огню негасимому предаюсь Марии ради, но отныне чтима да будет и поема». О сем же Божественный Никифор, патриарх Константинова града, так вешал: «Поскольку некоторые из крамольников, восстающих на Христа, похваляются некими вещами, которые им лжи отец вдохнул, придется и нам сии вещи посетить. Прилыгают же они и суесловят, что будто бы многолетнего ради досаждения Христу и Церкви Его сей Мамона, то есть царь Константин Гноютезоименитый, столь продолжительную жизнь и благое житие стяжал и укроя, то есть края, богатства и доброполучия достиг, и чтут его за победы же над варварами и за многие храброствия его, то есть подвиги, которые же при целомудренных людях вслух и произносить несправедно. А чтобы люди простейшие или неуметели, то есть несведующие, от сей прелести никаких превращений зловредных не испытали, должно по каждой вещи рассмотреть, насколько тщими, то есть пустыми, словесами они прельщаются. Житие же сего Копронима было злочестивым, и было оно мерзко же Богу и ангелам, и для людей благочестивых было непристойным. Ибо телесными грехами он влеком был, отреченными и запрещенными даже у варваров с язычниками, и тело, и душу окаянный осквернил, и приложился к скотинству бессловесных животных».

О сих же многие люди, послужившие Копрониму и до сих пор живущие, могут рассказать, как и о прочем, что тела его претерпели. Болезни же и рыдания неизреченные, которыми же гниющие страдают, обложили его жестоко весьма, и неисцелимый лежал он. Некоторые же из уд, то есть членов, его от гноя и тления отпадали от окаянного и постыдного его тела. Был же одержим Копроним бесами и пленяем горько же ими, и в бессонии много ночного времени пребывал. Оставить бы ныне и не говорить о том, что ел он непристойно и скверно, ибо то, что приносилось в снедь, с трудом пожирал он, и блевотиной испражнения истекали. К слугам же своим относился бесстыдно и зверообразно, истязая их работой бедной, то есть тяжелой, и скверной. Кто же изречет все то, что потерпели сии тела? Раны же многие всякий день он наносил им, и лица их бил досками, и ногами попира, вскакывая. Нисколько же не человеколюбнее он творил, чем плотоядные звери: и усекновение головы, и ослепление очей, и прочие, какие есть, злые муки. И несправедные творил он заклания мужей невиноватых, и горькой смерти

в огне предавал, больше на правоверных сие показуя. Что еще говорить? От бесовствия его и нечестивия угодники его и воины многим праведным людям носы урезали. Как Предтечеву главу некогда усекнули и к Ироду принесли, так и сущему у нас Ироду, как дар, сладкий и угодный приносили урезанное, на блюде возложив. Очей же выверчивание, и бород зажжение, и кровей пролияние засвидетельствованы и доныне теми, кто следы сих мучений на себе имеют. Смерть же его, насильственную и дивную, лишь морская глубина сведает и камение. Победы же его — построения омраченных бесовных единомышленников его.

Также и при кончине злого богопротивного своего жития, бив огнем скорым и пламенем сожигаем, ожидающей его геенны наяву пламень предвидя, как в зеркале, и неусыпающих червей грызение, и с крепостию вопиял Копроним беспрестанно: «Геоне покоища и подобствия», что значит «О, геенна, обитель достойная». В таковых же и толиких добротях почивая, в каковых же и Диоклетиан, и Максимиан скончались, как мы знаем, так мучительно окаянный был отпускаем и испровергал скверное злое житие свое, отметник и отступник Христов, и всех святых Его враг, и крамольник мерзкий.

Царствование 35-е, Льва, который же царствовал в Константиновом граде

После Константина же Гноютезоименитого царствовал Лев, сын его от хазарыни, и царствовал 15 лет.

Тот же царь изволил малое время благочестивым быть. После же сего прельстился. Дерзнул же на голову венец возложить из Великой церкви, и обуглилась страшно голова его.

И так, огнем сильным одержимый, умер, священного достоинства обманом лишив себя.

Как убил грич, то есть пес, убийцу господина своего. При том же царе человек некий шествовал один, и грич, то есть пес, последствовал ему. Тем же путем шел разбойник, и убил человека того, и убежал, а грич остался на том месте и хранил тело господина своего.

Шел же человек один путем тем, и увидел тело, и умилосердился, и раскопал землю, и погреб его. Сие же увидел грич, то есть пес, что добро сотворил человек, умилился и последствовал погребшему, любезно работу ему творя. Был же тот человек корчмарь; и всех же отходящих и приходящих в храмину корчмаря провожал грич.

Когда же время некоторое минуло, приключилось убийце тому в храмину ту прийти. И узнал его грич, то есть пес, и залаял, и скакал на лице его, и войти возбранял человеку тому. Сие же много раз было, и

обличен был убийца перед многими, и уведали о сем Божественным подвизанием. Того ради схвачен был убийца, и суду предали его, и сотворенное им исповедал он со всею истиною, и убиен был жестоко.

Царствование 36-е, Константина, который же царствовал в Константиновом граде

После Льва же царствовал Константин, сын его, 17 лет, и мать его Ирина.

При том царе благоверные чаяния начали сбываться, и суд приял начало с дерзновением, и слово Божие стало расширяться, и монастыри со всею тишиною создаваться.

В Долгих же стенах, то есть в притворах или преддвериях, Фракийских, человек некий, копая, обрел руку с написанием: «Христос родится из Марии Девы, и верую в Него. При Константине же и Ирине, при правоверных царях, о, солнце, снова меня узришь».

Еще же и прехвальной мученицы Евфимии тело, ранее погруженное в море в раке при царе мучителе, ненавидящем святых, обретено было на Лемносском острове. После вечерни ночью, взяв с честью достойною, положили тело Евфимии снова в своей церкви, в которую же тот Константин Гноютезоименитый гной, то есть навоз, кидать сотворил. Константин же сей вместе и с материю Ириною, нечистоту убрали и снова все очистили.

После сего вооружился на брань Аарон, сарацинский князь, и к Константинову граду пришел в силе велице, и остановился в Хрисополисе с той стороны Босфора.

Царь же послал воинов, и Вания приял, передавшего просьбу Аарона, чтобы мир между греками и сарацинами был.

И веру возымел Константин сему, и муж, именем Ставрикий, саном логофет, и Петр магистр, и Антоний domestик, и чада, и старейшины их без оружия к Аарону пришли, и взяты были им.

Сего ради обеспокоились в Константиновом граде, и дары многие дали сарацинам, и отошли сарацины, мир с христианами сотворив.

И когда сей наступил мир истовый, вышел царь Константин с материю в страны Фракийские с органами мусикийскими, и песнями, и с людьми многими.

Те же Верию и Анхиал отстроили и возвратились с великою радостью и с веселием.

Патриарх же Павел Киприанин разболелся, и об отлучении своем отсюда уведал Божиим откровением, и престол свой оставил, и в монастырь святого Флора пошел, и стал мнихом.

Пришел же к нему царь и с матерью своею, и спросили его: «Чего ради отошел?» Он же со многими слезами сказал: «Лучше бы мне было не садиться на престоле патриаршеском церкви сей, ибо отлучена она от прочих святых престолов патриаршеских и проклинаема». Сие же услышав, царь и царица унылыми отошли.

И послали к нему патриция, да услышит то, что он говорит. К ним же с дерзновением к концу поучения сказал: «Если собора всей вселенной не будет и не исправится соблазн веры нашей, не будете иметь спасения». Они же к нему сказали: «Чего же ради написал ты, когда избран был на патриаршество, что не надо поклоняться святым иконам?»

И сказал им: «Сего ради я, рыдая, к покаянию прибегаю, и молюсь, да не мучит Бог меня как иерея и пастыря, умолчавшего и не проповедавшего истины, страха ради гнева вашего и убийства». Те же, сие услышав, отошли, имея в себе многое недоумевание и вопрошание между собою о всех сих словах, истину раскрывающих и скверную ересь обличающих. Усоп же патриарх с миром и правоверием, и великий плач оставил по себе царям же и правоверным людям Царьграда, ибо был он совершенно честным мужем, и почтенным, и всем добродетелием украшенным. Потому и многие веру ему прилежно имели.

И вместо него поставлен был Тарасий, саном асикрит, то есть письмоводитель. По научению его царь и царица собрали от Рима и от прочих престолов патриаршеских, и от всей вселенной представителей, и в царствующем граде, в церкви Святых Апостолов собравшись, Божественные исписания начали читать и прилагать в слух всем царям и людям.

И восстали на них Константина Гноютезного учителя ученики, и извлекли свои мечи, и собор отвергли.

Их же царь в то время вывел без оружия, устраивая пир в Малигине городе, и в свои страны изгнал их в заточение.

Божественного же Тарасия с прежде названными епископами в Никейский град послал, чтобы там сотворить собор. И был святой и всея вселенной собор, и прияла церковь старую и первую красоту.

Византия (805–875 гг. от В.Х.).

Книга 3

**От Шестого до Седьмого Вселенского собора 122 года,
от Адама 6305, а от воплощения Господня восемьсот пять лет.
О Седьмом святом Вселенском соборе**

7-й святой Вселенский собор был созван в Никее Вифинийской в царствование приснопамятной царицы Ирины, супруги царя Льва, сына Константина Копронима, и при Константине, сыне Льва и Ирины. Первым из епископов был тогда Андриан, папа Римский; патриархи — Тарасий Константинопольский, Политиан Александрийский, Феодорит Антиохийский, Илия Иерусалимский, и прочие, всего 367 святых отцов. Они собрались против иконоборцев, клеветавших на христиан, будто бы они обожествили иконы. Мы же не обожествляем их, но, поклоняясь образу, честь воздаем Первообразу; как говорит Василий Великий: «Честь образа восходит к Первообразу, Первообраз же — на Небесах, и Ему в образе мы поклоняемся». Родоначальниками же ересей были Лев Исавр и бывший при нем Царьградским патриархом Анастасий, а также сын Льва Константин Копроним и Царьградские патриархи, которых он поставил: Константин и Никита, и с ними митрополиты Василий Антиохийский Трикоав и Сисиний Пергийский Пастилла, епископы Феодосии Ефесский, Сисиний Писидийский и Константин Наколийский. Всех этих родоначальников ереси святые отцы предали анафеме, Господа же нашего Иисуса Христа постановили исповедовать неизобразимым по Божеству, изобразимым же по человечеству, почему и установили поклоняться Пречистому Его образу, и образу Его Родившей, и иконам всех святых, и православную веру утвердили. **Об отцах.** Во всех семи Вселенских соборах участвовало 2000 святых отцов. Последуем же апостольскому преданию и святоотеческим правилам, переданным нам в деяниях семи Вселенских, а также поместных соборов, в том числе созванного царицей Феодорой и сыном ее Михаилом собора божественных отцов, которые до конца изобличили и предали анафеме ересь иконоборчества и, вместе с патриархом Мефодием и прочими исповед-

никами, установили в 1-ю неделю Великого поста праздник Торжества Православия в память восстановления почитания святых икон.

Сказание о латинянах, как они отступили от православных патриархов

При царе Константине и матери его Ирине, после Андриана, папой Римским стал Лев. Из зависти родственников Андриана папа Лев был лишен кафедры и изгнан из Рима.

Он послал к царю Константину и матери его Ирине в Царьград, прося о помощи, но не получил ее.

Тогда он обратился к королю франков Карлу (франкские же князья своих королей называют фрузи). Карл весьма помог ему, возвратил в Рим и снова посадил на папский престол.

Тогда папа Лев стал увещевать римских князей, чтобы поставили себе благочестивого, «дабы столицей империи снова стал Рим».

Итак, в благодарность Карлу папа Лев призывает его в Рим и венчает на царство по греческому обряду, добавив (не знаю из каких побуждений) помазание освященным елеем от головы до ног, как было принято в ветхозаветные времена.

Так впервые нарушилось единство Рима и Константинограда, и, словно между матерью и дочерью, благообразной юной девой, вошел разделяющий меч. Яростно отсек он Новый Рим, царствующий град, от обветшавшего древнего Рима. Хотя сам Карл и был христианином, как его отец и дед, и почитал заповеди Христовы, но пришли священники и учителя, тайно исповедующие ересь, и начали развращать стадо Христово, и учить своим ересям не только тайно, но и явно, пользуясь благосклонностью царя, говоря, что Дух Святой исходит не только от Отца, но и от Сына, и что следует служить Литургию на опресноках, и вводя многие другие еретические заблуждения.

Папа Лев, хотя и видел, что его паства с готовностью приняла учение священников Карла и идет путем гибели, но не имел в Риме мудрых учителей, способных противостать этому зловерному еретическому учению. Не мог он послать за таковыми и в Константиноград, потому что в то время там царствовал иконоборец Феофил.

Тогда он посылает к патриарху Фоме в Иерусалим, чтобы тот направил к нему ученых мужей, которые смогли бы обличить и искоренить эту ересь.

Патриарх же Иерусалимский Фома избрал Михаила, синкелла Великой церкви, с учениками его Феофаном и Феодором, родными братьями, и Иовом, и послал их в Рим. Но они, находясь уже в пути, решили

идти в Константинополь, чтобы обличить царя-иконоборца Феофила и укрепить народ Божий в почитании святых икон.

Царь же Феофил повелел схватить и пытаться их. Святой Михаил-протосинкелл, а также ученик его Иов в тех муках предали свои святые души Господу.

Феодору же и Феофану после многих мучений царь Феофил повелел заклеймить лица, для чего приказал изготовить железную доску и начертать на ней такие стихи.

Стихи царя Феофила. «Всякому, кто желает побывать в городе сем, то есть Иерусалиме, где ступали пречистые ноги Христа ради спасения мира. Явились в этом святом месте сосуды лукавства и бесовской прелести (так называет Феофил святых Михаила, Феофана и Феодора). Содеяв своим зловерием множество скверных и богомерзких деяний, они, как отступники, своим нечестивым мудрованием далеко отогнали себя от Иерусалима, но и к сему державному Царюграду придя, не оставили своего злого безумия. Поэтому лица их, как злодеев, клеймятся, а сами они осуждаются и изгоняются». Такое начертание выжег Феофил каленым железом на лицах святых Феофана и Феодора и послал их в заточение, где через некоторое время великий Феодор отошел ко Господу. В час же его кончины слышалось пение ангелов, а вместе с ними слышен был и его голос.

Феофан же пребывал в изгнании до самой смерти Феофила. По этой причине ни протосинкелл святой Иерусалимской Церкви Михаил, ни ученики его, Феофан и Феодор, не достигли Рима.

Папа же Лев, видя, что стадо Христово ведется к гибели вышеупомянутыми еретиками Карла, находился в недоумении, почему его просьба осталась без ответа. Тогда он повелел написать на скрижалях исповедание православной веры и укрепить их на стене в церкви, дабы всякий входящий правильно исповедовал христианскую веру: Сына, от Отца рожденного, и Святого Духа, от Отца исходящего. Сделано это было для утверждения в вере православных и для обличения еретиков Карла.

После преставления святителя Льва Римским папой стал Венедикт. Латинянин родом, он знал творения святых отцов, как Востока, так и Запада, и написал исповедание православной веры, как на латинском языке, так и на греческом, и повелел всем христианам, грекам и латинянам, читать написанное и исповедовать Православие, обличая вышеупомянутых еретиков, и их лжеучений не слушать.

Также папа Венедикт написал к четырем восточным патриархам: Царьградскому, Антиохийскому, Александрийскому и Иерусалимско-

му, чтобы после его кончины не поминали новоизбранного папу за богослужением до тех пор, пока он письменно не исповедует свою веру, «потому что, — говорил он, — укоренилась в Западной Церкви злая ересь».

Ибо идут в погибель все, которые нечестиво исповедуют исхождение Святого Духа от Отца и Сына, служат Литургию на опресноках и сеют другие еретические заблуждения.

После папы Венедикта следующим епископом Рима был Николай, а после него, в царствование Василия Македонянина, Римскую кафедру занимал Фотей.

Третьим папой был Андриан, четвертым Иоанн, пятым Марин, шестым Андриан, седьмым Стефан. Все они были благочестивы и исповедовали Православие, как и четыре восточных патриарха.

О папе Формосе

В царствование Льва Премудрого, сына Василия Македонянина, папой в Риме был нечестивый Формос, тайно державшийся ереси, воспринятой от еретиков Карла. Благочестивые же люди избрали его папой, не зная о его еретичестве.

Он же лицемерно написал исповедание православной веры и послал к четырем патриархам.

И когда нечестивый Формос был возведен на Римский престол, то начал учить ересям народ Божий. И так все латиняне, сами того не ведая, приняли еретическое учение и тем отлучили себя от Греческого царства и от четырех патриархов.

После Формоса, ставшего родоначальником ереси латинства, вторым был папа Вонифангий, затем Римскую кафедру занимали Стефан, Роман, Иоанн, Венедикт, [Лев, Христофор]. Все они были единомысленны Формосу.

О проклятии латинян

В 652 году Цареградским патриархом был Сергей. Он, с согласия трех восточных патриархов, увещевал папу Римского Христофора возвратиться к прежнему, православному исповеданию веры. Тот же, утвердившись в своей ереси, не захотел обратиться, но отделился от Греческого царства и от четырех патриархов и стал единовластным первосвященником Рима, врагом же всем православным христианам.

Тогда патриарх Сергей и прочие патриархи не только перестали почитать Римского папу как первого из епископов, но извергли его из сана и предали анафеме.

О Петре Гугнивом

Потом Римскую кафедру занял Петр Гугнивый. Этот беззаконник отверг православную веру и, всеяв многие злые ереси, нарушил церковное единство по всей Италии.

Он разрешил христианам брать до семи жен и не считал грехом иметь наложниц, ввел в богослужение органную музыку, повелел подстригать бороду и разрешил употреблять в пищу то, что ранее считалось скверным и было запрещено, чуть ли не с псами из одной посуды разрешил есть. Много и другого скверного ввел этот беззаконник, и из-за этих отступлений латиняне были лишены церковного общения и преданы анафеме.

О Вретании и о князе алманитском

Папа многократно ставил в Риме царей из латинян, но они не желали повиноваться ему.

Посоветовавшись со своими приближенными, папа отправляет посольство во Вретанию. Жители Вретанийского острова приняли святое крещение еще при Константине Великом, но книг на своем родном языке не имели и пользовались книгами на латинском, в то же время всегда враждуя с римлянами.

Папа отправил во Вретанию к алманитскому князю посольство, заключил с ним мир, который утвердил многими клятвами, чтобы алманы всегда были в согласии с римлянами, и пообещал правителю Вретании королевский титул. Этим своим обещанием и переданными в дар латинскими книгами папа склонил князя алманитского вместе с его подданными принять латинскую ересь.

И призвал алманитского князя со всеми военачальниками в Рим, и сделал его королем Вретании, издав закон, гласивший, что отныне папа Римский должен поставяться латинянами, царь же Вретании — алманами, а не Константиноградским, то есть Греческим, царем.

В больших же городах вместо четырех патриархов папа поставил своих четырех патриархов, называемых кардиналами. И так совершенно отделился от православной веры.

Об изгнании царицы Ирины

Царица Ирина вместе со своим сыном Константином после утверждения благочестия на Седьмом Вселенском соборе долгое время была регентшей при своем малолетнем сыне. Константин рос юношей добродетельным, но, поскольку рано остался без родителя своего, со временем начал внимать вхожим к нему льстецам, и сердце его, снедаемое

соблазнами, стало подобно сладкой древесине, источенной червями. Возгордившись, он начал превозноситься над царицей, своей матерью, вознамерившись править единолично.

Он отстранил ее от управления государством, чем мир лишил мира, а себя — своей хранительницы. С тех пор он стал творить непотребное. Вынудив принять постриг свою жену, благочестивую Марию, Филаретову внучку. Вступил в брак с некой Феодотией, родственницей своего отца. Ибо подобно тому, как упрямая капля твердый камень точит, так и лесть усыпляет разум внимающих ей.

Патриарх Тарасий не решился обличить царя в его беззаконии, но позволил ему причащаться Святых Христовых Тайн, опасаясь, что, если отлучит его от Церкви, то царь возобновит иконоборчество, как и грозился.

Платон же, игумен Студийского монастыря, и племянники его, Феодор и Иосиф, не только обличили сотворившего беззаконие царя, но и отказались причащаться вместе с патриархом.

За это царь заключил Платона в темницу, а его племянников Феодора и Иосифа с другими монахами подверг истязаниям и послал в заточение в Селунь.

Об ослеплении царя Константина

Через некоторое время царь Константин, поразмыслив о произошедшем, понял, что не может один управлять царством, и умолил царицу, свою мать, чтобы они снова вместе правили нуждающимся в добром попечении кораблем царства.

Царица Ирина благосклонно приняла слова своего сына и вновь занялась устройением Греческого царства и приумножением его славы.

Но, при всем своем благочестии, она была весьма властолюбива и господства жаждала. И подобно тому, как нашептавший в уши Евы соблазнил ее вкусить от древа познания добра и зла, чем обрек на смерть вместо бесконечной жизни и сладкое в невыносимую горечь превратил, так и ныне у царицы Ирины нашелся советник-клеветник, соблаздивший ее душу желанием самовластно царствовать, побудив — о горе! — составить лукавый и бесчеловечный заговор против юного царя. Он же был готов на всякое зло, поскольку сам ранее преступно ослепил братьев своего отца.

И, глядя на это, царица, также готовая на все ради власти, восстала против собственного сына, уподобившись зверю, хотя ни один зверь — ни тигр, ни рысь, ни рыкающий лев, ни свирепый медведь, ни плотоядный змей — не ополчились бы против чад своих. Она же, из повиную-

щихся ей придворных избрав постельничих-скопцов, изменников, готовых осуществить ее коварный и бесчеловечный замысел, составляет с ними заговор — о горе! — против сына своего возлюбленного.

Царь спал, — но сон этот уже предвещал ему тьму кромешную, навсегда скрывающую свет солнечный, — участь его уже была предрешена. Словно вороны, готовые выклевывать око, ворвались злодеи и, пронзив ему зеницы, затмили свет очам, и капли крови окропили его одеяние. Царь же, терзаемый, — о горе! — лежал, силясь увидеть и моля о милосердии. Волки же лютые угасили зеницы его именно там, где он явился на свет и впервые увидел солнечную зарю. «Порфирной» зовется палата, в которой свершилось такое зло. Кто и когда столь тяжкогневную ярость и мерзость изливал на сына? Хоть и зол был царь и сам достоин зла многого, но не от нее подобало бы пострадать ему. О, страсть властолюбия! Ни рысь-зверь, ни тигр не гневаются так на детенышей своих, не ярятся столь люто на своих щенят зубастые псы, но, слышал я, говорили, что лишь только рыба морская «фина», одна-единственная, нападает на чад своих и пожирает их во мраке пучины, но и та — от скифского своего неразумия. Из иных же, — ни в воде живущих, ни посуху ходящих, — никто подобное не творит. Угасило свет тогда светносное Солнце, смежила веки светоподательная зеница Луна, глубокий мрак простерся на многие дни, и сами стихии оплакивали страдания, причиненные бездушными. Дерзнувшая же на такое стала самодержавной правительницей, объявив письменно, что без ее ведома сотворили это с царем Константином. Он же через некоторое время умер, прожив по простетвию Седьмого Вселенского собора десять лет.

Царство 37 Ирины, которая царствовала в Константинограде

После смерти Константина его мать Ирина самодержавно царствовала 5 лет.

В то время в темнице под стражей находились два юных сына богохульника Копронима. Их подговорили бежать и искать убежище в Великой церкви, чтобы впоследствии провозгласить кого-нибудь из них царем.

Тогда по приказу Ирины, под видом воздаяния им царских почестей, при большом скоплении народа их уговорили выйти из церкви. Никто за них не вступился, и тогда царица повелела схватить их и сослать в Афины.

А чтобы их приверженцам не удалось возвести сыновей Копронима на престол, Ирина повелела ослепить их и пресечь этот богомерзкий род, чтобы не пришлось им ни царствовать, ни подвергать гонениям Церковь Божию. Тем временем возник другой заговор. К царскому

дворцу Елевферия ночью явился логофет геникона (главный казначей), патрикий Никифор, с заговорщиками. Он подступил к Медным воротам дворца и, сказав страже, что прибыл по повелению царицы, проник со свечами и оружием во дворец.

Тотчас он послал оттуда по всему городу объявить себя царем. Утром Ирина оказалась заперта в своих покоях, а Никифор перед всем народом был наречен царем патриархом Тарасием.

Царство 38 Никифора Геника, который царствовал в Константинограде

После Ирины восемь с половиной лет царствовал Никифор. Злонравен был этот человекоубийца, злоязычен и златолюбив настолько, что золото сделало его своим рабом. Он, сославший Ирину на Селовенский остров, своей любовью к золоту был подобен царю Мидасу, некогда обладавшему Фригией. Городские чины и должности он продавал, награждал не за заслуги, но за богатство, лицемерно прикрывая личной притворной доброты и справедливости свою ненасытную страсть к деньгам. А мерещившееся ему везде золото чуть ли не во сне продавал.

Итак, перед людьми он обычно появлялся сетующим и унылым. Но если кто-то приносил золото, тогда очи его загорались весельем, и сетования мгла исчезала с его лица. И для того, чтобы отыскать где угодно и заполучить золото, расставлял он хитроумные сети и пускал в ход всевозможные каверзы.

О, злая страсть сребролюбия! Под видом необходимости восстановления обветшавших городских стен он обложил греков непомерными податями.

Когда же к нему попадали золото, серебро или златотканые облачения, он уже не выпускал их из своих рук. Как говорится, «многочисленны следы вносящих внутрь свои сокровища, следы же выносящих не обретаются». Он лишил воинов жалования, из-за чего в войске начались волнения и ропот недовольства.

И стеклось все множество воинов к военачальнику по имени Вардан, и, поведав ему свою нужду, принялись они молить его стать царем. Он всячески отказывался, но, в конце концов, уступив, понуждаемый своими воинами, двинулся на Корсополь и осаждал его 8 дней, но, так и не взяв город, вернулся в Магнию.

Богобоязненный Вардан не мог не понимать, насколько непостоянны и мимолетны почести и власть, и обратился за советом к некоему старцу, стяжавшему по благодати Божией дар прозорливости, и открыл ему свой сокровенный замысел и чаяния людей. Услышав его, убежденный

сединами мудрый старец, носивший птичье имя Кикнос (что значит Лебедь), непрестанно славословящий Бога, увещал Вардана не помышлять о царском престоле. «Иначе, — говорит, — очных зениц лишишься, как и все иные».

Увидев же, что удручен Вардан, старец опять воззвал к воеводе: «Ты, о преславный полководец, не получишь царства, хотя и имеешь под своей властью десятки тысяч воинов. Другие, находящиеся под твоим началом, перепояшутся царским поясом. Будут это три мужа, имена их — Лев, Фома и Михаил. Из них первым получит власть Лев, после него скипетр перейдет к Михаилу. Фома же третьим дерзнет и будет весьма усерден в своем намерении овладеть царским престолом, однако, до конца довести своего намерения не сможет, и очным зорям угашение примет». И все услышанное Варданом, все, что предрек, словно духоводвижная труба, дивный старец Кикнос, сбылось в надлежащее время.

Вардан же, убоявшись Бога и не желая допустить междуусобную брань, подумал: «Неужели из-за меня начнется кровопролитие среди христиан?» Он написал к царю Никифору и, когда тот дал обещание не преследовать его, ночью, втайне от людей, устремился к монастырю Ираклия, чтобы как можно скорее принять постриг.

Но когда Вардан плыл на присланной за ним царской ладье к первому острову, Проти, в монастырь, который сам устроил в прежние времена, некие мужи, ликаоняне, которых вернее было бы назвать волконяне (то есть волконравные), ослепили его, будто-бы без ведома царя. Царь же, всем показывая, что он одержим великой скорбью, истово клялся, что нет его вины в содеянном, ибо сказано: «Никогда христианина не истязай, и членов его не усекай», и что благочестив и милостив к ближним был Вардан.

На 3-й год царствования Никифора выступил против него сарацинский князь с большим войском и пришел к Дирилии. Тогда Никифор передал через первого советника такие слова их князю: «Зачем радуешься о неправде и кровопролитии человеческого? Не довольно ли ты имеешь, чтобы идти восвояси, почему преступаешь устав праведных? Кто из Божественных пророков или учителей повелевал творить такое? Не Бохмит ли, твой пророк, наказывал вам: "Христианина принимай как брата и люби его?" Разве Творец всего сущего и Учитель радуется неправедному кровопролитию христиан или мусульман? Нет! Но говорит: "Серебра, золота и прочих излишеств избегай; не наноси напрасных обид необижающему тебя". Мы же с готовностью дадим тебе ныне все, что пожелаешь, ибо имеем многое богатство в нашей святой земле. Так неужели мы, как безбожные и надеющиеся жить вечно, по зависти бесовской ополчимся друг на друга войной, и ненавистью человеческой до-

ставим радость бесам, зная, что пожив много или мало, умрем и предстанем перед неподкупным Судией, Который воздаст каждому по делам его?» Такие слова царь Никифор послал с богатыми дарами сарацинам. И смягчилось сердце сарацинского князя, и в ответ он прислал многие и дивные дары, и с миром возвратился восвояси, дивясь разуму Никифора.

Царица же Ирина умерла в изгнании, и царь Никифор повелел перенести ее тело в монастырь, который она сама построила в Прикипеиском острове, поскольку была весьма благочестива и добродетельна. Она устроила многочисленные жилища странникам и недужным, основала монастыри, облегчила подати и оказала бесчисленное множество иных благодеяний неимущим и страждущим.

Вместо патриарха Тарасия, отошедшего ко Господу, на Царьградский патриарший престол был возведен асикрит Никифор (секретарь царской канцелярии).

Царь Никифор принудил патриарха Никифора возвратить в клир пресвитера Иосифа, венчавшего царя Константина с прелюбодеицей Феодотией. Хотя сам патриарх и не желал этого, ему пришлось возвратить Иосифа, боясь злонравия царя, дабы он не возобновил иконоборчество.

Платон же затворник со своими племянниками Феодором, игуменом Студийского монастыря, и Иосифом, епископом Фессалоникийским, а также монахи, находившиеся в их монастырях, прекратили евхаристическое общение с патриархом, обличив царя в том, что он повелел вернуть сан Иосифу, венчавшему царя Константина вопреки церковным канонам.

Царь же собрал против них епископский собор. Великий же Феодор со своими сподвижниками многократно увещевал царя, но тот так и не внял его словам, и тогда Феодор предрек ему бесславную кончину. Царь же, разъярившись на Феодора, послал их всех в заточение.

Сам же царь Никифор пошел войной на болгар, живущих близ Истра, и, разгромив их столицу Плиску, сжег кремль, где находился дворец упомянутого князя.

Князь же болгарский послал к царю Никифору, говоря: «Прошу тебя о мире, о, царь, ибо ты победил нас». Царь же, не насытившийся добычей, не пожелал заключить мир. Тогда разгневанный болгарский князь приказал перекрыть все входы и выходы в свою страну деревянными укреплениями, за два дня собрал войско и, устремившись на греков, наголову разбил их. Ворвавшись в царский шатер, он отсек Никифору голову и, подвесив ее на древе, оставил на многие дни.

Потом приказал, оковав череп золотом, сделать из него пиршественную чашу и повелел пить из нее болгарским князьям, насмехаясь над

ненасытным и не желавшим мира греческим царем. Ибо говорит Писание: «Лихоимство бо чрезмерное злата и царя погуби». Ибо многие, желающие многого, не только потеряли то, что имели, но и жизни лишились. Не тот богат, кто имеет богатство, но не желающий большего — тот истинно богат.

Сын же Никифора Ставрикий, раненый в правое бедро, едва спасся и на носилках был принесен в Царьград.

О Николе воине. С царем Никифором, ведущим войско на болгар, находился некий воин, по имени Никола. Застигнутые в пути тьмой, остановились в гостинице для ночлега. И ночью пришла к нему дочь гостинника и стала склонять его на скверное смешение. Он же отверг ее. Через некоторое время она опять пришла, он же снова отослал ее. Искушаемая дьяволом, пришла она в третий раз. Он же говорит ей: «Окаяница, всякого бесстыдства исполненная! Не ведаешь ты, что бесы тебя распалют, чтобы погубить твою душу, я же иду к язычникам на кровопролитие». И, сказав это, опять отослал ее.

Когда же он уснул, то увидел во сне Некогого Грозного, сидящего, положившего правую ногу на левую. И говорит ему Он: «Смотри!» отвечает Никола: «Вижу, Господи, как греки одолевают болгар». Тогда Он перекладывает левую ногу на правую, и Никола видит, что уже болгары одолевают греков, и вот уже все греческое войско повержено. И видит он поле, устланное мертвыми телами, и между ними — место пустое, чтобы одному единственному человеку поместиться. И говорит ему Грозный Тот: «Место это было тебе уготовано, — ты на нем должен был лечь рядом с товарищами твоими, но, поскольку в эту ночь изощренного змия, трижды искушавшего тебя на скверное смешение, победил, этим ты себя избавил от духовной и телесной гибели, место на поле без добычи оставил, и отныне Мне послужишь».

Наутро состоялась битва. Он же, оставшийся одним из немногих в живых после боя, оплакивая погибших воинов, принял иночество и впоследствии стал великим и прозорливым старцем. Вот почему следует не только во время битв, но и всегда воздерживаться от блуда, который губит и тело и душу. Во время же сражений подобает каяться и причащаться Святых Христовых Тайн, и так со всем усердием стоять за святые храмы Божии и за православное христианство.

Царство 39-е Ставрикия, который царствовал в Константинограде

После Никифора один год и два месяца царствовал его сын Ставрикий. Из-за раны бедра он лежал в своих покоех и не мог принимать участие в делах государства.

Тогда нарекли царем зятя Никифора куропалата Михаила Рагавея (министра двора), без ведома Ставрикия. Услышав об этом, Ставрикий и его жена Феофана приняли иноческий постриг. В это время Феодор и брат его Иосиф, Студиты, возвратились из заточения.

О том, когда появились каноны. Преподобный Андрей Критский жил в царство Константина Брадатого. Во время Шестого Вселенского собора он был архидиаконом, а потом стал архиепископом Критским. Он был первым составителем канонов и написал Великий канон и иные каноны праздникам и святым. Ему последовал преподобный Иоанн Дамаскин, который жил во времена Льва Исавра и его сына Константина Копронима. Он написал Ирмологий и Богородичник Богоматери, пользы и умиления исполненные, и многие каноны праздникам и святым. Вместе с ним многие каноны составил и его сподвижник, епископ Козма Маиумский. Во времена царствования Никифора и Льва Армянина, после Седьмого Вселенского собора, Феодор Студит и брат его Иосиф, Фессалоникийский епископ, написали Триодь. В царствование Михаила и Феодоры Феофан Начертанный, Никейский епископ, и Иосиф Песнописец, спустя уже долгое время по прошествии Седьмого Вселенского собора, написали Октоих на восемь гласов и каноны многим праздникам и святым. Их последователи и в дальнейшем составляли каноны новопрославляемым святым, пополняя ими церковные богослужения.

Об отвержении мяса для иноков. Отцы-подвижники изначально мясо не вкушали. Некоторые говорят, что запрет для монахов употреблять мясо в пищу был установлен на Пятом Вселенском соборе, но свидетельств об этом нет ни в одном из соборных определений. Феодор Студит жил после Седьмого Вселенского собора за семьсот лет без двадцати до окончания седьмой тысячи, а до нашего же времени за семьсот лет. И он пишет в своем Уставе для братии: «Мяса на Успение Богородицы на братию заколоть два вола». Если бы на каком-либо соборе было запрещено вкушение мяса инокам, то он бы этого ни повелевал и не писал в Уставе. Никон же в последней части своего «Послания» пишет, что «ныне, благодатию Божией, совершенно запрещено инокам мясо», при этом не упоминает никакого собора, а просто говорит: «ныне». А Никон жил до окончания седьмого тысячелетия за четыреста двадцать лет, а до нашего времени еще больше. Пишет он в том же послании: «Во времена старца Луки Наварзийского царь Греческий и патриарх Царьградский поставили патриарха в Антиохию, сказав старцу Луке и клирикам: "Даем вам патриарха, который мяса не отвергает". И отвечали они: "Воля твоя, владыка, но мы в Антиохии патриарха, вкушающего мясо, не примем". Отвечал патриарх: "Оставь ныне, ибо я вкушаю мясо, и святой наш царь не осуждает меня за это". Но, поскольку

ему не уступили, вынужден был смириться патриарх, только не смогли ему запретить того, что когда, по его повелению, ему приносили всякое мясо, он утолял свою страсть посредством обоняния». Из этого следует, что употребление мяса монахами было запрещено окончательно только во времена Никона. Поэтому он и написал: «Ныне совершенно запрещено» (то есть в его время), не объявив точнее, какими именно отцами или на каком соборе было принято это решение, но говорит просто: «Ныне, благодатию Божией, совершенно запрещено мясо инокам».

Царство 40 Михаила Рагкавея, который царствовал в Константинограде

После Ставрикия один год и девять месяцев царствовал Михаил Рагкавей, зять Никифора. Был он украшен всяческими добродетелями, и настало тогда время благоденствия для Византии, наступили дни, не замутинные мрачным облаком насилия и убийств. Михаил был правителем тихим и кротким, кровопролития не жаждал, а радовался о всяком добром деянии, и был поистине благословенной защитой для государства, которое, словно плодородное пастбище или райский сад, насыщалось живительной влагой. Но стал он, как бутон розы, отпавший преждевременно, и как на месте засохшего цветка восходит сорный росток и из него вырастает колючее терние, так захватил власть звероименный Лев Армянин, разоритель Христова стада. Узнав намерения мучителя, благочестивый Михаил, предпочтя земному царству заповеди Христовы и исполняя их, по своей воле оставил вожделенный для многих царский престол и воспринял иноческое безмолвное житие.

Мучителю без труда удалось захватить власть. Михаил предстал перед ним подобно зверю кабору, или бобру, из языческой притчи. Когда гонят с псами этого зверя, желая отнять у него детородные уды, которые используются как лекарство при врачевании многих болезней, кабор, зная причину погони и понимая неизбежность сетей гонящих, отгрызает свои уды и бросает гонителям, а сам избавляется. Так и Михаил, понимая, что царствование его служит причиной вражды и кровопролития, более земной власти возжелал спасение своей души. Змей же лютый, желая извести весь род Михаила, оскопил сына его Никиту, дабы не родилось дитя от него. И не удалось воспрепятствовать этому. Сын Михаила Рагкавея был оскотлен и в монашестве наречен Игнатием. Впоследствии он стал архиереем Нового Рима, Константинограда.

Царство 41-е Льва Армянина, который царствовал в Константинограде

После Михаила Рагкавея царствовал Лев Армянин 7 лет и 5 месяцев. Когда он вошел во дворец для наречения царем, то бывшее на нем одея-

ние даровал Михаилу Травлю, который был родом из Амория, и тогда многие решили: «Это знак, что Михаил будет его преемником».

Было и другое знамение. Михаил, ходивший вслед за Львом, наступал на полы его царского одеяния, и сам Лев принял это за дурной знак. Дивный же и украшенный всякой добродетелью затворник Кикнос изначально говорил, и об этом было сказано выше, что они оба будут царствовать.

Вскоре Лев поставил Михаила патриkiem, а Фому (упомянутого в предсказании третьим), — турмахом (командующим турмой). В то время болгары опустошали Фракию. Лев, желая заключить мир с болгарами, направил их князю послание. Болгарский же князь не захотел мира, возгордившись победой над Михаилом Рагкавеем.

Тогда Лев пошел войной на болгар. Но пришедшие греки не слишком радели о брани, и начали побеждать их болгары, греки же начали отступать. Тогда Лев оставил место, где стоял лагерь, и затаился с войском в засаде на одном из холмов. Болгары решили, что царь Лев бежал, это воодушевило их и лишило бдительности.

Лев же, стоя на вершине холма, увидев нерешительность болгар, воззвал к своим воинам зычным голосом и укрепил их. И бросились греки на не ожидавших нападения болгар и победили их, и многих убили, других же взяли в плен. И чуть было не захватили их князя Крума, но болгары во множестве бросились к нему и дали ему возможность спастись. Царь же Лев с победой возвратился в царствующий град, приведя с собой многих пленников.

Через недолгое время он выступил против почитания святых икон и снова разжег, погасший было, очаг иконоборческой ереси. Случилось это так. Исполнилось пророчество вышеупомянутого Кикноса, предсказавшего, что царствовать будет Лев Армянин. Вспомнив это, царь Лев захотел отблагодарить и вознаградить старца и послал ему многие дары с одним из своих приближенных. Пришедший же с дарами нашел инога монаха, иконоборца, поселившегося в келии того святого старца (к тому времени отошедшего ко Господу). Посланный же, не зная этого, начал вручать дары монаху-иконаборцу. Тот же не только не принял царские дары, но и посланника того отослал обратно, с презрением говоря: «Не приму я дары от царя, кланяющегося идолам», — называя святые иконы «идолами». И еще сказал ему с угрозой: «Твой царь в скором времени лишится не только царства, но и жизни, если не перестанет поклоняться идолам».

Вернувшись, посланный поведал об этом царю, чем поверг его в смятение.

И решил царь рассказать об этом Феодоту Мелесину, которому доверял, и посоветоваться с ним. Тот же с давних пор был тайным иконоборцем. Услышав рассказ царя, Феодот отвечал ему с лукавством (поскольку тот монах-иконоборец был его другом) и сказал царю: «Иди и посоветуйся с монахом, о котором говоришь, и как он тебе подскажет, так и поступи, поскольку человек этот свят и благодатью Божией прозревает будущее». И, увидев, что царь послушался его совета, Феодот пошел и научил того монаха, какой ответ следует дать царю. Царь же Лев решил идти с одним Феодотом, без свиты, облаченный в рубище, чтобы не быть узнанным, что он царь. Монах же, знавший от Феодота, что собирается прийти царь, одетый в ветхую одежду, захотел показаться перед ним прозорливцем и сказал ему: «Не можешь утаиться от меня за этим бедным одеянием, ибо мне открыто, что ты царь Ромеев. Но знай, что ты погрешил в своем благочестии, поскольку кланяешься иконам, которые есть идолы. Но, если хочешь утвердить царство свое в благополучии, повели, чтобы иконы были удалены из церкви. Если же не сделаешь этого, знай, что вскоре лишишься царства и самой жизни, и обречешь себя на вечные мучения». Царь же Лев удивился его прозорливости и, с услаждением внимая тому проклятому монаху, всем сердцем принял его прельщение, не ведая, что тот «пророчествует» по наущению Феодота.

И вновь Лев оживляет лютый корень прежнего иконоборческого терния, и тот выносит побег терния еще более лютого, чем прежде, заглушающего и подавляющего золотой плод благочестия. И снова зашевелился змеиный хвост, — я говорю о мерзости иконоборчества, — и будто бесчисленные змеи поползли, страшно разверзая пасти и шипя, чтобы поглотить Церковь Божию, как неоперившегося птенца в гнезде. Ибо по велению злочестивого царя Льва повсюду срывались и измазывались смолой иконы Христа и Его святых, разыскивались и разорялись убежища православных, скрывавшихся в пещерах и по домам; мучимы и гонимы были как иноки, так и все, кто продолжал почитать святые иконы. Рыдал Святой Сион, Церковь Христова, дочь Божия пролиwała горькие слезы, сменив наряд невесты на траурные одежды вдовства. Скорбел тогда безутешно и небесный звездный лик и на землю взирал темными очами.

Когда святейший патриарх Никифор венчал на царство этого зверя лютого и возлагал ему царский венец на голову, то в руку его вонзился шип, поскольку венец оказался исполненным терния, из чего патриарх предугадал нечестие царя Льва.

И еще: явилась тогда на небе светлая звезда в виде двух соединившихся блистающих лун, которая затем снова разделилась на две части:

одна из них очертаниями была похожа на обезглавленного человека, а рядом находилась как-бы его отъятая голова. Это видение было предзнаменованием случившегося вскоре разделения христиан во время восстания Фомы Славянина. И были еще сильные землетрясения, и частый голод, и жестокая засуха, и междоусобица по всем городам и весям. Все это началось с воцарением беззаконного инородца. Много невзгод приключилось тогда, напастей и болезней, поскольку уподобился он родоначальнику иконоборческой ереси. Одноименный и единоправный своему предшественнику, стал он последователем и его злочестия.

Тогда Лев вместе со своими советниками и учеными мужами стал разыскивать богослова, способного выступить против иконопочитания, и нашел, наконец, Ивана, называемого Книгчий, лучше же сказать нового Анния или Симона, известного всем своими злыми деяниями, волхвующего и варящего в медных сосудах чародейственные зелья, а также его учеников, иных ианитян, амбритян и симонитян, исполненных того же зловерия.

Затем царь посылает за патриархом Никифором, желая иметь в его лице сообщника своему безумию.

Божественный же патриарх Никифор, взяв с собой многих архиереев, — Феофилакты Никомидийского, Михаила Синадского, Евфимия Сардийского, Емельяна Кизического, Иосифа Фессалоникийского и брата его Феодора Студита, — пришел вместе с ними в царский дворец. Царь же, обращаясь к ним перед собравшимися вельможами, сказал: «Знаете ли вы, что явились некие и говорят, что не подобает поклоняться иконам? Если хотите, они предстанут пред вами, и пусть в вашем диспуте откроется истина». Святейший же Никифор, ничего не отвечая царю, обратился к присутствующим вельможам: «Скажите мне, не сущее может ли пасть?» Они же не нашлись, что отвечать и недоуменно молчали. Тогда патриарх продолжил: «Пали ли в прежние времена, при Леонтии Саврянине и Константине Копрониме святые иконы, или нет?» На это они, кивнув в знак согласия головой, ответили «да». «Не хулите же Совершенный Изначальный Образ их. Ибо как может не сущее "быть" или "пасть"?» Тогда и все епископы осудили ересь.

Святой же Евфимий Сардикийский с дерзновением сказал: «Послушай, о царь, сказанное в простоте сердца! Ибо с тех пор, как Иисус Христос пришел на землю, и доныне, вот уже 800 лет повсюду на фресках и на иконах изображается образ Христа, и верные поклоняются Ему. И какой хулитель дерзнет по прошествии стольких лет отвергнуть или изменить апостольские и отеческие предания? Также и апостол говорит: "Темже убо, братие, стоите и держите предания, ихже приахте или словом или епистолюею, или ангел с небеси благовестит вам паче, еже

приасте, да будет проклят"». Также и Феодор, Студийский игумен, ревностный защитник святых икон, говорил в простоте своей: «Не изменяй, царь, церковного устава, ибо сказал апостол: "Овых положи Христос в Церкви первое пророки, второе апостолы, третье есть пастыря и учителя", но не сказал: "царя". Тебе даны городские законы и вверено войско, о том и заботься, а Церковь оставь пастырям и учителям, по слову Божию. Если же не захочешь этому внимать, веры нашей ради, то, даже если ангел, сойдя с небес, пожелает отвратить нас от истины, не послушаем ни его, ни тебя, царь».

Мучитель же, слыша это, распалился гневом и, рыкая, как лев, всех с бесчестьем прогнал, преподобного же Феодора приказал заточить в темницу.

Также и святейшего патриарха Никифора, изгнав из города, отправил в заточение на остров Приконис.

Преподобный же Феофан, игумен монастыря в Великом Селе, провидя прибытие патриарха, и до этого никогда не видевший его, возжег множество свечей и светильников и вышел на берег встретить его.

Патриарх же, еще до того, как сошел с корабля, стал творить поклоны и приветствовать игумена, еще не видя его. Корабельщики же, удивляясь, спросили патриарха: «Кому кланяешься?» — сами никого не видя. Он же отвечал: «Игумену Великого Села кланяюсь», (так назывался монастырь, в котором подвизался Феофан Исповедник. Первым назвал его так патриарх, потому что предвидел, что Феофан будет исповедовать славу честных икон, что и произошло впоследствии, когда святой, обличив злочестие царя Льва, претерпел от него многие муки и был сослан в заточение).

После изгнания патриарха царь Лев возводит на его место своего друга, бывшего мечником, Феодота Мелесина, по прозвищу Оловудмец. О горе, — вместо благочестивого патриарха — поборника злочестия!

Еще называли этого Феодота — Касифира. Вошел же он в доверие царя Льва так. В дни правления Михаила Рагкавея жила некая женщина, одержимая бесом. Побуждаемая им, она громогласно зывала, обращаясь к царю Михаилу: «Оставь, не твое это, оставь!» Говорила же она о царстве, поскольку Михаил не желал царствовать. Многократно повторяла она эти слова во всеуслышание. Царь же, слушая ее, приходил в смятение.

Упомянутого Феодота Мелесина и царь Михаил считал своим другом. Посоветовавшись с ним, он повелел ему спросить ту женщину, когда она, по обыкновению своему, начнет прорицать. И когда та начала бесноваться, Феодот спросил ее: «Если царь Михаил потеряет свое цар-

ство, кто вместо него будет царствовать, каков он будет внешнею, и какое имя будет носить?» Она же отвечала: «Лев имя того, кто будет царствовать. Тебе же, Феодот, когда придешь в Акрополь, попадутся навстречу два мужа. Один из них будет ехать на муле, он и будет царь». Услышав это, Феодот не открыл царю Михаилу сказанного ей, задумав сам придружиться к будущему царю.

Когда же спросил его царь Михаил Рагкавей, Феодот ответил ему: «Бесноватая она, и выкрикивает что придется, истины же не знает». И поверил этому царь Михаил.

Феодот же, поговорив с царем, направился в Акрополь и по дороге встретил Льва, едущего на муле, как и предсказала ему женщина. Остановив его, он сказал: «Когда станешь царем, если будет на то милость твоя, имей меня на уме».

Так Феодот стал близким другом царя Льва, поэтому Лев и поставил его патриархом, изгнав святого Никифора, а еще из-за того, что Феодот был иконоборцем и нечестивцем, и, находясь у царя в большом доверии, уничтожил все иконы в церквях.

Направляемый же патриархом царь Лев, словно дикий зверь, терзал почитающих святыне иконы. К тому же дворцовый протопсалт, регент певчих, бывший великим поборником беззакония, всегда подговаривал царя против защитников благочестия и побуждал к уничтожению святых икон. Однажды он вместе с царем стоял на службе в церкви и услышал чтение из книги пророка Исаяи, где говорилось: «Кому уподобисте Господа, еда древодель сотвори икону иди златарь образ создати?» Тогда приблизился протопсалт к царю, и украдкой сказал: «Слышишь, царь, что говорит пророк? Не следует почитать Бога ни на иконах, ни на золоте, и так подобает быть во время твоего царствования». После этого Лев ожесточился еще сильнее (тем более, что имя носил звериное) и открыто восстал против благочестия, и подвергал Церковь Божию лютым гонениям до тех пор, пока справедливый Божий суд не настиг его. Открыто обличая его богомерзкое нечестие и малодушие, его греховную жизнь и предрекая ему бесславную кончину, святитель Никифор говорит: «Видит Бог, постигнет нас праведный суд Божий, ибо люди стали свирепее лютых зверей! Что может быть хуже, и какого зла еще ожидать нам? Вот уже и царскую власть, по попущению Божию, восприял полукровка, варвар по происхождению, непостоянный нравом и слабый!» Известно, что явился он из армянской земли, хотя некоторые, знающие о его роде, о нем самом и о его отце, свидетельствуют (правда немногословно и иносказательно), что род их ведет свое начало из иных земель. Из ассирийского злого корня произросла эта ветвь. Отец Льва, убивший родителя своего, вынужден был бежать в Армянскую землю.

И затем уже его отцеубийственное семя проникло в наш несчастный род и проросло, и принесло человекоубийственные плоды. И лишь долготерпеливый Господь ведает, откуда явилось на свет это зло, как были вскормлены и возросли со злым губителем обычаи и дела его. Ибо, вобрав в себя жизненные силы ассирийской львицы и армянской пардусицы, выросли нечто звероподобное, произошедшее от родителей беззаконных и непотребных, от армянской и ассирийской мерзости. И назван он был Львом, и подобно льву сокрушал врагов, но не был свободен от чужого влияния. Приближенные его, племя многоликое в своем коварстве и изворотливости, опутывали слабовольного многословной лестью, сплетая коварные интриги, искусно пряча истинные намерения, чтобы вновь и вновь опереться на львиную твердость. И грех его, даже если бы он сам все это замыслил, все же не так тяжек, как грех тех, чьими устами, только лишь поучающими неразумно, был он научен. И с шумом погребло житие его, как жалкое и безумное беснование, во всем непотребное и лукавое. Когда же он, по попущению Божию, захватил царскую власть, то всю свою ярость и коварство обрушил на непорочную веру, последовав бывшему ранее нечестивому Копрониму. Подобно ему, он всю свою жизнь доверял скверным и злым людям, снискавшим себе славу растленной и нечестивой жизнью, губящим душу и тело волхвам и отравителям, — точнее сказать, делателям всякого рода зла и насилия, христианского же благочестия отвергшимся. Он, греховным пленением плененный, их любезно привечает, с готовностью с ними сближается, и, повинувшись их суетным и душетленным отступническим учениям, попавшись на приманку соблазнов и беззаконием прельстившись, беззакония и зла возжелал. Так в третий раз произошло отступление от нашей истинной православной веры, и начались истребление святых икон и гонения на шествующих путем заповедей Божиих, тогда как только тот, кто возлюбит жизнь благочестивую, обретет чистое и безмолвное житие на многие годы. Он же, прельстившись пагубными соблазнами, погубил свою душу — этот неблагоговейный, скудоумный, со скотоподобной, мерзкой внешностью (недаром он носил львово имя). Развращенный нравом, гордый, необузданный в своих желаниях, неудержимый и нетерпеливый, подобный зверю лютому, мучитель. Словно крылья, простер сей окаянный над своим царством зло и беззаконие, сея вокруг себя раздор. Начал же с того, что отверз нечестивые уста свои против нашего святого закона.

Различными муками немилостиво терзал он защитников святых икон, воздвигнув гонения на исповедников Христовых.

К тому же, стараясь не отстать от нечестивого Константина, и, подобно ему, собрав нечестивый и незаконный собор, или, лучше ска-

зять, сонмище иудейское, сам был одним из его участников. И опять наступила в Церкви Божией мерзость запустения, и разверзлись уста, глаголющие хулу на славу Божию и Божественное промышление, богословствуя лживо и ложно. Словно второй Каиафа, явился он с тем богохульным собором, много, суетно и тщетно пытавшегося противостать истине, грозя истребить все священное и церковное, ненавидящий Христа и Его угодников, потому что тяжело ему было видеть Христа на иконах. Так, безумствуя и глумясь над иконопочитанием, отвергли они священные изображения как совершенно непознанные. И кто мог что на это возразить? Ведь умствование безумного, когда тот безумствует, невозможно ни постичь, ни опровергнуть. Невежественен он был весьма и нечестив, и не постиг, что над золотыми херувимами, которые Бог повелел боговидцу Моисею установить над Ковчегом Завета в ветхозаветной скинии, являлась слава Божия, и об этом свидетельствуют не только иудеи в ветхозаветные времена, но и благодатные проповедники во времена новозаветные. Если же херувимы украшали храм, возведенный Соломонам, которому была дарована премудрость от Бога, и если они были явлены святому пророку Езекиилю в видении будущего храма, то и ты, когда встретишь в святых книгах подобные упоминания, не сочти их свидетельствами воздаяния почестей идолам и не отвергай из-за этого богодуховные книги, не уподобляйся неверным и неразумным иудеям и единомудрствующим с ними, исказившим Писание и достойным своего богомерзкого учения, лучше же сказать неверия и безумия. Ибо этим они открыто хулят Христа, Который принял белый плат, и отер им Свой прекрасный и пресветлый лик, и послал отпечатлевшийся на убрусе образ едесскому царю Авгарю, с верой просившему об исцелении. С тех пор, как пострадал за нас Христос, и до сегодняшнего дня апостольские предания и учения сохраняют для нас в святых Евангелиях напоминания о том, что сделал для нас и как за нас пострадал Христос, что мы с благоговением изображаем и почитаем, хотя богохульники против этих изображений и восстают. Также с послушанием принимаем мы и древнее предание о том, что сам святой апостол и евангелист Лука написал иконы Спасителя и Божией Матери, которые и теперь хранятся в Риме. Что же касается многочисленных свидетельств побывавших там иерусалимлян, то они подтверждают, что древнее предание сохраняется и донныне верно, а широко почитаемые священные изображения согласны с ним и благолепны.

Кроме этого, донныне существует икона, данная римлянам первоверховными апостолами Петром и Павлом, величие Божие проповедовавшими в Риме, изображающая чудо Божественного Преображения. И как могут строптивные и неразумные отрицать и сегодня всеми видимое и

прославляемое чудо, явленное в церкви Богоматери в городе, называемом Лидда, описанное в житиях построивших эту церковь святых апостолов Петра и Иоанна Богослова? Ибо многие видели, что это нерукотворное честное изображение, запечатленное на светлых и светозарных скрижалях и благочестиво почитаемое, лишь уходило вглубь церковной стены, когда некие нечестивцы из эллинов и иудеев в ярости своей пытались сей образ уничтожить. Но их усилия были тщетны. Не смогли они нанести никакого вреда этим кощунством: ничто во образе (ни лик, ни одеяние, ни прочее) не удалось стесать, и донныне он остается неповрежденным, ибо слава Пречистой Девы, по Ее обетованию святым апостолам, поныне пребывает с Ее образом. Еще ранее, как говорит об этом предание, было воздвигнуто божественное изваяние, поставленное перед своим домом кровоточивой женщиной, избавленной от своего недуга, во славу исцелителя Христа, как свидетельство последующим поколениям о чуде, преславно явленном на ней. О нем же великий учитель Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории», вспоминая явленные чудеса, рассказывает (и это тоже свидетельствует против иконоборцев), что сам видел и это изваяние, и святую Богом возвращаемую траву у подножия, исцеляющую и отвращающую зло. Кроме этого, он напоминает, что сохранились первые иконы святых апостолов Петра и Павла и самого Христа, написанные красками. Итак, истинность иконопочитания подтверждается и этим достойным доверия свидетелем и учителем, и древностью обычая почитать святые иконы, и благолепием церковного убранства. Священные изображения можно видеть на каждом из многих богослужебных предметов. Помещены они и на окладе Святого Евангелия (и к ним вместе с Евангелием прикладываются христиане во время богослужения), украшается священными изображениями и иконостас, отделяющий Алтарь. Ибо мы не только с благоговением внимаем словам Евангелия, но и почитаем священные изображения, имеющие основой евангельское слово. Но звероименный тщетно желал уничтожить не только все божественные иконы, но и саму память о них, и предать забвению иконопочитание. Прилюдно богохульствуя, прельщенный дерзко говорил: «Как с глаз наших долой истреблены иконы, так и из сердец наших должна быть изгнана вон всякая память о них, друзья и рабы Божии!» Ибо безумный безумство возглашает, и сердце его научает творить незаконное и пустое и называть право чужих Бога прельщенными.

С тех пор, когда сей кровожадный чужеземец находил тех, кто хранил и почитал иконы Христа и святых Его угодников, то осуждал их на жестокие мучения, так что, будучи истязаемы и каждодневно умерщвляемы, благочестивые христиане повсеместно умахались числом. Так жестоко и бесчеловечно поступал царь в отношении православных.

Против же именитых и богатых своих подданных, чтобы привести их к нищете и отвратить от истинной веры, лукавый и коварный замыслил иное. Что же он творил? Не имея оснований для преследования, внимал доносу и клевете, изыскивая мнимые их грехи, и требовал от тех, кого признавал виновными, отдавать все свое имущество как залог их оправдания. Если же кто, проявляя особое мужество, не соглашался на это, то, завидуя их храбрости и твердости, объявлял их замышляющими против него заговор. И некоторых из них он ослеплял, иным отсекал руки и ноги, других же, продержав долгое время в оковах, казнил.

Но если в делах веры и благочестия Лев был злодеем и богоборцем, делами государственного правления занимался весьма усердно, и был скор на наказание всем, творящим неправду.

К примеру, пришел к нему один вельможа и сказал: «Да будет тебе ведомо, о, царь, что такой-то князь похитил силой мою жену. Я известил об этом эпарха. Он же оставил мое дело без внимания».

Услышав это, царь лишил эпарха его должности, а похитителя подверг законному наказанию. Царь Лев не ставил на должности сановников-мздоимцев, но назначал людей бескорыстных и мудрых.

Михаила Травля из Амория, человека весьма богатого, но невоздержанного на язык, оклеветали перед царем, будто он готовит заговор, желая свергнуть его. Было это в день Рождества Христова.

Царь велел схватить Михаила и учинить допрос, призвав обвинителей. Михаил же, надеясь на пророчество, слышанное им от прозорливого старца, дерзновением изрек: «Сказанное обо мне — истинно». Тогда царь приказал сжечь его заживо.

И решил сделать это в печи дворцовой бани и сам пойти посмотреть, как Михаил будет огнем гореть. Но что есть человек перед всемогуществом Божиим, и кто противостанет Ему?

Узнав о том, какая участь была уготована Михаилу, царица, супруга Льва, принялась умолять его, чтобы он не совершал этого ради праздника Рождества Христова. А поскольку он не желал ее слушать, называла его безбожным и непочитающим великий праздник Рождества.

Услышав эти слова, царь, овладев собой, отменил казнь, но повелел свергнуть Михаила в темницу. Сам же возвратился к жене своей и сказал: «Вот, я исполнил волю твою, но после ты и дети твои узнаете, сколько зла причинит вам Михаил». Лев сказал тогда не открытое ему Богом, но поведенное неким мудрецом, предсказавшим, что царь Лев лишится престола и самой жизни в день Рождества Христова.

Рассказывают, что во дворце имелась книга, и в ней были написаны многие пророчества о царях, изображенных или в облике человеческом,

или в обликий зверином. Был среди них рисунок, изображавший зверя льва. Позади льва стоял человек, закалывающий его копьем. И там, где прикасалось копье, начертана была буква «Х», и копье входило в саму букву. Книга эта называлась «Сивиллины пророчества». Красочно и весьма искусно были изображены в ней различные диковинные звери. И тогда предсказал премудрый Киестор об этой букве «Х»: «В день Рождества Христова некий царь погибнет. Буква "Х" означает день Рождества Христова. То, что начертана она на льве, и то, что входит копье в саму букву, означает, что царь погибнет именно в этот день». И утрашился этого царь Лев.

Кроме того, он был весьма напуган сном, увиденным его матерью и рассказанным ею. Будто-бы была она в церкви Богородицы Влахернской и видела там Жену в белых одеждах. Помост же церковный был залит кровью. Это была Пречистая Богородица, и многие, стоявшие вокруг нее, поклонялись ей. И сказала Она одному из находящихся рядом: «Возьми сосуд, наполни его кровью и передай матери царя». Мать же не захотела принять его. Тогда Преславная Жена обратилась к ней: «Виденное тобой знаменует, как сын твой проливает кровь почитающих Меня христиан, не зная, как сильно прогневляет этим Бога и Сына Моего». Все это видела во сне мать царя Льва, и открыла ему, и умоляла отказаться от гонений на православных и от истребления святых икон. Окаянный же и звероименный Лев не внял мольбам матери.

И некто другой видел во сне святого Тарасия, говорящего Михаилу: «Иди и убей царя Льва!» Со страхом вспоминал царь и пророчество монаха из Филомиле, прозорливого Кикноса.

Михаила же, закованного в железо, стерег в темнице хранитель царских покоев, называемый, по-гречески, папий. Ключи же от темницы царь держал при себе. В ту ночь царь был в сильном смятении и не мог сомкнуть глаз. Тогда, встав, отправился он в темницу и увидел Михаила, расположившегося на ложе папия, а сторожившего его папия лежащим на полу и спящим. Тогда он подумал, что папий является или сообщником Михаила, или почитателем его.

Разгневанный увиденным, царь возвратился во дворец, грозя казнить не только Михаила, но и папия. Они же не знали, что царь приходил в темницу. Но потом, когда слуга тайно сообщил им, они, охваченные страхом, стали думать, как избежать им царского гнева. И обратился Михаил к папию: «Если желаешь, бежим от гнева царя и будем свободны, ибо теперь время благоприятное». На это папий отвечал: «Поступай, как знаешь, я готов».

И сев, Михаил написал такое послание своим сообщникам: «Если сей же час не придете, чтобы сделать то, о чем условились, ибо время

теперь подходящее, то знайте, что утром я, обвинив вас, поведаю обо всем царю, и тогда погибните». И дал это послание папию со словами: «Доставь это тем-то и тем-то и скажи: "В эту ночь приходите в одежнях клириков, спрятав под ними малые мечи"».

Когда настало время службы, пришли придворные певцы, чтобы петь канон Рождества Христова. Папий открыл им двери, а с ними вошли и пособники Михаила, одетые в одежды клириков, и укрылись по углам церкви.

Царские певцы стали петь и пропели уже половину службы, когда пришел к утрени царь и тоже начал петь. Был его голос силен и громок, но звучал резко и неблагозвучно. Царю же всегда казалось, что его пение приятно слушающим, и обычно первый начинал петь. И теперь, как только он вошел в церковь, громогласно стал петь тропарь «Всех Царя укориша любовию».

И тотчас внезапно со всех сторон его обступили заговорщики и обнажили свои мечи. Увидев это, царь скрылся в Алтарь, они же, ворвавшись вслед за ним, закололи его.

Они отсекали ему голову и руки, а тело бросили на всеобщее обозрение. Так скончав скверное и нечестивое свое житие, погубил он и непотребную окаянную свою душу. Убит был Лев острым мечом, приняв горькое воздаяние делу своей мерзкой и нелепой жизни. Осужденный на смерть заговорщиками, дерзнувшими свершить это зло в святом храме, при жизни своей треокаянный богоненавистник, сотворивший столько зла, выпивший столько крови христианской, сам принял злую смерть от рук убийц.

После этого его скверное тело было завернуто в простое и грубое сукно, положено в приготовленную лодку и перевезено на так называемый Первый остров, где и было погребено. Но не ведали дерзкие, содеявшие это, что лишь осуждения ради взяли они на себя такой грех. «Простер же крепко имяше, якоже есть слово, мерзских сих и злоименники, истинно разжигающе бывших в них законъствова нахуде, како износима, и в иных святительствех, аще бяше где обаче сохранена и ведома, и неци же нигдеже се ведати суще. Купно же вѣсток и западный конец, и евангельское же и апостольское последующе совершают проповедают, да идеже вы иной области крестьяне необычное оно и незаконное, и христианскому благочестию прирастити, пристизается богостудное повеленное, елико ни в память взята бысть от злых и скверных состаниць, но точию рабынею сею пленении и божественою властью играючи. В нем же и греховное пришествие на земли живущим земных, и лукавых, и гордых, помагает ум, идеже колена властно себе любезное, слово люби-

мо ли тщеславия, рекше буеть, всех желании восприятие, всем хотяи владети и не под Божиею властью ему быти, и человеческия славы ли студ, паче рещи твариин приобретения. Оттуду на Бога и святых досажение и церковное гонение, оттуду видимым ли томим послушливое, оттуду законом и волею повинутися нудит, ихже ради душевное се конечное, се устроено оружие, образом телу хранительница събрана, истинам же разори церковь Христову, исхищати замышлено шщеванием написати Христово божество на иконе и предлагляюще, яко нецыи солнечное се блюдообразное тело написати не на котором месте, якоже негде видим бывает показывает. Заповедаше бо и свету существо и заря написатися и преписатися или веема солнечнаго света отяту бытии. Или паки лучя солнечна, или на древе где прилучившися лучи, посечену же бывшу древу и потяте бывши лучи с древом безумно мнеша. Еще же и на огонь и на инех неких замыслят, да по истинне от детищ играющи съиграни будут, се смысляще неразумюще. Аще бо от глаголаных не быти, ни видимо бысть, аще же не глаголатися места имат, колми паче о неизреченном и божественем естестве, или о неизвещаемаго Христова смотрения сия глаголати, или умети невозможна и неначинаем. Ничтоже бо попушаем или стража нас ради, тем сими ничтоже пострада, и аще убо человек, якоже и мы, изобразится или, веема умерши, разлучима будет. Что убо ино смерть есть, разлучение души от тела? Тем сими ведомо суть яве ничтоже есть нечествующе или пожинаяще. Ибо не ведают, елико написану и приписану, еже писати и преписати, собъствуя изменно, и сего прелщается, суету глаголет. Где ли тело бошью не исписано или не преписано от всего века слышана бысть? Или како телесный устав и слово спасетя, аще сия не имат? Убо не прославляя писания или преписатися Христу телом, или яко есть тело не сведает, тем и славу правую стяжа или уведаю телу и души спастися отчается. А иже исповедает телом Христа вознесена, якоже и наше есть тело, се же написано и преписано, суще с ним да извест. Аще втораго не даси, ни прьваго возми, иже бо ни словесно и посмисано. И преписаем убо мы, но пишем, аще убо они, окаяннии, тщеславят инако безместне. Его вещает неисписанный, не веде, како от неразумна съпреписатися иконе чювствует. Аще бо не подобает Христу изобразатися, паки вити имуть учителя их, погубелиа их велия прияша, Маненту же и Макриону. Чаяние бо призрак Божественому слову тело бысть прославляют, ничтоже мне прьвыя лжа в хульствие впадают, аще бо на всю вселенную исполчившеся безаконно, не зарыются. И сих нецыи неглагольницы похваленым, омрачене, при свете, от премудрости ненаказане, недарьствованная творит от Богословнаго языка. При сем и Григорие Декаполит и ученик его Иларион Новый Далматский».

Царство 42-е Михаила Травля, из Аммория, который царствовал в Константинограде

После Льва царствовал Михаил Амморейнин. Из узника он стал владыкой, из пленника — свободным. Царь и самодержец, он царствовал после Льва 8 лет и 9 месяцев. Поскольку он ненавидел святые иконы, был ему послан мучительный водный недуг.

Но исповедников Христовых царь Михаил повелел освободить из темниц и заточения. Они же, к нему пришедши, многократно говорили об истинности иконопочитания. На это он, неразумный, отвечал: «В каком виде нашел я Церковь, в таком пусть она и пребывает. Те, которые так устроили, знают, хорошо это или плохо. Вы же как хотите, но в моем царстве не бывать ни иконам, ни тем, кто им поклоняется».

Таким вредоносным недугом зловерия, уводящим его с пути спасения, был одержим Михаил. По этой причине он потерпел множество поражений в битвах. Над ним смеялись и его поносили агаряне, которые часто разбивали греческие полки. Военачальники же их, пленяя греков, называли власть предержавшего трусливым и слабовольным. И это причиняло боль и скорбь его душе.

В то время его, как многомутное море, со всех сторон окружили напасти, и лютейшая из них, словно яростная буря в утлую лодку, ударила его в сердце.

Ибо явился тогда Фома [Славянин], о котором упоминалось ранее. Дивный затворник Кикнос пророчествовал военачальнику Варданию, что не получит тот царства, но приближенные его будут царствовать: первый — Лев Армение, затем Михаил Травль, а третий — Фома, который, хотя и много потрудится, но ничего не достигнет, лишь очей лишится и все, что имел, потеряет. Этот Фома, забыв о пророчестве дивного старца, будучи человеком весьма коварным, вспыльчивым и дерзким (а происходил он из худого и никому не ведомого рода), явился из Греции в страны Сурьские и, изменив свое имя, стал называться Константином, сыном царицы Ирины. Прельстив этим многих из варваров и христиан, собрав отовсюду многочисленное войско, воинов твердых и храбрых, стремительно напал он на Михаила, словно вепрь, вырвавшийся на луг из густой дубравы, или молодой лев, воскормленный в горах свирепой и кровожадной львицей. Был он подобен Сенахириму, осаждавшему Иерусалим, превозносящемуся и гордящемуся множеством войска, за ним идущего, и не ведал, как думается, сказанного, что «не спасется царь многою силою, и исполин не спасется множеством крепости своя. Ложь конь во спасение, во множестве силы своя не спасется». И «Господь совет языков потребит, отменяя же мысли людей, отменяя же советы князей. Совет же Господень во веки пребывает».

Многие Фрачские города Фома осадил с моря и с суши, завоевал и разорил, поработив жителей и принеся с собой множество бед.

Дошел он и до самого царствующего града, но поскольку Всесильный Бог ему не споспешествовал, нетвердые основания имели его намерения, потому и разрушились вскоре, только руки свои осквернил убийствами. И хотя Константинград и не имел Езекию, благочестивого и добродетельного царя, но Человеколюбец и всех Помощник Господь, не ради прельщенного и гибнущего от много неразумия правителя, но, призрев на волю и веру бедствующих верных Своих, говорит: «Окаяньства ради и нищих, воздыхания убогих... ныне воскресну и защищу град ради сего, но Мене ради и Семени прозябшаго из Давида, сына Моего, и новаго ради Иерусалима, егоже избрах». Ибо при нечестивом Ахаве сирийский царь, собравший против него бесчисленное войско, пошел на него войной, говоря Ахаву: «Аще отвориши Самарию дланьма, вся людии и пещца моя». Но вскоре легко сокрушил Бог, Податель всяческих благ, царя сирийского, предупредив треокаянного Ахава: «Се Аз дам его в руки твоя, да разумевши, яко Аз есмь Господь». И было по сказанному. И так вскоре все узнали силу Божию, и богодухновенный псалмопевец воспел: «Господь крепок и силен, Господь силен в брани» — в случившемся сражении израильтяне поразили 120 000 врагов. Настигла их кара Божия: когда оставшиеся в живых бежали в некий город, городская стена обрушилась и погребла под собой 27 000 человек.

Так и Фома с гордостью, присущей варварам, и с ассирийским коварством приступил к Константинграду, возомнив, что ему удастся с легкостью покорить Божий град, то есть город святого Константина. Но хотя осада, длившаяся целый год, и была попущена Богом по грехам нашим, не смог он ничего достичь из того, на что надеялся, но был побежден. Из-за своей гордыни лишился он и того, что имел, а сам вскоре погиб. Ибо не только жители Константинграда послали против него многочисленное войско, но и еще была им помощь, и они сражались с таким мужеством и одушевлением, что вскоре одержали победу, посрамив превозношение врага.

Ибо сила Фомы, на которую он уповал, всячески превозносась в своем безумии, ввергла его самого в ту яму, которую он готовил для врагов своих. Его многочисленные корабли были сожжены, лучшие воины и военачальники убиты и попали в плен, войско его рассеялось. Окруженный со всех сторон врагами, он пребывал в смятении и отчаянии.

Также все покоренные им города, непобедимые и несокрушимые, как ему казалось, были сожжены дотла и разорены. И так «Дом Давидов, Христов град, шествоваше и крепляшеся, дом же Саулов суп остатных труд шествоваше и изнемагаше», Бог же воистину прославлялся. И явст-

венно сбывалось на нем и другое великое слово: «И разори вся оплоты его, положил еси твердь его страх. Расхишаху вси мимоходящийи путем, бысть поношение соседом своим, вознесе десницу стужающих ему, возвеселил еси вся врагы его, обратил еси помощ оружия его и не заступи его во брани». И еще воспели живущие в Константинограде: «Вси во оружии, сии на конех. Мы же во имя Господа Бога нашего призовем и возвеличимся. Тии спяти и падоша, мы же востяхом и просветихомся». Божественное же слово, вновь предрекая скорое падение врагов их, говорит: «Чяда, творите пришедши от Бога на ны гнев. Погна бо враг твои и узриши его погибель въскоре и на выю его вступиши. Подвизайтесь, чяда, и возопиите к Богу. Будет бо вам нашедшу на вы в память. Ибо Наведыи на вы злая наведет на вы вечное веселие и спасением вашим». Итак, тщетно трудился этот окаянный, напрасно проливая кровь и недоумевая, почему его планы не осуществились и положение день ото дня ухудшается.

Через некоторое время Фома, узнав, что царь Михаил призвал на помощь болгар, тотчас пошел против них, сняв осаду с Константинограда.

И бился с болгарамии, и понеся большие потери, бежал в Аркадский град и там укрылся, пребывая в болезни и страхе.

Тогда бывшие с ним поняли, что они опрометчиво подчинились его злой воле, и, уразумев всю призрачность надежды на победу и добычу, страшась приближающейся гибели, мало-помалу начали оставлять город и покидать не оправдавшего их чаяний.

Михаил же, узнав об этом, не медля выступил из Константинограда с большим войском и устремился на него. После недолгой осады взяв город, Михаил предал поруганию поверженного Фому, поправ ногами шею его, как было принято по древнему обычаю, приказал отрубить ему руки и ноги, выколоть глаза, после чего рассечь на части.

Царь Михаил, чувствуя приближение своей кончины, вручает царский скипетр своему сыну Феофилу и вскоре умирает в ужасных мучениях от почечной болезни.

Царство 43-е, Феофила, который царствовал в Константинограде

После Михаила царствовал сын его Феофил 12 лет и 3 месяца, новый богомерзкий Валтасар, гонитель святых, подобный обоим звероименным и нечестивому Копрониму.

И попустил Бог за его беззакония напасть на царствующий град сарацинам, захватить его, разорить и сжечь. Жителей же одних убили, других взяли в плен.

Также на многих судах обошли окрестные острова, опустошив Крит и Сицилию.

И бушевали тогда стихии: то великий мороз, лютый и яростный, то дождевые потоки метались в воздухе, то бесчисленные бури и землетрясения, страшные и частые, обличали грехи и злодеяния властителя. Ибо, предавшись беззаконию, впал он в безумие, возобновив и усугубив скверную ересь навозоименного и обоих его единоверцев.

Лишь одно добро он имел — преславную, всечестную в женах божественную Феодору, сияющую словно жемчуг, словно рубин-камень. И хотя говорил божественный Давид: «Бог вселяет единомысленныя в дом», здесь же соединился гной с благовонным миром, бутон алой розы с сорняком колючим. Ибо была она словно ограда всяческим благим насаждениям, цветущий сад благодатный, древесная ветвь благоукрашенная; он же, напротив, как поле, заросшее тернием, кустарником зловерия, губящим души.

Теперь уже Феофил воздвиг гонение на Церковь, отвергая священные изображения и иконы Христа и мучеников Его, терзая нестерпимыми муками усердно чтущих святые иконы. Великого Мефодия он лишил престола.

И вместо него поставил Иоанна Грамматика, соучителя и поборника ереси, второго Нектанава и Анния, покровителя волхвов, а не патриарха, поистине нового Аполония или Валаама, явившегося в наше время, чародействующего над медным сосудом, злого пророка всякого нечестия, от него же и книгам научен был, и, прельщенный, стал окаяннм его слугой и полезным орудием. Воистину о таких Слово Божие: «Горе тому, иже тече в путь Каинов внидоша и в прелестную мзду Валаамлю растекоша и прекословием Кореовым погибоша». Таковые есть хулители и ненавистники, ходящие по своим страстям и похотям, своими злодеяниями и своим злонравием подобные как ветхозаветным нечестивцам, так и единоправному им Юлиану [Отступнику], которого обличал святитель [Василий Великий]. Ибо сказано: «Тако не имам плаката окаяннаго». Ибо ничего нет выше, чем за веру Христову пострадать, но примут воздаяние от Бога и те, кто будут шествовать путем страдания богословия ради и ради святых икон. И будет им благо: принявших муки тяжкие ожидает спасение. «Ибо яко земленьи лев слово всяко бывает бошью и всех прекланяет образ, точию единою больсти не может, тако и он всякими бысть и бысть Христианом кроме кротости, бысть бошью не человек ему и человеколюбезно послушливо душею и ответ сверепьствующи благостыни».

К нему же обращены такие слова: «Неразумный и невежественный! Ты на Церковь Святую и на всю вселенную посягнул! Кровопролитием ты осквернил Жертву Христову, противопоставив себя Тому, Кто Кровию Своей очистил грехи всего мира! Ты вместе с Иродом-гонителем, и

с Иудой, удавлением отвергнувшимся покаяния, и с Пилатом, и с иудеями. Поистине, собрав вкупе и Иеровоама, и Ахава с незаконными израильянами, и египетского фараона, и вавилонского Навуходонасора, всех их собрав воедино, их совокупным именем тебя наречем. Ибо вся злоба их явлена в тебе, собравшем и Иеровоамово отступление, и Ахавово убийство, и фараонову жестокость, и Навуходонасорово святотатство. Где теперь их жертвы, праздники и таинства? Где победы, слава и бесславие? Где чудеса провещаний и знамения, явленные их волхвотателями? Где гонения на христиан и угрозы? Все были изгнаны от лица Божия за грехи свои, подобно сну исчезла слава нечестивых. Подобно тому, как пал Вил и сокрушился Дагон, так исчезли и все они. Да памятно будет всем, как бесславен конец безумных, которым даруется власть».

И нынешним нечестивым властителям недолго уже ожидать, когда увидят они плоды деяний своих, увидят они и того, кто научал их всякому злу, стенающего от постигшего его воздаяния, и сами будут пребывать в мучениях за свои грехи и беззакония.

Феофил после многих притеснений низвел с престола исповедника Христова, патриарха Мефодия, и осудил на изгнание на безвестный малый остров, где, как в склепе, святой был заключен в пещере, словно жемчуг в сосуде глиняном, словно бутон розы в тернии, и с ним два злодея разбойника.

Когда один из разбойников умер и злосмрадие тления наполнило пещеру, патриарх, этот непоколебимый духом страдалец, терпел то, что, казалось, камень не смог бы вынести. Другой же разбойник, хотя и был отпущен, но не пожелал уйти и, пребывая в той мрачной пещере, стал ревностным последователем святого Мефодия, подобно солнцу, лучами чистого своего жития осветившего его жизнь.

Воссиявших же житием и словом своим ярче звезд блистающих и лучей солнечных великого Михаила Сингела и учеников его, Феодора, Феофана и Иова, обличивших неверие Феофила, истерзал он тяжкими и лютыми муками, так что кожа их была рассечена ударами воловьих жил.

В тех муках великий Михаил от жития земного преставился, лица же святых Феофана и Феодора были заклеены до самых глаз такими амврийскими стихами: «Всякому, кто желает явиться в город сей, где ступали пречистые ноги Бога-Слова ради спасения мира. Явились в этом святом месте сосуды лукавства и бесовской прелести. Содеяв своим зловерием множество скверных и богомерзких деяний, злочестивым мудрованием, как отступники, далеко отогнали они себя от Иерусалима, но и к сему державному Царюграду прийдя, не оставили злого

безумия. Поэтому пишем так: осуждаются они как злодеи и изгоняются отсюда».

Святые же несли клеймение на лицах своих, как носят жены жемчужный венец, сияющий драгоценными камнями. По пути в изгнание они встретили некоего рыбака, который приносил еду патриарху Мефодию.

Тогда написали они великому Мефодию, находящемуся в темнице, краткую записку амврийским стихом: «Живого мертвеца и мертвеца живоносного, живущего на земле и ходящего на небесах, приветствуют начертанные, пленники пленного».

Он же написал им в ответ: «В книги небесные поименно вписанных, целомудренных, имеющих лица начертанные, погребенный заживо приветствует святых витий, гонимых, подобно ему, за Истину». И эти златые слова были словно животворные струи, исходящие из Божественного источника.

Святой Феодор в изгнании отошел ко Господу, и в час его кончины было слышно пение ангелов, и его голос звучал вместе с ними. Добрый же подвижник, великий Мефодий, заточенный в мрачной, наводящей ужас пещере, претерпел сокрушение зубов, раздробление челюстей и все прочие мучения, которыми нечестивые бесчеловечно истязали его, и был он словно твердое железо на наковальне под молотами бьющими.

Царь же Феофил, будучи безмерно жесток и изобретателен на всякое зло в отношении иконопочитания и его сторонников, вместе с тем был весьма мудр и великодушен в делах государственного правления, заботился о принятии справедливых законов и об исполнении их в судах. Свидетельством величия его царствования стало и обновление стен царствующего града, разоренных агарянами, а также пострадавших от сильного мороза в год, когда замерзло море, от сменившего холод зноя и от непрестанно дувших горячих ветров. Подобно тому, как разрушаются великие горы, стали разрушаться и стены города. Он же не только обновил их, но и придал им еще более величественный вид, истощив на это многочисленные сокровища.

Создал он и диковинный орган, затейливо украшенный златоковаными деревьями с сидящими на их ветвях птицами, выполненными настолько искусно, что, казалось, в звуках чудесного дыхания музыки слышится сладкоголосое пение птиц певчих, сидящих на тополиных ветвях или на островерхих кипарисах. Так у людей одаренных удивительные творения рук их словно оживают.

Кроме того, удивляет меня его любовь к справедливости и нелицеприятие в судебных делах. Предложу этому несколько примеров, словно чашу воды из моря или глоток на пробу из сосуда. Пришла как-то к

Феофилу бедная женщина с жалобой на знатного и богатого патриция по имени Петроний (греки называли его Донгар). Горько сетуя и плача, она стала умолять Феофила быть ей заступником. Петроний построил себе огромный дом рядом с ее домиком, и тень от него совершенно затмила ей солнечный свет. Не в силах терпеть это, она вынуждена покинуть свое жилище.

Выслушав ее и узнав подробности дела, царь убедился в виновности Петрония и повелел дом его, полностью загородивший свет женщине, разорить до основания, его же самого вывести на торговую площадь и бить воловьими жилами.

Но не только в суде защищал справедливость царь Феофил. Его сердце было свободно и от лихоимства. Не хотел он, к примеру, наживаться на торговле вином, о чем свидетельствует следующее.

Как-то раз царь стоял на возвышенности неподалеку от царского дворца, там, где находилось знаменитое изваяние, высеченное из прекрасного мрамора — белоснежный могучий вол, поверженный и терзаемый львом (почему и называлось это место Воловий торг). Царь окинул взором море и увидел нагруженный корабль, плывущий к берегу. Легкий ветер подгонял его, и он уже приближался к пристани. Тогда царь спросил: «Чей это корабль и откуда он?» И когда услышал, что корабль вместе с грузом принадлежит царице, скорбью исполнилось его сердце.

Призвав царицу и расспросив о корабле, он воскликнул: «О, царица! Где достоинство царское, во что оно превратилось? Греческий царь оказался купцом и виноторговцем! О горе, хуже торговца!» И, сказав это, повелел сжечь пламенем огня-всеядца нагруженный доверху корабль вместе со всем товаром. Он настолько восстановил справедливость, что повелел долгое время узнавать, не имеет ли кто с кем тяжбы, и не находилось таких.

Сам же царь Феофил весьма прилежал чтению книг. Подобно трудолюбивой пчеле, собирающей нектар с полевых цветов, изучал он Священное Писание. Когда же ему попадалось место, трудное для понимания, он делал пометы на восковой дощечке, надеясь, что разъяснят ему то, что не смог он постичь своим разумом. Но никому из сведущих в Писании, людей мудрых и книжных, не удавалось это, и царь весьма об этом скорбел.

Видя его печаль, один из постельничих царя начал воздавать хвалы великому Мефодию и поведал Феофилу о его мудрости, многой учености и богопросвещенном уме (или по Промыслу Божию, или из-за того, что хранил в своем сердце любовь к богоносному мужу). Услышав это, царь забыл о своей вражде к святому Мефодию. И кто не удивится та-

кому усердию царя, желающего постичь сокровенное в Писании? Если бы не погубило его сердце терние еретичества, то уже одна любовь к справедливости, а также усердие к постижению Слова Божия могли бы покрыть все его грехи.

И, желая утолить свою жажду познания, царь Феофил освобождает святителя Мефодия из пещеры, словно жемчужину из раковины, или звезду из облаков, или солнце светозарное. И воссиял сей светильник, светлыми лучами блистающий, и осветил все вокруг, отгоняя тьму ереси и мрак неведения. Полагаю, что Видящему бездны и на Херувимах Сидящему было угодно поставить святителя Мефодия как неприступный град на горе, чтобы сокровище это не было сокрыто, как светильник под спудом, во тьме пещеры.

Царь Феофил, освободив святителя Мефодия, с честью поселяет его во дворце, как многоценное достояние, как некрадомое сокровище, как драгоценный камень блистающий, как светильник ведения для неразумных и непросвещенных. И пребывал возле него царь, словно жаждущий при животворных струях Нила, обильно черпая воду его учения и разума. Таково было усердие царя Феофила в познании истины. Но не смог он избавить свое сердце от терния иконоборческой ереси, и оно подавило все благие семена его стремлений и деяний. И постиг его гнев Божий за все зло, которое он сотворил святым Его.

Феофил же, чувствуя, что приближается его время перейти через реку тленного сего жития, чего никому из носящих бренную плоть, ни благому, ни злomu нельзя избежать, возлагает венец на своего юного сына Михаила, а соправительницей назначает его мать Феодору. До этого времени она тайно исповедовала иконопочитание и была подобна Никодиму: по преданию, робкий сердцем и несмелый умом, он, когда пришло время, стал открыто проповедовать Христа, и благовестив его было смело и громогласно.

О смерти Феофила. И постигла Феофила тяжкая предсмертная болезнь, долги взыскующая, и начала быстро разрушать его тело. Она была столь мучительна, что желал он скорее разрешиться от этой жизни. Страшно было видеть, как уста и челюсти его разверзлись настолько, что стали видны внутренности.

Царица же, видя все это и тяжело страдая, горько плакала о своем муже, жившем столь нечестиво. Однажды, когда жизнь царя уже подходила к концу, царица, ненадолго уснув, увидела во сне Пречистую Богородицу, держащую Превечного Младенца, окруженную светлыми ангелами, и Феофила, мужа своего, без милосердия подвергаемого истязаниям и поруганию. И тотчас она пробудилась ото сна.

Феофил же, очнувшись, немного приподнялся и воскликнул: «О горе мне, окаянному! Из-за святых икон меня бичуют». Тогда царица, с молитвой взяв икону Пречистой Богородицы, плача, приложила ее к устам Феофила. И тотчас сомкнулись его уста, и взгляд стал осмысленным.

Пришедший в себя Феофил увидел рядом с собой икону и, взяв ее, поцеловал. Тотчас дерзкие уста его, хулившие святые иконы, приняли естественное положение, и он уснул, уже исповедуя иконопочитание. Царица же вынесла из своих ковчегов святые образы и принесла их Феофилу, чтобы он окончательно утвердился в православной вере.

Вскоре после этого Феофил отходит от временного сего жития и умирает.

Царство 44-е Михаила и Феодоры, утвердивших почитание святых икон

После смерти Феофила царский скипетр перешел к его сыну Михаилу, и правил он вместе со своей матерью Феодорой 4 года. Наставниками же Михаила были назначены патриций Феокист и главный магистр Мануил.

Но вскоре, после возникшего между ними противостояния, Мануил удалился из дворца в свой дом, который находился около так называемой Аспаровой цистерны (городского резервуара для хранения воды). В своем доме он принимал иноков, хотя сам был знатного происхождения.

Феодора была верна Православию еще тогда, когда был жив ее муж, чтילה святые иконы и прикладывалась к ним. Теперь же, как по собственному желанию, так и наставляемая Феокистом, патрицием и каниклием логофетом (то есть хранителем царской чернильницы), царица Феодора повелела низложить и изгнать из столицы патриарха Анния, иконоборца, скорее вождя бесов и волхвов, чем патриарха. И отправила его в заточение в один из монастырей, в место, называемое Кноч. Там, спустя некоторое время, этот незаконник пронзил очи изображенным на иконе Спасу Христу и Его Родившей и двум архангелам.

Царица же, воспылав божественной ревностью, повелела его самого ослепить и подвергнуть двумстам ударам воловьими жилами.

Когда же он умер, царь Михаил повелел тело его, как и скверное тело Копронима, извлечь из гроба и предать поруганию — влачить по всему городу, избивая маглавием, то есть дубинами.

Христова же исповедника Мефодия царь Михаил возводит на престол и поставляет, как светильник на подсвечнике, дабы отогнал он тьму еретическую. И всех православных, находящихся в изгнании и в темницах, избавляет от уз и освобождает.

В ту пору, промыслом Божиим, к преподобному Иоанникию Великому, подвизавшемуся в Олимбовых горах, пришел святой отшельник Арсакий, говоря ему: «Бог послал меня к тебе, чтобы мы вдвоем пошли в Никомидию к преподобному мужу, затворнику Исайе, и от него узнали о том, что угодно Богу и полезно Его Церкви».

И когда пришли к преподобному Исайе, то услышали от него: «Так говорит Господь: "Близится конечное изобличение врагов Моих!" Вы же, придя к царице Феодоре и к патриарху Мефодию, скажите так: "Удалите от себя всех неправоверующих, и тогда с Ангелами принесите Мне жертву, почитая изображение Моего лика и Креста"». Они же, услышав это от преподобного Исайи, поспешили в Константинополь и возвестили сказанное патриарху Мефодию.

Тогда патриарх собрал всех архиепископов и весь священнический и иноческий чин, и все они пришли к царице. И согласилась царица с ними во всем, что было ей возвещено, поскольку с детства была воспитана в благочестии и любви к Богу.

И, достав бывший у нее на груди образ Христа и Богоматери, царица поцеловала его на глазах у всех, говоря, что «если кто иконам не поклоняется как должно (то есть не служебно, не как богам), но как образам Первообразов, по любви к Ним, да будет анафема!» И возрадовались тогда все радостью великой.

Царица же, припав к ногам патриарха Мефодия, умоляла его повелеть всем епископам, игуменам и монахам, а также всем священникам молиться за царя Феофила, чтобы Бог простил его и избавил от вечных мук. Патриарх же был в сомнении, не решаясь молиться за такого. Плачущая царица едва умолила его, и тогда патриарх сказал: «Воля Божия да будет!»

И повелел патриарх Мефодий всем епископам, преподобным, священноинокам и монахам — всему причту и архиереям Греческого царства — собраться в Великой церкви.

Среди них были такие воины Христовы, как Иоаникий Великий и Арсакий из Олимба, ученики Феодора Студита, Феофан Исповедник из Великого Села, Михаил Святоградец, синкелл и исповедник, Феофан и Феодор Начертанные и множество других, и все они совершали всенощное моление Богу о Феофиле. И таковое усердное моление было единодушно со слезами приносимо всю первую седмицу Великого поста. Молилась с ними и сама царица Феодора с прочими женщинами и со всем народом. И так непрестанно молилась царица Феодора и под утро в пятницу первой седмицы задремала, изнемогая от сугубого поста и долгого бдения. И увидела во сне, будто оказалась она у крестного стол-

па, и что какие-то люди, стеноя, идут по дороге, неся различные орудия мучений, а среди них ведут царя Феофила со связанными за спиной руками. Узнав его, царица последовала за ними. И вот, когда достигли они Медных врат, она увидела там некоего Дивного Мужа, сидящего перед образом Христа, перед Которым и поставили Феофила. Припав к Его ногам, царица стала молить о Феофиле. Преславный же Сей, помедлив, отверз уста Свои и изрек: «О, женщина! Велика вера твоя! Итак, знай, что ради твоих слез и твоей веры, а также ради молитвенных прошений рабов Моих и священников Моих даруется прощение мужу твоему Феофилу».

После этих слов приказывает Он приведшим Феофила: «Развяжите его и отдайте жене». И, взяв мужа, отошла она, радуясь.

Тотчас проснувшись, царица Феодора поведала о своем видении патриарху и находившимся с ним. Патриарх же Мефодий, когда начали возносить молитвы и прошения за царя, взяв чистый свиток, написал на нем имена всех царей-еретиков и с ними имя царя Феофила и положил в Великой церкви под святой престол втайне ото всех.

Наутро же пятого дня, во время молитвы, увидел патриарх Мефодий в Великой церкви грозного Ангела, возвестившего ему: «Услышана твоя молитва, епископ, царь Феофил получил прощение. Отныне более не докучай о нем Богу».

Тогда патриарх, желая узнать, истинно ли виденное им, решил посмотреть свиток, который он положил под святым престолом. И, взяв его, увидел, что судьбами Божиими совершенно заглажено имя Феофила, а всех иных царей имена остались. Об этом он рассказал царице. Царица же премного возрадовалась, получив это известие.

В тот же день многие отшельники пришли, говоря, что Феофил прощен. И самому патриарху, когда служил он в субботу в церкви и молился за Феофила, свыше был голос, слышимый всеми: «Ради молитв Моих святителей даровал Я прощение Феофилу. Но впредь не дерзайте молиться за таких, ибо не послушаю Я вас».

Возрадовалась царица Феодора, получив извещение о своем муже, и послала к патриарху и всем людям, повелевая созвать собор, назначив его на 1-е воскресенье Великого поста, чтобы все с крестами и честными иконами собрались в Великой церкви для возвращения ей красоты священных изображений, и да будет всем возведено новое чудо о царе Феофиле, и да будут все, собравшиеся со свечами, и царица с сыном своим Михаилом, молиться об утверждении Православия.

Утром в первое воскресенье Великого поста патриарх и все епископы, священники и множество людей вышли со святыми иконами, с

честными крестами и со святыми Евангелиями и шествовали до места, называемого «Поприще», возглашая: «Господи, помилуй!» И, возвратившись снова в церковь, свершили Божественную Литургию и пропели «Вечную память» всем благочестивым и право исповедующим веру, нечестивых же иконоборцев и всех еретиков предали анафеме. После чего избранные святые мужи восстановили на прежних местах святые и честные иконы и возвратили Церкви былое благолепие. Всем было возвещено новое чудо Божие. С той поры святые исповедники определили торжеству сему быть ежегодным в первое воскресенье Великого поста во славу Божию. Мы и ныне чтим память о сем соборе и празднуем прославление святых и честных икон, безбожных же еретиков предаем анафеме.

Затем царица устроила во дворце торжественный обед для святых мужей и сама почтила его своим присутствием. Был здесь и златоустый Феофан, епископ Никейский, лицо которого было обезображено пыткой. Содрогнулась царица Феодора, взглянув на него и удивляясь его мужеству и долготерпению. Он же, увидев это, сурово и с горечью сказал ей: «Видишь, царица, эти язвы на моем лице? За них я буду судиться с мужем твоим там, где Судия Всех судит неподкупно, невзирая на лица, на одеяние царское и не страшась сильных мира сего».

Затрепетала царица, услышав это, и из глубины души воскликнула: «Разве же это обещали мне о царе ты, о достославный муж, и весь собор?» Тогда божественный Мефодий, златоустый пастырь стада Христова Нового Рима, возразил на дерзкие слова Феофана и утешил благочестивую царицу.

Словно умягчающим елеем врачевал он ее душу своими словами, отогнав тучи слезные и успокоив тяжкую бурю в ее сердце, говоря: «Подивимся же, братья, человеколюбию Господа Бога нашего! Столь осквернивший себя человек после смерти помилован! И уразумейте, что могут сделать молитвы святителей Его, если избавили Феофила от муки вечной! Подивимся же и вере и любви к Богу блаженной царицы Феодоры. Сколько претерпела она горестей, как заботилась о спасении мужа своего. Не жалела ни золота, ни серебра, все раздавая нуждающимся. Чтобы избавить мужа от мук, всех призывала она молиться Богу за него, не только святителей, но и черноризцев, и убогих, и вдов, и сирот, и так мужа своего после смерти избавила от мук своей милостыней. О подобных женах сказано, что такая и после смерти мужа спасет. Но нелегко найти таковых среди жен нынешних, а чаще встречаются те, которые о смерти мужа не печалются и во всем всегда ищут только выгоду себе. Истинно же богобоязненные жены стараются делать благое мужьям, даже не ведающим этого, подают милостыню ради Бога и

мужей своих побуждают подавать. Иные же возбраняют мужьям своим подавать милостыню, хотя это полезно всем, кто скорбит в жизни своей. Одна у человека душа и единожды отпущено ему время для жизни. Не надейтесь же спастись чужими даяниями. Зная это, приложим все усердие, чтобы очиститься от грехов наших в эти святые дни Великого поста, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа и святых Его исповедников, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

О клевете на патриарха Мефодия. Еретики же, тайно исповедующие иконоборчество, увидев, что Анний удален с патриаршего престола, а Мефодий возведен на него, подкупив дарами некую блудницу, подослали ее к патриарху Мефодию и обвинили его в прелюбодеянии.

Тогда, желая прекратить соблазн, он перед всеми обнажил свои тайные уды. И все увидели их совершенно иссохшими. Он же поведал им: «Однажды, когда я был в Риме, смущал меня бес блуда. И стал я молиться святому апостолу Петру, чтобы избавил он меня от такового томления. Он же, явившись ко мне ночью, правой рукой коснулся чресл моих и сказал: "Более не будет тебе сего". Пробудившись, с трудом мог я двигаться, с тех пор и пребывает плоть моя умерщвленной донныне, как видите». И все прославили Бога.

Пока Михаил был мал, его опекала добродетельная мать, царица Феодора, разумно, словно мудрый кормчий, правившая многообремененным кораблем царства.

Когда же Михаил достиг юношеского возраста, то безмерно пристрастился к сластолюбию, пьянству и блуду, уподобившись Нерону. Всю казну он расточил на окружавших его актеров, шутов, возничих колесниц и прочих нечестивцев, падких на изысканную пищу и упивающихся уже с утра; все дни проводя с блудницами, забавляясь и прелюбодействуя, подобно прежде царствующему Сарданапалу, последнему преемнику Нина, Михаил также пьянствовал и распевал непотребные песни. И закончил он свое мерзкое житие подобно Актеону, растерзанному своими же псами, нападшими на него как на зверя.

В ров каких только страстей не ввергали Михаила окружавшие его лицедеи с бритыми бородами и набеленными лицами! Дошло до того, что он сам ездил на златокованой колеснице, запряженной четверкой коней.

Царская казна тем временем истощалась; всякий же сброд, окружавший царя, обогащался. Так недостойно и беспутно проводил Михаил свою жизнь, часто появляясь один, без телохранителей и оруженосцев, у городского ипподрома, бесстыдно развлекаясь зрелищами и радуясь конским состязаниям. Даже не стеснялся брать на руки детей возничих, участвующих в скачках, словно отец чадолюбивый.

Все жилы золотые, то есть сокровища царские, он истощил на свои бесчинства и на лицедеев, его окружавших. Канули туда же и драгоценные украшения прежде бывших царей, и золотые деревья с птицами сладкоголосыми, и цельнозолотые кованые львы. Все, что ранее украшало царский дворец и услаждало взоры, что еще царь Феофил так усердно собирал для прославления греческого царства, пущено было по ветру и попусту растрчено на его гнусные забавы.

И если сначала дерзость этих бесстыдных, проводивших жизнь подобно скотам, распространялась на окружавшее их, то, ведя себя день ото дня все разнузданнее, дошли они, наконец, до того, что стали кошунствовать над Святыми Тайнами, которых трепещут и Серафимы. Святотатственно представляя совершение Литургии, они вливали горчицу в потир, устраивая игрища там, где нет места игре, и насмехаясь над тем, над чем смех неприемлем. Мать, видя подобную жизнь Михаила, своего сына и греческого царя, скорбела в сердце своем и возмущалась душой, стараясь своими увещаниями образумить его и отвлечь от мерзких и скверных дел. Но это было все равно что обращаться к умершему или петь глухому.

Царица Феодора послала логофета Феокиста на кораблях с многочисленным войском, чтобы вернуть грекам Крит, захваченный агарянами.

Хорошо вооруженное войско сначала устршило агарян, и они не могли противостоять грекам.

Тогда агаряне распустили слух, будто Феодора передала царство иному царю. Пораженный этим известием, никем же гонимый Феокист сел на корабль и спешно возвратился в Константиград, покинув свое войско.

Воевавший же против греков Амер пленил почти все их войско, и лишь немногим удалось возвратиться назад.

Вскоре Михаил и Феодора опять послали того же логофета Феокиста, которому продолжали доверять, с большим войском против агарян. И бился он с Амером у Чермной реки, и возвратился побежденный. Многие были убиты, другие же сами перешли на сторону Амера из-за суровости Феокиста.

Феокист же вновь возвратился в Константиград ни с чем. Когда же обсуждались военные действия, Варда, брат царицы, возложил вину за поражение на Феокиста, говоря: «Он виновен в гибели греческих воинов».

Тогда Варда по повелению Феодоры был изгнан из Константиграда. Феокист же, имея все еще большое влияние на царицу, построил себе дом и баню, разбил сад в месте, ныне называемом Апсидой, находящем-

ся близ царского дворца, а для безопасности во дворце Дафнии устроил железные ворота и повелел стеречь их сановнику [папию].

Тем временем царь, проводивший время в охоте, скачках и в прочих нечестивых забавах, возмужал. И полюбилась ему Евдокия Иеросовна. Узнав об этом, царица Феодора и Феокист, ненавидящие ее за бесстыдство, раздумывали, что же делать. И тогда решили женить Михаила на Евдокии Декаполитовне. Венчание состоялось в церкви святого Стефана. Во дворце в Дафнии был устроен брачный чертог, в Магнавре же, палате для торжественных приемов, в зале 19 акувитов, на пиршественных ложах возлежали приглашенные вельможи.

О Василии Македонском

Пришло время рассказать о Василии, откуда и из какого рода он происходил. Существовало некогда село Липра близ главного македонского города, который изначально по имени Ореста назывался Орестград. Потом греческий царь Андриан, созидавший этот город, переименовал его в свою честь в Адрианополь. Родители Василия не были ни имениты, ни знатны, не имели ни земель, ни стад, ни сел, но жили за счет труда своих рук, и до самой смерти не удавалось им выбраться из нищеты.

В то время болгарский царь Крум покорил многие области греческого царства и, погубив весь цвет юношества, многих уведя в рабство, наполнил пленниками свою землю. Простертой болгарской дланью был пленен и Василий, словно златоперая птица безжалостными силками ловца. Вырвавшись же из плена, словно выпорхнув из болгарских сетей, Василий тотчас вернулся на родину (Македония тогда была областью Греческого царства), надеясь найти себе достойную службу, ибо натерпелся от прежней нищенской жизни. Многое испробовав, он понял, что труды свои сеял на бесплодной земле. Тогда он оставляет своих близких, родившую его землю и, все предпринятое почитая за ничто, приходит в Византию, в царствующий град. А поскольку там было множество людей знатных и богатых, то Василий, одетый в рубище, не имеющий за душой ни серебра, ни золота, был всеми пренебрегаем и мог надеяться только на свои руки.

Однажды он спал у врат церкви святого мученика Диомида на некоем каменном возвышении. И был голос к церковному стражу, пробудивший его и повелевающий ввести царя в храм. Пономарь вскочил с постели, поспешил к церкви и нашел там спящего Василия, нищего, лежащего в грязном рубище с неомытыми ногами. Посчитав услышанное вражескими кознями, он вернулся обратно.

Но когда он уснул, видение повторилось. И опять он не внял ему. Тогда в третий раз явился ему Грозный Муж и ткнул его жезлом в ребра,

говоря: «Тот, кого ты видел лежащим вне дверей, и есть царь. Встань и введи его в церковь!»

Тогда, наконец, он понял, что это не сон, и ввел Василия, одетого в рубище и носящего посох, в храм. Наутро же омыл его, облачил в достойные одежды, посадил с собой за стол и стал обращаться с ним как с братом. Был же Василий сильным и храбрым, руку имел твердую, грудь мощную и мышцы крепкие.

В это время кесарийский военачальник привел царю Михаилу прекрасного, но необъезженного коня. И никто не мог удержать его, чтобы посмотреть его зубы и узнать, сколько ему лет, чем царь был весьма раздосадован. Тогда рассказали ему о Василии. Царь, призвав его, повелел ему укротить того коня. Василий же одной рукой усмирил его, и стал тот кротким, как ягненок.

Тогда царь сначала доверил ему попечение о царских конюшнях, сделав его комитом, а когда Василий доказал царю свое мужество, то наречен был паракимоменом, или постельничим. Должность же эта у греков считается весьма почетной.

Царь Михаил весьма радовался о Василии и привел его к матери своей, царице Феодоре, со словами: «Посмотри, какого славного мужа я обрел!» Взглянув на Василия, царица отвечала Михаилу: «Видишь ли, о, царь и чадо мое, этого мужа, могучего и крепкого, столь высоко тобою чтимого? Весь род наш — о, горе! — поглотит и погубит он, словно змей, словно птица заклюет птенца худшего». Но не внял царь словам матери.

О лишении царицы Феодоры царства

У царицы Феодоры был брат по имени Варда, человек злокозненный и развращенный. Проникнув в сердце Михаила, словно червь в сладкое древо, источил его настолько, что убедил отстранить от управления царством и удалить от себя мать свою, царицу Феодору. Также Варда советовал царю убить логофета Феоктиста, пользующегося расположением царицы, поскольку завидовал ему, понимая, что пока Феоктист приближен к царице, не сможет он завладеть царством.

Однажды, встретив идущего Феоктиста, Варда со своими приближенными напал на него и, убив, разрубил на части. Узнав об этом, царица Феодора обрушила свой гнев на Михаила и на убивших Феоктиста. Горько рыдая, с тяжелыми предчувствиями удалилась она в опочивальню.

Михаил же, по наущению Варды, доставлял своей матери различные скорби. Так, он изгнал из дворца ее дочерей, своих сестер Феклу, Анастасию и Анну. С ними же отправил в Сардийский монастырь и любимицу матери его, благочестивую Пульхерию, заставив ее принять постриг.

После этого, также по наущению Варды, и мать свою Феодору удалил из дворца и отправил в тот же монастырь. Покидая дворец, царица Феодора оставила в ризнице 1090 золотых кентинариев (один кентинарий соответствует 150 литрам, а литра по весу равна полдвугривенке), а также множество серебра и драгоценных одежд. И все это Михаил расточил с беспутными своими забавниками.

После этого Михаил царствовал 10 лет. Василия он назначил на место умершего старшего седельника, а Варду, своего дядю, сделал куропалатом, то есть начальником дворцовой стражи.

Сына же Варды, по имени Антигон, царь Михаил утвердил в должности доместика схол (командующего корпусом столичных войск). Другого же его сына женил на сожительнице Варды и поставил великим стратегом в западных областях царства, где тот и умер.

По прошествии недолгого времени, в среду Светлой седмицы, царь Михаил пожаловал Варде, своему дяде, титул кесаря, и тот, приняв власть, стал соправителем Михаила. Михаил же вверил ему управление городом.

Амер, дойдя до Писидического града, разорил прибрежные земли и возвратился обратно, не дожидаясь прихода греческих войск.

О прелюбодеянии кесаря Варды

Когда божественный Мефодий отошел ко Господу, на патриарший престол был возведен святой Игнатий, сын царя Михаила Рагкавея, оскопленный Львом Армянином.

Кесарь же Варда не только постепенно прибирал к рукам царство, но и дошел до столь тяжкого беззакония, на которое не дерзнул бы ни скиф, ни перс, ни язычник. Открыто, словно с законной супругой, начал жить он с женой сына своего. О, сила блудной страсти! Об этом беззаконии стало известно великому Игнатию, патриарху Нового Рима, ибо все царство обошла весть об этой мерзости: на всех перекрестках дорог, в каждом доме рассказывалось об этом.

Святитель грозно обличал кесаря Варду, устрашал его страхом будущих мук и всячески подвигал на отсечение страсти. Но истинна Соломонова притча, возбраняющая обличать безумных, ибо обличения для нечестивых подобны мозолям и, словно стрелы, уязвляют их злые сердца. Так и кесарь, разгневанный словами святителя Игнатия, которыми тот досаждал ему, не только не вразумлялся его поучениями, но и затаил вражду к святителю, подобно тому как покрытые струпьями, врачуемые неким благодетелем, не только убегают, не терпя боли, но еще и гnevаются на него.

Однажды Варда, желая причаститься Святых Христовых Тайн, не получил сего Божественного дара, будучи отлучен патриархом, ибо не должно вливать драгоценное миро в негодный сосуд.

Словно лев рыкающий, распалился тогда кесарь Варда гневом на патриарха, словно рысь, набросился на него и, по совету Михаила, низверг святителя с патриаршего престола. А на его место поставил протосинкрит Фотия, возглавлявшего царскую канцелярию. О, горе! Кого же поставил и вместо кого! Надвигалась страшная буря, угрожавшая потопить святителя Игнатия. Злоба кесаря, подобная дыханию бурного северного ветра и свирепого западного, подняла ее, и грозно вспенились волны. И какими словами можно описать, к скольким ухищрениям прибегли Фотий и Варда, какой клевете и насилью подвергли святителя, желая принудить патриарха собственноручно написать, будто он по своей воле оставляет патриарший престол!

Затем, сведя с престола, святого подвергли жестоким истязаниям: его, словно разбойника и злодея, били по лицу, сокрушили ему челюсти и выбили зубы, а затем, нагого, связанного, положили в холодный, полный нечистот мраморный гроб, в котором было погребено скверное тело Копронима.

Но не был оставлен Богом святитель. Господь послал ему некоего Константина Армянина, который, желая доставить хотя бы малое утешение праведнику, стал тайно приносить ему стеклянный сосуд с вином и немного овощей. И делал это до тех пор, пока Варда не был убит, а незаконный Фотий изгнан, и об этом будет поведено в свое время.

О крещении болгар

В одной из битв попала в плен к грекам сестра болгарского князя Бориса. В плену она приняла святое крещение.

Сбылось это при царе Михаиле. Жила она в царском дворце, и там ее обучали грамоте. Потом ее обменяли на находившегося в болгарском плену знатного человека по имени Феодор Кифара.

Она же, возвратившись, стала учить своего брата истинам христианской веры. В то время в Болгарии начался и стал быстро распространяться страшный недуг — проказа, и многие умирали. Когда же царь, вняв увещаниям сестры, уверовал во Христа, эпидемия прекратилась.

Тогда князь отправил в Царьград посольство с просьбой прислать архиерея, желая принять крещение.

Болгары же, узнав об этом, вознамерились убить его. Он же с дерзновением противостоял им крестным знаменем и победил их, имея перед собой Божественный крест. Тогда весь народ пожелал креститься.

О князе болгарском

Болгарский князь Борис пришел в Царьград, прося крестить его со всеми приближенными, что с Божией помощью и свершилось. Его восприемником стал сам царь, и нарек ему имя, которое носил — Михаил.

О другом князе болгарском и о крещении всех болгар, которое состоялось в 6371 году

Царь Михаил и кесарь Варда, узнав, что в Болгарии сильный голод, выступили со своим войском против болгарского князя, двигаясь по суше и морем.

Измощенные и одержимые сомнениями болгары пришли в ужас и, не дожидаясь начала битвы, стали просить о крещении, изъявляя свою покорность грекам.

Тогда царь крестил их князя и, будучи его восприемником, нарек ему Симеон.

Болгарских же вельмож царь Михаил привел в Константиноград, где крестил и, заключив мир, с великой честью отпустил.

Так все болгары приняли святое крещение.

В лето 6377-е царица Феодора отдала болгарам пустующие греческие земли от Сидиры до Девлета, которые они называли Загорие, и с тех пор болгарские князья стали именоваться царями.

Царь Михаил и Варда пошли войной против нечестивых измаилитов и Амера, принесших грекам столько бед, на Мелетинию и Самосатский град. Царь с войском подошел к городу и осадил его. На третий день осады (в то время, когда греки собирались приобщиться Святым Христовых Тайн) внезапно отворились городские ворота. Из них с оружием в руках выступили агаряне и обратили царя со всем греческим войском в бегство, захватив его шатры и брошенное им имущество.

Прошло два года, и царь Амер с войском выступил против греков. Царь Михаил вышел ему навстречу и расположился лагерем недалеко от города Дозимона.

Подошедший же к Зелисе Амер вывел свое войско на Хонарьское Началась битва, и царь Михаил был обращен в бегство.

И едва удалось царю пробраться через скалы и укрыться в малодоступном из-за острых камней месте, называемом Анзи. Но враги и там настигли и окружили его. И не мог царь придумать, как ему спастись.

Тогда Мануил, дядя его матери, сказал: «Сними с себя красные сапоги, царь, и все знаки царского достоинства. Я же отберу 500 воинов, и с ними мы вырвемся из окружения». И отважно устремившись на врагов, хранимый силой Честного Креста, Мануил прорвал их строй.

Царя же внезапно охватил страх, и он возвратился. Не увидев царя рядом с собой, Мануил повернул обратно и пробился к царю. Тем временем у Амера закончились запасы воды и пищи, и чтобы пополнить их, он отступил к месту, называемому Пидора. Это спасло царя и помогло избежать рук врагов.

И снова Амер выступил против греков. Тогда стратиг Фракийской фемы Петрона, брат царицы, которого царь поставил во главе греческих войск на востоке, собрав войско, устремился навстречу Амеру.

Тем временем некий перебежчик от греков пришел к Амеру и сказал: «Знай, Амер что стратиг Петрона, родственник царя, объявил, что идет на тебя войной. Собрав воинов из разных сословий, он готовится выступить».

Тогда Амер созвал своих приближенных, чтобы те дали ему совет, как поступить. И они предложили: «Возвратимся восвояси, ибо первой победы нам довольно».

Но Амер не послушал их и выступил против Петроны. Вскоре войско его было разбито, а сам он погиб от меча.

Одному лишь его сыну с несколькими воинами удалось переправиться через реку Алию и бежать, но в Харсианской области их настиг воевода Махера, по-нашему Ножевник, и всех взял в плен.

Он привел сына Амера в Константинополь и выставил на ипподроме на всеобщее обозрение как военный трофей. С тех пор, после убийства Амера, воцарился мир на востоке.

Некоторые же говорили, что Варда, одержав с братом такую победу, вознамерится теперь захватить единоличную власть. Пока же он, заботясь о науках, собрал отовсюду ученейших мужей и устроил школу в Магнаврском зале царского дворца. В ней предполагалось изучать различные науки. Преподавать философию кесарь Варда пригласил Леонта Философа, геометрию — его ученика Феодора, звездозаконие, то есть астрономию — Феогидисия, а грамматику — Комитаса.

Царь же Михаил в это время построил конюшню для своих лошадей, украсил ее мрамором и провел туда воду, чтобы поить их. Когда же строительство было завершено, царь призвал к себе чиновника по имени Петр, ведающего раздачей милостыни, мужа проникательного и разумного, чтобы тот полюбовался его творением, и, ожидая от него похвал, сказал: «Все это я устроил, чтобы навсегда оставить по себе память». На это Петр отвечал: «Царь Иустиниан свершил то, что было выше сил человеческих — воздвиг Святую Софию, всю казну издержал на ее украшение, и о нем не слишком-то вспоминают. А ты, царь, построил нечистотохранительницу, и этим надеешься оставить по себе память?»

Услышав это, царь разгневался, что не получил ожидаемую похвалу, повелел бить Петра, а затем изгнать его из города.

В лето 6377-е царь Михаил выступил против агарян, оставив в Константинограде епарха Орифанта.

Когда же он дошел до вышеупомянутой Чермной реки, ему передали весть от патриарха, что на Константиноград напали руссы, князья Аскольд и Дир. И не пошел царь далее.

Руссы же подошли к стенам Константинограда на двухстах ладьях и осадили город. Вшедше на суда множество христиан убили.

Царь же возвратился из похода и, едва вошел в город, вместе с патриархом Фотием немедленно направился в церковь Богородицы Влахернской и всю ночь провел в молитве.

Место это было названо Влахерна, потому что здесь был убит скифский князь по имени Влахерн.

После богослужения из церкви с песнопениями была вынесена божественная риза Пресвятой Богородицы. Ее край омочили в море, и тотчас из тихого и спокойного оно превратилось в свирепое и бушующее. Огромные волны, восстав, разметали ладьи безбожных руссов, прибили их к берегу и сокрушили о камни.

И пал тогда с неба пепел, подобный крови, и дороги оказались усеяны камнями, и в виноградниках все было красно, как кровь.

О том, как был убит кесарь Варда

Василий Македонский оклеветал кесаря Варду перед царем Михаилом, говоря, что тот намеревается убить его. Но Михаил не поверил этому.

Тогда Василий сказал зятю Варды, логофету Субатию, что «царь, дескать, любит тебя, но не сделает кесарем из-за твоего тестя», и подумчил его клятвенно сказать царю, что Варда готовит против него заговор. За это он поклялся испросить у царя титул кесаря для Субатия.

Тогда логофет, послушавшись Василия, с клятвой сказал, что Варда хочет его убить. Царь поверил ему, и с тех пор в его сердце поселилась вражда к Варде.

Леон Философ предостерегал Варду, чтобы тот опасался царского злоумышления, ибо были знамения о смерти кесаря. У церкви святой Анны стояли тогда на столпе две царские статуи. И землетрясение повергло меньшую статую на землю и сокрушило ее. Лев же Философ говорил, что это предвещает гибель второго царя от руки первого.

Было и другое знамение. Царица Феодора, сестра Варды, прислала ему златотканое царское одеяние длиной менее двух мер. Взяв его, Вар-

да спросил, почему оно столь коротко? Мне же думается, что выткан- ный золотом на одеянии узор (а это были куропатки) означал коварный заговор, а то, что платье было короткое, знаменовало сокращение дней его жизни.

Царь Михаил с кесарем Вардой и паракимоменом Василием Македонским решили идти войной на Крит. Лев же Философ молил Варду не ходить с ними, говоря: «Если пойдешь — назад не вернешься».

После праздника Святой Пасхи царь с большим войском выступил пришел во Фракию. Когда войско остановилось в месте, называемом Вертограды, Василий собрал своих приближенных, и стали они совеща- ться, как им погубить кесаря. Были на том совете Марьян, Субатий и Варда, братья Василия, Асулеон, его племянник, а также Петр Болгарин, Иоан Халдеянин и Константин Лучник.

Комит же Иоан, узнав об этом, после захода солнца пришел к шатру кесаря и сказал Прокопию, слуге кесаря, что, когда наступит утро, гос- подин его, кесарь Варда, будет рассечен на части.

Тогда Прокопий вошел к кесарю, чтобы предупредить его. Варда же, выслушав слугу, сказал: «Иди и скажи Иоану: "Пустое. Ты молод и тебе еще рано носить сан патрикия. А распускаешь ты эти слухи, чтобы по- лучить желаемое"». Но всю ночь кесарь так и не сомкнул глаз.

И как только забрезжил рассвет, Варда призвал своих приближенных и поведал им обо всем, ожидая услышать от них разумный совет. Тогда Филофей, друг его, протоспафарий и геник саном, сказал: «Утром, вла- дыка, облачись в свое златотканое одеяние и явись перед врагами твои- ми, и побегут они от лица твоего».

Когда же взошло солнце, Варда, облачившись в свое блистающее одеяние, сел на коня и, окруженный многочисленными приближенными, направился к царскому шатру. С ним был его старший седельник Евста- фий, именуемый Аргус, то есть Серебренник, муж верный и сильный.

Константин же Лучник вышел навстречу Варде с поклоном (таков был уговор с Василием) и, возвратившись, сообщил Василию о приходе кесаря.

Василий вышел, поклонился ему и, взяв за руку, вместе с ним вошел в шатер к царю.

Кесарь же Варда, сев рядом с царем, сказал ему: «Все войско, влады- ка, собрано. Только повели, и оно немедленно выступит на Крит». В это время Василий, стоявший за его спиной, дал знак рукой, указывая на кесаря.

Когда же Варда, почувствовав опасность, внезапно обернулся, Васи- лий тотчас нанес ему удар мечом, другие же заговорщики, напав вместе

с ним, рассекли тело Варды на части. Это произошло на глазах у хранящего молчание царя Михаила в третьем часу дня.

Наутро царь Михаил возвратился с Василием в Константинополь. Когда они достигли Акритовой веси, собралось множество народа, чтобы увидеть царя. Тогда некий инок, взойдя на камень, воскликнул, обращаясь к шествующему царю: «Добрую же войну сотворил ты, царь, убив своего дядю и родственной кровью обагрив свои руки. Увы тебе, увy тебе!»

Тогда царь Михаил и Василий призвали Феодора, сурового видом оруженосца, и послали его убить того монаха. Но собравшиеся вокруг посланного люди вступились за инока, говоря, что он одержимый и поврежден умом, и так он едва избежал расправы.

О поставлении на царство Василия Македонянина.

Царь же Михаил царствовал вместе с ним один год

Вечером в субботу по Пятидесятнице царь послал к патриарху Фотию протовестиария (начальника царской гардеробной и казны) Рентакия передать, чтобы подготовили коронацию Василия царским венцом.

Наутро к царскому выходу были приготовлены два престола. Присутствующие были удивлены, что для одного царя поставили два престола.

Царь вошел в церковь (при этом царский венец не был возложен перед Царскими вратами, как полагалось по обычаю) и направился к Царским вратам. За ним следовал Василий, который, как подобало паракимомену (главному царскому спальничему), был облачен в особый плащ, под которым носил меч. Поднявшись на третью ступень амвона, царь повернулся лицом к собравшимся.

Ступенью ниже остановился Василий, а ниже Василия — асикрит Лев Философ (секретарь царской канцелярии), держа в руках свиток. В храме находились также Михаил, по прозвищу Аргун, старейшины и весь народ. Асикрит Лев от имени царя стал читать: «Кесарь Варда замыслил против меня зло и, желая меня убить, вывел из города. Если бы Субатий и Василий не предупредили меня об этом, не быть бы мне в живых. Впрочем, Варда скончал дни свои во грехе, мы же, Божиим заступлением, живы и поныне. Поэтому я желаю верного моего паракимомена Василия, который избавил меня от заговора и всегда заботится о процветании моего царства, сделать его хранителем. Пусть все прославляют его как царя». Когда Василий услышал эти слова, его глаза наполнились слезами.

Тогда царь, сняв со своей головы венец, передал его патриарху Фотию, который внес его в алтарь, возложил на Престол и прочитал над ним молитву.

Препозиты же принесли царские одежды, облачили в них Василия и обули его в красные сапоги.

Василий, облаченный в царское одеяние, поклонился в ноги царю.

Тогда патриарх вынес венец, передал царю Михаилу, и тот венчал Василия по существующему обычаю и вручил ему скипетр, все прославили царей Михаила и Василия.

О разбиении зеркала

Царь Михаил, опустошив в увеселениях со своей разгульной свитой всю казну, промотал не только золотых грифонов, но даже знаменитый златокованный тополь, то есть дерево с сидящими на нем птицами. Каждая из этих птиц, сделанная из золота, отличалась от другой и была устроена так, что могла выводить песни, словно живая, на удивление слушающим, изумляющимся, насколько хитроумно все было исполнено. И плачу я, ибо предстоит мне поведать о достойном слез деянии безумного царя, и, вынужденный продолжать, не могу сдержать горестных вздохов.

Искуснейший в науках Лев сделал царю Василию Македонскому удивительный инструмент — зеркало, при помощи которого находящемуся во дворце царю в любое время было видно, что происходило у арапов или сирийцев и что они затевали.

Однажды царю Михаилу, участвующему в колесничном состязании, сообщили о внезапном нашествии сирийцев, войска которых стремительно приближались.

Царь Михаил, едва услышав об этом, испугался, что народ, получив это известие, придет в смятение и ристалище опустеет, и повелел немедленно разбить зеркало. О горе безумию его! О горе сумасбродству! Увы! Увы! Какое греческое сокровище загубил этот скверножитель, пьяница и чревоугодник! Однако достаточно уже оплаканы мною деяния его.

Субатий же, зять Варды, не получив титул кесаря, как ему было обещано, понял, что обманут Василием, и возненавидел его. Тогда Субатий попросил сделать его стратегом, но вместо него царь назначил Гувера — логофета людского пути (чиновника, ведавшего состоянием дорог и почты), Субатия же поставил комитом в Опсикию. Тогда он вместе с правителем Опсикии Георгием Пиганиным решился на мятеж, и они, выступив, стали опустошать виноградники, выжигать поля (было тогда время жатвы), прославляя одного царя Михаила, Василия же бесславя и подвергая поношениям. Узнав об этом, Михаил и Василий приказали прочим стратегам выступить против мятежников.

Тогда Никифор Малеин, проникнув в замыслы Георгия и Субатия, решил захватить их следующим образом. Он тайно распространил среди их воинов послание, советуя им отступить от своих предводителей и оставить их одних.

Когда Георгий был схвачен и приведен в Константиноград, царь повелел ослепить его.

После этого его посадили в Мили, и там он сидел с протянутой рукой, прося подавание, и проходящие бросали ему мелкие монеты.

Спустя 30 дней Никифором Малеиным был схвачен и Субатий в Келинице, в обители, где он укрывался. Когда его привели в Константиноград, царь находился во дворце святого Маманта.

И повелел царь привести Георгия Пиганина на встречу с Субатием и, вложив в его руку глиняную кадильницу, в которой находилась сера вместо ладана, повелел ему кадить. После этого Субатия ослепили на один глаз и отсекли правую руку, а потом, посадив в Ламлте, дали чашку, чтобы проходящие мимо бросали в нее милостыню. Спустя три дня стражники отвели Субатия и Георгия в их дома.

Об убиении царя Михаила

1 сентября 15 индикта у Михаила от Евдокии Ингеринны родился сын Лев. В честь его рождения царь устроил конное состязание на ипподроме, расположенном рядом с дворцом святого Маманта. Сам царь выступал за «синих», за «зеленых» — логофет Константин Армянин, отец Фомы, патрикия и бывшего логофета дрома, за «белых» — Хила, а за «красных» — Крас.

После победы Михаила на скачках, когда царь в присутствии Василия и Евдокии Ингеринны возлежал за вечерней трапезой, патрикий Василиск начал восхвалять царя Михаила, искусно управлявшего колесницей. Царь же вознамерился наградить похвалившего не драгоценными камнями и не жемчугом, но царской властью, решив отобрать ее у Василия. И тогда повелел вставшему Василиску снять с Василия царские сапоги, а самому надеть их.

Когда Василиск, сделав это, поднялся, с гневом взирая на Василия, царь повелел то же самое сделать Василию. Исполнив повеление, Василий обулся в красные сапоги, после чего царь сказал ему: «Есть и достойнее тебя, кому подобало бы носить эти сапоги. Разве не в моей власти любого иного сделать царем так же, как я сделал тебя?» И весьма гневался на Василия.

Евдокия же в слезах обратилась к царю, говоря: «Велик царский сан, владыка! Недостойно и несправедно уничивать его, ибо венчаны мы на

царство». Царь же отвечал ей: «Не беспокойся об этом, ибо теперь я желаю сделать царем Василиска». И исполнилось сердце Василия скорбью и гневом.

Потрясенный непостоянством помраченного ума греческого царя, пребывающего в блуде и пьянстве, истощившего со своими приспешниками всю казну, Василий составляет заговор, чтобы убить Михаила.

Однажды, когда царь был на охоте, некий монах передал ему послание от матери его Феодоры из монастыря в Афимии, где она находилась. В послании говорилось о заговоре Василия против него. Но царь не поверил этому.

Он позвал Рентакия, старшего над слугами, и приказал, чтобы тот, когда они добудут зверя, послал его в подарок матери.

Василий же начал свои приготовления. Однажды царь Михаил пригласил к вечерней трапезе Василия и Евдокию, и в тот вечер упился без меры. Тогда Василий, сославшись на естественную необходимость, вышел и повредил дверные замки в царской опочивальне, чтобы невозможно было запереть двери.

Затем возвратился и продолжил трапезу с царем. Упившись, царь встал и, поддерживаемый под руку Василием, направился к себе в опочивальню. Василий, поцеловав его руку, вышел.

Царь же Михаил повелел Василиску, которого намеревался сделать царем, ночевать в своей спальне. Василиск, повинувшись приказу царя, расположился на ложе Рентакия.

Когда же китонит Игнатий, страж царской опочивальни, пришел запереть двери, то обнаружил, что дверной замок поврежден. Поняв, в чем дело, в отчаянии он опустился на ложе, терзая свои волосы. Царь же лежал, погруженный в пьяный сон.

Внезапно у входа в опочивальню появился Василий, ведущий за собой заговорщиков, и распахнул двери. Игнатий бросился к ним навстречу, загоразивая путь.

Болгарин Петр, незаметно приведенный Василием, устремился к царскому ложу. Игнатий же, пытаясь его остановить, стал будить царя. Тогда халдеянин Иван ударил царя мечом и отрубил ему обе руки.

Персеянин же Яковец Храбрый убил Василиска и сбросил его с ложа. В время перед дверями на страже стояли Мариан и Варда, отец Василия ректора, и Субатий, братья Василия, и Асулеон, его племянник, и Константин Лучник. И никого не было с Михаилом, кто бы знал о происходящем.

Собравшись вместе, они стали совещаться. Асулеон сказал Василию: «Мы хоть и отсекли руки Михаилу, но оставили его живым». И, воз-

вратясь, нашел Михаила, лежащего на ложе с отсеченными руками. Тот уже не надеялся на спасение и только плакал, сетуя на вероломство и неверность Василия.

Тогда бессердечный Асулеон вонзил обнаженный меч в сердце Михаила, а затем разрубил его чрево, после чего возвратился к Василию, похваляясь, будто совершил нечто доброе и достойное похвалы.

Решив как можно быстрее попасть в царский дворец, они вышли и начали спускаться вниз. До самой переправы они шли пешком, поскольку на море началось волнение и поднялся сильный ветер. Переправившись, они добрались до дома Евлогия Персиянина, потом, взяв его с собой, пришли к дому Марияна и, войдя в город, направились к дворцу. Путь им преградила каменная плита. Василий, с помощью своих приближенных, опершись, толкнул ногой плиту и опрокинул ее. Все подошли к воротам дворца.

Градоначальник же Евлогий Персиянин, которого называли Арданадз, сам объявил, что «Михаил зарублен мечом, Василий же пришел царствовать». Тогда послали за ключом и отворили двери Василию.

Войдя, Василий взял ключи себе, а утром назначил папием Григория, сына Филимона, послал его во дворец святого Маманта за своей супругой Евдокией Неровной и торжественно провозгласил ее царицей.

Ивану препосита, распорядителю придворного церемониала, Василий повелел отослать вдову царя Михаила Евдокию Декаполитовну к ее родителям.

Китонита же Павла, стража царской опочивальни, послал предать погребению Михаила. Павел, придя во дворец, нашел его иссеченное тело, лежащее в луже крови. Не имея во что обернуть тело, он обвинил его попоной одного из четверки коней, на которой Михаил участвовал в скачках. И сотворили о нем плач мать и сестры Михаила, оплакивая окаянного.

Затем Павел, положив тело в лодку, привез его в пригородный монастырь в Хрисополе и предал погребению на исходе той же ночи, в третьем часу, на рассвете наступившего 1 индикта, во вторник, в день памяти святой первомученицы Феклы. От Седьмого Вселенского собора до убиения царя Михаила прошло девять лет и семь месяцев.

Византия (875–928 гг. от В.Х.).

Книга 4

Царство 45-е, Василия Македонянина самодержца, который воцарился в Константиновом граде в 6387 году

Василий же царствовал с Михаилом один год и четыре месяца, а один — лет девять на десять.

Став самодержцем, он приказал епарху выйти на торговую площадь и провозгласить это. И так совладел и наречен был.

Орифас же, морского войска воевода, уздав, что было сделано с Василием, будучи приятелем и Василия и властелина своего, на месть за Михаила подвигся.

Когда самодержец узнал об этом, он, призвав его, сначала грозными словами запретил ему, а потом сподобил его дарами, потому что тот решился на такое дерзновение ради своего владыки.

Но через некоторое время настолько в нем уверился, что, уходя на войну, оставил на него Константинов град.

Хотя Михаил и проводил свою жизнь в бесчинствах, но для таковых судья и мститель — Бог. Всех же, кто вместе с Василием предпринял его убийство, постигло Божье отмщение, и мучительными страданиями окончили они жизнь.

Ведь Яковец, будучи с царем на охоте, кинжал свой выронил; когда он вознамерился слезть с коня и поднять его, он не успел поставить ногу на землю, как конь его понесся, и нога его в стремени осталась. И волочил его конь по пропастям, и по камням, и по зарослям, и на части растерзал его.

А Иоанн Халдеянин, воеводой в Халдии ставший, за то, что на царя поднялся, был схвачен и зарублен.

Асулеон же, царя Василия родственник, вызвав гнев царя, в свое селение изгнан был и своими рабами ночью ножом зарезан.

Однако же и они на Амастриане огнём сожжены были.

Персянин же храбрый Иаков червями съеден был и умер.

Константин же лучник, в Кивиреотах находившийся, мечами рассечен был и умер в мучениях.

Мариан же, брат царя, с коня свалившись, ногу сломал и, так как нога его загноилась и червями вскипела, он в мучениях жизнь свою окончил.

Пусть знают люди, какой суд постигает тех, кто с ненавистью и завистью на такое дерзает и не возлагает отмщение на Бога. Пишется ведь: «Мне отмщение, и аз воздам», говорит Господь неправо поступающим.

Царь же, в день Рождества Христова в Великую церковь войдя, сына своего Стефана крестил. Выйдя из церкви, он на колесницу сел, белыми конями запряженную, с ним и царица, и препосит Иоанн с отроком на руках. А царь до самой своей палаты деньги разбрасывал народу.

В день же святого Полуевкта началось страшное землетрясение. И от того дня 40 дней и ночей земля тряслась, тогда и статуя Аполлона, на столпе на торгу стоящая, пала.

И Пресвятой Богородицы церковь, находящаяся в Сигме, поющими наполненная, сдвинулась. Лев же философ, который там был, всем велел выйти из церкви. Не послушавшиеся его задавлены были все, сам же он, под стеною став, смерти избежал с другими двумя, и еще 5 человек, под амвоном стоявшие, спаслись.

А когда царь в церковь пришел, чтобы пречистую жертву принять, патриарх Фотий к божественному причастию его не допустил, человекоубийцей называя его и разбойником, и недостойным пречистых тайн.

Василий же, на те слова разгневавшись, позаботился, чтобы из Рима епископы пришли, которые принесли от папы свиток, и Фотия с престола изгнал, как якобы незаконно престол патриаршеский занявшего.

Игнатия же божественного вторично на престол возводит.

Родился же у царя сын от Евдокии Ингеровны, по имени Александр.

После этого царь отправился на войну с сарацинами, стоявшими у Тиврикии (Тефрики).

И после жестоких битв побежден был, и много от греков погибло.

Когда же он бежал от супостатов, Феофилакт Авастакт спас его, отец Романа, царствовавшего после этого. Ведь едва не схватили его сарацины.

После этого многие говорили царю, что каждый мог освободить его, царь же искал истинного спасителя, оказавшегося около него, когда он бежал. И вот он узнал Феофилакта и хотел чести удостоить его. Тот же, от чести отказавшись, попросил у царя место, каковое и получил.

Когда же гордыня сарацин так возросла, что и до Малагины они гнали воинов, царь приметил некоего Андрея, мужа рассудительного и

большой опыт имеющего, не менее же и храброго; хотя он держался скромно, истину показывало дело. Он был из западных скифов, поставлен же был помощником воеводы в Опсикийской области.

В брани с супостатами он одержал большую победу, из-за чего с саваном патрикия получил должность начальника холонской страны и после этого стал магистром. Златорукий же с Кавреем и Каллистом много зла христианам причинили, как и отец его, до самой Никомидии и Nikeи дошедший, а также и до Фракийской области и до Иоанна Богослова дошел, в церковь которого его приближенные своих коней ввели. Грамоты о мире послал к нему царь, а он не согласился заключить мир.

И Златорукий этот в Харсийской феме в Агранах шатры поставил.

В Сиворе же domestик Андрей приказал воеводам войск, находящихся в фемах Армении и Харсиана, говоря: «Возьмите доверенных бояр из подчиненных вам и за 12 дней Златорукого догоните».

Златорукий же, подойдя вечером к Глубокому потоку, шатры поставил внизу.

Воеводы же на горную перемычку поднялись и остановились в месте, называемом Зоголоил. Это место, расположенное среди скал, было неприступно. Воеводы поставили там шатры, и начались у них споры о храбрости. Начальники между собой спорили, воины какой из двух фем лучше, из Арменской фемы или из Харсианы.

Харсианам, спорившим, себе ли первенство присвоить или им, Армениаки возразили: «Зачем спорите? Пусть в делах проявится, вступим в бой обе стороны, и тогда станет ясно, кто храбрее».

И вот, когда началась битва, Армениаки отогнали противника от Глубокой дебри до самого так называемого Константинового холма, жестоко посекая их.

Ну и настигает Златорукого Пуладий, в шлем одетый — ведь раньше Златорукого подошел Пуладий к Тефрике — и приблизился к Златорукому, и вскричал: «Уже здесь воеводы, здесь domestик схолонский!» И Златорукий сказал Пуладию: «Что плохого я тебе сделал?» А тот ему: «Много хорошего ты мне сделал».

Златорукий же бросился прочь бежать, и в одной рытвине конь его подогнул ноги для прыжка; и когда тот пытался перепрыгнуть, Пуладий, под ребра его копьё воткнув, сбросил его.

Ну и сошел с коня слуга его, по прозвищу Дьячок, — которого царь Лев, отвратив от скверной веры павликиан к лучшему, поставил его минсуратом, — хотел помочь ему. А воеводы, настигнув его, схватили, отсекали ему голову и к царю отправили.

Царь же посылает в Тефрику с domestikом Андреем и Христофора, зятя своего, которые, полностью победив агарян, город захватили и до основания разрушили.

В те дни и Фока был, из каппадокийцев, который был прадедом после этого царствовавшего Никифора; он телесной силой и душевной доблестью явно отличающийся от всех, стал известен царю, которого царь и турмархом назначил.

А Никифора, сына его, одним из своих приближенных сделал. Он держал при себе этого скромного юношу, в котором от первых волос видел отвагу. Оба они были при нем, когда он с сарацинами воевать отправился.

Когда этот Никифор возмужал и достиг меры возраста, царь почтил его саном манглавита. И высоким ростом, и душевной твердостью, и красотой лица, и добротой нрава, и приятной добротой перед царем престоявшего, царь протостратором его назначил, дом ему подарил большой и ближайший к церкви мученицы Феклы, который он передал сыну своему Варде, который после этого саном кесаря был почтен Никифором царем, сыном его, внуком же Никифора.

Итак, этот стратиг в Харсианской феме был, и большую храбрость в борьбе с сарацинами показал, и прославился делами, и первостратигом, то есть первоководой, в западных фемах поставлен был, то есть во Фракии, и в Македонии, и в Кефалинии, и в Лонгивардии же и в Калаврии. Ведь он был сильнейшим и достойным противником нападениям африкийцев, которые опустошали и захватывали греческие владения, разоряли самую Сикилию, и Калаврию, и Лонгивардию. Ведь все города были ими захвачены: Торент и Вария, и святая Северина, и Риги, и Тавромений, Тропы и Амантия. Итак, этот доблестный там, где прошел, как какой-то крепчайший оплот, такое сильное нападение сарацин отразил.

Затем мудростью воевод их разорив и военными полками победив, города греческие спас и под свою руку их привел.

Те города, которые разорены были, он обновил и греческой властью укрепил, и большое число армян поселил в них, а также и тысячу рабов в них поселил, которых славная и благородная Даниилина дочь там царю в дар отдала.

Кроме того, он захваченный город Амантию осадил, и таким образом он стал знаменит в западных странах. Игнатий же патриарх церковь построил, прекрасную и достойную удивления, в Сатурском селении, назвав ее церковью стратига воссиявшего, и возле нее и жилище для мужей отшельников, где тело его положено было.

Фекла же, сестра царя, по какому-то делу служителя своего к царю послала. Царь спросил его: «Кто имеет госпожу твою?» Он же рече: «Неят комит».

Царь тут же послал за ним, привел его и, избив его жестоко, в монашескую схиму облачил его.

Послал же и Прокопия, старейшину слуг, к своей сестре, который жестоко бил ее и, все имущество у нее отняв, царю принес.

Потом же царь сделал Неята комита икономом, то есть смотрителем, в Великой церкви.

Крестил же царь и многих жидов, а бояре принимали их от крещения, и чины им даровал, и весьма почтил их.

И Николая Андросалита прозманаря, которому явился святой мученик Диомид и царствование Василия предсказал, того Николая он синкелом Великой церкви сделал, братьев же его также великими чинами почтил: Иоанна — друнгарием стражи, Павла — сакеллитом, Константина же геником и логофетом поставил.

Захотел же царь Василий народу деньги раздать. И разыскал золотохранилища, в которых было прежде накоплено множество денег, и, увидев, что все они пусты, скорбел и печалился. И печалился, не зная, что делать. Ведь царь, не имеющий богатства, подобен дряхлому и старому орлу, не имеющему перьев, когтей и клюва. Из-за этого горевал Василий. Ведь царь Михаил все истощил с игроцем своим и в стеснение привел греческую честь, с трудом, почти падая, можно сказать, даже умирающий и едва дышащий, несчастный.

Стараясь обновить и восстановить казну царской мудростью, царь на войну с противниками отлучался из царствующего града, чтобы вернуть себе свое.

От этого трудности великие и печали, и броня на груди, и железное одеяние, и шлемы, и копья, и око недремлющее, и сна досыта не имеющее, и брани, и кровопролития.

Варвары считали Василия зверем никогда не спящим, храбро восстающим на обидчиков своих. И все трепетали, от него убегая в долины.

И назад вернул он имущество грекам, и состарившуюся и сморщенную честь молодой отроковицей сделал, и снова укрепился против противников греческий жезл.

Когда потом царь начал копать землю под котлован, желая новую церковь построить около дворца, так что все морское войско тут было занято, город один по названию Сиракусы был захвачен. Никиту же, по прозвищу Ксилит, бывшего в сане трапезника, за то, что царицу лю-

бил, царь постриг в монахи, которого потом царь Лев смотрителем Великой церкви поставил.

И много медных кумиров сверг на потребу вышеназванной церкви, много мраморов и псифидия, то есть раздробленного мрамора, и столпы мраморные от многих церквей и строений взял на построение той церкви.

Снял же и статую медную, которая в сенате стояла, изображала же она епископа, держащего жезл, змеей обвитый.

Сняв ее, в царском дворе установили ее. Царь же, туда придя и около статуи оказавшись, перст свой вложил в рот медной змеи. Была же в той змее змея живая и угрызнула, и едва исцелился, много приняв против этого яда.

И статуя Соломона в так называемом царском месте в базилике стояла, которую он снял, и, свое изображение сделав, в основание Новой церкви положил, как бы жертву собой Богу Слову створив.

Отправился же снова на Мелитену с войной, и много браней с агарянами сотворил, и много пленников захватил, и в Константинов град возвратился.

И от бури житейской убежал священный Игнатий, и добрых и тихих достиг пристанищ, отойдя к Господу. Патриарха же сего тело было положено в монастыре в Затурском селении, который он сам основал.

Глубокоумный же Фотий, постоянно жаждущий престола и старающийся снова принять церковь, лукаво задумал следующее. Взяв начала имен царских сыновей и царицы, то есть от всех имен по букве или по две, и загадку по ним составил и истолковал тогдашним мудрецам, утаив происхождение загадки. И из-за этого признал его царь великим в премудрости.

И поэтому царь снова возводит его в патриаршество, и снова многоуровневый принял престол. Но ведь у всех рожденных на земле разум прегрешителен, и есть в людях некоторые привычки природы и возраста.

Царь же отправляется на Германикию с войной, и ее захватив, возвратился в Константинов град.

Константин же, иже от Евдокия цареви Михаилу родивыися, словом Васильев сын, конец жития си прият, о котором Василий бесконечно горевал, так как сильно любил его.

Ведь этот большой разумом Василий находился под влиянием змеобразных мужей, которые обман сшивают и козни сплетают, и любимых разлучают, от отца сыновей и от матерей дочерей, а от жениха невесту, как Сантаварин злобесовский, по имени Феодор, бывший митрополит в

Евхаитах, которого любил царь Василий по научению патриарха Фотия, что свят Сантаварин и прозорлив и чудотворец, был же он волхв и чародей. Василий же считал его святым и в чести великой держал его.

Был же царь в великой печали из-за смерти сына своего Константина. Сантаварин же говорил царю: «Я покажу тебе его живого». И когда однажды царь гулял по одному из садов, встретил его призрак на коне, похожий на Константина, сына его, облаченный в златотканую одежду. Увидев его глазами, царь, обняв, облобызал его и сообщил ему, что он его умерший сын. И по этому случаю на том месте царь построил церковь святого Константина и монастырь основал, и к Сантаварину большой верой проникся. Лев же, сын Василия, называл его волхвом и чародеем.

А в первый день мая месяца Новая церковь Фотием обновлена была и освящена. Царь же в лоре, то есть в царском одеянии, прошел и много золота и серебра раздал, и Нею назвал, то есть Новой.

Лев же взял в жены дочь Мартинакиеву Феофанию, с которой и венчался, в Магнавре свадьбу на 19 трапез устроив.

И поставил его отец царем. Сантаварин же не любил Льва и строил против него козни, чтобы отец его возненавидел.

И для этого он подольстился ко Льву и подучил его, говоря: «Так как ты еще молод, о царь, надобно тебе носить нож побольше с собой, и когда будешь на ловле с отцом своим, если попадетя тебе дикий зверь, пригодится тебе тот нож. А если будет какое злоумышление на отца твоего, вынешь нож и попугаешь злоумышленников». А тот не разгадал обмана, и поверил ему, и вложил нож в сапог свой, и носил.

И, уйдя от него, Сантаварин сказал царю, отцу его: «Пусть знает твое царство, что замыслил на тебя сын твой Лев. Если хочешь узнать, правду ли говорю, повели посмотреть, не носит ли он нож, в сапоге его спрятанный».

И вышел царь на ловлю, и с ним сын его Лев. И когда стали искать, нашли в сапоге его нож спрятанный, и доказал Сантаварин, что истину говорит. И хотя Лев поведал об обмане Сантаварина, не поверили.

И разгневался царь, и повелел затворить его в темницу дворцовую, и пробыл он там долгое время.

Ослепить его решили, но Фотий патриарх и Стилиан, по прозвищу Заутца, многими мольбами уговорив царя, это решение отменили.

Истязали же Никиту Элладского, протовестиария его, который при Романе царе папием стал, и другие многие с ним избиты были и изгнаны.

Царь же большое доверие имел к пророку Илии. И в день праздника, когда он обедал с князьями своими, в помещении том висела клетка с

птицей, называемой пстак, некоторые же его попугай называют, он уподобляется своим голосом любому слову, которое услышит от человека. И услышала птица тогда, как человек плакал и говорил «Леому, Леому», и начала ясно и чисто выговаривать: «Леон, Леон!»

Услышав же, князья начали плакать и просить со слезами за Льва, говоря: «Это животное бессловесное выше нас, оно требует и ищет господина своего, против поношения нашего вопиет. Мы же, человеки словесные, не вспоминаем о нем, который столько времени в темнице затворен». Царь же умилился на эти слова, и простил сына своего, и сделал его царем, как он и прежде был.

Когда царь по обычаю совершил вход, народ, увидев его, возопил: «Слава Тебе, Господи!» Царь же, обернувшись к народу, сказал: «Не ради ли сына моего прославляете Бога? Из-за него во многие печали впадете и злые дни предстоит вам вытерпеть».

А Сантаварин оклеветал перед царем Андрея, domestика схолонской страны, что он сочувствовал Льву, и отстранен был от власти, domestиком же назначен был Ступиот.

И в Тарс придя, он был жестоко побежден, и все отвернулись от него. Город же Тарсом назван был из-за того, что пришедший туда Беллерофонт упал и плесну повредил, или от горы Терсия в Тавре Терсом раньше назывался, потому что после того, как была безводна, потопом наводнилась. После этого domestиком снова стал Андрей.

О князе русском

Племена же, называемые русы, они же и кумане, жили у Евксинского понта, и начали нападать на страну римлянскую.

И собрались пойти на Константинов град, но помешал этому высший промысел, и был на них гнев Божий, и тогда возвратились ни с чем князья их Оскольд и Дир.

Василий же, много воевавший с агарянами и манихеями, заключил мир с вышеназванными русами. И обратил их к христианству, и они обещали креститься.

И попросили себе архиерея, и отправил его к ним царь, и когда собрались они креститься, то вновь засомневались. И сказали архиерею: «Если не увидим чудесного знамения от тебя, то не желаем быть христианами». Архиерей же сказал: «Просите, что хотите». Они же сказали: «Мы хотим, чтобы святое евангелие, которое научает святым словам, ты вверг в огонь. Если не сгорит, станем христианами. И чему научишь нас, будем хранить и не откажемся». И сказал архиерей: «Что просите, будет вам».

И повелел, и развели сильный огонь. И воздев руки свои к небу, сказал архиерей: «Христе Боже, да славится имя Твое!» И поставил святое евангелие на огонь. И пробыло оно в огне много времени, и не прикоснулся к нему огонь. Видя это, русы дивились и чудились силе Христа. И все крестились.

Упомянутый выше Никифор, сын Фоки, в западных странах воеводой поставлен был и много доблестных и храбрых дел совершил.

Прокопий же, протовестиарий царя, придя в Сицилию со всеми стратигами западных стран, что мог, сделал.

Остальное передал стратигу Пелопоннеса по имени Апоступ, который убил Прокопия.

И потом умыслил на царя Иоанн, domestik иканатов, прозывавшийся Кояс (Куркуас), собравший до 60 старейшин с ним, такой заговор.

Потом же о заговоре этом протовестиарий Иоанн донес царю, и, послав за ними, всех схватил и, на ипподром приведя, истязая их и бичуя, всех остриг и оставшая сжег.

А на Благовещение, благочестиво совершая вход, при котором они хотели задуманное совершить, он сам впереди прошел, они же позади его, нагие, связанные, были проведены до самого торжища, через весь огромный город, и изгнал их.

Однажды царь был на охоте и гнал огромного оленя, как вдруг выскочил олень, поддев царя на рога за пояс, и стащил его с коня, и помчался, неся его на рогах.

А одни из сопровождавших его приблизились к нему, и выхватил меч, рассек пояс, освободив царя. Царь же возвратился к рассекшему пояс и повелел отсечь голову его, как дерзнувшего на него меч обнажить. Несмотря на то, что воин долго объяснял, что «ради тебя это сделал», ничто не помогло ему.

От раны, полученной от оленя, Василий заболел и вскоре умер, оставив Льва, сына своего, самодержцем, и Александра, брата его. Имел же Василий цветущий внешний вид, был крепок, бровист, с добрыми глазами, спокоен, сдержан, темноволос, роста среднего, грудь широкая.

Вышеназванный же Никифор, сын Фоки, осадил Амантию и уже собирался взять ее, как получил от царя Льва грамоту, сообщающую о смерти Василия и повелевающую вернуться.

Никифор же, о смерти царя узнав, утаил от сарацин, что отступает, уговаривая отдать ему город и пообещав, что свободу предоставит им идти, куда захотят.

И, крест перед городом поставив, полностью их убедил и заставил город оставить. И одни ушли в Афракию, иные же в Лонгивардию и Калаврию.

Когда Никифор вошел в Константинов град, царь с любовью принял его, и чествовал его Лев, сын Василия.

Царство 46-е, Льва, который воцарился в Константиновом граде в 6378-й год

После же смерти Василия правление принял Лев Мудрый, сын его, и царствовал 25 лет и 8 месяцев.

Стефан же, брат его, клирик и синкел, был при Фотии патриархе, который учил его и наставлял.

И так послал царь Лев в Хрисополь Андрея воеводу и других знатных, с певчими, свечами и ароматами, то есть благовониями. И вынесли Михаила из гроба, и положили в кипарисную раку, и, на одр возложив, с честью, как царя, с восхвалениями внесли его в город, и проводили к церкви Святых Апостолов в сопровождении сестер, и в мраморную раку положили его, и похоронили с честью.

Потом же царь послал воеводу Андрея с Иваном Святоградцем, логофетом флота и умным человеком. И прочитали они обвинения патриарху Фотию перед всеми, и, с престола сведя его, изгнали в монастырь Арменина (Гармонианов), названный Москов, а Стефана синкела, своего брата, патриархом назначил, поставленного Феофаном, первым епископом. Он был на патриаршестве 6 лет и один месяц, а когда он умер, погребен был в монастыре Сикопотском (Сикеоне).

Заучана Стульяна царь магистром и логофетом дрома сделал.

Пленен же был сарацинами город, называемый Высокий, и захвачены были все, живущие в нем.

И был пожар большой вблизи Софии, и сожжена была церковь Святого апостола Фомы, которую царь Лев восстановил.

Царь же, послав в Евхаиту, Сантаварина Феодора в Константинов град вернул.

Андрей же domestик схол и Стефан магистр, Каломариин сын, на которых часто Василию клеветал Сантаварин, наговорив царю, что Фотий и Феодор Сантаварин задумали сделать царем одного из родственников Фотия.

Царь же повелел привести обоих, и во дворец Пиги привели их, и отдельно держать повелел их.

Посланы же были расследовать воздвигнутые на них Фотия и Сантаварина обвинения этот магистр Стефан, и domestик Андрей, и патрикии

Кратер и Гувер, и Иоанн Святоградец. Ну и они патриарха Фотия привели и на престоле с честью посадили его и сами сели, устроив расследование. Доместик Андрей сказал патриарху: «Знаешь ли, владыка, монаха Феодора?» Патриарх же сказал: «Не знаю». Андрей же сказал: «Не знаешь монаха Феодора Сантаварина?» И патриарх сказал: «Знаю Феодора монаха, архиепископа в Евхаитах».

Когда же привели Сантаварина, сказал ему Андрей: «Царь спрашивает тебя: "Где деньги царственности моей?"» Он же ответил: «Их дал в те дни царствовавший. Ныне же, если спрашивает царь, власть имеет взять их». И Андрей сказал: «Скажи, кого ты хотел царем сделать, наговорив отцу глаз лишить собственного сына? Не родственника ли патриархова?» Он же сказал: «Не ведаю того, о чем вы мне говорите». Ну и сказал магистр Стефан: «А как же ты предостережение послал царю, чтобы уличить в этом патриарха?»

А тот, к ногам патриарха припав, сказал: «Заклинаю тебя, владыка мой, Богом, прежде разорви амофор на мне, и тогда, лишнего святительства, пусть мучат меня как злодея. Потому что царю не такие слова я послал». Патриарх сказал: «Клянусь спасением моей души, кир Феодор, ты архиепископ и в нынешнем веке и в будущем». Разгневавшись из-за этого, сказал Андрей: «Да не через меня ли ты послал, черноризец, к царю, чтобы патриарха обличить?» Тот же, отказавшись, сказал, что «ничего не знаю».

Возвратившись к царю, они эту беседу передали. Царь же, охваченный неудержимым гневом и яростью, что несправедное обвинение на патриарха возвел, послал бить Сантаварина жестоко и выслал в Афины, потом же вернул, и ослепил его, и сослал его на восток.

Через несколько лет он вернул его из ссылки в Константинов град и повелел в Новой церкви ему кормление выдавать. Он умер при Константине царе и Зое, матери его.

В дни же царя Льва лонгивардский вождь Агион, зять же ригоса франкского, отважился воспротивиться царю и всю страну себе подчинил. Узнав об этом, царь Лев послал Константина, саном трапезника, со всеми западными воинами воевать с Агионом.

И бились же полки, и войско Константина побеждено было и изрублено, и сам он едва убежал.

И случилось тогда солнца исчезновение в 6 часов дня, так что звезды появились, поднялся же сильный ветер, молния и гром, и на торговых ступенях было убито 7 человек.

Тогда осажден был сарацинами Самос, и взял в плен его стратиг по имени Паспала.

Лев же царь отцом царя почтил Заучяна, этот титул он придумал сам, ведь он слюбился с дочерью его по имени Зоя, муж которой, Феодор именем, по прозвищу Гузуниатис, умер, будучи отравлен.

Война с болгарами. И пришла весть, что Самуил, князь болгарский, готовится к войне и предлог к войне нашел такой. У отца царя Заучяна был слуга кажник по имени Мусик, который водил дружбу с купцами из Эллады, корыстолюбивыми и жадными на золото.

Разгневавшись, Самуил поднял на греков оружие. Царь же послал против него Кринита воеводу с большим войском и воеводами.

И была большая битва в Македонии, и побеждены были греки и истреблены, и сам Кринит, и армянин Куртикий, и множество других.

Мусик же водил дружбу с купцами Ставракием и Космой, которые, желая при посредстве Мусика вести торговлю с болгарами, пришли в город Солунь, огромные подати беря с болгар.

Когда болгары рассказали это Самуилу, он дал знать царю Льву, а тот все это посчитал ложью ради любви, которую имел к Заутце.

Самуил же, захватив хазар из гвардии царя Льва и носы им обрезав, на посрамление грекам в Константинов град отослал.

Увидев их, царь яростью исполнившись, Никиту, по прозвищу Скаир, по реке Дунаю в ладьях, называемых дромона, послал дать дары уграм, чтобы они подняли оружие на Самуила.

Он договорился с уграми, чтобы они на Самуила оружие подняли. Взяв у них заложников, он возвратился к царю.

Царь же пошел воевать с болгарами на суше и на море.

Морем он Евстафия друнгария послал, берегом же патрикия Никифора, называемого Фокой, который стал domestиком сходом после смерти Андрея.

Когда они достигли страны болгар, царь послал к Симеону Константина именем, саном же квестора, так как он любил мир и хотел дружить с ним. Симеон же, схватив его, в темницу затворил, думая, что он с обманом к нему пришел.

А пока Симеон был занят на войне с Никифором, угры, напав, всю землю болгарскую опустошили.

Симеон же, узнав, против угров обратился. Эти же, перейдя реку, сошлись в бою с болгарами и победили болгар полностью, так что Симеону едва удалось в Дерестр убежать.

И предложили угры царю выкупить у них пленников болгарских, он так и сделал, послав для их выкупа константиноградцев.

Симеон же попросил у царя мира через друнгария Евстафия, царь согласился с ним и для заключения мира Свинобойцу Льва послал, а domestiku Никифору и друнгарию Евстафию повелел с войском возвратиться.

Льва же Свинобойцу Симеон даже словом не удостоил, но в темницу заключил его.

И воевал с уграми, и изрубил всех, и не смогли угры получить помощь от греков.

Возвратившись же с победой, он похвалялся перед Львом, сказав: «Если не получу прежде всех пленных болгар, мира не заключу».

Царь же повелел их отдать. И вот пришел со Львом Свинобойцей болгарин Феодор, приближенный Симеона, и забрал их.

Так как domestик Никифор был очень любим царем, отец царя Заучяна счел его могущественным и брачный союз заключить с ним пожелал. Никифор же стал отказываться от этого, чтобы не внушить царю никакого подозрения.

Заучяна же рагневался на него из-за этого и из той должности изгнал его. На место же его domestиком схол назначен был магистр по имени Катакалон.

После того, как Никифор долго пребывал без должности, он был поставлен стратегом Фракийской области фемы. Много доблестных подвигов в своей военной жизни показав и много побед над агарянами совершив, он окончил жизнь в доброй старости, сыновей оставив, Варду и Леонга Льва.

Этот Варда был ближайшим помощником царю, пребывая в согласии с ним, он большую службу сослужил царю.

Царь же, как было сказано, Катакалона поставив domestиком, против Симеона его послал, а с ним послал и Феодосия, патрикия и протовестиария.

Когда все фемы и войска переправились с Востока, и началась брань с болгарам на том месте, где бежали болгары, жестоко побеждены были греки болгарам и все погибли, с ними погиб и протовестиарий Феодосии.

О походе Олега на Царьград

При этом же царе Льве пошел Олег войной на Греков в лето 6415, а Игоря оставил править в Киеве, и взял с собою многие племена: варягов, словен, чудь, кривичей, мерян, полян, северов, древлян, радимичей и вятичей, ховратов, и дулебов, и тиверцев. Всех их называли греки Великая Скифия.

И подошел Олег к Царьграду на конях и на кораблях, было же с Олегом 2000 кораблей, помимо конницы.

Греки же перекрыли Суды залив Золотой Рог — Галич железными цепями и город закрыли.

Олег же, сойдя на берег, приказал воинам делать колеса и на них поставить корабли.

И когда подул попутный ветер, и воины подняли паруса, и двинулись корабли по полю к городу, и подступил Олег к нему с огромным войском. И, увидев это, греки испугались.

И отправили послов к Олегу, и сказали: «Не губи город, начнем тебе дань платить, какую захочешь».

Олег же отошел недалеко от города и начал готовить мирный договор для всей, подчиненной ему земли, и заключил мирный договор, и дань с греков учредил для русских городов: сначала для Киева, и для Чернигова, и для Полтеска, и для Ростова, и для Любеча, и для других городов.

И вынесли ему греки из города пищу и вино, и не принял их, потому что они были наполнены отравой. И испугались греки, и сказали: «Это не Олег, но святой Димитрий, послан Богом против нас!»

И приказал Олег дань давать на 2000 кораблей по 12 гривен на человека, а в корабле было по 40 человек. И согласились на это греки, чтобы он не воевал с Греческой страной, и долгое время дань платили русским князьям.

И приказал Олег войску своему: «Пусть, приходя, берут у царя себе на дорогу еды на 6 месяцев: хлеб, и вино, и мясо, и рыбу, и плоды столько, сколько им потребуется». И согласились с этим греки.

А сам Олег взял золотые драгоценные шелковые ткани и приказал грекам сшить паруса из драгоценного плотного шелка для руси, а для словен — из тонкого шелка. И сделали греки так.

И повесил Олег свой щит на воротах города, обозначая тем победу над греками, и решил уйти Олег от Царьграда. И подняли русы паруса из драгоценных плотных шелковых тканей, а словени — из тонкого шелка. И разорвал ветер паруса из тонкого шелка. И сказали словене: «Вернемся к своим грубым тканям, потому что не были даны словенам паруса из драгоценного толстого шелка».

И вернулся Олег к Киеву, неся золото, и драгоценные шелковые ткани, и вино, и плоды, и всякие драгоценные вещи бесчисленно. И был назван Олег греками Вещим, были тогда люди язычниками, не знающими Христа.

При этом царе в Корсуни живущие убили своего стратега Симеона, сына Ионы, а в Каппадокии был захвачен сарацинами Корон.

Царь же к месту, называемому Дамиан, вышел вместе с Зоей, дочерью Заучяна, и с самим Заучяном. Феофании же, жены царя, не было там, она во Влахернах у святой раки в молитвах пребывала.

Когда же царь изволил провести ночь в Дамиане, заговор составили с Заучаном сын его Чанец и прочие, задумали ночью царя убить. Когда же Зоя, которая спала с царем, разговор услышала, выглянув в окно, они умолкли. Так как она услышала суть злого умысла, она разбудила царя и происходящее рассказала. Царь тут же в дромонии ушел и в Пиги отплыл, всех там оставив, в том числе и Заучяна.

Утром, во дворец войдя, он Иоанна, друнгария стражи, изгнал, Парда же, сына Николая этериарха, на его место поставил. Так как Николай этот был другом царя и верен ему, он все тайны Заучяна сделал для царя явными и известными.

С тех пор в покои Заучяна царь Лев не входил, только магистр по имени Феодотакый их друг с другом примирил.

И умерла царица Феофания, 12 лет царствовавшая, которая как чудотворица проявила себя, выше греха женской ревности оказалась и, кротостью победив, превзошла Зою, в милосердии и в молитвах всю жизнь проведя.

Венчается же Лев царь с дочерью Заучяна Зоей, благословляет же его с нею поп дворцовый по имени Апии. Благословивший же их был отставлен от священства, она же, один год и 8 месяцев процарствовав, умерла.

И нашли раку мраморную, чтобы тело ее положить в нее, внутри которой надпись была вырезана: «Дочь вавилонская окаянная».

Оговорены же были перед царем Мусикон кажник и Ставракий, что и от стратигов и от бояр мзду брали, ходатайствуя за них перед отцом царя.

Однажды, когда Ставракий с письмом каким-то от стратига к отцу царя отправился, увидел его царь, в сенях стоящий, вслед за ним вошел и, за плечи его обняв, вывел, делая вид, что о стратигах его хочет спросить, к одностворчатой двери его подвел, грамоты изъял у него и вон его вытолкал, и случайно оказавшимся там людям приказал вывести его из дворца и в монахи постричь.

Узнав об этом, Мусик в отчаяние пришел. А царь, войдя к Заучяне, когда Мусик был у него, он его за плечи взяв, вывел и повелел Христофору китониту в Студийский монастырь его постричь.

Вскоре же Заучян умер, и, через Вуколеон пронеся его, в монастыре Кавлея погребли.

Василий же эдикт, стремясь к царскому сану, свел дружбу с кувикуларием Самоной, из агарян. Он осмелился поведать Самоне, что «если тетка наша Зоя умрет, царь другую жену возьмет, а нас прочь выставит. Так что дай мне клятву, что сохранишь тайну, и я поведаю все, что задумал». А тот так и сделал и задуманное от него уведал.

Самона же, войдя к царю сказал: «Хочу тебе, владыка, сказать с глазу на глаз нечто такое, что, если расскажу, к смерти меня приведет, тебя же — если умолчу». И узнал царь весь замысел Василия. Царь же сказанному не дал веры, сказав, не из клеветы ли какой это взял. Самона же сказал: «Если хочешь поточнее узнать, кого хочешь в мой покой отправь, и спрячу их в укрытии. Пусть слова Василия ко мне запишут, и из этого тебе ясно станет, что никакой лжи нет в моих словах». Итак, послал царь Христофора протовестиария, а с ним и Калокира китонита.

Они же, в покой Самоны войдя, спрятались. Самона же, обманув Василия и слово клятвы дав ему, просил его снова весь замысел рассказать и о своих сообщниках. Слыша это, Христофор и Калокир, письменно записали.

А пока те обедали, эти вышли и царю запись прочитали. И царь, тут же Василия призвав, дал серебром 20 и 4 тысячи ради его тетки Зои в Македонию отослал.

Варда же, друнгария стражи, к тому заговору приобщившегося, к Стипиоту послал, якобы привести его; а этого предупредил царской грамотой схватить Варду.

Николая же этериарха он из Константинова града изгнал.

И вернул из Македонии Василия, и допрашивая, жестоко избивал его и волосы его жег, и через город для позора проведя, в Афины изгнал, где он мучительно умер.

Так же и Николая этериарха, и Стулиана и всех родственников Заучяна — одних постриг в черноризцы, других изгнал.

Всех же магистров и находящихся при власти признав, царь прочитал перед ними донесение Самоны. Они же Самону восхвалили как спасителя жизни царя, и признали достойным высшей чести.

Царь сразу же почтил его саном протовестиария и своим приближенным поставил.

Умер же патриарх Стефан, брат Льва царя, и вместо него патриархом был поставлен Николай Учитель, сочетавший мудрость православия с благообразием поведения.

И захвачен был сарацинами город Димитриада в области Элладской.

А царь Лев венчает Анну, дочь Зои, которая от Заутцы, потому что по обычаю нельзя было совершать приемы без царицы.

Привел же царь девушку из Опсикийской области, красивую и прекрасную, имя ей Евдокия, он взял ее в жены и венчал.

От нее родился младенец, при этом и она сама, и новорожденный отрок умерли.

Близ церкви Святых Апостолов создал царь прекрасную церковь во имя первой своей жены Феофании.

И церковь святого Лазаря близ так называемых Мест построил, и обитель для кажников в ней определил, куда перенес и положил святого Лазаря тело и тело Марии Магдалины.

Пока морские воины построением этих церквей были заняты, находящийся в Сицилии город Тавромений афронами захвачен был, и много греков было убито.

И Лумон (Лемнос) был захвачен сарацинами, и множество военного люда было захвачено.

Когда царь совершал вход к Святому Мокию в день Преполовения Пятидесятницы, при входе находясь вблизи святых врат, один человек, с амвона выскочивший, палкой большой крепко ударил его по голове и убил бы его, если бы заступничеством каким-то конец палки, попав в паникандило, не сдержал силы удара.

Кровь хлынула из головы царя, и в возникшей сумятице бояре бросились в бегство.

Брат же его Александр, отговорившись болезнью, не пошел на вход, его из-за этого заподозрили в причастности к заговору.

Ранивший же царя схвачен был, и, многие муки претерпев, говорил, что у него не было сообщников, в конце концов — с обрубленными руками и ногами — на круге ипподрома сожжен был.

Потом такой вход больше не совершался. Через некоторое время Марк, мудрейший монах, смотритель той церкви, который в Великую субботу четверопение великого Козьмы исполнил, на трапезе в разговоре с царем просил его, чтобы он не отказывался от такового входа. Так как царь не соглашался, Марк сказал, что предначертано было пророком Давидом это тебе терпеть. Ведь он сказал, говоря: «Сколько лукавствовал враг о святом твоём, и похвалялись ненавидящие тебя посреди праздника твоего» (Пс 73: 3). Подобаает тебе, владыка, от сего дня 10 лет царствовать и власть держать». Так и было, до конца десятого года: в тот день и умер, в который ранен был.

Жила же Зоя, 4-я жена царя, в палате с царем венчанной. При нем в десятый год явился новый Василий.

Когда готовилось болгарское нашествие на греков, агаряне, узнав об этом, вышли с морским войском, старейшиной поставив Триполитанина Льва, из Атталинского града, от христианского благочестия отступившего. А Триполис, который в Финикии, называется потому, что между тремя родами разделяется, на поселившихся арадиев, на турян и на сидонян.

Когда царь отлучился в Воунтиново (Вутово) пристанище на обновление обители протопреподобия своего Христофора, пришла эта весть, что Триполитанин с сарацинским войском на Константинов град идет.

Ну и царь послал Евстафия, в то время друнгария своего морского войска, со всем морским войском на Триполитанина. А тот, не будучи в силах противостоятъ ему, вернулся ни с чем.

Триполитанин же следовал за ним, дойдя до Авиды и до Пария. Эту весть получив, царь впал в полное уныние и бессилие.

И вот, Имерию, старейшине асикритов, морское войско поручив, послал его на Триполитанина.

Тот, пройдя мимо Авиды на Геллеспонт, выходцами с Милета населенном, — Геллеспонт же от Геллы, сестры Фрикса, в пучину сброшенной, так названный — далее в пучину попал, в так называемую Козью пучину, принявшую это название от водных течений, имеющих вид прыгающей козы. От нее он устремился к Стровилу, который у Кивиры — ведь Стровил так называется по месту, Кивиры же по Кивиру, брату Кидрама, а Лампсак от сияющего света назван, который ночью, когда фокее мужи, его строившие, помолились, бог воссиял — и основание было укрепил и прочно утвердил. Потом Иврат прошел, который от Иврана назван, сына Анфа, родитель которого Стафил, Диониса возлюбленный друг и внук; Самофракию же пройдя и к Фасосу выйдя, который прежде Золотым называли, — Самофракия же во Фракии ручной остров, прежде Зверинец, потому что был полон зверей, святилищем нимф бывший; после же того как прошел поток, он островом стал, во владение переселившихся семян перешел, и Самофракией его назвали.

Имерий достиг врага. Впрочем, он даже приблизиться к их полку не дерзнул, а Триполитанин сам по себе, Богом отогнанный, возвратился.

В Солунь войдя, он опустошил его и захватил Льва, их стратига, прозываемого Хацилак, и много убийств и кровопролитий совершил.

Некий же Дофил, саном кувикуларий, в Сицилию был послан с каким-то поручением вез с собой 100 литр золота. Разболевшись, он пошел в Солунь, чтобы помыться и отдохнуть.

Триполитянин схватил его и, узнав, что у него есть золото, долго пытал его и убил, хотя он говорил, что ничего у него нет. Ведь оно было оставлено на пути, а Симеон, асикрит саном, проходя тем путем, взял золото. Этот Симеон потом патриkiem и начальником асикритов стал.

Поскольку Триполитянин вознамерился город Солунь разрушить, Симеон послал ему весть: пусть золото возьмет у него и город оставит. Так и стало.

И сарацинское войско вернулось назад. Имерий же, узнав об этом, за ними устремился.

Эти же к Криту подошли и отдали жителям его часть добычи.

Оттуда они к отечеству отправились, Имерия у Лименах ни с чем оставив.

Был же у царя патрикий Евстафий, заместитель стратига Востока, то есть заместитель воеводы, из славного рода Аргуров. Он воевал с измаилитами и не один раз показал храбрость; и Андроник был, который из рода Дук. И этот после Евстафия на ту же войну был направлен и в чин патрикия превознесен. Его сарацины настолько боялись, что имя его для устрашения у них говорилось.

Самона же под предлогом, что уходит в свой монастырь под названием Спира, в Дамастрии находящийся, вознамерился в бегство бежать с золотом и лошадьми своими, общественным лошадям — по-нашему, повозным — на каждой станции поджилки подсекая.

Царь же послал догнать его Василия этериарха, прозываемого Кама-тер, и Кринита Георгия. Когда Самона стоял, собираясь переправиться через Галис, настиг его Никифор друнгарий Камина, схвативший Самону со словами: «Ты пойман». Самона же взмолился, говоря: «Хорошо заплачу тебе». А тот не послушал его, тогда Самона подбежал ко кресту, находящемуся в Сирасе (Сирихе), причину придумав, что ради молитвы пришел.

И подошел Константин, Андроника Дуки сын, и схватив его, в Константинов град возвратился.

И повелел царь Самону в доме Варды сторожить. И спросил царь Константина, правда ли, что тот хотел бежать в Сирию, и услышав, что правда, запретил Константину говорить это, будучи спрошен перед сонмом боярским, но говорить, что в Сирих для молитвы ходил. Ведь царь хотел освободить Самону.

Призвал же царь чин боярский и, Константина введя, спросил так: «Во имя Бога и моей головы, бежал в Сирию Самона или нет?» А он, побоявшись клятвы — прежде он говорил не клянясь, но так просто спрошенный, не то, что было, сказал — признался, что тот в Сирию бежал.

Царь же с гневом Константина изгнал, а Самону удалил с глаз долой на четыре месяца в дом кесаря, после же этого тот сподобился вида царя и беседы.

У Льва родился сын по имени Константин от Зои, четвертой его жены. В рождение его явилась звезда огромная, лучи на восток испускающая, 40 дней и ночей сиявшая.

Он крещен был в Великой церкви Николаем патриархом в день Богоявления, и вопринял его от святого крещения Александр царь, и Самона патрикий, и все находящиеся у власти. Стала же тогда Кифа домом престарелых, а блудниц изгнали оттуда.

Благословил же царя Льва с Зоей Фома пресвитер, который священства лишен был. И царь нарек ее царицей.

Из-за этого патриарх возбранял царю входить в церковь, поэтому с правой стороны входил он, в митаторий, то есть в обитель.

Самона же поставлен был паракимоменом, ибо обучал царя беззаконию и всякому злу, и стали они против церкви старание проявлять.

Ведь он призвал патриарха Николая в первый день февраля месяца и долго просил его, чтобы принял четвертый брак. И не смогли уговорить, прямо за обедом.

Ведь Николай, тогда главный пастырь, смело говорил с царем, во исполнение слов пророка свидетельствовать Божье знание перед царями, угроз не боясь и не трепеща; так страх Божий далеко изгоняет страх, исходящий от людей судящих и властвующих. Потому и отогнан был от стада и от престола патриарх Николай, и на изгнание осужден был.

В лодейку малую введя, в Иерию перевезли, а оттуда он пешком до Лакрина с трудом добрался, так как снег был очень глубок.

А на его место поставляется патриархом Евфимий синкел, муж боголепный, воздержанный и благочестивый, который, говорили, Божьим откровением святительство принял.

Ведь царь задумал злой закон установить: мужу иметь три жены или четыре, и многие мудрецы этому содействовали.

В июне же месяце зван был Лев царь Константином, прозываемым Ливом, в его монастырь вблизи Святых Апостолов, чтобы совершил освящение и пообедал.

И поднялся ветер, называемый буря, дунув троекратно, он потряс и поколебал дома и церкви, так что все бежали на открытые места, говоря: «Конец был бы всей вселенной, если бы не человеколюбие Божье, дождем такую бурю остановившее».

Когда морское войско сарацинское вышло против греков, царь поставил Мерия, логофета морских войск, командующим всех морских сил. Собрался и Андроник Дука войти с ним в корабль, чтобы против агарян воевать.

Самона же, непримиримый враг Андроника, яму ему копал и ногам сеть расстилал, из-за того, что помешал ему бежать. Он подговорил одного человека тайно написать к Андронику, чтобы входил в корабль, потому что «приказание Имерий от царя получил по наговору Самоны схватить и ослепить тебя».

И хотя Имерий долго уговаривал Андроника войти на корабль, так как агаряне были близко, он отказался, не приняв его приглашения.

И Имерий в одиночку начал бой с агарянами в день памяти святого апостола Фомы, и великую победу одержал.

Узнав об этом, Андроник пришел в отчаяние, вместе с родственниками и рабами своими отправился в город, называемый Кавала, чтобы отступить.

Самона же, давно хотевший поймать его, говорил к царю: «Не говорил ли я всегда, владыка, что Дука враг и мятежник, царству твоему противник».

Царь тотчас послал Григория, прозываемого Ивирицей, domestика сходом и свата Андроника, воевать с ним.

А Андроник, узнав, что патриарх Николай из церкви изгнан, в сарацины бежал со всем своим домом.

В то время, когда он отошел от греков, его с честью и великолепием принял Амер по имени Мумений (Мум). Печален же был царь из-за Андроника и не один раз хотел написать ему приглашение и послать, чтобы к грекам возвратился.

И кто-то посоветовал царю помиловать одного сарацина из находящихся в темнице и послать в Сурию с письмом.

Он так и сделал, киноварью написав и запечатав золотой печатью, и содержимое небольшим куском воска залепил. Когда сарацин вышел от царя, Самона подозвал его и сказал ему: «Знаешь ли, что держишь?» Он же показал ему воск. Самона сказал, что это Сирийской земли погибель.

Дав ему денег, он наказал ему, чтобы в руки Озира визиря отдал письмо. И тот, дойдя, так и сделал.

Андроник же схвачен был и закован со всеми родственниками своими. Поняв, что это случилось по коварству Самоны, Андроник сам и его близкие вынуждены были отречься от своей веры.

Константин же, его сын, видя, что невозможно Андронику оттуда выйти, по совету отца бегством из Сирии ушел и к царю вернулся со своими спутниками. Дары ему многие дав, вот что сказал ему царь перед находящейся на восточной стороне Золотого триклиния иконой Господа Бога, Спасителя нашего: «Не заблуждайся насчет себя. Многие предрекали Константину царствовать у греков. Клянусь тебе всей справедливостью и образом Господа нашего, что не будет царство твоим, хотя ты зовешься Константином, но возлюбленному сыну моему Богом оно от прадедов было дано, как многими святыми мужами доказано мне было. Если же попытаешься это сделать, в двери эти голова твоя без тела твоего войдет». Так и произошло.

После его убийства руками мучителя голову его, кровью и пылью испачканную, этими дверями внесли, чтобы отмыть. По случаю мира из Тарса прибыли Авельвакий некий и отец Самоны. И завидев их приближение, царь красотой многой Магнавр украсил. Украсил же и Великую церковь разными устройствами и показал сарацинам все драгоценные сосуды, что является недостойным — христианскую красоту и сосуды богослужения несправедливым иноязычникам показывать.

Отец Самоны хотел с сыном остаться но тот не согласился с этим, и убедил его вернуться домой и держаться своей веры. «Я же, — сказал он, — как только смогу, к тебе приду».

В день же пятидесятницы венчал Лев сына своего Константина руками Евфимия патриарха.

Самона же своего отрока Константина, ранее служившего Василию магистру, передал царице Зое, чтобы ей служил.

Его так полюбили Лев царь и царица Зоя, что Самона позавидовал ему и наговорил на него, что он с царицей бывает.

Приняв это за истину, царь послал людей постричь его черноризцем в монастырь святого Тарасия, самому Самоне поручив это сделать.

Вскоре царь, пожелав его вернуть, повелел Самоне перевести его в монастырь Спира.

И вот царь вышел в Даматрии и, обедая в обители Самоны, увидел Константина и тут же распорядился, и облекли его в одежду мирскую.

И дали в руки кубок царя на обеде, и возвратился с царем во дворец.

Самона же, видя, как растет любовь царя к Константину, грамоту сочинил с великим китонитом и с Михаилом Чиринфинянином (Цирифоном), наговоры на царя содержащую, Родосцем Константином, его Са-

моны писцом эти наговоры сочиненные, которую в митатории, то есть в обитель, бросили.

Когда царь вошел в Великую церковь и в тот митатории зашел, на месте, где молился, это нашел и прочитал, и великая печаль его охватила, и искал сделавшего это.

Случилось же затмение луны. И царь призвал Синнадского митрополита Панталеона, желая узнать о лунном исчезновении. Когда сей вошел в церковь, Самона спросил его: «На кого будет зло?» Он же сказал: «На тебя. И если 13-ый день июня месяца переживешь, с того времени не будет тебе никакого зла». Царю же он сказал, что ко второму лицу бедствие это восходит.

Царь же понял, что на Александре, брате его, сбудется это зло. Потом же Цирифон наедине царю признался, что Самона письмо составил.

Он тут же, сведя Самону в его дом, постриг его черноризцем и отвел его в обитель Евфимия патриарха. Потом же, снова оговоренного, отвел его в обитель Мартинакия.

Константина же сделал паракимоменом и устроил для него обитель в месте, называемом у Преподобных.

И прибыл туда вместе с Евфимием патриархом, и освятил его.

В октябре же месяце произошло морское сражение Имерия логофета с сарацинами Дамианом и Львом. Стратигом же в Самосе был Роман, после этого воцарившийся. Победен же был Имерий и едва спасся, все бывшие с ним погибли.

И разболелся царь болезнью внутренностей, дойдя до последней немощи, так что едва смог во время поста к народу обратиться, сказав так: «Видите меня нездорового и от недуга изнемогшего, верно, уж с вами не пробуду до Христова Воскресения».

И пожар был в Великой церкви, где свечи делают, сгорело и все бумагохранилище, и сама сакела.

А в мае месяце в 11 день во вторник 15 индикта умер Лев царь, Александру, брату своему, царство передав. И увидев его, входящего к нему, как рассказывают, сказал Лев: «Вот злое время грядет после тринадцати месяцев». Он горячо убеждал Александра, прося сына его Константина беречь. При нем в Риме папой был Формоз еретик, который немцев от греческой веры отвратил.

Царство 47-е, Александра, который царствовал в Константиновом граде

После же Льва Мудрого царствовал Александр, брат его, сын Василия, один год и 27 дней, с Константином, сыном Льва.

Он, послав, вернул Николая из Галакрина, а Евфимия свел из патриаршества и на престол вторично посадил Николая.

Собрав собрание боярское в Магнавре, Александр привел Евфимия из Благого и вместе с Николаем низложение Евфимия учинил. Они же сразу, как звери неукротимые, приведя этого боголепного мужа, за честную бороду дергая и в шею пихая, волокли, и иные нестерпимые мучения причиняли, преступником его называя, и якобы к чужой жене приставшим, и прелюбодеем.

Святой же и достойный этот муж все кротко и безмолвно переносил. Изгнанный и отправленный в Агафины, там и конец жизни принявший, он был погребен в Константиновом граде в своей обители в Псамафии.

Ну а Александр, и раньше только и дела имеющий, чтобы вне города пребывать и охотой заниматься, из-за подозрительности брата своего Льва никакого царского дела не совершавший, но в наслаждении и срамных делах любивший проводить время, став единственным правителем, ничего доблестного или достойного упоминания не сделал.

Став единодержцем, он сразу же Иоанна папия, по прозвищу Лазарь, ректором поставил, который зло жизнь окончил уже после смерти Александра. Так же и Гавриловича и Василитца, из словен, он сильно обогатил и из дворца много золота вычерпал. Говорят, что он часто замышлял этого Василитца царем поставить, а Константина, сына Льва, кажником сделать. Замысел же этот разрушен был любившими Льва, говорившими, что он еще молод и слаб духом. При нем звезда огромная явилась с запада, Копейником ее назвали, боясь, что та звезда предзнаменует кровопролитие в Константиновом граде. Ведь этот Александр, обманщикам и волхвам себя предоставив, поверил им, что «стоящий на подрумии медный вепрь дикий — твой знак. Он Льву, твоему брату противится», говорили они, на его свинское житье и неразумие намекая.

А он, ими обманутый, детородный член и отбитые зубы вепря заново перековал. На такие обманы надеясь, он устроил подрумие и, от святых церквей завесы и светильники собрав, подрумие украсил, и Божью честь идолам воздал. Из-за этого и отнялась от него вскорости Божья честь.

А Имерия логофета, возвратившегося после поражения от сарацин, он послал в заточение в дворцовую обитель, называемую Калупа, угрожая ему, потому что Имерий враждовал с ним еще в дни царствования Льва, брата его. Тот после 6 месяцев изгнания умер, злой печалью изведенный.

А князь болгарский Симеон послов к Александру послал о мире, говоря, что любит мир и приветствует его, и почитает, как и при Льве царе.

Александр же, недомыслием и неразумием одержимый, послов без чести отпустил, угрозы послав Симеону, думая устроить его.

Поскольку мир разрушился, Симеон решил оружие на христиан воздвигнуть.

Александр же, на обеде упившись, сошел к крепости, где щенята щенятся, взять щенка.

Оружием же, Богом посланным, уязвлен был; из-за того, что вышло много крови у него носом и ртом, через два дня умер, в месяце июне в 6-ой день в воскресенье 1 индикта, поручителями оставив Николая патриарха, и Иоанна магистра, прозываемого Эллада, и Иоанна ректора, и Евфимия, и Василитца, и Гаврилопула, царство Константину, сыну Льва, передав.

И положили Александра в гробнице царской вместе с отцом его Василием.

Царство 48-е, Константина Багрянородного, сына Льва, в лето 6400

После же Александра царствовал Константин Багрянородный, сын Льва. Когда умер Лев, Константин, отрок семилетнего возраста, Александром, дядей его, в царствовании был оставлен.

Итак, он царствовал при этих поручителях и с матерью Зоей, четвертой женой Льва, 7 лет, вместе с Романом, тестем своим, 20 и 7 лет, самодержцем 15 лет, а всех лет царствования его — 54.

Итак, приняв власть во дворце, патриарх Николай, поскольку и сам был поручителем вместе с магистром Стефаном и Элладой Иоанном магистром, осуществлял общее попечение и заботу о повседневных требованиях царства.

Во время их правления донесено было Константину Дуке, бывшему тогда доместиком схолом, от неких вельмож Константинова града, любящих его как храброго и умного, и способного царством управлять, чтобы вошел и взял власть без труда.

Как некоторые говорят, что Николай патриарх зная, что повелением Александра ему поручена власть, эпистолию лживую взяв, Артавазда, которому священничество пристало, послал к Константину Дуке, повелевая, чтобы как войдет в царство, сразу вошел к Царице. За доставку письма он был назначен первым священником достославной Софии.

Он Артавазд — родитель Андрея, в наше время искусство живописи познавшего в высшей степени, более чем Апеллес и Агафарг, Ираклид и Филин византийцы.

А тот, как и прежде о власти мечтая и вечно венца желая, со всею возможной скоростью к Константинову граду подошел со своими лучшими и многочисленными воинами.

И ночью через малые врата протовестиария Михаила он вошел в находящийся вблизи акрополя дом Григоры, тестя своего, и с приближенными своими провел бессонную ночь.

Никита же, асикрит саном, после этого протонотарием ставший, поведал о приходе Константина патрикию Константину и монаху Элладу. Они оба в ту ночь к Дуке Константину пришли и совещались. И когда еще не настал день, в темноте, с факелами и в окружении множества вооруженных воинов они подошли к воротам подрумия, прославляя Константина как царя. Там его конюший, пронзенный копьем, убит был находящимися внутри ворот подрумия.

Не принятый там, Константин, беснуясь бесом и неукротимо настроенный на желание царства, от подрумия отошел, печальный и скорбный, зломысленным посчитав убийство его конюшего. А оттуда, при славословиях, он подошел к так называемым Медным воротам и, через Железные ворота эту Халку пройдя, до экскувитов дошел.

Ну а магистр Иоанн, называемый Эллада, лучших из гвардии избрав, с оружием послал против Дуки.

И подошли они к Халке, и вступили в бой с восставшими, и много с обеих сторон пало, став делом меча, и столько убито было, что место озером стало, и кровь рекой текла. Убит был Григорий, сын Дуки, и Михаил, племянник его, и Куртикий, из армян.

Узнав об этом, Дука Константин в происходящей суматохе коня погнал. Конь же на мостовой каменной поскользнулся и сверг его на землю. Когда он был сброшен, поднял его кто-то — а остальные все разбежались — мечом голову ему отсек, она же к царю была принесена, явив всем победу без обмана. Таковое начинание Дуки и другим способом рассказывается.

Некий Николай в Халдию послан был подати собирать, этот Николай в Сирию ушел, нашей правой веры отступником став.

Там находясь, он к звездословию или к звездозаконию сильно приобщился. Он на ткани яблочным квасом незаметно написав, послал это логофету Фоме.

Когда это было брошено в воду Мануилом, сарацинским переводчиком, написанные буквы проявились, так говорящие: «Не бойся красного

петуха Дуки, призрачную власть возьмет, безумно и скоро погибнет». Потом же Григора магистр, тесть Константина Дуки, со Львом, которого прозывали Свинобойца, в Божью святую церковь Софии вбежали, их силой оттуда извлекли и постригли в черноризцы в Студийский монастырь.

Константина же, Элладиком называемого, воловьими жилами били, и в рубище одели, и, на осла посадив, через город провели, и, в Далматинский монастырь отведя, затворили их в так называемом осуднике.

А Льва, называемого Катакалитца, и Авессалома, сына Ротанича Аротры, ослепили. Константина же, сына Евлампия, и иных с ним Филофей епарх Пуладичь на круге подрумия мечом зарубил.

Долго искали Никиту асикрита и Константина, прозываемого Ливом, не нашли их, так как они бежали.

Козла же так называемого и находящихся при нем многих и храбрых от столпа так называемой Телицы и до Левката, на деревьях раздвоенных повесили.

И многих находящихся в их власти без милости и без вины так называемые поручители эти избili бы, если бы некоторые из судей от несправедного занятия не отвратили их, сказав им, что «из-за того, что царь — ребенок, такое без повеления его дерзаете творить?»

А жену Дуки, постригши в черноризицы, в дом ее, находившийся в Пафлагонии, отослали, оскопив сына ее Стефана.

Ну, а потом в августе месяце князь Болгарский Симеон с огромным войском войной пошел на греков и подошел к Константинову граду.

И сразу обнес его валом от Влахерн до так называемых Золотых ворот, высокомерно надеясь без труда захватить его.

А когда увидел крепость городских стен, множеством народа и оружия, и каменных блоков защищенных, надежду оставив, к так называемому Евдому вернулся, клятв о мире прося.

А когда поручители на мир с радостью согласились, Самуил послал Феодора магистра своего договориться о мире. Никола же патриарх и Стефан и Иоанн, магистры царя, дошли до Влахерн, и ввели двух сыновей Самуила, и обедали с царем во дворце.

Патриарх же Николай вышел к Симеону, а тот голову наклонил. Патриарх же молитву сотворил, вместо венца свой головной плат на голову его возложил.

Итак, дарами бесчисленными и богатыми одаренные, Симеон и оба его сына в свою страну возвратились, без соглашения о мире разошлись.

А так как царь Константин был еще отроком и свою мать искал, которую удалил из дворца Александр царь, то ее вернули назад. А та, получив царскую власть, ввела во дворец Константина паракимомена и братьев Константина и Анастасия, прозываемых Гонгилии, и по совету Иоанна Эллады возвела родственников Александра царя: Иоанна ректора, так называемого Гаврилича Гаврилопула, и Василитцу, и прочих.

Поставила же царица Зоя Феофилакта Доминика этериархом. А Иоанн магистр по прозвищу Эллада неожиданно в недуг впал и по запрету врачей ушел из дворца и, во Влахерны придя, болезнью изнуренный, умер.

По научению же этериарха Доминика царица Зоя изгнала Николая патриарха с его приближенными, сказав с гневом: «О своей церкви заботься!»

Вскоре же Константин паракимомен оговорил перед царицей Доминика этериарха, что он царство захватывает для своего брата.

И Доминику, под предлогом, что патрикием его сделают, когда он вошел как обычно в церковь помолиться, дома остаться ему повелели.

И назначила Зоя этериархом Иоанна Гарусника, а Дамиана кажника друнгарием стражи. Доминик же, придя в дом свой, сильно горевал.

А так как в это время Симеон Болгарин снова Фракию начал разорять, в заботе была царица и бывшие при власти, как остановить его бахвальство, а Иоанн Вога, думая получить сан патрикия, пообещал: «Наведу на Симеона печенегов».

То, что просил, получив и дары приняв, он в Печенежскую страну отправился. И вот, заложников их взяв, привел их в Константинов град, чтобы соглашение с печенегами составить и, перейдя Дунай, с Симеоном воевать.

Пришел же тогда в Константинтинов град и Асотий, муж, славящийся силой, князь князьям, который, как говорили, железный жезл за оба конца брал и огромной силой сгибал в круг, подчиняя рукам жесткое железо. Пришедшего приняли с большой честью и отпустили назад в свою страну. В сентябре месяце 3 индикта Панкратук армянин отдал Симеону Адрианов град, в древности называвшийся Орестов град — от Ореста, сына Агамемнона, который справедливой ревностью охваченный из-за отца, Клитемнестру с Эгистом к убийству ее приговорил. Разгневавшись сильно, он, в истоках Евра, Арза и Артака, в трех реках искупавшись, тут же от недуга избавился. Там же и город этот создал, своим именем назвав.

Адриан же кесарь, красивыми постройками его возвеличив, в Адрианов град переименовал. Он расположен в трех днях ходьбы для скоро-

хода от Филиппова града, идя вдоль горы Эмо, у истоков трех рек, где собирается дождевая вода.

Через некоторое время посланы были Зоей Василий каниклий и Никита Элладик протоспафарий с большими дарами, и вернули Адрианов град.

И пришел Дамиан Амера к острову, Стровилом называемому, с большой силой на военных кораблях, и захватил бы его, если бы не умер, разболевшись, сарацины же возвратились ни с чем.

А жители Афин и Эллады, постоянно оскорбляемые Хасеем, сыном Иувия, распутства его и ненасытности не стерпев, камнями его жестоко побили в алтаре в Афинской церкви.

Зоя же, видя величание Симеона и его замыслы против христиан, вместе со старейшинами задумала взаимоотношения восстановить с агарянами и мир заключить, чтобы перевести все восточное войско для войны и уничтожения Симеона.

Итак, она послала в Сирию для установления отношений и мира Иоанна Радина патрикия и Михаила Лучника.

Сделав это, они провели обычную раздачу одежды в отрядах; присоединив же их к своим воинам, они вступили во Фракийскую землю. Доместиком был Лев Фока магистр, которому свойственно было скорее мужество, чем руководящий ум.

А Константин, протопоп дворца, по имени Главатец, и Константин, сын Малелия, во Фракии вынесли животворящее и честное дерево, все поклонились и клялись: «Все вместе умрем!», и со всем войском на болгар двинулись.

Начальником экскувитов был Иоанн Писец, а начальником иканатов — сын Марула иканата; Роман же Аргир, и Лев, брат его, и Варда Фока были воеводами, при них были и Мелий с армянами, и все другие воеводы каждый со своим войском.

Был же среди воевод Константин патрикий, Липс прозывавшийся, советник Льва доместика по всем вопросам.

Сражение же между болгарами и греками произошло в месяце августе в 20-й день 5-го индикта у реки, называемой Ахелой.

Так как Божьи суды неиспытаны и неисследованы, обратились в бегство греки со всем войском, и была погибель и страшное рыдание. Одни друга друга топтали, другие же противником порублены, крови же пролитие, какого не было от века.

А Лев доместик, в Месемврию бежавший, спасся. Убиты же были в битве с врагами и Константин Липс, и Иоанн Грапсон Писец, и другие многие из начальников.

Роман же патрикий, бывший тогда друнгарием, послан был со всеми морскими силами к реке, называемой Дунай, на помощь Льву Фоке, а Иоанн, называемый Вога — чтобы привести печенегов, как сказано было. Друнгариию Роману было повелено переправить их на помощь Льву Фоке против болгар.

Роман же и Иоанн Вога затеяли спорить и браниться друг с другом. Видя, как они между собою распрю гонят, печенеги воспротивились и ушли домой.

Когда война окончилась, и возвратились в Константинов град Роман и Вога, она на них перешла и в такую беду друнгария Романа ввела, что суд вынес решение лишить его глаз за небрежность, более того — за злодеяние: не переправив печенегов, он бежал поспешно и спасающихся бегством греков на суда не взял.

И это было бы сделано ему, если бы Константин патрикий, по прозвищу Гонгила, и Стефан магистр, которые пользовались большой милостью царицы, от приговора не отговорили.

Когда болгары победой возгордились и с войною дошли до Константинова града, Лев, domestik схолом, Иоанн этериарх и Николай, сын Дуки, вышли против болгар в страну Фракийскую, в так называемый Катасирт.

А ночью на них неожиданно напали болгары — и domestik бежал, Николай, сын Дуки, убит был и многие другие с ним вместе.

Ну а Феодор, царя Константина воспитатель, видя, что Константин паракимомен на Льва, зятя своего, царство тянет, предложил Константину царю Романа друнгария принять, как бывшего слугу его отца и доброжелательного к нему, чтобы он был с ним и охранял его, и при необходимости был ему соратником и помощником. Много раз об этом говорилось Роману, он же отказывался.

Тогда царь Константин грамоту собственной рукой написал и, подписью укрепив, послал ему. А Роман, поучив это письмо, был вынужден, как и полагается, против паракимомена Константина и родственников его действовать.

Ну и слухи об этом разнеслись, и паракимомен Константин вынуждал Романа отойти со своими кораблями, так как Роман, будучи занят подготовкой и устройством судов, оправдывался тем, что «невозможно мне от града отплыть, так как воины плату не получили», явился Константин паракимомен, чтобы заставить его отойти. Роман же, паракимомену мнимо подчиняясь: «Повеленное с радостью выполняю», — сказал.

Когда же паракимомен, собираясь повернуть назад, спросил у Романа: «Нет ли у тебя мужей видных и благородных, способных грести на

триере царя», Роман сделал знак рукой стоящим наготове, чтобы ближе подошли. И когда они оказались вблизи дромона Романа, тот, находясь позади паракимомена, схватил его руками и закричал: «Возьмите его».

Эти же, тотчас его схватив, на триеру друнгария Романа привели и под стражей держали его паракимомена. И никто не заступился за него, и не пожалел его, ведь приближенные его разбежались.

Узнав об этом, царица Зоя призвала патриарха Николая и вельмож своих и послала их к Роману, желая разузнать о случившемся.

Когда они прибыли, воины камнями отогнали их, и они ушли.

И рано утром Зоя вышла на площадку Вуколеонского дворца и обратилась к сыну и ко всем: «Почему случилось это сопротивление?» Сказал же ей Феодор, наставник царя Константина: «Из-за того это случилось, что Лев Фока погубил греков, а Константин паракимомен — царский дворец».

Царь же принял Николая патриарха и Стефана паракимомена магистра, чтобы находились при нем во дворце, власть себе взяв, от матери отняв.

На следующий день он послал Иоанна по прозвищу Тувакий царицу из дворца свести. Она же с плачем и со слезами сына своего обняла, как любая мать, любовью и лаской движимая, так что царь сказал: «Оставьте ее, пусть останется со мной мать моя».

Царь и патриарх, призвав Иоанна Гарусника, назначили его домашним схолом, боясь, чтобы на восстание не решился Лев Фока, который не соглашался на это, если Феодор, шурин его по прозвищу Зуфинезер, и Симеон, сын его, не будут поставлены этериархами. Клятвы верности от них приняв, он сошел в свои покои.

Они же быстро родственников его из дворца свели. Когда те пришли к нему, он, как увидел их, в трепет пришел и помрачение ума.

Ну и сразу же отправился к Роману и рассказал ему, что с ним произошло, и дружбу скрепил с ним, и поклялись оба иметь одну душу единогласно и единократно, так, что и брак решили создать, еще больше утвердив этим любовный союз.

В 24-й день марта месяца послал Роман Иоанна пресвитера, свояка своего доверенного, и Феодракия, Мацукой прозываемого, во дворец, чтобы они подтвердили, что «не для противоречия было сделанное мною, но из-за злого умысла Фоки и из боязни, что он дерзнет на царя, — поэтому во дворец хочу войти и вести охрану царя».

Так как Николай патриарх не одобрил этого, послал весть Роману Феодор, вышеназванный наставник, прибыть со всем войском в кораблях до Вуколента.

Роман же, посоветовавшись с приближенными, повел его войско в день Благовещения Пренепорочной Девы Богородицы и в четверг в полном вооружении подошел к Вуколенту.

И тотчас Стефан магистр ушел из дворца, Никита же патрикий, сват Романа, войдя во дворец, удалил оттуда Николая патриарха.

Находящиеся же во дворце, заверения в верности от Романа приняв, послали ему Честной и Животворящий Крест Господень.

И он преклонился перед ним и, клятвами уверив их, взошел во дворец в небольшом окружении и поклонился царю. И вошел с ним в церковь у Фары, и дал ему уверения, и сразу же царь поставил его магистром и великим этериархом.

Тогда же вышло грозное повеление к Льву Фоке, гласящее: «Никакого мятежа не замышляй, но немного в собственном доме отдохни».

Повелено было и Константину паракимомену грамоту написать, подобную повелевающую: ничего против не замышлять, но повиноваться царю Константину.

Взяв эти грамоты, Андрей, примикирий царского двора, доставил их ему, когда он в Каппадокии был. И взяв, и прочтя, и удалившись в дом свой, затих.

И в 5-ю неделю святого поста в апреле месяце Константином царем дано было вено брачного соглашения с Еленой, дочерью Романа, которая красотой телесной возвышалась и умом.

И во вторник Пасхальной недели, называемый галилеей, благословил и венчал его с нею Николай патриарх.

Романа он отцом царя назначил, а на место его Христофора, сына его, этериархом поставил.

Через некоторое время Фока магистр по имени Лев, муж отличавшийся ростом и силой, стал воеводой всех. Видя, что Романа Лакапина почитает царь, он говорит, что это Лакапин, отец царя, на восстание его склонил.

И сначала Фока Лев, думая о захвате царства, таился в себе до поры, когда же пришло время, он изверг на свет из чрева злой умысел, как порождение ехидны. Не желая до конца обнажить себя, он обвинял Романа, что Роман, воюя и якобы о царе всячески заботясь и полезное для него делая, подобно злокозненной лисице, этим обманом воинство к себе привлекал.

И воздвигает Фока воинственный полк, и вооружается тяжелой силой отовсюду: от Ликаонии, и из Фракии, и из Колхиды, и из Иверии, и из Памфилии. И собрав полки, как морской песок бесчисленные, мужей храбрых, вооруженных, сильных, мужей ратных, огнем в бранях дышащих, подходит к Хрисополу, напротив Царьграда лежащему, — который если кто небесным градом назовет, не погрешит, — и наполняет поля храбрыми мужами, и по всей земле заблестали копья и засияли шлемы, и щиты отсвечивали, и воздух освещался сулицами. Были там золотые щитники, и лучники, и добрые конники, и одетые в железную броню — убоялись бы и исполины такого войска.

А Роман, отец царя, золотыми печатями утвердил грамоту от лица царя Константина, чтобы от этого заговора отошедшие и Фоку оставили, и к царю перешли.

Передав ее одной женщине, Анне, бесстыдной и блудливой, которую Василикой назвали, и клирику одному, по имени Михаил, в войска Фоки их послал. Они же, взяв ее, тайное распространили по всему миру.

Михаил же схвачен был Фокой, который безжалостно уши его урезал — после этого он достойное от Романа получил вознаграждение, как и с ним посланная жена.

Первым сын Михаила Тяжелого, оставив Фоку, к Роману перешел, положив начало разрушению этого восстания и насилия, а с ним и Валентий, оба турмархи.

А Лев Фока с большим и хорошо вооруженным войском к Хрисополу подошел, расположив полки от каменной Телицы до самого Халкидона, жителей Константинова града устрашая.

Итак, посылает Роман в дромоне Симеона каниклия, с письмом Константина царя ко всему воинству, что «Я хранителем моего царства никого другого, только Романа избрал, бдительного, преданного и верного, которому вручаю мою защиту, с Богом почитаю вместо отца, милосердие отца и расположение родительское ко мне проявившего.

А этот Лев Фока, постоянно против моего царства заговоры умышляющий, ныне же осуществил свой злой замысел и на мою власть восстал войною. Посему отныне domestikом его не признаю, восстание же это объявляю оконченным и собственной волей кладу ему конец, своим царством овладевая».

Когда это было прочитано, все начали отходить и к отцу царя присоединяться, оставив окаянного одного.

А Фока Лев, во многую скорбь и отчаяние впав, так как всякой надежды лишился, пустился бежать, и до крепости Атеус добрался, и не

был там... И когда Леон Фока пришел в село, называемое Голионтово, то был схвачен.

Послал Роман Ивана Тувакия и Леонта, его родственника, чтобы привел его в Константинополь.

Схватив его, угасили ему зенницы и светила очные, ослепив его и помрачив. И ничего им не было сказано о казни, но своею волею это сделали, о чем негодовал отец царя.

В августе месяце стало известно о заговоре Константина Ктиматина, Давида Камулиана и Михаила, смотрителя Манганского дворца. Они были биты, публично опозорены, и через весь город были отправлены в изгнание.

Привели Леонта, магистра и domestика, в Константинополь, который прошествовал при стечении народа, сидя на самке мула.

Царица Зоя, замыслившая Роману приготовить еду с отравой, была взята Фео-клитом нотарием, что входило в его служебные обязанности. Из дворца ее вывели, ввели в монастырь святой Евфимии, и постригли.

Званы же были Феофилактом, патрикием и комитом, на обед приставник царя Константина Феодор и Симеон, брат его.

Когда они ели, вошел Иван, стражный друнгарь, называемый Куркуас, со многими людьми и, схватив их, отправили в изгнание в Опсикий, в их селения, как злоумышляющих против Романа.

Княжение великого князя Владимира Всеволодовича Маномаха в Киеве, внука Ярослава (1122–1133 гг. от В.Х.)

Венчание Владимира Маномаха царским венцом

После кончины великого князя Киевского Святополка Изяславича Владимир Всеволодович Маномах, внук Ярослава, правнук великого Владимира, вошел в Киев. И приняли его киевляне с великой честью.

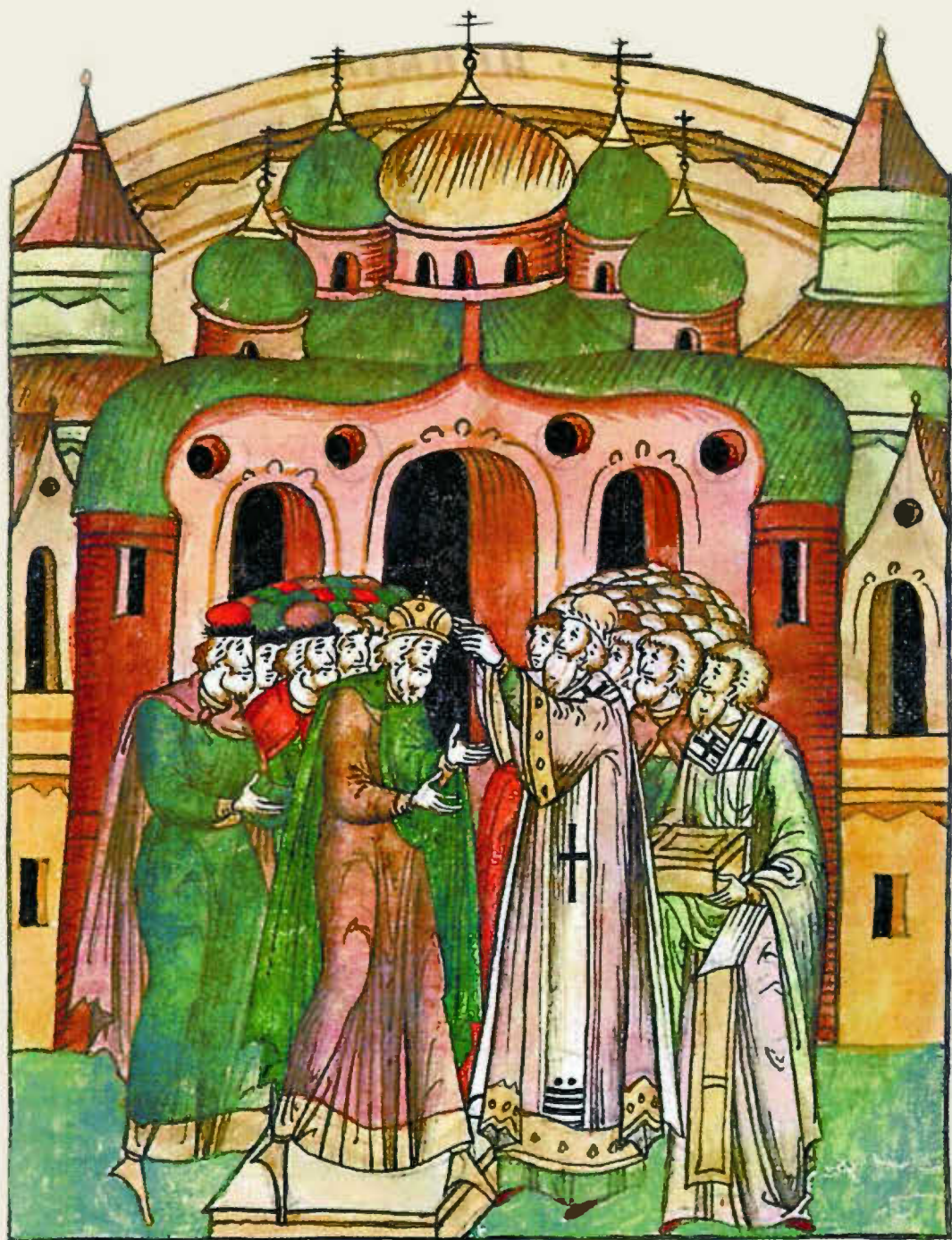
И в воскресенье сел на великом княжении, на престоле отца своего Всеволода в Киеве, месяца марта в 20 день; и люди возрадовались, а мятеж успокоился.

В том же году начал Владимир советоваться со своими боярами, желая идти на Царьград. Бояре отвечали ему: «Сердце цареве в Божиеи руце, а мы есмя в твоєи руце».

И князь великий, собрав войско, отпустил воевод своих на Царьградскую область Фракию; и, захватив добычи довольно, возвратились здоровы восвояси.

Тогда был в Царьграде царь Константин Маномах, и в то время боролся с персами и латынянами;

И послал царь Константин к великому князю Владимиру митрополита Эфесского Неофита, и с ним двух епископов, Митилинского и Митилийского, и стратига — военачальника Антиохийского, и августолия Александрийского, и властителя и наместника Иерусалимского Евстафия; и посылает с ними к великому князю древа Животворящего Креста, и, сняв со своей головы, венец царский, который именуется Маномахова шапка, и сердоликовую крабицу, от которой Август, им-

ператор Римский, веселился, и цепи золотые, и иные многие царские дары.

И пришел Неофит митрополит с епископами к великому князю Владимиру, и начал от царя молить великого князя: «Просит царь от твоего благородия мира и любви, да будут церкви Божий без мятежа, и все православие в покое пребудет, под властью нынешнего нашего царства и твоего великого самодержавства Великой Руси, и да нарицаешься с этого времени: боговенчаный царь. Венчан сим царским венцом рукою святейшего митрополита кир Неофита с епископами». И с того времени князь великий Владимир Всеволодович стал называться Маномехом и царем Великой Руси, и пребывал с царем Константином в мире и любви. И с того времени тем царским венцом венчаются все великие князья Владимирские, когда ставятся на великое княжение.

О епископе Иларионе Меглинском

При этом царе Мануиле Порфирогоните еще была Болгарская страна под властью греческого скипетра; и в ее пределах в городе Меглине был епископ Иларион, о рождении которого благовествовала Богородица, и стал монахом, игуменом и чудотворцем, наполнившим молитвою житницу хлебом.

И потом был поставлен епископом Меглину, городу болгарскому, явлением и повелением святой Богородицы. В нем было множество еретиков; и настолько усилились, дерзая Мануилу царю, что и сам Мануил царь греческий едва не отпал от благочестивой нашей веры, если бы не был укреплен Иларионом в догматах благочестия, и нечестивое это влияние далече от сердца его отогнал, и семена православия в нем усугубил. Царь же об этом Бога благодарил с радостью, и к Божьему архиерею всякое покорение показывал, и дары многие тому посылал.

Святой же Иларион поучал благочестивое стадо православных, следовать повелению, отвращаться же и проклинать нечестивых еретиков: Ария и Савелия, и Македония, и Апполинария, и Оригена, и писаний их, и Федора Мампсуестийского, и Нестория, ученика его, Диоскора, и Севира, и Евтихия, и Манента, и Павла Самосатского, Сергия, и Пира, и Павла, которых следует до конца ненавидеть, по сказанному: «Ненавидящая ли тя Господи возненавидех совершенною ненавистию, и о вразех твоих истаях»; а еще более, этих — манихеев и армян, которых много было в городе.

Прение святаго епископа Илариона Меглинского с манихеями

Некогда святой учил верных, и пришли к нему манихеи, говоря: **Вопрос манихеев.** Почему мы благого Бога называем создателем неба, а

творцом земли и того, что на ней, иного, лукаво мудрствующего, вы же не покоряетесь? **Ответ епископа Илариона.** И ведь говорит Господь: «Отче наш, иже еси на небеси, буди воля твоя, яко на небеси и на земли»; и еще: «исповедаю ти ся Отче, Господи небеси и земли»; Его Господом показал не только небес, но и земли. **Вопрос манихеев.** Почему мы пречистую Богородицу небесным Иерусалимом именуем, и плоть Господа от небес сошедшей называем, и по привидению вочеловечившегося Христа? **Ответ епископа.** От какого вы писания или от пророков научились — Богородицу вышним Иерусалимом называть? Ведь ясно евангелист Матфей говорит: «Исус Христово рождество сице бе: обручене убо бывши матери его Марии Иосифови, преже да иже не снитися има, обретесе имущи во чреве от Духа Свята; и яко по плоти роди Богородица Мария Господа нашего Исуса Христа, сего ради и Спас во Евангелии сына человека себе именует. Также аще бы небесно было тело Христово и нетленно, не бы подлежало человеческим страстем, глаголю же: алчбе и жажде, сну и труду, печали и слезам, и прочим таковым. И аще небесный человек бе, ему же по составу слово соединися, не бы тленен и смертен, и земен; небесный бо жители нетленни суть и безсмертни; и аще с небес снесе плоть, кая же бе ему потреба и от девы воплотитися? Показа же Господь, яко истинно приат нашу плоть от девы, ни привидением, ни мечтанием, якоже вы глаголете. По воскресении рече учеником: осяжите руце мои и нозе, и видите, яко дух плоти и кости не имат, якоже мене видите имуща. Также и не с небесе плоть Господня, якоже апостол являя рече: не от ангел бо когда приемлет, но от семени Авраамля приемлет, отнюдуже должен бе по всему подобитися братии. Се проявленно бысть, яко Христос тленную и мертвену взят плоть от пречистыа Богородицы Мария, и яко не мечтанием воплотися, но истинно человеку плоть приат, сего ради и осмодневно обрезася; и се едино есть доволно показати, яко плоть Христова сродна нашей плоти, а [не] от небесе снесена. Также и евангелисти нигде же не именоваша святую Богородицу вышним Иерусалим; от кого убо вы приасте таковое злочестивое веление?» **Вопрос манихеев.** Мы говорим, что древний Закон был от лукавого, и крест враждебным называем, и потому не поклоняемся ему. **Ответ епископа.** Восстаньте, люди, из лежащего над вами мрака и услышьте: если от лукавого древний Закон, то как же Христос говорит: «Испытайте писание, яко обрящете в них живот вечный?» Писания же имеются в виду Моисеевы и пророческие, ибо тогда еще не было книг новой благодати. А в лукавом законоположении как можно обрести жизнь вечную? И сам ведь Бог перстом написал на скрижалях заповеди Закона и дал Моисею, и Давидом провозгласил: «Внемлите людие мои закон мой». И Христос ведь вопрошающих его к законным

заповедям отсылал, и сам все заповеди совершил древнего Закона; «Не приидох бо, — сказал, — разорити, но исполнити», и его недостатки восполнил, передав Закон и заповеди новой благодати. Крест же как вы враждебным называете и хулите? Услышьте Павла, говорящего: «Мне же да не будет похвалиться, точию о кресте Господа нашего Иисуса Христа»; и еще: «Слово Крестное спасающимся — сила Божия есть». Если сила Божия есть Крест, почему не веруете силе Божией? Крестом ведь ад ниспровергся, и Воскресение нам даровалось, и наследниками Божьими стали. Вы ведь говорили ведь прежде, что все сущее на земле было творением лукавого, и поэтому, о дерзкие, о Господнем теле говорите как о злом начале? И како, рцете ми, лукавому сочетается благое, и како сътръпе Бог благый с лукавым телом мирское содеати спасение, или како то спосади на Отческом престоле?»

На это еретики недоумевали, что отвечать, и умилились, и приняли святое крещение. Увидев это, армяне побии епископа Илариона камнями, и, думая, что он мертв, ушли. Православные же захотели их побить, святой же воспретил им.

Прение святаго Илариона, епископа Меглинского, с армянами

Сказали армяне: «Мы исполняем все предания соборной церкви и говорим: не приинимал Христос единосущную нам плоть, но некую нетленную, и бесстрастную, и тонкую, и несозданную, и небесную». **Ответ епископа.** «Такое утверждение соборная церковь не принимала никогда, ни тем более не передавала. Ведь если и нетленна, и бесстрастна, и небесна была Господня плоть, то бесстрастное ведь не трудится, не спит, не ест, не пьет, ни руками осязается. Господь же показал, что родственную нам плоть принял, тленную и смертную, и ел, и пил, и спал, к тому же и на кресте пригвоздился, и в гроб положился». **Вопрос армян.** Мы говорим: «Та явленная плоть Господа, соединившись с Божеством, стала единым естеством — Христом, и так как и это от соборной церкви приняли, и все иное, непоколебимо следуем». **Ответ епископа.** «Держались ведь предания соборной церкви до четвертого Халкидонского собора; потом же отверглись от соборной церкви, наученные неким Еханием, который и Мантакунием прозван был, и бывшими с ним скверными иереями, принявшими Евтихиево и Диоскорово злословие. Называете Господню плоть бесстрастной и нетленной, и небесной, и соединившейся с Божеством, и ставшей одним естеством — Христом. Услышьте, неразумные, если единое естество в Христе, то это все есть Божество. Христово же естество, от Отца неразлучным будучи, проявлено, как плоть Христова, во время страсти; соединившись с Христовым естеством, неразлучна была от Отца — и ранимая, и пронзенная,

и поистине умершая, и во гробе мертвой и недвижимой лежащая. Таковым вашим злым утверждением прилагаете страсть к безстрастному Христову Божеству, потому же и к Трисвятой песне прилагаете: «Святой, бессмертный, распятый Боже», и явственно изъявляете свое нечестие. Если Христова плоть есть Божество, и бессмертна, и нетленна, и небесна, то как же распят был и на кресте возопил Христос: «Боже, Боже мои! Вскую мя остави?» Если распят был, почему ту Божеством называете? Ведь распялся плотью Господь, а не Божеством, по подобию дерева посекаемого, солнце, дерево освещающее, никак не страдает; также и железо в огне разожженном бито и рассекаемо, огонь же ничуть не страдает. Так и Христово Божество никак не страдало плотью, будучи бито и распинаемо. И если плоть Божеством называете, то явно, что к Божеству страсти прилагаете». На это не могли ответить. **Вопрос армян.** «Как мы опресноки на жертву приносим, потому что хлеб, который Христос дал апостолам, был опресноком, ведь такой в то время нашелся; и одно вино без воды приносим на службу? Вы же не делаете так». **Ответ епископа.** «Пусть, как вы говорите, опресноком был хлеб, который Христос некогда взял из-за нехватки времени, чтобы не прерванным осталось новой благодати таинство. Ученики же его и святые отцы хлеб настоящий, а не бесквасный принесли на жертву. Им же и мы следуем — хлеб на жертву приносим и иное многое, что Христос иначе предал. Апостолы же и их преемники, святители, сделали иначе не как противящиеся Христу, но Духом Божиим все водимы и от него сияние имея, одно упразднили, другое же установили, и распространили со всяким бесстрашием Христовы таинства во славу и величество Его. К тому же, если прилежно посмотрим, то найдем, что не бесквасным был хлеб, который дал Христос ученикам, ибо закон о Пасхе так говорит: в 14 первого месяца с вечера едите бесквасное; Христос же в 13 законную Пасху совершил и Тайную Вечерю предал, в тот день, когда квасным хлебом все причащались. Одно же вино без воды приносите: но, возвещая о Христове естестве, говорит Григорий Богослов, что кровь и вода, от ребра изливаемые, являют: одно — человека, другое же — большее человека. Об этом свидетельствуют брат Божий Иаков и Марк евангелист в своих литургиях, оба говоря так: принял чашу и влил вино и воду, и, благодарив и благословив, дал им и сказал: пейте из нее, это есть кровь моя. Всем этим ведь Бог, как провидец, что хотел из ребер источить, так предал ученикам. К тому же о кресте: из какого бы ни был вещества, не ранее его почитаете, пока не крестите того как человека и не вонзите гвозди посреди него, и не помажете его кровью жертвенною. Сами рукою творя крест на челе, и на крещении, и в священных службах, этим надеетесь освящать себя. Если воображаемый рукою крест

освящает все, на что полагается, — скажем, воду крещения, и масло, и миро, и лица человеческие у верующих, и хлеб таинства, и священную чашу, и иное все, то как же из вещества изображаемый крест, словно скверный и мерзкий, крещением и веществом, и кровью от вас освящается? Но ведь когда Христос пригвоздился на нем плотью, то освятил его своею кровью, и образ его как освящение всем верным показал: раньше людей убивал, ныне же — бесов, людям же вечную жизнь даровал. К тому же как смеете, три креста деревянных сотворя и собрав их вместе, святой Троицей именовать их, бестрепетно творить образ блаженной Троицы, единья, несозданныя и неисчислимыя?» **Вопрос епископа.** «Чего ради поститесь постом Арцивуриевым?» **Ответ армян.** «В память о Сергии некоем, армянине, в нашей стране пострадавшем, таковым постимся постом». **Ответ епископа.** «Как вы, злославные, можете доказать, что Сергей тот был православным и пострадал ради Христа?» **Ответ армян.** Они же, принуждаемые, говорили, что Ниневитский есть пост, ложно говоря; потом сказали «Адамов»; потом говорили: «Армянский, когда хотели креститься»; потом: «Константина Великого пост».

Ответ епископа. Святой же, обличив их ложь от Писания, сказал им: «О, несмысленные и косные сердцем, чтобы веровать истинно; я вам скажу то, что и сами хорошо знаете; что некий Сергей, армянской ереси бывший учитель, имел пса, называемого Арцивурций; был же вестником прежденазванному Сергию, приход которого возвещал бесовским действием, когда хотел придти в некий город или село, где жили ученики его и причастники его пагубы; когда видели прежденазванного пса, за один день выходили навстречу учителю. Однажды пес послан был на таковую скверную службу и был съеден волками; на другой день пришел Сергей, и не встретили его; и придя к ним, узнал, что не пришел к ним предтеча его, и очень опечалился, и послал на розыски его, и нашли только кости его. И из-за того повелел всем армянам поститься и сожалеть о гибели его в определенные дни года, и назвал пост Арцивурцевым. Этому уставу последовав, пост этот соблюдаете». Они же были объаты большим стыдом, и многие из них, раскаявшись в своей ереси, вернулись к соборной церкви.

Услышав об этом, благочестивый царь Мануил весьма возрадовался и написал к нему, чтобы и Богомилскую ересь до конца из стада Христова вычистил, а тех, которые не хотят вернуться к соборной церкви, в изгнание послать. Также и манихеев, и армян непокоряющихся, всех святой в изгнание послал и в заточения различные; уверовавших же причислил к своему стаду. И на месте, где соборы творили прежденазванные еретики, сотворил там церковь во имя Святых апостолов, и монастырь поставил, и множество иноков собрал, и всем необходимым

обеспечил. И украсил церковь, чья красота многих удивляет и на славославие Божие подвигает, и законы инокам передал, и правила.

Предвидя же свое преставление, поставил им игуменом ученика своего Петра и отошел к Господу. И положили его в его монастыре. Когда же минуло много времени, начали некоторые противиться игумену Петру, уклоняясь к древним своим обычаям, вводя раздоры и ереси.

Святой же Иларион предстал им во сне, и жезлом многих из них ранил, других же смерти предал. Наутро те, которые были ранены, страдали, тех же, кого предал смерти, нашли мертвыми; чтобы другие не переняли от тех смертоносного яда. Прочие же монахи, страхом убоявшись, пребывали в покорении, сохраняя правила святого.

Царским же и архиерейским судом по прошествии многого времени честные его мощи изъяты были из земли и положены были в церкви. И видели словно два источника мира благовоного, из его очей исходящие.

Потом, когда греческая держава оскудела, у болгар был царь Калуян, принявший под свою власть многие греческие города, Фракию, и Македонию, и Тривалы, и Далмацию; и, прослышав о чудесах святого Илариона, перенес честные его мощи в стольный свой город Тырнов, творящие многие чудеса во славу Богу.

В 6623 году

Освящена была церковь каменная в Вышеграде, месяца мая в первый день, в субботу. Во второй день того же месяца перенесли все братья, русские князья, мощи святых страстотерпцев Бориса и Глеба в каменную церковь; и повелел Владимир Маномах бросать народу, сильно налегавшему, паволоки, драгоценные ткани, замшу и беличьи шкурки, чтобы легко дойти до церкви, и в четвертый день поставили их в каменном гробе на месте.

В том же году преставился князь Олег Святославич, месяца августа в 18 день. В том же году заложил Воигост церковь святого Феодора Тирона между двух улиц в Новгороде.

В том же году Владимир Маномах устроил мост через Днепр. В том же году Владимир пошел к городу Минску.

Месяца января в 18 день взяли град Друцк дети его, а сам стоял у города Минска.

В 6624 году

Я, грешный инок Селивестр игумен святого Михаила, написал книгу эту, называемую греческим языком Гранограф, русским же языком

переводите Временник, то есть Летописец, в священноначальства господина Никифора, митрополита Киевского и всея Руси, во обладание державой Киевской православного благочестивого великого князя Владимира Маномеха, сына Всеволода, внука Ярослава, правнука великого и равноапостольного святого Владимира, нареченного в святом крещении Василием, крестившего всю Русскую землю. Писал же все это ради любви к Господу Богу и пречистой Богородице, и его святых, и ради своего отечества — Русской земли, во спасение и на пользу всем. И молю всех, читающих книги эти, да помолются обо мне в святых своих молитвах, да услышу от Господа Бога сладостный и радостный голос в день Суда великого, и избавлен буду от бесконечных мучений, и обещанные блага от Господа получу молитвами пречистыя Богородицы и всех святых. Аминь.

В том же году пошел Мстислав Владимирович из Новгорода с новгородцами на чудь и взял город Медвежию Голову на 40 мучеников.

В том же году заложил Мстислав в Новгороде городскую стену больше прежней, а Павел, посадник новгородский, заложил в Ладоге град каменный.

В 6625 году

Ярополк Владимирович срубил город и дал дручанам, которых полонил. В том же году преставился Мина, епископ Полоцкий, месяца июля в 20 день.

В том же году Леон Диогеневич, зять Владимира, пошел на царя Алексея; и дали ему несколько городов дунайских, и в Дерестре, городе дунайском, хитростью убили его два сарацина, посланные царем, месяца августа в 15 день.

В том же году Ярополк ходил на Половецкую землю к реке, называемой Дон, и взял там большой полон, и взял три города половецких: Балин, Чешлюев, Юсогров, и привел с собою ясов, и жену полонил себе ясыню, в том же году преставился Олег Святославич. В том же году Владимир Всеволодович заложил церковь каменную на Альте святых мучеников Бориса и Глеба, ибо там они убиты были.

В том же году вывел Владимир Маномех сына своего Мстислава из Новгорода и посадил его в Белгороде, а в Новгороде сел Всеволод Мстиславич.

В том же году было знамение в Новгороде у святой Софии от грома: месяца мая в 14, в час десятый, когда пели вечерню, один из дьяконов поражен был громом, а клирос весь и люди пали ниц, но встали живыми; а вечером было знамение на луне.

В том же году в Новгороде заложил игумен Антоний монастырь и церковь каменную святой Богородицы. В том же году преставился Добрыня, посадник Новгородский.

В 6626 году

Ходил Владимир на Ярослава Святополчича к городу Владимиру, и помирился с ним; и отошел Владимир от него, сильно выбравив его, ибо Ярославец негодовал на внучку его, дочь Мстислава.

В том же году преставился епископ Переяславский Лазарь месяца сентября в 16, а на его место Никифор, митрополит Киевский и всея Руси, поставил епископа Селивестра, месяца января в первый день.

В том же году Владимир Маномах женил сына свое Андрея, взял за него внучку Туркана, князя половецкого.

В 6627 году

Ярославец Святополчич отослал от себя жену свою, дочь Мстислава, внучку Владимира; и за это пошел на него Владимир Маномах к Владимиру; он же убежал в Венгрию, а воины его отступились от него.

Владимир же послал сына своего Романа во Владимир княжить; он же преставился там месяца января в 15 день. И послал Владимир Маномах другого сына своего, Андрея, во Владимир княжить.

В том же году преставился Глеб Всеславич. В том же году заложили игумен Кириак и князь Всеволод Мстиславич церковь каменную святого мученика Георгия в монастыре в Новгороде Великом.

В том же году свершена была в Антониеве монастыре в Новгороде церковь пресвятой Богородицы.

В 6628 году

Ярослав ходил на половцев за Дон и, не найдя их, возвратился назад.

А Георгий Долгорукий, брат его, ходил на болгар, и взял многий полон, и войско их победил.

В том же году бежали торки и берендеи из Русской земли; и так метались здесь и там, и погибли.

В том же году пришел Борис из Киева посадничать в Новгород.

В 6629 году

Преставился митрополит Никифор Киевский и всея Руси в месяце апреле.

В 6630 году

Было знамение на солнце месяца марта в десятый день; и на луне было знамение того же месяца в 20 день.

В том же году преставилась княгиня Мстиславова, месяца января в 12 день. В том же году преставился епископ Юрьевский Даниил, месяца сентября в 9 день. В том же году пришел митрополит из Царьграда в святыю Софию, именем Никита, на Киев и на всю Русь.

В том же году преставился Амфилохий, епископ Владимирский; и земля немного тряслась. В том же году захватили поляки Володаря, Василькова брата.

В том же году женился Мстислав Владимирович в Новгороде у Дмитрия у Завидовича.

В 6631 году

Преставился блаженный Селивестр, епископ Переяславский, месяца апреля в 12 день, в Великий четверг.

В том же году преставился князь Давид Мстиславич в Чернигове; и после него сел в Чернигове князь Ярослав, брат его.

В том же году Никита, митрополит Киевский и всея Руси, поставил епископом Семиона во Владимир Волынский. В том же году преставился Феоктист, епископ Черниговский, месяца августа в шестой день.

В том же году пришел князь Ярославец, сын Святополка, внук Изяслава, правнук Ярослава, праправнук великого Владимира, к городу Владимиру на князя Андрея, сына Владимира Маномеха, внука Всеволода, правнука Ярослава, праправнука великого Владимира, со множеством воинов, с венграми и с поляками, и с чехами, и пинянами, а с ростиславцами Володарь и Василько; и обступили с множеством войска князя Андрея в городе Владимире.

Князь же Андрей Владимирович затворился в городе Владимире и бился с ними крепко; а отец его Владимир Маномех собирал воинов в Киеве и не успел быстро помощь ему послать из Киева.

Князь же Ярославец ездил около города Владимира и сильно угрожал князю Андрею и горожанам, что «завтра город ваш возьму и вас всех без милости замучаю».

И утром, когда восходило солнце, многие воины начали снаряжаться к городу, князь же Ярославец, не дожидая своей дружины, в сопровождении двух воинов пошел к городу.

А горожане, выйдя из города той ночью, утаились на спуске возле дороги, по которой должен идти князь Ярославец; и когда проходил

мимо них князь Ярославец, внезапно быстро выскочили и пронзили его копьем.

Дружина же его прискакала вслед за ним и взяла его, едва дышащего, при смерти; и внесли его в шатер, и там он вскоре умер. Сошлись же все воины его безчисленные: венгры, чехи, поляки, пиняне, ростиславцы Володарь с Васильком, и много плакали над ним.

Также послали в город Владимир ко князю Андрею Владимировичу Маномашу, говоря: «Князь Ярославец, сродник твой, искал стола своего, города Владимира, и нас привел к себе на помощь; и вот, ныне лежит мертвым, а нам нет смысла сражаться ни с кем же».

Князь же Андрей Владимирович, услышав это, возрадовался и сотворил с ними мир, и воздал им честь великую и дары многие. И погребли князя Ярославца в городе Владимире, которого он добивался, желая живым жить в нем, а внезапно положен был в нем мертвым.

Писано ведь: «Ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу, и яко от Бога возможна вся, а от человек ничтоже». Князь же Андрей Владимирович Маномаш утвердился в княжении в городе Владимире, а все воинство князя Ярославца разошлось восвояси.

В том же году упала в Переяславле церковь каменная святого Михаила в десятый день месяца мая, в субботу, перед вечернею, которую создал и украсил преблаженный Ефрем, митрополит Киевский и всяя Руси, в Переяславле в своем городе.

В том же году ходил Всеволод Мстиславич из Новгорода с новгородцами на емь и победили их; но труден был путь, покупали по ногате хлеб. В том же году женился Всеволод Мстиславич в Новгороде.

В том же году преосвященный Никита, митрополит Киевский и всяя Руси, в своем городе в Синельнице затворил в темнице злого еретика Дмитра.

В 6632 году

Был пожар великий в Киеве, такой, что погорел чуть ли не весь за два дня; и по Подолию погорело, так что церквей одних сгорело почти семьсот; случилось это месяца июня в 23 день и в 24 день, на Рождество Иоанна Предтечи.

В том же году было знамение на солнце: августа в 11 день, в девятый час дня, перед вечернею, начало убывать солнце и стало как месяц малый, и смерклось пополудни, и исчезло все, и настала тьма и великий страх, и звезды были, и месяц; и вновь начало прибывать солнце быстро, и наполнилось, и рады были все.

В том же году преставились князь Володарь Ростиславич и князь Василько Ростиславич, брат его, месяца февраля 28-го. В том же году преставилась княгиня Ярополка.

В 6633 году

Месяца мая в 19 день, преставился благоверный великий князь Владимир Маномах, сын Всеволода, внук Ярослава, правнук великого Владимира; княжил в Киеве 13 лет, а жил всех лет от рождения своего 73, украшен был добрыми нравами и прославился в победах за Русскую землю с погаными половцами, от его имени все страны трепетали, и по всем землям прошел слух о нем, потому что он всею душой возлюбил Господа Бога. Но и мы мним себя любящими Бога, а дел его не творим; но если постараемся заповеди его сохранять, тогда явимся Бога любящими; любяи бо Мя, — сказал Господь, — заповеди моя сохранит».

Сей же чудный князь Владимир Маномах усердно хранил Божьи заповеди и страх Его постоянно имел в сердце, и слова Его, говорящие: «О сем познают вас вси, яко мои ученицы есте, аще любите друг друга; и любите враги ваша, и добро творите ненавидящим вас, и молитесь за творящая вам напасти». Поэтому всех врагов его предал ему Господь Бог в руки его, потому что не возносился, не гордился, но на Бога возлагал все, и Бог покорял под ноги его всех врагов его.

Он же, заповедь Божию храня, добро творил врагам своим и отпускал их одаренными. Милостив же был сверх меры, поминая слово Господне, говорящее: «Блажени милостивии, яко ти помиловани будут; блажен разумевай на нища и убога, в день лют избавит и Господь». Поэтому, не щадя имущества своего, раздавал требующим.

И церкви, и монастыри создавал и украшал, чтил священнический и иноческий чин, и довольство всяческое давал им на потребу. И веру великую имел к сродникам своим, к святым мученикам Роману и Давыду, и церковь прекрасную создал на Альте во имя их, где святого Бориса кровь пролита была.

Жалостлив же был очень и дар сей от Бога принял: когда в церковь входил и слышал пение и чтение, умом крепко в пении и чтении стоял, и умилялся, и слезы испускал; потому и Господь Бог все прошения его совершал, и исполнил жизнь его в добродетели.

Преставился же на Альте, у любимой его церкви, которую сам создал старанием многим. Все же сыновья его: Мстислав, Изяслав, Святослав, Ярополк, Вячеслав, Роман, Юрий, Андрей и бояре его понесли его к Киеву, и положен был в церкви святой Софии, возле отца своего.

Оглавление

Земная жизнь Иисуса Христа	3
Иудейская война. Иосиф Флавий	60
Рим. Византия (78–345 гг. от В.Х.). Книга 1	254
Рим. Византия (345–463 гг. от В.Х.). Книга 2	325
Византия (463–586 гг. от В.Х.). Книга 1	379
Византия (586–805 гг. от В.Х.). Книга 2	438
Византия (805–875 гг. от В.Х.). Книга 3	502
Византия (875–928 гг. от В.Х.). Книга 4	555
Царствование Владимира Маномаха (1122–1133 гг. от В.Х.)	590

(продолжение следует)

Общество любителей древней письменности

Лицевой летописный свод — источник правды

Лицевой летописный свод был создан в XVII веке по приказу русского царя Ивана Грозного для обучения царских детей. Возглавил работу по составлению данного Свода образованнейший человек своего времени — Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси. Над составлением Свода трудились лучшие писцы и иконописцы столицы.

То, что ими исполнено: собрание всех достоверно известных источников от Священного писания (текст Септуагинты) до истории Александра Македонского и сочинений Иосифа Флавия — вся писаная история человечества от сотворения мира до XVII века включительно. Все времена и все народы, имевшие письменность отражены в десятках книг этого собрания. Подобного летописного собрания, украшенного огромным количеством высокохудожественных иллюстраций, не создавала ни одна цивилизация человечества: ни Европа, ни Азия, ни Америка либо Африка.

Судьба самого русского царя и его детей сложилась трагически. Лицевой летописный свод царевичам не пригодился. По прочтении Лицевого свода, часть из которого посвящена периоду Грозного, становится понятным — почему.

За последующие сотни лет появилась официальная историография, зачастую конъюнктурная и политически ангажированная, и потому достоверные летописные источники были обречены на уничтожение либо исправление, то есть фальсификацию. Лицевой летописный свод пережил эти столетия благодаря тому, что после смерти Ивана Грозного в период слепоты и безвременья этот фолиант стал вожаделанным объектом для «просвещенных» bibliофилов. Его фрагменты растащили по своим библиотекам влиятельнейшие вельможи своего времени: Остерман, Шереметев, Голицын и другие. Ведь и тогда сановные коллекционеры понимали, что такому фолианту с шестнадцатую тысячами миниатюр цены нет. Так и дожил Свод до революции и был грудями свален в нескольких музеях и хранилищах.

Уже в наши дни усилиями энтузиастов разрозненные книги и листы были собраны воедино из разных хранилищ. А возрожденное Общество любителей древней письменности сделало данный шедевр доступным для всех. Не имеющий аналогов исторический источник, теперь смогут бесплатно получать многие крупные учебные заведения мира, национальные библиотеки разных стран и, конечно, наши соотечественники для воспитания детей на этом сокровище опыта и мудрости тысячелетий.

Такими удивительным образом тот труд, который делался для царских детей пятьсот лет назад достался нашим детям, дорогие современники, с чем мы вас от всего сердца и поздравляем!

Примечание: 1. Представленный вам том — текст лицевого свода только на современном языке. С иллюстрациями и древним текстом вы можете ознакомиться на сайте Общества либо получить факсимильные издания в дар по приезду в Слободу (карта проезда — на сайте Общества).

2. Год выпуска тома указан без учета Петровской реформы летоисчисления 1708 года. Сохранено традиционное летоисчисление исходя из года Воплощения и Рождества Иисуса Христа — 5500 год от сотворения мира.

Уважаемые читатели!

В этот небольшой томик вошли тексты сразу нескольких томов Лицевого летописного свода Ивана Грозного. Надеемся, что компактный вариант повествования только на современном языке облегчит и ускорит выполнение важнейшей для каждого человека задачи — самообразования.

Позвольте от вашего имени поблагодарить благодетелей, усилиями которых появился на свет этот Учебник истории: Николая Петровича Токарева, Анатолия Борисовича Яновского и Константина Анатольевича Бабкина.

Желаю вам и вашим детям увлекательного и полезного чтения.

Слава Иисусу Христу!

Председатель правления ОАДП

Герман Стерлигов

Транснефть

**ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ
ПИСЬМЕННОСТИ**

УЧЕБНИК ИСТОРИИ

события, происшедшие
от смерти Александра Македонского
до преставления первого русского
царя Владимира Маномеха

Лицевой летописный свод царя Ивана Грозного

© Благотворительный фонд содействия развитию культуры
«Общество любителей древней письменности»

ООО «Принтхаус». Зак. 420. Тираж 10 000 экз.

Москва, в лето 2022 ѿ Въплъщения Хва